

63.3(2)
И 907

ИСТОРИЯ РЕСПУБЛИКИ АЛТАЙ

ТОМ II

ГОРНЫЙ АЛТАЙ В СОСТАВЕ
РОССИЙСКОГО ГОСУДАРСТВА

АЛТАЙ

1916

АСЕЙ

—582680—

Министерство образования, науки и молодежной политики
Республики Алтай

Государственное научное учреждение Республики Алтай
«Научно-исследовательский институт алтаистики им. С.С. Суразакова»

Алтай республиканын үредү, билим ле јашөскүрим политикалык
министерствозы

Алтай Республиканын эл билим тözөмөли

«С.С. Суразаковтын адыла адалган алтаистиканын билим-шинжүлик институты»

ИСТОРИЯ РЕСПУБЛИКИ АЛТАЙ

ТОМ II

ГОРНЫЙ АЛТАЙ В СОСТАВЕ РОССИЙСКОГО
ГОСУДАРСТВА (1756–1916 гг.)

АЛТАЙ РЕСПУБЛИКАНЫН ТҮҮКИЗИ

II ТОМ

ТУУЛУ АЛТАЙ АРАСЕЙ ЭЛ-ТЕРГЕЕЗИНДЕ
(1756–1916 jj.)

Горно-Алтайск, 2010

..... 5

..... 26

..... 35

..... 40

..... 43

..... 61

..... 61

..... 64

..... 76

..... 79

..... 81

..... 87

..... 99

..... 99

... 101

... 105

... 105

... 114

... 119

.. 125

.. 125

.. 131

.. 140

.. 145

.. 148

.. 154

.. 154

.. 160

.. 165

.. 170

.. 183

.. 194

.. 194

.. 200

УДК 391 /395 + 94 (571.15)
ББК ~~К 63.5~~ + К 63.3 (2'Рос.Алт)
И 907

Утверждено к печати Ученым советом ГНУ РА «Научно-исследовательский институт алтаистики им. С.С. Суразакова»

Редколлегия:

Н.В. Екеев (канд. ист. наук), *Н.М. Екеева* (канд. ист. наук),
З.С. Казагачева (д-р филол. наук), *Н.А. Майдунова* (канд. ист. наук)

Ответственный редактор *Н.В. Екеев*

582680

Национальная
библиотека
Республики Алтай
им. М.В. Чевалкова

Рецензенты:

д-р ист. наук, проф. *Н.В. Абаев*
д-р ист. наук *Б.Р. Зориктуев*
д-р ист. наук, проф. *Е.Е. Ямаева*

Редактор текста

канд. филол. наук *О.В. Новикова*

Научное исследование выполнено в рамках Ведомственно-целевой программы НИИ алтаистики им. С.С. Суразакова «Этнокультурное наследие народов Республики Алтай – основа устойчивого развития региона» (на 2008–2010 гг.).

Издание осуществлено на средства республиканского бюджета в рамках финансирования научно-исследовательских проектов 2010 г.

История Республики Алтай. Том II. Горный Алтай в составе Российского государства (1756–1916 гг.) / НИИ алтаистики им. С.С. Суразакова; редколл. Н.В. Екеев (отв. ред.), Н.М. Екеева, З.С. Казагачева, Н.А. Майдунова. – Горно-Алтайск: ОАО «Горно-Алтайская типография», 2010. – 472 с.

ISBN 978-5-93809-029-3

В книге рассмотрены в хронологической последовательности проблемы истории Горного Алтая с 1756 по 1916 гг. Основное внимание уделяется анализу процесса присоединения Горного Алтая к Российскому государству, изменений в административном устройстве и местном управлении, численности и состава населения, землевладения и землепользования, развития сельского хозяйства, промыслов и культуры населения региона.

Для историков, этнографов и всех интересующихся историей и культурой народов Алтая и Сибири.

ISBN 978-5-93809-029-3

- © ГНУ РА «Научно-исследовательский институт алтаистики им. С.С. Суразакова»
- © Коллектив авторов
- © Оформление и дизайн ОАО «Горно-Алтайская типография»

12. 10. 2011

СОДЕРЖАНИЕ

ВВЕДЕНИЕ	5
ГЛАВА I. ПРИСОЕДИНЕНИЕ ГОРНОГО АЛТАЯ К РОССИИ	
1.1. Международное положение в 1755–1756 гг.	26
1.2. Принятие алтайцами российского подданства.	35
1.3. Переселение в Нижнее Поволжье.	40
1.4. Обстановка в Горном Алтае (конец 1750-х и 1760-е гг.)	43
ГЛАВА II. ГОРНЫЙ АЛТАЙ ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ XVIII – XIX ВВ.	
2.1. Система местного управления	61
2.1.1 Местное управление во 2-й половине XVIII – начале XIX вв.	61
2.1.2 Реформа М.М. Сперанского	64
2.1.3 Управление русским крестьянством	76
2.1.4 Присоединение чуйских волостей к России	79
2.1.5 Подати и повинности	81
2.2. Социально-демографическая характеристика населения	87
2.3. Освоение территории Горного Алтая	99
2.3.1 Начало освоения русскими людьми территории Горного Алтая	99
2.3.2 Переселенческая политика во 2-й половине XIX в.	101
2.4. Землевладение и землепользование	105
2.4.1 Землевладение	105
2.4.2 Землепользование полукочевого населения	114
2.4.3 Землепользование оседлого населения	119
2.5. Социально-экономическое развитие Горного Алтая	125
2.5.1 Развитие скотоводства	125
2.5.2 Развитие земледелия	131
2.5.3 Охота и собирательство. Кустарные ремесла	140
2.5.4 Торговля и обмен	145
2.5.5 Социальное и имущественное расслоение населения	148
ГЛАВА III. ГОРНЫЙ АЛТАЙ В КОНЦЕ XIX – НАЧАЛЕ XX ВВ.	
3.1. Административные преобразования и изменение системы местного управления	154
3.1.1 Система местного управления в конце XIX в.	154
3.1.2 Подготовка и обсуждение проекта административной реформы	160
3.1.3 Реализация реформы	165
3.2. Социально-демографические изменения	170
3.3. Аграрная реформа	183
3.4. Социально-экономическое развитие региона	194
3.4.1 Развитие скотоводства	194
3.4.2 Развитие земледелия	200

3.4.3 Состояние промыслов и кустарных ремесел	205
3.4.4 Местная торговля	211
3.4.5 Международная торговля по Чуйскому тракту	213
3.4.6 Геологоразведочные работы. Развитие золотодобывающего дела	216
3.4.7 Имущественное и социальное расслоение населения	219
3.5. Общественное движение	224
3.5.1 Выступления алтайского населения и русских крестьян	224
3.5.2 Движение бурханистов	231
3.5.3 Сопротивление административной реформе	236
3.5.4 Выступление против мобилизации на военно- тыловые работы в 1916 г.	237
ГЛАВА IV. КУЛЬТУРА НАСЕЛЕНИЯ ГОРНОГО АЛТАЯ (XIX – НАЧАЛО XX ВВ.)	
4.1. Традиционная материальная культура алтайцев	242
4.1.1 Поселения	242
4.1.2 Жилища	244
4.1.3 Традиции питания	249
4.1.4 Одежда и украшения	256
4.1.5 Декоративно-прикладное искусство	268
4.2. Семья и семейные традиции.	
Духовная культура алтайцев	305
4.2.1 Семья и семейный быт	305
4.2.2 Народные игры, состязания, музыка и танцы	311
4.2.3 Календарь и календарная обрядность	315
4.2.4 Устное народное творчество	320
4.2.5 Шаманизм	324
4.2.6 Бурханизм	328
4.2.7 Христианство у алтайцев	335
4.3. Культура русского населения	337
4.4. Становление образования в Горном Алтае	361
4.4.1 Развитие сети школ	361
4.4.2 Учительские кадры	370
4.5. Зарождение профессиональной литературы и искусства алтайцев	375
4.5.1 Формирование новой алтайской письменности	375
4.5.2 Чевалков М.В. – основоположник алтайской литературы	376
4.5.3 Чорос-Гуркин Г.И. – основатель профессионального изобразительного искусства	379
4.6. Изучение территории и населения Горного Алтая	385
ЗАКЛЮЧЕНИЕ	400
СОКРАЩЕНИЯ	415
СЛОВАРИ	417
УКАЗАТЕЛИ	430
БИБЛИОГРАФИЯ	444

Введение

Настоящее исследование является продолжением первого тома «Истории Республики Алтай». В нем рассматриваются проблемы присоединения Горного Алтая к Российскому государству и его дальнейшего социально-экономического и культурного развития во второй половине XVIII – начале XX вв. В общественно-формационном аспекте – это время позднего феодализма и период капитализма. История Горного Алтая рассматриваемого времени представляет неразрывную часть истории нашего Отечества – России. Вполне закономерно, что она находится в поле зрения российской исторической науки. Работы, подобные настоящей, несомненно, представляют научную, культурную и политическую значимость, ибо развитие каждого российского региона на современном этапе невозможно понять без изучения его исторического прошлого.

Объектом изучения авторов тома стали, прежде всего, алтайцы – коренные жители Горного Алтая, которые во второй половине XVIII – начале XIX вв. относились к сословию «ясачного» населения, а после реформы 1822 г. – «инородческого» населения Сибири. Обращается внимание и на русское население, преобладающая часть которого до реформы 1861 г. относилась к приписному крестьянству, а затем – к крестьянам-общинникам.

Авторский коллектив поставил своей целью обобщить накопленные исторической наукой знания и провести комплексное исследование проблем истории Горного Алтая указанного времени. Это предполагало, прежде всего, изучение правовых норм и административной практики царского правительства, местного (волостного, сельского) управления алтайцев и русских крестьян. При написании тома учитывалась естественно-географическая среда и этнодемографическая обстановка в Горном Алтае. Изучение истории региона невозможно без анализа изменений в поземельных отношениях (землевладении, землепользовании), сельском хозяйстве, промыслах, кустарных ремеслах и торговле, а также социально-имущественного расслоения алтайского и русского населения региона под влиянием развития товарно-рыночных, капиталистических отношений в Сибири и России в целом. Для уяснения перемен в образе жизни коренных

жителей Горного Алтая потребовалось освещение различных сторон их материальной культуры (поселения, жилища, питания, одежды, украшений, декоративно-прикладного искусства), религии и других нематериальных аспектов традиционной культуры, а также исследование процесса зарождения у них народного образования, профессиональной литературы и искусства.

Несколько поколений ученых собирали сведения, отложившиеся в архивных фондах, исторических хрониках, печатных изданиях, а также в фольклоре и традиционной культуре алтайцев, чтобы восстановить общую канву исторических событий, проследить развитие хозяйства, культуры алтайцев за российский период их истории и, в целом, особенности социально-экономического развития Горного Алтая интересующего времени.

Досоветская историография. Изучение истории Горного Алтая как составной части историографии Сибири ведется на протяжении более двух столетий. В XVIII в. после создания Российской Академии наук и Московского университета научные и правительственные учреждения России обращали пристальное внимание на историю Сибири. В результате академических экспедиций достоянием зарождающейся российской исторической науки становится огромный пласт архивных источников по истории освоения края, а наблюдения ученых-путешественников до сих пор не утратили научной значимости. Первым исследователем, пытавшимся создать научную концепцию истории освоения Сибири, был Г.Ф. Миллер. Его теория правительственной колонизации Сибири долго преобладала в сибиреведении. В XIX столетии в историографии Сибири зарождаются новые идеи, а источниковедение пополняется новыми источниками. В первую очередь, это связано с публикациями Г.И. Спасского в периодических изданиях – «Сибирском вестнике», «Азиатском вестнике». Архивные и летописные источники по сибирской истории публиковались в трудах «Общества истории и древностей российских», в «Русской исторической библиотеке» и других изданиях. В Сибири заметно активизировалась краеведческая работа, благодаря открытию в 1851 г. Сибирского отдела Русского географического общества. Важным вкладом в сибиреведение стали труды историков П.А. Словцова и Ю.А. Гагемейстера. Большой фактический материал содержится в работах авторов буржуазно-либерального и либерально-народнического направлений (А.А. Кауфман, М.Н. Соболев и др.). Они считали, что социально-экономические и политические процессы в Сибири определялись местными природно-географическими условиями, ростом народонаселения, его культурным состоянием и т.п. Государству отводилась роль надсословного института, способного путем реформ улучшить положение сибирского крестьянства.

Большинство работ первой половины XIX в. по Горному Алтаю имеет историко-этнографический характер и содержит интересные сведения об общественном управлении, быте и хозяйстве населения горного края. Авторами таких работ были преимущественно представители местной окружной и губернской администраций (Г.И. Спасский, А.М. Горохов, Н.А. Костров, С.И. Гуляев) и научных кругов (А.А. Бунге, К.Ф. Ледебур, Г. Гельмерсен, П.А. Чихачев). Одним из первых, кто посетил Горный Алтай с научным интересом, был Г.И. Спасский. Его статьи «Телеуты, или белые калмыки», «Путешествие к алтайским калмыкам» вместе с архивными публикациями принесли ему известность [Спасский 2004]. Во второй названной статье он описал скотоводство, земледелие, приемы заготовки сена, охоту, а также шаманские ритуалы и музыкальные инструменты алтайцев Канской долины. А.М. Горохов, работая земским исправником в начале XIX в., собрал интересные этнографические материалы, которые обобщил и опубликовал в очерке «Краткое этнографическое описание Бийских, или Алтайских калмыков». Он привел конкретные сведения об административном устройстве и управлении алтайцев, о быте и хозяйственных занятиях, семейных традициях, народных играх, развлечениях, музыкальной культуре (манере пения, инструментах) и шаманских обрядах [Горохов 1840].

В изучении Горного Алтая значительную роль сыграла экспедиция К.Ф. Ледебура, А.А. Бунге и С.А. Мейера, проведенная в 1826 г. по южной части Горного Алтая. Ученые собрали интересный материал о хозяйстве, быте, нравах алтайцев и русских крестьян. А.А. Бунге стал первым европейским ученым, который посетил долины Урсула, Чуи, Башкауса, Чолушмана, южный берег Телецкого озера. В дневниках указанных ученых довольно подробно описаны родоначальники – зайсаны, их одежда, жилище, взаимоотношения с подчиненными. Предметом их интереса стали также быт и хозяйство простых скотоводов и охотников. В дневнике А. Бунге описаны шаманские обряды, например, камлание, жертвоприношение и ритуальные предметы [Ледебур 1993; 2004; Бунге 2004].

В 1834 г. в Горном Алтае побывал горный инженер Г. Гельмерсен, который опубликовал собранные материалы в очерке «Телецкое озеро и телеуты». В них имеются интересные этнографические записи о жилищах, одежде, домашнем быте и хозяйственных занятиях жителей бассейна р. Бии. Основными занятиями населения северного побережья Телецкого озера, по его наблюдениям, являлись охота, рыбная ловля, а также разведение лошадей, коров и хлебопашество. Выявив сходства в жизни жителей описываемой местности, Г. Гельмерсен отметил, что если обитатели южного побережья Телецкого озера вели полукочевой образ жизни, то жители долины Бии жили оседло. Он также обнаружил во внешнем облике и одежде коренных жителей низовья Бии «великое сходство» с башкирами, восточно-финскими племенами (мордва, удмур-

ты) и их культурой. Г. Гельмерсен допускал, что северные алтайские племена имеют близкое этническое родство с племенами Саянских гор. Следуя гипотезе М.А. Кастрена о самодийском происхождении тувинцев (урянхайцев, сойотов), Г. Гельмерсен применил ее и в отношении племен Северного Алтая. Характеризуя жителей восточной и южной частей Горного Алтая, он писал: «Жителей этой страны несправедливо называют калмыками, мы можем, точно принять их за потомков первоначальных обитателей» [Гельмерсен 1840. Кн. 2. – С. 250; Кн. 4. – С. 56].

По поручению российского правительства в 1842 г. по Алтаю путешествовал знаменитый географ П.А. Чихачев. Свои путевые записи он опубликовал в книге «Путешествие в Восточный Алтай» на французском языке (1845 г.), а русский перевод издан в 1974 г. В его работе описаны религиозные верования и обычаи местного населения, дана характеристика алтайских князей – зайсанов. П.А. Чихачев, пожалуй, впервые установил деление алтайцев на две территориальные группы (алтай-кижи и чуй-кижи), хотя они, по его наблюдению, тогда имели общее название теленгиты. Он также отметил: «Что касается общего и очень туманного обозначения «калмык», единственно употребляемого русскими, то народы, к которым оно применяется, его совершенно не знают» [Чихачев 1974: 58–59].

Во второй половине XIX в. заметно возрос интерес государственных, общественных и научных деятелей России к Востоку. Этот период ознаменовался выдающимися географическими экспедициями и открытиями сопредельной Центральной Азии. Не ослабевал интерес и к Азиатской части России – Сибири, Алтаю. Изучение территории и населения Алтая стало проводиться более обстоятельно благодаря деятельности Западно-Сибирского (созданного в 1877 г.) и Восточно-Сибирского отделов Русского географического общества (РГО) и Общества любителей исследования Алтая (образованного в 1891 г.), впоследствии ставшего Алтайским подотделом Западно-Сибирского отдела РГО. В трудах сибирских ученых обращалось внимание на изучение состояния земледелия, скотоводства, промыслов русских крестьян и народов Сибири. Отчеты и результаты проведенных работ публиковались в периодических изданиях РГО и журнале «Алтайский сборник». Литература пореформенного периода содержит обширный круг работ, освещающих вопросы хозяйственной деятельности населения Алтая. Одна из причин, вызвавшая интерес исследователей к данной теме, была связана с массовым переселением на Алтай крестьян из европейской части страны, их обустройством, хозяйственной деятельностью и влиянием на экономику Алтайского горного округа.

В сибирской историографии второй половины XIX в. видное место занимают труды историков областнического направления. Среди них в первую очередь следует отметить исследования Г.Н. Потанина. С самого

начала своей научной деятельности он непосредственно соприкоснулся с богатейшим историческим наследием Сибири. В начале научных изысканий большим стимулом ему послужили поиски, извлечения, систематизация и публикация документов Омского губернского архива в сборнике «Материалы для истории Сибири» и др. [Потанин 1866]. Первую попытку осмысления архивных материалов по истории Алтая он сделал в статье «Полгода в Алтае», затем опубликовал еще две статьи [Потанин 1859; 1868; 1875]. Анализ исторических документов позволил Г.Н. Потанину в дальнейшем внести, совместно с П.П. Семеновым, ряд существенных дополнений в третий том фундаментального труда К. Риттера «Землеведение Азии» [Потанин 1877].

По поручению и на средства Русского географического общества Г.Н. Потанин организовал крупные экспедиции по территории Алтая и Северо-Западной Монголии (1879–1880 гг.), Северного Тибета и Центральной Монголии (1884–1886 гг.). Материалы первой экспедиции опубликованы в замечательном труде «Очерки Северо-Западной Монголии» [Потанин 1881; 1883], который до сих пор служит первоисточником по этнографии и фольклору народов Саяно-Алтая. Его перу принадлежат также разделы о народах Алтая в томах больших серий: «Живописная Россия» и «Россия. Полное географическое описание нашего Отечества» [Потанин 1884; 1907]. Г.Н. Потанин, пожалуй, одним из первых обратился к истории принятия алтайцами российского подданства в 1756–1757 гг. Он отметил ошибочную политику царского правительства по принудительному переселению алтайцев (теленгитов, уранхайцев) на Волгу [Потанин 1877: 368]. Г.Н. Потанин всемерно поддерживал инициативы по сбору и публикации материалов о традиционной культуре алтайцев и других народов Сибири. Так, под его редакцией был опубликован «Аносский сборник», куда вошли тексты героических былин алтайцев в переводе Н.Я. Никифорова [Никифоров 1915], а также он издал собственные записи исторических преданий алтайцев [Потанин 1917].

Среди историков-областников видное место занимает Н.М. Ядринцев. По поручению Западно-Сибирского отдела РГО он дважды (в 1878 и 1880 гг.) ездил по Горному Алтаю. Результаты поездок он опубликовал в двух больших статьях, где дал характеристику хозяйства (скотоводства, земледелия, охоты, кузнечного дела), образа жизни и устного творчества алтайцев, описал архаичные элементы в их культуре. Достоинством его исследований является стремление проследить эволюцию традиционного хозяйства и культуры алтайцев в сопоставлении с культурой соседних народов (монголов, казахов). Его перу принадлежат также два обобщающих труда, в которых приводятся обширные статистические материалы о народонаселении, хозяйственных занятиях населения, характеризуется политика правительства по переселению русских крестьян и

хозяйственному освоению горного края, а также разные аспекты взаимодействия русского и алтайского населения [Ядринцев 1891; 1892].

К областническому направлению относились также труды С.С. Шашкова. В научной и общественной деятельности он тесно сотрудничал с Г.Н. Потаниным и Н.М. Ядринцевым. Среди его работ отметим статью «Рабство в Сибири» (1898), где он на материалах Омского архива описал события, связанные с вступлением алтайцев в состав России. Данному историческому событию также уделяли внимание в своих трудах Н.М. Ядринцев и С.П. Швецов. Наконец, среди историков-областников следует сказать о заслугах А.В. Адрианова, который в 80-х гг. XIX в. совершил поездки по северной части Горного Алтая. Собранные материалы о языке, одежде и прическах представителей отдельных племен бассейна Бии позволили ему усомниться во взглядах Г. Гельмерсена и В. Радлова относительно этнокультурной однородности северо-алтайских племен и их родства с финно-угорскими племенами [Адрианов 1886].

В 1860–1867 гг. серию поездок по территории Горного Алтая совершил В.В. Радлов. Он собрал огромный материал о хозяйстве, быте, культуре алтайцев, на основе которого опубликованы статьи на немецком языке. Отдельные извлечения из статей В. Радлова печатались в газете «Томские губернские ведомости» и отдельной брошюре, а краткие отчеты о его путешествиях выходили в периодических изданиях РГО. В 1884 г. вышел его двухтомный труд «Aus Sibirien» («Из Сибири»). На русском языке этот труд (с сокращениями отдельных глав) был издан лишь в 1989 г. На формирование научных взглядов В. Радлова оказали большое влияние профессор В. Шотт (один из авторов гипотезы об урало-алтайской семье языков) и прославленный географ К. Риттер. Особое внимание к исследованию этнического состава алтайцев было обусловлено тем, что он, будучи сторонником идей М.А. Кастрена, считал, что родовой состав народов Сибири является важнейшим источником по изучению их этногенеза. В. Радлов стремился использовать в своих трудах разнообразные источники и материалы. На основе использованных методологических подходов (распределения территорий и населяющих их народов по таким признакам, как природные условия, типы хозяйства и культурные традиции населения) он предпринял группировку коренного населения Алтая на две большие территориальные группы: 1) «татар северного Алтая» и 2) «татар собственно Алтая» («собственно алтайских татар»). К первой группе отнесены кумандинцы, ку-кижи, йыш-кижи (кюзён, тиргенц, кёмнёш, юс, торгул), а ко второй группе – алтайцы/ойроты (алтай-кижи, чуй-кижи) и телеуты (теленгет, кара калмак) [Радлов 1987: 93–96]. В. Радлов подробно описал формы хозяйства, общественно-родовое управление и быт коренного населения Горного Алтая. Алтайскому шаманизму он посвятил отдельную главу, которая считается одной из

лучших в его труде «Из Сибири». Большое количество текстов по фольклору алтайцев и других тюркских народов он издал в серии «Наречия тюркских племен, живущих в Южной Сибири и Джунгарской степи». Научные достижения В. Радлова дали толчок новым историко-этнографическим исследованиям.

В историографии Горного Алтая выделяются труды миссионера и ученого В.И. Вербицкого, являвшегося членом РГО и Томского статистического комитета. За 30 лет своей деятельности он подробно изучил язык, устное творчество, религиозные верования, обычаи и нравы алтайцев. С конца 50-х гг. XIX в. он стал публиковать статьи по алтайской этнографии. В 1870 г. в газете «Томские губернские ведомости» был напечатан его историко-этнографический очерк «Алтайцы», который стал основой посмертного издания сборника его статей «Алтайские инородцы» (1893). Он принимал участие в подготовке «Грамматики алтайского языка» (1869), его перу принадлежит «Словарь алтайского и аладагского наречий тюркского языка» (1884), в котором имеется много этнографических терминов с их толкованиями. Труды В.И. Вербицкого до сих пор служат первоисточниками и не утратили своей научной значимости для этнографических исследований.

В работах В. Вербицкого и других деятелей Алтайской духовной миссии освещались вопросы распространения грамотности среди коренного населения Алтая. В отчетах и дневниках миссионеров-учителей, опубликованных в газетах («Православный благовестник», «Томские епархиальные ведомости») и сборниках миссии, отложились сведения о численности миссионерских школ, составе учащихся и подготовке учителей. О необходимости распространения грамотности среди коренных народов Сибири и обучения их на родных языках писали в своих трудах историки-областники [Ядринцев 1891; 1892; Швецов 1900].

Известным знатоком истории и фольклора народов Горного Алтая был краевед С.И. Гуляев. Среди его работ имеются статьи, посвященные истории заселения южных районов Алтая «каменщиками» (беглыми русскими крестьянами), а также описанию техники изготовления алтайскими мастерами-оружейниками фитильных, кремневых ружей и пороха. В статье «Заметки об Иртыше и странах им орошаемых» [Гуляев 1851] он использовал документальный материал по истории принятия алтайцами российского подданства. В конце XIX в. полевые исследования среди чуйских теленгитов проводили Е.А. Луценко и А. Калачев. В их опубликованных работах приведены разнообразные сведения о численности теленгитов, их административно-родовом управлении, быте, устном творчестве (эпосе), а также результаты краниологического обследования населения [Калачев 1896; Луценко 1898].

В связи с административными реформами местного управления регионов Сибири представители официальных властей обращали вни-

мание на сбор материалов о нормах обычного права сибирских народов. Результатом такой работы стали публикации Д.Я. Самоквасова, С.П. Швецова и других, ставшие ценными источниками для изучения обычного права алтайцев [Самоквасов 1876; Швецов 1898; 1900].

Историки-областники (Н.М. Ядринцев, Г.Н. Потанин и др.) постоянно интересовали вопросы об изменении численности, религиозного, сословного состава и образа жизни коренных народов Сибири в XIX – начале XX вв. Они пытались найти причины вымирания некоторых малочисленных народов, высказывали конкретные предложения по улучшению их экономического и культурного состояния [Потанин 1877; Ядринцев 1891]. В работах С.П. Швецова исследованы вопросы о распределении коренного населения Горного Алтая по родам (сёокам), дючинам и кочевым волостям. Тем самым ему удалось установить численность и родоплеменной состав алтайцев и других этнических групп [Швецов 1900]. В трудах другого сибирского ученого, С. Патканова, на основе анализа материалов всеобщей переписи 1897 г. были существенно дополнены разработки С.П. Швецова в части отсутствующих в них статистических материалов по некоторым кочевым волостям, управам и крестьянским волостям Горного Алтая [Патканов 1911]. Статистические данные и другие сведения о численности и этническом составе населения Горного Алтая отложились в опубликованных обзорах, памятных книжках и справочниках Томской губернии и Бийского уезда (округа), ставших ценными источниками для современных исследователей.

К концу XIX столетия актуальной проблемой становятся аграрные преобразования на Алтае и их влияние на экономическое развитие края. В литературе об аграрной реформе и ее итогов существуют две основные точки зрения: официальная проправительственная и критическая, представленная работами ученых либерально-буржуазного и демократического направлений. Сибирская областническая интеллигенция, выступившая в защиту интересов русских крестьян-старожилов и коренных народов, резко критиковала аграрно-переселенческую политику правительства. Историки-областники акцентировали внимание на политику правительства по избавлению центральных районов страны от безземельных крестьян путем переселения их в азиатскую часть страны.

В связи с подготовкой землеустройства Горного Алтая в 1897 г. была организована статистико-экономическая экспедиция под руководством С.П. Швецова. В ходе экспедиции собран и изучен огромный статистический и описательный материал о народонаселении, общественно-административном управлении, кочевом и оседлом быте, отраслях хозяйства и землепользовании алтайцев, русских крестьян (старожилов, переселенцев) и местного казахского населения. Материалы данной экспедиции изданы С.П. Швецовым и П.М. Юхневым в серии «Горный Алтай и его население», а также в статье М. Швецовой «Алтайские

калмыки». Эти издания по содержанию использованного разнообразного материала являются уникальными и до сих пор служат первоисточниками для историков и этнографов.

Официальная историография Сибири конца XIX – начала XX вв. была представлена работами чиновников государственных и кабинетских учреждений, в основном посвященных вопросам земельной реформы в Алтайском округе. Среди них ценны результаты обследования Горного Алтая в 1908 г., проведенного сотрудниками Переселенческого управления под руководством И.М. Безуглова. Они собрали и обобщили большой статистический материал о состоянии хозяйства и быта кочевого алтайского населения. В 1910 г. под руководством начальника округа В.П. Михайлова проводилось выборочное обследование кочевого населения, на основе выводов и предложений которого было проведено землеустройство кочевников Горного Алтая в 1911–1913 гг. [Михайлов 1910]. Отдельные сведения о попытках горнопромышленного освоения и добыче полезных ископаемых на территории Горного Алтая содержатся в ведомственных изданиях Кабинета («Горный журнал» и др.) и в статистических сборниках. Авторами публикаций были горные инженеры, геологи, экономисты.

В начале XX столетия внимание общественных и научных кругов Сибири привлекли волнения среди алтайцев: массовые сборы и молебны 1904–1905 гг. в долине Теренга и других местах Горного Алтая. В публикациях начала XX в. возобладало мнение о том, что волнения среди алтайцев представляли собой религиозное движение, возникшее на почве их недовольства своей религией – шаманизмом под воздействием буддизма (ламаизма) и христианства (православия). Впервые эта мысль высказана в сообщениях историка Д.А. Клеменца [Клеменц 1904; 1905]. Несколько иная трактовка причин волнений дана в статьях С.И. Аккерблома и С.П. Швецова. Это движение, по их мнению, было вызвано захватами «иностранческих» земель и стеснениями скотоводов, эксплуатацией коренного населения русскими купцами при торговых сделках и деятельностью православной миссии [Аккерблом 1905; Швецов 1906]. Конкретно-исторические аспекты волнения алтайцев, динамику событий в мае–июне 1904 г. и ответных действий представителей местных властей исследовал А. Семенов. Он опирался на архивные документы и личные наблюдения во время встреч с Четом Челпановым и другими бурханистами в 1911 г. [Семенов 1913]. Интересные путевые заметки о религиозной жизни бурханистов в 1907–1908 гг. опубликованы в очерке В.И. Верещагина [Верещагин 1919]. В целом, все указанные авторы сходились в том, что бурханизм представляет собой религиозное движение алтайцев, вызванным внутренними экономическими, политическими и идеологическими (религиозными) причинами. Однако в начале XX в. публиковались статьи православных миссионеров, где содержится оцен-

ка бурханизма как религиозного движения, имеющего политический характер с антирусской, сепаратистской (прояпонской) направленностью. Поводом для подобных суждений послужили отдельные выражения и слова в бурханистских проповедях, смысл которых искажался в русских переводах (например, слова «Токой» – как Токио, названия города).

В совокупности литература XIX – начала XX вв. позволяет проследить изменения в численности и составе народонаселения, общественно-административном управлении, хозяйстве, землепользовании, быту, культуре алтайцев и русских крестьян Горного Алтая. Таким образом, в досоветское время были опубликованы исследования и материалы, представляющие ценность для дальнейшей разработки истории Горного Алтая. В методологическом плане они заметно отличались. В трудах одних авторов сказывалось влияние сибирского областничества, других – буржуазного либерализма. Встречались и сочинения консервативно-официального и марксистского направлений.

Советская и современная историография. Историки советского времени проделали большую работу по критическому осмыслению и использованию данных дореволюционных статистико-экономических обследований населения, выявлению и введению в научный оборот огромного массива материалов архивных фондов, периодической печати и других источников, решали на их основе сложные вопросы истории Сибири. В 30-х гг. XX в. в советской историографии утверждается марксистская теория об общественно-экономических формациях. Большинство советских ученых стало придерживаться концепции о доминировании патриархально-феодалных отношений у народов Сибири в XVIII – первой половине XIX вв. В сибиреведении были актуализированы вопросы изучения классового расслоения крестьянства и его специфики, столыпинской реформы в Сибири, роли и места иностранного капитала в сельском хозяйстве, особенностей развития капитализма и крестьянского движения в Сибири. Появляются первые обобщающие очерки об экономическом развитии Сибири периода капитализма; публикуются монографии о крестьянском движении. В историографии Сибири формируются разные мнения: в одних работах делается упор на особенности аграрно-капиталистического развития, в других – на сохранение феодально-крепостнических пережитков в Сибири. Кроме того, издаются первые обобщающие труды по истории народов Сибири, в которых раскрывается влияние на их хозяйство и культуру опыта хозяйственной деятельности русских крестьян.

С середины 50-х гг. XX столетия в историографии Сибири расширяется тематика и совершенствуется методика исторических исследований. Предметом специального изучения становятся реформа 1861 г. в Сибири, развитие капитализма вширь и утверждение капиталистических отношений в сельском хозяйстве, переселенческое движение и колониза-

ция, расслоение сибирского крестьянства, социальные движения (протесты, выступления) русских крестьян и коренных народов Сибири. Заметно возросли исследования по истории аграрных отношений и реформ в Сибири (Л.М. Горюшкин, Г.П. Жидков). Одни исследователи, критикуя землеустроительную политику правительства, ее главный недостаток видели в том, что она не предусматривала передачу земли в собственность крестьян. Другие авторы основным результатом землеустройства считали укрепление общинного землепользования, которое сохраняло сословность крестьянства, затрудняло свободное капиталистическое развитие сельского хозяйства. В работах ряда историков (Л.Ф. Складов, И.А. Асалханов и др.) освещались вопросы переселения крестьян из европейской части России и их землеустройства в Сибири. Выяснение характера аграрных отношений в Сибири, общего и особенного в аграрном вопросе создали предпосылки для изучения поземельных отношений у сибирских народов. Значительно увеличились исследования материальной культуры, быта и семьи русского и коренного населения различных районов Сибири. Результаты многолетней работы историков были обобщены в коллективных трудах по истории Сибири и сибирского крестьянства XVIII – начала XX вв. [История 1968; 1982; 1983].

В исследованиях по истории Горного Алтая преобладали труды историко-этнографического направления. В 20–30-х гг. XX в. главное внимание было сосредоточено на описании традиционной культуры и хозяйства (скотоводства, земледелия, охоты и др.) алтайцев, а также на характеристике их общественного строя и родоплеменной структуры в дореволюционный период [Дыренкова 1926 1927; 1937; Каруновская 1927; 1929; Потапов 1933; Токарев 1936]. При написании трудов авторы использовали собственные полевые этнографические материалы и данные опубликованных работ дореволюционных исследователей. Среди работ данного времени выделяются труды Л.П. Потапова, посвященные истории алтайцев со средневековья до советского времени включительно, но с акцентом на события с XVII до начала XX вв. [Потапов 1933; 1948; 1953]. В его основной работе «Очерки по истории алтайцев» в той или иной степени освещены такие вопросы, как добровольное вхождение алтайцев в состав России, административное устройство и местное управление, развитие традиционного сельского хозяйства и промыслов, общественный строй алтайцев, землеустройство и административная реформа в Горном Алтае в конце XIX – начале XX вв. Однако ограниченный круг использованных источников и недооценка результатов исследований предшественников (В. Вербицкого, С. Швецова, С. Патканова и др.) не позволили ему в полной мере раскрыть этносоциальные процессы в среде алтайцев. Так, по представлению Л.П. Потапова, до Октябрьской революции алтайцы «не составляли единой народности и не имели общего самоназвания. Они расчленялись на ряд родоплемен-

ных или территориальных групп, часто изолированных, различных по занятию и образу жизни...» [Потапов 1969: 14]. Он также без достаточных оснований охарактеризовал движение бурханистов в начале XX в. как «националистическое движение с прояпонской ориентацией» [Потапов 1953].

В советской историографии спорной проблемой оставалась история движения бурханистов в начале XX в. Так, если в литературе 20-х гг. XX в. это событие характеризовалось преимущественно как религиозное движение [Бакай 1926; Анохин 1927; Вознесенский 1928], то в 30-х гг. обозначились две разные точки зрения. Начало тому положила публикация в 1930 г. книги Л.П. Мамета «Ойротия». Он, вслед за автором статьи в Сибирской советской энциклопедии [Бурханизм 1929: 404], оценил бурханизм как национально-освободительное движение алтайцев, принявшее религиозную форму. Вскоре в печати появляются две рецензии на данную книгу, в которых Л.П. Мамет подвергается критике за то, что он «не выявил» влияния на бурханизм монгольского ламаизма, «представлявшего интересы китайской торговой буржуазии». В дальнейшем, с усилением репрессий 30-х гг., в исторической литературе акценты сместились в сторону оценки бурханизма как «националистического движения с прояпонской ориентацией». Подобная характеристика событий 1904–1905 гг. превалировала в литературе вплоть до конца 80-х гг. XX в. Однако среди советских историков оставались сторонники взгляда на это явление как национально-освободительного движения алтайцев [Гирченко 1949; История 1967: 67; Кондриков 1976: 21–22].

Во второй половине XX в. продолжали преобладать историко-этнографические работы. Приоритетным направлением исследований стало изучение проблем этнической истории алтайцев, материальных и нематериальных (духовных) элементов их традиционной культуры. К одной из первых публикаций данного периода относится статья П.Е. Тадыева, где на основе материалов обследования С.П. Швецова рассмотрены родоплеменной состав и административное устройство алтайцев в дореволюционный период. Следуя концепции официальной историографии, он констатировал, что «формирование родоплеменных групп алтайцев в народность до Великого Октября не завершилось» [Тадыев 1957]. Большое внимание уделялось изучению традиционной материальной культуры алтайцев (жилища, домашней утвари, одежды, пищи и т.д.), религиозных верований, семьи и семейных обычаев. Об этом свидетельствуют публикации обобщающих трудов по традиционной культуре и истории народов Сибири [Народы 1956; Историко-этнографический 1961], монографий и статей С.В. Иванова, Н.И. Каплан, Е.М. Тоцаковой, Ф.А. Сатлаева, Н.И. Шатиновой и других авторов. Издаются также труды, посвященные творчеству М.В. Чевалкова и Г.И. Гуркина (Чорос-Гуркина), которые стояли у истоков профессиональной литературы и изобразительно-

го искусства алтайцев [Казагачева 1972; Эдоков 1967; 1981; 1994; Снитко 1983; Прибытков 1991; 2000].

В середине 80-х гг. XX в. публикуются работы А.М. Сагалаева, Л.И. Шерстовой, ставшие предвестниками начала перемен в историко-этнографических исследованиях. Так, в книге А.М. Сагалаева проводится анализ мифологии и традиционных верований алтайцев в сравнении с религиозно-мифологическими традициями народов Центральной Азии, выдвигается ряд новых научных гипотез относительно генезиса шаманизма и бурханизма [Сагалаев 1984]. В статьях Л.И. Шерстовой принята попытка пересмотра предшествующего представления о бурханизме. В начале XX в. бурханизм, по ее мнению, являлся новой идеологией сформировавшейся алтайской народности. «Появление новой народности происходило одновременно с появлением у нее новой религии», — отмечает она [Шерстова 1985: 65].

На общей волне демократизации российского общества во второй половине 80-х гг. XX в. возрастает общественный интерес к истории и традиционной культуре алтайцев и других народов. В местных периодических изданиях открываются постоянные рубрики по истории и этнографии, переиздаются труды В. Вербицкого, Г.Н. Потанина и других авторов, ставшие библиографической редкостью. На волне подъема общественной жизни заметно возросло количество различных публикаций: сборников фольклорно-этнографических материалов [Алтайский 1988; Алтай 1994; Алтай 1995; Шаманские 1997], книг по традиционной культуре чалканцев и теленгитов [Кандаракова 1999; Дьяконова 2001; Бельгибаев 2004], научных статей и монографий о традиционной культуре (земледелии, национальной кухне, одежде и украшениях, архаических культах и обрядах), нормах обычного права в семье и семейном быте алтайцев [Сагалаев 1990; Тюхтенева 1990; 1997; Тадина 1997; Ямаева 1998; 2004; Укачина 2004; Муйтуева 2004; Енчинов 2004; 2007; 2008; Ойношев 2006; Торусhev 2005; 2007; Кичекова 2008] и русских крестьян [Мукаева 1994; 2000; 2004; Липинская 1996; Шелегина 1998; Шитова 2005]. Внимание исследователей вновь привлекают вопросы истории бурханизма. По данной теме публикуются монографии А.Г. Данилина, Л.И. Шерстовой [Данилин 1993; Шерстова 1997], сборники архивных документов и материалов научной конференции, посвященной 100-летию событий в долине Теренга [Бурханизм 1994; 2004; Движение 2004].

Начало XXI в. ознаменовалось выходом крупной монографии «Тюркские народы Сибири» (2006). В ней содержатся разделы, посвященные этнической истории, традиционным формам социальной организации, семейного быта и обрядов, материальной и духовной культуры алтайцев и их субэтнических групп. В ряде тематических сборников и статей исследуются различные аспекты этнической истории алтайцев и этно-

культурные процессы в Горном Алтае в XIX – XX вв. [Екеев 2005; 2006; 2007; Тюхтенева 2005].

С конца 70-х гг. XX в. стали публиковаться работы, посвященные другим историческим темам: строительству Чуйского тракта и развитию русско-монгольских торговых отношений в дореволюционное время [Табаев 1975; Третьяков 1979]. В трудах конца XX – начала XXI вв. освещаются вопросы товарообмена на ведущих российских и региональных (сибирских) ярмарках и развития внутренней торговли в предгорных и горных районах Алтая [Щеглова 2004; Пустогачева 2007]. В ряде других работ разрабатываются проблемы аграрных преобразований [Елбачева 1982; 1999; 2007; Екеев 1993; Мукаева 1995], развития сельского хозяйства, промыслов и кустарных ремесел в Горном Алтае в конце XIX – начале XX вв. [Бочанова 1985; Екеев 1991; Иванцова 2000]. При анализе отдельных вопросов землеустройства мнения исследователей расходятся, например, по его периодизации, размерам изъятий земельно-лесных угодий у крестьян, оценке влияния землеустройства на общинное землепользование и капиталистическое развитие земледелия.

В литературе последних десятилетий возросло количество монографий [Конев 1995; Ремнев 1995; 1997; Алексеев 1999; Дамешек 2002; Шерстова 2005; Славнин 2008], сборников документов [Материалы 1993; Национальная 1998], справочников [Рабцевич 1998; Власть 2005] по вопросам управления населением Сибири. Результаты изучения проблем управления регионами Сибири, административной реформы конца XIX – начала XX вв. обобщаются в историографических работах [Дамешек 1990; Копылов 1993; Майдунова 2003; 2004; 2005; 2006]. В них принята общая периодизация административной политики в Сибири, отмечены ее характерные черты и особенности, рассмотрены различные варианты реформ, предлагавшиеся местными и центральными властями. Кроме того, высказаны предложения по дальнейшему изучению ряда вопросов: положения должностных лиц родового управления алтайцев; административно-податного управления русскими крестьянами (старожилами, переселенцами); взаимодействия местного (сельского, волостного) управления с уездной и губернской администрацией [Майдунова 2009].

Определенные результаты достигнуты в изучении вопросов социально-экономического развития Горного Алтая в XIX – начале XX вв. В трудах Ф.А. Сатлаева, Г.П. Самаева, Н.С. Модорова, Н.А. Майдуровой, Л.И. Шерстовой и других историков разрабатываются социально-политические и отчасти экономические аспекты: реформа М. Сперанского и ее влияние на местное управление, земельные отношения и система повинностей (ясак, подати) алтайцев, переселенческая политика и освоение русскими крестьянами территории Горного Алтая [Сатлаев 1991; Самаев 1991; Мукаева 1995; Модоров 1996; Майдунова 2000; Мамсик 1989;

Шелегина 1998; Шерстова 2005]. Авторам удалось решить целый ряд общих и частных научных проблем. В их числе – определение социально-экономических отношений в алтайском обществе XVIII – первой половины XIX вв. как патриархально-феодалных, которые складывались между двумя социально-классовыми группами: господствующей зажиточной верхушкой («класс феодалов») и зависимыми рядовыми скотоводами. Во второй половине XIX в. алтайское общество, по мнению большинства историков, постепенно вовлекалось в орбиту товарно-денежных, капиталистических отношений. В результате расслоения появились новые социальные слои: баи-предприниматели и батраки.

В конце XX – начале XXI в. издаются коллективные монографии по истории Горного Алтая [История 1995; 2000; 2001]. В большинстве обобщающих трудов анализ социально-экономических процессов проводится на основе статистических и других материалов по алтайским («инородческим») и русским крестьянским волостям преимущественно на уровне Бийского уезда и в меньшей степени – по сопоставимой территории Горного Алтая. Попытка обобщения социально-экономических и других показателей развития Горного Алтая в конце XIX – начале XX вв. по сопоставимой территории Республики Алтай предпринята в работах Н.В. Екеева. В них на основе архивных документов проводится анализ развития скотоводства и земледелия, промыслов и кустарных ремесел, местной торговли, имущественного расслоения и формирования новых социальных групп, а также изменений в сфере культуры алтайцев [Екеев 1991; 1995; 2006; 2009; Коренные 2006].

В исследованиях второй половины XX – начала XXI вв. достаточно успешно изучены этнодемографические процессы в Горном Алтае в XIX – начале XX вв. Так, в статье В.Н. Владимирова на основе новых архивных документов проведен анализ изменения численности и порядка расселения населения семи алтайских дючин с конца XVIII до середины XIX вв. [Владимиров 1984]. В статьях Н.В. Екеева рассмотрены вопросы динамики численности и состава (сословного, религиозного, этнического) всего населения Горного Алтая в XIX – начале XX вв. [Екеев 1998; 2006; 2007].

С 80-х гг. XX в. благодаря исследованиям востоковеда В.А. Моисеева возрастает интерес к почти забытой в историографии проблеме присоединения Горного Алтая к России. Следует отметить, что в середине 1950-х гг. это историческое событие привлекало внимание в связи с празднованием 200-летия добровольного вхождения алтайцев в состав России. К юбилею был выпущен сборник, в котором имеется исторический очерк П.Е. Тадыева [Тадыев 1957]. Опираясь на документы Омского областного архива и опубликованные материалы, П.Е. Тадыев провел анализ причин цинской экспансии в Горный Алтай, характера принятия алтайцами российского подданства и его исторического значения. Одна-

ко в его работе допущены некоторые неточности и ошибки, на которые уже обращалось внимание [Моисеев 1983; Самаев 1991].

Обращаясь к трудам В.А. Моисеева, скажем, что в них впервые исследованы такие вопросы, как характер, формы и методы политики цинского Китая в Саяно-Алтае в XVIII столетии; масштабы вторжения цинских войск в Горный Алтай и борьба алтайцев с захватчиками в 50-х гг. XVIII в.; процесс вхождения алтайцев в состав России; притязания цинского правительства на территорию Горного Алтая и ответные меры российского правительства. В.А. Моисеев использовал разнообразные источники (документы фондов российских государственных, научных архивов, материалы китайских летописей), многие из которых он впервые ввел в научный оборот [Моисеев 1983; 1996; 1997; 2006; Русско-джунгарские 2006]. Следующим значительным шагом в изучении данной темы стали исследования Г.П. Самаева [Самаев 1991; 1996; 2006]. Он на основе архивных документов и опубликованных источников предпринял попытку рассмотреть процесс присоединения территории Горного Алтая в состав России за длительный исторический период (с XVII в. до середины 60-х гг. XIX в.). Г.П. Самаев разработал ряд слабоизученных и неисследованных вопросов: политический статус алтайских (теленгитских) отоков после разгрома Джунгарского ханства; обстоятельства выхода алтайских зайсанов к русским крепостям и принятие ими российского подданства; переселение алтайцев на Нижнее Поволжье и его последствия; принятие чуйскими теленгитами российского подданства и закрепление их территории за Россией. Внимание историков привлекла и проблема двоеданничества в истории народов Южной Сибири XVII–XIX вв. [Боронин 2004]. В новейшее время, когда после распада Советского Союза государственная граница России от Волги до Иртыша и далее до Алтайских гор стала напоминать ее контуры на начало XVIII столетия, данное историческое событие вновь актуализируется в плане его международно-политической значимости. Таким образом, можно утверждать о достаточно успешной разработке проблем присоединения Горного Алтая к Российскому государству.

В целом, труды историков современного периода (конца XX – начала XXI вв.) существенно отличаются от работ советского времени тем, что в них в значительной мере удалось исследовать многие спорные, слабоизученные и новые проблемы на основе более широкого и разнообразного круга источников, включая архивные документы и опубликованные материалы.

Историографический анализ подводит к следующему заключению. Во-первых, несмотря на большой опыт исследовательской работы и накопленные знания, в историографии Горного Алтая второй половины XVIII–XIX вв. остаются вопросы и темы, требующие дальнейшего изучения: развитие сельского хозяйства (поголовья скота, посевных площадей),

промыслов (охоты, пчеловодства и др.), кустарных ремесел; изменения в системе местного управления и податей. Во-вторых, проблемы истории Горного Алтая до сих пор слабо увязываются с историей Сибири и страны в целом. В-третьих, весь накопленный материал и опыт нескольких поколений историков и этнографов позволяет приступить к их обобщению в монографическом исследовании по истории Горного Алтая.

Предметом настоящего исследования являются политические, социально-экономические, социально-культурные процессы и исторические события, происходившие в Горном Алтае на протяжении рассматриваемого времени. Учитывая актуальность, научное, культурное, политическое значение, а также современное состояние историографии и источниковедения Горного Алтая, в настоящем томе поставлены следующие **основные задачи** исследования:

- обобщить результаты изучения проблемы присоединения Горного Алтая в состав Российского государства в 1756–1757 гг., его последствий для двух групп коренного алтайского населения (бывших джунгарских подданных и «двоеданцев»), влияния на ситуацию в Горном Алтае до начала 70-х гг. XVIII в. и оценить значение данного исторического события;
- рассмотреть изменения в административно-территориальном устройстве и местном управлении Горного Алтая на основных этапах его истории;
- проследить социально-демографические процессы в регионе посредством анализа сдвигов в численности и составе народонаселения;
- осветить переселенческую, земельную политику государства и ее влияние на изменение форм землевладения и землепользования алтайского и русского населения Горного Алтая по трем периодам (до реформы 1861 г., во второй половине XIX в. и в начале XX столетия);
- провести анализ развития основных отраслей сельского хозяйства (скотоводства, земледелия), промыслов, домашних ремесел и торговли (обмена, продажи скота, продуктов скотоводства и промыслов) как по всему Горному Алтаю, так и отдельно среди алтайского и русского населения;
- изучить имущественное и социальное расслоение в среде алтайцев и русских крестьян под влиянием расширения торгово-рыночных, капиталистических отношений во второй половине XIX – начале XX вв.;
- описать формы общественного движения в Горном Алтае конца XIX – начала XX вв.;
- охарактеризовать традиционную материальную и духовную культуру алтайцев и русских крестьян, зарождение профессиональной литературы, искусства и системы образования в Горном Алтае под влиянием русской культуры; оценить вклад отечественных исследователей в изучение населения и территории Горного Алтая;

– показать общие и особенные черты в историческом развитии Горного Алтая как части Сибири и Российского государства.

В методологическом плане авторы тома стремились следовать основополагающим принципам исторической науки: в первую очередь, принципу историзма, который предполагает рассматривать исторические процессы и события во взаимосвязи и в единстве; принципу рационализма, ориентирующего исследователя на объективный анализ и оценку фактов, относящихся к данной теме в их совокупности; принципу позитивизма, который предполагает пользование знаниями, основанными на реальных фактах и опыте предшественников [Российская 2008: 155–182]. Использование этих принципов в единстве позволяет более полно раскрыть социально-экономические, социально-культурные и политические аспекты истории Горного Алтая рассматриваемого времени.

В ходе работы над томом применялись методы и подходы, характерные для исторического исследования:

– сравнительно-исторический метод, который позволяет изучать, сопоставить социально-экономические, политические процессы и исторические события в пространственных (по Горному Алтаю, его районам), временных (по периодам, этапам) и в других измерениях;

– хронологический подход, дающий возможность рассматривать историю региона в определенной временной последовательности;

– статистический метод, предполагающий анализ основных тенденций развития Горного Алтая на основе массовых материалов;

– метод или подход, когда при анализе социально-экономических и других процессов в регионе учитываются этнические особенности коренного алтайского и русского населения, проявлявшиеся в различных сферах их жизнедеятельности.

Хронологические рамки исследования охватывают период с 1756 г. – вхождения Горного Алтая в состав России и до осени 1916 г. – кануна революционных событий. Территориальные рамки исследования включают в себя Горный Алтай в сопоставимых границах современной Республики Алтай.

При освещении проблем истории Горного Алтая было использовано большое количество различных **источников**. Среди них, в первую очередь, следует отметить статистические – демографические, податные, хозяйственные и др. Авторы тома старались учитывать возможности каждой разновидности статистических источников, вероятные искажения ими реальной картины. Демографическая статистика велась исключительно с фискальными целями и отражала не реальное местопребывание людей, а их прикрепление к тяглу. Окладные книги, ревизские сказки и другие документы позволяют выявить картину демографической и социальной динамики населения при условии их критического анализа, сопоставления и сравнения. Данные церковной статистики, хотя и стра-

дают недоучетом всего населения, являются единственным источником данных о распределении населения Горного Алтая по вероисповеданию. С помощью материалов хозяйственно-экономической статистики комитетов статистики Томской губернии, Бийского уезда (переписи 1897, 1916 и 1917 гг., общие и сельскохозяйственные обзоры губернии и уезда, их местные публикации) и переселенческого управления (обследование 1908 г. и др.) определялась динамика посевных площадей и поголовья скота, изменение систем земледелия и скотоводства, урожайности злаковых культур и товарности хозяйств и т.д. Среди них особую ценность представляют материалы социально-экономического обследования Горного Алтая в 1897 и 1908 гг., данные Всероссийской переписи населения 1897 г. и сельскохозяйственной переписи 1916 г.

Вышеуказанные источники дополняются экономико-географическими и этнографическими описаниями путешественников, ученых и местных чиновников XIX – начала XX вв. Эти труды сочетают в себе элементы исторического источника и исследования, причем второй элемент к началу XX в. заметно усиливается.

Следующую группу источников составляют опубликованные законодательные и нормативные акты. Они свидетельствуют о политике государства по отношению к русскому и коренному населению Алтая и Сибири. Законодательные акты помогают проследить усилия правительства по развитию сибирского земледелия, изменению аграрного законодательства, принципов взимания пошлин и повинностей. Серия законодательных актов второй половины XVIII – начала XX вв. направлена на урегулирование взаимоотношений государства с разными сословными, этническими группами населения и отношений в сфере хозяйства и быта населения Сибири.

Большой интерес представляют материалы кабинетской, горной, губернской администраций, уездных и волостных учреждений, местной полиции, судебных органов, православной епархии (включая духовную миссию), содержащие сведения о землепользовании, хозяйстве, быте и общественной жизни населения.

В томе использованы также сведения центральных и местных периодических изданий – газет и журналов («Сибирского вестника», «Восточного обозрения», «Томских губернских ведомостей», «Томских епархиальных ведомостей»).

Ценным источником являются опубликованные фольклорные и этнографические материалы, привлекаемые при описании материальной и духовной культуры алтайцев и русских крестьян, а также для реконструкции событий, не отразившихся в исторических документах.

В источниковедении Горного Алтая имеются объективные сложности и трудности, связанные с поиском, сбором и обработкой статистических и иных документальных материалов, отложившихся в различных

региональных и центральных государственных архивах. Эти сложности обусловлены тем, что до 1917 г. территория Горного Алтая представляла собой совокупность волостей, дючин и управ с разным сословно-этническим составом населения, входивших в состав Бийского уезда (округа) Томской губернии. Данные обстоятельства не всегда позволяют с достаточной полнотой раскрыть многогранные стороны исторического процесса. В целом, используемые в настоящем труде источники обеспечивают исследование данной темы, хотя степень полноты источниковедческой базы при освещении отдельных проблем различна.

Том состоит из введения, четырех глав и заключения. Структура тома определена с учетом периодизации и проблематики истории Горного Алтая. Первая и четвертая главы построены по проблемно-тематическому принципу, а вторая и третья — по проблемно-хронологическому принципу. В приложении к основному тексту тома представлены библиография (список использованных источников и литературы), словари (этнографических, общественно-политических терминов), указатели (географических названий, личных имен, общественно-политических, хозяйственных и этнографических терминов) и иллюстрации. В качестве иллюстраций к разделам тома использованы различные опубликованные и архивные материалы: глава I [Бородаев 2006; Власть 2005], глава II [Власть 2005; ЦХАФАК. Ф.3. Оп.1. Д.512], глава III [НМРА. Экспонат] и глава IV [НАНИИА. Фонд фотографий. Папки 23–24, 50–56, 58, 68, 80, 100, 116–118, 123–125, 128, 145; НМРА. Экспонаты; РЭМ. Фонды; ТОИКМ. Фонды; УКРКМ. Экспонаты; В составе 2004; Потапов 1951; Потапов 1953; Дьяконова 2001; Ключева 1988; Прокофьева 1971; Иванов 1954; Материальная 1976; Исследователи 2003; Эдоков 2001; Женщины 2008; [http:// www.altapress](http://www.altapress); ПМ Екеева Н.В. и Кичевой Б.Ю.]

Настоящий том подготовлен коллективом научных сотрудников государственного научного учреждения Республики Алтай «Научно-исследовательского института алтаистики им. С.С. Суразакова» при участии преподавателей Горно-Алтайского государственного университета и других учреждений. Авторами разделов тома являются:

Екеев Николай Васильевич, руководитель научной группы НИИ алтаистики им. С.С. Суразакова, кандидат исторических наук: введение, заключение, глава I, глава II — параграфы 2.1 (2.1.2 «Народные съезды. Судопроизводство», 2.1.5), 2.2, 2.5, глава III — параграф 3.2; словари; иллюстрации;

Аксенова Любовь Николаевна, заведующий кафедрой истории Московского государственного областного гуманитарного института (г. Орехово-Зуево), кандидат педагогических наук, доцент: глава IV — параграф 4.4;

Енчинов Эркин Валериевич, старший преподаватель кафедры гуманитарных дисциплин ГОУ ДПО «Институт повышения квалификации работников образования Республики Алтай», кандидат исторических наук: глава IV – параграфы 4.1 (4.1.1 – 4.1.2), 4.2 (4.2.1), 4.6;

Кичекова Байана Юрьевна, младший научный сотрудник: глава IV – параграфы 4.1 (4.1.3 – 4.1.5) и 4.5; словарь (этнограф. термин.); указатели (имен, географ. назв., этнограф. термин.); иллюстрации (к гл. IV);

Майдурова Наталья Александровна, старший научный сотрудник, кандидат исторических наук: глава II – параграф 2.1 (2.1.1 – 2.1.4); глава III – параграфы 3.1, 3.5;

Мендешева Венера Михайловна, младший научный сотрудник: глава III – параграфы 3.3, 3.4 (3.4.1 – 3.4.5, 3.4.7); словарь (общ.-полит., хозяйств. термин.); указатель (общ.-полит., хозяйств. термин.);

Мукаева Лариса Николаевна, доцент кафедры истории России Горно-Алтайского госуниверситета, кандидат исторических наук: глава II – параграфы 2.3–2.4; глава III – параграф 3.4 (3.4.6); глава IV – параграф 4.3;

Тадышева Наталья Олеговна, заместитель директора НИИ алтаистики им. С.С. Суразакова, кандидат исторических наук: глава II – параграф 2.3 (Об АДМ); глава IV – параграф 4.2 (4.2.7);

Торушев Эркем Геннадьевич, научный сотрудник, кандидат исторических наук: глава IV – параграф 4.2 (4.2.2 – 4.2.6); словарь (этнограф. термин.);

Маркова Екатерина Аскеровна, младший научный сотрудник: указатель (общ.-полит., хозяйств. термин.); иллюстрации (к гл. II–IV).

ПРИСОЕДИНЕНИЕ ГОРНОГО АЛТАЯ К РОССИИ

1.1. Международное положение в 1755–1756 гг.

Во время борьбы Дабачи с Амурсаной в 1753–1754 гг. алтайские зайсаны выступили на стороне первого, законного, на их взгляд правителя Джунгарии. Летом 1754 г. зайсан Кутук в разговоре с вахмистром А. Беседновым сообщил, что нынешней весной они все ходили на выручку к Дабачи-хану, а Амурсаны «землю всю разорили, жен и детей, скот и живот и всю его жизнь обрали и привезли в свою землю и разделили по себе» [Самаев 1991: 105].

Цинская империя, воспользовавшись междоусобицами в Джунгарии и обращением за помощью к ней Амурсаны и его сторонников, в феврале 1755 г. двинула в Джунгарию свои войска. Авангардом северной колонны цинской армии, состоявшей из ойратов и продвигавшейся из Халхи через Монгольский Алтай, командовал Амурсана. К тому времени он получил от императора Цяньлуна титул князя первой степени и должность помощника главнокомандующего войсками. Летом 1755 г. войска Амурсаны заняли «зенгорские [джунгарские] Канские и Каракольские волости» (левобережье Катунь) и район Телецкого озера. Началось жестокое преследование алтайских зайсанов – сторонников Дабачи-хана. А Дабачи-хан после очередного поражения бежал в сторону Кашгара и пытался найти убежище у правителя Уч-Турфана, но 8 июля 1755 г. был выдан цинским войскам. Император Цяньлун отнесся к знатному пленнику милостиво: Дабачи было пожаловано княжеское звание, отведено жилище и разрешено каждый день видеть императора [Моисеев 1983: 65]. Таким образом, Джунгарское ханство реально прекратило свое существование.

Политика цинского императора в Алтае-Саянском регионе в значительной мере определялась обстановкой, складывавшейся в центральных районах Джунгарии. В мае 1755 г. цинский император приказал хотогойтскому князю Цэнгунджабу (Шадар-вану) покорить население Южного

Алтая. 12 июля 1755 г. отряд Цэнгунджаба совместно с отрядами перешедших на сторону маньчжур урянхайских зайсанов Чадака, Чилуна и других выступил в поход. Через месяц они вышли к хребту Сайлюгем, разделяющему Монгольский и Русский (Горный) Алтай. Отсюда Цэнгунджаб отправил двух командиров, дав им триста воинов, в кочевья алтайцев на верхнем течении р. Катунь. Сам Цэнгунджаб с 400-ми воинами двинулся вниз по Аргуту и напал на кочевье зайсана Хармани. Затем, разослав в разные стороны небольшие отряды, с остальным войском направился в Чаган-Усун. По пути следования он соединился с другим цинским отрядом и через некоторое время достиг р. Башкаус. Разузнав от пленного зайсана Мадзидая о местонахождении других алтайских зайсанов, Цэнгунджаб отправил туда свои отряды. О действиях цинских войск стало известно русскому пограничному командованию. Так, 21 августа 1755 г. драгун И. Шаболин, ездивший на разведку в Тау-Телеутские волости, сообщил, со ссылкой на показания старшин Ерельдея Маачакова и Дарды Баачакова, следующее: «Ныне мунгальского войска стоит на реке зовомой Чуе три тысячи, при коем войске главным Куп, на Береле реке же две тысячи, да в Канских зенгорских волостях триста, а башлыком Чедак, которые де мунгальцы их зенгорского владения калмык склоняют к себе в подданство и объявляют де, что ежели де они калмыки к ним в подданство не пойдут, то де намерены их все улусы развоевать» [Моисеев 1983: 68–69; Самаев 1991: 113]. Некоторые алтайские зайсаны, например Омбо, Гендышка, Намкы, Буктуш и Бурут, жившие в верховьях Катунь, Чараша, Ануя, по Чуе, Аргуту и Башкаусу, под угрозой физического уничтожения цинским войском, вынуждены были формально признать власть цинского богдыхана. Об этом Цэнгунджаб доложил в Пекин. К концу лета 1755 г. цинские войска были выведены с территории Горного Алтая [Моисеев 1983: 69].

Еще в середине лета оренбургский губернатор И.И. Неплюев передал обращение зайсана Омбо о принятии его в российское подданство в Коллегию иностранных дел (далее КИД) России. Но, не дожидаясь решения КИД России, он написал командующему сибирскими войсками бригадиру И.И. Крофту, чтобы он джунгарским подданным «вблизи границ кочевать не запрещал и озлобления бы им не чинил». Только 13 ноября 1755 г. КИД России издала рескрипт, в котором разрешалось, с учетом происходящих «в зенгорском народе беспокойстве и междоусоби», удовлетворять прошения джунгарских нойонов и зайсанов о принятии их в российскую «протекцию». Но в случаях, когда прикочевывавшие к русским линиям джунгарцы (зенгорцы), т.е. жители бывшего Джунгарского ханства имели за собой погоню, вопрос о предоставлении им подданства должны были решать местные власти, исходя из своих оборонных возможностей. КИД России считала, что принятых в поддан-

ство джунгарцев необходимо переселять за Иркутск к бурятам или на Волгу к калмыкам, «куда похотят» [Самаев 1991: 116].

На территории разгромленного Джунгарского ханства цинское правительство организовало четыре вассальных княжества, подчиненных Пекину. Однако в сентябре 1755 г. восстал нойон Амурсана, ранее надеявшийся с помощью маньчжуров стать ханом всей Джунгарии [Златкин 1983: 292–293]. Поэтому цинский император издал указ о спешном возвращении войск к границам Джунгарии. Чтобы внести разлад в среду восставших ойратов, цинские власти отпустили домой многих приближенных Дабачи-хана, ранее захваченных в плен. Действительно, подобный шаг способствовал расприам среди восставших ойратских князей.

Алтайские зайсаны не поддержали восстание Амурсаны. К сентябрю 1755 г. отряды Амурсаны вторглись в южные районы Горного Алтая и оттеснили алтайцев к р. Семе – левому притоку Катунь. Об этом стало известно от двоеданцев, прибывших 12 сентября в Бикатунскую крепость, по сообщению которых Амурсана оттеснил алтайцев к Катунь, а его основное войско стояло в Кан-Каракольских волостях и около Телецкого озера. Руководители алтайского ополчения стали готовиться к сражению, а женщин, детей, стариков с обозом и скотом отвели на 80 верст ниже, к долине р. Ташту (Каменка). Русскому командованию было передано также, что «пятнадцать зайсангов объявили, что они со своими волостями имеют прилежное желание быть в подданстве у ея императорского величества, только де точной надежды к принятию их не имеют, а ежели б де приняты были, чтоб во укывательство от усилности мунгальского войска имели выехать в Россию для того, что они с ними по изнеможению своему силитца не могут, а в подданство к мунгальцам итти не желательны» [Самаев 1991: 113]. Из них 10 зайсанов представляли Канские и Каракольские волости, а другие пять зайсанов пришли с Иртыша и жили на землях указанных двух волостей. Зайсаны просили принять во внимание то, что если стоящее на р. Семе их войско под натиском Амурсаны вынуждено будет из-за «ускости и тесноте тамошних мест» отступить вместе с женщинами и детьми, то только к российским крепостям в степи [Самаев 1991: 114].

Когда объединенные силы алтайских зайсанов отступили к низовью Катунь, то кочевье зайсана Омбо в верховье Чарыша оказалось отрезанным. Поэтому он направился на запад, к русским укреплениям в низовье Чарыша. 14 сентября 1755 г. в Чакырскую крепость прибыли посланцы Омбо и передали просьбу о принятии его с более пятисот семей в русское подданство. Он мотивировал свое решение тем, что в «Большой Урге владельца Дсбачи и знатнейших зайсангов уже нет, а находится у них китайский министр с войском, и когда реки станут, тогда их всех Дебачина владения в Китайскую землю без остатку погонят» [Самаев 1991: 114]. Авангард отступающего отряда Омбо находился от Чакыр-

ской крепости на расстоянии «скорою ездою в один день». Несмотря на молчание русского командования, алтайские зайсаны не оставляли надежду на русскую протекцию и продолжали отправлять гонцов со своими просьбами. Драгун И. Шебалин после возвращения из двоеданнических волостей 30 сентября докладывал, что 11 джунгарских зайсангов желают быть в российском подданстве, а также сверх того еще 8 зайсангов выразили намерение пойти «под протекциею российской империи» [Самаев 1991: 114–115].

В октябре отряды Амурсаны, опасаясь войск цинского командира Цэнгунджаба, ушли с Горного Алтая в район р. Или. Теперь к алтайским зайсанам стали приезжать цинские посланцы и требовать явиться их к цинскому командованию. Позднее зайсан Номкы Малаев сообщил, что в составе делегации, выехавшей в цинское войско на реках Хобду, Улан и Тороху, было четыре зайсана: он сам, Кутук, Кулчукай и Камык. Их сопровождали старшины Мамыт, Домоко, двоеданцы Темир-Аксак и Тебочи. Сопровождающих отпустили домой через три месяца. А алтайские зайсаны возвратились домой лишь в январе 1756 г. Им было наказано, чтобы как только весной китайские войска пойдут на Амурсану, то они «со своим войском были готовы» [Русско-джунгарские 2006: 197].

Амурсана пытаясь склонить на свою сторону алтайских зайсанов, в ноябре–декабре 1755 г. направлял своих посланцев в их ставки. Люди зайсана Омбо 30 ноября прибыли в форпост на р. Маралухе и сообщили, что Амурсана прислал нарочного к зайсану Омбо, чтоб он со своими людьми шел к нему для вспоможения. Но Омбо идти на помощь отказался и просит, чтоб им разрешили кочевать близ российских крепостей по рекам Туле, Ине и Белой. Омбо продолжал посылать в Чакрырскую крепость своих людей, стремясь ускорить решение вопроса о приеме его в российское подданство. Так, 20 января 1756 г. в Чакрырскую крепость прибыли послы во главе с сыном Омбо Болотом. Они передали слова Омбо о том, что «за долговременным невзятием их в Россию» из его отока многие зайсаны со своими людьми «взяты в мунгалскую землю», а мунгальское войско с ноенами все еще состоит в их землях. В ведомстве Омбо осталось более двух тысяч «боевых людей, кроме старых, молодых и женскаго полу». Омбо настойчиво просил, хотя указа о принятии их в Россию не было, чтобы русское командование разрешило ему прикочевать близко к российским крепостям. Он был готов немедленно дать аманатов из числа знатных старшин или своих детей. В связи с затягиванием вопроса о приеме в русское подданство, в отоке Омбо возникли разногласия. Некоторые старшины выступили за то, чтобы согласиться с требованием цинского командования о признании подданства их богдыхана. Из «боевых людей», сообщал Омбо, желают «идти в мунгалы» до тысячи человек [Самаев 1991: 115–116].

В начале 1756 г. канцлер А.П. Бестужев-Рюмин написал наместнику Калмыцкого ханства Дондук-Даше, чтобы он, выбрав «верных и искусных» людей – одного из служителей культа и другого из знатных и известных князей, отправил их на Алтай для «призыву» бывших джунгарских подданных переезжать жить на Волгу. Дондук-Даши назначил в эту миссию ламу-гелонга Биоктергина Габунга и зайсана Наугата, которые во второй половине августа 1756 г. прибыли в Бийск [Моисеев 1983: 92].

В январе 1756 г. алтайские зайсаны отправили письмо командующему Колывано-Кузнецкой военной линией полковнику Ф.И. де-Гарриге (де Гарриге, Дегарриге), где отмечали, что цинские власти обещают оставить их «такowymi же зайсангами», если они помогут разбить восставших джунгаров [Моисеев 1983: 71]. После некоторых колебаний алтайские зайсаны все-таки не стали подчиняться цинским властям. Так, в феврале 1756 г зайсан Омбо не пропустил через свое кочевье посольство маньчжур к казахскому султану Аблаю. После возвращения посольства его руководитель доложил цинскому командованию, что алтайские урянхайцы распространяют слухи о прибытии на Алтай отрядов казахских и джунгарских воинов во главе с Амурсаной. Цинский император расценил это известие как начало бунта и приказал своим командирам Цэнгунджабу и Цэбдэнджабу, чтобы они, выявив «главных зачинщиков и главарей бунта», немедленно наказали их, а по отношению к зайсанам Омбо, Кулчугаю, Бобою и другим, осмелившимся оказать сопротивление цинским войскам, не проявлять снисходительности. На алтайские кочевья вновь обрушились удары цинских войск, основной костяк которых составляли «мунгальские», т.е. монгольские отряды. Первыми подверглись нападению кочевья зайсанов Буктуша, Бурута и Намкы. Алтайцы, жившие в долинах рек Чуи, Башкауса, Катунь, Бухтармы и других, сопротивляясь наседавшим на них цинским войскам, отходили к русским укреплениям [Моисеев 1983: 72].

В долине реки Кайрлука в январе 1756 г. состоялся совет 13 зайсанов – глав «волостей» (отоков). На совете участвовали: от Канской волости – Омбо (Онбо); от Урянхайской – Боокол (Боохол); от Телеутских – Кутук, Буктуш, Бурут и Номыкай; от Саянской – Амзына и от Телецкой – Кочерен (Черен, Серен). Они обратились к полковнику Ф.И. де-Гарриге с просьбой разрешить им со своими людьми прикочевать под защиту русских укреплений. От имени собравшихся зайсан Омбо обратился к императрице Елизавете с просьбой о приеме их в подданство и защите. Одновременно Омбо послал своего сына Болота к Ф.И. де-Гарриге с просьбой следующего содержания: пока правительство обсуждает их просьбу, пропустить его со своими людьми кочевать на реках Ине и Белой. Сибирский губернатор В.А. Мятлев приказал Ф.И. де-Гарриге удовлетворить просьбу Омбо, а также заверить его в

скором и благоприятном решении их прошения. Подобное же обращение было передано 26 января через двоюродных Укоша и Кулея Кучюгешевых. Зайсаны сообщали, что цинские власти предлагают им, обещая сохранить их зайсанские звания, чтобы они «по несостоянию владельца Дебачи стали бы в их мунгалском подданстве». Для ускорения подачи зайсанами прошения 4 февраля Ф.И. де-Гаррига послал к ним драгуна Давыдова, которому поручалось привести представителей зайсанов на переговоры в деревню Усяцкую на Колывано-Кузнецкой линии. Вскоре Давыдов возвратился с письмом от зайсана Намыкая Малаева, в котором он от имени зайсанов просил оказать им военную помощь. Он также сообщал, что от Шадарвана и Намгус-ноена с 5000-ми войском к ним приходили нарочные с требованием принять цинское подданство и переселиться в другие места [Моисеев 1983: 91–92; Самаев 1991: 117–118].

15 февраля в деревню Усяцкую прибыла делегация во главе с зайсаном Намыкаем Малаевым, которая вручила полковнику Ф.И. де-Гарриге два письменных обращения к русским властям. В одном обращении написано: «Зайсаны Онбо, Кулчугай, Кутук, Наамкы, Боохол, Черен, Бутуш, Бурут, Намык, Наамжил, Янзынак, Сайдут, итого двенадцать, все к белому государю в подданство мы все с юртами и во всем нам способствовать..., со всеми нашими людьми желаем быть в подданстве белого царя». В другом обращении также выражалась просьба двенадцати зайсанов о приеме их в русское подданство, и сообщалось, что в их ведомстве находится около 1500 кибиток, они готовы платить ясак и по требованию властей в зимнее время могут выставить войско в 1000 человек, а летом – 2000 человек. Ф.И. де-Гаррига разрешил алтайским зайсанам приблизиться к Колыванской линии на случай, если «от мунгалцов и калмык будет утеснение». Однако от приема их в русское подданство на основании указа от 13 ноября 1755 г. он воздержался из-за сложной военной обстановки на границе. В феврале 1756 г. сибирский губернатор В.А. Мятлев послал указание полковнику Ф.И. де-Гарриге, чтобы он сообщил зайсану Омбо о том, что «о принятии ево в... протекцию... указная резолюция уже воспоследовала и для приему их ожидается сюда некоторая команда». Имелось в виду прибытие делегации наместника Калмыцкого ханства с целью уговорить алтайских зайсанов, принявших русское подданство, переселиться к калмыкам на Нижнее Поволжье. 22 февраля от зайсана Омбо приехали в Чакырскую крепость посланцы с сообщением о скором вторжении мунгальского войска в несколько тысяч человек, и для разведки ситуации Омбо послал в верховья Катунь отряд в 500 человек. О новом вторжении цинских войск в Горный Алтай сообщили также посланцы зайсанов Буктуша, Бурута, Намыкая и Намыка, прибывшие 7 марта в Бийскую крепость. Посланцы говорили, что четыре зайсана прикочевали на устье реки Семь

и ретируются к российским крепостям, потому что «мунгалское войско близ их наступило». Они просили прислать на помощь военный отряд, на что полковник Ф.И. де-Гаррига ответил, что решить такой вопрос могут только вышестоящие инстанции. В начале марта к Усть-Каменогорской крепости приблизились люди демичи Толенгула ведомства зайсана Кулчугая. Причину прикочевки они объяснили тем, что на них «наступают мунгалцы, и к тому же от Амурсаная имеют опасение, потому что когда была война между Амурсаной и Дабачи, они поддержали Дабачи». 9 апреля в Чакырскую крепость приехали посланцы с известием, что Омбо «тронулся кочевать» в направлении русской военной линии, а его брат Качай с 90-ми кибитками находится уже в 40 верстах от крепости. Посланцы рассказывали, что их зайсан совершил с конным отрядом рейд в сторону ожидаемого прихода цинских войск, однако возвратился, не обнаружив противника. Омбо передавал русским командирам, что к нему приезжали люди зайсана Кулчугая, которые сообщили, что Кулчугай два раза принимал цинских посланцев, заявивших, что они не допустят принятия зайсанами Омбо и Кулчугаем русского подданства. Омбо просил русских командиров прислать к нему полсотни солдат, а также одного офицера с поручением встретиться с цинскими военачальниками для заявления о том, что указанные два зайсана уже состоят в подданстве России [Самаев 1991: 118–119].

Цинская армия в марте 1756 г. вступила на территорию Джунгарии, нанесла ряд поражений восставшим ойратам и вынудила Амурсану бежать в кочевья казахского султана Аблая. В дальнейшем маньчжурские власти осуществили массовый геноцид населения Джунгарии [Златкин 1983; Моисеев 1983: 67]. Весной и летом 1756 г. цинские войска вторгались и на территорию Горного Алтая. Причины этой экспансии заключались в том, что, во-первых, большинство алтайских зайсанов отказалось признавать власть цинского императора; во-вторых, некоторые из них поддержали восстание Амурсаны, укрывали его сторонников, а другие поддерживали отношения с Ченгунчжабом (Шадар-ваном), поднявшим летом 1756 г. восстание в Западной Монголии [Моисеев 1983: 79–80]. Алтайские зайсаны, с большим трудом отбиваясь отседающего неприятеля, посылали гонцов русским пограничным властям, прося ускорить принятие их в российское подданство и оказать военную помощь.

Первоначально реакция сибирских властей на просьбу алтайских зайсанов о разрешении им идти под защиту российских крепостей была отрицательной. Так, командуя сибирскими войсками бригадир И.И. Крофт приказал алтайских зайсанов «на здешнюю жилую сторону и в близость крепостей и форпостов не пропускать... и крайне в том стараться их отвращать» [Моисеев 2006: 14]. А командование цинских войск, видя стремление алтайцев и других джунгарских беженцев уйти под защиту русских укреплений, стало переселять в Монголию население

В. А. Мятлев

Горного Алтая и жестоко расправляться с теми, кого удавалось перехватить на пути к русским крепостям. Угроза вторжения цинских войск в пограничные районы России вынудила сибирскую администрацию укрепить наиболее важный участок границы – Колывано-Воскресенскую линию. По приказанию сибирского губернатора В.А. Мятлева в Бийскую, Колыванскую, Чакырскую и другие крепости были переброшены войска из Томска, Кузнецка и других сибирских городов. С охраны колыванских рудников и заводов сняты 640 солдат и направлены в близлежащие форпосты и редуты [Моисеев 1983: 93].

Вместе с тем, обращения алтайских зайсанов о принятии их в российское подданство изменили отношение русских пограничных властей к джунгарской междоусобице, подтолкнули к идее присоединения к России джунгарской территории на юге Сибири. Оренбургский губернатор И.И. Неплюев 21 ноября 1755 г. предлагал правительству занять территорию «по Зайсан-озеро, по Иртышу вверх заступить и крепостями прикрыть». 10 апреля 1756 г. последовал указ Сената, разрешающий зайсану Омбо кочевать «на реках Ине и Белой» [Русско-джунгарские 2006: 201]. В конце апреля из Чакырской крепости отбыл подпрапорщик Надеин с приглашением для зайсана Омбо и других «близ ево кочующим зайсанам и старшинам» прибыть в крепость для составления договоров и дачи аманатов. Одним из условий предоставления алтайцам защиты и приема их в российское подданство было согласие на взятие у них заложников. Забегая вперед, скажем, что в период массового приема алтайцев в российское подданство заложниками (аманатами) стали практически все зайсаны [Моисеев 1983: 92; Моисеев 2006: 14].

На состоявшемся 3 мая совете, в котором участвовали зайсаны Омбо, Киндиш, Кулчугай, а также лама Лобзанг Зундуй и другие, было подтверждено их желание быть в подданстве России. При встрече говорилось также, что «напрядь сего имели согласие все тринадцать зайсангов быть в подданстве, токмо ныне объявили десять зайсангов, а соянских волостей три зайсана мунгальским войском искоренены со всеми подвластными их». 22 мая в Бийской крепости полковник де-Гаррига принял посланца зайсана Намыкая. В беседе он подтвердил решение совета зайсанов от 3 мая. Ф.И. де-Гаррига через посланца передал Намыкаю, чтобы зайсаны, желающие принять российское подданство, прибыли на

линию «для надлежащих... договоров, и с собою детей своих родных для взятия в аманаты или чиновных и знатных людей привезли» [Самаев 1991: 120].

24 мая в штаб командующего сибирскими войсками И.И. Крофта поступил указ КИД России от 2 мая 1756 г. с обстоятельным изложением условий и порядка приема джунгарцев (зенгорцев) в подданство России. Сведение о данном указе стало известно цинскому командованию. В конце мая командиры цинских войск, не дождавшись добровольного принятия алтайскими зайсанами цинского подданства, пошли в наступление, стремясь захватить их до выхода к русской военной линии. В. Серебренников, вернувшись из Алтайских гор, 5 июня доложил в Кузнецке, что по сообщению зайсана Буктуша цинские отряды во главе с Шадарваном дошли до переправы Кур-Кечу на Катунь, где «поделали салы [плоты] и хотят плавитца на здешнюю российскую сторону». А 31 мая в Бийскую крепость приехал демичи Кайсан Бектенов (брат зайсана Буктуша) и сообщил, что под натиском монгольского войска Буктуш со своей волостью переправился через Катунь и находится от Бийска в 60-ти верстах, а прочие джунгарские зайсаны со своими волостями укрылись в разных урочищах. Он уверял, что за Буктушем нет погони, тогда как за всеми другими зайсанами «от того войска следом погоня есть». Ф.И. де-Гаррига ответил, чтобы Буктуш прибыл в Бийск вместе с аманатами для подписания договора о приеме его в подданство. Буктушу было разрешено прикочевать на 25 верст от Бийской крепости [Самаев 1991: 121–122].

31 мая в Чакрыскую крепость прибыл брат Омбо демичи Качай и сказал, что он со своим дючином (50 кибиток) остановился на р. Чинете за 30 верст от крепости и намерен прикочевать «к Инской защите 5 верст», где уже кочуют их люди. Омбо в это время находился за полтора дня езды от Чакрыской крепости на реке Каир-Куме. Незадолго до этого к Омбо приходили посланцы от цинского войска и звали его со знатными людьми в свое войско для совета и для того, чтобы они показали цинскому посольству дорогу в Среднюю орду казахов. Однако один из посланцев тайно предупредил, что если они пойдут, то их там задержат и предадут смерти. Цинские посланцы были отправлены назад в сопровождении конвоя. На обратном пути конвойные подверглись нападению цинского разъезда, в завязавшемся бою один из нападавших был убит, а четверо взяты в плен. При допросе пленные сказали, что через Катунь переправилась только часть цинско-монгольского войска, а основные силы находятся на восточном берегу. 4 июня 1756 г. в ставку зайсана Омбо был послан майор Волков, а 7 июня — вахмистр Пятидесятников. Они дошли, что на р. Белую приехали сын Омбо Болот, брат зайсана Кутука Мамыт и демичи Амугу Чириняков, а при них 124 кибитки. 7 июня поручик Подзоров доложил, что на соединение с алтай-

цами, находившимися около русских укреплений, прибыло 269 человек во главе с зайсаном Киндишем. В конце мая – начале июня зайсан Омбо оставался в Канской долине и сражался с цинско-монгольскими войсками. Майор Волков докладывал, что от людей, оставшихся с Омбо, «прибыли пешия, а протчия и без седел на голых лошадях», которые говорили, что монгольское войско причинило им великий урон [Самаев 1991: 122–123].

1.2. Принятие алтайцами российского подданства

Указом императрицы Елизаветы Петровны от 2 мая 1756 г. разрешалось сибирскому губернатору В.А. Мятлеву начать прием в русское подданство алтайцев, даже если они и не захотят покидать свои кочевья и переселяться в другие места. «Вышеписанным зенгорским зайсанам, – говорилось в этом указе, – хотя бы они в соединение к волжским калмыкам и не пошли, от подданства Ея императорского величества не отказывать, но по вышеозначенным ли рекам или в других местах внутри границы им кочевать позволить, сие оставляется на тамошнее ваше рассмотрение». Особое внимание местной администрации обращалось на принятие соответствующих мер, с тем чтобы алтайцы «по вступлении их в подданство ея императорского величества с китайской стороны оставлены были в покое» [Моисеев 1983: 92]. Опасаясь цинских вторжений, правительство предписывало также любыми способами склонить новоподданных перейти жить в Приволжские степи. В указе считалось необходимым принимать их в подданство даже в случае отказа от переселения на Волгу. Аманатов следовало взять «от каждого зайсана по одному сыну, а у которого детей нет, но из его родственников и из других старшинских детей». Двоеданцев предписывалось на Волгу не отправлять, а «поселить внутри Сибири». От идеи переселения в бурятские земли отказались ввиду их близкого расположения около границ с Китаем. Оставлять новоподданных по рекам Белой, Ине и Чарышу считалось невозможным, так как «с зенгорской или с киргис-касацкой стороны едва ли оставят их в покое». Всех принятых в подданство, кроме двоеданцев и бухарцев, следовало постепенно «перепровождать по линиям в волжские калмыки» [Самаев 1996: 103–117].

Комендант Бийской крепости подполковник С. Колобовой 8 июня посетил стан алтайцев на р. Белой. Он привез письменные обязательства зайсанов «на их диалекте», а в качестве аманатов с ним прибыли зайсан Киндиш и демичи Болот, Мамыт и Качай. 9 июня С. Колобовой получил от командира разъезда прапорщика Фадеева донесение о том, что зенгорский дозор, находившийся недалеко от них, разбит монгольским

войском, а кош с людьми бежал с прежнего места и остановился за три версты от Колыванского завода. В тот же день поручик Подзоров встретился с Били и Илгеда – командирами 2000 цинского отряда. Цинские командиры заявили, что джунгарцы, находящиеся под Колыванским заводом, якобы «назат тому другой год» приняли подданство цинского богдыхана, «за что и были пожалованы от него шапками с перьями», но потом отложились. Позднее к С. Колобовому прибыли на переговоры два цинских посланца, которым вручили письмо, подтверждающее принятие джунгарцев в российское подданство. 11 июня цинский отряд ушел обратно [Самаев 1991: 123].

21 июня в Бийскую крепость прибыли зайсаны Буктуш, Бурут, Черен, Номык и демичи Менгош Сергеков из отока зайсана Боокола. Позднее к Бийску вышли зайсаны Намык Еманаев и Кокшин Емзынаков. Все прибывшие были приведены к присяге и дали письменные обязательства на своем «диалекте». В качестве аманатов от них были приняты семь человек – по одному сыну от каждого зайсана, а также сыновья двух демичи и родственник старшины Менгоша. От переселения на Волгу названные зайсаны отказались, указывая на то, что от нападения монгольского войска они разорены так, что многие не имеют лошадей и остались пешими. В числе других причин, не позволяющих немедленно переселяться на Волгу, они указывали то, что «от побегов и беспокойства лошади и рогатой скот весьма изнурены». К тому же во время нападения монгольского войска многие их родственники, а у иных жены и дети «разбежались по скрытным и крепким камням» и ныне там находятся. Немаловажным было и то, что все свои пожитки они запрятали по разным скрытным местам в горах, отступив от неприятеля с легким экипажем. Ввиду отказа зайсанов переселяться на Волгу, полковник Ф.И. де-Гаррига предложил им перейти в междуречье Оби и Иртыша от Шульбинского завода к Барабе и городу Таре. Зайсаны согласились послать своих людей для осмотра предлагаемых мест. Однако командующий сибирскими войсками И.И. Крофт не разрешил пропускать их на эту территорию, ссылаясь на то, что правительственными указами «назначено по той Барабинской степи для хлебопашеству размножения селить из ямщиков и из государственных крестьян». Он считал, что до перехода на Волгу алтайцев лучше оставить кочевать поблизости от российских границ, около тех мест, где они ныне расположены [Самаев 1991: 123–124].

Таким образом, на всем протяжении Колывано-Кузнецкой и южной части Иртышской военных линий, особенно в Бийской, Колыванской и Усть-Каменогорской крепостях, происходил массовый прием джунгарских беженцев в российское подданство. Положение беженцев было крайне тяжелым. У большинства из них не было никакого имущества, порой даже одежды. Учитывая их положение, было решено не принуждать их к

переселению на Волгу. К концу лета 1756 г. на Кузнецкой линии были приняты в русское подданство люди семи зайсанов и демичи Менгоша Сергекова из отока зайсана Боокола. Люди Менкоша были приписаны к волости зайсана Кокшина Емзынакова, так как Боокол приходился ему родственником. К зайсанам, принятым в российское подданство, были направлены три переписчика для учета людей и скота. После переписи тау-телеутов (бывших двоеданцев) отделили от остальных и отпустили в прежние места обитания «для копания кореньев сараны и снятия с пашен хлеба». К началу сентября 1756 г. численность алтайцев, принятых на Кузнецкой линии, составила 1877 человек. К Бийской крепости последним вышел зайсан Кутук. Сибирский губернатор В.А. Мятлев доносил в КИД России, что по сообщению Ф.И. де-Гарриги, «выехал из-за реки Катунь зенгорского владения вново зайсан Кутук и объявил, яко... своих людей за худобою и присталью лошадей оставил на Ише реке». Он был приведен к присяге и оставил аманатов. В конце лета к Колыванской линии вышли зайсан Омбо, старшины (демичи) Самур и Алтай вместе с оставшейся частью людей. С ними было 15 семей ведомства зайсана Кулчугая. К середине сентября 1756 г. в российское подданство было принято 3689 человек, у которых было 6982 лошади, 1204 головы крупного рогатого скота, 1667 овец, 23 верблюда. А к концу весны 1757 г., согласно донесению В.А. Мятлева, в российское подданство было принято 7011 человек [Моисеев 1983: 93; Самаев 1991: 124].

Вскоре Омбо поехал на встречу с зайсаном Кулчугаем, который кочевал на правобережье Иртыша, южнее Усть-Каменогорска. Кулчугай говорил ему, что «по забрании разбросанного после бывшей с мунгалским войском баталии шкарба, намерен со всем... кошем приехать в Колывань или в Усть-Каменогорскую крепость». Позднее стало известно, что Кулчугай с 200-ми кибитками находится в урочище Цаган-Бола, советуется с зайсаном Бобоем, идти в российское подданство или нет. Чтобы рассеять сомнения Кулчугая и Бобоя, сибирский губернатор В.А. Мятлев приказал послать к ним письмо от ойратского нойона Дамчо Гиндина, вступившего в русское подданство в июле, «со изъяснением, како он ласкательно принят и на казенном доволствии содержитца» [Самаев 1991: 125–126].

20 августа 1756 г. в Бийск прибыли представители наместника Калмыцкого ханства зайсан Наугат и лама Биоктергин Габунг. Через три дня они приступили к выполнению своей миссии. Призвав алтайских (теленгутских) зайсанов и демичи, они сказали им, что в Калмыцком ханстве с них не только ясак или подати требовать не будут, но и оставят им улусных людей, находящихся в их подчинении. «В соединении с торгоуцким народом кочевать желанья не имеем», – отвечали алтайские зайсаны, указывая на то, что они «просили протекцию с тем основанием, чтоб от... своих кочевных мест от горы Алтая отлучены не

были» [Самаев 1991: 126]. 25 августа Наугат и Биоктергин сделали новую попытку уговорить алтайских зайсанов, заявив, что они прибыли препроводить их на Волгу по высочайшему Ее величества соизволению. И на этот раз их старания не увенчались успехом: зайсаны ответили, что имеют сомнение в существовании указа об обязательном переселении их на Волгу. После этого разговора зайсаны просили Ф.И. де-Гарригу отпустить их обратно в горы, чтобы сберечь зимой скот на горных малоснежных пастбищах. Для того чтобы удержать алтайцев при крепостях и склонить к переселению на Волгу, эмиссары калмыцкого хана и полковник де-Гаррига решили зачитать перед ними фальшивое письмо, составленное на ойратском языке, якобы присланное от цинского командования, с требованием выдачи алтайцев. 28 августа калмыцкими эмиссарами оно было зачитано. Это возымело на алтайских зайсанов сильное действие. Они согласились переправить всех своих людей через Катунь и отвести в указанные места, а также собрать своих подвластных, оставленных в горах по 20–30 и более кибиток в скрытых местах. Для сбора указанных групп дважды посылался из Бийска отряд во главе с поручиком Поповым, зайсаном Бурутом и демичи Бунцуком. Собранные ими люди были переправлены через Катунь и рассредоточены по Аную за Колыванской линией. Указанное фальшивое письмо было зачитано также на встрече с Омбо и другими зайсанами и старшинами, находившимися на Колыванском заводе, и получено их согласие на переселение. Все алтайские зайсаны, вступившие в подданство, просили «довольствоваться» их людей провиантом, а скот – сеном ввиду разорения от цинских войск и предстоящей зимовки в местах, непригодных для содержания скота на подножном корму [Самаев 1991: 126–127].

29 сентября в Усть-Каменогорскую крепость прибыли зайсаны Кулчугай и Бобой, два демичи и 20 знатных людей, которые заявили о своем желании вступить в подданство России. В случае приема их в подданство, они просили направить их туда, «куда зайсану Онбе повелено будет следовать или жить». С Кулчугаем было принято 733 человека. В то время за двумя зайсанами последовали не все их подвластные. Немного позднее в российское подданство было принято еще 689 человек во главе со старшинами Яйкашем, Дабхуром и другими [Самаев 1991: 127].

В октябре к Усть-Каменогорску приблизилась очередная группа беженцев, о которой стали известны некоторые подробности. В начале лета 1756 г. белые калмыки (приобские теленгуты, переселившиеся в 1710-х гг. в Джунгарию) вместе с енисейскими киргизами и мингатами направились к российской границе. Среди них было четыре телеутских и четыре киргизских зайсана с 10000-ми человек. На пути к Усть-Каменогорской крепости они понесли огромные людские потери. Так, по рассказу Бока – сына демичи Еркея Менкина, они шли от озера

Железного (Иссык-куля) «месяца с три, у реки Уллю [Или] переправились и имели с китайцами и калмыками баталию, и после оной шли дней с шесть и паки при урочище Алтына Меля, да при урочищах Акбус реки и Калмуталагая с теми же китайцами имели три баталии и при последней китайцы всех их разбили». В последнем бою многие беженцы были уничтожены или рассеяны. А мингатский старшина Гого Ердолов, вышедший к Усть-Каменогорской крепости в ноябре 1757 г., рассказывал: «Мингаты жительство имели при реке Таласе в ведении зайсана Еркету, у которого было 2700 кибиток. Назад тому два года, по разорении Зенгорской земли, нападали на них китайское войско, киргизкайсаки и буруты; многие разбежались и были побиты; мы, собравшись обще с телеутами и киргизами, пошли на прежние свои жилища в Алтай» [Потанин 1866: 101]. В донесении коменданта Усть-Каменогорской крепости капитана Траунберха об этой группе беженцев говорилось следующее. 7 и 8 октября к крепости приезжали четыре телеутских зайсана с 20-ю демичами и один киргизский демичи. В их письменном обращении говорилось, что они после разорения китайцами джунгарцев пришли в Россию и просят о принятии в подданство. Они сообщали, что у них осталось 963 кибитки (6250 человек). Беженцы расположились лагерем в 15-ти верстах от Усть-Каменогорска на р. Ульбе. Их материальное и физическое состояние было крайне тяжелым: «пришли в скудость и наготу, тако и есть нечего». Когда 25 октября беженцы подверглись нападению цинского отряда, Траунберх разрешил им занять оборону за русскими укреплениями – в деревне Прапорщиковой и на станции Уваровской. Вскоре на встречу с Траунберхом прибыли главный цинский командир со знатным человеком. Они сообщили, что присланы от китайского богдыхана «для взятия и привозу в китайскую землю в подданство» зайсана Кулчукая, а также они хотели знать, добровольно ли вступили в русское подданство урянхайцы, телеуты и киргизы, или были «взяты российским войском». Получив разъяснения Траунберха, цинский отряд удалился от крепости, а беженцы расположились около военных укреплений. В конце октября 1756 г. сибирский губернатор В.А. Мятлев дал указание о приеме телеутов, кыргызов и людей Кулчугая, находившихся около Усть-Каменогорска. Из переписных ведомостей известно, что в российское подданство вступили телеутские зайсаны Бату-Менко (сын Байхорока, внук Коки), Еркин-Кашка (сын Урган Жирана, внук Кукен Батыра), Ангир Бойкен (внук Бойкена) и Байсур-Бакши с остатками своих отоков. При переписи у Еркин-Кашки оказалось 884 человека, остальные имели меньше людей: Бату-Менко – 346 человек, Ангир Бойкена – 156, Байсур-Бакши – 21 и киргизский зайсан Гурбан-Кашка – 168 человек. Кроме того, указаны 657 урянхайцев, вероятно, ведомства зайсана Кулчукая [Самаев 1991: 128–129; Какаева 2007: 90–

91]. Согласно указу КИД России от 16 января 1757 г. их переселение на Волгу было отложено до весны.

На зиму новые российские подданные были рассредоточены по Колывано-Кузнецкой линии. Из-за недостатка запасов сена на Колыванской линии люди Кулчугая были переведены на Кузнецкую линию. В целях исключения вооруженных инцидентов у принятых в подданство джунгарцев были изъяты оружие (турки, сайдаки) и «железные материалы», кроме топоров и ножей. С 15 января 1757 г. зимующим беженцам начали выдавать продукты питания, а также сено для кормления их скота, содержащегося «на конюшнях и пригонах» [Самаев 1991: 130]. Беженцы были расселены небольшими группами около населенных пунктов Колывано-Кузнецкой линии.

1.3. Переселение в Нижнее Поволжье

Указом КИД России от 20 мая 1757 г. предписывалось отправлять принятых в состав России алтайцев и других групп джунгарцев на Волгу разными партиями. 28 июля 1757 г. из Бийска вышел большой кош – караван с 2277 переселенцами. В списке переселенцев, отправленных на Волгу, указаны зайсаны Бурут Чекугалин, Кымык Яманаков, Церен Уруков и семейства умерших зайсанов Кулчука и Омбо. Зайсан Омбо умер 9 февраля 1757 г. в Колыванской крепости [Потанин 1877: 368]. Кроме того, в коше были люди зайсана Буктуша, но он и его семья в списке не значились. По пути от Бийска до Семипалатинска большой кош пополнился новыми джунгарскими беженцами. А когда караван вышел из Семипалатинска, то в нем было уже 3179 человек [Потанин 1866: 92–94]. Однако в большой кош не попали те, кто принял крещение, затем аманаты (заложники), оставленные в крепостях до прибытия коша на место назначения, и, наконец, лица, оставленные для следствия по делу полковника Ф.И. де-Гарриги, обвиненного в незаконном отпуске в горы алтайцев, принявших русское подданство.

До первой крепости Уйской линии большой кош сопровождали 569 конвойных во главе с майором Энденом. Для перевозки переселенцев и их имущества было выделено более 400 казенных телег. 11 августа Энден, прибыв с кошом в Семиарский форпост Иртышской линии, донес, что в коше имеется 3989 джунгарцев, а также 4404 лошади, 129 верблюдов и 273 головы крупного и мелкого рогатого скота [Самаев 1991: 130]. С наступлением холодной сибирской осени началась массовая гибель переселенцев от простудных и инфекционных заболеваний. Согласно донесению нового сибирского губернатора Ф.А. Соймонова от 8 октября 1757

г., на пути до Омской крепости в большом коше умерли 488 человек, а в Омской крепости болели «горячкой, лихораткой и внутренней» болезнью 263 переселенца. После Омска путь большого коша пролегал через Тару и Ишим. Когда караван прибыл в Звериноголовскую крепость на р. Тоболе, в нем осталось 2743 человека, 2815 лошадей, 98 верблюдов и 65 голов крупного рогатого скота. Притом 449 переселенцев вообще не имели скота. Чтобы остановить гибель людей, оставшихся без скота, оренбургский губернатор И.И. Неплюев распорядился выдавать им продукты на три копейки в день. Если подножного корма оказывалось недостаточно, то предписывалось покупать у крестьян сено для подкормки скота переселенцев. От Звериноголовской крепости до Куртамыш (в современной Курганской области) большой кош перемещался на санях. Около Каминской и Куртамышской слобод Исетской провинции переселенцы были оставлены на зимовку в наспех сооруженных жилищах из «кольев, хвороста и соломы». Согласно списку, составленному в декабре 1757 г., в оставшихся 864 семьях коша насчитывалось 2646 человек. И.И. Неплюев приказал закупить для «безодежных» теплую одежду по самым низким ценам; денег хватило на приобретение только 20-ти ветхих шуб [Самаев 1991: 130–131].

О прибытии большого коша в Нижнее Поволжье известно по сообщению наместника Калмыцкого ханства Дондук-Даши от 22 октября 1758 г. генералу Спицыну. В нем писалось, что посланец гелюнг Габун привел из Сибири более 800 семей джунгарцев, принявших российское подданство, при которых имелось 1200 лошадей и 34 верблюда [Самаев 1991: 131–132]. Анализ источников позволяет сказать, что среди прибывших на Волгу были люди зайсанов Бату-Менко и Ангира Бойкена («еке теленгуты, бага теленгуты»), Еркен-Кашки («ургали жираны»), зайсанов Омбо и Кульчукай, умерших на Алтае («уранхай») и других [Митиров 2002: 16]. Они были распределены по разным калмыцким улусам, но большинство теленгитов и урянхайцев было расселено в Хошеутовском улусе. В середине XIX столетия в указанном улусе насчитывалось по 150 кибиток (семей) теленгитов и урянхусов [Митиров 2002: 59].

Среди других групп, направленных на Волгу в 1757 г., имеются сведения о группе в 183 человека, находившейся в Омской крепости. Из донесения оренбургского губернатора И.И. Неплюева в Военную коллегию следует, что они «почти все наги и бес кибиток», а скот их выбился из сил из-за дальнего перегона. Поэтому 12 ноября И.И. Неплюев дал указание командующему войсками на Сибирских линиях К.Л. Фраундорфу оставить эту группу джунгарцев на зиму около Омской крепости и по деревням Тарского уезда. Известно, что указанные переселенцы зимовали по деревням около Омской крепости и в Чаусской слободе.

Ф. И. Соймонов

Их лошади были распределены на стойловое содержание с выдачей казенного сена. Отдельной группой переселялись крещеные джунгарцы. По указу от 1756 г. они должны были направляться в г. Ставрополь (ныне г. Тольятти), специально построенный для крещеных волжских калмыков. Сибирский губернатор В.А. Мятлев приказал всех крещеных джунгарцев, находившихся на сибирских линиях, собрать в г. Таре для дальнейшей отправки в Ставрополь. Людей, желающих креститься, было немало, многие из них верили в то, что крещение избавит их от «оспенной болезни». Указом Сената от 6 июля 1757 г. предписывалось новокрещеным «особое попечение учинить... дабы они с лучшим пред некрещеными удовольствием устроены... быть могли» [Самаев 1991: 132–133]. Например, крещеным джунгарцам продукты питания выдавались в несколько раз больше, чем их некрещеным сородичам [Потанин 1866: 106]. В октябре 1757 г. в Томск была доставлена группа из 408 крещеных джунгарцев. Они по приказанию губернатора И.И. Неплюева зимовали в окрестных деревнях. Кроме того, 408 человек зимовали в Тарском уезде и 279 – в Уклыкарагайской крепости. Летом 1758 г. большая группа крещеных джунгарцев продолжила путь в г. Ставрополь. Однако часть джунгарцев, оставленная в Оренбурге, была включена в местный нерегулярный калмыцкий корпус как отдельная рота во главе с зайсаном Андреем Карловым. Согласно донесению Оренбургской губернской канцелярии и «Выписке из дел о зенгорском народе», составленной в КИД России, к ноябрю 1759 г. в Ставрополь было доставлено одних только мужчин 1765 человек [Самаев 1991: 134–135].

В июне 1758 г. принял русское подданство и был отправлен на Волгу нойон Шерен с 5000-ми человек. Вместе с ними были отправлены теленгитские аманаты, оставленные в 1756 г. на Бийской линии. Среди них был зайсан Намык Еманаев, умерший 30 августа 1758 г. в Омской крепости. По подсчетам КИД России, к началу 1760 г. общая численность джунгарских беженцев, принятых в подданство России, составляла 14617 человек. Но из них, как уже сказано, многие умерли от холода, голода, эпидемии оспы и других болезней на пограничных военных линиях и на долгом пути в Нижнее Поволжье, не выдержав выпавшие на их долю бедствия и страдания. Согласно реестру, приложенному к посланию калмыцкого хана Дондук-Даши императрице Елизавете Петровне от 17 февраля 1761 г., в его владения прибыли 2047 кибиток бывших джунгарских подданных [Самаев 1991: 135].

Следует сказать, что не все джунгарские беженцы были отправлены в Поволжье. По некоторым данным, большая группа разноплеменного населения (7000 человек) была размещена в Кузнецком и Красноярском уездах, где пополнила местное телеутское, шорское и хакасское население [Тадыев 1957: 29]. Хотя данный факт в последних исследованиях ставится под сомнение [Самаев 1991: 139], но бесспорно другое, а именно: на рубеже 50–60-х гг. XVIII в. отмечен значительный прирост коренного населения двух указанных уездов, в частности хакасов [Очерки 2008: 381].

1.4. Обстановка в Горном Алтае (конец 1750-х и 1760-е гг.)

С разгромом Джунгарского ханства отпал статус двоеданства в отношении кумандинцев и тубаларов, проживавших в бассейне Бии, а также тау-телеутов долин Наймы – Иши. Иначе говоря, они полностью стали российскими подданными. Летом 1757 г. новый командующий Колывано-Кузнецкой линией Девиленев послал чиновников «осмотреть близ Кузнецка, внутри границы, места удобные для поселения бывших двоеданцев». Но подходящих мест они не нашли. 6 сентября 1757 г. в Кузнецке состоялся совет, на котором было принято решение о нецелесообразности выселения бывших двоеданцев из прежних мест обитания. Для защиты бывших двоеданнических волостей от цинских набегов предполагалось построить крепость на южных границах их расселения [Потанин 1866: 94–97].

Летом и осенью 1756 г., как уже отмечалось, цинские войска неоднократно подходили к Усть-Каменогорску, Семипалатинску и требовали от русского командования выдачи джунгарских беженцев, принявших российское подданство. Вопрос о джунгарских беженцах стал предметом обсуждения на высшем уровне. Цинское правительство Китая мотивировало свои требования тем, что после разгрома Джунгарского ханства теленгуты, урянхайцы и другие племена Горного Алтая якобы стали подданными богдыхана. В ответном послании российское правительство обращало внимание цинских сановников на то, что они не имеют каких-либо правовых оснований требовать возвращения алтайцев и ссылаться на статьи Кяхтинского трактата о перебежчиках, поскольку «зенгорской народ, обоим государствам соседственной, доныне был никому не подданной и находился под управлением собственных своих владельцев». А утверждение, будто бы народы Горного Алтая уже признали власть

цинского императора, также не было признано российским правительством. По этому поводу отмечалось, что многие алтайские зайсаны и старшины, в том числе Омбо и Кулчугай, в 1755 г. «по неотступному их прошению о бытии в подданстве ея императорского величества допущены были при оных [сибирских границах] кочевать с письменным их о подданстве обязательством, с которого самого времени не иначе как за здешних подданных почитаемы были». В посланиях от 8 июля и 24 октября 1757 г. цинское правительство продолжало требовать от правительства России выдачи бывших джунгарских подданных. Однако, каждый раз получая твердый отказ, цинские власти вынуждены были снять свои требования [Моисеев 1983: 95–98]. Правительство России, хотя на дипломатическом уровне и решило вопрос о признании алтайцев российскими подданными, но полностью оградить их от посягательства цинского Китая пока не могло. Цинские пограничные власти не оставляли попыток вооруженным путем изменить ситуацию и заставить алтайцев признать их власть.

Своеобразие политической ситуации в Горном Алтае состояло в том, что во второй половине 1750-х гг. в его южной части, периодически наводняемой цинскими войсками, оставалась значительная группа алтайского населения, формально не принявшая ни российского, ни цинского подданства. В конце августа 1756 г. командующий монгольскими войсками Шадарван направил свои отряды к Телецкому озеру «для собрания» теленгитов. Но вскоре он принял решение поднять антицинское восстание и возвратился в Западную Монголию. С уходом монгольских отрядов в Горном Алтае создалось относительно безопасное положение. Поэтому алтайцы (тау-телеуты), жившие вблизи Бийской крепости, просили командующего Колывано-Воскресенской линией полковника Ф.И. де-Гарригу отпустить их в свои кочевья. По запросу командующего линией, в Бийск были присланы через представителя администрации Кузнецкого уезда И. Максюкова списки старшин тау-телеутских дючинов. Осенью 1756 г. согласно этим спискам Ф.И. де-Гаррига отпустил в горы дючины демичей (старшин) Менки Будадыкова, Дарды Баачакова и Ереддея Майчикова. При содействии И. Максюкова причислили себя к тау-телеутам и добились отпуска с линии некоторые старшины, не состоявшие ранее в двоеданичестве. В их числе были люди зайсанов Кутука, Намыкая и демичи Тандагана. По имеющимся данным, с линии было отпущено 223 человека мужского пола [Потанин 1866: 95]. Однако Ф.И. де-Гаррига был обвинен в том, что за взятки отпустил многих теленгитов и урянхайцев, которые никогда не были двоеданцами. В своем ответе Ф.И. де-Гаррига утверждал, что они ушли в горы самовольно.

Для расследования случаев отпуска с военной линии алтайцев и допущенных злоупотреблений (принуждение зайсанов к даче взятки и

др.) при принятии джунгарцев в российское подданство была создана специальная комиссия во главе с полковником Лорихом. Полковник Ф.И. де-Гаррига был отстранен от своих обязанностей и посажен под арест. Вскоре комиссия установила непосредственных виновников, эмиссаров калмыцкого хана, которые вместе с переводчиком Девятяровским отбирали у алтайцев скот, пожитки и заставляли их возвращаться обратно в свои кочевья. Например, старшины Дайдаган и Дудей рассказывали, что когда они со своими людьми шли к русским укреплениям и встретили калмыцких посланцев с Девятяровским, то те стали запугивать их, говоря, что будто бы за алтайцами идут цинские войска, «отчего, они устрасясь, оставя всех своих выючных лошадей и прочее, что при себе имели, ушли в камень». Данный факт был признан и в письме калмыцкого хана Дондук-Даши в КИД России от 3 сентября 1757 г. [Моисеев 1983: 94–95].

Вместе с тем, следует сказать, что действительно некоторые старшины, не желая переселяться в Повожье, самостоятельно бежали со своими людьми с Колывано-Кузнецкой линии обратно в горы. Например, 28 августа 1756 г. шуленги Еркедек ушел со своими людьми к Телецкому озеру. Старшины Чукулай, Чокы и Шодой увели в верховья Чарыша около 50 кибиток. Вернулись в горы со своими людьми зайсан Кокшин Емзынаков и его брат Ибель, но они не отказывались от российского подданства [Потанин 1866: 105–106, 114].

Миссия Ф. Заливина и И. Максюкова. Полковник Лорих, прибывший в Бийск для расследования обстоятельств ухода алтайцев (теленгитов) с Колывано-Кузнецкой линии, приказал снова вывести всех ушедших на линию. Ко всем ясачным старшинам и некоторым «без подданства» (например, зайсану Бооколу) были направлены письма. В письме Бооколу отмечалось о существовании якобы высочайшего указа о том, что когда он выйдет на линию и примет российское подданство, то будет возведен «в ноены» [Самаев 1991: 142]. Для того чтобы доставить письма и уговорить старшин выйти на военную линию 9 июня 1757 г. из Бийска в горы Алтая направляется поручик Ф. Заливин с 25-ю вооруженными людьми. Вскоре он прибыл на р. Найму к ясачным старшинам Намыкаю, Тарды и Ередею. С них были взяты письменные обязательства о том, что они осенью, «как снимут урожай с посевов», прикочуют к Бийску. Старшины Тандаган и Тудей, узнав о прибытии отряда, откочевали вверх по р. Найме. Позднее на встречу с Ф. Заливиным приехали их сыновья Саин-Белек и Коктеяк, которые сказали, что они «опасение имеют, чтоб их в торгоуты не отдали, и от того больше и удаляютца, а ежели де для отдачи в торгоуты стали их силою брать, то б они сами себя ножами перерезали». Следуя вверх по Катунь, Ф. Заливин узнал, что старшина Менко Буталыков находится в верховьях р. Ануя, а зайсан Боокол с семьей дючинами стоит на р. Улегеме. 20 июня поручи-

чик Заливин прибыл к демичи Танжияку на р. Ело. Танжияк отказался идти к Бийску, заявив, что он хоть и ясачный, но «жить должен на своем месте, где ныне живет, ибо и отцы их родились на тех местах». Такой же ответ дал старшина Ибель. Отряд Ф. Заливина 21 июня подошел к р. Улегем. На встрече, состоявшейся на следующий день, Боокол не пожелал идти в Бийск для вступления в русское подданство. Свой отказ он объяснял тем, что приезжали к нему «главные нойонские дети четыре человека», в том числе сыновья бывшего джунгарского хана Аджи и Амурсаны, которые говорили ему, что они и их сторонники избрали новым ханом Джунгарии сына Аджи. После встречи отряд поручика был обстрелян людьми Боокола. Понеся потери, Ф. Заливин отступил к Катунь и два дня находился в осаде. Когда его отряд переправился на другой берег Катунь, то на него напали вооруженные люди волости Етысару [Самаев 1991: 142]. Таким образом, миссия Ф. Заливина была безрезультатной, оставшихся в горах алтайцев склонить к выезду в Бийскую крепость не удалось.

В октябре 1757 г. из Кузнецка был послан сын боярский И. Максюков (Максеков), которому поручалось собрать подать с ясачного населения, попытаться вернуть снаряжение и лошадей, захваченных у отряда Ф. Заливина. Кроме того, он должен был попытаться уговорить зайсанов Боохола, Намжила и Чубрека перейти в российское подданство. Последние два зайсана были готовы принять российское подданство, однако опасались отправки в Поволжье. Зайсан Боокол через своего старшину передал, что готов принять российское подданство, но с условием оставить его и бывших двоеданцев на Алтае. 17 октября, когда И. Максюков собирал ясак на р. Кайырлыке, произошла его встреча с двумя сыновьями и братом зайсана Боохола. Они выразили возмущение тем, что джунгарцев (алтайцев), прибывших на линию для принятия русского подданства, отдали калмыцкому хану. На предложение идти к Бийску посланцы Боохола ответили отказом из-за боязни отправки на Волгу. Люди Боохола отняли у кузнецких сборщиков часть собранного ими ясака. По просьбе И. Максюкова, зайсан Кокшин и демичи Танжияк собрали более сотни вооруженных всадников и отправили их в погоню за посланцами Боохола. В то же время к И. Максюкову обратился с просьбой о приеме в русское подданство зайсан Намжил Тысов, в ведении которого было одних только мужчин более 200 человек. Однако жить он хотел на прежнем своем месте в Уймоне. По указанию Кузнецкой воеводской канцелярии зайсан Намжил Тысов был приведен к присяге о принятии русского подданства. Изъявил желание вступить в российское подданство зайсан Чубрек Акбилеков, но он также хотел остаться в нынешних местах проживания. Чубрек обещал искать зайсана Боохола [Моисеев 1983: 101; Самаев 1991: 143]. В целом, миссия И. Максюкова оказалась удачной. В ходе встреч и переговоров ему уда-

лось убедить оставшихся в горах Алтая зайсанов без определенного подданства, кроме зайсана Боокола, принять российское подданство.

Вторжение цинских войск. В декабре 1757 г. от русских казаков, собиравших ясак в Горном Алтае, стало известно о том, что цинские власти послали в верховье Чуи к зайсану Бооколу двух чиновников и двух знатных людей из телесов, чтобы склонить его к вступлению в подданство цинского Китая. Боокол ответил им, что с будущего 1758 г. алман платить не отрекается, а за нынешний год «дать нечего». 7 декабря 1757 г. к деревне Усяцкой вышел посланец от демичи Тарды с письмом, подписанным Кокшином, Ибелем, Тудеем и Намыкаем. В письме сообщалось, что монголы и Боокол двумя отрядами напали на них и всех разграбили, а старшины с оставшимися людьми девятый день находятся в осаде «ниже урочища Себей Амагмаевой архи выше при каменной сопке». Отряд Боокола насчитывал более 400 воинов. Русское командование уклонилось от посылки им военной помощи, мотивируя тем, что это ослабит пограничную линию. Также стало известно о прибытии военных отрядов Чадака для «утверждения и разобрания прежних завоеванных китайскою стороною зенгорцев к платежу... богдыхану алмана». Они захватили в плен зайсана Намжила Тысова, демичи Укушека Качаева с волостью Етысару, а также старшин Арчака Кучелина, Шабыка Булакова и Саин-Белека Тандыганова со своими людьми. Цинско-монгольские отряды угнали в неволю значительную группу алтайского населения. По сообщению зайсана Кокшина, вырвавшемуся из окружения, монгольские войска алтайцев (джунгарцев), живущих по рекам в вершинах Ануя, Чарыша и Ебагана, «всех разорили и в полон побрали». А демичи Тандаган рассказал, что пришедшие монголы разбили весь его дёчин, а сам он вместе с сыном сумел в ночное время бежать из плена. В руки врагов попал также демичи Бюдуки. К сыну старшины Пупелека Ибертеню, который со своими людьми укрепился в долине р. Аргута, монголы трижды присылали людей, чтобы склонить его в цинское подданство. Однако Ибертен дал отказ, объявив, что лучше идти в российское подданство, потому что в «китайском де владении итак отца его коньми безвинно растаскали» [Самаев 1991: 146–147; Русско-джунгарские 2006: 229].

О трагических событиях середины XVIII в. сохранилось множество исторических преданий. Согласно одному из них, речка Чече – правый приток Чарыша и одноименная гора (недалеко от совр. села Жодралу) получили свое название в память о старшине Чече. Отряд Чече, осажденный на горе, успешно отражал атаки врагов, пока те не подожгли лес на склонах горы. После прорыва обороны, большинство осажденных людей были перебиты. Но Чече и некоторые его приближенные, чтобы не попасть в плен, бросились со скалы [Бунге 2004: 260]. Существует очень похожее предание о воине Ёскүс-ууле и его сестре, которые после ги-

бели алтайского ополчения взобрались на скалу и оттуда отстреливались. Затем, чтобы не попасть в руки врагов, они также бросились со скалы, расположенной недалеко от нынешнего села Беш-Озек. Есть также предания о сражениях около гор Бабырган, Шак-Шак, Чаптыган, Карагая, Артал, Жал-Мөнку, Сёокту-тайга и др. В памяти алтайского народа сохранились рассказы об Омбо-зайсане, Тузагаше, Толдое, Түкее, Бүдүки, Эрелдее, Чаптыгане, сыновьях Солтона и других героях XVIII столетия [Вербицкий 1893; Потанин 1917; Алтай 1994; Алтайцы 2005].

В декабре 1757 г. старшины Тарда, Ерелдей и Намыкай, опасаясь цинского отряда (700 воинов), собрали своих людей в один лагерь в устье р. Наймы. Там они начали валить деревья и сооружать укрепления из бревен «в крепких и безопасных к обороне местах». Сами старшины с 60-тью вооруженными людьми выдвинулись к р. Муны. Недалеко от них расположились демичи Менко Буталыков и зайсан Кокшин. Бежавшие из плена люди рассказывали, что зайсан Боохол заодно с мунгалами и алтайцев, не являющихся ясачными, присоединяет к себе, а его ставка находится «в далних мунгалских лагерях». Пленных ясачных, которых следовало отправлять в кочевья Чадака на р. Кобдо, держали в лагерях под караулом. Еще один очевидец событий Тархи Букундеев рассказывал, что в 1757 г. он вместе с демичи Чухулаем и другими бежал с военной линии обратно в долину Кана. Зимой монголы захватили 20 их кибиток и угнали в кочевья Чадака. Пленники оттуда бежали, но до родных мест добрались только 11 кибиток [Потанин 1866: 114; Самаев 1991: 146–147]. Зимой цинско-монгольские набеги прекратились. В феврале 1758 г. старшины Намыкай, Ерелдей и Тарда сообщали, что у них все благополучно, из-за снега и зимы «от Боохолы нет опасности». 16 февраля люди старшины Намыкай говорили, что зайсан Боокол и демичи Танжияк отбыли из своих мест и перешли к маньчжурам. А захваченные в плен ясачные люди «ныне по несколько человек» стали возвращаться в свои жилища [Самаев 1991: 148].

После выхода зайсана Кулчугая осенью 1756 г. к Усть-Каменогорску, его старшины Анжик, Секелюк и Кокой со своими людьми остались в прежних кочевьях на правобережье Иртыша. В начале 1757 г. эти старшины присоединились к Амурсане. Мятежный нойон установил связь с демичами Яйкашем и Дабхуром, уже принятых в российское подданство и находившихся около форпоста Уваровского. После ареста и высылки в Бийск указанных и других старшин всяческие отношения были пресечены. Для установления местонахождения Амурсаны 16 марта 1757 г. из Усть-Каменогорска был послан отряд вахмистра Беседного. Но после стычки на р. Аблайкет со сторонниками Амурсаны отряд Беседного вернулся обратно. 24 марта на р. Аблайкет направился Ф.И. де-Гаррига во главе большого отряда с артиллерией. Однако захваченные в плен урянхайцы сказали, что Амурсана, пробыв здесь около меся-

ца, перекочевал вместе с их старшинами «в урочище Хотун Хорогай» с намерением соединиться с зайсаном Бооколом и прочими [Самаев 1991: 149].

Для захвата людей зайсана Кулчугая и других джунгарцев, укрывшихся в горах близ Колыванской линии, в конце зимы туда был направлен большой цинский отряд. Но с наступлением весны цинские войска вернулись в западную Монголию. С верховья Чуи они увели с собой зайсана Боокола и демичи Танжиака с их людьми. Позднее стало известно, что весной 1758 г. Боокол и его брат Боожик умерли. Дети Боокола с приближенными бежали из Монголии и, вернувшись обратно, скрывались в долине Каракола, «при реке Кенгелю» [Потанин 1866: 109]. Для поимки сыновей зайсана Боокола в конце лета 1758 г. был послан цинский отряд.

Летом 1758 г. цинско-монгольские войска возобновили набеги на территорию Горного Алтая. В августе цинский отряд напал на ставку зайсана Кокшина и захватил в плен самого зайсана с семьей. Затем они напали на демичи Качая. Но зайсан Кокшин, бежав из плена, собрал около десятка человек и устроил засаду в верховьях р. Семы. После внезапного удара по цинскому отряду Кокшин отбил большую часть плененных людей. Цинские отряды перешли в северную часть Горного Алтая – в Комляшскую, Кузенскую, Кергешскую волости и увели с собой нескольких старшин. Позднее жители Кергешской волости сообщили, что в составе цинского войска, прибывшего в их волость, находились зайсаны Чадак и Чулун, а также 60 человек из Тёлесских волостей. Цинские командиры пытались выяснить местонахождение старшин Тарды, Ерелдея и Намыкая, но кергешцам «обид не чинили». В это время Намыкай кочевал в 15-ти верстах от Усть-Нянинского форпоста, а Тарда и Ерелдей успели укрыться в труднодоступных горах. К концу 1758 г. цинские отряды покинули пределы Горного Алтая. В январе 1759 г. посланец зайсана Намыкая в Бийске сообщил о захвате мунгальцами пяти юрт старшины Менки. А к башлыку Комляшской волости Сарбаге приходил цинский посланец и требовал, чтобы башлык выдал живущих в его волости 50 юрт пришлых урянхайцев, «не бывших в подданстве российском» [Потанин 1866: 108–111; Самаев 1991: 151]. Однако попытки силового захвата пришельцы не предпринимали.

Набеги казахских отрядов. В марте 1758 г. командующий сибирскими линиями К.Л. Фрауендорф доносил сибирскому губернатору, что по Иртышской линии мимо крепостей и форпостов беспрестанно едут группы киргиз-кайсаков (казахов) вверх по Иртышу по 30–100 человек для разорения оставшихся джунгарцев. В конце осени 1758 г. на кочевья алтайцев напали отряды казахских старшин Барака и Кошкарбая. В донесении военного командования от 12 января 1759 г. сообщалось, что через Колыванскую линию возвратился казахский отряд с пленными.

Потом было выяснено, что из похода возвратилась только половина отряда Кошкарбая. А сам Кошкарбай рассказывал, что, прибыв на Алтай, они разделились на сотни и следовали до волости старшины Менко. По пути они грабили и пленили людей, но из-за выпавшего глубокого снега вернулись домой, взяв в плен до 80 кибиток с 300-ми человек [Потанин 1866: 111]. 21 января отряды во главе с Кошкарбаем, Бараком и Кудайберды вновь совершили набег на кочевья алтайцев. Стало известно, что Кошкарбай дошел до Катунь, захватил много пленных. Подверглись нападению люди зайсана Намыкая Малаева, сосредоточенные между Бией и Катунью близ Бийска. Из полусотни его кибиток спаслась только половина. Зайсан Кокшин со своей семьей скрылся в горах около Катунь. В середине февраля 1759 г. мимо Усть-Каменогорска проследовала группа казахов, идущая из Алтайских гор. На расспросы дозорных они ответили, что ведут пленных, захваченных при разгроме 20-ти кибиток около р. Катунь. В плену оказались только женщины и дети, а все мужчины погибли во время стычек. По словам казахов, Кошкарбай с 400-ми всадников продолжил поиск старшины Менко. А в марте стало известно, что Кошкарбай с двумя сыновьями убиты, а два других его сына получили ранения. Согласно реестру, составленному в апреле 1759 г. командованием сибирских линий, в ходе казахских набегов были убиты старшины Менко Баталыков, Тарда Боочаков и Аксак. Вся волость Менко попала в плен, у старшины Тарды убито 21 человек и пленено 46 человек, а у старшины Ередей увели в плен 81 человека и угнали 130 лошадей [Самаев 1991: 152–153].

В апреле 1759 г. командующий сибирскими линиями К.Л. Фрауендорф направил султану Аблаю послание со списком 219-ти пленных, в котором содержалась просьба возвратить ясачных теленгитов. Такое же послание было направлено старшине Кулсары. Аблай ответил, что у них в Среднем жузе нет требуемых людей, а Кулсары обещал узнать и сообщить о наличии пленных людей. Поездка М. Арапова в Средний жуз к Аблаю и Кулсары тоже оказалась безрезультатной. Более того, Кулсары летом сообщил, что «как жары минуются около жнитва или как иней появитца» состоится новый поход в Алтайские горы. С середины января 1760 г. мимо Усть-Каменогорской крепости стали проходить группы казахов, возвращавшихся из Алтайских гор. По рассказам очевидцев установлено, что отряд в 1500 всадников во главе с Бараком ходил на р. Чую. Там были взяты в плен юрты теленгитов и мингатов. Затем отряд Барака вторгся в бассейн р. Кобдо, где проживали люди цинского зайсана Чадака. Это вызвало обратную реакцию – цинские отряды стали преследовать Барака. Цинское правительство заставило султана Аблая выдать пленных, а предводитель набегов Барак-батыр был казнен. С тех пор прекратились казахские набеги в пределы Горного Алтая [Самаев 1991: 154; Моисеев 2006: 16, 17].

Попытка укрепления границы. Вблизи Кольванской линии находилась группа людей, «кои ни в каком подданстве не находятца», и для их захвата около линии постоянно появлялись цинские отряды. Кроме того, данный контингент людей совершал угоны лошадей из-под линии, что вызывало беспокойство командования военной линии и сибирских властей. В рапорте от 3 ноября 1758 г. Ф.А. Соймонов просил КИД России вынести определение относительно посылки отрядов для «искоренения» неясачных людей. К.Л. Фрауендорф и полковник Девиленов попытались привлечь к поиску «шатающихся в горах уранхайцев» без определенного подданства, русскоподданных алтайских старшин. Однако они не изъявили желания заниматься поиском. Например, зайсан Кокшин отказался, сославшись на нехватку лошадей и невозможность быстро собрать людей, разъехавшихся на звериный промысел. Указом КИД России от 31 декабря 1758 г. разрешалось местным властям поступать в этом деле по своему усмотрению. 20 февраля 1760 г. из Чакырской крепости вышел отряд прапорщика Ширяева, насчитывающий 150 человек, и направился вверх по Чарышу. В устье р. Коргон были захвачены в плен 12 человек («шатающихся»), остальные убежали на лыжах и, укрывшись на вершине горы, отстреливались. Часть отряда погналась за группой, ушедшей в сторону р. Кан. Заметив погоню, беглецы поднялись на гору, где имелись «защиты и бойницы» для обороны «от мунгалов и киргизов». В состоявшемся бою были убиты и взяты в плен 12 человек, а 28 февраля Ширяев пленил еще 14 человек. В Чакырской крепости часть пленников приняла крещение, а потом она была отправлена в г. Ставрополь на Волге [Потанин 1866: 113].

Правительство России в интересах безопасности границ считало нужным присоединить земли алтайцев к России. Так, в 1759 г. было вынесено решение занять от Усть-Каменогорской крепости по р. Бухтарме и далее до Телецкого озера «угодные к населению места и на них построить крепости в удобных местах». В июне 1760 г. из Бийска двинулась к Телецкому озеру экспедиция во главе с майором Энденом и инженер-капитаном Плутовым. Экспедиции предстояло обогнуть озеро и, двигаясь вдоль р. Чулышмана, выйти к истокам Бухтармы. Однако участники экспедиции, не найдя опытных и знающих дорогу проводников, от речки Иджиган [Эдиган] возвратились обратно. Другая экспедиция, возглавляемая секунд-майором Шанским, выступив из Усть-Каменогорска, направилась к верховьям Бухтармы. Пройдя указанный маршрут, Шанский доложил, что несудоходная р. Бухтарма и высокие, покрытые непроходимой тайгой и снегами горы не позволят провести намеченную линию крепостей. Ознакомившись с неутешительными сведениями Шанского, губернатор Ф.И. Соймонов предложил правительству провести линию несколько севернее: по верховьям рек Ульбы, Чарыша, Ануя [Моисеев 1983: 105–106].

Указом Сената от 17 февраля 1760 г. вновь подтверждалась необходимость строительства цепи крепостей от Усть-Каменогорска до Телецкого озера. Весной 1761 г. были направлены три новые экспедиции. Из Усть-Каменогорска вверх по Бухтарме следовала партия, возглавляемая инженер-майором Петрулиным, из Чакырского рудника также к верховьям Бухтармы двигалась экспедиция секунд-майора Поливанова, а Энден и Плотов с командой шли прежним маршрутом. Осенью того же года все экспедиции благополучно возвратились. Ф.И. Соймонов, изучив доставленные материалы, в докладе Сенату от 24 августа 1761 г. писал, что «за непроходимыми естественными препятствиями намеренное занятие линией от вершины Бухтармы по берегам рек Большого и Малого Хаир-Кумина и реки Кокусун по берегу реки Катунь и вниз по оной... никоим образом исполнителя не может» [Моисеев 1983: 107]. Таким образом, от проведения новой линии пришлось отказаться, а территория Горного Алтая осталась за пределами линии российских военных крепостей, форпостов и других укреплений. По внутреннюю сторону китайских застав оказалась юго-восточная окраина Горного Алтая. В дальнейшем территории Горного Алтая и Урянхайского края (Тувы) цинским правительством стали рассматриваться как буферная зона между цинским Китаем и царской Россией [Словцов 1886: 264; Моисеев 1983: 122–125].

Продолжение цинских набегов. В 1763 г. кочевья алтайцев вновь испытали волну цинского вторжения, связанную с тем, что цинским властям стало известно о намерении русского правительства построить в Горном Алтае цепь крепостей. Опасаясь, что в этом случае алтайцы окажутся с внутренней стороны новой русской военной линии, цинские власти торопились захватить и переселить их на свою территорию. В январе 1763 г. цинский отряд напал на кочевье зайсана Кокшина по р. Кенге. Подробности нападения стали известны позднее по рассказу демичи Битюки Куранакова. По его словам, на р. Черча на них напал трехтысячный отряд во главе с Чадаком. В бою зайсан Кокшин и 27 мужчин были убиты, а 17 человек попали в плен. Всего войска Чадака захватили 57 кибиток ведомства Кокшина и угнали более сотни лошадей. В послании зайсанов Намыкая и Кутука говорится также о пленении брата Кокшина демичи Ибея. Нападению подверглись и те, кто зимовал по р. Семе. Цинский отряд (600 человек) захватил в плен у зайсана Кутука 9 человек вместе с его племянником Кожонберди Мамытовым и угнал 250 лошадей. Попал в плен старшина Коктеяк с частью своих людей. Захваченные на Семе пленные были приведены на р. Кенгу, где находился цинский лагерь. Там они были представлены цинскому командиру, и по его велению люди зайсана Кутука, являющиеся российскими подданными, были отпущены на свободу. Однако их лошади, а также другие пленные остались у монголов [Самаев 1991: 158].

По согласованию с русским командованием Битюка Куранаков ездил в ставку цинского командира. Но вместо того, чтобы освободить из плена членов своей семьи, он сам стал пленником. Затем Битюку около месяца везли дальше до городка Алтаин Хоту, где он был представлен главному цинскому командиру. Здесь Битюку продержали 10 дней и под конец отдали Чадаку. А он распорядился поселить 38 кибиток, захваченных в Горном Алтае, в полдня езды от своей ставки, по р. Кобде. Демичи Коктеяк и Битюка были поселены с ними же. Вскоре группа из 38-ми кибиток бежала, отняв всех лошадей у приставленных к ним людей. Беглецы были настигнуты на р. Коксу и, чтобы спастись, разъехались в разные стороны. Так Битюка с двумя кибитками дошел до урочища Бабырган на Катунь, а Коктеяк остановился на р. Муйте. Но в конце июля на них опять напал отряд цинского зайсана Чадака. Полковник Ф.И де-Гаррига, вновь ставший командующим Колывано-Кузнецкой военной линией, и алтайские старшины решили послать в Западную Монголию Мамыта Кутайгулина в сопровождении четырех человек с требованием выдать пленных российских подданных и захваченный скот с имуществом. Летом 1768 г. М. Кутайгулин добрался до г. Буэнтун-Куту и встретился с наместником Кобдинского округа. Здесь его задержали на три месяца, ожидая распоряжения из Пекина. М. Кутайгулину не удалось освободить пленных сородичей, и в конце ноября он вернулся домой [Самаев 1991: 158–159].

Вплоть до начала 1790-х гг. цинские власти не оставляли идею отторжения земель алтайцев. Так, летом 1790 г. к алтайцам, живущим по долинам Семы и Песчаной, прибыли цинские чиновники и потребовали освободить эти места. Более того, цинские посланцы закапывали «в скрытых местах каменные доски с надписями на их диалекте», которые по их традициям зарывались на китайской границе. О претензиях цинских чиновников Г. Штрэндман в декабре 1790 г. сообщил в КИД России, а 1 апреля 1791 г. он получил высочайшее повеление пресекать каждый случай территориального притязания цинской пограничной администрации. В случае невозможности мирного разрешения инцидента предписывалось остановить его «действием воинских команд». По указанию Г. Штрэндмана, из Бийской крепости в Горный Алтай были направлены капитан Генинг, прапорщик Волков и бийский земский исправник с воинским отрядом. Для демонстрации решимости русских властей пресекать притязания цинского Китая на земли алтайцев, часть отряда Генинга на некоторое время была там оставлена. В дальнейшем цинские пограничные власти отказались от провокационных действий [Моисеев 1983: 111–113; Самаев 1991: 168–169].

Возврат к мирной жизни. Алтайцы, не принявшие ни российского, ни цинского подданства, из-за постоянных цинских набегов стали постепенно присоединяться к ясачным (бывшим двоеданническими) волостям.

Старшины ясачных волостей стали выдавать их за своих людей. Например, весной 1759 г. в Бийске стало известно, что 50 юрт алтайцев живут в Комляшской волости. Старшинам ясачных волостей было приказано уговорить их выйти на линию для принятия российского подданства или же откочевать из ясачных волостей. В противном случае их предлагалось поймать и отправить в Омск для препровождения на Волгу. Ф.И. де-Гаррига послал в Комляшскую волость Акучая Истегешева. Башлык Комляшской волости Сарбага Иванов говорил Акучаю, что бывшие джунгарские подданные живут в дючине его демичи Икыша Тазаева, «которой де их к себе присовокупляя, держит ис подарков». Однако Сарбага не пропустил Акучая в дючин Икыша. В рапорте сибирского губернатора Ф.И. Соймонова от 2 марта 1759 г. упоминается, что старшины Намыкай, Кокшин, Ибель, Тарда и Ерелдей под видом бывших двоеданцев тау-телеутов приняли много семей, которые ранее не были ясачными. Старшины явно скрывали наличие таких семей в своих дючинах [Самаев 1991: 158–160]. Вероятно, именно причислением неясачных людей следует объяснять заметный рост населения в алтайских (тау-телеутских) дючинах. Так, в конце 1750-х гг. во всех алтайских дючинах, без учета двух двоеданческих телесских волостей, было 417 душ мужского пола. А в 1763 г. в тех же дючинах учтено уже 475 душ мужского пола [Самаев 1991: 160]. Как видим, рост населения все же происходил, несмотря на большие людские потери от набегов цинских и казахских отрядов.

В 1760-х гг. в Горном Алтае насчитывалось шесть старых ясачных волостей (в бассейнах рек Бии, Лебеди и Иши), пять тау-телеутских дючин (по Катунь, Коксу, Урсулу, Семь, Песчаной, верховья Чарыша и Ануя) и две новых «двоеданческих» дючин, расположенных в долинах Чолушмана, Башкауса и Чуи. Пять тау-телеутских дючин были образованы на основе трех бывших джунгарских дёчинов и двух обескровленных войной отоков. Так, дючина Ерелдея Мачакова (впоследствии 1-я дючина) ранее входила в оток зайсана Намыка Еманаева, дючина Бютюки Куранаева (4-я дючина) – в оток зайсана Кокшина Емзынакова и дючина зайсана Иренчея Менкина (5-я дючина) – в оток зайсана Бурута Амгулунова. Лишь дючины зайсанов Кутука Кутайгулина (впоследствии 2-я дючина) и Намыкая Малаева (3-я дючина) были бывшими джунгарскими отоками [Самаев 1991: 160]. Так как большинство дючин ранее были дёчинами (40 дворов), то отсюда и их название с соответствующей нумерацией: первая алтайская (тау-телеутская, калмыцкая) дючина, вторая алтайская дючина и т. д.

Возобновление системы «двоеданства». После разгрома Джунгарского ханства теленгитов и тёлёсов, живущих в юго-восточной части Горного Алтая, принудили к подданству Цинской империи. Они назывались

«алтан-норскими урянхайцами» и были распределены на два кошуна, которые входили в состав Кобдоского округа провинции Кобдо-Улясутай [Мэн-гу-ю-му-цзи: 448]. Зайсаны имели офицерское звание ухери-да (полковник), демичи – джерги янгин (капитан), шуленги были в звании тунда бошко (лейтенант) с соответствующими форменными шапками [Радлов 1989: 125–126, 519]. Теленгитские зайсаны платили в цинскую казну подати – «алман» из расчета от каждого взрослого мужчины две шкурки соболя или 40–60 шкурок белки в год. По имеющимся сведениям, теленгитские зайсаны, исправно сдавшие ежегодную подать, получали от китайской администрации в Буенту различные подарки: слитки серебра, шелковые и хлопчатобумажные ткани [Гельмерсен 1840: 438; Вербицкий 1886: 15; Вербицкий 1893: 6; Радлов 1989: 127–128; Калачев 1896: 500].

В официальных российских документах указанные два теленгитских кошуна назывались первой и второй тау-телеутскими (телесскими) двоеданническими волостями. А во второй половине XIX в. за ними закрепились новые названия: первая и вторая чуйские волости (дючины) [Швецов 1900: 229, 231]. Зайсаны теленгитов добровольно вносили ясак и в российскую казну. Кузнецкая воеводская администрация пыталась вызвать теленгитских (телесских) зайсанов на комиссию по переобложению ясаком. Для этого был послан В. Ефремов. 15 октября 1765 г. он вернулся в Кузнецк и доложил, что «лутчие люди» Телесских волостей отказались ехать в Кузнецк, сославшись на то, что их зайсаны Еронак и Базан «уехали в дальние соболиные промыслы». При сдаче ясака зайсаны двоеданнических волостей, как и алтайские зайсаны, получали от сборщиков подарки. Например, 6 августа 1768 г. зайсан Тангыт Тартыков и демичи Кобояк Тадыров получили от ясачного сборщика В. Шестакова двадцать фунтов табака. Из ведомости Кузнецкого окружного казначейства видно, что до 1798 г. тау-телеутские двоеданнические волости платили в российскую казну «ясак неокладным числом, но столько, сколько им разсудится и не более, как по 40 голов» [Самаев 1991: 162]. В 1798 г. кузнецкий исправник Калачев уговорил зайсанов этих волостей увеличить размер ясака в два раза [ЦХАФАК. Ф.169; РГИА. Ф.468]. В начале 1760-х гг. численность взрослого мужского населения в двух тау-телеутских волостях составляла приблизительно 214 человек, а в первой половине 1850-х гг. – примерно 1500 человек [Самаев 1991: 161; Гагемейстер 1854: 19]. Но чуйские теленгиты занимали большую территорию на юго-восточной части Горного Алтая.

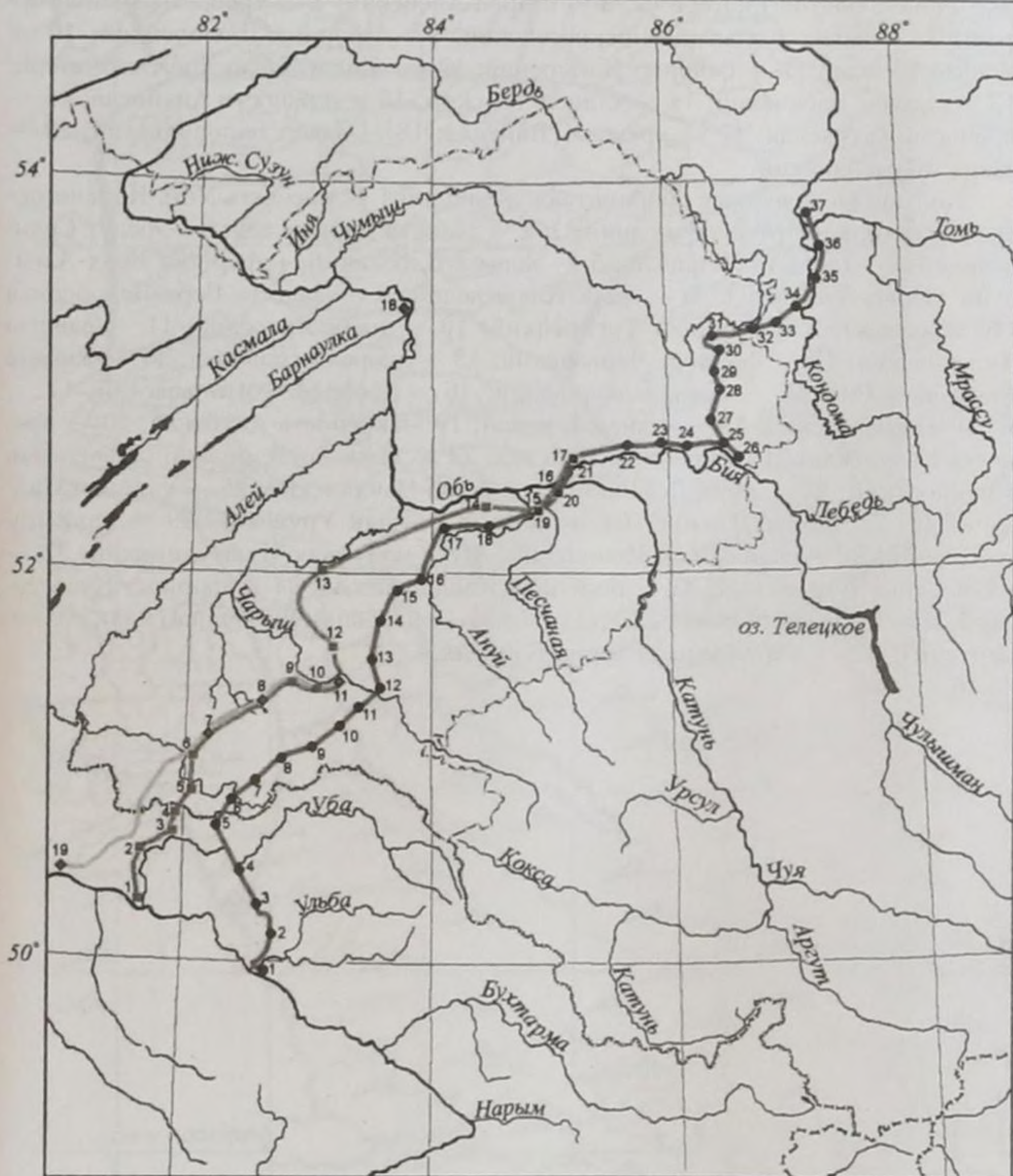
В целом, процесс присоединения территории Горного Алтая к Российскому государству занял около двух с половиной веков. На первом и втором этапах (конец 1620-х – 1710-е гг.) были обложены ясаком, т.е. включены в государственную фискальную систему России племена

долин Бии, Ишы и Наймы (Маймы): кумандинцы, чалканцы, тубалары (кюзены, кергеши, юсы и комдоши) и тау-телеуты. Но вплоть до середины 1750-х гг. они платили подати (алман) и в пользу джунгарского хана, т.е. они находились в двойной зависимости от правительств России и Джунгарии.

Третий этап (1756–1757 гг.) стал переломным рубежом в истории алтайского народа. В сложной международной обстановке, создавшейся после разгрома Джунгарского ханства Цинской империей, основная часть алтайцев (теленгуты, урянхайцы) добровольно приняла подданство Российского государства. Вместе с ними российское подданство приняли разноплеменные джунгарские беженцы. Согласно решению российского правительства преобладающая часть алтайцев подверглась переселению на Нижнее Поволжье. В Горном Алтае оставались, кроме вышеуказанных северо-алтайских племен, еще три группы алтайского населения: 1) группа «новоподданных» алтайцев, которая под разными предлогами уклонилась от переселения на Волгу; 2) группа алтайского населения без определенного подданства; и 3) алтайцы – теленгиты, принявшие цинское подданство. В административном отношении «новоподданные» алтайцы (ойроты) были объединены в пять алтайских (тау-телеутских, калмыцких) дючин Бийского округа. Территория их кочевий («калмыцкие стойбища») ограничивалась на востоке и юге долиной Катунь, а на западе и северо-западе – долиной Коксу, верховьями рек Чарыша, Ануй и Песчаной. На четвертом, завершающем этапе (1864–1865 гг.) чуйские теленгиты полностью становятся российскими подданными, а вся юго-восточная часть Горного Алтая окончательно закрепляется за Российским государством. Об этом подробно будет сказано в следующей главе.

Присоединение Горного Алтая, занимающего стратегическое положение на стыке Западной Сибири и Центральной Азии, укрепило геополитическую позицию России и создало условия для ее последующего продвижения в Центральную Азию. В многовековой истории алтайского народа середина XVIII столетия остается знаменательной вехой: в составе России стало возможным возрождение этнокультурного потенциала обескровленных войной теленгутов и других алтайских племен и их консолидация в алтайскую народность.

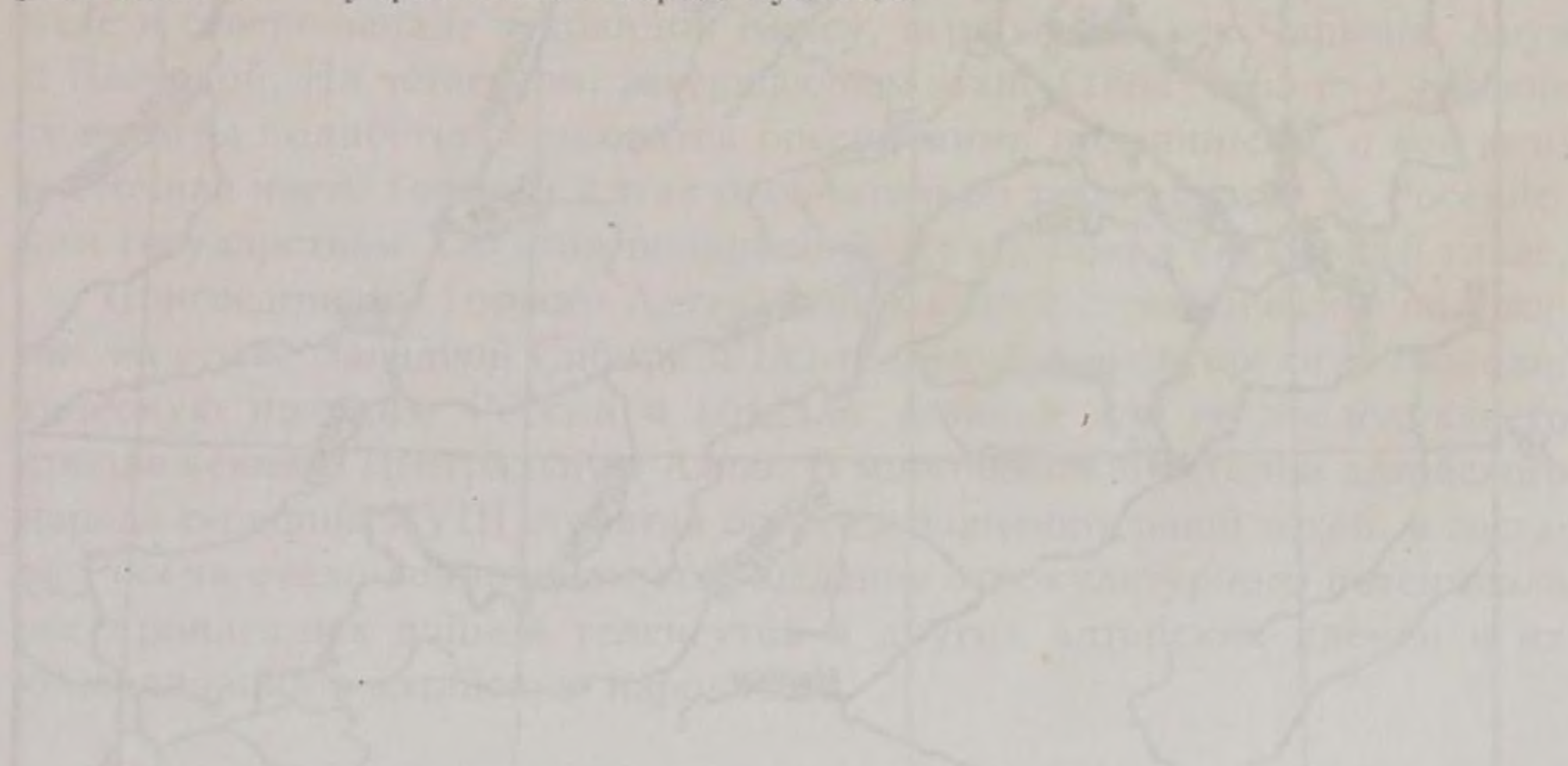
Русские крепости в Верхнем Приобье и Прииртышье (середина — вторая половина XVIII века)

- ◆—◆ Демидовские крепости, построенные в 1728-1744 гг.,
и соединяющая их дорога
- Укрепления старой Колыванской оборонительной линии, возведенные
или перестроенные в 1748-1757 гг., и соединяющая их линейная дорога
- Укрепления новой Колывано-Кузнецкой пограничной линии,
возведенные в 1765-1771 гг., и соединяющая их линейная дорога
- — — — — Современные границы России, Казахстан, Китая и Монголии
- - - - - Современная граница Алтайского края

Старо-Колыванская оборонительная линия: 1 — форпост Убинский; 2 — форпост Красноярский; 3 — форпост Шеманахинский; 4 — станец Спасский; 5 — станец Святой Екатерины; 6 — станец Алейский; 7 — крепость Змеиногорская; 8 — завод Колывано-Воскресенский; 9 — форпост Белорецкий; 10 — защита Инская; 11 — форпост Чагырский; 12 — станец Казанской Богоматери; 13 — станец Кабанский; 14 — станец Терский; 15 — крепость Ануйская; 16 — крепость Катунская; 17 — крепость Бийская; 18 — завод Барнаульский; 19 — завод Шульбинский.

Колывано-Кузнецкая оборонительная линия: 1 — крепость Усть-Каменогорская (входила в Иртышскую линию); 2 — защита Бобровская; 3 — редут Секировский; 4 — защита Убинская; 5 — защита Плоская; 6 — форпост Верх-Алейский (Ново-Алейский); 7 — маяк Ключевской; 8 — защита Верх-Белорецкая (Белорецкая); 9 — форпост Тигирецкий; 10 — маяк Яровской; 11 — защита Тулатинская; 12 — форпост Чарынский; 13 — маяк Сосновский; 14 — защита Маралых Рог; 15 — маяк Слюдянский; 16 — форпост Антоновский; 17 — маяк Николаевский; 18 — станец Терской; 19 — крепость Ануйская; 20 — крепость Катунская; 21 — крепость Бийская; 22 — маяк Бехтемирский; 23 — маяк Новиковский; 24 — маяк Лебяжий; 25 — маяк Сайланский; 26 — форпост Сайдынский; 27 — маяк Нижне-Ненинский; 28 — маяк Урупский; 29 — маяк Караканский; 30 — маяк Верх-Ненинский; 31 — полумаяк Пуштулимский; 32 — маяк Сары-Чумышский; 33 — полумаяк Кандаленский; 34 — форпост Куздеевский; 35 — деревня (маяк) Калтанская; 36 — деревня Ошмарина (маяк Ашмаранский); 37 — укрепленный город Кузнецк.

Административно-территориальное устройство
Западной Сибири во второй половине XVIII века

Часть рукописной «Сибирской генеральной карты» 1765 г. Фрагмент с территорией юга Западной Сибири. Вдоль западной кромки показана часть территории Тарского уезда. Публикуется впервые. В нижнем левом углу карты в ажурных овальных рамках помещены цветные символы сибирских городов. Некоторые из них воспроизведены на странице 77

Томская губерния в начале XIX века

Южная часть Томской губернии по состоянию на 1807 г. Показаны границы уездов: Нарымского, Енисейского (южная часть), Кашинского, Томского, Красноярского, Бийского, Кузнецкого

ГОРНЫЙ АЛТАЙ ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ XVIII—XIX ВВ.

2.1 Система местного управления

2.1.1 Местное управление во 2-й половине XVIII – начале XIX вв.

Административная политика правительства этого времени на территории Сибири характеризовалась нестабильностью. Шел постоянный поиск наиболее оптимального, с точки зрения центральной власти, варианта управления. В результате принятия в первой половине 60-х гг. XVIII в. ряда законодательных актов об административном устройстве Сибири, её территория была разделена на две губернии – Тобольскую и Иркутскую. Тобольская губерния, в свою очередь, делилась на Тобольскую и Енисейскую провинции, подразделявшиеся на уезды. Коренные жители Сибири объединялись в ясачные волости и улусы – особые административные единицы в составе уездов.

С 1775 г. административное устройство Сибири, как и остальных частей страны, определялось «Учреждением для управления губерний Всероссийской империи». В 1779 г. в составе Тобольской губернии была образована Колыванская область, в которую вошли четыре уезда (Кузнецкий, Томский и др.). В 1783 г. Колыванская область была переименована в губернию, включавшую пять уездов, в том числе Бийский (создан в 1782 г.) с центром в г. Бийске. Наконец, в 1804 г. образовалась Томская губерния, в которую вошли Бийский и Кузнецкий уезды. Территория Горного Алтая входила в состав Бийского уезда [Власть 2005: 105, 116, 127, 128, 130].

К началу XIX в., после неоднократных административных преобразований, структура управления Сибирью включала четыре уровня: наместнический (генерал-губернаторское управление), губернаторский (областной), уездный и волостной (крестьянское, инородческое самоуправление). Области в отличие от губерний имели упрощенный состав административного аппарата и создавались чаще всего в районах с преобладанием коренного населения [Власть 2005: 105, 116, 127, 128, 130].

Низовое звено управления коренных жителей Горного Алтая, принявших российское подданство, русской администрацией практически не менялось. Так, население Северного Алтая было объединено в ясачные волости и к середине XVIII в. расселялось, по сведениям кузнецкого воеводы, в следующем порядке. По обе стороны реки Бии располагались волости: Кумандинская (из Бийска езды 1 сутки; ясачных 110 чел.); выше по Бие – Кузенская (от Кумандинской в 20 верстах, 46 чел.); Комляжская (в 50 верстах, 51 чел.); Кергешская (от Комляжской 10 верст, при Телецком озере, ясачных 43 чел.). От Кергешской волости «два дня ходу лодками до двоеданцев», живших по другую сторону Телецкого озера. От Кумандинской волости 60 верст до Тау-Телеутской волости, расположенной по берегам Катунь и Маймы, ясачных 51 человек. Кроме них указаны еще волости Шелкалы и Юты (соответственно 46 и 11 ясачных людей). Перечисленные волости объединяли представителей этнических групп кумандинцев, тубаларов, телесов, телеутов и чалканцев [Потапов 1953: 173, 174]. Что касается «двоеданцев, живущих по ту сторону Телецкого озера», то в источниках их волость именовалась либо Телецкой, либо Телесской. В ясачной ведомости за 1763 г. вместо одной Телесской волости фигурировали две: Первая тау-телеутская двоеданческая волость зайсана Чебека и Вторая тау-телеутская двоеданческая волость зайсана Менкечека [Потапов 1969: 133; Самаев 1991: 24].

Алтайцы – бывшие джунгарские подданные – в административном отношении были объединены в пять дючин, во главе которых стояли зайсаны. Некоторые из них являлись потомственными (уктуу) зайсанами и были особо почитаемы народом. Об этом свидетельствует тот факт, что родословную потомственных зайсанов алтайцы хорошо знали [Радлов 1989: 123]. Ниже зайсана в должностной иерархии находились демичи и шуленги. А у большинства алтайцев названия административных единиц (дючина), должностных лиц управления, а также принцип объединения населения в ясачные волости сформировались в джунгарский период [Самаев 1991: 43; Шерстова 1999: 17, 18, 23]. Если говорить о принципе объединения населения в ясачные волости, то главным критерием была принадлежность к конкретному роду. У северных алтайцев вместо наименования зайсан значилось башлык (баштык), а вместо демичи и шуленги – ясаул [Самаев 1991: 43].

Название же волости могло возникнуть по наименованию рода, как это чаще всего было у ясачных северного Алтая, или заимствовано из названий, практиковавшихся в Джунгарии, что характерно для остальных алтайцев. Так, например, Кергежская волость получила название от рода тиргеш, Южская (Юсская) – от рода юс и т.д. [Потапов 1953: 250, 251].

Документом, определяющим основные положения системы управления и суда у коренных народов Сибири во второй половине XVIII в., была инструкция Сената, данная секунд-майору А. Щербачеву, командированному в 1763 г. в Сибирь для урегулирования сбора ясака и организации переписи ясачного населения. Инструкция определяла порядок сбора ясака, а также торговли с ясачным населением. Так, въезд торговых людей в ясачные («иноверческие») кочевья и улусы ограничивался одним разом в год во время ярмарок и сугланов, приуроченных ко времени сдачи ясака. Вмешательство русской администрации во внутренние дела «иноверцев» не допускалось. Вопросы сбора ясака, а также судебные разбирательства по гражданским и маловажным уголовным делам принадлежали родоначальникам, как и решение вопросов управления населением ясачных волостей и дючин [Дамешек 1986: 32, 33]. В указе, данном А. Щербачеву императрицей Екатериной II, говорилось, что все подвластные подданные ясачные «содержаны будут в желаемом спокойствии», с ними будут «обходиться ласково, показывая им всякое доброхотство и не чиня им не только каких-либо притеснений, обид, грабительств, но ни малейших убытков»; если же кто «дерзнет чинить ясачным народам нашим грабительства и разорения», то «наистрожайше следовать и с винными поступать по законам, а обидимых по справедливости защищать без промедления» [Ядринцев 1882: 107].

После переписи зайсаны получили копии актов, дарующих им различные льготы: звание зайсана было приравнено к чину майора, зайсаны освобождались от платежа ясака, к ним не применялись телесные наказания [Потапов 1953: 183]. Что касается должностных лиц двоеданческих волостей, то здесь зайсаны, демичи и шуленги получали от китайского правительства особые знаки отличия – форменные шапочки. Зайсан носил шапочку, увенчанную голубым прозрачным шариком полковника (ухери-да) и павлиньим пером. Шапочка демичи имела синий шарик, а шуленги – белый [Радлов 1989: 125, 126]. Инструкция 1763 г. определяла порядок управления коренными народами Сибири вплоть до принятия «Устава об управлении инородцев» 1822 г.

Сибирский исследователь Г. Спасский, описывая свое путешествие по Алтаю в 1806 г., отметил следующие характерные черты в системе управления алтайцев: «...калмыки [алтайцы] со стороны России и Китая оставлены на собственных правах, в зависимости от зайсангов, шуленге и демичей, кроме важных преступлений, или неудовольствия на их суд. В таких случаях дела поступают о Российских подданных в наши Судебные места, а двоеданцы отсылаются зайсангами в Китайской пограничной город Улатай, где поступают с ними по указанию Китайских законов» [Спасский 2004: 24].

С момента принятия алтайцами российского подданства и до реформы М.М. Сперанского практически не изменилось количество ясачных

волостей и дючин. Однако в течение второй половины XVIII в. шел процесс их укрупнения: к ним постепенно присоединялись алтайцы, ранее не принявшие российского подданства. В 1801 г. из 2-й дючины были выделены люди зайсана Учека Тандаганова, затем образовавшие 6-ю дючину [Шерстова 2005: 107].

Таким образом, к началу XIX в. коренное население Горного Алтая в административно-податном отношении было объединено в шесть дючин, две Тау-телеутские двоеданческие волости, две кумандинские, Кондомо-Шелкальскую и четыре черневые волости. Все они, кроме Кондомо-Шелкальской волости (относилась к Кузнецкому уезду), входили в состав Бийского уезда. Что касается бывшей двоеданческой Тау-Телеутской волости, население которой кочевало в районе рек Иши, Маймы и Катунь, то часть ее жителей в 1756–1757 гг. ушла в район Телецкого озера, а другая часть составила ядро первой алтайской дючины [Потапов 1969: 141; Самаев 1991: 141].

2.1.2 Реформа М.М. Сперанского

Оценивая региональную политику самодержавия, современные сибирские исследователи отмечали, что она преследовала цели политической и экономической интеграции страны, установления ее социальной, правовой и административной однородности. Однако полиэтничность России, многообразие территорий заставляли правительство учитывать особенности окраин страны [Ремнев 1995: 3–4; 1997: 9; Лаптева 1998: 4, 8; Дамешек 2002: 44, 46]. В начале XIX в. в высших правительственных кругах все чаще возникала мысль, что для Сибири неприменимы нормы «Учреждения для управления губерний Всероссийской империи» 1775 г.: «Страна сия, – говорилось в решении Непременного совета, – по великому ее пространству, по разности естественного ее положения, по состоянию народов ее населяющих, нравами, обыкновениям, промыслами и образом жизни толико один от другого разнствующим, требует как в разделении ее, так и в самом образе управления особенного постановления» [Цит. по: Ремнев 1995: 48]. Понимание этих особенностей, а также того обстоятельства, что административная система Сибири страдала рядом существенных недостатков (неопределенностью соотношения властных полномочий генерал-губернатора и центральных учреждений, губернатора и губернских учреждений, злоупотреблением местных чиновников), заставило правительство приступить к очередным реформам [Ремнев 1995: 16, 17].

В административных преобразованиях Сибири XIX в. выделяются несколько периодов. В 1801–1822 гг. шел поиск и создание особой региональной системы сибирского управления. В 1822–1851 гг. происходила реализация реформы М.М. Сперанского и первые попытки ее

корректировки. В 1851–1891 гг. центральные и местные власти пытались пересмотреть административно-территориальное устройство Сибири, реорганизовать государственные учреждения, внести изменения в методы формирования местной бюрократии. В 1891–1905 гг. началось активное реформирование сибирского управления, чему в значительной степени способствовало строительство Транссибирской магистрали и активное хозяйственное освоение Сибири [Ремнев 1995: 8; 1997: 14].

В роли реформатора системы сибирского управления выступил М.М. Сперанский. Именным указом от 22 марта 1819 г. он был назначен генерал-губернатором Сибири. Ему же было поручено провести ревизию управления краем. Ревизия выявила массовые злоупотребления чиновников, казнокрадство и взяточничество. 681 человек оказались замешанными в противозаконных действиях, в том числе 174 чиновника и 256 «инородческих начальников». В ходе ревизии были отстранены от своих должностей томский и иркутский губернаторы, а 48 чиновников отданы под суд. Для рассмотрения отчета и плана реформ М.М. Сперанского в июне 1821 г. был создан Сибирский комитет, который рассмотрел целый ряд законодательных актов. 22 июля 1822 г. царем было утверждено 10 законов, составивших особое «Сибирское учреждение» («Учреждение для управления сибирских губерний и областей», «Устав об управлении инородцев», «Положение о земских повинностях», «Положение о долговых обязательствах между крестьянами и инородцами» и др.) [Власть 2005: 598, 599].

Реформа М.М. Сперанского в Сибири всегда привлекала внимание исследователей. Не останавливаясь на историографии вопроса, заметим лишь, что в целом преобразования М.М. Сперанского получили положительную оценку в исторической литературе. Реформа учла региональные особенности Сибири и укрепила здесь своеобразную организацию управления. Были созданы Западно-Сибирское и Восточно-Сибирское генерал-губернаторства. Генерал-губернаторы наделялись широкими полномочиями в экономической, административной, судебной сферах. Для ограничения возможных злоупотреблений со стороны генерал-губернаторов при них создавались советы из назначенных царем чиновников. В Петербурге действовал специальный Сибирский комитет. Реформа 1822 г. включала и моменты децентрализации (широкие полномочия генерал-губернаторов), и моменты коллегиального управления (советы при генерал-губернаторах), и контроль центральной власти за местным управлением (Сибирский комитет) [Алексеев 1999: 21, 22].

Для борьбы с произволом местных властей и координации действий учреждений разных ведомств в Тобольской, Томской, Енисейской и Иркутской губерниях были созданы губернские советы [Власть 2005: 262]. Сибирь получила рациональное территориальное деление, произведенное с учетом не только экономико-географических и военно-полити-

ческих условий, но и численности и национального состава населения [Шишкин 1998: 8]. Таким образом, реформа М.М. Сперанского обозначила определенный поворот в региональной политике самодержавия, что выразилось в признании необходимости установления для Сибири особой системы управления. Правда, многие современники М.М. Сперанского оценивали результаты его преобразований довольно критически: «...Основные цели его программы – контроль, гласность и «публичность» управления – не были им достигнуты вследствие существенных недостатков самого учреждения, начертанного им», – считал Н.М. Ядринцев [Ядринцев 1882: 355, 356].

*Михаил Михайлович
Сперанский*

Одной из составляющих реформы М.М. Сперанского стала организация системы управления коренным населением Сибири, определенной «Уставом об управлении инородцев» (далее – «Устав»). Принципы устройства сибирских народов, предложенные «Уставом», подходы к взаимоотношениям с ними во многом базировались на идеях эпохи Просвещения. В то же время сохранялся многолетний российский опыт управления коренными народами региона, учитывались их собственные управленческие традиции [Шерстова 1999: 29]. Кроме того, в «Уставе» были учтены хозяйственно-бытовые, судебноправовые стороны жизни, а также особенности культуры и общественного строя коренных народов Сибири.

В зависимости от образа жизни «все обитающие в Сибири инородные племена, именуемые поныне ясачными» делились на три разряда. В первый разряд включались оседлые, то есть живущие в городах и селениях и занимающиеся торговлей, земледелием, наемным трудом, а также «малочисленные роды, обитающие смешанно с Россиянами». Во второй разряд – кочевых – относились инородцы, «занимающие определенные места, по временам года переменяемые: ...1) кочующие земледельцы...; 2) южные скотоводцы и промышленники...; 3) северные скотоводцы и промышленники». Перечислялись народы, относящиеся к этому разряду, в том числе Бийские и Кузнецкие ясачные племена. Третий разряд составляли «бродячие инородцы», к которым первоначально были отнесены алтайские горные калмыки, т.е. население семи алтайских («калмыцких») дючин. Каждый разряд имел свои права и обязанности, а также свою систему общественного управления и административного устройства.

В «Уставе» говорилось: «Все вообще оседлые инородцы сравниваются с Россиянами в правах и обязанностях по сословиям, в которые они вступят. Они управляются на основании общих узаконений и распоряжений» (§13). И все же оседлые инородцы, занимающиеся земледелием и включенные в число государственных крестьян, имели по сравнению с ними то преимущество, что освобождались от рекрутской повинности. Они пользовались и еще одним существенным правом: за ними закреплялись все земли, которыми они владели по древним своим обычаям (§ 18, 20).

Кочевые инородцы наделялись правами, по которым они отличались от других податных сословий Российской империи. За ними сохранялись своя традиционная система управления и судопроизводства, основанная на нормах обычного права; земли, «ныне ими обитаемые»; они платили подати по особому положению с числа душ, которое определялось общею переписью (ревизией). Кочующие инородцы пользовались свободой в вероисповедании и богослужении. Русским запрещалось самовольно селиться на землях, отведенных в их владение. Земля могла браться лишь «в оброчное содержание, но всегда по условиям с обществами». Кочевые инородцы, как и оседлые, освобождались от службы в армии. Причем, это положение сохранялось даже при переходе в другое сословие. «Позволяется кочующим, – говорилось в «Уставе», – если некоторые из них водворятся оседло, по собственной их воле вступать в сословие Государственных крестьян, равно в городские жители и записываться в гильдии, на установленных правилах, без всякого ограничения и стеснения и притом с свободою от рекрутства» (§§ 24, 26, 27, 31, 32, 35, 39, 42, 53, 57 «Устава») [ПСЗ-1. – Т. 38. – № 29. 126].

Каждое стойбище (или улус) кочевых инородцев, насчитывающее не менее 15 семейств, имело свое родовое управление, которое по закону должно было состоять из старосты и одного или двух помощников. Староста мог либо избираться, либо наследовать данную должность. Любое стойбище (улус) должно было иметь свое название, а не имеющего называли по имени первого старосты. Несколько стойбищ и улусов одного рода подчинялись инородной управе, которая состояла из головы, двух выборных и, по необходимости, письмоводителя. Голова мог выбираться или получать это звание по наследству. Все дела в родовом управлении решались устно, в инородной управе – либо устно, либо письменно. Третьей ступенью управления кочевых инородцев Сибири была Степная Дума, включавшая в свой состав главного родоначальника, заседателей и голов. Отметим, что в Горном Алтае Степные Думы не создавались. Все должностные лица инородческого управления утверждались губернатором, а главный родоначальник – генерал-губернатором («Устав», §§ 88–90, 94, 96, 97, 99, 101, 103, 104, 106, 147, 148). Согласно

«Уставу» 1822 г., оседлые инородцы, живущие особыми деревнями, имели ту же систему управления, как и в русских селениях.

Обязанности инородческих органов управления делились на хозяйственные и судебно-полицейские. К первым из них относились сбор ясака и недоимок, раскладка податей и повинностей, создание продовольственных запасов, забота о развитии земледелия и промыслов, росте поголовья скота и др.; ко вторым – рассмотрение судебных дел, надзор за спокойствием и порядком среди подчиненного населения, подача статистических сведений и др. (§§ 119, 173, 296 «Устава»).

Все инородные управы, родовые управления подчинялись окружной полиции. Полиция могла предпринимать разъезды по стойбищам инородцев только с целью ревизии порядка управления, для производства дознаний и следствий по делам, выходящим из компетенции родовых судов, для сбора податей и для надзора за порядком на ярмарках. Все остальные дела решались на местах родовыми управлениями самостоятельно. Должностные лица управлений утверждались губернским начальством.

«Устав» определял, что распределение их по разрядам должно было осуществляться в течение года и оставаться неизменным до следующей ревизии (переписи). Основным требованием при таком распределении был учет характера главного промысла инородцев, составлявшего основу их пропитания, а не те занятия, которые имели случайный, либо совокупный с главным промыслом характер (§§ 8, 11 «Устава»).

Таким образом, коренные народы Сибири заняли свое легитимное место в социальной структуре Российской империи в качестве особого сословия («инородцев»). Были регламентированы не только их обязанности, права и внутреннее устройство, но определена и сущность их отношений с государством [Славнин 2008: 106, 107].

Известно, что до принятия «Устава» коренные этнические группы Горного Алтая были объединены в соответствующие волости и дючины. Чуйские теленгиты, как уже сказано, платили подати не только в казну Китая, но и России, поэтому назывались двоеданцами. А первые русские жители – крестьяне Уймонской долины, – поселившиеся здесь в конце XVIII в., сначала были отнесены к разряду оседлых инородцев и причислены к шестой алтайской дючине. Длительное время решался вопрос о выделении из состава пятой дючины новой, седьмой алтайской дючины. Прощение демичи Юдека Ингашева на имя томского губернатора об отделении части населения от пятой дючины было написано 7 июля 1816 г. Главным аргументом отделения людей, подчиненных Ю. Ингашеву, было «худое обращение» с ними «зайсанга Тотухина». В мае 1821 г. желающие отделиться дали подписку Бийскому земскому суду в том, что все они «единогласно согласились от 5-й калмыцкой дючины отделиться» и составить седьмую дючину. И лишь в июне 1823 г. пос-

ледовало отношение Томской казенной палаты губернскому управлению, в котором говорилось: «согласно распоряжения губернского правления, ясачных Бийского округа 5-й калмыцкой дючины 277 душ по изъявленному ими желанию, улаженному предварительно губернским правлением допущением к ним в должность зайсанга, избранного ими калмыка Кускулека Юдекина, отчислить от пятой дючины под названием седьмой с тем, чтобы они, состоя под ведомством сказанного зайсанга Юдекина, платили с начала 1823 года особо, как все вообще подати, так и ясак в Бийское окружное казначейство...» [В составе 2004: 14–16; Шерстова 2005: 108].

После вступления «Устава» 1822 г. в силу встала задача распределения коренного населения Горного Алтая по разрядам и создание, по необходимости, новых административных единиц. При распределении населения ясачных волостей по разрядам, как считают современные исследователи, вначале было принято решение классифицировать не административную единицу в целом, а каждого ее члена по отдельности. В результате получилось так, что в одной инородной управе часть населения числилась оседлыми, а часть – кочевыми. Это создало проблемы в сборе ясака и нарушало целостность инородной управы как единой податной единицы (не следует забывать, что «Устав» определял разную систему сбора налогов и платежей с оседлых и кочевых инородцев). Ясачная комиссия 1828–1835 гг. была призвана ликвидировать этот недостаток. В следствие работы комиссии все инородческое население Западной Сибири было разбито на управы, которые целиком привязывались к одному из разрядов; проведена перепись населения и составлены новые окладные книги [Славнин 2008: 22, 109, 110]. Большинство коренного населения Горного Алтая было причислено к разряду кочевых инородцев, несмотря на то, что часть населения, входившего в управы, относилась к разряду оседлых инородцев.

Хотя «Устав» четко определял и структуру, и состав как родового, так и управления инородных управ, на практике сохранились те должности, какие существовали до принятия закона. Во главе кочевой волости стоял зайсан, которому подчинялись демичи, шуленги и арбанаки. В 1826 г. А. Бунге, путешествуя по Горному Алтаю, писал: «... под началом одного зайсана обычно состоят три – пять ... демичей. В их подчинении находятся «шуленги», которых тоже мало, а иногда бывает еще более низкий ранг под названием «арбанака», т. е. «начальствующий над десятком человек» [Бунге 2004: 265]. В 1822 г. зайсанами первой – шестой алтайских дючин были, соответственно, Канай Бекишев, Кыстай Казаков, Найманак Баскушев, Митрий Битюкин, Когуш Татухин, Челтуй Аноков. Тау-телеутские двоеданческие волости возглавляли зайсаны Монгол Чебеков и Шурмек Менгечев. В 1824 г. во главе северо-алтайских волостей, считавшихся также кочевыми, стояли следующие башлыки

(зайсаны): Нижне-Кумандинской – Василий Ченичеков, Верхне-Кумандинской – Данил Ботвин, Комляжской – Саза Акучаев, Кергежской – Енуку Сунегин, Кузенской – Чежеур Челушкин и Южской – Полушка Чепанов [Шерстова 2005: 141–142; Алтайцы 2005: 70].

Создать определенную «Уставом» структуру родовых управлений и инородных управ с предусмотренным законом штатом должностных лиц, у кочевого населения Горного Алтая не удалось. В октябре 1840 г. Томская казенная палата указала Бийскому земскому суду на то, чтобы были в точности исполнены требования закона о создании родовых управлений, состоящих не менее чем из 15 семейств, во главе со старостой, одним или двумя помощниками, и инородных управ, руководимых головой, двумя выборными и письмоводителем [В составе 2004: 18–19]. На практике у кочевого населения Горного Алтая сохранилась традиционная структура должностных лиц, а требования «Устава» так и не были выполнены. Н.М. Ядринцев объяснял это явление тем, что «при отсутствии знания инородческого быта, распределения инородцев и движения населения переписка об устройстве инородческих волостей и общественного управления продолжалась несколько десятков лет, но к сожалению от неумения организовать это дело, не привела ни к чему» [Ядринцев 1882: 109].

В.В. Радлов, посетивший Горный Алтай в 60-е годы XIX в., назвал следующих должностных лиц семи алтайских дючин: зайсан Курту (мундус) – 5 демичи; зайсан Муклай (из рода кыпчак) имел двух демичи; зайсан Купа (тодош) – 5 демичи; зайсан Пöпöш (иркит) – 7 демичи; зайсан Падрай (тодош) – 5 демичи; зайсан Чаппан (тöлöс) – 3 демичи; зайсан Татарак (найман) – 5 демичи [Радлов 1989: 124, 125].

В середине 30-х гг. XIX в. были образованы новые инородческие управы. Они создавались после составления общественных приговоров. Так, 12 декабря 1834 г. был составлен приговор об учреждении в Кокшинском улусе волостного инородного управления. Для управления населением, говорилось в приговоре, инородцы выбирают старостой «честного поведения и верного во всех поступках и делах инородца Евграфа Николаевича Суртаева» [Швецов 1902: 18]. В помощь ему назначался сборщиком казенных податей на 1835 г. А.Г. Табакаев, а также два помощника и писарь. Последнему определялось жалование 40 рублей в год. 12 марта 1835 г. инородцы (русские крестьяне, ранее получившие этот сословный статус) деревень Верхне-Уймонской и Коксинской выбрали старостой созданной Уймонской инородной управы Василия Павловича Нагибина, «чтобы он был у них бессменно, если будет вести себя честно, трезво и невздоимочно», а в помощь к нему назначили сборщиком налогов Е.А. Черных [Швецов 1902: 20]. В мае 1835 г. на основании Высочайшего указа были учреждены Кокшинская, Сарасин-

ская, Быстрянская и Уймонская оседлые инородные управы. На основании этого указа казенная палата вынесла свое распоряжение в сентябре 1835 г. В нем, в частности, говорилось: «1-е. Для внутреннего управления приписанных доселе к русской Смоленской волости оседлых инородцев 456 душ согласно собственному их желанию и назначению ясачной комиссии, учредить два волостные управления: одно для тех из них, кои жительствуют на восточной стороне р. Катунь, – в селении Быстрянском с наименованием Быстрянским волостным правлением, а другое для жительствующих на западной стороне Катунь, – в селении Сарасинском с наименованием Сарасинским волостным правлением... 2-е. Для составляющих Кокшинский улус 149 душ, считающихся в д.д. Иконниковой – 20 душ, Суртайской – 59, Березовке – 45 душ и Карагужинской – 25 душ, внутреннее управление учредить в селении Березовском с наименованием Кокшинским волостным правлением. 3-е. Для состоявших доселе приписными к 6-й Алтайской дючине 65 душ внутреннее управление учредить в селении Верхне-Уймонском, с наименованием Уймонским волостным правлением» [Швецов 1902: 17]. Часть телеутов (61 человек), проживавших в селениях Улалинском и Сарасинском, не согласились войти в состав Сарасинской управы по религиозным (были крещеными) и бытовым соображениям и образовали Телеутское волостное правление [Швецов 1902: 18].

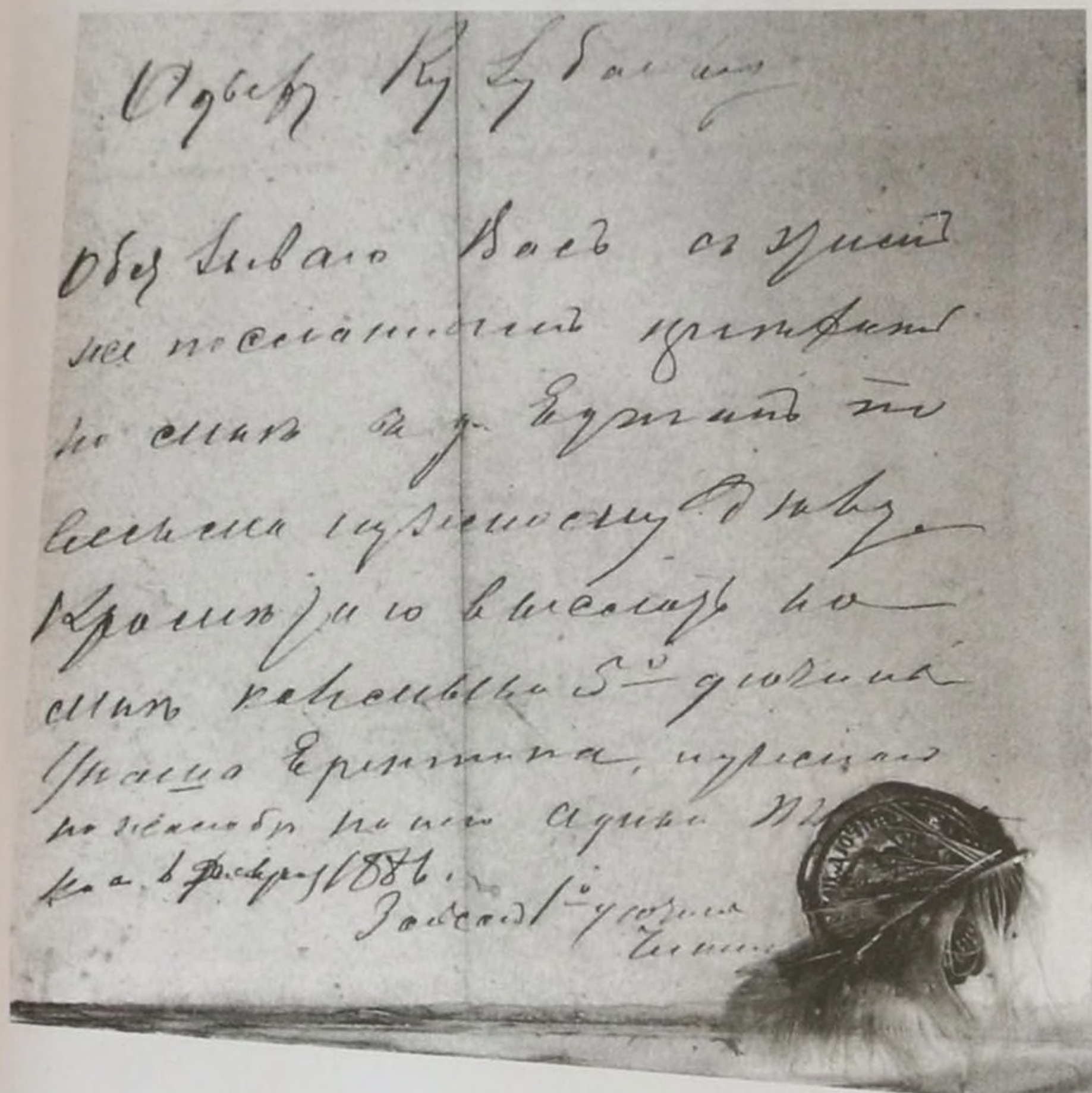
Народные съезды. Судопроизводство. В общественной жизни алтайцев сохранилась старинная традиция созыва съездов – сугланов в назначенное место и время, по предварительному приглашению родоначальников и знатных людей. По представительности и важности обсуждаемых вопросов съезды могли быть общими, народными (присутствовали родоначальники всех дючин) и локальными (участвовали родоначальники заинтересованных дючин). На таких съездах зайсаны и демичи совещались по разным общественным нуждам, разбирали тяжбы подчиненных, примиряли участников тяжбы. Виновный обязан был тут же оплатить убытки и, сверх того, мог понести телесное наказание. Дела, касающиеся всего алтайского народа, например, об упорядочении орехового или звериного промысла, о раскладке различных сборов и повинностей, решались народным съездом, на котором присутствовали зайсаны, демичи и влиятельные домохозяева всех дючин; иногда съезжалось до 200 человек. К концу XIX в. 1-я алтайская дючина стала редко высылать своих представителей на народный съезд, хотя постановления съезда считались для нее обязательными. Вообще наметилась тенденция замены общих съездов локальными (ограниченными) съездами, на которые съезжались только представители дючин, непосредственно заинтересованные в предстоящих решениях съезда [Горохов 1842: 212; Швецов 1900: 234, 241–242].

В общественном управлении населения двух чуйских (тау-телеутских) волостей, до их присоединения к России, имелись некоторые отличия. По наблюдениям П. Чихачева, посетившего Чуйскую степь в 1842 г., в руках зайсанов чуйских волостей сосредоточивалась, кроме права назначать демичи, шуленги и бошко, «почти вся административная и судебная власть, и они только в редких случаях прибегают к посредничеству высшего начальства» [Чихачев 1974: 420]. Все внутренние дела в волостях (кошунах) зайсаны решали под формальным контролем маньчжурских (китайских) чиновников, наведывавшихся на ближайший пограничный пикет Суок. Двойственное политическое положение чуйских теленгитов обязывало их выполнять ряд обязательств и по отношению к российскому правительству. Помимо внесения в Бийское окружное казначейство натуральной подати (калан), зайсаны и демичи заботились о спокойствии и порядке на своих кочевьях; при необходимости предоставляли российским чиновникам лошадей, обеспечивали безопасность и охрану имущества россиян, находившихся на их кочевьях. После принятия российского подданства чуйские теленгиты стали управляться точно так же, как и остальные алтайцы [Радлов 1989: 126–128, 130; Луценко 1898: 18].

Согласно «Уставу» 1822 г., судопроизводство у кочующих народов Сибири осуществлялось «по их собственным степным законам и обычаям». Судебные разбирательства жителей кочевых волостей и дючин Горного Алтая производились сначала в родовых управлениях. Если одна из сторон оказывалась неудовлетворенной решением, то имела право обращения с жалобой к бийским окружным властям: земскому заседателю или в полицейское управление. Срок подачи жалобы не превышал 1 месяца, а в некоторых особо важных случаях мог быть продлен до 1 года. В дальнейшем спорное дело рассматривалось народным судом (по алтайски: *жаргы*), который созывался и проходил под председательством окружного исправника и заседателя. Подобный суд решал дела, руководствуясь нормами обычного права алтайцев. Когда стороны никак не могли прийти к соглашению, то дело решалось по российским законам. В этом случае председательствовал исправник с тремя зайсанами, выступавшими в роли заседателей. Решения такого суда считались окончательными и обжалованию не подлежали. Тяжкие преступления (убийство, грабеж, поджог и т.п.), а также споры между представителями алтайских и русских общин рассматривались в Бийском земском суде по нормам российского законодательства [Радлов 1989: 127–128].

Основная масса судебных тяжб рассматривалась внутри дючин (волостей) и редко передавалась в окружной суд. К преступлениям, с которыми приходилось иметь дело обычному суду алтайцев, относились: драки, оскорбления, имущественные тяжбы, бракоразводные дела (включая невозвращение калыма после расторжения брака), кражи, а также

нарушения крещеными алтайцами церковных постановлений (камлание и др.). При судебных разбирательствах по сложным делам применялась тягостная процедура приведения к присяге («шерть»): прикасание к голове медвежьей шкуры, а чаще к накрытому медной монетой дулу лежащего на сошках заряженного ружья и обещание говорить только правду. После присяги стреляли из ружья в воздух. Во второй половине XIX в. подобные присяги перестали применять. За все указанные преступления и проступки существовали три вида наказания: вознаграждение потерпевшего или возмещение понесенных им убытков; штраф в пользу общества «за беспокойство» (аналог судебных издержек) и, наконец, розги (не более 50 ударов), применявшиеся «в качестве домашнего исправления по обычаям народа». Арест как наказание применялся

Всего двести тысяч рублей.
и в том числе на покупку золота и серебра
и Провосходительства. и покорнейше просим
Ваше Провосходительство и покорнейше просим
Ваше Провосходительство и покорнейше просим
русским разночинцам иудейским и прочим
каким бы то ни было. — Какое высочайшее распоряже-
ние покорнейше просим Ваше Провосходительство
дать знать предписанием. —

Всего:

Г. Д. Д. Д.

Матвей Бобров

Г. Д. Д. Д.

Полный Гр. К. Д.

Н. 34.

Препровождено 8 мая 1875 года.

Всего: 1000000.

И. Г. Мухоморов. П. Мухоморов

к виновным за неоднократное совершение преступления и по требованию Бийской окружной администрации. Так, за преступления (например, конокрадство), совершенные свыше трех раз, виновные должны были понести наказание в виде заключения в окружную тюрьму или высылки за пределы Томской губернии [Горохов 1842: 221; Швецов 1900: 242–243]. Имущественные тяжбы между чуйскими теленгитами и российскими подданными (алтайцами, русскими купцами) рассматривались сначала третейским судом, назначаемым зайсанами обеих сторон, где присутствовали представители окружной власти. Если там не достигалось согласия, то стороны обращались в суды своих государств. Так, например, иски русских купцов к жителям чуйских волостей разбирались в российском посольстве в Пекине. Подобные судебные разбирательства возникали крайне редко.

Необходимо отметить, что у чиновников Западной Сибири неоднократно возникали идеи о реформировании системы управления коренными жителями, определенной «Уставом» 1822 г. Так, в 1876 г. генерал-губернатор Западной Сибири принял постановление о причислении к русским волостям всех живущих оседло инородцев Тобольской и Томской губерний. В 1891 г. последовал запрос от МВД относительно оседлых и кочевых инородцев и возможности их причисления к крестьянским волостям. Чиновниками по крестьянским делам и исправниками были даже составлены варианты такого причисления [Шерстова 2005: 157, 158]. Однако эта идея не была претворена в жизнь.

2.1.3 Управление русским крестьянством

Система административного устройства крестьянского населения Алтайского округа определялась приложением к статье 70 (прим.) «Учреждения Сибирского», принятого в 1822 г. По данному законоположению вводилось сельское и волостное управление. Сельское управление должны были составлять старшина и десятник, а волостное – волостной голова, староста и писарь. Десятник избирался на один год, остальные должностные лица – на три года, с двумя на каждую должность кандидатами [Учреждение 1910: Столб. 529, 530]. На практике состав должностных лиц волостного и сельского управления не всегда соответствовал закону.

К.Ф. Ледебур, совершивший в 1826 г. путешествие по горам и предгорьям Алтая, писал: «Каждый округ соответственно своей величине делится на большее или меньшее количество волостей. Во главе волости стоит «голова», ему подчинен писарь, ведающий делопроизводством; кроме того, в каждом селении есть надсмотрщик-старшина, который наблюдает за порядком в деревне, и к кому обращаются в случае какой-нибудь нужды. Эту должность, не дающую ее обладателю каких-либо

привилегий, кроме освобождения от государственных повинностей, нередко в отсутствие старшины занимает его жена; она также носит жезл как знак этого достоинства и отвечает за порядок в селении» [Ледебур 2004: 73].

После отмены крепостного права, в декабре 1862 г., в Алтайском горном округе была учреждена должность мировых посредников (восемь должностей) [Власть 2005: 202], занимающихся разрешением споров между крестьянами и Горной администрацией. В 1878 г. на смену мировым посредникам пришли чиновники по крестьянским делам, а с 1883 г. данный институт власти был распространен на всю Западную Сибирь. Вначале во всей Томской губернии было 11 крестьянских чиновников. После расширения в 1893 г. их полномочий почти в два раза увеличилось также и количество чиновников. Десять чиновников по крестьянским делам приходилось на Алтайский горный округ [Никулин 1979: 11, 12; Струков 1896: 2]. В обязанности чиновников по крестьянским делам входили: общий надзор за сельскими и волостными начальниками, контроль за выполнением крестьянами натуральных повинностей и сбором денежных податей, наблюдение за состоянием мирских капиталов, сельских школ и др. Чиновники по крестьянским делам имели право приостанавливать решения сельских сходов, смещать волостных и сельских писарей, разбирать жалобы на должностных лиц волостного и сельского управления и налагать взыскания. Помимо административных и фискальных функций крестьянские чиновники обладали также правами суда по маловажным делам [Местное 2003: 263; Власть 2005: 338–339].

21 ноября 1879 г. было принято положение «О преобразовании общественного управления государственных крестьян Западной Сибири», по которому на сибирских крестьян распространялась система местного самоуправления крестьян Европейской части России, предусмотренная «Общим положением о крестьянах» 1861 г. Положение 1879 г. изменяло систему сельского и волостного управления сибирских крестьян, усложняя ее и увеличивая количество должностных лиц. Одно селение или несколько ближайших между собой поселков составляли сельское общество. Сельское общественное управление включало в обязательном порядке: 1) сельский сход и 2) сельского старосту. По своему усмотрению крестьяне могли иметь особых сборщиков податей, смотрителей хлебных магазинов, лесных и полевых сторожей, писарей и т.п. Несколько сельских обществ объединялись в волость. Волостное управление составляли: 1) волостной сход, 2) волостной старшина с волостным правлением, 3) волостной крестьянский суд. В волостное правление входили волостной старшина, все сельские старосты или помощники старшины и сборщики податей. Помимо определенных законом должностных лиц волостного управления крестьяне могли, как и в сельском общественном

управлении, выбирать или нанимать других должностных лиц: особых волостных заседателей, церковных старост и попечителей, волостных писарей и т.д.

Решение крестьянских дел на окружном уровне находилось в ведении окружных присутствий, в состав которых входили чиновники по крестьянским делам и земский исправник (начальник окружной земской полиции). Обязанности окружных присутствий состояли в наблюдении за общественным крестьянским управлением, в рассмотрении жалоб на действия должностных лиц сельского и волостного управления и наложении на них административных взысканий.

Значительной властью над крестьянами обладала земская полиция. В функции ее чиновников (земских заседателей) входило «взыскание недоимок и всяких вообще казенных и общественных сборов», надзор за действиями волостных старшин и сельских старост «по охранению благочиния, безопасности и общественного порядка», наблюдение за точным исполнением законов, постановлений и решений правительства и др. [СЗРИ. Кн. 1. Т. 2. 1910: Столб. 91, 94]. Не случайно, не только население, но и чиновники других ведомств Алтайского горного округа признавали, что «для крестьянина существуют только три начальника, которым он повинуетя беспрекословно, не разбирая даже законность или незаконность их распоряжений, — это чиновник по крестьянским делам, волостной писарь и земский заседатель...». Любое распоряжение будет выполнено лишь тогда, когда его подтвердит одно из вышеназванных лиц [Местное 2003: 268]. Даже простой писарь пользовался большим влиянием среди крестьян, так как он являлся чуть ли ни единственным грамотным человеком в волости.

В административном устройстве русских крестьян Горного Алтая на протяжении всего XIX столетия, как признавали современники, наблюдался полный хаос. Крестьяне селились, как правило, ^заимками и не имели вначале сельского управления. Крестьянские поселения (села, деревни) Горного Алтая причислялись к крестьянским волостям, управления которых находились в десятках и сотнях верст за пределами территории Горного Алтая (Алтайская, Ануйская, Смоленская, Сростинская). Например, село Нижний Уймон, расположенное в пределах Уймонской инородной управы, в административном отношении относилось к Смоленской крестьянской волости. Переселенческие поселки Горного Алтая, образованные по решению томской губернской администрации с конца 70-х гг. XIX в., также относились к крестьянским волостям. Так, поселки, расположенные по Чуйскому тракту, были причислены к Алтайской волости (с управлением в с. Алтайское), а поселки, расположенные на Уймонском тракте и вблизи него, — к Ануйской волости (с. Ануйское) [ЦХАФАК. Ф. 185. Оп. 1. Д. 9. Л. 6; Швецов 1900: 52; 1902: 14; Отчет 1910: 204]. Единственное, чего удалось добиться к концу XIX в., так это создание

немногочисленных сельских обществ, где выбирались должностные лица сельской администрации. Однако нередко большая часть крестьянского населения не была приписана к сельским обществам и не принимала участия в общественном управлении. На территории Горного Алтая первые крестьянские волости были образованы только в начале XX столетия.

2.1.4 Присоединение чуйских волостей к России

«Устав» 1822 г. определял чуйских теленгитов («зюнгорских двоеданцев») в особый разряд. Они пользовались покровительством и защитой Российского правительства во всех внутренних делах единственно тогда, когда сами об этом просили. За ними закреплялось право свободной и беспошлинной торговли с соседями, право управляться и судиться по своим обычаям и обрядам, за исключением убийств и насилий, совершенных на российской территории, право с позволения местного начальства переселяться на земли «собственно Российскому Правительству принадлежащие». Двоеданцы обязаны были платить дань «по прежнему положению», которую могли вносить деньгами или звериными шкурами, а также оказывать содействие русским подданным на территории своих кочевий (§ 5, 73–77, 79 «Устава») [ПСЗ-1. – Т. 38. – № 29.126].

По отношению к правительству Китая чуйские теленгиты имели статус внешних вассалов (вай фань). «Основной обязанностью внешних вассалов по отношению к Китаю, – пишет О.В. Боронин, – было, кроме уплаты податей, недопущение военных конфликтов на границе, обеспечение безопасности посольств, проезжавших через их территорию, предоставление охраны, оказание военной помощи и поддержка регулярных связей с Китаем». Привлечение теленгитов к военной службе вызывало у них ощущение принадлежности к Цинской империи [Боронин 2004: 178].

К середине XIX в. кочевья чуйских теленгитов включали территорию горных долин Чулышмана, Башкауса, среднего и верхнего течений Чуи и Аргута. В официальных российских источниках вместо прежних названий стали употребляться новые: «Первая чуйская волость» и «Вторая чуйская волость». Положение «двоеподданства» позволяло жителям Чуйских волостей, уплачивая незначительную подать Китаю и России, сохранять выгодный и относительно независимый статус по отношению к правительствам двух государств [Боронин 2004: 170, 179, 187].

Первым русско-китайским соглашением, наметившим будущую границу между Россией и Китаем, стал Пекинский договор 1860 г. Этот договор предусматривал ведение дальнейших переговоров о демаркации границы. В конце июля 1862 г. в Чугучаке начался очередной раунд переговоров, который неоднократно прерываясь, затянулся на несколько

лет [Самаев 1991: 168–169; Боронин 2004: 186–189]. В Пекинском договоре китайскую сторону не устраивало то, что ничего не было сказано о людях, проживающих на спорных территориях. Российские представители отстаивали мнение, что народы должны отойти к тому государству, к какому отойдут их земли. В кочевья чуйских теленгитов были посланы китайские эмиссары, которые агитировали за окончательный переход их в подданство Китая. В то же время российская администрация в 1863 г. направила с такой же миссией к теленгитским зайсанам штабс-капитана А.Г. Принтца [Боронин 2004: 189]. Важную роль в принятии чуйскими теленгитами решения в пользу подданства России сыграл священник, писатель-просветитель М.В. Чевалков. Он в качестве переводчика сопровождал А.Г. Принтца в его поездке на Чую. В устье Чулышмана их не хотели пропускать вглубь территории. М.В. Чевалков так писал об этом: «В это время собралось сюда до тридцати человек тоёлюсов. Я сказал им: «Дайте нам подводы». Они ответили: «Вы куда едете?» «Едем в верховья Чуи», – ответил я. «Сюда приезжал из китайской земли большой чиновник, анбын, отрезал эту землю и сказал: чтобы от устья Чолышмана вверх русский народ не проезжал...», – возразили они. М.В. Чевалкову удалось уговорить их дать лошадей, и через три дня экспедиция была в Кош-Агаче. Там он убедил зайсана Чичкана, а также «лучших и почетных» людей о необходимости перехода в полное подданство к «белому царю». На следующий год М.В. Чевалков сопровождал томского губернатора М.Г. Лерхе в поездке к чуйским теленгитам. Губернатор получил подтверждение от зайсанов, почетных людей и общественников, что чуйские теленгиты согласны перейти в подданство России [Чевалков 2007: 97, 99–102; Казагачева 2006: 109–110]. Жители 1-й чуйской волости официально были приняты в российское подданство 10 октября 1864 г., а 2-й чуйской волости – 12 января 1865 г. Летом 1865 г. чуйские теленгиты принесли присягу на верность Российской империи [Боронин 2004: 191].

Переговоры между дипломатами России и Китая о разграничении территории, проводившиеся в Чугучаке, завершились 25 сентября 1864 г. подписанием протокола. Чугучакский протокол состоял из 10 статей и карт, определявших границу. На Алтае пограничная линия между Россией и Китаем должна была пройти от пограничного знака Шабин-Добага сначала на запад, а затем на юг по Саянскому хребту. Достигнув западной оконечности хребта Танну-Ола, линия поворачивала на юго-запад и шла по Сайлюгемскому хребту, а от гор Куйтун пролегла на запад по Большому Алтайскому хребту. По договору граница шла по линии постоянных китайских пикетов, остальные пикеты ликвидировались. Демаркация границы началась весной и завершилась к концу июля 1869 г. [Боронин 2004: 190].

2.1.5 Подати и повинности

Согласно российскому законодательству, все повинности кочевого и оседлого населения определялись в денежном выражении и разделялись на окладные и неокладные сборы. К окладным сборам (по-алтайски: калан) относились: ясак (первоначально исчислялся соболями и белками), подушная подать, губернский земский сбор и волостные повинности. Неокладные сборы (по алтайски: албан) шли на содержание земской гоньбы, квартир, дорог и др. Податные оклады разверстывались на всех мужчин в возрасте от 18 до 50 лет. От всех сборов освобождались должностные лица родового (волостного) управления, калеки, нищие и другие обездоленные люди. Следовательно, окладная сумма делилась на общее количество годных работников.

Проследим изменения размеров и форм сборов (повинностей) категории кочевого населения Горного Алтая за 1763–1889 гг. Во 2-й половине XVIII в. с каждого податного лица («ревизской души») взимался ясачный сбор пушниной – шкурками соболя, белки, черной и красной лисицы, куницы и колонка (см. табл. 1–2). После реформы 1822 г. коренное население стало облагаться, помимо ясака, государственной, губернской и волостными повинностями. В XIX столетии, в связи заметным уменьшением пушного зверя и развитием товарно-денежных отношений, в ясачном сборе постепенно стала доминировать денежная форма.

Таблица 1. Сбор ясака до и после 1763 г.

Волости, дючины	Душ муж. пола		Ясак (соболя)		Ясак (сумма в руб.)		Подарки (соболи)	
	до	после	до	после	до	после	до	после
Черневые волости	467	493	346	412	387	461	-	-
Кондомо-Шелкальская	104	111	126	126	141	141	-	-
Кондомо-Кумандинская	357	367	248	267	278	299	-	-
1–5 дючины	417	475	174	224	195	251	-	40
Тау-телеутские:								
зайсана Менкечека	-	-	-	40	-	100	-	-
зайсана Чебека	-	-	-	40	-	100	-	-

Источник: РГИА. Ф. 468. Оп. 9. Д. 1042. Л. 173–175

Примечание: черневые волости: Кергешская, Комляжская, Кузенская и Южская

Таблица 2. Сбор ясака за 1798–1804 гг.

Волости, дючины	Душ муж. пола	Ясак (соболь)	Ясак (сумма в руб.)	Подарки (соболи)
Черневые волости	684	412	497	-
Кумандинские волости ¹⁾	585	267	343	-
1–5-я дючины	1158	337	386	35
Тау-телеутские:				
зайсана Менкечека	С.н.	80	200	-
зайсана Чебека	С.н.	80	200	-

Источники: ЦХАФАК. Ф. 169. Оп. 1. Д. 48. Л. 64об.; РГИА. Ф. 468. Оп. 9. Д. 1042. Л. 183–184

Примечание: ¹⁾ Верхне-Кумандинская и Нижне-Кумандинская волости

Доля же ясака в общей сумме всех сборов (повинностей) к 1890-м гг. постепенно уменьшилась (см. табл. 3–5). К примеру, в 1896 г. общая сумма окладных повинностей населения семи алтайских дючин составила 10430 руб. По разрядам платежей эта сумма распределялась на ясак (8531 руб.), подушную подать (715 руб.), губернский земский сбор (382 руб.) и волостные сборы (802 руб.). В трех черневых волостях – Комляжской, Кузенской и Южской – сумма окладных сборов в 1897 г. равнялась 1202 руб., из них ясак – 682, подушная подать – 154, губернский сбор – 141 и волостные сборы – 225 руб. [Швецов 1900: 243].

Таблица 3. Сбор ясака за 1832 и 1859 гг.

Волости, дючины	Год	душ м.п. / ревиз. душ	Пушниной / в руб.	Деньгам и (руб.)	Итого
Черневые волости	1832	1168 /466	25 лис, 2000 бел. / 314	84	398
	1859	1669 /774	То же	679	993
Кондомо-Шелкальская	1832	190 /84	20 соб., 100 колон. / 83	37	120
	1859	300 /113	То же	64	147
Кумандинские волости	1832	717 /289	15 лис, 1300 бел. / 197	51	248
	1859	1154 /429	То же	354	551
1–7-я алтайские дючины	1832	4100 /1643	61 соб., 6500 бел. / 834	1511	2345
	1859	6036 /2598	То же	2872	3706

Источник: ГАТО. Ф. 196. Оп. 36. Д. 24. Л. 10–16

Примечание: Пушнина – соболь, белка, лисица, колонок

*Таблица 4. Данные о податном населении и повинностях,
1858 и 1860 гг.*

Волости, дючины	Год	Податных душ	Ясак	Госуд.	Губерн.	Волостн.	Итого (руб.)	На 1 ревиз. душу
Черневые волости	1858	731	626	323	139	101	1189	1.6
	1860	774	993	372	113	254	1732	2.2
Кондомо- Шелкаль- ская	1858	113	161	50	22	15	248	2.2
	1860	С.н.	С.н.	С.н.	С.н.	С.н.	С.н.	С.н.
Верхне- Кумандин- ская	1858	103	88	46	19	14	167	1.6
	1860	120	154	58	18	39	269	2.2
1-7 алтайские дючины	1858	2476	3534	1096	471	339	5440	2,2
	1860	2598	3706	1247	384	848	6185	2,4

Источник: ГАТО. Ф.3. Оп. 18. Д. 282. Л. 4-7; Ф. 196. Оп. 36. Д. 24. Л. 25-27

Примечание: Повинности – государственная, губернская, волостные.

*Таблица 5. Сведения о податном населении, ясаке
и повинностях (в рублях) за 1889 г**

Волости, дючины	Ревиз. душ	Платежн . душ	Ясак	Другие повинности	Церковн. расходы	На 1 ревиз. душу
Кергешская	387	184	386	507	80	2,5
Южская	251	136	214	232	151	2,4
1-я дючина	696	343	834	1152	150	3,0
2-я дючина	329	296	823	532	14	4,1
3-я дючина	329	110	403	279	-	2,1
4-я дючина	637	217	842	584	-	2,2
5-я дючина	608	445	1079	1730	15	4,6
6-я дючина	223	151	423	595	15	4,6
7-я дючина	358	256	689	987	15	4,7
1 чуйская	270	175	57	100	22	0,7
Уймонская	342	255	1175	608	587	6,9

Источник: ГАТО. Ф. 234. Оп. 1. Д. 89. Л. 839-838, 852-856, 870-872, 926-928, 940-944

Примечание: Сведения по остальным волостям (2-й чуйской, Комляжской, Кузенской, К-Шелкальской и двум кумандинским) отсутствуют.

Окладные листы составлялись Бийской окружной казенной палатой на каждую волость и дючину. Разверстка в семи дючинах производилась на съездах зайсанов, демичей, шуленгов, почетных лиц и выборных от всех дючин, причем каждая дючина самостоятельно производила разверстку окладных сборов. К концу XIX в. первая дючина обособилась и на общий съезд не присылала своих представителей, а разверстку калана

(окладных сборов) производила в с. Александровском – центре родового управления дючины. Черневые волости также отдельно производили разверстку. Предварительная раскладка производилась должностными лицами и почетными, авторитетными стариками. Подобная раскладка делалась во время летних сходов, проводимых по разным поводам (приезда окружного начальства, совершения общественных молений и жертвоприношений и др.). Тогда же определялась сумма затрат на содержание родового (волостного) управления, которая не входила в окладной лист. Затем определялся срок проведения общего съезда для разверстки. На съезде участвовали должностные лица родового управления, почетные старики и большинство мужчин – плательщиков податей. Съезду представлялся проект разверстки, который проверялся и утверждался съездом или, напротив, в него вносили изменения и поправки. Во время съезда к окладным сборам (повинностям) присоединялись другие сборы. Для примера обратимся к приговору 7-й алтайской дючины от 9 июля 1897 г., где помимо ясака (576 руб.) были определены сборы на общественные нужды в сумме 1143 руб. Из них на жалование родовому старосте (зайсану) – 50 руб., его помощникам (демичи) – по 40, сотнику (шуленги) – 20, письмоводителю – 117, толмачу – 25, казначею – 5, рассыльному (при алтайском заседателе) – 30, оспопрививателю – 40. Кроме того, предусматривались расходы на разъезды родовичей (зайсана, демичи), проезды окружных чиновников – 100 руб., на запас общества для проведения сходов – 100 и на канцелярские расходы – 40 руб. [Швецов 1900: 244–245].

Разверстка и распределение повинностей (сборов) среди населения дючин и кочевых волостей производились в разное время и на основе разных принципов. В дючинах использовалась уравнительная раскладка, т.е. на каждое податное лицо, включенное в разверстку, приходилось одинаковое количество податей. В середине 90-х гг. XIX в. разница наблюдалась лишь между некрещеными и крещеными алтайцами, а именно на первых накидывалось сверх окладной суммы (3 руб.) 3 шкурки белки на разверсточную душу. Это объяснялось тем, что крещеные несли дополнительные расходы на содержание сельских управлений и церквей. Такой порядок был введен, например, во 2-й и 5–7-й дючинах по приговору от 14 июня 1895 г. Разверстка калана в чуйских волостях имела свои особенности. Так, во 2-й чуйской волости все податные лица, включенные в разверстку, распределялись по 11-ти разрядам. Причем на лиц 1-го разряда приходился оклад 1 руб., второго – 2, третьего – 3, четвертого – 3,5 и, наконец, на лиц 11-го разряда – 8 руб. При распределении по разрядам учитывалась общая состоятельность дворов, численность годных работников, больных и др. В 1-й чуйской волости податные лица были разделены на три разряда: оклад лиц первого разряда составлял 2 руб., второго – 6 и третьего разряда – 8 руб. Раскладка по

разрядам практиковалась и в черневых волостях, но здесь с молодых людей, достигших податного возраста, в первый год подать взималась по 1 руб., на второй год – по 2,5 руб. А в 1-й алтайской дючине молодые мужчины первые два года уплачивали подать по 2 руб., тогда как все остальные – по 2,5 руб. Иногда к сумме окладных сборов причислялись неокладные сборы, и они развёрстывались вместе или отдельно. Для примера приведем данные на 1895/1896 гг. По 1-й дючине общая сумма сборов (повинностей) составляла 2139 руб., в том числе окладных – 761 руб.; по 3-й дючине – соответственно 1048 и 630 руб. и по 4-й дючине – 2029 и 1325 руб. [Швецов 1900: 246–247].

Калан (окладной сбор) взыскивался один раз в год, обычно в ноябре, когда люди возвращались с промыслов. Тогда демичи и шуленги отправлялись на стойбища для взыскания калана. Сбранную сумму калана, согласно решению съезда, зайсан или один из демичи сдавал в Бийское казначейство. Причем часть окладного сбора (калана) сдавалась пушниной, за исключением черневых волостей, где к концу XIX в. вся сумма сдавалась деньгами. Во второй половине XIX в. сумма подати, сдаваемой пушниной, стала уменьшаться по требованию окружного казначейства из-за злоупотреблений зайсанов и демичей, которые подменяли хорошую пушнину плохой, и она не принималась казначейством в счет ясака. Поэтому бракованная пушнина продавалась на городском рынке, а вырученные деньги вносились в счет ясака. В итоге образовывалась недоимка, которая покрывалась дополнительными сборами с населения. Несмотря на требования казначейства, зайсаны и демичи старались уплатить часть подати пушниной. В ясаке пушниной они видели один из главных признаков своего «кочевого» состояния. Об уменьшении количества подати, уплаченной пушниной по 5–7-й алтайским дючинам, говорят такие цифры: если в 1890 г. ясак пушниной составил 2500 белок и 25 соболей, то в 1896 г. – лишь 1400 белок [Швецов 1900: 248, 251].

К окладным платежам, разверстываемым на съездах, обычно присоединялись и расходы, сделанные в течение года на разные общественные нужды: продовольствие участников сходов, так называемые «темные» расходы и др. При составлении предварительной раскладки все эти расходы подсчитывались и присоединялись к разверстываемой сумме. Обычно ежегодно собиралось несколько сотен рублей больше нормы. Эти деньги шли на покрытие непредвиденных расходов, а часть этой суммы вносилась в разверстку предстоящего года. Так, 3-я дючина в 1895 г. исчислила все расходы в 1048 руб., а собрано было 1106 руб. Остаток суммы решено «выписать на затраты зайсана для поездки в г. Бийск с целью сдачи ясака, а остальные деньги должны храниться у зайсана». В первой дючине, где делопроизводство было в лучшем состоянии, остаток от непредвиденных расходов засчитывался в общую сумму сборов следующего года. Так, в 1896 г. у казначея на руках оставались от преды-

дущего года 684 руб., которые были засчитаны в сумму годовых сборов. А недостающая сумма разверстана по 2,5 руб. на годную душу, причем оказалось, что собрано на 417 руб. больше требуемого. «Этот остаток, — написано в приговоре, — по принятому у нас обычаю, должен храниться за казначеем на разные непредвиденные расходы» [Швецов 1900: 247, 249].

В составе неокладных платежей преобладали ямские повинности. Среди полукочечевого населения ямские суммы развёрстывались между хозяевами, живущими около конкретной станции и привлекаемыми к отбыванию ямской (и дорожной) повинности. Деньги на ямские повинности взыскивались по частям, начиная с апреля. В отличие от калана, сдаваемого разом в казначейство, ямщикам приходилось платить значительные средства несколько раз в году. Тяжесть ямской повинности определялась суммами затрат населения на содержание ямских станций и лошадей при них. Так, содержание 14 ямских станций (с 71 парой лошадей) на территории населения 5–7-й дючин и двух чуйских волостей обходилось населению в 5470 руб. [Швецов 1900: 250]. Под проезд лошади требовались в летние месяцы, а зимой, из-за трудности горных дорог, разъезды по Горному Алтаю были весьма незначительными. К концу XIX в., когда усилилось движение на Алтае, тяжесть этой повинности заметно возросла. В среднем на категорию алтайцев-кочевников приходилось сельских сборов около 2 руб. на податную душу, на оседлых алтайцев — значительно больше. Кроме сельских сборов, все остальные развёрстывались всем населением дючины. Русское население, живущее совместно с алтайцами в селениях, развёрстывало сельские сборы вместе с ними, а остальные денежные платежи — отдельно. Разверстка сельских сборов всегда производилась поровну между плательщиками без учета их состояния [Швецов 1900: 254].

Среди натуральных повинностей следует отметить и дорожную. Все имеющиеся дороги в Горном Алтае, включая Чуйский и Уймонский тракты, были проложены местным населением, силами которого они поддерживались, а также исправлялись некоторые верховые (вьючные) горные дороги с устройством мостов, очисткой от камней и т.п. О дорожной повинности (поденщине) всего населения горного края в середине 90-х гг. XIX в. можно судить по следующим цифрам. На 7238 платежных душ приходилось 16563 поденщины по исправлению дорог, или 2,3 поденщины на платежную душу. По отдельным группам населения разница размеров поденщины была незначительная: от 2,3 среди алтайцев до 2,1 среди русских крестьян. Сопоставляя данные о дорожной повинности жителей оседлых и полукочечевых селений, мы обнаружили, что для первых она была значительно тяжелее, чем для вторых. Так, в 1895–1896 гг. дорожная повинность жителей селений составляла 2,4–3 руб., а урочищ — 1–2,1 руб. Это объяснялось тем, что селения

обычно располагались на колесных путях. Среди алтайцев разных районов, кроме чуйского, который находился в особых условиях, значительной разницы в дорожной повинности не наблюдалось. В 1896 г. размер поденщин (в расчете на 1 податную единицу) колебался от 2,1 руб. в западном районе до 2,7 в черневом районе [Швецов 1900: 255–256]. В неокладные повинности населения Горного Алтая входило также тушение лесных пожаров, которое специально не учитывалось.

До принятия российского подданства чуйские теленгиты платили в китайскую казну натуральные подати. Так, в середине XIX в. их зайсаны отвозили в конце зимы (в феврале) подати в приграничный г. Кобдо. Размер подати составлял 2 соболя или 60 белок с каждого мужчины. В качестве подарка они получали от китайского правительства 12 слитков серебра (ямба) и 12 аршин шелка (канфа) для чиновников и 90 кусков хлопчатобумажной ткани (даба) для жителей каждой волости. Двойственное политическое положение теленгитов обязывало их сдавать калан (ясак) и в Бийское окружное казначейство. До 1798 г. две волости сдавали по 40 соболей на сумму 100 рублей, а с 1798 г. – по 80 соболей на 200 руб. (см. табл. 1–2). Однако в отдельных случаях они сдавали в счет ясака шкуры диких копытных животных. Например, в 1869 г. от них в Бийское окружное казначейство поступило 145 маральих, 4 лосиных и 9 оленьих шкур, которые были проданы на аукционе Ирбитской ярмарки за 375 руб. [ГАТО. Ф. 196. Оп. 36. Д. 30. Л. 1; Екеев 2009: 60]. Примерно с 1858–1859 гг. калан с них стал исчисляться по 1 рублю с податной души, кроме того, на каждую семью развешивались подати в три рубля [Радлов 1989: 127–128]. В алтайских дючинах, несмотря на большую разницу между доходами богачей и бедняков, они облагались одинаковой подушной податью. Система податей и повинностей ложилась тяжелым бременем на бедняков и маломощных хозяев, способствуя их дальнейшему закабалению байством.

2.2. Социально-демографическая характеристика населения

Численность народонаселения. С момента вхождения Горного Алтая в состав Российского государства сословно-этнический состав его населения значительно изменился, главным образом благодаря притоку русских переселенцев в регион и общему демографическому росту всех групп населения. При определении численности и состава населения региона основными источниками послужили данные ревизий (1763, 1797, 1816, 1859 гг.), ясачной комиссии (1832 г.), административно-полицейс-

кого учета (1880 г.) и всеобщей переписи населения 1897 г. Кроме того, ценными источниками стали материалы обследования 1897 г., обработанные С.П. Швецовым. Как показали исследования, формы учета населения были разнообразными. Так, ревизиями учитывалось только мужское (податное) население, поэтому численность всего населения исчислялась с учетом изменений в половом составе населения, а также среднегодового прироста населения (например, чуйских волостей за 1859 г.). Данные ясачных комиссий составлены на основе сведений родовых управлений, но они сверялись с предыдущими ревизиями. Следовательно, при определении численности и состава населения учитывалась специфика каждой формы его учета. Сложность состояла и в том, что территория Горного Алтая не представляла собой самостоятельную административную единицу, а являлась частью Бийского округа. Поэтому численность и состав населения горного региона определены на основе группировки поволостных и, в отдельных случаях, поселенных статистических материалов.

Анализ статистических данных свидетельствует о постоянном росте численности населения Горного Алтая (см. табл. 1). За вторую половину XVIII столетия, точнее с 1763 по 1797 гг., общая численность населения горного края возросла в 1,4 раза. Только население алтайских дючин увеличилось в 2,5 раза. Заметная разница в динамике приведенных цифр объясняется не естественным ростом населения дючин, а тем, что ревизия 1797 г. охватила ранее не учтенное население. Вспомним, что к началу 90-х годов XVIII в. прекратились набеги цинско-монгольских войск в южные районы Горного Алтая. Кроме того, российское правительство окончательно признало право оставшихся в горах алтайцев – бывших джунгарских подданных – жить на своей исконно родной земле. Иначе говоря, общая стабилизация политической обстановки в Горном Алтае способствовала тому, что большое количество людей, ранее скрывавшихся в горах (ясачные и без определенного подданства), стало добровольно причисляться к алтайским дючинам.

За первую треть XIX в. (1797–1832 гг.) численность населения Горного Алтая увеличилась в 2,8 раза, главным образом на основе роста населения алтайских дючин. Среднегодовой прирост всего населения за этот период составил 5,2%, только дючин – 7,6%. На демографические процессы среди коренного населения существенное влияние оказали два фактора. Во-первых, постепенное налаживание мирной жизни, сопровождавшееся развитием скотоводства и земледелия, благоприятствовало естественному росту населения. Во-вторых, в начале XIX столетия часть населения, ранее угнанного в неволю на территорию западной Монголии и в казахские степи, стала возвращаться на родину. Бывший земский исправник Бийского уезда А.М. Горохов отмечал, что «... зюнгорцы, многократно большими семьями переходили к одноплеменникам своим,

Таблица 1. Численность населения Горного Алтая, 1763–1897 гг.,
тыс. человек

Административные единицы	1763 г.	1797 г.	1816 г.	1832 г.	1859 г.	1880 г.	1897 г.
Алтайские дючины	0,9	2,3	4,9	7,9	11,6	14,2	21,6
Чуйские волости	^{А)} 0,4	^{Б)} 0,6	с.н.	1,0	1,5	^{В)} 2,2	5,2
Черневые волости	1,0	1,3	1,2	2,0	2,8	3,2	5,0
К.-Шелкальская	0,2	0,1	0,2	0,3	0,5	0,8	0,8
В.-Кумандинская	х	0,2	0,3	0,3	0,6	0,9	1,4
Н.-Кумандинская	^{Г)} 0,8	0,7	1,0	1,0	1,6	1,1	3,6
Уймонская управа	-	-	0,6	0,6	0,7	^{Д)} 1,3	3,2
Села:							
Быстринской упр. ¹⁾	-	-	-	-	1,0	1,2	3,5
Сарасинской упр. ²⁾	-	-	-	-	0,3	0,2	0,6
Кокшинской упр. ³⁾	-	-	-	0,2	0,1	0,1	0,5
Алтайской вол. ⁴⁾	-	-	-	-	0,5	с.н.	1,4
Ануйской вол. ⁵⁾	-	-	-	-	0,5	с.н.	2,3
Другие	-	-	-	^{Е)} 0,5	-	^{Ж)} 4,2	^{З)} 1,3
По всем	3,3	5,2	8,2	13,8	21,7	29,4	50,4
По сопоставимой ⁶⁾	3,3	4,5	7,2	12,8	20,1	28,3	46,8

Источники: ЦХАФАК. Ф. 169. Оп. 1 (доп.). Д. 48. Л. 218–221; РГИА. Ф. 468. Оп. 9. Д. 1042. Л. 439–440; ГАТО. Ф. 196. Оп. 36. Д. 24. Л. 10–16; Список 1868: 63–65, 72; Ядринцев 1891: 289–307; Патканов 1911: 192–193; 197–223, 282–283; Патканов 1912: 62–70; Алтайцы 2005: 66; Самаев 1991: 161.

Примечания: При определении численности населения включены сведения по тем селениям, которые находились на сопоставимой территории Горного Алтая.

¹⁾ Бирюля (Билюля), Майма, Улала. ²⁾ Мыюта и улус Черга. ³⁾ Верхний Карагуш, Чемал. ⁴⁾ Черга, Шебалино, Комлак, Топучес, Туекта, Ангудай, Хабаровка, Купшегенъ. ⁵⁾ Каргон, Чечулиха, Талица, Тюдрала, Усть-Кан, Абай, Катанда, Нижний Уймон, Черный Ануй и Белый Ануй. ⁶⁾ Без учета населения Нижне-Кумандинской волости.

^{А-В)} См. примечание 1 к табл. 4. ^{В)} Сведения за 1875 г. ^{Г)} Данные по Кондомо-Кумандинской волости. ^{Д)} Данные за 1889 г. ^{Е)} Сведения о населении неуказанных волостей. ^{Ж)} Данные о населении селений непосредственного ведения отдельного алтайского заседателя (Абай, Ангудай, Ильинское, Камлак, Катанда, Кош-Агач, Мариинское, Потогол, Тюдрала, Усть-Кан, Черный Ануй; всего – 1162 человек) и его помощника (селения по рекам Эдиган, Чепош, Узнезя, Чемал, Кара-Кокша, верховье Иши, Пыжа, Уймень, Карасук, Суульта, Сайдыс, Найма). ^{З)} Население селений Черно-Ануйского отделения АДМ (923 чел.) и общества Обдольдо (383 чел.).

алтайским калмыкам, но каждый раз принуждены бывали возвращаться назад. Последнее покушение их к тому было в 1808 году, кончившееся, однако не удачнее прежних» [Горохов 1840: 204]. Но, тем не менее, согласно историческим преданиям алтайцев, значительной группе людей, принадлежавших к родам комдош, тёлёс, майман, иркит и другим, все-таки удалось вернуться в родные места. Одних, например, жителей Комдошской волости, возвратили домой по требованию сибирской губернской администрации. Другие это сделали путем поднесения богатых даров пограничным цинским начальникам, а остальным сопутствовала удача при их бегстве из неволи [Алтайцы 2005: 113, 130, 144, 151].

В последующую четверть века (1832–1859 гг.) численность населения Горного Алтая возросла в 1,5 раза (с 12,8 тыс. до 20,1 тыс. человек). А по отдельным группам динамика роста населения выглядела так: кочевых волостей и дючин – в 1,4 раза (с 11,5 тыс. до 17,0 тыс.), управ – в 7 раз (с 0,2 тыс. до 1,4 тыс.) и группы сел, приписанных к крестьянским волостям, – в 1,5 раза (с 1,1 тыс. до 1,7 тыс.). Как видим, особенностью данного периода стало то, что на демографические процессы в Горном Алтае стал оказывать влияние новый контингент населения – «оседлые инородцы», приписанные к управам. Но в дальнейшем, т.е. в пореформенный период на демографические процессы в регионе существенное влияние стал оказывать нарастающий приток преимущественно русских крестьян из соседних районов Сибири. Так, за 1859–1897 гг. численность всего населения Горного Алтая возросла в 2,3 раза (с 20,1 тыс. до 46,8 тыс. человек), а только крестьянских волостей – в 4 раза (с 1,7 тыс. до 6,9 тыс. человек). В конце XIX в. численность населения семи алтайских дючин достигла 21,6 тыс. человек, восьми кочевых волостей – 12,4 тыс. и крестьянских волостей и управ – 12,8 тыс. человек. В целом же за столетие (1797–1897 гг.) общая численность населения горного края увеличилась в 10,4 раз, только кочевых волостей и дючин – в 7,5 раз. Анализ статистических материалов позволяет утверждать, что если увеличение численности населения в кочевых волостях и дючинах происходило преимущественно на основе естественного прироста, то в крестьянских волостях и инородческих управах, помимо этого, существенное влияние оказывал приток переселенцев из соседних районов Сибири.

Половозрастной состав населения. Общая тенденция в изменении полового состава населения Горного Алтая рассматриваемого времени заключалась в постепенном выравнивании удельного веса мужчин и женщин за счет уменьшения численности первых из них. По данным на 1816 г., удельный вес мужчин в составе населения Горного Алтая составлял 54,5% (среди алтайцев – 54,9% и русских – 50,5%), в 1832 г. – 53,2% и в 1897 г. – 50,3% (у двух этнических групп – соответственно 50,4 и 49,5%) [РГИА. Ф. 468. Оп. 9. Д. 1042. Л. 438–440; Патканов 1911:

197–223, 282–283]. Как видим, если в начале XIX в. численность мужчин была заметно больше, чем женщин, особенно у алтайцев, то к концу этого же столетия она стала примерно равной.

Данные о возрастной структуре населения Горного Алтая весьма отрывочные и неполные. В нашем распоряжении пока имеются лишь сведения на 1832 г. (причем, только мужчин-алтайцев) и на 1897 г. (разработка С.П. Швецова). Так, в 1832 г. из 4100 мужчин, учтенных ясачной комиссией, 51,2% были в возрасте до 17 лет, 40,1% – от 18 до 50 лет и 8,7% – в возрасте 50 лет и старше [РГИА. Ф. 468. Оп. 9. Д. 1042. Л. 437–439]. А по сведениям на 1897 г. из 41983 человек, охваченных обследованием, удельный вес детей и молодежи в возрасте до 17 лет включительно составил 45,7%, лиц в возрасте 18–59 лет (т.е. занятых активной трудовой деятельностью) – 46,3% и людей пожилого возраста (60 лет и старше) – 8%. Обращаясь к возрастной структуре населения двух основных национальностей Горного Алтая, нужно отметить, что удельный вес детей и молодежи среди алтайцев был на 4,3% ниже, чем среди русских (равнялся 49,4%), а доля лиц в возрасте 18–59 и свыше 59 лет у первых соответственно была больше на 2,2%, чем у вторых [Швецов 1900: 41, 47–50]. Таким образом, в конце XIX столетия половозрастная структура населения Горного Алтая была благоприятной в силу высокого удельного веса молодых возрастов и примерно равного соотношения численности мужчин и женщин. Создавшаяся благоприятная демографическая ситуация, несомненно, способствовала дальнейшему росту населения горного края.

Сословная структура населения. До реформы М. Сперанского коренные жители Горного Алтая относились к категории ясачного (ясашного) населения Сибири. Население бывших «двоеданческих» волостей Северного Алтая называлось «ясачными татарами». Новоподданные алтайцы (бывшие «зенгорские калмыки», ойроты) также были причислены к ясачному населению вновь образованных пяти дючин, которые сначала назывались порубежными (тау-телеутскими), а потом алтайскими («калмыцкими») дючинами.

Согласно «Уставу» 1822 г. (реформе М. Сперанского), коренные народы (племена) Сибири были отнесены к различным разрядам (категориям) сословия «иностранцев». «Ясачные татары» Северного Алтая (кумандинцы, «черневые татары») отнесены к разряду «кочевых иностранцев». Население пяти алтайских дючин сначала было зачислено в разряд «бродячих иностранцев», но с 1832 г. решением ясачной комиссии переведено в разряд «кочевых иностранцев» [РГИА. Ф. 468. Оп. 9. Д. 1042. Л. 406об.]. Телеуты (с аш-киштивами) по месту первоначальной приписки к волостям Кузнецкого округа относились к категории «оседлых иностранцев». Особую группу составляли жители двух тау-телеутских (чуйских) «двоеданческих» волостей, которые именовались «состо-

ящими в зависимости без совершенного подданства» России [Кистяковский 1876]. Такое их состояние перестало существовать после 1865 г., когда чуйские теленгиты полностью приняли российское подданство.

Формирующееся местное русское население в основной своей массе числилось в сословии крестьян (преимущественно горнозаводских, отчасти – государственных) и лишь небольшая его часть относилась к другим сословиям. Исключение составляли русские старожилы Уймонской долины, которые с 1792 г. были причислены к разряду «оседлых инородцев». В 1834 г. их села были объединены в Уймонскую инородную управу. В 80-х гг. XIX в. в Чуйскую долину и плато Укок прикочевала группа вольных казахов из Монголии, которые формально не являлись российскими подданными [Шмурло 1898: 42–43]. Обратимся к конкретным цифровым материалам о сословной структуре населения Горного Алтая (см. табл. 2 и 1). С 1859 по 1896 гг. удельный вес сословия «инородцев» (кочевых и оседлых) среди всего населения горного края снизился с 95 до 81,3%. А доля крестьян и представителей других сословий соответственно возросла с 5 до 18,7%. К концу XIX столетия сословная структура населения горного края немного усложнилась из-за присутствия представителей сословий мещан, в основном выходцев из г. Бийска (составили 2,6%), отставных военных чинов – солдат (1,2%), православного духовенства, дворян и почетных граждан (всего 0,3%).

Таблица 2. Сословный состав населения Горного Алтая, 1896 г.

Волости	Все	Удельный вес, в процентах						
		Крестьяне	Инородцы	Мещане	Воен. чины	Правосл. духовен.	Купцы	Др.
Дючины	17425	2,3	96,9	0,4	0,4	0,0	-	0,0
Кочевые	11468	17,8	72,6	6,3	2,7	0,2	0,0	0,4
Крестьянские	2133	98,2	-	0,5	1,3	-	-	-
По всем	31029	14,6	81,3	2,6	1,2	0,1	0,0	0,2

Источник: ГАТО. Ф. 234. Оп. 1. Д. 177. Л. 8–9

Примечание: Сведения по семи дючинам, двум чуйским, четырем черным волостям, Уймонской управе и Верхне-Кумандинской волости.

Религиозный состав населения. Русское население по вероисповеданию относилось к христианам (православным), а основная масса коренного населения Горного Алтая в XIX в. была шаманистами. Но по мере усиления деятельности православной миссии среди коренных жителей Горного Алтая формируется категория крещеного населения. Обратимся к статистическим материалам, предварительно сделав два замечания. Во-первых, численность приверженцев той или иной религии определялась на основе данных официальной православной церкви. Во-вторых, в рассматриваемое время для значительной части коренных жителей был

присущ религиозный синкретизм. Иначе говоря, среди них нередко было явление, когда люди отправляли культы не одной, а двух религий. Например, значительная часть крещеных алтайцев продолжала почитать «языческие» культы (культы гор, рек, домашнего очага). Статистические данные показывают (см. табл. 3), что в 1896 г. 45,2% всего охваченного учетом населения Горного Алтая считались христианами (в т.ч. 8,9% – старообрядцами) и 54,8% – «идолопоклонниками» (шаманистами). А в 1899 г. удельный вес христиан возрос до 60,3% за счет снижения доли шаманистов до 39,7%. Кроме того, существовала небольшая группа мусульман – казахов во 2-й Чуйской волости, но данные об их численности в официальной статистике отсутствуют. Как видим, удельный вес населения, исповедующего христианство, постоянно возрастал на основе увеличения общей численности русского и крещеной части коренного населения. В то же время снижалась доля шаманистов («идолопоклонников»). В составе местных русских христиан значительное место занимали старообрядцы или староверы – русские старожилы Уймонской управы, Катандинской и некоторых других крестьянских волостей.

Таблица 3. Религиозный состав населения Горного Алтая

	Все		Православные		Староверы		«Идолопоклонники»	
	Абс.	%	Абс.	%	Абс.	%	Абс.	%
1896 г.								
Все население	31029	100	11255	36,3	2761	8,9	17013	54,8
Коренное	25210	100	8197	32,5	-	-	17013	67,5
Русское	5819	100	3058	52,6	2761	47,4	-	-
1899 г.								
Все население	39889	100	20755	52,0	3315	8,3	15819	39,7
Коренное	32552	100	16733	51,4	-	-	15819	50,6
Русское	7337	100	4022	54,8	3315	45,2	-	-

Источник: ГАТО. Ф. 234. Оп. 1. Д. 177. Л. 8–9; Д. 414. Л. 21–22

Отдельно рассмотрим религиозный состав коренного населения Горного Алтая. Прежде всего следует отметить, что в XIX столетии среди них наблюдался постоянный рост численности крещеного населения (см. табл. 4). Так, если, по данным на 1832 г., из 11,2 тыс. человек крещение приняли только 58 человек (0,5%) [РГИА. Ф. 468. Оп. 9. Д. 1042. Л. 437–438], то в 1899 г. численность крещеных (христиан) составила 15,3 тыс. человек, или 49,2% всего коренного населения Горного Алтая. Их доля в составе разных этнических групп существенно отличалась. В конце XIX в. удельный вес крещеного населения в инородческих управах (среди телеутов) составил 94%, четырех черневых волостях (у тубаларов) – 71,2%, Верхне-Кумандинской волости – 48,8%, семи алтайских дючи-

нах – 47% и в двух чуйских волостях – 30,2%. У коренных жителей Кондомо-Шелкальской волости (чалканцев) доля крещеных в конце 1880-х гг. не превышала 10% [ГАТО. Ф. 234. Оп. 1. Д. 89. Л. 388–397].

Таблица 4. Религиозный состав коренного населения Горного Алтая

	Всего		Православные		«Идолопоклонники»	
	абс.	%	абс.	%	абс.	%
<u>1899 г.</u>						
Дючины (алтайцы)	22892	100	10764	47.0	12128	53.0
Чуйские (теленгиты)	2544	100	767	30.2	1777	69.8
Черневые (тубалары)	4297	100	3059	71.2	1238	28.8
В.-Кумандинская	1320	100	644	48.8	676	51.2
Мыютинская (телеуты)	116	100	109	100	7	6.0
Всего	31169	100	15343	49.2	15826	50.8

Источник: ГАТО. Ф. 234. Оп. 1. Д. 414. Л. 21–22

Этнический состав населения. Данные о сословной структуре населения служат основой для определения этнического (национального) состава населения Горного Алтая (см. табл. 5). При исчислении данных за 1797–1859 гг. к коренному населению были отнесены все жители кочевых волостей, дючин и инородческих управ, а к русскому – жители крестьянских сел (включая Уймонскую управу), потому что низовые административные образования создавались по сословному принципу. Наиболее точными являются данные за 1897 г., поскольку всероссийская перепись этого года специально учитывала национальную («племенную») принадлежность людей. Статистические данные свидетельствуют, прежде всего, о неуклонном росте населения всех основных этнических групп горного региона. За столетие (1797–1897 гг.) численность коренных жителей Горного Алтая возросла почти в 8 раз, а русского населения (за 1816–1897 гг.) – в 16 раз. В указанный период происходило изменение соотношения коренного алтайского и русского населения. Здесь просматривается процесс двоякого рода: постепенное уменьшение удельного веса коренных жителей при одновременном увеличении доли местного русского населения. Так, за период с 1816 по 1897 гг. удельный вес первых снизился с 91,7% до 77,1%, а вторых соответственно поднялся с 8,3% до 20,3%.

Таблица 5. Этнический состав населения Горного Алтая, тыс. человек

Группы населения	1797 г.		1816 г.		1832 г.		1859 г.		1897 г.	
	Абс.	%	Абс.	%	Абс.	%	Абс.	%	Абс.	%
Коренное	4,5	100	6,6	91,7	11,7	91,4	18,3	91,0	36,1	77,1
Русское	с.н.	-	0,6	8,3	1,1	8,6	1,8	9,0	9,5	20,3
Другое	-	-	-	-	-	-	-	-	1,2	2,6
Всего	4,5	100	7,2	100	12,8	100	20,1	100	46,8	100

Источники: ЦХАФАК. Ф. 169. Оп. 1 (доп.). Д. 48. Л. 218–221; РГИА. Ф. 468. Оп. 9. Д. 1042. Л. 439–440; ГАТО. Ф. 196. Оп. 36. Д. 24. Л. 10–16; Список 1868: 63–65, 72; Патканов 1911: 197–223, 282–283.

На этнические процессы среди коренного населения Горного Алтая существенно повлияли политические и социально-экономические факторы того времени: длительный характер включения в состав Российского государства разных племенных групп, сохранение патриархально-родовой системы управления и полукочевого хозяйства. Учитывая порядок образования административных единиц коренных жителей по родоплеменной принадлежности, население семи алтайских дючин отнесено к алтайцам (ойротам), четырех черневых волостей – к тубаларам (йыш кижи), двух чуйских волостей – теленгитам, инородческих управ – телеутам, двух кумандинских и Кондомо-Шелкальской волостей – соответственно к кумандинцам и чалканцам. Первые три этнические группы были полностью сосредоточены на территории Горного Алтая (Бийском округе), а большинство населения трех остальных этнических групп проживало за его пределами – в предгорной части (Нижне-Кумандинской волости) Бийского округа и Кузнецком округе. В официальных документах и исторической литературе рассматриваемого времени алтайцы – жители семи дючин – назывались алтайскими (бийскими, горными) калмыками. Теленгиты сначала именовались калмыками-двоеданцами, чуйскими двоеданцами (изредка, урянхайцами), а после присоединения к России (1865 г.) – чуйскими теленгитами (локальная группа по Чолушману – төлөсами). Тубалары и чалканцы, вместе с шорцами, назывались черневыми татарами, а кумандинцы и телеуты – без изменения их названий.

Статистические данные показывают (см. табл. 6), что основную массу коренного населения составляли алтайцы, т.е. население алтайских дючин. В период с 1763 по 1832 гг. численности алтайцев возросла с 0,9 до 7,9 тыс. человек (почти в 9 раз), а и их удельный вес – с 27,3 до 62,7%. В дальнейшем, при общем росте численности населения всех этнических групп, удельный вес алтайцев среди коренного населения Горного Алтая постепенно снижался, и в 1897 г. составил 50,6%. Такая тенденция обусловлена заметным ростом удельного веса телеутов и

теленгитов. Согласно переписи 1897 г., алтайцы составляли 50,6%, теленгиты – 12,7%, телеуты – 14,1%, тубалары – 10,9%, кумандинцы – 9,5% и чалканцы – 2,2% всего коренного населения Бийского уезда. Следует учесть, что приведенные цифры отражают распределение коренных жителей Горного Алтая по их формальной приписке к административно-родовым образованиям – кочевым волостям и дючинам. В реальной жизни этнические процессы были многогранными и охватывали разные сферы жизни населения. На протяжении XIX столетия происходило ограничение патриархально-родовых институтов (родового управления, зайсаната) и формирование новых общественных образований (например, сельских общин оседлой части населения), усиление внутренней миграции населения, расширение и укрепление хозяйственно-культурных взаимосвязей между этнотерриториальными группами, которые в целом свидетельствовали об усилении процесса их консолидации в новую общность – алтайскую народность (*алтай јон*). Эти процессы отмечены в трудах исследователей XIX в. (Г.Н. Потаниным, Н.М. Ядринцевым, А.В. Адриановым, С.П. Швецовым). О достаточно высоком уровне их этноязыковой общности подтверждают исследования В. Вербицкого [Грамматика 1869; Словарь 1884] и данные всеобщей переписи 1897 г., согласно которым около 83% коренного населения Горного Алтая считали родным алтайский язык [Патканов 1911: 194–196].

Таблица 6. Коренное население Бийского округа, тыс. человек

	1763 г.		1797 г.		1832 г.		1859 г.		1897 г.	
	Абс.	%	Абс.	%	Абс.	%	Абс.	%	Абс.	%
Алтайцы	0,9	27,3	2,3	44,2	7,9	62,7	11,6	54,0	20,8	50,6
Теленгиты ¹	0,4	12,1	0,6	11,5	1,0	7,9	1,5	6,5	5,2	12,7
Тубалары	1,0	30,3	1,3	25,0	2,0	15,9	2,8	13,0	4,5	10,9
Телеуты	-	-	-	-	0,1	0,8	3,0	14,0	5,8	14,1
Кумандинцы	0,8	24,2	0,9	17,3	1,3	10,3	2,2	10,2	3,9	9,5
Чалканцы	0,2	6,1	0,1	1,9	0,3	2,4	0,5	2,3	0,9	2,2
Всего	3,3	100	5,2	100	12,6	100	21,6	100	41,1	100

Источники: ЦХАФАК. Ф. 169. Оп. 1 (доп.). Д. 48. Л. 218–221; РГИА. Ф. 468. Оп. 9. Д. 1042. Л. 439–440; ГАТО. Ф. 196. Оп. 36. Д. 24. Л. 10–16; Ядринцев 1891: 289–307; Патканов 1911: 197–223, 282–283; Алтайцы 2005: 66; Самаев 1991: 161.

Примечание: ¹ Численность теленгитов в 1763 г. исчислена на основе данных о взрослых мужчинах (214 чел.), а в 1797 г. – по среднегодовому приросту населения между 1763–1832 гг.

Переход от кочевничества к оседлости. Различия в сословной и религиозной структуре населения Горного Алтая нашли отражение в особенностях культур, образе жизни и в уровне социально-экономического развития разных этнических (национальных) групп. Об этом на-

глядно свидетельствуют данные о типах жилищ и поселений населения. Они, вместе со сведениями о состоянии земледелия, позволяют проследить динамику изменения соотношения оседлого и кочующего населения, степени развития оседлого образа жизни среди коренных жителей Горного Алтая.

По переписи 1897 г., в Горном Алтае было учтено 587 населенных пунктов, в том числе 80 сел (деревень, поселков), 44 заимки, 86 айлов и 377 стойбищ (урочищ). Все поселения, за исключением стойбищ, являлись вполне оседлыми. В первой группе поселений – селах проживало 43,6% всего населения (в т.ч. 28,3% алтайцев), во второй – 0,2 (соответственно 0,2%), в третьей – 1,2 (0,9) и в четвертой группе поселений – 55% всего населения, в том числе 70,6% коренных жителей Горного Алтая. Как видим, в конце XIX в. практически все (97,8%) русское население было сосредоточено в селах и деревнях, а преобладающая часть (около 71%) коренного алтайского населения расселялась по стойбищам и вела полукочевой образ жизни, сохранившемся в семи алтайских дючинах (78,6% населения) и двух чуйских волостях, а также среди чуйских казахов [Патканов 1911: 197–223, 282–283].

Общая тенденция перехода алтайских скотоводов-полукочевников к оседлости нашла отражение в изменении типов жилищ алтайцев (см. табл. 7). По сведениям ясачной комиссии на 1832 г., единственной формой жилища алтайцев служили юрты, причем половина из них была войлочными. К концу XIX в. основной формой их жилища остается юрта (89% всех жилищ), но уже получают распространение, главным образом в северной (таежной) части Горного Алтая, избы и дома (11%). Среди юрт преобладали деревянные жилища (*агаш-айыл*, *чадыр-айыл*, *сёольтё*) [Швецов 1900: 59–60]. Показателем оседлости служит и степень развития земледелия и заготовки кормов для скота в алтайских хозяйствах, но об этом будет подробно сказано ниже.

Заканчивая анализ материалов, подведем некоторые общие итоги. Изучение конкретно-исторических данных показало, что на протяжении второй половина XVIII и XIX вв. численность всего населения Горного Алтая и его основных этнических групп неуклонно росла. Горный Алтай относился к малонаселенным и осваиваемым окраинам России. Поэтому на демографические процессы в регионе заметно влиял приток переселенцев из соседних сибирских и других районов России. За рассматриваемое время численность коренного населения Горного Алтая возросла в 12,4 раз (от 3,3 тыс. до 41 тыс. человек). К концу данного периода основная часть коренного населения Горного Алтая в процессе этнической консолидации сформировалась в новую алтайскую народность (*алтай јон*).

*Таблица 7. Изменение форм жилища коренного населения
Горного Алтая*

	Всего жилищ	Юрты					Избы, дома	
		Всего		войлочные				
	абс.	%	абс.	%	абс.	%	абс.	%
Дючины								
1832 г.	1560	100	1560	100	1120	(71,8)	-	-
1897 г.	6910	100	6238	90,3	с.н.	с.н.	672	9,7
Черневые вол.								
1832 г.	435	100	435	100	10	(2,3)	-	-
1897 г.	1331	100	950	71,4	с.н.	с.н.	381	28,6
Чуйские вол.								
1832 г.	с.н.	с.н.	с.н.	с.н.	с.н.	с.н.	с.н.	с.н.
1897 г.	1309	100	1305	99,7	с.н.	с.н.	4	0,3
По всем								
1832 г.	1995	100	1995	100	1130	(56,6)	-	-
1897 г.	9550	100	8493	89,0	с.н.	с.н.	1057	11,0

Источники: РГИА. Ф. 468. Оп. 9. Д. 1042. Л. 628, 637, 644, 652, 660, 668, 675, 707, 714, 721, 727; Швецов 1901: 278, 286, 294, 302.

Положение Горного Алтая как аграрно-колониальной окраины Российской империи определило социальную структуру его населения, в которой абсолютно преобладало крестьянское население (95%). Другие социально-сословные слои – мещане, купцы, воинские чины запаса, духовенство – составляли мизерную часть его населения. Причем население последних четырех сословий почти полностью было русской национальности. Как видим, по социальному облику населения Горный Алтай был крестьянским краем.

На протяжении второй половины XVIII–XIX вв. две основные национальные группы Горного Алтая – алтайцы и русские – существенно отличались по хозяйственной деятельности, культурно-бытовому укладу и образу жизни. Местные русские крестьяне, являясь носителями оседлой земледельческой культуры, оказывали заметное влияние на развитие скотоводческого хозяйства и быта алтайцев. Подобное влияние было обусловлено длительным соседством и постоянно усиливающимися хозяйственными и культурными связями между ними. Одним из позитивных последствий их совместного проживания, безусловно, стал переход значительной части алтайцев от кочевничества к оседлости.

2.3 Освоение территории Горного Алтая

2.3.1 Начало освоения русскими людьми территории Горного Алтая

Первые русские люди появились на территории северного Алтая в XVII в. Это были казаки, рудоискатели, от которых стало известно о природно-климатических условиях горного края, коренных жителях, их хозяйственных занятиях и образе жизни. К этому времени относится появление первых отечественных картографических сведений об Алтайских горах. Промышленное освоение горнозаводчиком А. Демидовым юго-западной части Алтая в 20-х гг. XVIII в. расширило возможности для русского проникновения в горный регион. После перехода демидовских предприятий в 1747 г. в собственность Кабинета началось формирование хозяйства, включавшего огромную территорию Колывано-Воскресенского округа. С вхождением Горного Алтая в состав России южные пределы округа отодвинулись до границ с Китаем.

Так как угроза захвата Алтайских гор Китаем в глазах российского государства представлялась вполне реальной, то в качестве превентивной меры в сентябре 1760 г. был издан правительственный указ о заселении местности от Усть-Каменогорской крепости до Телецкого озера. Для защиты Горного Алтая от цинских вторжений предполагалось строительство линии военных укреплений между р. Бухтармой и Телецким озером и расселение на этой территории 2000 человек из различных губерний страны [Щеглов 1993: 167; Камбалов 1976: 13; Боронин 2004: 164]. Однако первый правительственный проект организованного заселения Горного Алтая остался неосуществленным. В дальнейшем фактор присутствия Кабинета в горном регионе ограничился только его геологическим изучением. В Алтайских горах в 1761, 1786, 1796 гг. побывали экспедиции во главе с опытными геологами и рудоискателями. Из них наиболее удачной оказалась экспедиция 1786 г. во главе с П.И. Шангиным [Шангин 1796]. Он открыл в ущельях Коргона и его притоках яшмовые и порфиновые месторождения, которые стали сырьевой базой для закладки камнерезного дела Кабинета. Возникший при Коргонской каменоломне одноименный поселок, основанный примерно в 1786-1787 гг., стал первым русским населенным пунктом Горного Алтая [Богданов 1967: 104].

Во второй половине XVIII в. южная часть Горного Алтая стала обживаться русскими людьми, которые именовались «каменщиками» (от слова «камень» – гора) [Ядринцев 1880: 120]. Данная группа формировалась из беглых мастеровых и раскольников. Каменщики заселяли

верховья Бухтармы и Катунь [Мукаева 1995: 26]. В 1791 г. бухтарминские каменщики обратились к правительству с просьбой о помиловании, которое получили по указам Екатерины II. Семья старообрядца Гаврилы Бочкарева (прозвище Бочкарь), несогласная с этим решением, укрылась в устье Аргута [Юхнев 1925: 26]. Здесь Бочкаревым удалось продержаться несколько лет, после чего они были обнаружены и переселены в Уймонскую долину, где ими была основана д. Верх-Уймонская (примерно в 1796–1798 гг.).

Более ощутимое заселение территории Горного Алтая русским населением относится к началу XIX в., когда крестьянами Бийского округа стали осваиваться предгорья, а затем и горы Алтая. Так возникли села Чергачак, Майма (1810–1811 г.), Черга (1820 г.), Чечулиха (1824 г.), Абай (1826 г.) и другие.

В первой половине XIX в. продолжалось дальнейшее заселение Уймонской долины. В 20–30-х гг. XIX в. на левом берегу Катунь поселилось восемь крестьянских семей старообрядцев, выходцев из Каинского уезда. Затем к ним присоединились другие крестьяне [Швецов 1900: 46]. Основанная ими деревня получила название Нижний Уймон. Впоследствии несколько отселившихся нижеуймайцев образовали сначала выселок, а затем старообрядческое село Мульту. В 1829 г. оседлые «инородцы» из Шуйской управы Кузнецкого округа, получив разрешение Колывано-Воскресенской горной администрации, образовали село Усть-Коксу [Мукаева 1995: 30]. С 60-х гг. XIX в. из сел Усть-Коксы и Верх-Уймай стали активно выделяться заимки, некоторые из которых впоследствии стали деревнями: Красноярка, Тюгүрюк, Власьевка, Кайтанак, Огневка, Баштала, Кастахта, Горбуновка, Теректа и др. [Швецов 1901: 45].

Включение в состав Российской империи коренных народов Сибири и Дальнего Востока предполагало организованное развитие среди них миссионерского дела. Этому способствовало распоряжение Св. Синода от 10 декабря 1828 г. об организации специальных учреждений – миссий для «приобщения иноверцев к свету Веры Христовой». 15 декабря 1828 г. Синодом официально утверждена Алтайская духовная миссия (АДМ). Начало деятельности миссии связано с архимандритом Макарием Глухаревым (1792–1844 гг.). С мая 1831 г. АДМ осуществляла свою деятельность среди коренного населения Горного Алтая уже на постоянной основе, образовав станы в селах Майме (1831 г.), Улале (1834 г.) и Мыюте (1839 г.). Во второй половине 30-х гг. XIX в. Улалинский стан стал центральным, в 1838 г. здесь построена церковь. Чтобы оградить новокрещеных от «произвола» паштыков и зайсанов, от влияния сородичей-язычников и соблазна участия в шаманских обрядах, Макарий старался их поселить вблизи станов миссии, в оседлых селениях.

С 1845 г. деятельность АДМ распространилась вглубь гор Алтая. Были открыты новые станы: Черно-Ануйский (1846 г.), Чемальский (1849 г.), Макарьевский (1853 г.), Урскульский / Онгудайский (1856 г.) и Кебезенский (1857 г.). Открытие станов со временем приводило к образованию на их основе новых оседлых миссионерских селений. Так, например, в 1859 г. в Мыюте насчитывалось 82 двора и 186 жителей, в основном крещенные телеуты – выходцы из Кузнецкого округа. Они же были первыми поселенцами Черно-Ануйского стана. Затем к телеутам подселились крещенные казахи из селений Ануйской волости и станицы Антоньевки. Позднее жители миссионерского селения пополнились русскими переселенцами. К 1853 г. в Черном Ануе проживало уже 85 человек. Примерно таким же образом образовались миссионерские селения Тюдрала (1855 г.), Паспагыл / Паспаул (1858 г.), Чемал, Онгудай / Урскульское, Кебезень, Салганда и многие другие. В целом, деятельность миссии в это время распространялась на северную и центральную части Горного Алтая.

Большое влияние на процессы заселения и освоение горного края в XIX в. оказала русско-китайская торговля. В верховье долины р. Чуи выросла торговая фактория Кош-Агач. Роль крупных перевалочных пунктов стали играть с. Шебалино, выросшее из купеческой заимки, и поселок Онгудай, очень быстро превратившийся в крупное село [Мукаева 1995: 35]. Образование новых селений происходило в рамках общих процессов заселения и хозяйственного освоения горной части Алтая русским населением.

2.3.2 Переселенческая политика во 2-й половине XIX в.

Крестьянская реформа 1861 г. заставила Кабинет обратить внимание на переселенческий вопрос, так как отмена крепостного права вызвала переселение крестьян из европейских губерний в малолюдную Сибирь. Переселение на Алтай было разрешено законодательным актом 1865 г., однако в Горный Алтай оно в законодательном порядке не разрешалось до 1879 г.

Сначала крестьянское переселение на Алтай имело ограниченные размеры, но после проведения железных дорог миграционное движение стало увеличиваться. Постепенно переселенческие потоки доходили до алтайских предгорий. Переселенческая миграция в 60–70-х гг. XIX в. со степных пространств Алтая продвигалась на юг к горам, охватывая территорию Горного Алтая полукольцом. В первые десятилетия пореформенного времени небольшая часть крестьян переселялась в Горный Алтай самовольно [Коренные 2006: 12]. Освоение Алтайских гор происходило заимочным способом, который позволял русским крестьянам быстрее приспособиться к окружающей среде и налаживать хозяйственную деятельность.

Увеличение численности переселенцев в 70-х гг. XIX в. заставило гражданскую администрацию поставить вопрос о более планомерном расселении мигрантов на всей территории округа, включая его горные районы. Инициатива в данном случае принадлежала томскому губернатору. Тогда же встал вопрос о заселении русским населением и территории Горного Алтая. Поводом для этого послужили поступавшие в канцелярию томской губернской администрации заявки от крестьян предгорных селений о разрешении им переселиться в горные долины. Сельские общества предгорных селений испытывали земельную тесноту. В них на одну ревизскую душу приходилось, в среднем, по 7 десятин земли, в то время как по всем нормам общероссийского и сибирского законодательства требовалось не менее 15 десятин.

Для того чтобы на месте ознакомиться с действительным положением вещей, томский губернатор Н.М. Супруненко в 1873 г. посетил Горный Алтай [Михайлов 1910: 36]. На следующий год он поставил перед генерал-губернатором Западной Сибири Н.Г. Казнаковым вопрос о необходимости заселения речных долин по Катунь. Н.Г. Казнаков обратился с аналогичными предложениями к министрам внутренних дел и императорского Двора. Те, в свою очередь, передали этот вопрос на рассмотрение администрации Алтайского округа. Горное правление Алтайского округа согласилось с этими предложениями, посчитав, что они не противоречат экономическим интересам Кабинета [Михайлов 1910: 61–63].

Во второй половине 70-х гг. XIX в. шло согласование деталей законопроекта о переселении в Алтайские горы. Подготовленный проект был утвержден в 1879 г. как «Правила заселения Горного Алтая». Согласно «Правилам 1879 г.», право на заселение земель Горного Алтая распространялось на всех православных российских подданных. Что касается крестьян Алтайского округа, то им разрешалось переселяться в горы только в тех случаях, когда в их пользовании имелось менее 15 десятин земли на одну мужскую душу. Таким образом, закон оказался ориентированным не на внутренних мигрантов округа, а на выходцев из европейских губерний страны. Выбор участков под поселение предоставлялся самим переселенцам. На переселение в горный край обязательно нужно было получить разрешение Алтайского Горного правления. На последнее возлагались обмежевание и отвод земельных участков для лиц, получивших официальное разрешение. Размер надела определялся в 18 десятин, из расчета по 15 десятин на одну наличную душу и 3 десятин на допринятие. На причисленных переселенцев распространялись действующие в округе общие правила пользования угодьями. Министр императорского Двора предложил действие «Правил 1879 г.» ограничить трехлетним сроком, после чего их пересмотреть с учетом полученных данных о ходе заселения и с

новыми исправлениями и дополнениями представить на окончательное утверждение. Однако «Правила 1879 г.» фактически действовали до землеустройства.

Согласно «Правилам 1879 г.», для заселения предлагались 26 переселенческих пунктов. Они располагались по двум трактам: Чуйскому и Уймонскому. Из них 16 намечались по Чуйскому тракту: Топучая, Теньга, Туехта, Онгудай, Хабаровка, Купчегень, Сальджар, Усть-Иня, Усть-Чуя, Иодро, Салаклар, Айгулак, Сарытума, Курай, Колконор [Куяктанар] и Кош-Агач. Десять переселенческих пунктов располагались по Уймонской дороге и вблизи от этого тракта: Этагол, Черный Ануй, Белый Ануй, Верхний Келей, Усть-Кан, Тюдрала, Ябоган, Кырлык, Абай и Тюгурюк. Состав переселенческих пунктов оказался неодинаков. Так, под переселение попали крупные миссионерские поселки: Онгудай, Черный Ануй, Белый Ануй, а также крестьянские и купеческие заимки. Для других пунктов были выбраны безлюдные места по долине Чуи. В общей сложности в переселенческих поселках намечалось разместить около 1500 человек. В переселенческие поселки зачислялись крестьяне, мещане и другие лица, не терявшие прежних прав состояния. Губернская администрация рассчитывала, что переселенцы оживят экономическую жизнь края [Швецов 1900: 1–2; Михайлов 1910: 62].

По примерным подсчетам, из 134761 человек, переселившихся в 1883–1893 гг. из европейской части страны в Алтайский округ, абсолютное большинство осело в степной части округа. В Горный Алтай переселялись преимущественно страдавшие от малоземелья крестьяне предгорных районов, уже знакомые с горным краем. Переселенцы стремились обосноваться не на пустом месте, а в обжитых населенных пунктах, какими являлись, например, миссионерские станы и поселки. Многих привлекало село Онгудай, расположенное в долине Урсула на Чуйском тракте. Благоприятные условия для переселения были в таких селениях, как Черный Ануй и Белый Ануй с их обилием пахотных, сенокосных и лесных угодий. В процессе заселения разными группами населения они превратились в большие села со смешанным национальным и конфессиональным составом населения. Понемногу заселялись и другие переселенческие пункты. В 1879 г. получили разрешение переселиться в Туехту 12 семей крестьян из деревни Нижней Каменки Алтайской волости. Горный Алтай был им знаком как место орехового промысла. Кругом было много леса, обилие кормовых трав. По данным официальной статистики, в 1882 г. в Туехте проживало 36 русских семей, в 1897 г. насчитывалось 39 хозяйств и 39 жилых построек. В 1881 г. в поселке Топучем поселились две семьи, а к весне 1882 г. здесь насчитывалось уже 10 крестьянских дворов. В 1896 г. сюда прибыло еще 12 семей, в следующем году в поселке было уже 42 хозяйства и 50 жилых строений [Швецов 1900: 21–22].

Следует отметить, что заселение земель Горного Алтая происходило постепенно. Крестьяне не бросали на прежнем месте жительства дома и хозяйства до тех пор, пока не обзаводились новыми. Прежде чем переселенческий пункт превращался в заселенный поселок, проходило немало времени. Некоторые переселенцы уезжали с уже освоенных мест, потом снова возвращались. Немногим переселенцам удалось закрепиться в Хабаровке, Кеньге (Теньге), Купчегени, Туекте. Здесь между переселенцами и местными кочевниками возникали споры и конфликты из-за пользования пахотными, сенокосными и пастбищными угодьями. Каждая из сторон отстаивала свои право на земли: алтайцы за давностью пользования, переселенцы — в силу законности их поселения. С.П. Швецов указывал, что причины напряженности, складывавшейся между русскими переселенцами и коренными жителями, коренились в неопределенности их земельных прав [Швецов 1900]. Из 26 переселенческих пунктов, определенных «Правилами 1879 г.», 12 оказались незаселенными. Переселенческие поселки Кырлык и Салкандар стали почтовыми станциями. Никто не поселился в Курае и в других пунктах по р. Чуе из-за суровых природно-климатических условий. А Кош-Агач так и остался торговой факторией бийских купцов. В 80-х гг. XIX в. в Чуйскую степь и на плато Укок стали переселяться вольные казахи, выходцы из районов р. Кобдо (Монголии) и Катон-Карагая [Коренные 2006: 12].

Во второй половине XIX столетия в расширении сети оседлых селений и распространении оседлой культуры среди коренного населения Горного Алтая по-прежнему заметную роль играла православная миссия. В 1861 г. отделение миссии было основано в селе Кебезени, в котором было 30–40 деревянных юрт и два деревянных дома, принадлежавших русским купцам [Радлов 1989]. К середине 60-х гг. XIX в. АДМ имела 8 отделений с 11 церквями и 10 школами. Деятельность миссии охватывала 22 селения [Душеполезное чтение 1864: 9]. Кроме того, были открыты два православных монастыря: Николаевский женский (в 7 верстах от Улалы) и Благовещенский мужской монастырь (в 6 верстах от Телецкого озера, при устье р. Башкауса). Деятельность миссии в это время связана с архимандритом Владимиром (Петровым), проработавшим ее начальником с 1865 по 1883 гг. Под его руководством были построены здания церквей во многих селах (Катанде, Кош-Агаче, Усть-Кане, Кебезени, Александровке) и новый храм в Улале.

Итак, во второй половине XIX в. русское население частично заселило некоторые районы Горного Алтая. Выбранный курс организованного переселения в Горном Алтае во второй половине XIX в. оправдал себя лишь частично. Часть крестьян устраивалась в самовольном порядке, вне переселенческих поселков. В горы шли, в основном, жители пред-

горных районов и сибирские старожилы. Последние же организованному процессу переселения предпочитали вольное заселение заимочным способом.

2.4. Землевладение и землепользование

2.4.1 Землевладение

Земельная политика правительства в дореформенный период. Одной из наиболее актуальных проблем экономической истории Алтайского горного округа являлась аграрная, которая осложнялась переселенческим фактором и кабинетской земельной монополией. Для выяснения особенностей земельной политики в Алтайском округе XIX в. представляется важным правильное определение экономических интересов Кабинета, которые в рассматриваемый период претерпели значительную эволюцию. Известно, что в конце XIX в. произошла переориентация хозяйственной деятельности кабинетского ведомства с горного дела на земельно-арендное и лесное хозяйство. До этого кабинетская администрация, занятая стабилизацией металлургического производства и рудной промышленности, практически не занималась земельными вопросами на подведомственной ей территории Алтайского округа.

Еще проще складывались земельные отношения кабинетского ведомства и различных групп населения в дореформенный период. Право собственности на земли, леса, водоемы принадлежало Кабинету. Его владельческие права были закреплены в целом ряде законов: в Горном Уставе (СЗРИ. Т. VII. Ст. 1084), императорском указе от 22 июля 1822 г., «Учреждении об управлении Колывано-Воскресенских заводов» 1828 г. и в других. По российскому законодательству земли Алтайского округа всегда рассматривались как «неотчуждаемое имущество» [ЦХАФАК. Ф. 29. Ф. 29. Оп. 1. Д. 362. Л. 69]. Но Кабинет, являясь верховным собственником округа, в дореформенное время эти земли не разрабатывал и не извлекал никаких земельных доходов. Для горной администрации округа в XVIII – первой половине XIX вв. земля не представляла важной хозяйственной ценности: Кабинет получал доходы исключительно от горного дела. Поэтому администрация округа в дореформенный период не касалась земельного обложения населения и занималась административными и хозяйственными вопросами только горнозаводского производства. Распоряжение землей со стороны горного начальства ограничивалось выделением мастеровым и приписным крестьянам ближайших к заводам земельных участков, необходимых для «удовлетворения их

личных потребностей» [ЦХАФАК. Ф. 4. Оп. 1. Д. 3374. Л. 1]. Размер земельных участков алтайских приписных крестьян по закону 1797 г. определялся в 15 десятин земли на одну душу мужского пола.

В дореформенный период население могло пользоваться землей в каких угодно размерах и формах. При отсутствии административного контроля со стороны властей обширными земельными пространствами округа фактически распоряжалось крестьянское и инородческое население. Официальные документы зафиксировали эту земельную ситуацию следующим образом: «всякий пашет и косит сено, где ему вздумается... крестьяне могут вести сельское хозяйство в каких угодно размерах, не встречая к тому никаких препятствий» [ЦХАФАК. Ф. 4. Оп. 1. Д. 3374. Л. 1]. Такая практика и особенности алтайского землепользования сформировали у русского населения твердые убеждения о земле как даре Божьем. Приписанные к заводам крестьяне имели столько земли, сколько могли обработать, причем администрация округа никогда не пыталась ограничить нормы крестьянского и «инородческого» землепользования.

Наличие большого земельного фонда и малочисленность населения обусловили большие размеры крестьянских участков, несмотря на закон 1797 г. о 15-десятинном наделе. По данным официальной статистики, в 20-х гг. XIX в. в крестьянском распоряжении находилось 7480690 десятин удобной и 5528160 десятин неудобной земли, что составляло более 13 млн. десятин земли, или 31% от общего земельного фонда горного округа [Краткий 1897]. В среднем, в дореформенный период на одну мужскую душу крестьянского населения приходилось 42–45 десятин, в отдельных случаях 65 десятин земли. Коренное население занимало преимущественно горные и таежные районы округа площадью около 7,8 млн. десятин, или около 20% всей территории округа. Понятно, что эти усредненные цифры могут дать только примерную картину фактического землепользования различных категорий населения, хозяйственные возможности которых были неодинаковыми. К тому же они осложнялись суровыми природно-климатическими условиями мест проживания, например, отсутствием воды, горно-таежным рельефом, в результате чего значительная часть земель являлась непригодной для занятия хлебопашеством и скотоводством. Ниже средних показателей по округу были земельные наделы приписных (к горным заводам) и государственных крестьян предгорных волостей Бийского округа. Здесь площадь крестьянских наделов составляла от 6 до 15 десятин на душу мужского пола. Во второй половине XIX в. небольшим земельным фондом на территории Горного Алтая распоряжалась Алтайская духовная миссия.

Земельная политика в пореформенный период. Рубежом в развитии земельных отношений Кабинета с различными категориями крестьянского и «инородческого» населения и соответственно кардинальным поворотом в земельной политике Кабинета явилась крестьянская рефор-

ма 1861 г., которая в Алтайском округе носила незавершенный характер. Если по российскому законодательству временнообязанное состояние крестьян продолжалось до 1883 г., то на Алтае оно длилось до конца XIX в. Ни «Положение о выкупе», ни «Положение о поземельном устройстве крестьян» не нашли применения на Алтае [Чудновский 1889: 115]. Алтайские крестьяне были оброчниками. За право пользования землей крестьяне, согласно указу от 27 июля 1861 г. платили 6-рублевый оброк, из которого 4,5 руб. поступали в доход Кабинета, остальные шли государственному казначейству. Крестьянский оброк стал главным источником кабинетских доходов в пореформенное время. Алтайские крестьяне были более стеснены в личных и имущественных правах по сравнению с остальным сибирским крестьянством. Так, по «Положению Министерства императорского двора» от 15 января 1873 г., согласованного с генерал-губернатором Западной Сибири, алтайским крестьянам было запрещено переселяться за пределы округа и переходить в другие сословия без согласия своих обществ. Данный указ алтайская администрация проводила довольно последовательно [Прудникова 1875: 156]. Более того, Кабинет своим распоряжением от 10 апреля 1880 г. распространил это положение и на переселенцев.

Законоположения 1861–1862 гг. не коснулись коренного населения округа, в том числе и Горного Алтая, земельное положение и административное устройство которого до конца XIX в. регулировались нормами «Устава» 1822 г.

Крестьянская реформа в кабинетском округе, отменив крепостные отношения, не решила вопрос о земле. По закону от 8 марта 1861 г. местные крестьяне получили занятые ими земли не в собственность, а только в пользование до проведения землеустройства. Кабинетская администрация неоднократно подчеркивала временный характер своих земельных отношений с крестьянским и «иностранческим» населением до осуществления землеустроительных работ. Недаром историк Л.Ф. Складов называл алтайских крестьян «вечными» землепользователями и арендаторами кабинетских земель» [Складов 1962: 222].

Хотя кабинетские чиновники осознавали необходимость осуществления землеустройства для того, чтобы поставить земельные отношения с крестьянами «на должную основу», администрация ведомства отложила решение этого вопроса на неопределенный срок, который растянулся практически на полвека. Откладывая проведение землеустройства в течение длительного времени, члены Кабинета ссылались на значительные расходы, необходимые при межевании огромных пространств округа, запутанность земельных отношений и другие причины. Действительно, земельные отношения были настолько запутанными, что современники их называли «поземельной анархией» [Чудновский 1889: 125]. Но главные обстоятельства, повлиявшие на подобный подход к решению столь

важной проблемы, заключались в следующем. У Кабинета в течение всего XIX в. отсутствовала экономическая заинтересованность в создании собственного земельного хозяйства и, следовательно, не было никаких практических потребностей в проведении землеустройства после отмены крепостного права. Поэтому крестьянское население округа и в пореформенный период продолжало пользоваться большими участками. Официальные власти округа всегда подчеркивали тот факт, что в среднем размеры наделов алтайских крестьян были выше, чем в европейской части страны. Но и относительно высокие нормы крестьянского землепользования не исключали примеров малоземелья. Так, в предгорных районах Алтайского округа были селения, где на одного человека приходилось по 2 десятин земли. Неравномерность в обеспечении земель вызывалась разной плотностью населения. Но такие случаи были скорее исключением из общей системы «старожильческого многоземелья». В 70-х гг. XIX в., по данным Алтайского межевания, малоземелье существовало в 101 селении, где надел на одну мужскую душу составлял от 4 до 14 дес. В остальных 1250 селениях межевщики зафиксировали земельный простор [Шкунов 1911: 101].

Таким образом, следует признать, что в XIX в. Кабинет мало в чем ограничивал землепользование коренного населения и русских крестьян-старожилов. Но незавершенность крестьянской реформы, имевшая следствием неопределенность прав различных групп населения на землю, разные формы землевладения и землепользования привели к запутанности земельных отношений в пореформенный период.

Последняя усугублялась еще и тем, что Кабинет и местная окружная администрация в XIX в. не имели точных данных как о конкретном землепользовании алтайского и русского населения, так и о свободном земельном фонде. У кабинетского ведомства не было даже карт Алтайского округа. Кабинет пытался неоднократно определить границы округа и площадь своих земельных владений. Но составленные еще в 1773 г. первые карты округа были уничтожены пожаром. В 20-х гг. XIX в. горная администрация провела хозяйственную съемку земель крестьянских селений, но под нее не попали труднодоступные горные районы округа и заимки. Составленные по результатам съемки планы оказались малопригодными. Они с самого начала не отражали действительных размеров земель, находящихся в сельскохозяйственной обработке. К тому же, на начало проведения реформы 1861 г. конфигурация земельных наделов населения настолько изменилась, что планы почти полностью утратили свое практическое значение. Отсутствие данных о размерах фонда свободных земель Кабинета и той его части, которую занимало население, неизбежно создавало основу для бесконечных споров между горной администрацией, сельскими обществами, предпринимателями, переселенцам, старожилами, коренными жителями и другими слоями населения.

По закону от 8 марта 1861 г. Кабинет закрепил за местными крестьянами земли фактического пользования. Но когда в 60-х гг. XIX в. между отдельными крестьянскими обществами началось выяснение границ наделов, кабинетская администрация предложила в качестве юридического документа использовать планы 20-х гг. XIX в. Это на деле означало нарушение данного закона, что и привело к многолетним земельным тяжбам. Кабинетское начальство пыталось исправить сложившуюся ситуацию. По распоряжению Кабинета от 28 января 1856 г., в округе начались межевые работы, продолженные по 1882 г. Итоги оказались скромными. Почти единственным результатом межевания стала карта округа, составленная полковником Мейном—первым в 1864 г.

По новому поручению кабинетского начальства, в 1883 г. в Алтайский округ были командированы Н.А. Ваганов и инженер В.А. Брецинский для разработки детального плана земельного межевания. Ими были проведены подготовительные работы и топографическая съемка в отдельных частях округа. Вскоре распоряжением Министерства императорского двора была учреждена должность заведующего межевыми работами при Главном управлении Алтайского округа и расширен штат межевых техников. Несмотря на то, что во второй половине XIX в. межевые работы проводились постоянно, их темпы и результаты деятельности оказались незначительными для округа с его громадной территорией. Кабинетские чиновники в 80-х гг. XIX в. стали осознавать, что их ведомство из-за неупорядоченности земельных отношений несет финансовые потери.

Таким образом, собственником и владельцем земли в округе являлся Кабинет. После реформы 1861 г. за жителями округа временно были оставлены их земельные участки в рамках дореформенного пользования. Такие временные земельные отношения Кабинета и населения сохранялись до землеустройства, которое необходимо было осуществить во время отмены крепостного права. Кабинет же на долгое время отложил проведение землеустроительной реформы, ссылаясь на значительные расходы, необходимые при межевании огромного пространства округа, а также крайне запутанные земельные отношения, обусловленные длительным использованием земель в неограниченных размерах и недостатком точных сведений о количестве земли. Кроме того, Кабинет не располагал данными о конкретном землепользовании русских крестьян и коренных жителей Алтая.

Только в конце 80-х гг. XIX в. Кабинет обратил внимание на необходимость разрешения земельного вопроса, обострившегося в результате притока переселенцев и начавшихся внутренних миграционных процессов. На всем пространстве округа земельные права населения носили временный и неопределенный характер. В результате, в земельных отношениях между Кабинетом и населением нарастала путаница. Но из-за

отсутствия в округе системы земельного учета Кабинет не мог приступить к землеустройству. Алтай до конца столетия оставался неразмежеванным, а населения старожильского крестьянского и «иностранческого» населения – неопределенным в земельном отношении. Земельная политика кабинетского ведомства в XIX в. ограничивалась попытками регулирования и решения земельных споров между различными категориями населения.

Землевладение алтайского коренного населения. Основным принципом политики государства в отношении коренных народов Сибири было стремление свести к минимуму негативные влияния присоединения на традиционный образ жизни коренных народов, систему хозяйствования и землепользование. Не опасаясь многообразия форм социально-экономической жизни, российское правительство не хотело унифицировать хозяйство и быт коренных жителей, удовлетворяясь их политической и финансовой лояльностью [Садовой 1999: 74].

Права коренных жителей Горного Алтая на занимаемые ими земли определялись «Уставом» 1822 г. и исторически сложившимися в их среде нормами обычного права. Согласно 26, 27, 29 статьям «Устава» алтайцы имели право на пользование землей и владение отдельными участками без права собственности на них. Они не имели права отчуждать земельные участки или продавать их в случае необходимости. Статья 26 гласила, что «кочующие иностранцы» для каждого поколения имеют назначенные во владение земли. Согласно статье 28 «Устава», границы «племенных владений должны быть подробно определены», то есть размежеваны. Тем самым юридически огромная территория была лишь выделена в пользование, но не оформлена и не закреплена за местным населением. Этой неопределенностью земельных прав коренного населения и пользовались местные власти в конфликтных ситуациях [Сатлаев, 1987: 78]. В хозяйственных занятиях алтайцы имели полную свободу выбора. Они могли заниматься земледелием, скотоводством и местными промыслами «на водах и землях каждому назначенных». Статья 31 «Устава» строго запрещала «россиянам самовольно селиться на землях во владениях, иностранцам отведенных» [Заселение 1912: 81].

Кабинетское ведомство еще до принятия «Устава» 1822 г. пыталось определить границы кочевков алтайцев. В 1811 г. была спроектирована особая линия, которая определила границы земель коренного населения Горного Алтая площадью в 110000 квадратных верст. За этой линией русские селения не должны были возникать. Но проект так и не получил практического разрешения, а граница осталась «воображаемой» [Швецов 1900: 130].

Потоки стихийного переселенческого движения сибирских крестьян и промысловиков доходили до алтайских предгорий. В 1817 г. администрация Колывано-Воскресенского горного округа обратилась с представ-

лением в Кабинет о желательности заселения и освоения земель южной части округа. Высшее начальство дало разрешение на заселение Алтайских гор до русско-китайской границы. Разрешения на переселение выдавали горная администрация, начальство казачьей линии и Томская губернская казенная палата, принадлежавшие к разным ведомствам. В 1823 г. по этому поводу возникла переписка между Кабинетом, генерал-губернатором Сибири и администрацией Колывано-Воскресенского горного округа. В результате было принято решение, что при выдаче разрешения на новое место жительства губернская казенная палата обязана ставить в известность канцелярию Колывано-Воскресенского (Алтайского) округа. Впоследствии кабинетские чиновники считали, что этим решением были подтверждены права Кабинета на всю территорию Колывано-Воскресенского горного округа, юридически оформленные императорским указом 1822 г. Пункт 5 данного указа гласил, что все земли и леса Алтайского округа состоят в непосредственном подчинении заводского управления. В указе особо оговаривалось, что «заводскому начальству дозволяется беспрепятственно распространять горный промысел и поселения в Алтайских горах без стеснения живущих там ясачных народов» [Михайлов 1910: 51]. Эти же права Кабинета подтвердило принятое в 1828 г. «Учреждение об управлении Колывано-Воскресенских заводов» [Михайлов 1910: 51]. Во второй части данного нормативного акта права Кабинета по отношению к Горному Алтаю были сформулированы следующим образом: «Кабинет распространяет прииски новых ... серебросодержащих руд в землях заводского ведомства и в Алтайских горах, составляющих часть этого ведомства, без стеснения живущих там ясачных народов» [Заселение 1912: 80].

В 20-х гг. XIX в. администрация Алтайского округа стала принимать некоторые меры к осуществлению надзора и контроля над своей территорией. Горное начальство первый раз произвело учет всех земель, занятых селами, поселками и другими поселениями. В Горный Алтай для обследования его территории был откомандирован горный инженер Пылков. Работы по хозяйственному учету земель продолжались три года (1825–1828 гг.) Но эта экспедиция не смогла собрать точных данных о земельной площади, занятой населением, и ограничилась только описанием Горного Алтая.

Расширение крестьянских поселений в «калмыцких стойбищах» вызвало протесты со стороны алтайских зайсанов. В 1828 г. зайсаны семи дючин подали жалобу сенатору В.К. Безродному и князю Б.А. Куракину во время их поездки с ревизией по Западной Сибири. Суть их жалобы заключалась в том, что приток русских крестьян «стесняет пользование пастбищами и звериным промыслом», поэтому алтайское население не может вносить в полной мере ясак. Зайсаны просили запретить крестьянам и промысловикам селиться в пределах их кочевий [Заселение 1912:

81]. В 1829 г. Главной Чертежной Колывано-Воскресенского горного правления была установлена граница кочевий алтайцев семи дючин, официально называвшихся «калмыцкими стойбищами». Граница алтайских кочевий была утверждена в 1831 г. Главным начальником Колывано-Воскресенских горных заводов и томским губернатором Е.П. Ковалевским. Она включала территорию по левобережью Катунь до верховьев рек Ануя, Чарыша и Коксы. Горное Правление хотело оградить алтайских кочевников от вторжения в их стойбища русских промысловиков, что было прямо выражено в официальном документе: «за сей чертой никаких заселений крестьянских, в стеснение калмыкам и в противность Высочайшего указа 1822 г. июля 22 без дозволения тех калмык не делать» [Михайлов 1910: 55–56; Заселение 1912: 81].

Карта «калмыцких стойбищ» хранилась в Главной Барнаульской чертежной и сгорела во время пожара здания Горного правления. Так как губернская администрация и горное начальство нуждались в «руководящем» документе при заселении крестьян за Бийскую линию, то в 1867 г. по сохранившимся описаниям была составлена новая карта. По ходатайству начальника Алтайской духовной миссии на карту были также нанесены границы кочевий 1-й алтайской дючины и черневых волостей, располагавшихся на правой стороне Катунь и бассейне Бии. Общее описание границ «калмыцких стойбищ» и черневых волостей было сделано в 1869 г.

Алтайцы пользовались своими правами на земли, ими занимаемые, на том основании, что они проживали на них до вхождения в состав Российского государства. Подтверждение своих прав они видели также в известном циркуляре западно-сибирского генерал-губернатора П.М. Капцевича от 24 декабря 1823 г., разъяснявшем основные положения «Устава» 1822 г. Копии этого циркуляра хранились у алтайских зайсанов вплоть до конца XIX в. [Швецов 1900; Заселение 1912]. Распоряжение 1831 г. запретило крестьянам и мещанам, линейным казакам посещать алтайские земли и заниматься там промыслами. Но при этом допускалась аренда промысловых угодий [Карих 1999: 36]. Русским крестьянам разрешалось поселяться по приемным приговорам родовых управлений.

Характерной чертой землевладения коренных жителей Горного Алтая было осознание ими общности владения всей территорией, в

П.М. Капцевич

пределах которой они проживали. Алтайцы, считая себя одним народом, признавали, что и земли, в пределах которых располагаются их кочевья, принадлежат им сообща. Отсюда вытекало отсутствие территориальных границ между дючинами, инородными управами и волостями [Швецов 1900: 129; Овчинников 1907: 27]. В первой половине XIX в. алтайцы не имели точных представлений о границах своих административных единиц, которые определяли бы их отношения в процессе пользования угодьями. Хорошо представляя внешние границы, считая их необходимыми и прося администрацию об их восстановлении и защите, алтайцы не знали внутренних границ. В пределах общей территории кочевий скотоводы пользовались землей вне каких-либо границ. Пределами их кочевий являлись границы владения крестьянских и оседло-алтайских обществ, либо государственная граница. Если для коренного населения бассейна Бии (черневых волостей) и правобережья Катунь были указаны места их кочевок, то кочевья теленгитов определились после их вхождения в состав России, в 1867–1869 гг. [Швецов 1900: 129–130].

Наличие свободных земель и низкая плотность населения, а также официальный запрет на переселение в алтайские кочевья стали своего рода стабилизирующими факторами в развитии земельных отношений в Горном Алтае в первой половине XIX в. Но после отмены крепостного права Кабинет, разрешив законом 1865 г. добровольное переселение на территорию Алтайского округа, не обращал внимания на необходимость упорядочения стихийного крестьянского переселения в Горный Алтай в практическом отношении. Это привело к некоторому обострению земельных отношений между коренным населением и переселенцами, занимавшими кочевья без приемных приговоров. Считая свои земельные права нарушенными, алтайцы обращались с жалобами в административные и судебные учреждения. Администрация округа в бессистемном расселении крестьян и промысловиков в Алтайских горах тоже видела нарушение экономических интересов своего ведомства и пыталась обложить арендой русских поселенцев в свою пользу. Это вызывало недовольство местных зайсанов, и они начинали требовать восстановления своих прав. Полицейские власти отказывались выселять русских крестьян и мещан, ссылаясь на статьи 1298 и 1310 Устава Гражданского судопроизводства. Судебно-мировые учреждения отказывали в исках кабинетской администрации, поскольку эти земли формально считались в пользовании алтайцев [Михайлов 1910: 65]. В результате, процесс стихийного заселения Алтайских гор продолжался, а путаница в земельных отношениях увеличивалась.

2.4.2 Землепользование полукочевого населения

Во второй половине XIX в. в связи с возникновением оседлых поселений и под влиянием социально-экономических реалий среди алтайцев стали складываться новые земельные отношения и, соответственно, формироваться представления о границах землепользования. Начался процесс обособления угодий различными сообществами [Швецов 1900: 137]. Алтайский социум этого времени отличался многообразием форм землепользования, обусловленных полукочевым и оседлым образом жизни населения, живущего в аилах по урочищам и в миссионерских и других оседлых «инородческих» селениях (поселках, деревнях). На земельные отношения влияли такие факторы, как административная неупорядоченность, пожизненное или краткосрочное пользование земельными угодьями, соседство с русскими крестьянами. Вместе с тем, и во второй половине XIX в. алтайское население по-прежнему придерживалось принципа давности и общего владения занимаемой землей. Это нашло отражение в пользовании охотничьими и таежными угодьями сбора кедрового ореха и отгонными пастбищами формально считавшимися в общем пользовании всего алтайского народа. Поэтому каждый коренной житель имел право свободно охотиться, собирать орехи, пасти скот на всей территории, не прося разрешения родовых управлений.

Промысловые угодья. Поскольку во второй половине XIX в. количество пришлых промысловиков из предгорных волостей увеличивалось, это привело к обострению вопроса об использовании промысловых угодий. Для жителей некоторых районов (черневого, правобережного) Горного Алтая доходы от охотничьего и кедрового промыслов были основными источниками оплаты податей (ясака). К тому же пришлые промысловики нарушали правила сбора кедрового ореха, начинали бить его раньше времени, срубали плодоносящие ветки и даже деревья [Швецов 1900; Ядринцев 1891; Карих 1999: 22]. Такие негативные явления заставляли принимать меры по урегулированию пользования промысловыми угодьями и, в первую очередь, кедровниками. Для осуществления контроля стали делить кедровники между дючинами и волостями. Так, кедровниками, расположенными западнее реки Песчаной, заведовали родовые управления 3–4-й дючин, между Песчаной и Катунью – 2-й, 5–7-й дючин. А все кедровники между Катунью и Телецким озером контролировали четыре черневые волости и 1-я алтайская дючина [Швецов 1900: 139]. В конце XIX в., после перехода орехового промысла под надзор Главного управления Алтайского округа, такой порядок распределения и контроля потерял смысл.

В последней четверти XIX в. в пользовании кедровниками самими алтайцами наблюдалась такая практика. Около становища, занятого артелью орешников по праву первого захвата, никто другой не мог соби-

рать орехи на расстоянии 50–100 сажень. Но по отношению к охотничьим угодьям этого не произошло. Каких-либо существенных ограничений в пользовании охотничьими угодьями у алтайцев не было. Следует отметить, что большинство из них охотилось поблизости от своих жилищ, но, добывая маралов и лосей, алтайцы уходили на сотни верст. Артелями в несколько человек охотились только на ценных пушных зверей (соболей, белок) и крупных зверей (маралов, лосей, медведей). Убитый крупный зверь составлял достояние всей артели, поэтому мясо делили поровну между всеми охотниками. Шкуры пушных зверей, добытых артелью, сообща продавали, и деньги делили поровну. Все это свидетельствовало о том, что среди коренных жителей Горного Алтая сохранился обычай равной доли (*уча*). У тубаларов в охотничью артель объединялись преимущественно родственники, а у чалканцев артели формировались, в основном, на соседских началах, из жителей одного селения. До конца XIX в. в алтайском социуме сохранилось право свободного пользования всеми угодьями, которое заключалось в том, что каждый алтаец мог переселиться на новое место и свободно заниматься производственно-хозяйственной деятельностью.

Во второй половине XIX в. наследственное пользование встречалось редко даже в районах с оседлым образом жизни, старшие поколения по-прежнему отстаивали право свободного поселения. В пользовании пастбищными, сенокосными, пахотными землями происходили изменения. В первой трети XIX в. перекочевки совершались на 10–15 верст, богатыми скотоводами – на 50–100 и более верст, причем в течение лета несколько раз менялось место стоянки. Алтайские кочевники жили отдельными аилами, разбросанными по урочищам. В последней трети XIX в. перекочевки сократились до 2–3 верст, бедные практически перестали кочевать, оставаясь летом и зимой на одном месте. Жители центральной части Горного Алтая стали группироваться в небольшие поселения. В связи с этим появились новые формы и порядки пользования пастбищами и сенокосами, в том числе зимними и летними стойбищами. Алтайские кочевники начали широко прибегать к огораживанию сенокосов, чтобы предупредить их потравы скотом. Этот обычай достаточно быстро распространился среди алтайских кочевий. Традиционно зимние стоянки располагались в сухих и защищенных от ветра нижних частях логов и речных долин, где в зимнее время было меньше снега, и скот пасся на подножном корму. Летние стоянки устраивались по лесистым логом и долинам поближе к реке. Во второй половине XIX в. зимовки, находящиеся рядом с сенокосами, стали огораживать; надворные постройки, пригоны, стайки состояли в подворном пользовании. Летовками пользовались вольно, без ограничений, по праву первого захвата [Швецов 1900: 144–145, 147]. Нередким были случаи, когда летовка просто

переносилась за поскотину, а зимовка находилась внутри поскотины, вблизи заготовленного сена.

Поскотины (огораживание сенокосов). Во многих алтайских кочевьях поскотину стали городить с 60 – 70-х гг. XIX в., до этого обходились без городьбы. Наиболее ранней формой создания поскотины являлось личное огораживание, когда разбросанные по зимовкам аилы отделяли сенокосы лично для себя. Чаще всего эта форма встречалась по Абаю, в некоторых местах по Ябогану и другим урочищам западной части Горного Алтая. Более широкое распространение получила другая форма пользования сенокосами, когда поскотину строили сообща несколькими аилами без деления на трудовые затраты, материал и пользование, например, в урочище Келей. Такая форма пользования сенокосными угодьями, когда разбросанные поодиночке аилы начинали объединяться в процессе создания городьбы, представляла собой первый шаг к образованию в будущем компактного селения. Дальнейшее развитие этой формы создало порядок, при котором городьба делилась поровну между теми аилами, которые проживали в данном пункте и пользовались сенокосными или выгонными угодьями. Такие порядки были заведены по Теньге, Ело, Каярлыку, Урсулу и Шибелику. В дальнейшем у алтайских кочевников возникала идея равномерного распределения обязанностей по охране сенокосных угодий от потравы, исходя из экономического благосостояния отдельных аилов. Единицей, лучше всего устанавливающей связь между степенью благосостояния отдельного хозяйства и количеством необходимой для него земли, стал скот [Швецов 1900: 151]. Аил, который держал больше скота, нуждался в большем количестве земли и сенокосов, поэтому брал на себя большее количество городьбы. Именно так во многих случаях и поступали алтайские кочевники, приняв за разверсточную единицу голову скота, под которой понимались только лошади и крупный рогатый скот.

Так, кочевые алтайцы, проживающие аилами по Маргале, вблизи Нижнего Уймона, устраивали городьбу по количеству скота, на голову которого приходилось по 7 саженьей. В аилах по Ише, Туньже, Майме, Урласпаку производилась двойная разверстка: сначала между группами аилов, кочевавших на каждой из этих речек, затем каждая «речка» - группа аилов - делила поскотину между отдельными аилами по количеству скота. По р. Майме на одну голову скота приходилось загораживать по 3 сажени поскотины, по Тунже – по 5 саженьей. Эти группы аилов – «речки» представляли пример сложной общины по отношению к выгонным и сенокосным землям. Общественные отношения в процессе строительства городьбы оформлялись составлением письменных документов – приговоров. Приговор хранился у всеми избранного, самого уважаемого старика. В документах фиксировались срок перемерки городьбы, учет скота, размер городьбы на каждый аил. Для контроля над сохранностью поско-

тины каждая «речка», то есть группа аилов выбирала своего «десятника» [Швецов 1900: 151].

Общая поскотина в отдельных случаях приводила к артельному пользованию сенокосами. Так, на р. Азратхане, притоке Ябогана, сенокосы находились в личном аильном пользовании, но в некоторых случаях 2 – 3 аила, чаще всего родственники, имели общий сенокос, который ими сообща и загораживался на равном долевым участии. Такой порядок встречался в отдельных случаях в окрестностях Келея и в других урочищах. В некоторых случаях к артельному пользованию сенокосами алтайцы обращались в бедственные годы, например, при неурожае трав. Так, по р. Куектанару сенокосы находились в поаильном пользовании, но в неурожайные годы 3 – 4 аила объединялись и сообща выкашивали все свои сенокосы. Каждый аил выставлял своих косцов. Собранное сено делилось копнами пропорционально числу косцов от каждого аила. Но не всегда артельное устройство городьбы означало артельное пользование сенокосам. Например, по р. Турулу алтайские кочевники сообща строили городьбу, но сенокосы находились в пользовании того, кто их захватил по праву первого захвата [Швецов 1900: 152].

Алтайская община в пользовании сенокосами устанавливала ограничения. Первое ограничение заключалось в назначении общиной дня, раньше которого никто не имел права выезжать на сенокос и начинать работы. Другой мерой являлось признание за данным лицом или группой аилов более продолжительного права на исключительное пользование занятым участком. Например, в окрестностях д. Мыюты по р. Малой Черге, расчищенный сенокос оставался в пользовании того, кто первоначально его занял по праву вольного захвата и расчистил от леса, кустарника, пней. Другой хозяин мог занять такой сенокосный участок только с согласия предыдущего пользователя. По р. Апшуехте каждый знал свой сенокос считавшимся его паем, которым пользовался по праву первого захвата. Община закрепляла участки за своими членами только на ближайших сенокосах. На отдаленных сенокосах существовало вольное, неограниченное захватное пользование. Аилы по Малому Ульгеменю стали делить между собой сенокосы по душам после того, как часть земель, находившихся в их пользовании, отошла под переселенческий поселок Хабаровка, и сенокосных угодий стало меньше. Разверсточной единицей стала мужская податная душа. Переделы сенокосов стали производиться ежегодно. Величина пая составляла от 30 – 50 до 79 копен. Поскольку все сенокосы по Малому Ульгеменю находились в одном месте, то на дальние и ближние они не делились. Сенокосы по душам были поделены в аилах по Ине, где душевой пай составлял 50 копен; по Чарышу, выше впадения в него Кана и в других местах [Швецов 1900: 157].

Пользование отгонными пастбищами, куда отгоняли на продолжительное время табуны лошадей, стада крупного и мелкого рогатого скота, базировалось на свободном захватном праве.

Пашни. Определенное место в хозяйствовании алтайских кочевников занимало земледелие. Общинные порядки кочевников в пользовании пахотными угодьями были следующими. Пашни в районе алтайских кочевий делились на два вида: обычные пашни, обеспечивающие богарное земледелие, и поливные, орошаемые арыками — суаками. Наиболее ранней формой пользования пашнями являлась вольно-захватная, когда каждый кочевник мог захватить в свое пользование сколько ему было нужно и там, где было удобно. По нормам обычного права это был ничем не регулируемый захват. Всякий другой кочевник мог занять ранее захваченный земельный участок, если первоначальный хозяин его бросал или же давал согласие на его использование. С неорошаемыми пашнями такой порядок был самым распространенным на Алтае. Именно такая форма землепользования сложилась на правобережье Катунь, по Майме и Сайдысу. Каждый прикочевывавший аил мог захватить под пашню не занятое место. Переделы при такой форме землепользования в алтайских кочевьях отсутствовали. Право первого захвата привело к пожизненному пользованию пахотными землями. Такие порядки существовали в Бешпельтире, Каспе и в других местах. При этом в Каспе и Карасу иногда 2–3 аила, имевшие свои пашни, объединялись, чтобы сообща устроить загороди для пахотных земель. Обыкновенные пашни находились в личном пользовании. Но в некоторых случаях, как с сенокосами, личное пожизненное пользование переходило в наследственное от отца к сыну. Наследственное пользование быстрее складывалось там, где существовали перекочевки на небольшие расстояния, поэтому пашни и сенокосы могли оставаться в руках одной и той же семьи. Каждый аил сохранял свое право на пашню, пока ею пользовался фактически. Заброшенный или оставленный в залежь участок пахотной земли мог захватить любой желающий. В некоторых случаях наблюдались исключения. Например, в аилах по р. Большой Черге требовался трехлетний срок, в течение которого прежний хозяин сохранял свои права. На четвертый или пятый год он эти права терял, если не пользовался землей. Алтайские кочевники устанавливали такой порядок землепользования в тех случаях, когда расчистка участка под пашню требовала больших затрат труда. В тех местах, где леса не было и от первого хозяина не требовалось больших трудовых усилий, сохранялось неограниченное право вольного захвата. На той же р. Большой Черге такие же пашни попадали под порядки вольного захвата [Швецов 1900: 157–159].

Среди кочевников практиковались и переделы. Например, в окрестностях Хабаровки, когда часть земель после 1879 г. отошла переселенческому поселку, на оставшихся землях кочевники создали новые усло-

вия землепользования. В практику вошли переделы как сенокосов, так и пашенных земель. Пашни были поделены поровну между мужскими душами, но право на пахотный участок сохранялся за стариками, вышедшими из податного состояния по возрасту. Следует отметить, что сенокосные пай община за такими лицами не сохраняла. Передел пашен происходил в Малом Ульгумене, по р. Ине и в других алтайских стойбищах, где ощущался недостаток пахотных угодий. Поливное земледелие существовало на Чулышмане, Башкаусе, в некоторых местах по Чуе и Катунь и на множестве второстепенных речек. Исторически сложились две формы пользования арыками (суаками): аильно-семейная и общественная, в зависимости от того, кем арык был построен. Арыки, требовавшие больших затрат труда, принадлежали группе айлов, которые сообщами пользовались. Наиболее простая форма пользования арыками сложилась в окрестностях с. Эдигана на правом берегу Катунь. Здесь пользование было обще-артельным, полив осуществлялся одновременно без всякой регламентации. В других местах, где пашни находились в посемейно-аильном пользовании, на воду устанавливались очереди по числу хозяев. В Сартумайской степи каждый аил пользовался водой по очереди в течение двух суток. Очередь начиналась с того хозяина, который раньше отсеялся [Швецов 1900: 160–162].

Значительная часть земель в Горном Алтае не годилась под пашни. Земледелие, ограниченное природными условиями, было возможно только в речных долинах. Если аил не распахивал находящееся в его пользовании поле, то он должен был уступить его другому пользователю. В некоторых случаях даже наличие оросительных сооружений не могло воспрепятствовать праву вольного захвата.

В Чулышманской долине, на территории которой в 1864 г. возник монастырь, существовала аренда земли. При создании монастыря его основатель, купец Мальков, убедил начальство в том, что долина Чулышмана является свободной, но на самом деле она была занята кочевками алтайцев. В результате, здесь сложились земельные отношения на арендном праве. Монастырь стал землевладельцем, а местные жители – арендаторами. Размеры арендных платежей за пользование землей были такими: за пашню расплачивались одной десятой частью урожая, за пастбу скота платили 4 коп. с головы мелкого скота и 20 коп. с головы крупного скота. Кроме того, за место под аилом, за право рубить дрова арендаторы платили 1 руб. в год [Швецов 1900: 163–164].

2.4.3 Землепользование оседлого населения

Первое поколение русских переселенцев осуществляло землепользование на праве вольного захвата, алтайское население – на принципе давности владения. К 90-м гг. XIX в. вольное пользование хлебопахот-

ными угодьями сохранилось, но не во всех переселенческих поселках. Здесь существовали более сложные формы пользования сенокосами до душевых переделов включительно, вольное пользование сенокосами переселенческие поселки практиковали очень редко. Определенные правила регулировали пользование выгонными землями, но пользование отгонными пастбищами оставалось вольным [Швецов 1900: 53–54].

Положение русской части населения миссионерских поселений в земельном отношении сначала было неопределенным. Первоначально в миссионерских поселках русские крестьяне получали от общества приемные приговоры, которыми закреплялось право на жительство и пользование землей. У крещеных алтайцев – жителей миссионерских поселков, хотя они не теряли своих земельных прав согласно «Уставу» 1822 г., стала складываться иная форма землепользования. Они перестали осуществлять свое право на земли, принадлежавшие всем кочевникам, ограничивая пользование ими пределами земельных угодий своих поселений. А кочевники, естественно, теряли право пользования землями миссионерских поселков, которые фактически изымались из их землепользования [Овчинников 1907: 18].

Выгоны. В оседлых пунктах Горного Алтая со временем сложились три формы пользования выгонными землями. Наиболее распространенной формой была та, которая существовала во многих селениях, например, в Александровке. Огораживание выгона производилось всем селением. Разверстка городьбы осуществлялась в зависимости от количества крупного рогатого скота и лошадей, ее перемерка происходила один раз в три года. Общество составляло особые поскотные списки, куда заносили весь скот, учтенный при перемерке поскотины. В Александровке на каждую голову крупного рогатого скота приходилось по 7,5 сажень городьбы. Каждый хозяин должен был загородить столько поскотины, сколько у него было голов скота, умноженного на 7,5. За сохранность поскотины ответственность нес хозяин, каждый отвечал сам за себя. Та же форма пользования выгонами существовала в других горно-алтайских селах. В с. Чемале на голову крупного рогатого скота приходилось 4 сажени городьбы, Бешпельтире – 9, Суельте – 10, в Манжероке, Чепоше, Узнезе, Мыюте – по 5 сажень, в Паспауле – 10 и в Черном Ануе – 4 сажени. Другая форма содержания выгонных земель сложилась в с. Аюле 1-й алтайской дючины. Содержание и исправление поскотины было артельным. Ежегодно весной все жители селения сообща, артелью исправляли городьбу. Городьба при переверстке производилась один раз в три года, когда перемеривалась вся поскотина и учитывался весь скот: лошади и крупный рогатый скот в возрасте свыше 2 лет. Такая форма являлась переходной от артельной городьбы к городьбе уравнительной по скоту. Переходная форма существовала и в Усть-Кане, где разверсткой единицей служил не скот и не трудоспособный работник, а

наличный двор. Затем разверстка производилась между дворами не уравнительно, а пропорционально экономическому положению хозяина, внешним признаком которого выступало количество скота и общее благосостояние хозяйства [Швецов 1900: 55–56] Этими тремя образцами исчерпывались формы пользования покотинами в оседлых селениях Горного Алтая.

Сенокосные угодья. Во второй половине XIX столетия в связи с распространением стойлового содержания скота, сенокошения и других новых передовых технологий ведения животноводства возросла ценность сенокосных угодий. Оседлые пункты Горного Алтая отличались разнообразием форм пользования сенокосами. В основе самой ранней формы лежало право первого захвата. Захвативший в первый раз сенокосный участок и устроивший на нем «остожье» пользовался им до тех пор, пока сам не бросал. Эта форма пользования была очень распространена в переселенческих поселках западной части Горного Алтая: Усть-Кане, Ильинке, Барагаше, Мариинске и в селах черневых волостей: Паспауле, Никольском, Салганде, Ынырге. В этих населенных пунктах община не вмешивалась в пользование сенокосами. Она только признавала исключительное право того, кто первый захватил сенокосный участок и им пользовался. Роль общины в этом случае сводилась к сохранению и признанию этого права за каждым жителем селения. Если хозяин не выкашивал свой участок и не содержал «остожье», то такая земля считалась брошенной. После разрушения «остожья» другой член общины мог ее занять.

В черневых волостях Северного Алтая, где расчистка сенокоса от леса требовала больших затрат труда, захваченные участки находились в наследственном пользовании, переходя от отца к сыну, как, например, в Ынырге и Паспауле. Но в той же Ынырге заброшенное на несколько лет «остожье» считалось достаточным фактом для захвата данного участка другим лицом.

Жители миссионерских селений черневых волостей довольно часто оставляли расчищенные сенокосы, переселяясь на другое место жительства. Но нередкими были случаи, когда хозяин оставленного сенокосного участка, занятого другим, через несколько лет возвращался и предъявлял на него свои права. Исходя из оценки труда первого хозяина, затраченного на расчистку участка от леса, община признавала за ним право на участок, но вместе с тем признавала и право второго хозяина, поддерживавшего сенокос в порядке. Обычным выходом из этой ситуации являлся раздел пополам спорного участка. С возрастанием численности населения и ценности сенокосов в оседлых пунктах возникали новые порядки наделения сенокосами новых жителей, принятых в общину. В Ынырге, где расчищенных от леса сенокосов было больше, чем в других местах, новым семьям община отводила сенокосный участок, указывая

место, где они могут косить. В Паспауле, Никольском закрепился другой порядок. Если в селении отсутствовал выморочный или брошенный участок, то община проводила перераспределение сенокосов, которое заключалось в следующем. От хозяйств, имеющих относительно много сенокосов или мало скота, забирали часть участка в пользу новых семей, нуждающихся в сенокосе. Иногда такой отвод давали временно, до тех пор, пока новый член общины, окрепнув в хозяйственном отношении, сам производил расчистку сенокоса от леса. А выделенный ему когда-то участок возвращался прежнему хозяину. Таким образом, в оседлых селениях Горного Алтая устанавливался уравнительный порядок распределения сенокосов между членами общины, ведущий к переделам и душевому пользованию.

Следующим шагом в том же направлении являлось признание каждого захваченного участка душевым паем, находящимся в наследственном пользовании. Такой порядок в 80–90 гг. XIX в. установился в Кебезени, где молодым семьям община передавала участки стариков, не оставивших сыновей, или бывших жителей, переселившихся на новое место. Поскольку переселение являлось самым обычным делом и в миссионерских селениях, то недостаток в сенокосах для молодежи обычно не ощущался.

Совершенно иная форма вольного пользования практиковалась жителями с. Черного Ануя, которая не встречалась в других миссионерских поселках. Община предварительно делила сенокосы на равные участки. Начало сенокоса определялось решением сельского схода, в котором участвовали все жители. В назначенный день и час все жители мчались верхом на лошадях к сенокосам. Тот, кто раньше прибывал на сенокос и успевал сделать закос травы, становился хозяином участка. Если на одно место прибывало несколько человек одновременно, то закашивали все; явившихся позже к пользованию не допускали. Эта специфическая форма пользования сенокосами отмечена только в Черном Ануе.

Переход от захвата к пaeвому пользованию сенокосами происходил постепенно и не сразу. Новые порядки уравнительного распределения устанавливались на ближних и ценных сенокосах. На дальних сенокосах сохранялись старые захватные формы пользования. Например, в Манжероке, Александровке, Чепоше, Бешпельтире, Кумалыре и в других поселках ближайшие сенокосы были поделены на пай, все дальние находились в захватном пользовании. Пaeвое пользование сенокосами не представляло единой формы. В Манжероке и Чепоше сенокосные участки находились в наследственном пользовании, в Александровке, Аносе, Аюле через каждые три года происходили переделы сенокосов. В Чемале переделы совершались общиной по мере надобности. Разверстка сенокосов производилась между податными душами, то есть мужчинами в податном возрасте. Только в Верхнем Кумалыре сенокосные пай распре-

делялись по хозяйствам, а не по душам. В Александровке душевые пай получали бездетные старики и вдовы; в Чемале податные души получали два душевых пая, старики, вдовы, сироты – по одному душевому паю. По одному паю получали бездетные старики в Мыоте и в Аюле. В Александровке на пай делились ближние и дальние сенокосы. Средний пай на ближних сенокосах устанавливался в размере 50 – 60 копен сена, на дальних – 100–150. В Чемале сенокосы разбивались на два разряда: ближний и дальний; в каждом разверстка по паям производилась отдельно. Податная душа имела право на два пая: один на ближних сенокосах, второй – на дальних. При переделе мог происходить обмен паев. В этом Чемал отличался от других селений, в которых пай не выходил из одних рук. В Мыоте во второй половине XIX в. все сенокосы были в захватном пользовании. Это привело к тому, что богатые жители имели большее количество лучших сенокосов, а бедным сельчанам их стало не хватать, поэтому община вынуждена была пойти на передел сенокосов.

В оседлых пунктах молодым мужчинам община передавала сенокосный пай умерших членов или стариков, вышедших из податного состояния. Если сенокосов не хватало, то тогда из дальних сенокосов, оставшихся в захватном пользовании, производилась нарезка новых паев. Таким образом, площадь переделываемых сенокосов возрастала за счет сенокосов, находившихся в вольно-захватном пользовании.

Пашни. Во второй половине XIX в. скотоводы-алтайцы расширили пашенное земледелие. В оседлых селениях в пользовании хлебопахотными землями наиболее распространенной формой являлась захватная. Например, в Александровке пользование пашней было вольным для всех жителей селения, включая временно принятых. Каждому предоставлялось право захватить любое место и распахать его по своему усмотрению. Пашнями совместно с александровцами пользовались и жители ближайших айлов: для этого не требовалось специального разрешения деревенской общины. Но занятые участки находились в посемейном пользовании и после смерти отца переходили сыну. Такая форма землепользования была характерна для многих миссионерских селений Горного Алтая. Исключение составляли лишь немногие селения, такие как Чемал, Мыота, Эдиган, где происходил переход от вольно-захватной формы к душевой.

В Чемале благодаря вмешательству миссионеров несколько раз во второй половине XIX в. производилось наделение ближайшими пахотными участками безлошадных, то есть самых бедных жителей села. На дальних пашнях существовал захватный порядок пользования, но со своими особенностями. Хозяин, захвативший в личное пользование участок, сохранял на него исключительное право, пока не бросал его окончательно. Пашни, оставленные в залежь, не могли, как в других селениях,

быть кем-либо заняты, кроме первого хозяина. Более продолжительное пользование хлебопахотными землями в Чемале, чем в других местностях, было обусловлено тем, что там находилось меньше чистых хлебопахотных земель. К тому же расчистка леса в Чемале требовала больше труда. Крещенные алтайцы такую продолжительность пользования землей в Чемале считали несправедливой, так как сильные хозяева захватывали в свои руки лучшие пашни. А бедные чемальцы, не имея достаточно лошадей, не могли самостоятельно освоить целинные земли. Длительное личное пользование захваченным участком встречалось в Паспауле, Никольском, Турочаке и в других селениях черневого района. На левой стороне Катуня, например, в миссионерском поселке Мыоте захватное подворное пользование пашнями перешло в наследственное.

Займочное землепользование. Земельный вопрос в Горном Алтае был напрямую связан с переселенческим. Основной формой поселения крестьян и мещан в Алтайских горах была захватно-займочная, при которой старожилы и переселенцы селились займками, со временем превращавшимися в селения. Русских займок много было в черневом районе и в Уймонской долине. Основатели займок заключали договоры с местными зайсанами, получая от них приемные приговоры. Землепользование уймонских староверов в конце XVIII в. было основано на праве первого и исконного захвата занимаемых ими земель. В XIX в. развилась подворная собственность на маральники и пасеки. Другая группа русского населения (по юридическому положению относившаяся к оседлым инородцам) – основатели села Усть-Кокса – поселилась с разрешения начальства Алтайского горного округа. Свое землепользование она осуществляла на принципах вольного захвата. Со временем Усть-Кокса, Нижний Уймон и Верхний Уймон расширились, земли в их окрестностях для всех жителей оказалось недостаточно. Начался процесс выделения части односельчан на займки.

Начало массового займочного движения в Уймонской долине относится к 60-м гг. XIX в., т.е. ко времени отмены крепостного права в России. В результате интенсивного образования займок на землях алтайцев обострились земельные отношения между прежними хозяевами и пришельцами – займочниками. В местах, где пашни, сенокосы старожилов, староверов, переселенцев и местных алтайцев соприкасались, начинались споры по вопросам землевладения и землепользования отдельными участками земли. Так, ниже-уймонские крестьяне в 1885 г. разломали алтайскую поскотину и произвели посевы на чужих пашнях [Швецов 1900]. Другим примером земельных споров стали отношения между жителями переселенческого поселка Хабаровка, образованного по «Правилам» 1879 г., и группы айлов, расположенных в долине Малого Ульгуменя. Но поскольку земельные угодья для поселка не были обмежеваны, за исключением усадебной, то сложилась спорная ситуация, когда

обе стороны претендовали на пахотные и сенокосные земли в низовье долины. Кочевники-алтайцы пользовались этими землями до прихода переселенцев, а крестьяне-переселенцы претендовали на эти угодья, считая, что они поселились на законных основаниях. Подобная же ситуация была в Туекте, Топучей и в других местах [Михайлович 1896]. Но в тех местностях, где взаимоотношения, связанные с использованием земли, были налажены, между русскими крестьянами и алтайцами конфликтов не возникало.

Таким образом, у населения Горного Алтая в XIX в. сложилось многообразие форм пользования пашнями, сенокосами, выгонами и отгонными пастбищами. Верховным собственником и владельцем являлся императорский Кабинет. На всем пространстве округа земельные права населения носили временный и неопределенный характер. В результате, в земельных отношениях между Кабинетом и населением нарастала путаница. Но из-за отсутствия в округе системы земельного учета Кабинет не смог приступить к землеустройству до конца XIX в. Территория Алтайского округа до конца столетия оставалась неразмежеванной, а по мере усиления притока переселенцев поземельные отношения коренного алтайского населения, крестьян-старожилов и переселенцев усложнялись, запутывались из-за их неустроенности. Земельная политика кабинетского ведомства в XIX в. по отношению к коренным жителям и другим категориям населения Горного Алтая, в основном, сводилась к попыткам определения площади алтайских кочевий, регулирования, в том числе законодательного, вопросов переселения в Алтайские горы и решения земельных споров между различными группами населения.

2.5. Социально-экономическое развитие Горного Алтая

2.5.1 Развитие скотоводства

Во второй половине XVIII столетия, после перехода к мирной жизни, началось восстановление главной отрасли традиционного хозяйства алтайцев – полукочевого скотоводства, приспособленного к горностепному ландшафту. Основными видами скота у них были лошади, крупный рогатый скот и овцы. В начале XIX в. восстановление стада в алтайском хозяйстве шло, помимо внутренних ресурсов, путем приобретения (обмена и покупки) у чуйских теленгитов лошадей, коров и овец, а также у русских крестьян и казаков соседних предгорных селений и станиц коров и телят [Горохов 1840; Потанин 1859].

Рассмотрим систему содержания скота. В самое трудное, зимнее время полукочевое алтайское население, живущее по урочищам (стойбищам), основное поголовье скота содержало на подножном корму. Коровам и овцам давали сено только в случае их сильного истощения, чаще всего весной, когда снег после ранней оттепели покрывался обледенелой корой – настом, или же когда выпадал глубокий снег, затруднявший ослабевшему скоту доставать траву из-под снега. К концу XIX в. полукочевые скотоводы стали заготавливать более или менее значительные запасы сена. Оседлое алтайское и русское население, живущее в селах и на заимках, зимой на сухом корму держало дойных коров, рабочих лошадей, овец и коз. А быков, выращиваемых для продажи, и нерабочих лошадей (жеребцов, кобыл, жеребят, меринов) круглый год пасли под присмотром пастухов [Швецов 1900: 336–337].

Для характеристики содержания скота обратимся к путевым запискам путешественников и исследователей. Одно из ранних сведений приводится в статье А.М. Спасского, посетившего в 1806 г. Канскую степь. Вот что он писал: «От устья Кана простирается гладкая равнина, одетая мелкою, так называемою кипечною травою, составляющею лучший корм для скота. Хозяева владеют большими табунами лошадей и еще большими стадами рогатого скота, которые паслись близ самых юрт, и в которых состоит все богатство их. Скот даже зимою ходит на воле и сам себе достает корм, разгребая снег копытами. Только для мелкого или больного скота запасают сено, подрезывая траву ножом и развешивая её для просушки на деревьях» [Спасский 2004: 18–19]. Через 20 лет эти места посетил А. Бунге и сделал следующую запись: «...скот, потребляющий солончаковый глинистый сланец, чрезвычайно упитан и сам делает себе запас на черный день зимой. Запас этот содержится у овец в курдюках, достигающих к осени значительных размеров. То же, что с курдюками, происходит и с горбами у верблюдов...» [Бунге 2004: 274–275]. Отметим, что, по данным ясачной комиссии на 1832 г., здесь было учтено только 6 верблюдов [РГИА. Ф. 468. Оп. 9. Д. 1042. Л. 452]. По-видимому, в связи с сокращением перекочевков вместо верблюдов стали использовать лошадей. Некоторые подробности содержания скота в начале XIX в. имеются и в очерке А. Горохова: «Разводят лошадей, рогатый скот и овец. На прокорм телят, молодняка коз и овец, которых зимою содержат в юртах, калмыки [алтайцы] косят сено в самом малом количестве; для сбережения же, связывая его длинными веревками, вешают на сучья высоких дерев. Из таких запасов дают понемногу сена, только в крайних случаях, телятам и овцам, когда они, из-за глубокого снега, не могут доставать себе корма; прочая скотина достает себе сама, в горах, близ речек и болот, траву кипец, или питается тальником, либо глинистою землею, называемою солонцом» [Горохов 1840: 209–210]. Судя по записям В. Радлова, к началу второй половины XIX столетия в содер-

жании скота существенных изменений не произошло [Радлов 1989: 145–146].

Заготовкой сена алтайцы занимались с незапамятных времен. Вот как это описал А.М. Горохов в начале XIX столетия: «На прокорм телят, коз и овец, которых зимою содержат в юртах, калмыки [алтайцы] косят сено в самом малом количестве; для сбережения же, связывая его длинными веревками, вешают на сучья высоких деревьев, в предосторожность от большой скотины» [Горохов 1840: 209]. А в отчете Н.М. Ядринцева за 1880 г. сказано следующее: «У алтайцев есть способы заготовления сена на зиму, причем они, собирая его, вяют веревками. У черневых татар заготавливаются стога, к которым припускается на зиму скот. Проезжая по Алтаю среди лета мы замечали везде кипучую земледельческую работу и сенокосение» [Ядринцев 1882: 30].

Подробное описание заготовок сена дано в работе С.П. Швецова. Он отмечал, что примерно с 70-х гг. XIX в. алтайцы стали употреблять литовки, а до этого они пользовались косой – «горбушой», занесенной в горный край русскими крестьянами. Коса, в свою очередь, оттеснила традиционный нож с загнутой ручкой (*оргуж*), которым алтайцы пользовались во время сенокоса. Однако вплоть до конца XIX в. традиционные приемы заготовки сена у алтайцев во многом сохранились. Особенности заготовки сена состояли в следующем. Скошенную зеленую траву свивали в особые жгуты длиной около четырех аршин и толщиной в руку взрослого человека. Два таких жгута свивали вместе, образуя одно целое – *толгок*, который служил мерой измерения запаса сена. Такие толгоки подвешивались на нижние сучья лиственницы в виде гирлянд. В среднем один работник за 3 дня мог скосить, свить и развесить 100 толгоков. Причем 10 толгоков считались равными одной копне сена (вес копны – 5 пудов). Удобство толгоков состояло в возможности их перемещения, например, подвязав к седлу лошади или неся на себе, а также в том, что не нужно было тратить времени на сушку травы. Во второй половине XIX в. оседлые алтайцы вместо толгоков стали применять крестьянские приемы заготовки сена: собирание сушеной травы в копны и последующее метание в стога. В большинстве районов сенокосно-уборочная пора приходилась на июль – первую половину сентября [Швецов 1900: 289–290, 309].

О масштабах распространения заготовки сена говорят следующие цифры. По данным на 1896 г., заготовкой сена занимались 96% алтайских, 98% русских старожильческих и 89% переселенческих хозяйств. У трех групп населения в расчете на хозяйство приходилось 196, 310 и 243 копны сена, а на голову крупного скота (при переводе всего скота на крупный) – 6, 8 и 16 копен соответственно. Это было в 3–5 раз ниже требуемой нормы в 30–50 копен [Швецов 1900: 344–345]. В целом, приведенные цифры убеждают в том, что в хозяйстве каждой из трех групп на-

селения основное поголовье скота не обеспечивалось сеном, поэтому зимой содержалось на подножном корме. Следовательно, скотоводство было подвержено большим угрозам: достаточно было более снежной зимы, поздней весны, гололедицы и неизбежно происходил падеж тысяч голов скота. Такие массовые падежи скота от бескормицы и эпидемий (чумы) случались периодически, например, в источниках упомянуты большие потери скота в 1825, 1869 и 1896 гг. [Бунге 2004: 265; Радлов 1989: 152; Швецов 1900: 341].

Одним из основных отраслей алтайского скотоводства было коневодство. «Алтайская лошадь представляет собой особую породу, лишь изредка встречающуюся в чистом виде, так как в большинстве своем она смешалась с породами лошадей живущих по соседству русских, киргизов [казахов] и монголов, — писал В. Радлов. — ...Лошадей чисто алтайской породы мы обнаружили лишь в малодоступных районах. В большинстве своем они светлой масти, очень много среди них белых, а вороные — большая редкость. Помимо красоты алтайскую лошадь отличают еще быстрота и ум. Она очень вынослива» [Радлов 1989: 145–146]. Каждый крупный богач стремился иметь хорошего скакуна (аргымака), специально выращиваемого для конных скачек. «Состоятельные алтайцы не используют для верховой езды племенных кобыл и жеребцов-производителей, их оставляют в табуне, они — богатство и гордость владельца» — отмечал В. Радлов. Табунные лошади паслись зимой в низинах горных долин, а летом — на высокогорных пастбищах. Конский табун (*бир үүр жылкы*) состоял обычно из 8–20 кобыл, 5–10 мерин, 5–15 годовалых жеребят, 2–8 двухлеток, 2–6 трехлеток во главе с жеребцом [Радлов 1989: 147–148, 150]. Наиболее благоприятными для коневодства были долины Ябогана, Кана, Кырлыка, Абая, Уймоны, Урсула, Песчаной и Чуи.

Между богатыми и бедными скотоводами существовала значительная разница в содержании скота. Богатые хозяева, имевшие крупные табуны, в зимнее время держали их в 5–10 верстах от зимнего стойбища, а летом отгоняли на «белки» — высокогорные пастбища за 60–100 верст. Хозяева средней состоятельности отгоняли гулевых лошадей летом на 20–25 верст. Бедняки летом держали лошадей в 5–10 верстах, а зимой — в пределах 1-й версты от стойбища. Отметим, что такие же отличия имелись в отгоне крупного и мелкого рогатого скота летом и зимой, с той лишь разницей, что бедняки имели только дойных коров с телятами, которые паслись около стойбища.

Зимой рабочих лошадей загоняли в открытые пригоны, а для коров делали стайки с навесами из жердей, прикрытыми сеном или соломой. Естественно, стайки плохо защищали животных от морозов и сильных ветров. Состоятельные хозяева ослабевших телят и ягнят содержали в небольших рубленых теплых хлевах, а бедняки — в жилых юртах. Для

этого в юрте вырывали яму – *кунэ*, но иногда для ягнят вместо ямы устраивали небольшой сруб. Для скота (овец, быков), находящегося вдали на отгоне, также делали пригоны у скал, чтобы они защищали скот от холодных ветров. Ближе к концу XIX в. алтайцы, по примеру русских соседей, зимой стали давать ослабевшему скоту соль, особенно в местах, где отсутствовали естественные солонцы. В зимнее время подкармливали сеном молодняк, ослабевших дойных коров и рабочих лошадей, используемых для поездок и других нужд [Швецов 1900: 338–340]. Во второй половине XIX столетия в селениях, расположенных на Чуйском, Уймонском и других трактах, рабочим лошадям перед поездкой стали давать овес.

Лошади использовались как средство передвижения и тягловая сила. По наблюдениям Г.Н. Потанина, в середине XIX в. алтайские лошади считались в селениях по предгорью Алтая «лучшими ломовыми лошадьми» [Потанин 1859: 94]. Кроме того, они давали молочные и мясные продукты. В пищевом рационе алтайцев кумыс, конина и другие виды мяса занимали значительное место. Среди полукочевого населения богатые хозяева, имевшие сотни голов скота, закалывали на собственные нужды 10–12 быков и лошадей и 40–50 баранов. Хозяева среднего достатка кололи 3–5 крупных и столько же мелких (овец, коз) животных. Бедняки старались заколоть хотя бы одно крупное животное, а если это не удавалось, то 1–2 овцы или козы. Алтайцы оседлых селений запасали мяса меньше: богатые кололи 3–4 головы крупного скота, среднего достатка – 1–2 головы, а бедняки довольствовались редкими покупками мяса у своих соседей [Швецов 1900: 353–354].

Из выделанной, дубленой конской, бычьей, коровьей кожи изготавливали ремни, переметные и большие сумы, конское снаряжение, сосуды для хранения айрана, кумыса, араки и других молочных продуктов, а из выделанной жеребьячьей кожи шили мужскую одежду (куртки, штаны). Во второй половине XIX в., в связи со значительным увеличением поголовья овец, верхнюю мужскую и женскую одежду стали шить преимущественно из овчины и привозных тканей, например, сукна.

В алтайском скотоводстве вторым по значимости был крупный рогатый скот. В середине XIX в. крупный рогатый скот алтайцев считался лучшим в Томской губернии, например, из туши быка получали 15 пудов мяса и до 4 пудов сала [Потанин 1859: 94]. По описанию В. Радлова, алтайские коровы чаще всего были рыжей масти, давали питательное, жирное молоко, примерно 6 штофов в день. Коров, как и кобыл, доили только в теплое время года: с марта по сентябрь, а в оседлых селениях – до конца октября. В чуйском районе, яков (сарлыков), как и кобыл, доили в течение трех летних месяцев. Яки давали вдвое меньше молока, чем коровы, но значительно жирнее. Если у русских крестьян телят отнимали от дойных коров сразу после их рождения, то у алтай-

цев оставляли при коровах на весь период доения. Без подпуска теленка коровы совсем не доились [Радлов 1989: 151; Швецов 1900: 350]. Средний удой молока от средней по качествам коровы составлял 0,5–0,75 ведра (от лучшей коровы – по ведру) в весенне-летние месяцы, а к осени коровы сильно сбавляли молоко. В удоях молока от коров, принадлежавших алтайцам и русским крестьянам, практически не было заметной разницы. Исключение составлял Чуйский район, где коровы давали значительно меньше молока: 1,5–2 кринки в удой. Количество молока, получаемого от кобылы в сутки, было примерно таким же, как от коровы. А от 12 овец (10 коз) в день получали одно ведро молока, за исключением Чуйского района, где его было меньше.

Алтайцы из молока производили различные продукты питания: сливки, масло, айран, араки (вино), эжигей, аарчы (сушеный творог) и курут (сырчик). Последние два продукта, как и топленое масло, готовили впрок на зиму. От молока одной коровы примерно получали до 50 больших сырчиков. На питание семьи из пяти человек в день расходовалось три сырчика, если не было другой пищи (мяса и т.д.) [Швецов 1900: 351–354]. В теплое время мясо нарезали в виде жгутов, вялили на солнце и ветру или же коптили над очагом в юрте. Зимой туши животных замораживали и хранили в амбарах и небольших срубах.

В алтайском хозяйстве третьим основным видом скота являлись овцы. Вот как описал В. Радлов местную породу овец: «Алтайская овца имеет курдюк, который осенью весит от пяти до десяти фунтов. Шерсть почти исключительно белая..., длинная и грубая, стригут овец два раза в год. Небольшую часть овец не стригут, с тем, чтобы шерсть у них вылиняла, из этой шерсти изготовляют войлочные кошмы и веревки. Хорошую стриженую шерсть сматывают в клубки и продают» [Радлов 1989: 151]. Овцеводство было развито в Чуйском районе и по левобережью Катунь вплоть до верховьев Чарыша и Ануя. К концу XIX в. на указанные районы приходилось свыше 92% всего поголовья овец Горного Алтая. По правобережью Катунь (от Сумульты до Маймы) и в черневом районе овцеводство было слабо развито. К основному продукту овцеводства, наряду с бараниной и овчиной, относилась стриженная шерсть, которая шла на изготовление кошмы, арканов, узд и другой домашней утвари. При стрижке овец алтайцы вместо ножниц, как принято у русских крестьян, употребляли остро отточенный тонкий нож. Что касается разведения коз, то в 1896 г. 87% их поголовья приходилось также на чуйский и левобережный районы. Коз содержали больше ради шерсти, чем из-за молока и мяса. Лучшая козья шерсть шла на изготовление войлока, а похуже – веревок [Радлов 1989: 151–152].

Кроме указанных видов скота, население Горного Алтая разводило верблюдов (для перевозки тяжестей) и маралов – ради их рогов (пантов), пользовавшихся большим спросом на рынках соседнего Китая.

Во второй половине XIX в. верблюдов держали только в Чуйской степи, а мараловодство преимущественно развивалось в левобережном районе, главным образом среди зажиточных русских крестьян-старожилов [Швецов 1900: 316].

В целом, в Горном Алтае с 1832 по 1896 гг. (см. табл. 1) поголовье лошадей возросло почти в 4 раза, крупного рогатого скота (КРС) – в 5 раз, овец и коз – в 6,5 раза. Однако удельный вес лошадей в составе стада уменьшился на 10%, КРС – остался почти без изменения (24%), а доля овец и коз, наоборот, возросла на 10,5%. Следует отметить, что в данные за 1832 г. не вошли сведения о поголовье скота в двух чуйских волостях. Поэтому вполне допустимо, что реальные показатели темпов роста поголовья и изменения удельного веса овец и коз (как и лошадей) в составе стада должны быть меньше указанных цифр примерно в два раза. Тем не менее, статистические данные свидетельствуют об общей тенденции роста поголовья всех видов скота и соответствующих изменениях в структуре стада. В определенной мере этому способствовало применение более совершенных орудий, способов заготовки сена и увеличение ее размеров. Качественные изменения в алтайском скотоводстве происходили в русле перехода алтайцев от кочевничества к оседлости.

Таблица 1. Поголовье скота в Горном Алтае, 1832 и 1896 гг.

	Лошади	КРС		МРС		Всего
		всего	коров	всего	овец	
1832 г., абс. ¹⁾	34900	18750	с.н.	34060	26810	87710 ²⁾
%	39,8	21,4		38,8		100
1896 г., абс.	134294	97482 ³⁾	40199	223443	145726	455219 ⁴⁾
%	29,7	21,1		49,3		100

Источники: РГИА. Ф. 468. Оп. 9. Д. 1042. Л. 452; Ядринцев 1891: 95, 100, 102, 109; Швецов 1900: 313

Примечание: ¹⁾ Данные по семи дючинам, четырем черневым, Тогульской и двум кумандинским волостям (по чуйским волостям сведений нет). ²⁾ Учтено также 6 верблюдов во 2-й дючине. ³⁾ В том числе 2348 яков. ⁴⁾ Кроме того, было учтено 832 верблюда и 784 марала.

2.5.2 Развитие земледелия

Земледелие в Горном Алтае имеет древнюю историю, а у алтайцев оно играло заметную роль, по меньшей мере, с джунгарского (ойротского) времени, на что указывают состав традиционных злаковых культур, орудия, приемы обработки земли и система орошения посевов. В южной горностепной части Горного Алтая (долины Катунь, Урусула, Пес-

чаной, Ануя, Чолушмана, Башкауса, Чуи, Аргута и др.) сохранялись остатки старых оросительных сооружений. В XIX в. по мере восстановления и развития земледелия алтайцы стали возобновлять эти сооружения и с помощью каналов (*суак, субак, сугак*) орошать пашни и сенокосы. В северной горно-таежной части Горного Алтая существовало богарное земледелие. К концу XIX столетия в хозяйствах русских крестьян и оседлых алтайцев появляется залежно-паровая система с элементами севооборота.

Обратимся к сведениям о состоянии алтайского земледелия в первой половине XIX в. «Землю пахут сохами об одном сошнике, или вскапывают абылами (род заступа), засевая ячменем и пшеницею не более, сколько нужно для собственного пропитания. Хлеб меряют сумами и тулунами, сшитыми из кож», – отмечал Г. Спасский [Спасский 2004: 23]. В путевом дневнике А. Бунге записано: «В долине Большого Улегумена, свободные участки нередко возделаны. Выращивают яровую рожь, пшеницу и особенно ячмень... Поля эти, конечно, невелики и редко больше 50 шагов в длину и ширину; их вскапывают лопатой, засеивают, затем пропалывают и подводят к ним воду. Удивительно, как много труда требуется для возделывания этих крохотных делянок: нужно отвести часть вод реки, затем и выкопать небольшие каналы, которые подадут на поля совсем немного влаги» [Бунге 2004: 331]. Такие же каналы А. Бунге видел на Катунь и Чуе (в нижнем течении), с помощью которых поливались небольшие пахотные земли. В 1840 г. П. Чихачев видел в Курайской степи, точнее в местности Тыттугой, небольшие поля, засеянные ячменем [Чихачев 1974: 407]. Пожалуй, это самая высокогорная пашня на территории Горного Алтая, расположенная на высоте в 1,6 км над уровнем моря. По наблюдениям В. Радлова, в 1860 г. небольшие пашни, обнесенные изгородью, обрабатывали женщины мотыгой и засевали ячменем. А большие пашни, например, на среднем течении Урсула, обрабатывали только мужчины [Радлов 1989: 163]. Подробное описание и статистические данные о земледелии имеются в трудах С.П. Швецова, написанных на основе собственного обследования и архивных материалов.

В XIX в. традиционное земледелие существовало среди полукочевого населения чуйского (Чолушман, Башкаус), левобережного и других районов Горного Алтая. У алтайцев-земледельцев основными орудиями обработки почвы являлись мотыга – абыл и местная соха – андазын. При помощи абыла разрыхляли почву и выворачивали камни на пашнях. В конце XIX в. существовало несколько модификаций андазына [Торушев 2008]. При пахоте андазыном почва не отваливалась, а прорезалась неровными бороздами. Поэтому по бороздам проходили три-четыре раза вдоль и поперек, а когда оставались твердые комья земли или попадались камни, обработку почвы завершали абылом. Для задел-

ки посеянных семян использовалась *сала* – срубленное дерево (обычно ель) с отсеченными концами ветвей, которое с тонкого конца привязывалось с помощью аркана к седлу или хомуту. Салой одновременно бороздили и заметали поверхность распаханной земли. Со временем вместо салы стали использовать борону с деревянными зубьями (*тырмууш*), похожую на массивные грабли [Швецов 1900: 282 – 283].

До середины XIX в. при жатве колосья срезали кривым ножом – оргужем (на маленьких участках иногда рвали руками), но затем он был заменен серпом. Жали обычно перезревшие на корню колосья и почти сразу их обмолачивали. А при неблагоприятной погоде жатву начинали раньше обычного срока, колосья связывали в пучки и для просушки насаживали на жерди изгороди (поскотины). В сухую погоду стали, по примеру русских соседей, вязать снопы и складывать в суслоны. Для обмолота зерна употребляли особую колотушку (*токпок*), изготавливаемую из дерева с утолщением на одном конце. Молотили на разостланной коже, причем в одной руке держали пучок или сноп колосьев, а другой рукой мерными ударами токпока отбивали зерно. Хранили зерно в юртах в кожаных сумах (*кан*) или в специальных круглых ямах (*оро*), глубина и диаметр которых доходили до сажени (2,1 м). Ямы рыли на склонах холмов и для предохранения зерна от сырости стенки и дно ямы выстилали шитой берестой или сеном, свитым в толстые жгуты. Яму сверху закрывали берестой и заваливали землей. Зерно в такой яме не прорастало, не портилось и могло храниться больше года [Швецов 1900: 284].

Во второй половине XIX в. земледелие полукочевых алтайцев представляло собой ряд переходных форм от вышеописанных приемов к тем, которые применяли русские крестьяне. Поэтому следует обратить внимание на особенности, которые проявлялись в составе орудий и приемах обработки земли, уборки и обмолота зерна в разных районах Горного Алтая. К концу столетия в Кумуртуке (устье Башкауса), например, многие хозяева стали употреблять андазын только при распашке каменистых почв, абыл – для расчистки каналов и удаления камней с пашни. Основные распахивания проводили крестьянской сохой, землю обрабатывали бороной с железными зубьями, а сжатые колосья вязали в снопы и складывали в суслоны. Более состоятельные хозяева, имевшие сравнительно большие посевы и достаточное количество лошадей, молотьбу проводили лошадьми. На полях Сарытума (между Меоном и Чибитом) землю пахали андазыном, жали серпами, молотили лошадьми, а «токпок» сохранился лишь у хозяев маленьких пашен.

В районах с более мягким климатом и там, где алтайцы стали тесно соприкасаться с русскими крестьянами, земледелие полуоседлого населения достигло более ощутимых результатов. Примерно с 70-х гг. XIX в. в левобережье Катунь, где земледелие было наиболее развито, среди

алтайцев-земледельцев старые орудия стали вытесняться более совершенными. Так, например, в ближайших к селу Мыоте аилах землю пахали сохами, обрабатывали боронами с железными зубьями и молотили лошадьми. В долинах Мукур-Черги, Большой и Малой Черги, Большой и Малой Боллукты, Могуйты и Кокуи стали использовать крестьянские сохи, бороны с железными зубьями и литовки. С 80-х гг. XIX в. указанные орудия стали внедряться в аилах по долинам Урсула, Карагола, Короты и других. В аилах по Каспе, Апшияхту, Оруктою, Улету, а также по Улегумению, Купшекеню, Большому Яламану новые земледельческие орудия употреблялись попеременно с андазыном и оргужем. К подобным смешанным приемам и орудиям земледельцы прибегали из-за сложного горного рельефа и ограниченных возможностей большинства алтайских хозяйств. В черневом районе вплоть до конца XIX в. жители аилов пользовались традиционными приемами земледелия и орудиями труда: небольшие участки пахотных земель, расположенные на солнечных склонах гор и холмов, разрыхляли абылом, колосья связывали в пучки и сушили на жердях изгородей [Швецов 1900: 290–294, 307]. Во многом это было обусловлено природными условиями района: большими массивами лесов, заболоченностью почвы и малыми площадями удобных земель для хлебопашества.

В большинстве районов с полукочевым населением использовали традиционные формы удобрения почвы. Так, на Беле, Чилише и других урочищах около Телецкого озера для удобрения пашни устраивали стойбища для скота, которые за лето переносили дважды с места на место, чтобы места под ними покрывались навозом. После такого способа удобрения, называемого *чалма*, на следующий год земля разрыхлялась андазыном, абылом и засеивалась ячменем. С той же целью зимние стойбища через три–четыре года переносились на новые места. Освобожденное из-под зимней стоянки место называлось *өтөк* (буквально: сухой навоз). Такой способ удобрения считался лучше предыдущего из-за большого и толстого слоя навоза на поверхности земли. Наряду с удобрением навозом существовала малоупотребляемая форма, называемая *типып* – удобрение прогнившими и перепревшими ветками деревьев. Так именно поступали с пашнями, например, в урочище Чери, причем только с теми, которые находились выше – на прилавке, а остальные пашни, расположенные ниже, в пойме речки, удобряли навозом. Суть способа «типып» состояла в том, что ветви деревьев мелко рубили и разбрасывали на место будущего посева; рубленые ветки перегнивали вместе с травой и превращались в удобрение. Таким способом удобренную почву через год можно было распахать. На одном участке «типып» использовался только раз, а в дальнейшем землю удобряли навозом [Швецов 1900: 285]. По качеству удобрения почвы способ «типып» значительно уступал двум другим (*чалма* и *өтөк*). Следует отме-

тить, что две последние формы удобрения пашни были широко распространены во всех районах, где полукочевое население занималось земледелием. Так, при расспросах жителей долины Купчегень о том, какие поля они предпочитают под пашни, они ответили, что «хлеб родится лучше на месте, откуда они переносят свое жилище» [Ядринцев 1881: 238].

В местах с жарким и засушливым летом применялось орошение пашен и сенокосов при помощи каналов (*субак*). Суть орошения состояла в том, что вода горного ручья или речки отводилась по каналам – субакам, проведенным по наклонному полю. Каналы закладывали каменными шлюзами, которые по мере надобности открывались, и вода поступала к орошаемым участкам пашни [Ядринцев 1881: 238]. Так, например, в долине, где сливались реки Башкаус и Чолышман, в рассматриваемое время существовала целая сеть субаков. Все эти субаки были восстановлены по остаткам старинных оросительных каналов. Так, водой субака по левой стороне Башкауса (длина главного канала 3 версты) пользовались 20 хозяйств, а по ее правой стороне (длина 0,5 версты) – два. Несколько выше по той же реке имелись еще три небольших субака, водою которых орошались пашни хозяев левого субака, когда земля, орошаемая нижним субаком, оставлялась на отдых. Субаком по Ыштыку пользовались 12 хозяев. Еще два арыка по р. Малчи были в пользовании трех хозяев. Подобная сеть субаков имелась вверх по Чолышману и Башкаусу.

Как уже сказано, широкая сеть каналов действовала по долине Катунь (с боковыми долинами Ини, Яломана, Улегуменя, Урсула и др.), в верхней части долин Песчаной, Ануя и Чарыша. Например, на среднем течении Катунь, по притоку Томускану, арыки были устроены по обеим сторонам и находились в пользовании 9 хозяйств. Длина главного канала на левом берегу составляла 1 версту, а на правом – 250 сажень. Пашни находились в подворном пользовании, а водой субака пользовались по очереди. По другому притоку, Пайтыгему, было тоже два субака; длина канала на левой стороне речки составляла 2 версты, а на правой – 1 версту. Эти субаки были восстановлены в первой половине XIX в. по следам старых оросительных каналов. Повсюду водой субаков пользовались по очереди, а в ремонте и чистке субаков участвовали все пользователи воды [Швецов 1900: 162, 287]. В местностях со сложным рельефом строили дополнительные сооружения. Например, для проведения канала через расщелины и овраги делали большие желоба из стволов лиственницы на подпорках. А чтобы поднять уровень потока воды по каналу насыпали искусственные валы. Вообще, в разных районах длина основных каналов зависела от ландшафта и площади орошаемых земель, а порядки пользования водой и содержания субаков – от численности хозяйств и размеров их пашен. Отметим также, что русские кре-

стьяне-старожилы указанных мест перенимали поливную систему и с успехом ее использовали в земледелии.

Земледелие оседлого населения. Во 2-й половине XIX столетия в большинстве оседлых селений алтайцы стали использовать такие же земледельческие орудия, какие были у русских крестьян. С 70-х гг. XIX в. широкое распространение получили сибирская борона с железными зубьями и разные сохи («двойчатка», «колесуха» или «одинарец»). В 90-х гг. XIX в. в зажиточных хозяйствах появились плуги («кунгурки»). В большинстве сел пахали под посев один раз, с каждым годом углубляя понемногу толщину пласта с 1,5 до 4 вершков (17,6 см). Местной сохой пахали мягкие, обработанные земли на 3–4 лошадах, а залежи – на 5–6 лошадах. Бороновали один раз после посева семян, употребляя деревянную борону с железными зубьями. Для работы соединяли в связку 3–4 бороны и обрабатывали пахоту до 6–7 раз в зависимости от числа борон, мягкости почвы и других условий.

Между разными районами Горного Алтая существовали отличия во времени начала полевых работ. Так, например, в селениях по левобережью Катунь посевные работы начинались в первой половине апреля, а в других районах – в конце апреля или начале мая. К жатве ячменя и пшеницы приступали в августе. Жители сел молотьбу проводили обычно в октябре–декабре. Молотили чаще всего лошаадьми, но у кого было мало лошадей и посева, молотили цепями. В конце XIX в. у зажиточных русских крестьян появились молотилки и веялки. Новые орудия и техника приобретались на ярмарках, проходивших в селах Онгудае, Алтайском, Смоленском и в уездном центре – Бийске. Однако в оседлых селениях алтайцев черневого, правобережного районов и некоторых других мест сохранялись старые орудия земледелия. Это можно объяснить слабым развитием земледелия и ограниченными возможностями маломощных хозяев приобрести дорогостоящие орудия.

В конце XIX в. для вспашки десятины залежи и пара двумя работниками на 3–6 лошадах уходило 2 дня, а мягкой пашни – 1,5 дня. Первое боронование десятины одним человеком на 3–4 лошадах занимало 2 дня, а второе – 1 день. Распашка земли андазыном требовала почти столько же времени, сколько сохой на двух лошадах. При одноконном андазыне затраты времени увеличивались. Для разрыхления 0,5 десятины земли двумя работниками при двух абылах уходило не менее недели. Пахотные работы у алтайцев имели некоторые отличия. Так, вспахав немного земли, они начинали ее засеять и бороновать, после чего продолжали пахать и выполнять другие работы на оставшейся земле небольшими участками – загонами (*адыс*). На уборку 1 десятины зерновых двумя работниками (мужчиной и женщиной) уходила неделя, а одним – около 12 дней [Швецов 1900: 308–312].

Продолжительность обработки почвы, залежи и севооборота была разная. Даже в конце XIX столетия в большинстве селений левобережного района отсутствовали какие-либо устоявшиеся порядки в смене посевов и залежей. Так, например, в селах Барагаше, Ильинске, Верх-Кумалыре и Мариинске после распашки залежи снимали 3–7 урожаев, а затем земля отдыхала 4 года. А в аилах по долинам Урусула, Короты, Карагола, Черги (Большой, Малой), Боллукту, Могуйте, Кокуе, Калгашу пахали и сеяли подряд 3 года, а потом земля отдыхала 3 года. По долинам Апшияхты и Каспы после распашки залежи снимали 5 урожаев, потом земля отдыхала 3–5 лет. А в аилах по Большому и Малому Ульгумену, Большому Яламану, Кадрину и другим соседним долинам из года в год засевали на одних и тех же орошаемых пашнях, лишь изредка оставляя пашни для отдыха на 2 года. В селах Абасе и Белом Ануе пашни засевали 3–4 раза, потом оставляли под пар на 1 год. В Черном Ануе залежи выдерживали до 10 лет, 2 года засевали, затем земля отдыхала под парами. В Тюдрале после распашки целины сеяли 6–7 лет подряд, после чего оставляли в залежь на 5 лет. В правобережном районе (селах Александровке, Сиульте, Манжероке, Узнезе, Чепоше, Чемале) после двух посевов земля отдыхала 2–3 года. В 90-х гг. XIX в. на пустошах стали вводить пар: алтайцы – через год, русские крестьяне – через 3 года. В черневом районе (села Кебезень, Никольское) на поднятой целине получали 3–5 урожаев, затем земля оставлялась на 10 лет. А в аилах по долине Бии и притокам пашню после трех посевов оставляли в залежь на 8 лет, причем последние три года там косили траву.

Использование залежи диктовалось, главным образом, появлением на пашнях сорных трав, глушивших посевы зерновых. Обычно сначала появлялся осот и жабрей, а затем дикая гречиха – «кырлык». В первый год посева сорных трав было мало; на второй год уже требовалось прополка посевов, а затем, когда и она не помогала, землю оставляли в залежь для уплотнения почвы. Признаком достаточного отдыха почвы считалось исчезновение сорных трав и появление полевого горошка – вязиля. В некоторых местах, например, в аилах по р. Бие, когда появлялся вязиль, сначала косили траву на заброшенном участке, а затем начинали его распахивать. Одним из средств борьбы с сорными травами являлась прополка сорняков на пашне, проводившаяся обычно в середине июня, пока хлебные злаки еще недостаточно подрастали. Этот метод борьбы с сорняками был широко распространен среди оседлого и полукочевого населения.

До конца XIX в. у местных русских крестьян-старожилов не были выработаны устоявшиеся правила севооборотов, а переселенцы обычно усваивали приемы местных старожилов. Как правило, крестьяне каждого села руководствовались своим опытом, накопленным в данной местности. Тем не менее, в севооборотах большинства русских селений про-

смаатривалась общая черта, выраженная в том, что первым злаком после залежи шла пшеница, а изредка – озимая рожь (например, в селах Ильинском, Абайском). В алтайских селениях черногого и правобережного районов вместо пшеницы сеяли ячмень. В чередовании культур определенного порядка тоже не было. В одних хозяйствах, например, сеялись пшеница, овес, ярица, а в других повторялись посевы одной и той же злаковой культуры. После пара засекали озимую рожь, пшеницу или ячмень, но могли быть посевы овса. Одни алтайские хозяйства засекали только ячмень, другие его чередовали с пшеницей или ярицей. Большинство хозяйств полукочевого населения сеяло главным образом ячмень и пшеницу.

В Горном Алтае, как и по всей Сибири, происходило вырождение семян (они становились мелкими, легкими и сорными), например, для пшеницы оно наступало через два года. Оседлое население боролось с этим явлением посредством приобретения новых семян у крестьян предгорных и степных волостей Бийского округа. В хозяйствах по урочищам вырождение семян ячменя происходило в меньшей степени, поэтому смена семян проводилась реже [Швецов 1900: 297–299, 304]. По-видимому, здесь сказывались приемы обработки земли и система поливов посевов.

Площадь и структура посевов. По примерным подсчетам, в 1832 г. алтайцы засекали около 260 дес. пахотной земли [РГИА. Ф. 468. Оп. 9. Д. 1042. Л. 452; Сатлаев 1991: 108]. Самые хлебопахотные земли находились по левобережью Катуня. Во второй половине XIX в., в связи с усилением притока переселенцев и возрастанием оседлости среди алтайцев, посевные площади в Горном Алтае стали быстро расширяться. Так, в 1896 г. общая площадь посевов здесь составила 7837 десятин, из них 2948 дес. приходилось на алтайские хозяйства [Швецов 1900: 256]. По сравнению с 1832 г., посевная площадь у алтайцев увеличилась в 11 раз. В конце XIX в. земледелием занимались 49% хозяйств алтайцев, 54% хозяйств русских новоселов и 80% хозяйств крестьян-старожилов. На долю хозяйств указанных групп населения приходилось соответственно свыше 37, 38 и 23% всех посевов Горного Алтая. Малой частью (1,4%) посевов пользовалась группа казахов-земледельцев (в селах Черном Ануе, Тюдрале). Среди хозяйств, занятых земледелием, приходилось посева (в расчете на одно хозяйство): у алтайцев – 1,1 дес., крестьян-новоселов – 3,4 и крестьян-старожилов – 4,6 дес. За средними цифрами скрываются отличия в размерах посевов разных по экономической мощности хозяйств. Согласно нормам расчета того времени, хозяйства, имевшие до 1 дес. посева, считались необеспеченными (по сути – неземледельческими), с 1 до 2,5 дес. – малообеспеченными, с 2,5 до 5 дес. – среднеобеспеченными и, наконец, с 5 и более десятин посева считались хорошо обеспеченными. Исходя из этих норм, первая категория хозяйств (ско-

товоды, охотники-промысловики) составляла 60%, вторая – около 31%, третья – свыше 7% и четвертая – 2% всех алтайских хозяйств. Среди русских крестьян-старожилов указанные категории хозяйств составляли 5, 15, 35 и 45%, а у новоселов – соответственно 12, 33, 32 и 23% [Швецов 1900: 276]. Заметная доля неземледельческих и малообеспеченных хозяйств у новоселов объясняется наличием пчеловодов и торговцев.

Рассмотрим структуру посевной площади, сложившуюся к концу XIX в. (см. табл. 2). Среди посевов злаковых доминировали пшеница (36%) и ячмень (30%), причем их соотношение в посевах алтайцев было в пользу ячменя (60 и 21%), а русских крестьян – пшеницы (45 и 11%). Третье место в посевах занимал овес – 19,5% (у алтайцев и русских – соответственно 10 и 25%), на четвертом месте шла ярица – 12% (у двух групп – 7 и 15%). Доля озимой ржи и других культур была мизерной. Следует отметить, что по мере роста земледелия и оседлости среди алтайцев изменялось соотношение трех основных злаковых – ячменя, пшеницы и овса. К концу XIX в. среди оседлых алтайцев возросла доля посевов пшеницы (36%) и овса (17,5%) за счет снижения посевов ячменя (до 33%). У полукочевого населения преобладали посевы ячменя (74%).

Таблица 2. Площади посевов в Горном Алтае, 1896 г.

Группы		Пшеница	Ячмень	Овес	Ярица	Рожь озимая	Другие	Всего
Алтайцы	Дес.	613	1760	302	215	27	31	2948
	%	20,8	59,7	10,2	7,3	0,9	1,1	100
Русские	Дес.	2167	553	1199	728	82	48	4777
	%	45,3	11,6	25,1	15,3	1,7	1,0	100
Всего	Дес.	2827	2341	1529	953	109	78	7837
	%	36,0	29,9	19,5	12,2	1,4	1,0	100

Источник: Швецов 1900: 300–301

Из зерен ячменя и пшеницы алтайцы делали толокно (*талкан*) и крупы. Талкан расходовался на приготовление всеми любимого чая (летнего легкого и зимнего сытного – «чайного супа»), а крупы – мясных и молочных супов. Среди полукочевого населения зерно растирали на каменных зернотерках (*наспак*) или обрабатывали ручной деревянной ступой (*кол сокы*), а у жителей черневого и правобережного районов, кроме того, использовались ручные каменные мельницы (*тээрмэн*), а также ножные деревянные ступы (*бут сокы*). За день на ручной мельнице получали полтора мешка талкана или три ведра пшеничной муки, а на зернотерке – полмешка талкана. Во второй половине XIX в. среди зажиточной части русских крестьян стали распространяться водяные мельницы.

Урожайность зерновых культур в разных районах заметно отличалась. В целом же по Горному Алтаю средние и хорошие показатели урожайности пшеницы и ячменя колебались с 40–60 до 120 пудов с дес., а овса – с 50–60 до 130 пудов [Швецов 1900: 305–306, 312]. Расширение посевной площади, изменение состава злаковых культур, внедрение новых орудий труда, совершенствование обработки полей и уборки урожая в совокупности свидетельствовали о реальных изменениях в хозяйстве и быту (культуре питания) оседлого алтайского населения. Развитию земледелия и общему экономическому росту Горного Алтая способствовало усиление торговых связей по Чуйскому тракту, Уймонской, Чемальской и другим колесным дорогам.

Таким образом, анализ материалов выявил небольшие изменения в составе орудий труда (появление деревянной бороны) и размерах посевов в полукочевых хозяйствах, хотя система полива и удобрения пашен, состав злаковых культур остались неизменными. В хозяйствах алтайцев, перешедших к оседлости, новые орудия (крестьянские сохи, плуги, бороны с железными зубьями) применялись вместе со старым инвентарем. У них заметно возросли площади посевов, главным образом пшеницы, овса и ярицы. Под влиянием соседства с русскими крестьянами алтайцы-земледельцы стали использовать залежную систему с элементами севооборота. В хозяйствах русских крестьян внедрение новых орудий (плугов) и техники (молотилок, веялок), залежно-паровой системы с севооборотом происходило преимущественно среди зажиточной части крестьян.

2.5.3 Охота и собирательство. Кустарные ремесла

Охота. В хозяйственной деятельности алтайского и русского старожильческого населения Горного Алтая заметное место занимала охота на диких животных. Обратимся к запискам путешественников и исследователей XIX столетия, характеризующим охотничье-промысловые занятия населения. «Звериная ловля бывает осенью, зимою и летом. Для этого промышленники уезжают в горы, называемые белками; некоторые же отправляются к Саянским горам, примыкающим к Кузнецку и Абакану, и в Енисейскую губернию. В тех горах водятся волки, медведи, лоси, маралы, кабарга, дикие козы, росомахи, ирбиси, лисицы, рыси, горностаи, колонки, белки и известные по доброте и величине соболи. Звериной ловлей занимаются не многие жители. На промысел ходят целым обществом молодые отважные люди и лучшие стрелки; беднейшие участвуют в ловле за плату», – отмечал А.М. Горохов [Горохов 1840: 227]. По наблюдениям П. Чихачева, охота давала возможность алтайцам не только уплачивать ясак, но и получать значительную прибыль от продажи некоторых видов животных, например, маральных рогов (пантов) [Чихачев

1974: 426–427]. Немного ранее А. Бунге писал, что главным занятием жителей русского села Уймона была охота на диких животных (оленья, лось, косуля, соболь, лисицу и др.). Местные алтайцы, кроме того, ловили капканами кабаргу, из меха которой, как и меха косули, шили дохи, а мускус продавали торгующим казакам соседних станиц. «Особенно ревностно охотятся на оленей–самцов: их рога приносят главный доход. Когда рога еще молодые и мягкие и покрыты пушком, их очень осторожно сушат, а затем продают поштучно монголам, которые платят за них крупные суммы и отправляют в Китай, где они очень высоко ценятся как лечебное (стимулирующее) средство», – писал он [Бунге 2004: 319–320].

Подробное описание роли охоты в жизни коренного населения Горного Алтая оставил В. Радлов. Он отмечал, что, хотя дичи на Алтае стало гораздо меньше, охоте отводилось важное место в занятиях алтайцев и русских старожилов. Несмотря на то, что русские крестьяне Уймона и некоторых предгорных сел уже приручили и разводили маралов, цены на рога диких маралов не снижались. В высокогорных Чуйской и Курайской степях охотились на горных баранов – аргали (по-алтайски: самец – *кочкор*, самка – *аркар*), куланов, серн (*јэрэн*), сурков, а западнее Катунь – на ланей (*элик*) и лосей (*пулан*). На всех этих животных охотились ради мяса и шкур. Зимой охотились на пушного зверя. Самым ценным считался мех черной лисы (*кара тўлкү*), которая водилась преимущественно по долине Башкауса. Мех простой лисы ценился гораздо меньше, чем черной лисы, за шкурку которой давали 150–200 рублей. На соболей, которых стало намного меньше, охотились в горах около Катунь, Сумулты, Аргыта и в верховье Ульбы. Соболя ловили охотничьей сетью, к концам которой прикреплялись маленькие колокольчики, по их звону охотник определял участок, где зверек пытался прорваться. В тех же горах и в черневой тайге охотились также на белок и куниц. По долине р. Лебеди чалканцы летом охотились на лосей и оленей, а зимой на пушных зверей. За зиму охотник добывал в среднем 100 белок и 7–10 куниц. Соседние тубалары и кумандинцы охотились, в основном, на белку и куницу, преимущественно для уплаты подати (ясака). Летом на охоту ездили верхом поодиночке, а зимой в богатые дичью местности охотники отправлялись небольшими группами на лыжах, имея при себе маленькие сани-сапки с запасом еды и питья. В черневом районе встречались охотники, убившие по 150–200 медведей [Радлов 1989: 156–157, 212–214; Ядринцев 1881: 239].

О средствах охоты в начале XIX в. А.М. Горохов писал следующее: «Стреляют зверей из ружей с фитилем, также из винтовок и луков или бросают отравы, ловят капканами и пастями по логовищам, и для того держат привычных собак» [Горохов 1840: 227]. В середине XIX в. при охоте на крупного зверя алтайцы употребляли только ружья. Алтайские

ружья представляли собой, чаще всего, переделанные старые солдатские винтовки. Охотники обращались со своими фитильными ружьями очень ловко и умело, могли делать два-три выстрела в минуту. Кроме того, у них имелись ружья меньшего размера для стрельбы с лошади [Радлов 1989: 157–160]. По записям Н.М. Ядринцева на 1880 г., у местных охотников имелись также турки – фитильные ружья китайского производства. Для фитиля употребляли лыко растения *тая*, которое после смачивания в растворе с порохом горело, как трут. Жители долин Башкауса, Чуи и Катунь пользовались порохом и железными пулями собственного производства [Ядринцев 1882: 30–31]. К концу XIX в. охотники чаще всего стали употреблять кремневые ружья [Швецова 1898: 29].

В связи с уменьшением пушного зверя местные жители пытались регулировать сезон охоты. «Под влиянием заметного уменьшения зверей, в последние годы стали составлять общественные приговоры, хоть несколько ограничивающие существовавший ранее произвол отдельных личностей; так, в прошлом [1896] году на общем съезде всех 7-ми алтайских дючин был постановлен приговор, по которому охотиться на маралов-самцов можно только весною, когда рога самцов достигают значительной величины и могут идти в продажу, а на самок – в конце лета, так как к этому времени телята уже достаточно окрепнут; за убийство марала в другое время виновный уплачивает штраф от 40 до 60 р.», – отмечала М. Швецова [Швецова 1898: 29]. По данным на 1896 г., охотой и кедровым промыслом занимались 84% всех хозяйств. Наибольшее распространение эти промыслы получили в черневом, правобережном и левобережном районах Горного Алтая. По данным 8-й ревизии (1832 г.), алтайцами-охотниками было добыто около 100 тыс. шт. пушнины, а в 1896 г. в Горном Алтае было заготовлено 873 тыс. «беличьих единиц» [Екеев 1991: 34; Сатлаев 1991: 112]. Широкое применение огнестрельного оружия привело к значительному уменьшению дичи, особенно соболя, лисицы и белки.

Собирательство. Рыболовство. В алтайском хозяйстве важным подспорьем было собирательство. В апреле–мае женщины и дети приступали к сбору лилии (*кандыка*) и сараны (*саргая*, *чомура*). Их корнеплоды выкапывали специальным инструментом (*озупом*). За день один человек мог накопать до одного ведра кандыка, корнеплоды которого затем мыли, нанизывали в связки и сушили. После просушки их мололи на зернотерке или ручной мельнице, из муки пекли лепешки, а крупу добавляли в суп. О важности промысла кандыка свидетельствует народный календарь, в котором есть месяц кандыка – *кандык ай*, приходившийся на апрель. Меньшее значение имела сарана, корни которой заготавливали в июне. Среди местных жителей, особенно таежного и правобережного районов, были распространены заготовки черемши

(калбы), дягиля, дикого лука и чеснока, ревеня и других съедобных растений. Летом собирали также дикорастущие ягоды, плоды и лекарственные травы. Но по мере развития земледелия и огородничества собирательство среди оседлого населения постепенно уменьшалось.

Значительным источником дохода жителей черневой тайги от Телецкого озера до Катуня и других мест, покрытых кедровыми лесами (*мош агаи*), являлись кедровые орехи (*кузук*). В урожайные годы большие деревья давали до 30 пудов ореха. Цены на кедровые орехи были довольно высокими из-за большого спроса среди русского населения. В урожайный год два человека за день могли собрать 20–30 пудов орехов; на 1 работника приходилось 3–5 рублей заработка в день. А в неурожайные годы сбор кедрового ореха становился более тяжелым занятием [Радлов 1989: 218]. По данным на 1832 г., алтайцами-промысловиками было заготовлено около 10 тыс. пудов кедрового ореха, а в 1889 г. – примерно 54 тыс. пудов [Сатлаев 1991: 112; ГАТО 234. Оп.1. Д.89. Л. 839–944]. Наибольшие заготовки произвели жители 1-й, 4-й и 5-й дючин (соответственно 9630, 5640 и 6060 пуд.) и четырех черневых волостей (19 тыс. пуд.). Ощутимыми были заготовки кедрового ореха и среди населения 2–3-й и 7-й дючин (от 3000 до 4000 пуд.). Следует сказать, что собирательство, как и рыболовство, было широко распространено среди местного русского населения.

Рыболовством (ловлей тайменя, ускуча, щуки, хариуса), по описанию В. Радлова, занимались жители таежной части Горного Алтая – кумандинцы, тубалары и чалканцы [Радлов 1989: 214]. В 30-х гг. XIX столетия в среднем за год они отлавливали от 910 до 1610 пудов рыбы [Сатлаев 1991: 113]. В XIX в. местными властями делались попытки развития рыбного промысла. В 20-х гг. XIX в. западно-сибирский губернатор П.М. Капцевич распорядился основать казачье поселение на берегу Телецкого озера для массовой ловли сельди и другой рыбы. Казаки проложили дорогу от устья Кебезенья до Телецкого озера и в 1822 г. около озера построили поселок. В первый промысловый сезон казаки выловили 6290 шт. рыбы, во второй – 5400. В последующие годы улов рыбы сильно сократился, вынудив казаков отказаться от рыбного промысла. В 80-х гг. XIX в. инженер Абрамов наладил производство консервов из телецкой сельди, поставлявших в Омск и другие города. Но после его кончины производство консервов прекратилось [История 1995: 56].

Пчеловодство. В середине XIX в. для части жителей таежного района выгодным промыслом была добыча роев диких пчел и их продажа (по 1 рублю за рой) вместе с медом местным купцам [Радлов 1989: 217]. Но среди оседлого населения стало развиваться пчеловодство, которым к концу XIX в. занимались 11,5% всех хозяйств [Швецов 1900: 356]. По отдельным этническим группам выглядело так:

Группы населения	Хозяйств, с пасаками		В них ульев	
	Абс.	%	всего	на 1 хоз.
Алтайцы	185	3,3	3452	18,9
Русские старожилы	231	47,8	6103	26,4
Русские новоселы	483	29,9	14232	29,7

Приведенные данные показывают, что пчеловодство было хорошо развито у русских старожилов, около половины их хозяйств имели пасеки. Среди алтайцев пчеловодство стало распространяться во второй половине XIX в. Пчеловодством занимались преимущественно алтайцы оседлых селений (около 10% хозяйств), а у русского населения – жители заимок (51–60% хозяйств). В порайонном разрезе пчеловодство наибольшее распространение получило в черневом и правобережном районах, где удельный вес пчеловодов в 1896 г. составил соответственно 21,6 и 16,5% всех хозяйств, в т.ч. 10,5 и 8% алтайских хозяйств [Швецов 1900: 357–360].

Для ульев использовали осиновые и лиственничные колоды, но в некоторых местах, например, в селах Ильинском и Могойте, появились рамочные ульи. Обычно в пасеке пчеловода-алтайца имелись подвал для зимнего хранения ульев с пчелами и односкатный навес для хранения пустых колод, а русские крестьяне пасеки устраивали в заимках, где нередко строили избы и помещения для скота. Пчеловодство алтайцев не имело товарного значения, т.к. мед уходил на собственное потребление. В среднем с одной колоды собирали 15–20 фунтов (до 8 кг) меда, а к концу 1890-х гг. сборы меда снизились до 10 фунтов. Основным рынком сбыта продуктов пчеловодства являлось село Улалинское, где в 1896 г. цена на мед составила 7 руб. за пуд, хотя в предыдущие годы она не превышала 3–3,5 руб. Пуд воска стоил обычно 18–20 руб. [Швецов 1900: 361].

Домашние ремесла. Вплоть до последней четверти XIX в. большинство хозяйств алтайского и русского населения имело натуральный характер, поскольку продукты сельского хозяйства шли на собственное потребление или осуществлялся их простой обмен между хозяйствами. Продукты скотоводства и земледелия получали в рамках домашнего производства. В каждом хозяйстве занимались выделкой кожи, катанием войлока, свиванием арканов и т.д. Преимущественно это входило в обязанность женщины и подростки. Осенью женщины брались за выделку и дубление овчины. Из шкур крупного скота получали сыромятную кожу, из которой изготавливали кожаные сосуды, переметные и другие сумы, обувь, сбрую и т. д. Из овечьей шерсти делали войлоки, которые шли на изготовление кошмы, ковров, потников и др. Большие войлоки для покрытия юрты катали на лошадях, а мелкие – вручную. Из конских волос производили арканы, вожжи, недоуздки, уздечки, а волосяные

нити употреблялись для прошивания бересты юрт, туесков и войлока. Из выделанной шкуры крупного скота делали кожаные арканы, плети, недоуздки, уздечки. Среди кумандинцев, тубаларов и местных телеутов было распространено ткачество. Основным сырьем для получения полотна служили овечья шерсть, конопля и крапива.

К середине XIX в. сложилась группа профессиональных кустарей – мастеров по дереву. Они делали решетки и другие конструкции для войлочных юрт, сундуки, вешалки, различную посуду, курительные трубки, седла, а также лыжи и земледельческие орудия. Среди алтайцев исстари было развито кузнечное ремесло. Алтайские кузнецы считались большими мастерами по закалке, ковке и пайке железа, их изделия пользовались большим спросом. Они делали ножи, топоры, огнива, стремяна, удила, резак, инструменты для выдалбливания и обработки дерева. Самым трудным для кузнецов являлось изготовление фитильных ружей путем переделывания старых солдатских ружей. Среди них были мастера по производству пороха (из селитры, серы и угля). По рассказам путешественников, алтайские кузнецы тщательно скрывали месторождения железа и селитры, поскольку добыча руд являлась монопольным правом Горного правления Кабинета [Радлов 1989; Ядринцев 1881; 1891]. Гораздо в меньшей степени было развито ювелирное дело, потому что женские и другие украшения традиционно поставлялись из соседней Монголии и Китая. Тем не менее, местные мастера делали серебряные перстни, серьги, украшения для седел, уздечек, недоузdkов, чепраков и упряжи.

2.5.4 Торговля и обмен

Восстановление сельского хозяйства и промыслов сопровождалось оживлением обмена и торговли между жителями разных районов Горного Алтая, с русскими казаками и крестьянами соседних предгорных сел и станиц. «Рогатый скот нередко скупают и у двоеданцев, и потом перепродают его гуртом русским купцам, в большом количестве. Скот этот распродается также по прилегающим к Алтаю заводам и рудникам, а лошади нередко высылаются на продажу и в Пермскую губернию... Калмыки [алтайцы] выменивают также у двоеданцев портищами, мерою 7–8 аршин, небольшое количество серебра и китайский курительный табак. Сами же доставляют юфти, соболей посредственной доброты, шелковые и бумажные платки, кремни, укладь, железо, сукно, медные деньги, стеклянные корольки, серу и некоторые из европейских мелочных вещей, которые покупают, или выменивают у русских купцов. Все означенные статьи торговли идут у тех и других для домашнего обихода. А небольшие излишки меняются и продаются: калмыками русским, а двоеданцами монголам, расположенным на караулах по границе», – писал А.М. Горохов [Горохов 1840: 226–228]. Меновая торговля осуществля-

лась и между жителями долин Бии и Чолушмана. Так, по наблюдениям В. Радлова, часть жителей сел, расположенных в верховье Бии, переправляли «к Чолушману и до китайской границы, к союнам русские товары». В обмен они получали шкуры, войлок и пушнину [Радлов 1989: 216].

Богатые алтайцы-скотоводы, имевшие большие стада, продавали приезжим и местным торговцам лошадей, крупный и мелкий рогатый скот. Одной из существенных статей дохода богачей служила продажа рогов (пантов) маралов. Русские охотники села Уймона продавали китайцам панты от 50 до 100 руб. за целые рога [Ледебур 2004: 115–116, 132]. В записках А. Бунге приводится случай, когда в долине Ейлагуша местные охотники убили двух маралов-самцов, затем рога (панты) продали теленгитам, живущим около монгольской границы, «за 25 штук синей хлопчатобумажной материи – «китайки», причем штука считалась дороже 5 руб.» [Бунге 2004: 333].

В XIX в. при оценке цены товаров наиболее употребительным денежным эквивалентом служил «баш» (голова), равный цене одной овцы примерно в 4–5 руб. Например, тоненький кирпич чая стоил один баш, а толстый – два баша, кусок синей хлопчатобумажной ткани – один баш. А русские медные деньги ценились алтайцами больше как товар, используемый в качестве украшения к женскому поясу. В торговле между алтайцами и чуйскими теленгитами основной единицей служил «болчок», который соответствовал 5 китайским лянам [Бунге 2004: 307].

Основными продуктами меновой торговли жителей горно-таежной (черневой) части Горного Алтая являлись пушнина и кедровый орех. Добыча пушнины, заготовка кедрового ореха и их сбыт первоначально служили выгодным занятием, способствовавшим благосостоянию местных жителей. Так, в первой половине XIX в. заготавливаемый в черневой тайге кедровый орех алтайцы сбывали жителям Колыванских фабрик и г. Бийска. Для поставки ореха осенью снаряжались караваны из 15 лошадей, груженные орехом. В обмен приобретали ячмень, табак и другие припасы [Потанин 1859: 95]. Но по мере расширения ростовщической торговли эти промыслы, как отмечали В. Радлов и Н.М. Ядринцев, превратились в источник обогащения купцов и средство закабаления жителей черневой тайги [Радлов 1989: 219; Ядринцев 1882: 42]. Проехав по Горному Алтаю в 1880 г., Н.М. Ядринцев пришел к следующему заключению: «Таким образом, мы заметили во всех слоях русских одинаковое стремление к наживе за счет инородца, которое не могло не угрожать его быту и материальному благосостоянию» [Ядринцев 1882: 44].

Во второй половине XIX столетия, с отменой крепостного права и развитием российского капитализма вширь, местная торговля заметно оживилась. К тому же по Чуйскому тракту, проходившему через терри-

торию Горного Алтая, возросли объемы торговли с западной Монголией. Это способствовало возникновению сети оседлых населенных пунктов на тракте: Шебалино, Ангудай, Кош-Агач и т.д. Главным торговым центром северной части Горного Алтая становится село Улалинское, где имелись торжки и действовала зимняя Никольская ярмарка (с 6 по 20 декабря). Сюда приезжали алтайцы черневого района и русские крестьяне ближайших селений для продажи и обмена пушнины, меда, воска на необходимые промышленные товары и кустарные изделия. А в центральной части Горного Алтая возросло значение села Ангудай, где находилась таможня, и с 1886 г. стала проводиться постоянная зимняя ярмарка (15–21 декабря). В первый год оборот этой ярмарки составил 1200 руб. [ГАТО. Ф. 234. Оп. 1. Д. 114. Л. 34–35]. По данным на 1899 г., в Горном Алтае было зарегистрировано около 50 торговцев с общим годовым оборотом в 75 тыс. руб. [ЦХАФАК. Ф. 192. Оп. 1. Д. 31. Л. 65–120].

Богатые алтайцы и русские крестьяне, имея большое количество скота, вели торговлю им. Так, например, Павел Туйтыш (5-я дючина) и Бодя Туушин (2-я дючина) ежегодно продавали по 200–250 голов крупного скота, а братья Кульджины (7-я дючина) – по 150–200 голов скота. Если взять все население Горного Алтая, то в 1896 г. им было продано и отдано за долги 1933 лошади, 7372 голов крупного и 9014 голов мелкого рогатого скота. В среднем на наличное хозяйство приходилось 2,8 головы крупного скота (в переводе всего скота на крупный). А на собственные нужды (пропитание и др.) населения потреблено соответственно 5459, 5376 и 31472 голов указанных видов скота, что в среднем на хозяйство составило 2,7 головы крупного скота [Швецов 1900: 354–355].

Торговля скотом была ориентирована на внешний рынок. Основное поголовье продаваемого скота закупали купцы из крупных городов Сибири и Урала. В путевом дневнике П. Чихачева есть такое свидетельство: «На западном берегу озера Кеньги, вдоль которого лежал наш путь, мы наткнулись на палатки. Их поставили русские купцы из Томска, живущие здесь уже несколько месяцев. Им нужно было приобрести скот для города, где близость разработок золотоносного песка предоставляла им очень выгодный рынок для сбыта мяса. Все русские купцы говорили по-алтайски свободно» [Чихачев 1974: 383]. Приезжие торговцы закупали в основном лошадей и КРС, причем на наличные деньги. А местные скупщики предпочитали обмен скота на промышленные товары, задавали их вперед и т.д. Покупаемый в Горном Алтае скот реализовывался на рынках Бийска, Барнаула, Томска, Иркутска и на приисках Енисейской губернии. Часть закупленного скота перегоняли в Восточную Сибирь через Монголию [Швецов 1900: 355].

2.5.5 Социальное и имущественное расслоение населения

Социальная структура алтайского общества основывалась на сословно-правовом и экономическом (имущественном) положении разных групп населения, на многообразии их социально-экономических отношений. Как известно, алтайцы, после принятия российского подданства в 1756–1757 гг., сохранили права на внутреннее общественное управление согласно нормам своего обычного права [Спасский 2004: 24]. В XIX в. среди алтайцев сохранялась знатная верхушка (зайсаны, демичи), происходившая из старинных княжеских кланов (фамилий) [Радлов 1989: 126]. Алтайские зайсаны имели чин майора и потомственное дворянство [Бунге 2004: 256; Ядринцев 1891]. На знатную верхушку (зайсанат) общества возлагались обязанности по решению административно-судебных и хозяйственных вопросов в дючинах и волостях [Горохов 1842: 205, 218; Швецов 1900: 232, 236]. Однако с 1879/1880 г. (после принятия положения «О преобразовании общественного управления государственных крестьян Западной Сибири») должности зайсана и демичи стали выборными на определенный срок – три и один год соответственно. Кроме того, в официальных документах зайсаны стали называться родовыми старостами, а демичи – помощниками родовых старост. Новые условия позволяли губернской и окружной администрации не только утверждать вновь избранного зайсана, демичи и шуленги, но и отстранять их от должности. В реальной жизни установился известный компромисс между старым и новым порядками. Так, действующего зайсана по истечении трех лет вновь выбирали, и так продолжалось до его смерти или пока он сам не отказывался от должности. Поэтому вплоть до конца XIX столетия во главе большинства алтайских дючин и кочевых волостей стояли потомственные зайсаны и демичи.

В последней четверти XIX столетия в составе крупных скотоводов, по преимуществу относившихся к знатной верхушке алтайцев, появляются богачи – баи нового предпринимательского типа, которые стали заниматься товарным скотоводческим хозяйством. Этот тип хозяйства был распространен в селениях, расположенных около Чуйского, Уймонского и других трактов. Предприимчивые баи разводили лошадей, быков и овец на продажу, применяли труд пастухов и других наемных работников. Ниже приводим данные на 1889 г. о количестве скота в наиболее крупных хозяйствах:

Владелец	Долина, урочище	Лошадей	КРС	МРС
Т. Илбыдин	Большая Черга	2000	600	300
Б. Тюкуев	Ябоган	2000	130	70
Б. Туушин	Кеньга	1500	200	150
С. Чунюш	Баргыста	1300	250	300
И. Киймашев	Ябоган	1000	100	1000
М. и А. Кульджины	Каерлык	600	350	500
П. Маскачаков	Карагол	700	150	150
А. Сыргак	Иня	100	30	2000

Источник: ГАТО. Ф. 234. Оп. 1. Д. 89. Л. 839–944

В противоположность баям нового типа образуется группа сельских батраков (*јалчы*), пополнявшаяся из среды разорившихся бедняков (*јокту*). Батрачество было представлено в основном пастухами (*малчы, койчы*) и домашней прислугой. Часть обнищавших бедняков пополняла ряды пауперов (*тербезен, баскын*), т.е. обездоленных бесправных членов общества. К данному слою бедноты относились также *кулы* – нищие, находившиеся в личной зависимости от богачей и выполнявшие тяжелую работу лишь за скудное питание, поношенную одежду и угол для жилья [Радлов 1989: 154]. По этому поводу Н.М. Ядринцев писал: «Рядом с разорением калмыков [алтайцев], среди них появился пролетариат, лишившийся скота, похожий на киргизских джатаков. Наконец, в последнее время развелось в Алтае конокрадство, как результат, с одной стороны, нищеты и бездомности, а с другой – по наущению русских спекулянтов, приобретать чужой скот, не заботясь о его принадлежности» [Ядринцев 1891: 106]. Многие исследователи (В. Радлов, Н.М. Ядринцев, Е.И. Луценко, М. Соболев, С.П. Швецов) отмечали обнищание значительного слоя алтайского населения во второй половине XIX в. и связывали это, прежде всего, с проникновением в его среду торгово-ростовщического капитала.

В рассматриваемое время традиционное алтайское общество трансформировалось в сторону формирования элементов мелкотоварных, капиталистических отношений. Однако в нем сохранялись и значительные группы бедняцких и середняцких хозяйств. Бедняцкие хозяйства имели 1–2 рабочие лошади, до 6 голов крупного (1–3 коровы) и до 10 голов мелкого рогатого скота, а также до 0,5 дес. посева (среди земледельцев). Средняки (*талортолу*) жили за счет собственного хозяйства и результатов труда членов своей семьи, хотя иногда, из-за нехватки рабочих рук, они прибегали к «помочам» (*болыш*) или использовали труд бедняков. К середняцким относились хозяйства, имевшие примерно 10–50 лошадей (3–15 рабочих), 6–20 крупного (4–10 коров) и до 100 мелкого рогатого скота, а также от 0,5 до 2,5 дес. посева (среди земледельцев). По имущественному положению середняки разделялись на маломощный и зажиточный слои. Маломощная часть середняков, как и беднота, вынуждена была обращаться, например, к временному пользованию лошадьми и коровами богачей. А зажиточные середняки втягивались в рыночные, мелкотоварные отношения, хотя основная их часть сохраняла натуральный строй хозяйства. Байские хозяйства обладали сотнями, а некоторые – тысячами голов скота.

Для анализа имущественного положения алтайского и русского населения использованы материалы обследования 1896 г., которые дают представление о масштабах расслоения населения Горного Алтая. При

изучении данного вопроса наиболее показательным критерием является группировка хозяйств по обеспеченности рабочими лошадьми и крупным рогатым скотом, так как в сельском хозяйстве (поголовье скота, структуре стада и реализуемой на рынке продукции) доминировали коневодство и мясомолочное скотоводство. Среди алтайцев бедняцко-батрацкая группа составляла 45–50% всех их хозяйств (см. табл. 3–5), середняцкая – 41–48% и байская группа (имела свыше 15 рабочих лошадей и более 20 КРС) составляла 7–9% хозяйств. По приблизительным подсчетам, в бедняцких хозяйствах находилось около 3% всех лошадей (в т.ч. 8% рабочих) и 12% КРС. Средняцкие хозяйства владели 21% лошадей (35% рабочих) и более 35% КРС. А в зажиточно-байских хозяйствах было сосредоточено уже большинство поголовья скота алтайского населения: 65% лошадей, 53% КРС и 56% овец и коз.

Таблица 3. Группировка алтайских и русских хозяйств по рабочим лошадям (РЛ)

Группы по рабочим лошадям	Алтайцы				Русские крестьяне			
	Хозяйств		Лошади	Рабочие	Хозяйств		Лошади	Рабочие
	Абс.	%	%	%	Абс.	%	%	%
Всего	5537	100	100	100	2100	100	100	100
Без РЛ	588	10,6	-	-	102	4,9	-	-
1–2	1913	34,5	2,7	8,6	653	31,1	4,6	11,0
3–10	2315	41,9	21,0	35,3	1139	54,2	45,3	58,0
10–15	321	5,8	10,7	11,4	139	6,6	50,1	31,0
15 и более	400	7,2	65,6	44,7	67	3,2		

Источник: Швецов 1901: 308

Примечание: В настоящей и последующих двух таблицах данные об удельном весе скота по отдельным группам исчислены автором.

Таблица 4. Группировка хозяйств по крупному рогатому скоту (КРС)

Группы по КРС	Алтайцы			Русские крестьяне		
	Хозяйств		КРС	Хозяйств		КРС
	Абс.	%	%	Абс.	%	%
Всего	5537	100	100	2100	100	100
Без КРС	452	8,2	-	152	7,2	-
1–4	1372	24,8	4,8	577	27,5	6,1
4 – 6 гол.	936	16,9	6,7	286	13,6	6,0
6–15	1984	35,8	27,9	697	33,2	26,8
15–20	301	5,5	7,3	132	6,3	9,0
20–50	395	7,1	18,0	214	10,2	32,5
50 и более	97	1,7	35,2	42	2,0	19,6

Источник: Швецов 1901: 308

Таблица 5. Группировка хозяйств по мелкому рогатому скоту (МРС)

Группы по МРС	Алтайцы			Русские крестьяне		
	Хозяйств		МРС	Хозяйств		МРС
	Абс.	%	%	Абс.	%	%
Всего	5537	100	100	2100	100	100
Без МРС	2691	48,6	-	1026	48,9	-
До 10 голов	427	7,7	0,2	497	23,7	12,5
10 – 30	963	17,4	11,1	409	19,5	37,5
30 – 100	965	17,4	32,6	146	6,9	33,7
100 и более	491	8,9	56,1	22	1,0	16,3

Источник: Швецов 1901: 308

Среди русских крестьян бедняцкие хозяйства (без лошади / коровы, с 1–2 рабочими лошадьми и 1–4 КРС) составляли 35–36%, середняцкие (3–10 раб. лошадей, 4–20 КРС) – 53–54% и зажиточно-кулацкие – 10–12% всех русских хозяйств. Если в бедняцких хозяйствах находилось около 5% лошадей (11% рабочих) и 6% КРС, то в середняцких – 45% лошадей (58% рабочих) и 42% КРС. Зажиточно-кулацкие хозяйства имели более половины всех лошадей, крупного и мелкого рогатого скота русской части населения Горного Алтая.

Приведенные данные следует дополнить показателями обеспеченности посевами различных групп населения Горного Алтая (см. табл. 6). У алтайцев свыше 51% хозяйств вообще не имели посева. Среди хозяйств, занимавшихся земледелием, большинство (59%) имело от 0,5 до 2,5 дес. посева, около трети (31%) – от 0,1 до 0,5 дес. и десятая часть имела свыше 2,5 дес. посева. У русского населения 40% хозяйств не имели посева, а среди занятых земледелием 10% хозяйств имели меньше 1 дес. посева, 60% – от 1 до 5 дес. и 30% хозяйств имели более 5 дес. посева.

Таблица 6. Группировка хозяйств по размерам посевов

Группы	Всего хоз.	без посева	с посевом	менее 0,5 дес.	0,5 – 1,0	1,0 – 2,5	2,5 – 5,0	5,0 – 10,0	10 и более
Алтайцы	5537	2829	2708	819	803	825	200	55	6
			100%	30,3	29,6	30,5		9,4	0,2
Русские крестьяне	2100	840	1260	40	84	347	416	321	52
			100%	3,2	6,7	27,5	33,0	25,5	4,1

Источник: Швецов 1901: 309

Вышеуказанные социально-имущественные группы алтайского общества являлись носителями докапиталистических (патриархальных), мелкотоварных и примитивно-капиталистических отношений. В докапиталистические формы отношений входили раздача рабочего и продуктивного скота во временное пользование (содержание), помочи, отработки и их всевозможные сочетания.

Раздача байского скота во временное пользование являлась пережиточной формой патриархально-родовой взаимопомощи. Так, согласно обычному праву, бедняк, лишившийся скота в результате стихийного бедствия или другого сложного обстоятельства, обращался за помощью к богатому сородичу, а последний оказывал поддержку в виде отдачи определенного количества скота безвозмездно или на временное пользование. Во втором случае, например, дойную корову давали для потребления ее молока («*саап ичер*»), а рабочую лошадь – для езды или использования в качестве тягловой силы («*аттыг тери, кўчи*»). За это бедняки обязывались пасти скот или отработать в сенокосно-уборочную страду, либо прислуживать в домашнем хозяйстве богатого сородича. Под воздействием набравшего силу капиталистического рынка патриархальные отношения постепенно трансформировались в отношения найма – сдачи в наём средств производства (скота) и наемного труда. Так, например, в 80-х гг. XIX в. богатые алтайцы за пользование лошадью для езды брали плату от 4–5 до 6 руб. в год [ГАТО. Ф. 234. Оп. 1. Д. 89. Л. 854–855, 900–951, 926, 941]. В напряженные посевную, сенокосную, уборочную поры и при изготовлении продуктов скотоводства (кошмы и др.) широко практиковались помочи и супряги. Бедняцко-середняцкие помочи и супряги были формами родственной и соседской взаимопомощи. В среде русских крестьян помочи и супряги были также широко распространены.

К найму пастухов обращались богатые алтайцы, имевшие большие табуны лошадей и стада рогатого скота. Условия найма были различными: на год, полгода, ежемесячно. Например, у братьев Манджи и Аргымая Кульджиных, живших в долине Кайырлыка, пастухи-табунщики были годовые, получали по 4 рубля в месяц, а пастухов крупного рогатого скота нанимали на полугодие (на лето и зиму), платили по 30 коп. с головы скота. Пастухи обычно получали еще по 20 пуд. ячменя и двух лошадей для езды. Кроме того, за пастьбу стада бычков (1–1,5 годовалых) для продажи пастуху платили по 1 руб. с головы, но он обязан был заготовить достаточное количество сена для подкормки бычков в период зимней бескормицы. У Кульджиных было 3 табунщика для всех лошадей и 9 пастухов для пастьбы стад быков (в каждом стаде до 100 голов). Пастухи за свой труд брали плату не деньгами, а скотом, который пасся вместе с хозяйским стадом [Швецов 1900: 348–349].

В русских селах пастухов нанимали чаще всем обществом, например, в Черном Ануе, Мариинске и Ильинском общественные пастухи на своих харчах получали от 15 до 30 коп. с головы крупного и мелкого рогатого скота. Обычно пастухи пасли овец с конца марта до начала ноября (от Пасхи до Михайлова дня). Богатые русские крестьяне имели индивидуальных пастухов, например, житель Чемала Старыгин платил за летнюю пастьбу лошадей и быков 15 руб. деньгами и 10 пуд. ячменя, при этом пастух пользовался молоком от 3 коров и ездил на лошади хозяина [Швецов 1900: 377–378].

По данным обследования 1897 г., в Горном Алтае было учтено примерно 144 профессиональных пастуха (почти исключительно алтайцев), нанимавшихся к богатым алтайцам и русским крестьянам. Кроме таких пастухов существовала категория наемных рабочих, трудившихся на условиях срочной, поденной и сдельной оплаты. У них «в ряду различных отраслей их труда» известную долю составляла пастьба скота. Свою рабочую силу отдавали наемному труду 12% алтайских и 24% русских хозяйств, а нанимали рабочих (срочных, поденных) соответственно 12 и 19% хозяйств [Юхнев 1903: 153–154].

В целом, анализ материалов показывает, что в XIX столетии в алтайском обществе происходило имущественное и социальное расслоение. Под влиянием торгово-рыночных отношений, как результата развития русского капитализма вширь, происходила трансформация натуральных хозяйств в полунатуральные, мелкотоварные хозяйства, складывались новые социальные слои: байство предпринимательского типа и сельское батрачество. Среди части байских хозяйств, ориентированных на товарное скотоводство, стал использоваться труд батраков, главным образом постоянных и сезонных пастухов. Местные русские крестьяне были неразрывной частью сибирского крестьянства и во второй половине XIX в. его социальная структура изменялась в едином русле развития аграрного капитализма в Сибири.

ГОРНЫЙ АЛТАЙ В КОНЦЕ XIX — НАЧАЛЕ XX ВВ.

3.1. Административные преобразования и изменение системы местного управления

3.1.1 Система местного управления в конце XIX в.

В конце XIX в. территория Горного Алтая в административном отношении входила в состав Бийского уезда Томской губернии. Высшим административно-полицейским органом губернии являлось губернское управление. 1 июня 1895 г. на основании высочайше утвержденного мнения Государственного совета был принят закон «О преобразовании губернских установлений ведомства министерства внутренних дел в губерниях Тобольской, Томской, Енисейской и Иркутской и об утверждении штата означенных установлений», реорганизовавший систему губернского управления. Теперь губернское управление состояло из губернатора, общего присутствия и канцелярии. Вопросы, касающиеся основных податных категорий сельского населения – русских крестьян и коренных жителей, решались в крестьянском отделении канцелярии и на заседаниях общего присутствия по крестьянскому отделению. Возглавляли крестьянское отделение непременные члены по крестьянским делам. Обязанности между непременными членами (их было двое) распределялись по уездам. В ведении первого находились Барнаульский, Змеиногорский, Бийский и Кузнецкий уезды, второго – остальные уезды [Палин 2004: 30–32, 53, 54, 93, 95, 125].

2 июня 1898 г. вступило в действие «Временное положение о крестьянских начальниках», изменившее систему управления крестьянским и коренным населением Горного Алтая на уездном уровне. Если раньше коренное население находилось в ведении окружного (уездного) полицейского управления, а крестьяне – чиновников по крестьянским делам и окружного по крестьянским делам присутствия, то теперь те и другие были подчинены одним и тем же административным органам: крестьянским начальникам, уездному съезду крестьянских начальников. «Заведо-

вание общественным управлением сельских обывателей, а также обязанности по устройству быта этих обывателей и переселенцев и по управлению и суду инородцев», – говорилось в положении, – возлагается на крестьянских начальников, уездные съезды крестьянских начальников и губернские управления [Временное 1910: 165].

Территория Бийского уезда была разделена вначале на три, затем – на четыре участка. Первый и второй участки крестьянских начальников охватывали в основном степные районы Бийского уезда, заселенные преимущественно русскими крестьянами. Население Горного Алтая входило в третий и четвертый участки. Резиденция 3-го крестьянского участка находилась в с. Улале, 4-го – в с. Алтайское [Майдурова 2000: 25–27, 119; Майдурова 2006: 181–183].

Крестьянские начальники получили большие права по управлению русскими крестьянами и коренными жителями. Они занимались вопросами экономического, финансового и культурного положения этих сословий, осуществляли контроль за сбором государственных податей и исполнением повинностей. Расходование мирских капиталов, как и использование хлеба из запасных магазинов, осуществлялось с разрешения крестьянских начальников. Они утверждали приговоры волостных сходов, контролировали их повестки дня, осуществляли надзор за волостными судами, ревизовали волостные суды, сельские и волостные правления. Крестьянские начальники могли подвергнуть должностных лиц сельского, волостного крестьянского и «инородческого» управления (без формального производства) следующим видам взысканий: замечание, выговор, денежный штраф не свыше пяти рублей, арест на время не свыше семи дней, временное отстранение от должности и др.

Следующим звеном системы управления после крестьянских начальников был уездный съезд крестьянских начальников. Членами его были крестьянские начальники уезда по очереди, уездный исправник, податные инспектора, представитель Главного управления Алтайского округа. Делопроизводством уездного съезда занимались секретарь и канцелярия. Съезды принимали решения по всем важнейшим вопросам, отнесенным к ведению крестьянских начальников, и являлись второй после крестьянских начальников апелляционной инстанцией при разрешении крестьянских и «инородческих» дел [Временное 1910: 165–180].

Основные принципы низового звена административного управления коренными народами Сибири, заложенные в «Уставе» 1822 г., продолжали действовать. В 1892 г. главные положения «Устава» с небольшими дополнениями и изменениями были повторены в новом законе – «Положении об инородцах». На основании этого закона коренное население Бийского уезда было причислено к двум разрядам: оседлому и кочевому. Административно кочевники были объединены в начале XX столетия в 16 административных единиц: 1–7-я алтайские дючины, 1-я и

2-я Чуйские, Комляжская, Кергежская, Кузенская, Южская, Верхне-Кумандинская, Нижне-Кумандинская и Тогульская (2-я половина) волости. Категория «оседлых инородцев» составляла пять инородных управ: Быстрянская, Сарасинская, Мыютинская, Уймонская и Улалинская. Статья 16 «Положения об инородцах» гласила, что «все вообще оседлые инородцы сравниваются с Россиянами в правах и обязанностях по сословиям, в которые они вступят. Они управляются на основании общих узаконений и учреждений» [Положение 1910: 540]. Поэтому для «оседлых инородцев», живущих в деревнях, «Положением об инородцах» определялся волостной порядок управления, как у крестьян.

В конце XIX – начале XX вв. сословие крестьян Томской губернии управлялось на основании «Общего положения о крестьянах». Это означало, что одно селение или несколько ближайших между собой поселков составляли сельское общество. Сельское общественное управление включало в обязательном порядке сельский сход и сельского старосту. По своему усмотрению крестьяне могли иметь особых сборщиков податей, смотрителей хлебных магазинов, лесных и полевых сторожей, писарей и т.п. Несколько сельских обществ объединялись в волость. Волостное управление составляли волостной сход, волостной старшина с волостным правлением, волостной крестьянский суд. В волостное правление входили волостной старшина, все сельские старосты или помощники старшины, сборщики податей. Помимо строго определенных законов должностных лиц волостного управления крестьяне могли, как и в сельском общественном управлении, выбирать или нанимать других должностных лиц: особых волостных заседателей, церковных старост и попечителей, волостных писарей и т.д.

Крестьяне Горного Алтая на рубеже XIX – XX вв. не имели четко структурированной, как этого требовало «Общее положение о крестьянах», системы низового звена управления. Переселившиеся сюда крестьяне, как уже отмечалось во 2-й главе, до образования ими самостоятельных волостей были приписаны к ближайшим крестьянским волостям Бийского уезда и подчинялись их волостным администрациям. Волостные правления находились на значительном удалении от крестьянских поселений Горного Алтая, что затрудняло решение любых вопросов, требующих участия волостной администрации.

По мере возникновения в пределах Горного Алтая все новых поселений русских крестьян, возникла необходимость объединения их в крестьянские волости по месту проживания. Так, в период между 1901 и 1903 гг. из селений Нижнего Уймона (с выселками Терехтой, Чиндеком, Маргалой, Мультой, Усть-Мультой) и Катанды (с выселками Тюнгурским, Кызыльским) образовалась самостоятельная Катандинская волость. В 1906 г. была создана Шебалинская волость, в которую вошли несколько населенных пунктов (Черга, Шебалино, Камлак, Хабаровка и

др.), принадлежавшие ранее к Алтайской волости и т.д. [Майдурова 2000: 114; В составе 2004: 57, 77; ЦХАФАК. Ф. 170. Оп. 1. Д. 302. Л. 345; Д. 696. Л. 2; Коренные 2006: 117].

Специфика управления «оседлыми инородцами» Горного Алтая заключалась в том, что на них система крестьянского управления не была распространена, хотя «Положение об инородцах» требовало этого. Они управлялись на основании архаического приложения к статье 70 «Учреждения Сибирского». И даже требования этого закона в системе управления не соблюдались. По данному законоположению волостное правление «оседлых инородцев» должно было состоять из волостного головы, старосты и писаря, а управление сельским обществом – старшины и десятника. Десятник избирался на один год, остальные должностные лица – на три года с двумя на каждую должность кандидатами [Учреждение 1910: 529, 530]. Так, управление Мыютинской инородной управы составляли староста управы, кандидат (заместитель) старосты, писарь управы. Должностными лицами Мыютинского сельского общества были старшина и сборщик податей [ЦХАФАК. Ф. 185. Оп. 1. Д. 9. Л. 38].

В конце XIX – начале XX вв. в Горном Алтае ни структура, ни состав, ни принципы объединения категории «кочевых инородцев» в административные единицы, ни названия последних также не соответствовали нормам закона. По закону их административные единицы должны были называться инородными управами. Здесь же мы видим у кочевников волости и дючины.

«Положение об инородцах» предусматривало, что в инородную управу кочевого населения должны были объединяться стойбища и улусы одного рода. Можно подумать, что объединение в волость или дючину носило чисто родовой принцип, т.е. члены одного рода находились только в одной определенной административной единице. Но это было не так. Как отмечал С.П. Швецов, из тринадцати волостей и дючин, обследованных им в 1897 г., «нет ни одной, которая совпадала бы с одним сеоком: обыкновенно в состав дючины и волости входит более или менее значительное их число» [Швецов 1900: 99]. Этим же исследователем было установлено, что 27 сеоков встречались в одной какой-то волости или дючине, представители 41 сеока были представлены в различных волостях и дючинах [Швецов 1900: 100]. Иначе говоря, в каждой волости и дючине было объединено несколько родов (или их части). К примеру, 2-я Чуйская волость объединяла 10 родов (ак-кебёк, саал, могол, мундус и др.) [Луценко 1898: 16].

Объединение кочевого населения в административные единицы строилось по принципу приписки. Каждый кочевник был прикреплен к определенной дючине или волости и считался ее членом независимо от места жительства. «Территориального деления волостей в Горном Алтае нет, – писал начальник Алтайского округа В.П. Михайлов. – Нет како-

го-либо обособленного района, который принадлежал бы одной обособленной же административной группе» [Михайлов 1910: 196]. В административную единицу объединялась не территория, а только население. К примеру, большинство жителей д. Сайдыса (110 человек) было причислено к 1-й алтайской дючине, а остальные 42 человека – к четырем черневым волостям и 7-й алтайской дючине [ГАТО. Ф. 3. Оп. 45. Д. 1028. Л. 317] Анахронизм подобного административного устройства стал очевидным. Жители этого поселения, живя оседло и имея общие хозяйственные интересы, вынуждены были решать административные, судебные, налоговые вопросы в тех родовых управлениях, к которым они были приписаны.

В конце XIX – начале XX вв. состав родовых управлений дючин и кочевых волостей также не соответствовал требованиям закона. Имеющиеся в нашем распоряжении архивные документы о составе управлений алтайских дючин и чуйских волостей свидетельствуют, что в родовое управление входили зайсан (официально: родовой староста), его помощники, демичи, писари. На практике же, как отмечали исследователи, существовали и другие должности, созданные по инициативе населения. Из рапортов родовых управлений кочевого населения «о числе лиц, занимающих общественные должности по выбору и по найму» можно установить, что родовые старосты (зайсаны) алтайских дючин имели от одного до двух помощников и от трех до семи демичи [ЦХАФАК. Ф. 185. Оп. 1. Д. 9. Л. 34, 42, 43, 65; Д. 29. Л. 27–28; Майдунова 2000: 19]. Кроме того, существовали следующие должностные лица: в алтайских дючинах – шуленги (шуленга), арбанак; в чуйских волостях – кунди (кюнди) и бошко [Луценко 1898: 16–18; Швецов 1900: 231; Алтайцы 2005: 10].

Таким образом, административные органы низового звена управления у русских крестьян, оседлых и кочевых алтайцев отличались друг от друга как набором и количеством должностных лиц, так и принципами объединения в административные единицы. Если русские крестьяне и оседлые алтайцы причислялись к сельским поселениям и волостям, образованным по территориальному принципу, то кочевые алтайцы прикреплялись к кочевым волостям (дючинам), образованным по родовому принципу.

С началом массового переселения крестьян в регион, переходом на оседлый образ жизни значительной части кочевого населения, появлением смешанных (по этническому составу населения) оседлых поселений, усилением миграции населения по территории Горного Алтая все сильнее ощущалось неудобство, анахронизм существующей системы местного управления. Такая система управления значительно осложняла решение хозяйственных, налоговых, судебных вопросов, прежде всего, для местных чиновников. Однако ее неудобство ощущало само население.

Приведем два характерных примера. В 1899 г. возникла переписка между крестьянским начальником 1-го участка Бийского уезда и Томским губернатором в связи с тем, что родовой староста Верхне-Кумандинской волости просил разъяснения о своих обязанностях по отношению к проживающему среди кумандинцев русскому населению. По ранее введенной традиции Бийское уездное полицейское управление часто привлекало родowego старосту для оказания помощи в сборе налогов с русских заимочников, живущих по р. Лебеди и в других местах, хотя это не входило в его обязанности. Крестьянский начальник сетовал, что население заимок составляют крестьяне, чаще всего самовольно ушедшие из своих сельских обществ, неаккуратные плательщики податей и повинностей, нерегулярно вносящие арендную плату Кабинету, не связанные организационно со своими административными учреждениями и не желающие подчиняться родовой старосте. Родовой же староста, выполняя несвойственные ему обязанности, отвлекался от своей основной работы. Крестьянский начальник просил разъяснить права и обязанности родовой старосты в отношении лиц разных сословий, проживающих в районе кочевой волости [ГАТО. Ф. 3. Оп. 45. Д. 289. Л. 72–76]. Второй случай, когда в течение 1905–1906 гг. велась тяжба между двумя крестьянами, живущими более 10 лет в д. Манжероке 1-й алтайской дючины, волостным правлением и крестьянским начальником. Поскольку крестьяне считались принадлежащими к сельским обществам Алтайской волости, то волостное правление продолжало начислять на них налоги и повинности. В апреле 1905 г. по распоряжению Алтайского волостного правления полицейский урядник описал у них имущество за накопившиеся долги. Жалобы крестьян Томскому губернатору и крестьянскому начальнику, в которых они объясняли, что регулярно вносят платежи, там, где живут, что они отказались от нарезки земли в своих старых обществах и просили нарезать им землю в Манжероке, не были удовлетворены. Крестьянам было отказано в просьбе, так как по закону они не могли быть причислены к 1-й алтайской дючине [ЦХАФАК. Ф. 185. Оп. 1. Д. 11. Л. 75, 77, 80, 83]. Подобные примеры, а их можно привести немало, свидетельствовали о том, что административная реформа низового звена управления действительно назрела.

В литературе о реформе местного управления коренного населения Сибири в конце XIX – начале XX вв. указывалось множество причин, заставивших правительство пойти на этот шаг. Помимо внутренних факторов, связанных с изменениями в хозяйственной жизни коренных народов, их системой расселения, действовали и внешние факторы. К ним относились аграрные, переселенческие, налоговые мероприятия правительства [Садовой 1992: 13, 103; Конев 1995: 133]. Массовые переселения крестьян в Сибирь требовали их административного и земельного обустройства, что не могло не привести к землеустройству, а, следо-

вательно, административной реформе среди коренного населения. Проводя реформу, правительство надеялось также увеличить доходы казны. С заменой в 1898–1899 гг. ясака государственной оброчной податью (при упорядочении административного устройства сословия «иностранцев») власти ожидали значительного роста налоговых сборов [Островский 1989: 99]. В административной реформе был заинтересован и Кабинет, так как старая система управления тормозила реализацию его новой экономической политики, ориентированной на распространение капиталистического арендного хозяйства [Потапов 1953: 364, 365]. Называлась еще одна причина, заставившая власти спешить с административной реформой: боязнь усиления внешней опасности для районов Зауралья. Правительство рассматривало проводимые мероприятия как один из способов укрепления позиций «русской государственности» на востоке страны. Не случайно административная реформа совпадала с решением Главного штаба о привлечении коренных жителей Сибири к отбыванию воинской повинности [Островский 1989: 93, 99]. В литературе приводились и аргументы чиновников центральных и местных органов власти о необходимости реформ. В их числе приобщение коренных народов Сибири к активной общественной жизни, к более прогрессивному хозяйственному укладу и новой системе судопроизводства, создававших условия для устранения забитости, отсталости и т.д. [Островский 1989: 94, 95; Дамешек 1986: 108, 109; Конев 1995: 134–136].

3.1.2 Подготовка и обсуждение проекта административной реформы

В конце XIX в. в центральных и местных органах власти все чаще возникала мысль о реформировании системы управления коренными народами Сибири. При обсуждении вопроса о судьбе коренного населения Томской губернии четко обозначились две проблемы: изменение системы управления и суда у оседлых «иностранцев», реформа управления и административного устройства кочевых «иностранцев». Как тех, так и других предполагалось сравнять в системе управления с крестьянами. Для этого нужно было перевести кочевников в разряд оседлых. Непременный член Томского губернского присутствия по крестьянским делам А.А. Барок вспоминал, что с 1892 г., когда Томский губернский совет высказался за распространение на оседлых иностранцев «Общего положения о крестьянах», губернатор обращался с этим предложением в министерство внутренних дел в 1892 г. и два раза в 1898 г. [Святогорье 2000: 224, 225].

Неоднократно проходили заседания Государственного совета, в повестке дня которых стоял «иностранческий вопрос». В июне 1898 г. Госсовет предложил министру внутренних дел «озаботиться пересмотром относящихся до иностранцев законоположений в видах согласования оных

с современными условиями быта местных народностей, и предположения по этому предмету внести, в установленном порядке, на законодательное рассмотрение» [ГАТО. Ф. 3. Оп. 45. Д. 289. Л. 8]. В свою очередь, министр внутренних дел, сообщая об этом распоряжении Государственного совета томскому губернатору, просил последнего разработать предложения по данному делу в подведомственных губернатору учреждениях. Министр затребовал собрать разносторонние сведения о коренных жителях: их численности по разрядам и распределении по волостям, управам и обществам; сведения об их занятиях и экономическом благосостоянии. Далее предлагалось соотнести действующие законы об инородцах с нынешними условиями их быта. И, наконец, составить проект правил об административном устройстве и управлении коренного населения губернии. К выполнению этого задания предлагалось привлечь должностных лиц судебного ведомства, крестьянских начальников, уездных исправников и др.

Выполнить данное требование оказалось не так-то просто. Огромные пространства Томской губернии, отдаленность и разбросанность поселений и кочевий затрудняли сбор информации. Так, через год с лишним, 13 октября 1899 г., крестьянский начальник 3-го участка Бийского уезда сообщал в губернское управление, что требуемые сведения об инородцах могут быть представлены не ранее 1 декабря, «т.к. помимо сложности вышеупомянутого поручения и громадного района кочевий, находящихся в вверенном мне участке, встречаются еще некоторые другие затруднения: так – все инородцы находятся в настоящее время на промыслах, в родовых же управлениях не имеется никаких письменных данных, т. к. до принятия мною участка посемейных списков не велось» [ГАТО. Ф. 3. Оп. 45. Д. 289. Л. 79].

Сведения об инородцах Томской губернии не поступили в Министерство внутренних дел и к концу 1902 г., т.к. только 10 октября вице-губернатор Томской губернии Д.Н. Дельвиг предложил на заседании Общего присутствия Томского губернского управления (далее – ОПТ-ГУ) создать особую комиссию для выполнения заданий министерства внутренних дел. Согласно постановлению от 27 октября 1902 г. в особую комиссию вошли председатель окружного суда А.В. Витте, прокурор окружного суда А.М. Вакар, профессора М.Н. Соболев и И.А. Малиновский, известные исследователи и общественные деятели Г.Н. Потанин и С.П. Швецов. Возглавил комиссию А.В. Витте [ГАТО. Ф. 3. Оп. 45. Д. 289. Л. 85, 100, 101]. Комиссия считала, что прежде чем будут разработаны новые законы об инородцах, необходимо подробно изучить их. С этой целью члены комиссии создали «Программу для исследования современного состояния инородцев в Томской губернии». Программа состояла из четырех разделов: 1. Разделение инородцев и их управление; 2. Обычное право и суд у инородцев; 3. Хозяйственный быт ино-

родцев; 4. Заботы о здоровье и просвещении инородцев и включала 32 вопроса, на которые необходимо было дать ответы. Так, первый раздел содержал 13 вопросов, освещение которых позволяло составить представление о том, соответствует ли действительности установленное законом разделение коренных жителей Томской губернии на оседлых, кочевых и бродячих; совпадает ли их административное деление с делением на роды; из кого состоят родовые управления; известна ли инородцам наследственная аристократия; какой способ перевода инородцев из одного разряда в другой представляется наиболее удобным и почему; какими соображениями вызывается необходимость сохранения отличий коренного населения от русского в порядке управления и отбывания повинностей и др. [ГАТО. Ф. 3. Оп. 45. Д. 289. Л. 111, 112].

10 марта 1903 г. состоялось заседание ОПТГУ. Из 25-ти человек, приглашенных на него, в заседании приняло участие 16 человек. Члены комиссии представили для обсуждения разработанную ими программу. Одновременно был озвучен «Проект положения об инородцах Томской губернии», который был создан по поручению губернатора, князя С.А. Вяземского. Главное участие в его составлении принял А.А. Барок. Появление «Проекта» для членов комиссии стало полной неожиданностью. Губернатор объяснил его создание тем, что он получил распоряжение министра внутренних дел с предложением ускорить разработку нового положения об инородцах, для чего и создал другую комиссию. Возникла острая дискуссия о том, следует ли обсуждать новый законопроект или, приняв программу, обследовать инородцев и, основываясь на полученных материалах, разработать новые проекты законов об их управлении. Сторонниками первой точки зрения были губернатор, два неперменных члена присутствия, три крестьянских начальника, томский уездный исправник и становой пристав 3-го участка Бийского уезда. Губернатор С.А. Вяземский доказывал, что довольно подробные сведения о коренном населении, живущем на кабинетских землях, уже существуют. Имелись в виду труды по исследованию крестьянского и инородческого хозяйства и быта, изданные статистическим отделом при Главном управлении Алтайского округа. Сбор сведений по программе, полагал он, потребует много времени, «а к тому сроку, к которому они будут доставлены, крестьянские начальники, участие которых по распоряжению министра внутренних дел обязательно при рассмотрении проекта положения об инородцах, не могут быть приглашены, т.к. с половины мая до начала октября они будут заняты поземельно-устроительными работами, а осень и зиму должны будут посвятить очень серьезной работе, которая никоим образом не может быть отложена, — это переложение государственной оброчной подати на новое пятилетие» [ГАТО. Ф. 3. Оп. 45. Д. 289. Л. 113]. Кроме того, собранный по программе материал, по мнению губернатора, мог служить только основанием для составления статисти-

ко-экономического очерка быта инородцев, но и то лишь в известной степени, так как ответы по программе будут составляться многими лицами с разной степенью подготовки, и в них окажется много неточностей и недомолвок. Что касается программы, то губернатор не отрицал пользы сбора материала по ней, но не увязывал эту работу с принятием нового положения об инородцах.

В результате голосования восемь человек высказалось за необходимость обсуждения «Проекта положения об инородцах Томской губернии», восемь человек – против. В числе противников обсуждения были авторы программы (А.В. Витте, А.М. Вакар, М.Н. Соболев, И.А. Малиновский) и вице-губернатор Д.Н. Дельвиг. Прежде чем говорить об аргументации противников обсуждения «Проекта», остановимся кратко на его характеристике.

«Проект положения об инородцах Томской губернии» состоял из пяти разделов: Введение; I. Об устройстве общественного управления кочевых инородцев; II. О правах по имуществу кочевых инородцев; III. О государственных податях, земском сборе и повинностях у кочевых инородцев; IV. О суде у кочевых инородцев. Последнему разделу посвящено больше всего статей (38 из 90). Данный законопроект предполагал сохранение в Томской губернии двух разрядов инородцев: кочевых и оседлых. В отличие от «Положения об инородцах» издания 1892 г. перевод кочевых «инородцев» в разряд оседлых приурочивался к «периодическим (5-летним) установлениям окладов государственной оброчной подати для крестьян и оседлых инородцев» (при желании инородческих селений и вне этого срока), причем перевод этот мог производиться «помимо желания перечисляемых». Предполагалось, что оседлые и кочевые «инородцы», как и крестьяне, в административном отношении будут разделены на сельские общества, которые объединяются в волости. В случае значительной разбросанности кочевий инородцев и невозможности образовать из них сельские общества, волости не разделялись на сельские общества. Статья 11 гласила, что «в тех волостях кочевых инородцев, в которых прочно сохранилось родовое начало, существующее родовое управление остается без изменения до окончания поземельного устройства» [ГАТО. Ф. 3. Оп. 45. Д. 289. Л. 121].

Оседлые «инородцы» в отношении управления и суда, прав на имущество и обложения казенными и другими сборами подчинялись порядку, установленному положениями о сельском состоянии. Общественное управление кочевых инородцев составляли волостные старшины, сельские старосты и их помощники, назначаемые по выбору на три года при достижении 25-летнего возраста. Там, где есть возможность, волостные старшины и сельские старосты должны были избираться из лиц православного вероисповедания и знающих русский язык. Волостному старшине полагалось иметь писаря и рассыльных, число которых опре-

делял волостной сход. Права, обязанности, ответственность и круг действий волостного старшины, сельского старосты и их помощников, а также волостного и сельского схода определялись законами для крестьян. В волостях, где сохранялось родовое управление, родовой староста имел права, обязанности и круг действий, соответствующие статусу волостного старшины, демичи – сельского старосты, шуленги – помощника сельского старосты и сход родовичей – волостного схода. Для содействия демичам и шуленгам в сборе податей могли выбираться особые сборщики податей (башки, албачи). Территория, на которую распространялась административная и полицейская власть должностных лиц родового управления, утверждалась уездным съездом крестьянских начальников по представлению участкового крестьянского начальника [ГАТО. Ф. 3. Оп. 45. Д. 289. Л. 124–126]. Таким образом, предложенный «Проект положения...» фактически унифицировал систему управления (волостного, сельского) русских крестьян и коренных народов Томской губернии.

Раздел, касающийся системы административного устройства и общественного управления инородцев, не вызвал возражений со стороны противников обсуждения «Проекта». Возражение вызвали статьи, определяющие земельные и другие имущественные права инородцев. Д.Н. Дельвиг, М.Н. Соболев считали, что нужно разобраться с причинами бедственного положения инородцев. «Но для того, чтобы начертать проект законодательных норм, ставящих своею целью упорядочение хозяйственной жизни инородцев, необходимо получить фактический материал по выработанной комиссией программе», – отмечал М.Н. Соболев. Он также полагал, что представленный проект является, в известной степени, кабинетной и эклектической работой. Ее авторы, исходя из существующих законов, исправляли и дополняли только частные аспекты [Дамешек 1986: 135]. Другие противники обсуждения проекта (И.Г. Фрейдин, А.Я. Яковлев) считали, что в законопроекте дано слишком много земельных и других имущественных прав коренным жителям Нарымского края.

Несмотря на то, что половина присутствующих на заседании высказалась против обсуждения «Проекта положения об инородцах Томской губернии», губернатор предложил своим сторонникам собраться на следующий день и обсудить данный документ. А.А. Райский и Д.Н. Дельвиг, хотя и голосовали ранее против обсуждения законопроекта, приняли участие в заседании ОПТГУ 11 марта 1903 г. После незначительного добавления и исправления законопроект был принят и отправлен министру внутренних дел [ГАТО. Ф. 3. Оп. 45. Д. 289. Л. 114, 116–118; Табаев 1980: 70].

3.1.3 Реализация реформы

Потребовалось еще несколько лет, пока в МВД было принято решение, определившее судьбу коренного населения Томской губернии. Принятию этого решения способствовал приезд летом 1908 г. в губернию помощника управляющего земским отделом МВД Д.И. Пестржецкого для ревизии крестьянских учреждений. А.А. Барок сделал ему доклад «о положении инородческого вопроса». В свою очередь Д.И. Пестржецкий довел эти сведения до министра П.А. Столыпина. 10 сентября 1908 г. министр внутренних дел отдал распоряжение о безотлагательном введении у оседлых и оседло живущих кочевых инородцев Томской губернии внутреннего управления и суда по «Общему положению о крестьянах» [ЦХАФАК. Ф. 170. Оп. 1. Д. 494. Л. 9; Святогорье 2000: 226–227].

Вначале реформа коснулась оседлых инородческих управ Горного Алтая. Население управ уже было объединено в сельские общества. Кроме того, здесь практически завершилось землеустройство. ОПТГУ, рассмотрев 12 декабря 1908 г. вопрос об упорядочении внутреннего управления и суда у инородцев, постановило переименовать с 1 января 1909 г. оседлые инородные управы в оседлые инородные волости того же наименования и ввести в них внутреннее общественное управление и суд по правилам «Общего положения о крестьянах». За инородцами сохранялось право освобождения от воинской повинности и другие личные права, предоставленные этому сословию по закону [ЦХАФАК. Ф. 185. Оп. 1. Д. 28. Л. 63; Святогорье 2000: 228]. Например, после реформы волостное и сельское управление в Мыютинской инородной волости выглядело следующим образом: волостной старшина, кандидат [заместитель] старшины, шесть волостных судей, волостной писарь, мыютинский сельский староста и его кандидат [ЦХАФАК. Ф. 185. Оп. 1. Д. 40. Л. 58].

С 1909 г. началась активная работа по подготовке к переводу оседло живущих, но считавшихся кочевыми инородцев из разряда кочевых в разряд оседлых и созданию у них сельских обществ. По данному вопросу была принята масса постановлений и распоряжений как центральных, так и местных властей. В январе 1909 г. последовало предписание П.А. Столыпина сибирским губернаторам «незамедлительно переводить на положение оседлых крестьян всех аборигенов, получивших земельные наделы по законам 23 мая 1896 г. и 31 мая 1899 г.» [Дамешек 1986: 98]. В том же году своим распоряжением от 22 января (№ 1927) МВД рекомендовало местным властям переводить кочевников в разряд оседлых, не дожидаясь получения ими отводных записей, хотя это требование содержалось в законах о землеустройстве. Указания и разъяснения МВД последовали также 2 сентября и 30 ноября. Подобные распоряжения и указания МВД были продублированы в распоря-

жениях томского губернатора (от 10 февраля, 11 марта, 4 августа) и решениях Томского губернского управления (от 19 октября, 28 октября и др.) [ЦХАФАК. Ф. 185. Оп. 1. Д. 28. Л. 60, 68; Ф. 170. Оп. 1. Д. 494. Л. 9; ГАТО. Ф. 3. Оп. 45. Д. 1028. Л. 2; Д. 990. Л. 198]. В одной из инструкций Томского губернского управления указывалось: «1) все инородцы, ведущие земледельческое или скотоводческо-земледельческое хозяйство и живущие оседло, должны быть обязательно перечислены в разряд оседлых, 2) мелкие айлы, аулы, улусы и юрты, соседственно расположенные и имеющие хотя бы обособленное землепользование, соединяются в одно сельское общество, более же крупные составляют отдельные общества, 3) айлы, аулы, улусы и юрты, заселенные крестьянами и инородцами, обращаются в сельские крестьянские общества и включаются в крестьянские волости и 4) общества, значительные по количеству домохозяев, соседственно расположенные и состоящие исключительно из инородцев, образуют отдельные инородческие волости, а смешанные или разбросанные на далеком друг от друга расстоянии причисляются к ближайшим крестьянским волостям. Для образования отдельного сельского общества необходима наличность по крайней мере 10 инородческих дворов, для образования отдельной волости – наличность не менее 300 домохозяев» [ЦХАФАК. Ф. 185. Оп. 1. Д. 28. Л. 60].

Процедура принятия решения об образовании новых сельских обществ состояла из нескольких этапов. Вначале решение принималось на сельских сходах, затем – крестьянским начальником соответствующего участка и утверждалось уездным съездом крестьянских начальников. Окончательное постановление выносило ОПТГУ по крестьянскому отделению. 20 ноября 1909 г. состоялся съезд крестьянских начальников Бийского уезда. На нем слушался вопрос о перечислении в разряд оседлых кочевых инородцев 3-го крестьянского участка и об образовании из них оседлых сельских обществ в Комляжской, Кузенской, Кергежской, Южской кочевых волостях и в 1-й алтайской дючине. Были названы населенные пункты, как Карасук, Тондошка, Турачак, Чемал и др., получившие статус оседлых сельских обществ. Определены сельские общества, состоящие из двух, трех и четырех населенных пунктов. Принято решение о причислении к тому или иному сельскому обществу ряда малочисленных айлов [ГАТО. Ф. 3. Оп. 45. Д. 1028. Л. 174–176, 457]. На этом заседании съезда не все инородцы 3-го крестьянского участка были перечислены в разряд оседлых. Часть их продолжала считаться кочевниками. Съезд констатировал тяжелое положение кочевых инородцев, не подлежащих такому перечислению, так как платежи на содержание сохранившихся родовых управлений теперь ложились только на них.

На заседании уездного съезда, состоявшегося 19 марта 1910 г., в разряд оседлых была перечислена часть кочевых инородцев 4-го крестьянского участка и утвержден список сельских обществ. Так, самосто-

тельные сельские общества образовались в Черном Ануе, Барагаше, Мариинске, Ильинском. В селах Тюдрале и Онгуде, со смешанным населением, алтайцы просили образовать для них самостоятельные сельские общества. Однако съезд решил объединить всех жителей Тюдралы в одно Тюдралинское общество и отнести к Сентелекской волости. В одно общество были объединены русские крестьяне и оседлые алтайцы села Онгудай Шебалинской волости [ГАТО. Ф. 3. Оп. 45. Д. 1028. Л. 1].

Перевод кочевого населения Горного Алтая в разряд оседлого не мог не вызвать различных слухов, толков и жалоб алтайцев, не согласных с таким решением. Связано это было, прежде всего, с боязнью потерять некоторые сословные привилегии (освобождение от службы в армии, специфика управления и судопроизводства; меньшие, чем у русских крестьян, налоги и платежи).

26 мая 1910 г. томский губернатор отдал распоряжение крестьянским начальникам и уездным исправникам объехать все инородческие районы с целью разъяснения мероприятий властей. «В жалобах, – писал губернатор, – поступающих от инородцев ко мне, к Министру, в Сенат и на Высочайшее Имя, одни из них указывают на то, что их обращают в крестьянское сословие, другие опасаются привлечения к воинской повинности, наконец, третьи тревожатся, не будут ли они ограничены в землепользовании» [ЦХАФАК. Ф. 170. Оп. 1. Д. 494. Л. 9]. Губернатор требовал разъяснить инородцам, что намеченная реформа будет проведена неукоснительно, что она не затрагивает ни земельных интересов инородцев, ни религиозных верований, ни сословных привилегий, а касается исключительно упорядочения их внутреннего общественного управления и суда. Губернатор был прав в том, что административная реформа сама по себе, действительно, не касалась ни земельных, ни других прав инородцев. Но проводилась она в то время, когда велось землеустройство, которое вводило обязательную норму земельных владений, а налоговая реформа вкупе с новой системой административного устройства увеличивала налоговое обложение коренных жителей губернии.

Завершающим этапом реформы низового звена управления кочевого населения, переведенного в разряд оседлого, явилось формирование из вновь образованных сельских обществ волостей. Это произошло сразу же после проектирования землеустроительных работ. Известно, что землеустройство кочевого населения Горного Алтая в мае 1904 г. было приостановлено и возобновлено лишь в марте 1911 г. [ГАТО. Ф. 3. Оп. 44. Д. 4033. Л. 237; Садовой 1992: 159]. Томское губернское управление потребовало, чтобы Бийский уездный съезд крестьянских начальников уже в декабре 1911 г. утвердил списки новых сельских обществ и волостей Горного Алтая. 23 февраля 1912 г. состоялся уездный съезд, на котором рассматривался вопрос о формировании волостей в 3-м крестьянском участке. Некоторые предложения крестьянского начальника 3-

го участка и заведующего алтайским землеустройством съезд не принял. В частности, не прошла идея об образовании Кебезенской и Саракокшинской волостей. Населенные пункты этих предполагаемых волостей было решено объединить в одну Верх-Бийскую волость. Не разрешил съезд образовать Александровскую волость. Планируемые в ней сельские общества присоединялись к уже существующей Улалинской волости.

21 марта 1912 г. ОПТГУ утвердило решение Бийского уездного съезда. В 3-м крестьянском участке к уже существующим Улалинской и Успенской волостям (вторая выделилась из Покровской волости с 1 января 1912 г.) [ГАТО. Ф. 3. Оп. 45. Д. 1078. Л. 278] добавились новые волости: Лебедская (с резиденцией волостного правления в с. Турачаке), Верх-Бийская (с. Кебезень) и Чемальская (с. Чемал). Чемальская волость включала 27 сел, объединенных в 13 сельских обществ, Верх-Бийская — 35 сел, объединенных в 14 сельских обществ. В Лебедскую волость планировалось включить 41 селение, объединенное в 25 сельских обществ. Из них 6 сельских обществ (15 сел) предполагалось присоединить из Кузнецкого уезда [ЦХАФАК. Ф. 170. Оп. 1. Д. 494. Л. 53–56]. Дело в том, что селения коренного населения (в основном чалканцы) долины р. Лебеди с притоками были объединены в Кондомо-Шелкальскую волость, которая в административном отношении входила в состав Кузнецкого уезда. О присоединении этой группы населения к Бийскому уезду просил съезд крестьянских начальников Кузнецкого уезда, проходивший 17 декабря 1911 г. [ГАТО. Ф. 3. Оп. 45. Д. 990. Л. 126, 127]. Поскольку решение вопроса о перечислении населения из одного уезда в другой зависело от центральных властей, ОПТГУ оставило просьбу Кузнецкого и Бийского съездов крестьянских начальников без удовлетворения. В новых волостях Горного Алтая, утвержденных губернским управлением, вводилось общественное управление и суд на основе «Общего положения о крестьянах».

Реорганизация кочевых волостей и алтайских дючин в оседлые территориальные волости в 4-м крестьянском участке произошла на заседании ОПТГУ 14 июля 1913 г. [ГАТО. Ф. 3. Оп. 45. Д. 1231. Л. 247]. Таким образом, в Горном Алтае завершилось введение новой системы административного управления. На основе двух чуйских волостей, 2–7-й алтайских дючин и Мыютинской управы созданы Кош-Агачская, Киргизская, Улаганская, Чибитская, Романовская, Урскульская, Усть-Канская, Черно-Ануйская и Песчанская волости [ЦХАФАК. Ф. 185. Оп. 1. Д. 43. Л. 59–60].

В районе упраздненных 1-й алтайской дючины и четырех черневых волостей были образованы, как указано выше, Чемальская, Лебедская и Верх-Бийская волости. Позднее, 1 января 1914 г. из части селений Улалинской, Успенской и Покровской волостей создана Паспаульская волость [ГАТО. Ф. 3. Оп. 44. Д. 4129. Л. 553]. Старые названия сохранили

некоторые реорганизованные волости: Уймонская, Улалинская, Верхне-Кумандинская (с 1 января 1915 г. стала называться Макарьевской). Организация новых волостей в бассейне р. Бии на традиционной территории кумандинцев и тубаларов продолжалась в последующие годы, чему способствовал приток русских переселенцев. Так возникли, Озеро-Куревская, Сузопская, Тайнинская волости [ГАТО. Ф. 3. Оп. 44. Д. 4154. Л. 107а, 116. 327; Славнин 2008: 31].

После образования новых волостей активно продолжался процесс формирования новых сельских обществ. Зачастую причиной этого было то, что организация сельских обществ была проведена раньше землеустройства. К примеру, в январе 1914 г. в ОПТГУ слушалось заявление Аносинского сельского общества Романовской волости о разделении его на три самостоятельных общества по числу полученных при землеустройстве наделов: 1) Аносинское (земельные наделы урочищ Усть-Анос и Аскат) из 48 домохозяев; 2) Верх-Аносинское (земельные наделы урочищ Верх-Анос и Верх-Аюла) из 50 домохозяев и 3) Аюлинское (земельный надел урочища Усть-Аюла) из 44 домохозяев. Данное ходатайство поддержали податный инспектор и крестьянский начальник, удовлетворило его и губернское управление. А вот просьба этих сельских обществ о переходе из Романовской волости в Чемальскую – не была поддержана. Во-первых, потому, что от Чемальской волости жители этих урочищ были отделены р. Катунью, во-вторых, потому, что с их отчислением на население Романовской волости значительно увеличивались платежи по содержанию волостного правления [ГАТО. Ф. 3. Оп. 44. Д. 4124. Л. 173].

Были и другие причины, заставлявшие русских крестьян и алтайцев образовывать новые сельские общества, перечисляться из одной волости в другую. Так, в декабре 1913 г. алтайцы урочища Кураган Катандинской волости просили отчислить их из Катандинского крестьянского общества и причислить к Ак-Кобинскому инородческому обществу той же волости. В числе главных причин указывались плохое знание ими русского языка, различия в обычаях алтайцев и русских, а также то, что урочище Кураган находилось по одну сторону р. Катунь с Ак-Кобинским сельским обществом. Их просьба была удовлетворена [ГАТО. Ф. 3. Оп. 44. Д. 4129. Л. 675]. Можно привести еще массу примеров такого рода. Следует отметить, что при решении подобных вопросов власти всегда учитывали желания населения, если они были обоснованы. Так, в декабре 1913 г. была удовлетворена просьба алтайцев с Ильинского Песчанской волости выделиться и образовать самостоятельное сельское общество, хотя русские крестьяне противились этому. Власти увидели, что причиной сопротивления русских было их стремление продолжать пользоваться лучшими угодьями своих соседей, вопреки их согласию [ГАТО. Ф. 3. Оп. 44. Д. 4124 Л. 7; Д. 4129. Л. 690].

В исторической литературе, посвященной административным преобразованиям местного управления коренным населением Сибири, существуют различные точки зрения относительно последствий этих преобразований. Одни исследователи считали, что в результате реформы коренные жители утратили все свои сословные отличия, за исключением освобождения от службы в армии; усилился административно-полицейский контроль над ними. Реформа способствовала ассимиляции, русификации, ухудшению их хозяйственного положения и существенному изменению их образа жизни. В то же время признавалось, что реформа приводила к разрушению остатков патриархально-родового строя коренных народов, ограничивала административный и хозяйственный произвол местных феодалов и в объективно-историческом смысле была явлением прогрессивным [Островский 1989: 94, 106; Дамешек 1986: 93, 102; Дамешек 1995: 217, 218; Шерстова 1999: 144]. Другие историки полагали, что ничего существенного за время действия административной реформы в жизни Горного Алтая не произошло еще и по той причине, что она совпадала с периодом войны [Тадыев 1964: 16]. Коренные изменения в жизни населения Горного Алтая, да и Сибири в целом, связаны именно с войной и последовавшими за ней политическими и экономическими потрясениями.

Таким образом, в конце XIX – начале XX вв. в результате ряда административных реформ произошла унификация системы управления сибирских крестьян и коренного населения Горного Алтая. С проведением губернской реформы 1895 г. решение «иностранческих» и крестьянских вопросов было сосредоточено в крестьянском отделении и Общем присутствии по крестьянским делам. С введением института крестьянских начальников в 1898 г. была упразднена двойственность управления коренным и русским крестьянским населением на уездном уровне. И, наконец, с проведением волостной реформы (1909, 1912 и 1913 гг.) коренное оседлое и кочевое население получило такую же систему низового управления, как и русские крестьяне Сибири.

3.2. Социально-демографические изменения

При определении численности и состава населения Горного Алтая основными статистическими источниками послужили данные первой всеобщей переписи населения 1897 г., всероссийской сельскохозяйственной переписи 1916 г. и административно-полицейских учетов (1902, 1906, 1908, 1911–1912 гг.). Кроме того, ценными источниками стали материалы обследования С.П. Швецова 1897 г. и Переселенческого управления 1908 г. Следует отметить, что расхождения в данных о численности населения Горного Алтая в целом и по отдельным административным

единицам (дючинам, волостям, управам), сведенным в таблицы, объясняются особенностями использованного статистического материала. А они обусловлены состоянием первоисточников (архивным документов, опубликованных материалов). Так, например, при исчислении данных о словном и религиозном составе населения (см. табл. 3, 6, 7) отсутствовали сведения по некоторым волостям и селениям по сопоставимой территории Горного Алтая. Подробнее на это указывается в примечаниях к соответствующим таблицам.

Численность населения. Статистические материалы (табл. 1, 2) свидетельствуют о положительной динамике численности населения Горного Алтая. За 15 лет (1897–1912 гг.) численность населения горного региона увеличилась в 1,6 раза. Среднегодовой прирост всего населения составил 4,2%, а отдельно в кочевых волостях и дючинах – 3,2%, управах – 2,9% и крестьянских волостях – 6,5%. В этот период, по сравнению с предыдущим временем (1880–1897 гг.), произошло снижение темпов среднегодового прироста населения: по всему региону – на 0,6%, а отдельно по кочевым волостям и дючинам – на 0,6% и управам – на 9,2%. Только по крестьянским волостям, наоборот, наблюдался прирост населения на 2,1%. На темпы роста русского (крестьянского) населения, по-прежнему, оказывал влияние приток переселенцев из соседних и других районов страны. Снижение уровня прироста населения управ связано, по-видимому, с оттоком значительной части их жителей в соседние крестьянские волости.

Таблица 1. Численность населения Горного Алтая, 1897–1912 гг., тыс. человек

№	Административные единицы	1897 г.	1902 г.	1906 г.	1908 г.	1912 г.
1	Алтайские дючины	21,6	23,4	19,7	20,8	27,5
2	Чуйские волости	5,2	5,4	8,5	9,2	9,4
3	Черневые волости ¹	5,0	6,3	6,4	5,8	7,0
4	Кондомо-Шелкальская	0,8	0,9	1,0	1,1	1,2
5	Верхне-Кумандинская	1,4	1,3	1,4	1,3	1,5
6	Улалинская управа ²	-	-	3,9	3,8	5,8
7	Мыютинская управа ³	-	0,6	1,0	0,8	0,8
8	Уймонская управа	3,2	1,8	3,0	3,4	4,8
9	Катандинская волость ⁴	-	1,6	2,1	2,1	2,3
10	Шебалинская волость ⁵	-	-	7,3	4,2	4,1
	Села:	х	х	х	х	х
11	Солонешенской волости ⁶	-	1,8	2,0	[2,0]	2,3
12	Бащелакской волости ⁷	-	1,2	2,1	[2,1]	3,3
13	Алтайской волости ⁸	1,4	2,9	-	-	-
14	Ануйской волости ⁹	2,3	-	-	-	-
15	Быстрянской управы ¹⁰	3,5	2,8	-	-	-
16	Сарасинской управы ¹¹	0,6	-	-	-	-
17	Кокшинской управы ¹²	0,5	0,6	-	-	-
18	Другие	^{а)} 1,3	^{б)} 1,1	^{в)} 1,6	^{г)} [1,6]	^{д)} 4,7
	По всем	46,8	51,7	60,0	58,2	74,7

Источник табл. 1: Коренные 2006: 117; ЦХАФАК. Ф.170. Оп. 1. Д. 328. Л. 1136; Д. 386.

Примечания ¹⁾ Кергешская, Комляжская, Кузенская и Южская (Юсская) кочевые волости. ²⁾ Эта управа (в составе сел Бирюля, Майма и Улала) выделена в 1906 г. из Быстрианской управы. ³⁾ Данная управа (села Мыюта и Улус-Черга) выделена в 1898/1899 г. из Сарасинской управы. ⁴⁾ Эта волость образована не позднее 1902 г. в составе двух сел Катапта и Нижний Уймон. ⁵⁾ Данная волость (в составе сел Комлак, Черга, Шебалино, Тонучее, Туекта, Ангудай, Хабаровка и Кушнегень) образована в 1906 г. ⁶⁾ Черный Ануй и Белый Ануй. ⁷⁾ Каргон, Чечулиха, Талица, Тюдрала, Усть-Кан и Абай (до 1902 г. относились к Ануйской волости). ⁸⁾ Комлак, Черга, Шебалино, Тонучее, Туекта, Ангудай, Хабаровка и Кушнегень (в 1906 г. объединены в Шебалинскую волость). ⁹⁾ Каргон, Чечулиха, Талица, Тюдрала, Усть-Кан и Абай (с 1902 г. в Бащелакской волости). ¹⁰⁾ Бирюля/Билуля, Майма и Улала (с 1906 г. в составе Улалинской управы). ¹¹⁾ Села Мыюта и Улус-Черга (в 1898/1899 гг. объединены в Мыютинскую волость). ¹²⁾ Села Верхний Карагуш и Чемал.

^{А)} Четыре селения Черно-Ануйского отделения духовной миссии (923 чел.) и общество Обдольдо чуйских казахов (383 чел.). ^{Б)} Село Чаргачак Троицкой волости. ^{В-Г)} Села Чаргачак, Нижнее Пьянково и Верхнее Пьянково Троицкой волости. ^{Д)} Успенская волость.

Таблица 2. Численность населения Горного Алтая в 1916 г.,
тыс. человек

№ п.п.	Волости	Население	№ п.п.	Волости	Население
1	Лебедская	2,3	11	Кош-Агачская ¹⁾	2,0
2	Верхне-Бийская	5,0	12	Киргизская ²⁾	0,0
3	Успенская	5,6	13	Чибитская	1,5
4	Шебалинская	4,5	14	Улаганская	3,0
5	Катандинская	4,5	15	Песчанская	5,9
6	Улалинская	8,6	16	Усть-Канская	8,3
7	Уймонская	4,1	17	Черно-Ануйская	5,9
8	Чемальская	4,4	18	Паспаульская	3,4
9	Урсульская	6,5	19	Озеро-Куреевская ³⁾	1,1
10	Романовская	3,4		По всем	80,0

Источник: Коренные 2006: 118

Примечания: ¹⁾ Данные неполные, т.к. по административному учету 1915 г. в этой волости было 4,0 тыс. человек. ²⁾ Сведения также неполные (учтено 14 человек), потому в 1915 г. там жило 1,5 тыс. человек. Причина в том, что в июле 1916 г. большинство чуйских казахов и значительная часть теленгитов, уклоняясь от мобилизации на военно-тыловые работы, бежали в соседнюю Монголию. ³⁾ Данные по сопоставимым селениям (селам, аилам): Озеро-Куреево, Дмитриевка, Шунорак, Алешкин, Удаловка и др.

Данные за 1912 и 1916 гг. можно сопоставить только по всему населению Горного Алтая, потому что в 1913 г. старые административные образования (кочевые волости, дючины и управы) были упразднены и на их основе стали образовываться новые территориальные волости. В 1916 г. на сопоставимой территории Горного Алтая насчитывалось 19 новых волостей. За четыре года (1912–1916) численность населения горного края, несмотря на военное время, возросла на 5,4 тыс. человек (с 74,7 до 80 тыс.), а среднегодовой прирост населения составил 1,8%, т.е. по сравнению с предыдущим 15-летием снизился в 2,3 раза. К сожалению, пока отсутствуют полные данные о численности населения Горного Алтая в 1917 г., поскольку материалы всеобщей переписи населения 1917 г., хранящиеся в архивах, на уровне волостей полностью не обработаны. Имеются лишь сведения по 17 волостям (из 19), согласно которым численность населения составляла 66,8 тыс. человек [Нагнибеда 1920: 9–13]. Однако, в статистических сборниках 1920-х гг. [Сельское 1926: 40; Первый 1927: 7] приводятся цифры от 85 до 85,3 тыс. человек, позволяющие допустить, что в 1917 г. в Горном Алтае проживало примерно 85–86 тыс. человек.

Половозрастной состав населения. Общая тенденция в изменении полового состава населения Горного Алтая заключалась в постепенном выравнивании удельного веса мужчин и женщин. По данным на 1897 г., доля мужчин в составе населения Горного Алтая равнялась 50,3% (среди алтайцев – 50,4%, русских – 49,5%), на 1912 г. – 49,6% (соответственно 49,7 и 49,4%) и на 1916 г. – 48,5% [Коренные 2006: 14]. Как видим, с 1897 по 1916 гг. удельный вес мужчин постепенно снижался, а накануне революций 1917 г. женщин стало уже больше, чем мужчин. Несомненно, на изменение полового состава населения оказала влияние первая мировая война: призыв мужчин в действующую армию и на военно-тыловые работы. К сожалению, мы пока не располагаем данными о возрастной структуре населения Горного Алтая на начало XX столетия.

Сословная структура населения. В начале XX столетия, точнее за 1902–1912 гг. удельный вес сословия «иностранцев» в составе всего населения Горного Алтая снизился от 69,2% до 58,9% (см. табл. 3). В то же время возрос удельный вес крестьян (с 27,5 до 36,6%), а также военных чинов запаса (отставных) и мещан. Кроме того, в небольшом количестве проживали представители православного духовенства, купцы, почетные граждане и дворяне (всего 0,2%). Местные мещане и купцы преимущественно были выходцами из уездного центра (г. Бийска).

Таблица 3. Сословный состав населения Горного Алтая, 1902 – 1912 гг.

	Все население		«Иногородсь»		Крестьяне		Мещане		Военные чины		Другие	
	Абс.	%	Абс.	%	Абс.	%	Абс.	%	Абс.	%	Абс.	%
<u>1902 г.</u>												
Все население	50704	100	35095	69,2	13956	27,5	917	1,8	651	1,3	85	0,2
Дючины	21022	100	19657	93,5	999	4,7	115	0,5	232	1,1	19	
Чуйские	6059	100	6009	99,2	4		20		8		18	
Черневые	6190	100	4209	68,0	1062	17,1	661	10,7	223	3,6	35	0,6
Другие кочевые ¹	2241	100	2241	100	-		-		-		-	
Мыютинская ²	597	100	489	81,9	45	7,5	35	5,9	21	3,5	7	1,2
Крестьянские ²	14595	100	2490	17,0	11846	81,2	86	0,6	167	1,2	6	0,0
<u>1908 г.</u>												
Все население	56635	100	38432	67,9	15396	27,2	1559	2,7	844	1,5	404	0,7
Дючины	20836	100	19504	93,6	962	4,6	210	1,0	130	0,7	30	0,1
Чуйские	9170	100	9089	99,1	3	0,0	32	0,4	-	-	46	0,5
Черневые	5805	100	4271	73,6	965	16,6	314	5,4	88	1,5	167	2,9
Другие кочевые	2423	100	2260	93,3	135	5,6	21	0,8	-	-	7	0,3
Управы	4600	100	2650	57,6	824	17,9	924	20,1	75	1,6	127	2,8
Крестьянские	13801	100	658	4,8	12507	90,6	58	0,4	551	4,0	27	0,2
<u>1912 г.</u>												
Все население	74600	100	43953	58,9	27272	36,6	1576	2,1	1616	2,2	183	0,2
Дючины	27464	100	25385	92,4	1377	5,0	477	1,7	195		30	-
Чуйские	9443	100	8257	87,4	1139	12,1	10		13		24	-
Черневые ³	6588	100	4776	72,5	1211	18,4	479	7,3	82		40	-
Другие кочевые	2700	100	[2505]	92,8	195	7,2	-		-		-	-
Управы	6587	100	2827	42,9	2939	44,6	550	8,4	233	3,5	38	0,6
Крестьянские ⁴	21818	100	203	0,9	20411	93,6	60	0,3	1093	5,0	51	0,2

Источники табл. 3: Коренные 2006: 120; ГАТО. Ф. 3. Оп. 45. Д. 600. Л. 7–8; Оп. 71. Д. 3. Л. 4–5; ЦХАФАК. Ф. 170. Оп. 1. Д. 386

Примечания: ¹⁾ Верхне-Кумандинская и Кондомо-Шелкальская волости. ²⁾ Катадинская волость и Уймонская управа. «Иногородцы» этой управы были русскими старожилами (староверами). ³⁾ Сведения за 1911 г. ⁴⁾ Все жители Успенской волости (4,7 тыс. человек) отнесены к крестьянам.

В начале XX в. сословная структура населения управ, кочевых волостей и алтайских дючин претерпела некоторые изменения, выразившиеся в увеличении численности мещан и военных чинов запаса (отставных солдат). Вызваны они главным образом тем, что на их территориях образовались смешанные по составу населения села, деревни и заимки. Наиболее ощутимо это проявилось в Улалинской управе, черневых волостях (Комляжской, Южской, Кузенской) и в некоторых алтайских дючинах (1, 3 и 4-й). Следует отметить, что в начале XX в. сословие «иногородцев», к которому относилось коренное население Горного Алтая, по социальному статусу (относились к податному населению) и по роду занятий (сельское хозяйство) были очень близки к сословию русских крестьян. Поэтому с учетом данного обстоятельства можно сказать, что в рассматриваемое время абсолютное большинство (95–96%) населения Горного Алтая принадлежало к социальной группе крестьянства.

Этнический состав населения. Этнический (национальный) состав населения региона в начале XX столетия исчислен на основе данных о распределении народонаселения по сословиям и отчасти по вероисповеданию (например, с учетом численности казахов–мусульман и русских старожилов Уймонской управы). Поэтому они не могут считаться абсолютно точными. Тем не менее, статистические данные позволяют судить о сдвигах в этническом составе населения региона (см. табл. 4). Сводные статистические данные свидетельствуют о том, что в начале XX в. при общем росте численности населения всех этнических групп (национальностей), удельный вес коренного населения Горного Алтая продолжал снижаться, а русских и других национальных групп, главным образом казахов, наоборот, увеличился. С 1897 по 1912 гг. численность коренного населения возросла на 21,3% (с 36,1 до 43,8 тыс. человек), русских – в 3 раза (с 9,5 до 28,9 тыс. человек) и остальных – почти в 1,7 раза. За указанные годы удельный вес коренных жителей в общей массе населения Горного Алтая снизился с 77,1% до 58,6%, а русского населения возрос с 20,3% до 38,7%.

Таблица 4. Этнический состав населения Горного Алтая, тыс. чел.

	1897 г.		1902 г.		1912 г.	
	Абс.	%	Абс.	%	Абс.	%
Алтайцы	20,3	43,4	19,7	38,1	25,5	34,1
Теленгиты	5,2	11,1	5,4	10,5	8,1	10,9
Тубалары	4,6	9,8	4,2	8,1	4,8	6,4
Телеуты	4,1	8,8	2,2	4,3	2,8	3,7
Кумандинцы	1,1	2,3	1,3	2,5	1,4	1,9
Чалканцы	0,8	1,7	0,9	1,7	1,2	1,6
Всего	36,1	77,1	33,7	65,2	43,8	58,6
Русские	9,5	20,3	16,8	32,5	28,9	38,7
Другие	1,2	2,6	1,2	2,3	2,0	2,7
Итого	46,8	100	51,7	100	74,7	100

Источники: Коренные 2006: 118; ГАТО. Ф. 3. Оп. 45. Д. 600. Л. 7–8; Оп. 71. Д. 3. Л. 4–5; ЦХАФАК. Ф. 170. Оп. 1. Д. 386

Примечание: К алтайцам (ойроты, калмыки) отнесено население сословия «инородцев» семи алтайских дючин; теленгитам – двух чуйских волостей; тубаларам (черневые татары) – четырех черневых волостей; чалканцам – Кондомо-Шелкальской волости; телеутам – инородческих управ; кумандинцам – Верхне-Кумандинской волости.

Обращаясь к изменениям среди коренного населения в пределах Бийского уезда, следует отметить, что за 1897–1912 гг. удельный вес алтайцев возрос с 50,6 до 54,6%, теленгитов – с 12,7 до 17,5% и чалканцев – с 2,2 до 2,6% (см. табл. 5). Вместе с тем произошло снижение удельного веса тубаларов (с 10,9 до 10,3%), кумандинцев (с 9,5 до 9,0%) и телеутов (с 14,1 до 6%). Довольно существенное уменьшение численности и удельного веса местных телеутов можно объяснить тем, что в ходе административной реформы значительная их часть была переведена в разряд крестьян. Это объясняется тем, что уже в конце XIX в. они по образу жизни и культуре заметно сблизились с русскими крестьянами: стали православными (95%), русскоязычными (84%) и, живя в селах, реально перешли на крестьянский быт [Патканов 1911: 123]. Указанная тенденция проявлялась также среди кумандинцев и тубаларов.

Таблица 5. Коренное алтайское население Бийского уезда, тыс. чел.

	1897 г.		1902 г.		1908 г.		1912 г.	
	Абс.	%	Абс.	%	Абс.	%	Абс.	%
Алтайцы	20,8	50,6	19,7	51,0	19,6	46,3	25,6	54,6
Теленгиты	5,2	12,7	5,4	14,0	8,4	19,9	8,2	17,5
Тубалары	4,5	10,9	4,2	10,9	4,3	10,2	4,8	10,3
Телеуты	5,8	14,1	3,0	7,8	3,1	7,3	2,8	6,0
Кумандинцы	3,9	9,5	5,4	14,0	5,8	13,7	4,2	9,0
Чалканцы	0,9	2,2	0,9	2,3	1,1	2,6	1,2	2,6
Всего	41,1	100	38,6	100	42,3	100	46,8	100

Источники: Патканов, 1911: 63–67; ГАТО. Ф. 3. Оп. 45. Д. 600. Л. 7–8; Оп. 71. Д. 3. Л. 4–5; ЦХАФАК. Ф. 170. Оп. 1. Д. 386

Религиозный состав населения. Статистические данные показывают о значительных изменениях в религиозно-конфессиональном составе населения Горного Алтая. Так, если в 1902 г. среди охваченного учетом населения Горного Алтая 58,6% считались христианами и 40,2% – «идолопоклонниками», то в 1912 г. – соответственно 67,4 и 30,8% (см. табл. 6). Кроме того, была учтена небольшая группа мусульман (от 1,6 до 1,8%), к которым относились чуйские казахи. В составе местного русского населения значительное место занимали приверженцы старинной христианской конфессии – старообрядчества; их удельный вес возрос с 27% в 1902 г. до 30,7% в 1912 г. К старообрядцам относились русские старожилы Уймонской управы и ряда сел Башчелакской, Солонешенской и других крестьянских волостей. Увеличение удельного веса населения, исповедующего христианство, происходило на основе роста общей численности русского и «крещеного» коренного населения, а также «крещеных» казахов. По данным на 1897 г., численность «крещеных» казахов составляла 533 человека [Патканов 1911: 54]. Они были выходцами из Семипалатинской области и в основном проживали в селах Черный Ануй и Тюдрала [Швецов 1900].

В начале XX столетия в религиозной жизни алтайцев произошли большие перемены, связанные с религиозно-реформаторским движением бурханистов [Движение 2004].

Волнения начались с больших молебнов в мае–июне 1904 г. в долине Теренг (около села Кырлыка), сопровождавшихся массовым переходом алтайцев–шаманистов к бурханизму – белой вере (*ак јан*). В мае 1907 г. 512 последователей «белой веры» из пяти алтайских дючин подали письменное заявление в адрес уездного и губернского начальства. В этом обращении (составленном малограмотным бывшим сельским письмоводителем) отмечалось: «Начиная с 1904 г. мы, признав свою первую веру довольно дикою, т.е. «левой» – у нас начался обычай иного поклонения – правый, «алтай». Далее, была высказана просьба их «в изысканной новой вере и исповедовании, а также и во всех обрядах» не стеснять, считать их «уже не идолопоклонниками», а иного вероисповедания [Алтайская 1908: 15–16]. Подобного рода кардинальные перемены в религиозной жизни алтайцев привлекли внимание официальных властей и общественности. Хотя в официальной статистике отсутствовала графа о новой религии (бурханизме), при учете коренного населения Бийского уезда по вероисповеданию бурханистов старались отделять от шаманистов. Так, например, по данным учета 1911 г. доля шаманистов среди некрещеной части коренного населения Горного Алтая составила около 10% [ЦХАФАК. Ф. 170. Оп. 1. Д. 386].

Таблица 6. Религиозный состав населения Горного Алтая

	Все население		Гравославные		Старообрядцы		Бурханисты и шаманисты		Другие	
	Абс.	%	Абс.	%	Абс.	%	Абс.	%	Абс.	%
1902 г.										
Все население	49804	100	24985	50,2	4194	8,4	20014	40,2	611	1,2
Дючины	21022	100	4962	23,6	-	-	16060	76,4	-	-
Чуйские	6059	100	3597	65,7	-	-	1851	30,5	611	10,1
Черневые	6190	100	4503	72,7	499	8,1	1188	19,2	-	-
В.-Кумандинская	1341	100	496	37,0	-	-	845	63,0	-	-
Мыютинская	597	100	527	85,7	-	-	70	14,3	-	-
Крестьянские ³	4195	100	2082	49,6	2113	50,4	-	-	-	-
Другие ⁴	10400	100	8818	84,8	1582	15,2	-	-	-	-
Коренное	33584	100	13570	40,4	-	-	20014	59,6	-	-
Русское	15609	100	11415	73,1	4194	26,9	-	-	-	-
1908 г.										
Все население	55535	100	32435	58,4	3880	7,0	18504	33,3	716	1,3
Дючины	20836	100	6426	30,8	3	0,0	14394	69,1	13	0,1
Чуйские	9170	100	6332	69,1	-	-	2138	23,3	700	7,6
Черневые	5805	100	4000	68,9	266	4,6	1538	26,5	1	0,0
В.-Кумандинская	1323	100	983	74,3	-	-	340	25,7	-	-
Управы	4600	100	4505	98,0	-	-	94	2,0	1	0,0
Крестьянские	9649	100	6037	62,6	3611	37,4	-	-	1	0,0
Другие ⁵	4152	100	4152	100	-	-	-	-	-	-
Коренное	35848	100	17344	48,4	-	-	18504	51,6	-	-
Русское	18971	100	15091	79,5	3880	20,5	-	-	-	-
1912 г.										
Все население	67797	100	38016	56,1	7692	11,3	20887	30,8	1202	1,8
Дючины	27464	100	9892	36,0	266	1,0	17301	63,0	5	0,0
Чуйские	9443	100	6066	64,2	-	-	2180	23,1	1197	12,7
Черневые	6588	100	5048	76,6	509	7,7	1031	15,7	-	-
В.-Кумандинская	1500	100	[1125]	75,0	-	-	[375]	25,0	-	-
Управы	6587	100	6587	100	-	-	-	-	-	-
Крестьянские	16215	100	9298	57,3	6917	42,7	-	-	-	-
Коренное	41551	100	20664	49,7	-	-	20887	50,3	-	-
Русское	25044	100	17352	69,3	7692	30,7	-	-	-	-

Источники: См. источники табл. 5

За 1902–1912 гг. удельный вес бурханистов и шаманистов («идолопоклонников») в общей массе населения Горного Алтая (как, впрочем, и среди его коренной части) уменьшился на 9,4%. Однако за этим средним показателем кроются существенные отличия в динамике изменения удельного веса «идолопоклонников» среди разных этнических групп коренного населения (см. табл. 7). В начале XX столетия бурханисты (с шаманистами) составляли большинство (68% в 1912 г.) только среди алтайцев семи дючин. А у остальных этнических групп доля бурханистов и шаманистов в 1912 г. колебалась от 22% у тубаларов до 31% у теленгитов. К сожалению, мы пока не располагаем данными по чалканцам, но допускаем, что они из-за проживания в труднодоступной долине реки Лебеди меньше, чем их соседи кумандинцы, были охвачены процессом христианизации. Местные телеуты практически полностью перешли в православие.

Таблица 7. Религиозный состав коренного населения Горного Алтая

	Всего		Бурханисты и шаманисты		Православные	
	Абс.	%	Абс.	%	Абс.	%
<u>1902 г.</u>						
Дючины	19657	100	16060	81,7	3597	18,3
Чуйские	5398	100	1851	34,3	3547	65,7
Черневые	4209	100	1188	28,2	3021	71,8
В.-Кумандинская	1341	100	845	63,0	496	37,0
Мьютинская	489	100	70	14,3	419	85,7
Другие ⁴	2490	100	-	-	2490	100
Всего	33584	100	20014	59,6	13570	40,4
<u>1908 г.</u>						
Дючины	19491	100	14394	73,8	5097	26,2
Чуйские	8389	100	2138	25,5	6251	74,5
Черневые	4202	100	1538	36,6	2664	63,4
В.-Кумандинская	1160	100	340	29,3	820	70,7
Управы	2649	100	94	3,5	2555	96,5
Крестьянские	657	100	-	-	657	100
Всего	36848	100	18504	51,6	18044	48,4
<u>1912 г.</u>						
Дючины	25380	100	17301	68,2	8079	31,8
Чуйские	7060	100	2180	30,9	4880	69,1
Черневые	4776	100	1031	21,6	3745	78,4
В.-Кумандинская	[1305]	100	[375]	28,7	930	71,3
Управы	2827	100	-	-	2827	100
Крестьянские	203	100	-	-	203	100
Всего	41551	100	20887	50,3	20664	49,7

Источники: См. источники табл. 5

Перемены в образе жизни населения. Особенности в сословной, религиозной структуре и хозяйственной деятельности коренного алтайского и русского населения являются выражением различий в их культуре и образе жизни. В подтверждение приведем данные об изменениях типов поселений и жилищ населения Горного Алтая. Они, вместе со сведениями о состоянии земледелия, позволяют проследить динамику изменения соотношения оседлого и кочующего населения, а соответственно и степени развития оседлого образа жизни среди коренных жителей Горного Алтая.

В предыдущей главе отмечалось, что в конце XIX в. почти все русское население (97,8%) было сосредоточено в селах и деревнях, а преобладающая часть коренного населения (около 71%) расселялась по стойбищам и вела полукочевой образ жизни [Патканов 1911: 197–223, 282–283]. Об изменениях типов поселений населения в начале XX в. можно судить по материалам переписи 1916 г. Так, в 19 волостях Горного Алтая было зафиксировано 495 населенных пунктов. В их числе 235 сел (поселков, деревень), 58 аилов, 40 заимок, 32 арендных поселка (селения арендаторов кабинетской земли), 13 хуторов и 117 «урочищ». Под «урочищами» имелись в виду мелкие сезонные поселения (*jurт*) полукочевого населения, расположенные в пределах горных долин, логов и урочищ. Сравнивая данные переписей 1897 и 1916 гг., видим заметное сокращение общей численности населенных пунктов Горного Алтая (с 587 до 495) за счет уменьшения количества «урочищ» и аилов (с 463 до 175). Это, несомненно, является результатом укрупнения поселений полукочевого населения в ходе землеустройства 1911–1913 гг. Произошли и качественные сдвиги в структуре поселений. В 1916 г. ведущее место занимали села, поселки (аилы) и деревни, составившие 59,2% всех поселений Горного Алтая. В них проживало около 71% всего населения региона, а по «урочищам» – лишь четвертая часть (25,2%). Оставшаяся часть населения (4,0%) жила в арендных поселках, заимках и хуторах [ГАТО. Ф. 239. Оп. 16. Д. 90, 92, 94–96, 101, 1026, 102г, 102д]. Как видим, в начале XX столетия облик Горного Алтая определяли не мелкие сезонные поселения скотоводов, а широкая сеть сел, деревень и поселков.

Обратимся к данным о переходе полукочевого населения к оседлости. О его динамике можно судить по статистическим материалам за 1902 и 1908 гг. Так, согласно учету населения 1902 г. (см. табл. 8), из 51,7 тыс. человек 60,4% жили в оседлых селениях и 39,6% – в сезонных поселениях, т.е. вели полукочевой образ жизни. В алтайских дючинах, кочевых волостях и управах (всего 41,1 тыс. человек), без учета жителей крестьянских волостей, оседлое население составило 50,2% и полукочевое – 49,8%. Причем, категория полукочевого населения была учтена только во II–VII алтайских дючинах (составила 65,5% всех их

жителей) и в двух чуйских волостях (99,2%). Следовательно, коренное население четырех черневых волостей, 1-й дючины и тем более управ, признавалось вполне оседлым.

Таблица 8. Оседлое и полукочевое население Горного Алтая, 1902 г.

	Оседлое		Полукочевое		Все	
	Абс.	%	Абс.	%	Абс.	%
1-я дючина	4290	100	-	-	4290	100
2-я дючина	1648	38,5	2634	61,5	4282	100
3-4 дючины	1585	23,1	5276	76,9	6861	100
5-7 дючины	762	9,6	7172	90,4	7934	100
Чуйские волости	39	0,8	5382	99,2	5421	100
Черневые волости ¹⁾	8365	100	-	-	8365	100
Управы ²⁾	3930	100	-	-	3930	100
Крестьянские	10567	100	-	-	10567	100
По всем	31186	60,4	20464	39,6	51650	100
в т.ч. без крестьян	20619	50,2	20464	49,8	41083	100

Источник: ПК 1904: 549, 574, 584–587, 590, 592–595, 604, 606–608, 610, 612–639

Примечания: ¹⁾ Включены также сведения по Кондомо-Шелкальской и Верхне-Кумандинской волостям. ²⁾ Сведения по сопоставимым селам Быстринской, Мыютинской и Кокшинской управ. Уймонская управа отнесена к крестьянским волостям.

Перейдем к материалам обследования 1908 г. (см. табл. 9). Во-первых, этим обследованием было охвачено только население дючин и кочевых волостей, иначе говоря, жителей крестьянских волостей и управ (наделенных землей в 1902–1906 гг.) оно не коснулось. Во-вторых, существенным недостатком обследования 1908 г. является то, что в группу поселений, названных «заимками и аилами», были включены сезонные поселения полукочевого населения. Согласно материалам 1908 г., третья часть обследованного населения Горного Алтая проживала в селах и деревнях, а две трети – в мелких аилах и заимках. Только коренное алтайское население распределилось так: в селах и деревнях жило 29%, а в аилах и заимках – 71% населения. Но с учетом данных на 1902 г. общая численность оседлого населения составит 18,4 тыс. человек, или 53% всего коренного населения Горного Алтая. Как видим, показатели 1902 и 1908 гг. очень близки (разница в 2,8%) и позволяют с уверенностью сказать, что накануне первой мировой войной, по меньшей мере, половина коренных жителей Горного Алтая вела оседлый образ жизни.

Таблица 9. Размещение населения по селениям, заимкам и аилам, 1908 г.

Районы, Группы населения	Селения		Аилы, заимки		Всего	
	Абс.	%	Абс.	%	Абс.	%
1. Западный (дючины)	6074	24,8	18448	75,2	24522	100
в т.ч. алтайское	3499	18,0	15954	82,0	19453	100
2. Юго-восточный (чуйский)	1194	24,5	3669	75,5	4863	100
в т.ч. алтайское	1125	23,6	3651	76,4	4776	100
1. Черневой	8800	45,2	10665	54,8	19465	100
в т.ч. алтайское	5454	51,9	5057	48,1	10511	100
По всем	16068	32,9	32782	67,1	48850	100
в т.ч. алтайское	10078	29,0	24662	71,0	34740	100

Источник: РГИА. Ф. 468. Оп. 27. Д. 92. Л. 225

В подтверждение к сказанному приведем сведения об изменении типов жилища коренных жителей Горного Алтая (см. табл. 10). Так, к 1908 г. удельный вес изб и домов возрос до 18,5% за счет снижения доли юрт до 81,5%. К тому же последние были представлены деревянными юртами, а войлочные юрты в 1908 г. стали уже редкостью (составили 4%) [РГИА. Ф. 468. Оп. 27. Д. 92. Л. Л. 225, 227–228]. Показателем оседлости является развитие земледелия и заготовки сухих кормов среди алтайского населения.

Таблица 10. Изменение форм жилища алтайцев

Дючины, волости	Всего жилищ		Юрты				Избы, дома	
			Всего		войлочные			
	абс.	%	абс.	%	абс.	%	абс.	%
Дючины								
1897 г.	6910	100	6238	90,3	с.н.		672	9,7
1908 г.	7785	100	7102	91,2	394		683	8,8
Черневые								
1897 г.	1331	100	950	71,4	с.н.		381	28,6
1908 г.	3588	100	1923	53,6	-		1665	46,4
Чуйские								
1897 г.	1309	100	1305	99,7	с.н.		4	0,3
1908 г.	1503	100	1464	97,4	27		39	2,6
По всем								
1897 г.	9896	100	8742	88,4	с.н.		1154	11,6
1908 г.	12876	100	10489	81,5	421		2387	18,5

Источники: Швецов 1901: 278, 286, 294, 302. РГИА. Ф. 468. Оп. 27. Д. 92. Л. 225; Коренные 2006: 123

Однако не следует переоценивать уровень развития оседлости среди коренного алтайского населения Горного Алтая. В рассматриваемое время процесс оседания полукочевого населения имел особенности как в разных социально-имущественных слоях, так и по отдельным районам. Переход к оседлости беднейшей части скотоводов происходил из-за потери скота, а зажиточных групп – роста мелкотоварного производства. Большинство оседлого алтайского населения сохраняло элементы кочевого быта и отличалось от местных русских крестьян по типам поселений, жилища, условиям содержания скота и уровню развития земледелия (размерам посевов, обеспеченности пахотным и другим инвентарем). Об этом подробно будет сказано в следующих разделах.

3.3. Аграрная реформа

Предпосылки аграрных преобразований. Конец XIX – начало XX вв. в истории Горного Алтая занимает важное место, так как в этот период происходят существенные изменения в социально-экономической структуре алтайского общества под влиянием крупных реформ царского правительства.

В конце XIX столетия собственником земли на территории Алтайского округа продолжала оставаться царская фамилия, управлявшая через Кабинет. Основным источником доходов Кабинета становится земледелие, так как горная промышленность в Алтайском горном округе фактически прекратила свое существование.

1894 г. стал переломным в переселенческой политике правительства. От разрешения и поощрения переселений Кабинет переходит к прямому их ограничению. Подобный поворот был обусловлен такими факторами, как небывалый приток самовольных переселенцев, преимущественно деревенской бедноты из центральных губерний, и возникновением проблемы сплошного землеустройства в Алтайском округе как ближайшей практической задачи. Конечной целью данной политики стало утверждение реальной монополии земельной собственности Кабинета в округе и на ее основе получение максимальной ренты. Приток переселенцев в Алтайский округ в 90-е гг. XIX в. был очень значительным. По данным местной администрации, в 1889 г. их прибыло 17248 человек, в 1890 г. – 31345, в 1891 г. – 28557 и в 1893 г. – 43392 человека. Но это лишь учтенные переселенцы, а на самом деле их было гораздо больше. По признанию Кабинета, к 1894 г. в Алтайском округе скопилось свыше 100 тысяч не причисленных переселенцев, «кои не платили ему никакой подати» [Жидков 1973: 142–143]. А часть из них осела на территории Горного Алтая. Самовольное поселение крестьян на «иностранческих» зем-

лях стало одной из причин упадка их благосостояния, так как крестьяне, найдя, где-нибудь место для удобного поселения, разными способами добивались разрешения алтайцев на устройство заимки или пасеки. Потом к этой заимке присоединялись другие. Достигнув таким способом заселения 15–20 семейств, самовольные поселенцы открыто начинали присваивать земли коренного населения. Видя такой оборот дела, алтайцы жаловались на самовольный захват земель в Алтайское горное правление и Казенную палату, которые давали распоряжения о выселении крестьян. Но пока производилась тяжба и переписка, заселившиеся крестьяне так упрочивались, что выселение их оказывалось невозможным. К этому времени лучшие места для оседлых поселений были уже захвачены переселенцами [В составе 2004: 21–22]. В этих условиях принимается ряд законов, направленных на размежевание и ограничение землевладения русских крестьян, коренного алтайского населения и создание арендного хозяйства в кабинетских землях.

К середине 90-х гг. XIX в. начинают вырисовываться основные контуры будущего землеустроительного закона, проект которого был обсужден в комиссии Гудима-Левковича, определившей принципы и формы наделения крестьян землей. Твердые позиции министерств внутренних дел, финансов, земледелия и государственных имуществ вынудили кабинетских чиновников задуматься над тем, как предполагавшиеся к «наделению» земли не упустить из-под своего влияния. Эти обстоятельства заставили Кабинет по-новому подойти к переселенческому вопросу. Существовавшая до этого практика переселения в Алтайский округ и податного обложения переселенцев представлялась «явлением совершенно ненормальным и могущим привести в скором будущем к раздаче кабинетских земель, если не совершенно даром, то, во всяком случае, на близких к тому условиях». Защищая свои экономические интересы, Кабинет, в целях пресечения переселений на его земли, распорядился прекратить отвод на Алтае новых переселенческих участков, а также прирезку земли старожилам, которая практиковалась ранее, «по числу принятых ими переселенцев» [Жидков 1973: 143].

Конец 1894 г. прошел в дискуссиях по вопросу о переселениях на кабинетские земли. В 1897 г. было проведено обследование условий заселения Горного Алтая. Оно показало, что в Горном Алтае кроме оседлых и кочевых алтайцев проживали старообрядцы, расселившиеся преимущественно по р. Коксе и верховьям Катунь; переселенцы из разных губерний, заимочники, состоявшие из местных крестьян-старожилов, купцов, мещан, разночинцев. Выяснилось также, что существует вражда между коренным алтайским и русским населением. Недовольство алтайцев было вызвано захватом их пастбищ и сенокосных угодий, обманом, спекуляцией. Оказалось, что большинство заимочников не имеют приемных договоров и заселились самовольно, не платят арендных платежей.

И лишь незначительная их часть получила разрешение зайсанов на поселение [Сатлаев 1987: 99].

12 января 1895 г. МВД высказалось за переселение в Алтайский округ и за распространение на переселенцев льгот, установленных законом 1889 г. Его поддержало большинство общегосударственных ведомств, разделявших новые взгляды правительства по переселенческому вопросу. С 1895 г. предписывается использовать переселения в общегосударственных целях. Однако взгляды Кабинета и правительства не совпали. Кабинет заявил, что он ввиду близкого землеустройства «весьма тяготится усиленным приращением населения». Но претензии Кабинета остаются без внимания со стороны государственных ведомств. 27 апреля 1896 г. Комитет Сибирской железной дороги принимает положение, согласно которому все самовольные переселенцы подлежат принудительному причислению, самостоятельные хозяйства – с землей, неимущие – без нее. С 29 июня 1899 г. в Алтайском округе начали действовать новые правила переселения. Отныне переселение разрешалось только с согласия министра Двора и МВД. Выдача разрешений самовольным переселенцам категорически запрещалась. Также налагался запрет на прием новоселов в заполненные переселенческие участки. Таким образом, правила 1899 г. были направлены на всемерное сдерживание переселений. Руководствуясь ими, Кабинет решительно боролся с самовольниками. Кабинет лишал новоселов земли, создавая тем самым контингент арендаторов. Но, несмотря на принимаемые меры, поток переселенцев в Алтайский округ не иссякал [История 2001: 250–251].

31 мая 1899 г. был принят закон о поземельном устройстве населения Алтайского округа. Основные положения этого закона были аналогичны ранее принятому закону от 23 мая 1896 г. Он вводил принцип неотчуждаемости крестьянских наделов, наделение землей крестьянских общин, а не отдельных дворов, 15-десятинную душевую норму и обязательность допринятия владельцев при превышении данной нормы. Закон 1899 г. сохранял за Кабинетом права на недра крестьянских земель. Помимо этого, землеустроительные работы в Алтайском округе должны были проводиться силами и средствами Кабинета, а не казны. С этой целью создавалась специальная организация – «Землеустройство Алтайского округа» [Екеев 1994: 9]. Этот закон встретил сильное противодействие не только со стороны алтайских зайсанов, но и сибирской областнической печати и некоторых либеральных чиновников Алтайского округа [Потапов 1933: 121].

В современных исследованиях выделяется два основных этапа аграрных преобразований в Горном Алтае: 1) 1896–1906 гг. и 2) 1906–1913 гг.

Первый этап аграрных преобразований. Вскоре после издания закона от 23 мая 1896 г. было образовано Особое совещание из членов мини-

стерства Двора и МВД для выяснения вопроса об упорядочении землепользования населения Горного Алтая. Особое совещание 26 февраля 1897 г. высказалось за необходимость отвода русским селениям в Горном Алтае земельных наделов во временное пользование, по возможности с соблюдением 15-десятинной нормы и «без стеснения инородцев». Для практического осуществления этой меры требовалось исследование хозяйства и быта местного населения. В связи с этим летом 1897 г. в Горный Алтай направляется статистико-экономическая экспедиция под руководством статиста Главного управления Алтайского округа С.П. Швецова, которая обследовала весь Горный Алтай и собрала ценные материалы. Экспедиция выясняла возможности образования в Горном Алтае нового колонизационного фонда округа. Данные исследования показали, что из 26 переселенческих пунктов, образованных Правилами 1879 г., 12 оказались незаселенными, некоторые превратились в большие селения (Белый Ануй, Черный Ануй, Онгудай, Абай, Топучая, Туекта); другие, такие как Келей, Купчегень развивались крайне медленно; Кош-Агач остался торговой факторией бийских купцов [История 1995: 51]. Кабинет, не дожидаясь результатов экспедиции С.П. Швецова, в 1898 г. начал работы по съемке и отводу земельных участков трем селениям: Онгудаю, Белому Аную и Черному Аную. Основной целью данного землеустройства было выяснение общего количества земельных участков, находящихся в пользовании русских крестьян и алтайцев, с учетом которых можно было бы выработать новую инструкцию для отмежевания лишних наделов для переселенческих поселков [Сатлаев 1987: 101]. Но в 1899 г. работы были приостановлены и вновь продолжены только в 1902 г., уже на основе закона 31 мая 1899 г.

В 1902–1908 гг. были отграничены земельные и лесные наделы русских крестьян и оседлых алтайцев Шебалинской, Катандинской, Верхне-Кумандинской и Нижне-Кумандинской волостей и трех управ (Улалинской, Мыпотинской, Уймонской), а также селений Горного Алтая, относившихся к Бащелакской, Солонешенской и Троицкой волостям. Всего на первом этапе землеустройства было обустроено свыше 76 селений с 11000 наличных душ мужского пола. Площадь отведенных наделов крестьян и «инородцев» составила: земельных – свыше 338000 десятин (в т.ч. 243000 удобных) и лесных – более 26000 (в т.ч. 21300 удобных), всего около 365000 десятин. Церкви и школы получили 5000 десятин земельных и лесных наделов. В составе наделов крестьян преобладали удобные земли (72%), составившие в среднем около 23 десятин на душу мужского пола [Екеев 1994: 9]. Следовательно, основная масса русских крестьян и оседлых алтайцев была наделена землей относительно хорошо и практически от землеустройства не пострадала.

С началом землеустройства оседлого населения встал вопрос об устройстве кочевого населения. Реализации данной задачи препятство-

вали с формально-юридической стороны «Устав» 1822 г. и результаты экспедиции С.П. Швецова, по которым оказалось, что большинство алтайцев были кочевниками, а значит, не могут быть устроены по закону 31 мая 1899 г. Поэтому этот вопрос в 1903 г. стал предметом специального обсуждения в Томском губернском управлении и в Кабинете. По результатам обсуждения были изданы Правила от 12 мая 1904 г., которые приостанавливали землеустройство кочевых алтайцев, за исключением двух кумандинских волостей. Последние были землеустроены, как уже сказано, в течение 1904–1908 гг. [Екеев 1994: 10].

Второй этап аграрных преобразований. На втором этапе аграрные преобразования приобрели совершенно иной характер и масштабы. Они были полностью подчинены решению главной задачи – изъятию земельных «излишков» и формированию фонда собственно кабинетских земель. На земельную политику Кабинета серьезное влияние оказала первая русская революция 1905–1907 гг. В новых условиях сильно возросла роль земельной собственности Кабинета как материальной опоры самодержавия. В то же время борьба крестьянства России, особенно ее европейской части, потребовала от царской короны определенных уступок в земельном вопросе и отказа от ограничения переселений. На выгодных условиях Кабинет решает уступить свободные земли Алтайского округа. Кабинет был заинтересован в землеустройстве и по экономическим причинам. По предварительному подсчету, проведение землеустройства освобождало свыше 6 млн. дес. земли, которые могли принести огромный доход [Сатлаев 1987: 103].

19 сентября 1906 г. был издан царский указ «О предоставлении под переселение свободных земель в Алтайском Округе». Он отменял исключительное, обособленное положение кабинетских земель и подчинял их наравне с государственными землями правительственному плану решения аграрного вопроса в стране. Территория Алтайского округа открывалась для свободного переселения крестьян из европейской части России. Организация переселения и устройства крестьян полностью передавалась Переселенческому управлению. Но при этом Кабинет оставил за собой право определять земли, которые отводились под колонизацию, и сохранял свои исключительные права на недра земель в Алтайском округе. Казна обязывалась в течение 49 лет ежегодно платить Кабинету по 22 копейки за каждую десятину земли, отведенную под переселение. Формально территория Горного Алтая оставалась закрытой для переселения [Екеев 2006: 19]. Но фактически переселение в горные районы Бийского уезда шло довольно интенсивно.

9 января 1908 г. на совещании при Кабинете было решено отвести под переселение земли на территории Горного Алтая. 7 декабря 1909 г. Томское губернское управление постановило распространить на Горный Алтай землеустроительный закон от 31 мая 1899 г. Немедленная реали-

зация этого предложения затруднялась тем обстоятельством, что положение алтайцев возбудило пристальное внимание либеральной общественности. Вопрос не сходил с газетных страниц, его поднимали сибирские депутаты в Государственной Думе, алтайцы посылали депутацию к царю с просьбой не допускать землеустройства [Жидков 1973: 202]. Для решения проблемы землеустройства кочевых алтайцев Томское губернское управление направляло в Горный Алтай экспедиции. В 1908 г. Томское переселенческое управление предприняло обследование территории между реками Катунью и Бией, а также земель дючин и чуйских волостей для выявления колониционного фонда. Итоги обследования 1908 г. были обсуждены 30 мая 1909 г. Но поскольку экспедиция 1908 г. не установила, какая именно часть кочевников перешла к оседлости и нуждается в обустройстве, то летом 1910 г. Кабинет снарядил в Горный Алтай очередную экспедицию под руководством начальника округа В.П. Михайлова. Перед экспедицией стояла задача найти материалы, подтверждающие необходимость землеустройства кочевых алтайцев. Если С.П. Швецов доказал преобладание кочевого типа хозяйства у скотоводов Горного Алтая, то В.П. Михайлов высказал диаметрально противоположное мнение. Он утверждал, что значительная часть скотоводов ведет почти оседлый образ жизни, а перемещение их с летников на зимники и обратно на расстояние 1,5–3 км не считается характерной чертой кочевого хозяйства. Поскольку хозяйственная деятельность скотоводов была ограничена естественными границами горных долин, то В.П. Михайлов предложил в качестве наделяемой единицы выбрать «урочище», а надел определить в размере 42 десятин. «Свободные земли» Горного Алтая после землеустройства должны быть открыты для заселения «контингенту сильных и умелых хозяев» как путем предоставления этой территории переселенческой организации, так и на правах аренды. Побывавшие на Алтае во время поездки в Сибирь в 1910 г. Столыпин и Кривошеин согласились с выводами «обследования» В.П. Михайлова и доводами Кабинета. Данное заключение послужило основанием для принятия постановления министра Двора от 28 января 1911 г. об отмене Правил 1904 г. и немедленном начале сплошного землеустройства Горного Алтая с одновременным открытием его территории для широкой колонизации [Екеев 1994: 10].

Предвидя надвигающееся землеустройство, перевод на оседлость и фиксированный надел, богатые алтайцы стремились сохранить за собой как можно больше земель под названием «земель существующего пользования» и требовали выселения всех, кто не вел полукочевого хозяйства. Так, в 1911 г. родовой староста первой дючины требовал выселения более 200 семей. Такие прошения к 1911 г. поступили от жителей долин Черного Ануя, Семы, Песчаной, Уймона и черневого района [Елбачева 1999: 153, 149].

Для решения ряда задач Кабинетом были выделены большие средства и внушительные землеустроительные силы – 139 человек. Межевые и другие работы проводились силами трех землеустроительных партий. На этом этапе единицей наделения могло быть село, группа юрт, аил, улус, часто имеющие сезонный характер. Наделы ухудшались качественно тем, что вводился принцип долевого зачисления, т.е. условный перевод неудобных земель в разряд удобных. Неудобными землями признавались непригодные для земледелия и сенокосения земли: каменистые, заросшие кустарниками горные склоны, овраги, болота, солонцы и т.д. В качестве постоянных угодий признавались усадебные и приусадебные земли, сенокосы, пашни, пространства между пашнями и сенокосами, используемые в качестве выгона летом, и зимний выгон. Для юго-восточной высокогорной части Горного Алтая к ним приравнивались осенние и весенние пастбища [Сибирские 2003: 65, 62].

Учитывая особенности скотоводческого хозяйства, алтайцам предоставлялось право получать надел не только в пунктах проживания, но и в других местах Горного Алтая по выбору самих наделяемых. В этом случае зачисление в список наделяемых душ производилось лишь с согласия того общества, где новый член должен получить свою долю надела. Согласие общества оформлялось приговором за подписями членов родового управления и «лучших людей» [Елбачева 1982: 56].

Начиная с мая 1911 г., землеустройству подверглось население четырех таежных волостей и 1-й алтайской дючины. Хотя алтайцы таежных волостей формально считались кочевыми, но фактически они жили оседло в небольших селениях – аилах в 5–8 дворов. За надельную единицу здесь была признаны не эти мелкие селения, а группа селений, расположенных в отдельной долине. Но в таежном районе и на правобережье Катунь существовали вполне сложившиеся села и деревни, например, Чоя, Турочак, Паспаул и т.д. Изучение их землепользования привело, наоборот, к необходимости земельных разделов между селами, а внутри последних к разделам между русской и алтайской частями населения. К концу лета 1911 г. межевые работы здесь были закончены и началось проектирование наделов селений [Елбачева 2007: 40].

В 1912 г. землеустроительные работы развернулись на землях алтайских дючин по левобережью Катунь и в Чуйском районе. К концу года все основные межевые работы были закончены. Здесь за надельную единицу была взята также группа сезонных поселений скотоводов, расположенных в черте одной долины или урочища. [Елбачева 2007: 40]. При землеустройстве полукочевников остро встал вопрос об отгонных горных пастбищах, которыми они пользовались. Чиновники округа, ссылаясь на положение закона от 31 мая 1899 г. и игнорируя полукочевой уклад жизни скотоводов, исключили эти горные пастбища из их наделов. В сложившейся обстановке от алтайцев, живших по левобережью

Катуни (по долинам рек Песчаной, Чарыша, Ябогана, Ануя, Урсула и др.) стали поступать коллективные ходатайства о сохранении за ними отобранных пастбищ на арендных условиях. Зная роль горных пастбищ в алтайском скотоводстве, Кабинет пошел на удовлетворение этих ходатайств. Распоряжением Кабинета от 4 февраля 1913 г. было дано согласие на сдачу в аренду алтайским скотоводам «на льготных условиях без торгов пустолежащих пространств, которыми они пользовались для отгона скота до землеустройства». Но применение этой меры как временной было разрешено в отношении только тех обществ, «где надобность в отгонах имеется более ощутимая» [Екеев 1994: 12, 14].

При устройстве скотоводов двух чуйских волостей некоторые уступки в сторону увеличения земельных наделов путем отвода неудобных угодий были сделаны лишь для кочевников высокогорной Чуйской степи, где доля таких земель доходила до 88%. Но и здесь не обошлось без притеснения местных скотоводов. Так, самые лучшие земли по Телецкому озеру, устью Чолушмана и Башкауса были закреплены за Чолушманским монастырем, а скотоводам достались узкие долины и горные склоны. Кроме того, группа казахов, кочевавшая по Ясатеру, Укоку и Калгуте, вообще не получила земельных наделов. Они пользовались землей на правах аренды [Коренные 2006: 20].

1913 г. был занят уточнением проектов земельных наделов селений, подготовкой отводных записей. В конце 1913 г. – первой половине 1914 г. отводные записи и планы наделов селений были утверждены губернским управлением и вручены населению Горного Алтая. Землеустройство сопровождалось административно-территориальными преобразованиями. В 1912–1914 гг. были ликвидированы кочевые волости, дючины и вместо них были образованы волости общекрестьянского образца. Одновременно с этим происходила перегруппировка русских селений в сельские общества, а затем создавались новые крестьянские волости. К концу 1914 г. на территории Горного Алтая были образованы 19 волостей. Каждая новая волость состояла из определенного числа сельских обществ с конкретными земельными наделами [Екеев 1991: 17].

Аграрные и административные преобразования начала XX в. заметно усилили процесс разделения административно-податных и поземельно-хозяйственных функций крестьянской общины. Первые функции сосредоточивались в волостях, а вторые – в сельских обществах. Внутри оседлой крестьянской общины возрастает значение периодических переделов сенокосных и пахотных угодий, хотя захватное пользование не было изжито. В большинстве полукочевых алтайских общин сенокосы и пашни по-прежнему использовались по подворно-наследственному принципу, а выгоны и пастбища находились в нераздельном пользовании всех хозяйств общин. Среди алтайцев ускорился процесс перехода к оседлому образу жизни. В 1899 г. одновременно с землеустроительным зако-

ном был принят новый податный закон, согласно которому русские крестьяне и оседлые алтайцы (категория оседлых «инородцев») вместо прежней подушной подати стали облагаться государственной оброчной податью. За ними сохранялись денежные губернские земские сборы, страховые сборы и мирские повинности.

Основные итоги аграрных преобразований. В итоге землеустройства 1911–1913 гг. получили полное поземельное и административное устройство 630 населенных пунктов, из которых было образовано 263 сельских общества, в которых насчитывалось 28621 наличной души мужского пола алтайцев и 2763 души мужского пола русских крестьян с общим запасом свободной для доприятия площади на 1005 душ. В наделы населения поступило 2195606 десятин земли, из них удобные составили 596105 десятин (27%). Наделы алтайцев и русских крестьян уменьшились и составили около 28% всей земельной площади Горного Алтая, в том числе 16% удобных земель. Средние душевые нормы удобной земли составили 18,4 десятин, а вместе с неудобными – около 68 десятин. За средними цифрами скрываются резкие отличия в размерах душевых наделов населения разных обществ. Имеющиеся данные показывают, что более 56% скотоводов были наделены землей по 15-десятинной норме, свыше 11% – ниже этой нормы, следовательно, сильно пострадали от землеустройства, и только третья часть скотоводов была обеспечена удобной землей относительно достаточно [Екеев 1994: 14].

В ходе землеустройства из фактического землепользования коренного населения Горного Алтая были отрезаны в пользу Кабинета, помимо промысловых угодий, 121662 десятин земли, в основном отгонных пастбищ. Из 263 обществ лесные наделы получили только 55%, со средним размером удобной площади в 1,5 дес. на взрослого мужчину, что в два раза меньше установленной нормы. Была укреплена материальная база Алтайской духовной миссии; все сельские церкви и причты миссии получили по 99 дес. удобной земли и по 20 дес. лесной площади. Также были отведены запасные земельные участки для будущих церковных причтов. А Улалинскому и Чолушманскому монастырям было передано 6444 и 3850 дес. земли соответственно. Большинство монастырских земель сдавалось в аренду алтайским и русским крестьянам близлежащих селений [Екеев 1991: 19].

В результате землеустройства Горного Алтая был создан огромный фонд земель Кабинета. К 1906 г. осуществилось окончательное законодательное оформление земельной собственности Кабинета после длительного периода ее фактического владения. Кабинетское землевладение составило 72% всей территории Горного Алтая, в том числе 84% всех удобных земель. Кабинетские земли в 1911 г. были разделены на пять лесничеств и Бухтарминский арендный район (входили земли по Ясатеру, Калгуте, Укоку). Из них крупными были Онгудайское, Телецкое

(по 2,1 млн. дес.), Улалинское и Лебедское (по 0,5 млн. дес.) лесничества. Земли лесничеств подразделялись на земельные, лесные и земельно-лесные дачи, в которых устраивались оброчные статьи. Земельные дачи полностью предназначались для сдачи в аренду, лесные дачи входили в состав лесного хозяйства, а земельно-лесные дачи являлись свободным запасным фондом Кабинета, хотя некоторую их часть, например, горные склоны, также предполагалось сдавать в аренду [Екеев 2007: 5]. Земельные дачи Кабинета сдавались в аренду отдельным крестьянам-общинникам или их группам, сельским обществам, арендным поселкам и заимочникам. Сельским обществам отводились в аренду отрезки, изъятые у них при землеустройстве, а арендным поселкам и заимкам – фактически занимаемые ими земли. Основной контингент заимочников составляли те, кто ранее вышел из общества и образовал на отдаленных свободных землях свое обособленное хозяйство хуторского типа. А население арендных поселков состояло из русских крестьян-переселенцев. Большинство заимок и арендных поселков было сосредоточено на территории Лебедского и Чарышского лесничеств. Кабинет рассматривал эти виды аренды как льготные, а саму льготу – как «временную дань прошлому», намереваясь в будущем поднять арендные цены. В 1913–1916 гг. цена одной десятины льготной аренды колебалась от 47 до 55 копеек [Екеев 1994:16].

Выгодным источником доходов Кабинета стали лесные дачи. После образования лесничеств население Горного Алтая перестало бесплатно пользоваться древесиной и «побочными продуктами» лесов, отошедших во владение Кабинета. С 1912 г. вводилась не только продажа леса на корню, но и обязательное обложение охотничьего и кедрового промыслов в кабинетских лесах по установленной таксе. Так, сезонный билет на промысловую охоту стал стоить 3 руб., сбор кедрового ореха – 2 рубля. Кабинетом облагались также сборы ягод, грибов, хмеля и т.д., такса которых составила до 25 копеек с человека за сезон.

Начиная с 1911 г. Кабинет перешел к коммерческой заготовке древесины в Прителецкой тайге для Барнаульского и Новониколаевского лесопильных заводов. Заготовка и сплав древесины проводились подрядным способом с использованием сезонных и поденных рабочих. Только за 1911–1915 гг. в Алтайском округе было заготовлено свыше 15400 кубических сажень (328636 кубометров) древесины на сумму более 2,7 млн. рублей. Значительная часть этих доходов выкачивалась из черневой тайги Горного Алтая.

После землеустройства 1911–1913 гг. изменились арендные отношения. Для конкретной иллюстрации приведем данные переписи 1917 г. по 4288 хозяйствам Горного Алтая. К аренде земли обращались 583 хозяйства (642 русских и 117 алтайских) или 13,6% хозяйств. Кроме того, 132 хозяйства сдавали землю в аренду, 23 хозяйства – арендовали

и сдавали землю одновременно, 14 хозяйств осуществляли захват земли. Всего в арендные отношения было втянуто 18,2% всех рассматриваемых хозяйств, в том числе более 6% алтайских. К аренде земли обращались все социальные слои крестьян. Основную их часть (около 64%) составляли бедняки и маломощные середняки, но на их долю приходилось лишь 14% всех арендованных земель. В то же время зажиточная группа, составляя около 5% арендующих хозяйств, обладала 75% арендного фонда. Главным источником аренды являлись кабинетские земли — свыше 87% всего арендного фонда, а в остальных случаях крестьяне арендовали землю друг у друга. В арендуемых земельных угодьях преобладали пастбища, выгоны, пасеки (всего около 82%), а доля сенокосов и пашен составила 14,8 и 3,4% соответственно.

В арендных отношениях алтайских и русских хозяйств имелись некоторые отличия. Во-первых, в арендном фонде (с преобладанием пастбищ и выгонов) алтайских хозяйств кабинетские земли достигали почти 97%, а в среде русских хозяйств данный показатель был ниже — 67%. Русские крестьяне больше прибегали к внутриобщинной аренде земли, преимущественно сенокосных и пахотных угодий. Во-вторых, если зажиточным алтайцам принадлежало 96% арендуемых земель, то среди русских их доля составляла 47%. В-третьих, размеры платы за аренду кабинетских земель были также разными для отдельных групп населения. Так, сельские общества алтайцев за аренду отгонных пастбищ в 1913–1917 гг. платили по 5 коп. за десятину. Для русских сельских обществ, арендных поселков и кочевых казахов средняя цена десятины арендованной земли в 1913–1915 гг. колебалась от 47 до 55 копеек. Заимочники вносили от 62 коп. при долгосрочной аренде и до 80 коп. — при годовой. Арендаторам, имевшим предпринимательское (культурное) хозяйство, например, конезаводчикам и мараловодам, была установлена плата от 41 до 48 коп. за десятину. При внутрикрестьянской аренде-сдаче в аренду земли абсолютное большинство алтайских и русских крестьян (от 85 до 97%) расплачивалось деньгами. Но существовали и другие формы оплаты: за подати, отработки и смешанно (например, сенокосы — за деньги, а пашни — за подати).

В Горном Алтае повсеместно практиковалась краткосрочная (одногодичная) аренда как кабинетских, так и общинных земель. Этот фактор ограничивал рамки предпринимательства и глубину арендных отношений. Аренда земли способствовала постепенной концентрации сельскохозяйственного производства в крепких зажиточных группах. Но в сельском хозяйстве она не приобрела существенного значения, т.к. основу крестьянского землепользования составляли наделные земли. Под воздействием аграрных преобразований и переселенческого движения арендные отношения в Горном Алтае развивались вширь — в русле роста вовлекаемых в них хозяйств [Коренные 2006: 35].

В целом аграрная политика правительства в Алтайском округе, включая Горный Алтай, отвечала интересам Кабинета. В сфере земельных отношений сложились острые противоречия между Кабинетом и крестьянством. В результате аграрных преобразований начала XX в. Кабинет стал не только собственником, но и непосредственным владельцем преобладающей части территории Горного Алтая. Поэтому ликвидация кабинетского землевладения стало одной из основных задач грядущей аграрной революции в России [Екеев 2006: 22].

3.4. Социально-экономическое развитие региона

3.4.1 Развитие скотоводства

Система скотоводства. В конце XIX – начале XX вв. у коренных жителей существовали два основных типа хозяйствования. Первый, полукочевой скотоводческо-промысловый тип был характерен для южной горно-степной части, а второй, оседлый промыслово-скотоводческий тип – для северной горно-таежной части Горного Алтая. В обоих типах присутствовало занятие земледелием. В северной горно-таежной части Горного Алтая хвойные и хвойно-лиственные леса по низкогорью, высокая увлажненность, ограниченные сенокосно-пахотные угодья, отсутствие отгонных пастбищ определили оседлый образ жизни населения и ведение промыслово-скотоводческого и земледельческого хозяйства. Основными занятиями были стойлово-выгонное скотоводство, богарное земледелие, сезонная охота, собирательство, пчеловодство и рыболовство. Здесь доминировало молочное скотоводство.

Южная горно-степная зона традиционно была центром коневодства, овцеводства и мясомолочного скотоводства. В двух чуйских волостях также разводили яков и верблюдов. Правобережье Катунь и отчасти черневой район являлись территориями высокотоварного маслоделия, здесь разводили КРС, главным образом коров. Кроме трех основных отраслей скотоводства (коневодства, овцеводства, разведение КРС) существовали мараловодство, верблюдоводство и свиноводство. Свиноводством, имевшим потребительское значение, занимались в основном русские крестьяне и незначительная часть оседлого алтайского населения. Верблюдов разводили только в Чуйской степи [Екеев 1988: 84–86].

Основу полукочевого типа составляло отгонно-пастбищное скотоводство с сезонными перекочевками в пределах межгорных долин и слабым развитием сенокосения. Существовали две основные формы вертикальной перекочевки с выпасом скота. Схематически их можно пред-

ставить так. При одной из них низовья долин использовались как места постоянных зимних поселений с середины или конца августа до середины мая. Вблизи стойбищ находились сенокосы, пашни (где позволяли условия) и зимне-весенние пастбища. А на обширных верховьях долин с богатой субальпийской растительностью располагались летние пастбища и поселения (*жайлу*). Под летовку выбирали участки вблизи реки или ручья, неподалеку от леса с учетом благоприятных пастбищ для скота. Срок пребывания на летних пастбищах зависел от климата местности и, в основном, ограничивался серединой мая и концом августа. Колебания высот зимних и летних поселений были значительными – от 600 до 2500 м. над уровнем моря. Вторая форма перекочевки была присуща высокогорным долинам (степям) с теми же сезонно-временными рамками. Зимние поселения устраивались у подножия гор. Место для зимовий (*кышту*) выбирали в защищенных от ветра узких горных долинах. Колебания высот зимних и летних поселений в одних местах (например, долины Ябогана и Кырлыка) составляли от 1300 до 1000 м, а в других (Чуйская, Курайская степи, плато Укок) – от 2500 до 1600 м. При второй форме перекочевки осуществлялся отгон скота (КРС, лошадей) на высокогорные летние пастбища. Маршруты перекочевок, места сезонных поселений, выпасы скота, сенокосение и поливное земледелие регламентировались в соответствии с природно-климатическими условиями, ландшафтами конкретных территорий и нормами обычного права [Коренные 2006: 23, 24].

В рассматриваемое время большинство алтайских скотоводов практиковало круглогодичный выпас скота. Наибольшего внимания требовали овцы и козы, их пасли с утра до вечера, загоняя на ночь в загон. Меньше внимания требовали коровы – традиционный способ доения с подсосом гарантировал их возвращение домой к вечерней дойке. Еще меньше забот было с лошадьми – они вольно тебеневали на пастбищах. Хозяева лишь изредка ездили в горы взглянуть на свои табуны, а на зиму их перегоняли ближе к зимним жилищам. Богатые алтайцы начали нанимать пастухов для постоянного присмотра за табунами лишь к концу XIX в. в связи с распространением угона скота [Швецов 1903: 152]. Оседлые алтайцы, по примеру русских соседей, строили для скота холодные пригоны и навесы, иногда сооружали конюшни и утепленные скотные дворы. Разводили КРС мясомолочного направления. Овец и коз держали для внутрихозяйственных нужд и для реализации на рынке мяса, шерсти и шкур. Нужно отметить, что алтайцы держали лошадей местной породы, соответствовавших их полукочевому образу жизни. Эта порода была хорошо приспособлена к местным условиям тебеневки, была вынослива и неприхотлива. А русские крестьяне содержали лошадей кузнецкой породы для земледельческих работ.

Обеспеченность крестьянских хозяйств сеном из года в год росла, но размеры заготовок оставались небольшими. С распространением маслоделия были предприняты меры по улучшению зимнего содержания скота и его породности: строились теплые скотные дворы, ввозились из центра быки – производители для метизации, открывались участки ветеринарных врачей. В 1912 г. в Горном Алтае действовали Улалинский, Кебезенский, Черно-Ануйский, Онгудайский и Кош-Агачский ветеринарные участки. Они в значительной мере выполняли карантинную службу по осмотру скота, перегоняемого из Монголии на рынки Сибири [Екеев 1991: 23].

В 30-х гг. XIX в. русские старожилы Уймонской долины положили начало мараловодству. В 90-х гг. XIX в. количество домашних маралов на территории Горного Алтая достигло 500 голов. Сначала пойманные взрослые маралы или выращенные в неволе их детеныши содержались так же, как и домашний скот, в примитивных скотных дворах. Затем мараловоды стали строить для них маральники. Мараловодство считалось наиболее продуктивным хозяйственным занятием, обеспечивающим высокий доход. Отдельные хозяева-мараловоды получали за продажу маральих рогов большие деньги. Так, уймонец Р. Чернов в начале 90-х гг. XIX в. зарабатывал до 3000 руб. в год. В середине XIX в. стоимость пантов составляла 12–18 руб. за фунт веса, а вес пары рогов достигал 15–20 фунтов (7,5–10 кг.). Перекупщики же продавали панты китайским торговцам уже по 40 руб. за фунт. В конце XIX в. пара больших маралов стоила 1000 руб. Мараловодством занимались в основном русские старожилы. Уход за домашними маралами почти не требовался. Мараловоды под маральники обычно выбирали такие места, где был лес, проточная вода, солонцы. Они огораживали это место высокой изгородью, на зиму готовили сено по 30–40 копен на 1 голову. Маралы и изюбры (подвид благородных оленей) содержались в полудиком состоянии [История 1995: 54]. Устройство и содержание маральников были весьма трудоемким и дорогостоящим делом, а поэтому было доступно только состоятельным хозяевам. Технология срезки пантов была простая. Рога срезались, как правило, в середине лета. Для этого делали специальные деревянные станки, в которые загонялись животные. Пол станка опускался, и марал повисал на ремнях. С помощью «ярма» неподвижно фиксировалась голова, и рога спиливались обыкновенной ножовкой. Свежесрезанные рога марала варили в соленой воде, иногда в крепком чае; после такой процедуры рога сушили в банях. Всё это делалось для сохранности и предотвращения их от порчи [Пустогачева 2007: 54]. Помимо пантов использовалось маралье мясо и шкуры. В с. Алтайском из шкур маралов выделяли прекрасного качества замшу, которая расходилась на местных рынках Сибири, кожи маралов вывозили в Европейскую Россию для производства из нее перчаток [История 1995: 55].

Динамика поголовья скота. С 1896 по 1912 гг. наблюдался постоянный рост поголовья скота, особенно КРС и лошадей. В последующие годы произошло сокращение поголовья лошадей, коз. Продолжало увеличиваться количество овец, свиней и маралов [Екеев 2006: 27]. Динамику роста поголовья скота можно проследить по следующей таблице:

Таблица 1. Поголовье скота за 1896–1916 гг. в хозяйствах всех категорий (тыс. голов)

Годы	Лошади	КРС (включая сарлыков)	МРС		Прочий скот		Всего
			всего	овцы	всего	маралы	
1896	134,4	97,5	223,4	145,7	1,6	0,8	456,8
1908	172,1	158,0	230,4	с.н.	5,5	0,6	566,1
1912	176,8	144,4	238,3	157,7	[9,0] ¹⁾	с.н.	568,5
1916	143,0	146,0	167,8	132,7	12,6	1,9	469,4

Источники: Швецов 1900: 313; Коренные 2006:121

Примечание: ¹⁾ Исчислено на основе среднегодового прироста поголовья скота за 1908–1916 гг.

Из таблицы виден неодинаковый рост поголовья различных видов скота у населения. Крупный рогатый скот, овцы давали наибольший рост. Эти виды товарного скота начинают играть в хозяйстве преобладающую роль. Наибольшее количество этих видов скота было в 1912 г. КРС и лошади в хозяйстве играли преобладающую роль, вытесняя овец и коз. А в годы мировой войны произошло сокращение количества лошадей и особенно овец и коз. На скотоводство отрицательно повлияли изъятие у алтайских скотоводов Кабинетом отгонных пастбищ в ходе землеустройства 1911–1913 гг., падежи скота от бескормицы, мобилизация мужчин в действующую армию и другие факторы [Коренные 2006: 27]. Ограничение площади пастбищ привело к неизбежному сокращению поголовья скота, постепенному упадку хозяйств полукочевого типа. Это вынуждало скотоводов переходить к оседлому образу жизни и расширять хозяйственные занятия. Однако следует отметить, что не все осевшие алтайцы начинали заниматься земледелием. В силу устоявшейся традиции они продолжали заниматься скотоводством, но на новой основе, заимствованной у русских крестьян.

Под влиянием рыночного спроса алтайцы начали разводить более продуктивные породы скота, совершенствовать способы его содержания. Но племенным скотом располагала только их зажиточная часть. Много работал в этом направлении и Аргымай Кульджин, проживавший в Кеньгинской (Теньгинской) долине [Модоров 1996: 180, 181]. С целью изучения развития коневодства он посетил российские, английские и

германские конезаводы. Усилия А. Кульджина в области селекции увенчались успехом, и он стал одним из поставщиков лошадей для царской армии. Его брат Манди разводил полукровных орловских рысаков [История 2001: 260]. В числе лиц, имевших племенных животных, не последнее место занимал купец Я. Мокин, уделявший много внимания улучшению местной породы лошадей. В долине Куюма Павел Тадыкин занимался разведением племенных быков. Скотоводы бассейна р. Маймы стали разводить племенных холмогорских коров [Модоров 1996: 181]. Тем не менее, отдельные мероприятия не могли серьезно изменить традиционную систему скотоводства.

За этот период заметно возросло количество рабочих лошадей и коров (соответственно в 2,2 и 1,8 раза) как результат увеличения спроса для перевозок грузов и поставок в регулярную армию, а также расширение пахотных площадей. А поголовье коров росло из-за повышения цен на мясо и масло в годы первой мировой войны, а также с ростом оседлости среди алтайского населения. Общее развитие скотоводства сказалось на уровне обеспеченности крестьянских хозяйств скотом, который с 1897 по 1908 гг. неуклонно повышался, а в военные годы, наоборот, заметно снизился. Алтайские хозяйства, в силу скотоводческой направленности, превосходили русские хозяйства по количеству лошадей и мелкого рогатого скота.

Существенные изменения произошли в структуре стада скота Горного Алтая. В алтайских хозяйствах вырос удельный вес лошадей и КРС за счет снижения доли овец и коз. А в хозяйствах русских крестьян наблюдалось уменьшение удельного веса лошадей и мелкого рогатого скота за счет увеличения доли КРС, а также свиней и маралов. Структурные изменения в стаде были обусловлены переориентацией алтайских и русских крестьян на товарные отрасли (коневодство, молочное скотоводство, мараловодство) в условиях сокращения пастбищ, выгонов и изменения рыночной конъюнктуры. В начале XX в. цены на живой скот постоянно росли, к тому же они колебались в течение года и по отдельным районам Горного Алтая [Коренные 2006: 27].

Большинство алтайских хозяйств имело полунатуральный характер, так как продукты скотоводства уходили на собственные нужды. Выборочный анализ бюджета крестьянских семей показал, что в 1911 г. на продажу (обмен) уходило 2,5% поголовья лошадей, 4,8% КРС, 5% мелкого рогатого скота; на личное потребление – 4,3% поголовья лошадей, 7,4 % КРС и 15% мелкого рогатого скота.

Однако по мере усиления торговли значительная часть русских и алтайских хозяйств в той или иной форме стала втягиваться в рыночные отношения. Свидетельством тому служит распространение маслоделения. Первые маслодельные заводы открылись в селах Чаргачаке, Никольском, Улале, Черном Ануе и других. В 1901 г. в Горном Алтае ра-

ботало 17 маслозаводов, в 1912 г. – уже 24 завода с объемом производства в 135 тыс. руб. К 1916 году число маслозаводов достигло 40, из них более половины были артельными. В маслоделии преуспевали русские крестьяне Улалинской, Успенской, Шебалинской, Песчанской, Черно-Ануйской и Уймонской волостей, где было сосредоточено 83% маслозаводов Горного Алтая. Постепенно маслоделие проникает и в оседлые алтайские селения. Некоторые богатые алтайцы освоили собственное производство масла, например, братья Тобоковы имели маслозаводы в селах Паспауле и Карасуке, братья Кульджины – в Кеньге и Каярлыке, И. Чепкин – в Александровке, Урлу-Аспаке, Бирюле [Екеев 1991: 29]. Маслозаводы алтайцев-предпринимателей сосредоточивались преимущественно в северной части Горного Алтая. Они были менее рентабельными и поэтому с трудом выдерживали конкуренцию с русскими предпринимателями. Примером тому может служить конкуренция между И. Тобоковым и предпринимателем Обабковым, закончившаяся тем, что первый из них был вынужден продать второму свой маслозавод в Паспауле [Потапов 1948: 383]. Производимое в Горном Алтае сливочное масло реализовывалось в конторах крупных предпринимателей братьев Бландовых, Есина, Эсмана, Дейкина, расположенных в городах Бийске и Барнауле. Цены на масло из года в год росли [Екеев 1991: 29–30]. В рыночные отношения быстрее включались русские крестьяне и оседлые алтайцы, проживавшие в селах, расположенных около Чуйского, Уймонского и Чемальского трактов. Свидетельством этого служит распространение в этих районах маслоделия.

В районах с полукочевым населением в это время развивается мясное скотоводство. Имея большое количество скота, местное население вело торговлю скотом. Продавали скот скупщикам из Бийска, Томска и других городов. Покупаемый в горах Алтая скот перегоняли на рынки городов Сибири и других регионов. В конце XIX в. в вывозе живого скота преобладали лошади и крупный рогатый скот, а накануне первой мировой войны – овцы и быки. За период с 1899 по 1912 гг. объем продажи мяса увеличился с 2835 до 3092 пудов, кожи – с 3906 до 8319 пудов и шерсти – со 176 до 1051 пудов. За указанные годы объем продажи шерсти увеличился в 6 раз, сала – 2,5 раза, кожи – 2,1 раза и мяса – в 1,1 раза [Екеев 1991: 27].

Богатые крестьяне, которые арендовали крупные участки для разведения тонкорунных овец, откорма мясомолочного скота, под посевы, пасеки, мельницы, маслозаводы и другие предприятия, широко использовали наемный труд и сельхозмашины. Так, в 1913 на Алтае было проведено описание 21 хозяйства сельских предпринимателей. Они арендовали 70 тыс. десятин кабинетских земель, имели 154 тыс. овец, 1800 голов КРС, 500 лошадей и 3400 десятин посева, преимущественно пшеницы [Горюшкин 1976: 261].

3.4.2 Развитие земледелия

Система земледелия. Под пашнями было занято около 1%, а под сенокосами – 2% сельскохозяйственных угодий Горного Алтая. Основными районами земледелия являлись долины Уймона, Ануя, Урсула, Песчаной, Семы и Маймы, где в 1916 г. было сосредоточено более 74% всех посевов. На остальной территории, из-за суровых природно-климатических условий, хлебопашество имело небольшие размеры. В конце XIX в. земледелие основывалось на залежно-переложной системе, т. е. когда использование залежных участков сочеталось с распашкой целинных земель. А в начале XX в., по мере усиления притока переселенцев и ограничения крестьянского землепользования, в ходе землеустройства возросла роль залежной, залежно-паровой систем. Первая из них доминировала в горно-степной части (Уймон, Урсул, Песчаная, Ануй и др.), а вторая – в северной таежной части и по долинам Маймы, Семы, Песчаной. В конце XIX – начале XX вв. в южных районах из-за жаркого лета и малых осадков применялось традиционное орошение (полив) посевов при помощи арыков (*суаков*), а в остальных земледелие было богарным. Залежно-паровая система имела много разновидностей как в сроках непрерывной разработки почвы, продолжительности пара и залежи, так и в их чередовании. Отличия имелись и в севообороте разных районов Горного Алтая. В севообороте чаще всего встречалось двуполье: хлеб – черный пар, так несколько лет, а потом земля оставлялась в залежь. Отсутствие агрономии и косность местной администрации сдерживали развитие агротехники, мешали наладить борьбу с вредителями и сорняками. В искоренении последних крестьяне использовали традиционные средства: оставляли землю в залежь, сжигали сорняки на пашнях до всхода хлебов и т.д. [Екеев 1991: 24].

Алтайское население занималось земледелием, как правило, для обеспечения собственных нужд продуктами питания. Так, С.П. Швецов констатировал, что алтайцы печеный хлеб употребляли мало, питаясь в основном *талканом* – толокном из прожаренного ячменя. Они обрабатывали свои небольшие посевы и убирали урожай преимущественно старыми орудиями: андазыном, бороной и серпом. Под влиянием русской земледельческой культуры в хозяйствах зажиточных алтайцев стали применять легкий плуг, борону с железными зубьями и литовки. Сеяли главным образом морозоустойчивый яровой ячмень, а также пшеницу и просо. Посевы, находящиеся в изгородях для защиты от порчи скотом, были небольшие. Оседлые алтайцы-земледельцы, как и русские крестьяне, использовали разные сохи («сабан», «колесуха», «колесянка», «тюменка») [Коренные 2006: 28]. Соха-колесуха отличалась от обычной сохи тем, что она укреплялась на тележной оси с колесами для облегчения труда пахаря, а также имела два тяжелых сошника (15 кг). Главным преимуществом «колесухи» была быстрота и относительная глуби-

на вспашки. «Колесянка» представляла собой соху с одним широким железным лемехом, похожим на лапу якоря, левое крыло которого загнуто прямо вверх. К левому крылу и к рассохе приделывалась прямая доска, которая отваливала пласт земли вправо [Островский 1985: 89]. Глубина пахоты такой сохой регулировалась винтом. «Сабан» отличался от «колесухи» тем, что он обязательно «ставился на колеса» и имел вместо двух сошников один «сросшийся» сошник, который называли лемехом. Глубина вспашки сабаном составляла 14–22 см. Для обработки задерневшей почвы и целины использовали плуг, который отличался от «сабана» формой лемеха и наличием резца впереди лемеха. После вспашки землю обрабатывали бороной [Асалханов 1963: 24].

Алтайское население при получении небольшого урожая обмолачивало его колотушкой (*токпок*), ударяя им колосья и отделяя зерна. В некоторых случаях перед такой обработкой колоски обжигали. Если урожая было много, то обмолот производили при помощи лошади. Ячмень и другие злаковые убирали серпом, связывали в снопы, 4–6 снопов ставили в круг в виде шалаша, а сверху укладывали другой сноп колосьями вниз, чтобы не промокал урожай. Таким способом колосья сушились. Затем выбирали ровную площадку на земле, очищали ее для тока (*эдирген*). На эту площадку расстилали собранный урожай колосками к центру. Затем лошадьми обмолачивали урожай, топча колосья. Обмолоченное зерно веяли деревянной лопатой и собирали для последующего хранения. Тару для хранения зерна изготавливали из разного материала. Так, жители северных районов Горного Алтая зерно хранили в туесах, а южных – в кожаных мешках (*кан*) и специальных ящиках в юрте или амбаре, а также в специальных ямах [Торушев 2007: 42–43].

Русские крестьяне молотили зерно цепями, но также использовали молотяги. Она представляла собой вал, на котором были набиты деревянные колки. Некоторые крестьяне по разостланным снопам прогоняли лошадей. При молотье цепями почти повсеместно предварительно проводили огневую сушку. Снопы сушили в овинах, а в таежных местностях вместо овинов использовали риги, где топили печи, а снопы складывали на особо устроенные решетки – колосники. Рига достигала в высоту 2,8 м, в длину и ширину – 5,7 м. Овин представлял собой четырехстенный амбар с настланным деревянным полом, под которым находилась глубокая яма. Овин средних размеров имел в длину и ширину около 4,2 м, высоту 3,2 м, а в глубину ямы около 2,1 м. Земляной пол ямы устраивался в виде чащи, на дно которой клали дрова и разводили огонь. В овине помещалось от 130 до 200 хлебных снопов. Бедные крестьяне сушили снопы в шалашах («шишах»), крытых соломой. Уборку хлеба крестьяне проводили серпами, а литовки применялись крайне редко [Островский 1985: 90].

Обеспеченность инвентарем. Урожайность культур. В начале XX столетия в связи с развитием маслоделия распространяются усовершенствованные сельскохозяйственные орудия и машины. Так, по данным переписи 1917 г., на 15,4 тыс. крестьянских хозяйств Горного Алтая приходилось 4023 плуга, 701 конные грабли, 536 сенокосилок, 457 жнеек, 522 веялки и 88 молотилок. Обеспеченность хозяйств сложным инвентарем следует считать слабой. Усовершенствованные сельскохозяйственные орудия, из-за их дороговизны, приобретались преимущественно зажиточными крестьянами. Хозяйства, обеспеченные скотом и занимавшиеся земледелием, как правило, имели соху и плуг. У алтайцев в расчете на 100 хозяйств в среднем приходилось 64 десятины посева, 23 пахотных орудия, 35 борон и 2 единицы сложного инвентаря, а у русских крестьян эти показатели были выше – соответственно 280 дес., 53, 147 и 34 единиц. Если обратиться к разным социально-имущественным группам крестьянства, то становится очевидным, что они отличались по обеспеченности инвентарем. Так, в алтайской бедняцкой группе (с 1–2 рабочими лошадьми) в среднем на 100 хозяйств приходилось 33 десятины посева, 16 сох и плугов и 15 борон, а сложный инвентарь отсутствовал. В зажиточной группе (с 31 и более рабочими лошадьми) эти показатели составляли 90, 25, 54 и 21 шт. соответственно. Среди русских крестьян размеры посевов в бедняцких хозяйствах (с 1–2 рабочими лошадьми) составили 94 дес. на 100 хозяйств, а в зажиточных (с 11 и более рабочими лошадьми) – 729 дес. У двух указанных групп пахотных орудий было 20 и 101 шт. соответственно, борон – 35 и 321 и сложного инвентаря – 3 и 173 шт. В условиях преобладания залежно-паровой системы земледелия урожайность полей была низкой. В 1896 г. урожайность пшеницы составила 40–60 пудов с десятины, а в 1913 г. – 41–55 пудов, овса – соответственно 50–75 и 49 – 55, ячменя – 40–80 и 35–55 пудов. Показатели урожайности хлебов в Горном Алтае были одними из самых низких в Алтайском округе [Коренные 2006: 28].

Динамика посевных площадей. За 1896–1916 гг. площадь посевов в Горном Алтае увеличилась в 2,6 раза (с 7837 до 20389 дес.), в т.ч. овса – в 5,4 раза (1529 до 8220) и пшеницы – в 2,3 раза (с 2827 до 6141 дес.). Это, в основном, результат освоения целинных земель крестьянами переселенцами и роста оседлости среди алтайцев. Влияние этих факторов подтверждают следующие цифры. Если в 1896 г. земледелием занимались 49% алтайских хозяйств, то в 1908 г. – около 53%. Среди сеющих хозяйств до 0,5 дес. посева имели 38,4%, от 0,6 до 2,5 дес. – 47,4% и свыше 2,6 дес. – 14,2%. В 1908 г. среди русских хозяйств указанные посевные группы составили 18,6, 43,5 и 37,9% соответственно. В рассматриваемый период значительно изменилась и структура посевов. В конце XIX в. главными культурами являлись пшеница и ячмень, посевы которых составляли 66% всех посевов. А в начале XX в., хотя их аб-

солютная площадь продолжала расти, доля в структуре посевов постепенно снизилась и к 1916 г. составила 44,6%. В то же время произошло увеличение удельного веса овса (с 19,5 до 39%), что было обусловлено повышением спроса на него для возросшего поголовья рабочих лошадей.

Расширение посевных площадей привело к росту продуктов земледелия. С 1898 по 1911 гг. общий объем сборов основных зерновых возрос с 510 до 763 тыс. пудов, или в 1,5 раза, а отдельно ржи – в 3 раза, овса – в 2 раза и пшеницы – в 1,8 раза. Уменьшились лишь сборы ячменя на 25%, что было вызвано снижением его урожайности. Горный Алтай относился к регионам с дефицитом хлеба. Небольшие излишки хлеба имелись только в Уймонской волости. Хлебный дефицит был обусловлен скотоводческим направлением крестьянских хозяйств и ограниченным размером посевной площади. Жители горного края недостающий хлеб приобретали путем покупки и обмена на местных ярмарках, куда привозили зерно и муку крестьяне и торговцы из соседних предгорных и степных районов Алтая [Коренные 2006: 28–29].

Начавшаяся мировая война привела к резкому ухудшению имущественного положения основной части населения, обострению противоречий в деревне, углублению социальной дифференциации как среди алтайского, так и русского населения. Из-за начавшейся войны и в связи с тем, что в Европейской части страны урожай тоже был неплохим, сибирский хлеб стало трудно продавать за границу. Хозяйства, занятые охотничьим промыслом, также стали испытывать трудности из-за падения цен на пушнину и прекращения сбыта пушнины за границу. Вместе с тем, цены на мануфактурные и некоторые другие товары крестьянского потребления уже в ноябре 1914 г. сильно поднялись. Неурожайным оказался 1915 г. Крайне плохой прошла заготовка сухих кормов для скота из-за осенних бурь и проливных дождей. В Горном Алтае только в трех полицейских станах за весну 1916 г. пало от бескормицы 18165 лошадей, 39060 голов КРС, 16000 овец и 9907 свиней. В 1916 г. посевная площадь под озимыми и яровыми хлебами сократилась по сравнению с 1914 г. на 10,2%. По сравнению с 1914 г., дефицит хлеба в этом году возрос, в среднем, с 11,0 до 15,3 пудов на душу населения. Призыв мужчин на фронт и на военно-тыловые работы привел к сокращению числа работников в сельском хозяйстве.

Цены на продукты. По сравнению с 1914 г., в 1916 г. более чем в 2 раза возросли цены на основные виды сельскохозяйственной продукции. В Горном Алтае пшеница подорожала в 2 раза, овес – в 2,3 раза, мука пшеничная – в 2,1 раза, мука ржаная – в 1,1 раза. Одновременное повышение цен на такие товары, как шкуры (КРС, овечьи, конские), мед и т.д. дали выгоду только крупным хозяйствам, активно работающим на рынок. В то же время цены на отдельные виды мануфактурных и галантерейных товаров, а также предметы домашнего обихода поднялись

в несколько раз. Помимо этого правительство увеличило налоги, стараясь компенсировать расходы на ведение войны. Все это ухудшало материальное положение основной массы населения Горного Алтая [История 1995: 95–96].

Таблица 2. Цены на сельскохозяйственную продукцию в 1914–1916 гг.

Виды сельскохозяйственной продукции	Осень 1914 г.		Осень 1916 г.	
	Бийский уезд	Горный Алтай	Бийский уезд	Горный Алтай
Земледелия (коп. за пуд)				
Пшеница кубанка	0,66–0,84	–	1,66–1,80	–
Пшеница перерод	0,57–0,70	–	1,84–2,02	2,08–2,27
Пшеница русская	0,63–0,79	0,94–1,16	1,71–1,92	1,95–2,32
Овес	0,38–0,47	0,52–0,62	1,20–1,34	1,21–1,38
Ячмень	0,47–0,60	0,85–1,0	1,21–1,22	–
Просо	0,76–0,97	–	1,52–1,94	1,30–1,98
Гречиха	0,61–0,84	–	1,63–1,75	–
Мука пшеничная	0,68–0,87	0,96–1,12	2,06–2,24	2,24–2,43
Мука ржаная	0,79–0,91	0,97–1,1	1,70–1,78	1,57–1,59
Сено	0,15–0,19	0,11–0,16	0,51–0,57	0,33–0,40
Скотоводства (руб. за пуд)				
Лошадь рабочая (шт.)	30–57	31–60	49–76	59,0–83,0
Овца (шт.)	2,95–3,8	2,54–3,64	7–9	6,0–8,0
Мясо говяжье	2,55–3,06	2,34–2,83	5,63–6,16	5,73–6,38
Мясо баранье	2,16–2,68	–	6,09–6,36	6,23–6,58
Масло топленое	10,28–11,53	9,56–10,84	24,17–26,31	23,87–25,66
Масло сливочное	9,25–10,63	9,3–10,75	25,23–27,33	26,01–26,91
Шерсть овечья	8,27–9,34	8,0–9,5	16,06–22,5	–
Шкуры конские (шт.)	4,0–5,24	3,9–4,2	8,0–9,0	8,0–9,0
Шкуры КРС (шт.)	5,53–6,72	4,5–5,4	12,0	12,0
Шкуры овечьи (шт.)	0,95–1,20	0,64–0,92	1,8–2,13	1,8–1,93
Орехи кедровые	1,62–2,08	1,33–1,83	3,82–4,55	3,8–4,57
Мед	7,07–8,7	6,54–7,9	28,2–32,57	27,4–30,0

Источник: История 1995: 97

Таким образом, в конце XIX – начале XX вв. основной сферой деятельности населения Горного Алтая являлось сельское хозяйство, которое постепенно вовлекалось в капиталистическое производство. Алтайские хозяйства все больше отрывались от традиционных занятий. Заметное развитие получило маслоделие. В сельскохозяйственном производстве происходило дальнейшее увеличение поголовья скота, посевных

площадей, повышалась товарность скотоводства. Об этом свидетельствует рост производства и продажи масла, мяса, шерсти, кожи и другой продукции. Процесс развития капиталистических отношений в разной степени охватывал русские и алтайские хозяйства. Если в первых из них преобладало мелкотоварное производство, то у вторых – полунатуральное с нарастающими элементами капиталистического производства. В Горном Алтае скотоводство являлось основным источником существования не только алтайских, но и русских хозяйств. Хлебный дефицит восполнялся за счет покупки и обмена на местных ярмарках, куда привозили зерно и муку крестьяне и торговцы из соседних предгорных и степных районов Алтая.

3.4.3 Состояние промыслов и кустарных ремесел

В конце XIX – начале XX вв. население Горного Алтая помимо скотоводства и земледелия занималось различными промыслами, значение которых возрастало в связи с втягиванием региона в товарно-рыночные отношения. Доходы от промыслов и скотоводства были одинаковыми. Промысловые хозяйства носили товарный характер, но были подчинены торгово-ростовщическому капиталу [Иванцова 1993: 63]. Чаще всего между производителем и торговцем осуществлялся натуральный обмен товарами.

Охота и кедровый промысел. За 1896–1908 гг. удельный вес хозяйств, занимавшихся охотой и кедровым промыслом, снизился с 84% до 36,3% (в т.ч. 44,4% алтайских и 13,2% русских). Охотничий промысел был распространен повсеместно, а сбор кедрового ореха – более всего в таежном районе и на примыкающей территории правобережья Катунь. Охотой, которая была подсобным занятием, занималось в основном алтайское население и небольшая часть русских крестьян. Главным промысловым зверем являлась белка, но также охотились на лис, горностаев, колонков, медведей и др. Была распространена и охота на копытных животных (косуль, маралов, горных козлов). В среднем на одно хозяйство по отдельным районам добывалось 120 белок, 4 кабарги, 1,4 соболя, 2 марала и заготавливалось 30 пудов ореха [Коренные 2006: 30]. Охотились с тяжелой шомпольной винтовкой, малопулькой, пистонной или кремневкой, изредка даже фитильной. В некоторых местах продолжали использовать самодельный порох [Потапов 1948: 225].

Для коренного населения таежной части Горного Алтая охота была одной из главных занятий. Природные особенности обусловили развитие у местных жителей пешей зимней охоты. В основном охотились коллективом (артелью) на различных животных. Коллективная охота производилась облавой, также при помощи сооружения больших деревянных изгородей либо при помощи ловчих ям [Потапов 1948: 235].

Индивидуальная охота осуществлялась вблизи селений, главным образом посредством ловушек и самострелов [Тюркские 2006: 329].

Среди русского населения Горного Алтая охотой занимались преимущественно старожилы Уймонской долины. Они охотились на соболей, лисиц, волков, медведей, росомех, причем на каждого зверя были отработаны особые методы и способы добычи. Лучшие места обитания соболей находились на каменистых осыпях высоких гор. Поскольку добыча ценного зверька была трудоемкой, охотники собирались артелями по 15 человек. Соболей ловили ловушками. Лис и волков добывали осенью, летом охотились на маралов, козлов, и бобров. Добычу сбывали в старожильческие селения Прииртышья и купцам-скупщикам. Были также у них прямые торговые связи с китайцами и монголами [История 1995: 56].

К началу XX в. хищнические способы добычи с применением огнестрельного оружия привели к резкому уменьшению пушного зверя. Этому также способствовало рубка лесов, уничтожение их пожарами. Если в 1896 г. в Горном Алтае было добыто 873 тыс. условных «беличьих единиц», то в 1909 г. – только 414 тыс. [Коренные 2006: 30].

Вплоть до начала первой мировой войны кедровый орех занимал прочное место на внешнем рынке. Официальным сроком для начала сбора орехов было 15 августа. Сбор орехов продолжался примерно полтора – два месяца. Периодичность урожая: 1 раз в 4–5 лет. Заготовка ореха проводилась различными способами: работа прогоном, работа «барсом» и собирание опавшего ореха. В конце августа зрелые шишки покрывались живицей, в сырую погоду они разлагались, и под действием ветра и раскачивании сучьев шишки отваливались. Их заготовители просто собирали с земли. Недозревшие плоды обивали шестами (прогонами). Прогон вырубали преимущественно из рябины длиной 5–6 аршин (3,5–4,2 м), привязывали к нему кольцо из веревки, которое надевали на руку. Кто-нибудь из сборщиков лез на самую вершину дерева и, взяв в руки прогон, начинал сбивать им шишки с боковых ветвей, постепенно спускаясь всё ниже по стволу. При этом способе страдала озимь – завязь будущего года, поэтому с 1910 г. применение прогона было запрещено. Часто били шишки «с прислона» большим деревянным молотом с длинной рукояткой – «барсом» (*токпок*). С 1910 г. стал применяться также усовершенствованный «барс – кобылка», когда бревно прикрепляли к козлам так, чтобы раскачивать его и наносить более сильные удары по стволу дерева. При бое незрелых, крепко державшихся шишек, наносили большее количество ударов, что приводило к расшатыванию корневой системы кедра, после чего его вершины нередко засыхали. Кроме «барса» применялись и небольшие колотушки, которыми ударяли по сучкам. Рубка деревьев была самым хищническим способом сбора ореха [Бочанова 1985: 132–133]. При заготовке ореха использовался исключи-

тельно ручной труд с применением самых примитивных орудий: для снятия шишек – колот, прогон, палка, для обработки шишек и сушки ореха – терки, вальки, деревянные лопаты, берестяные сита. Опавшие шишки собирали в мешки и складывали на ровных, освещаемых участках леса. Собранные шишки перетирали на самодельных терках, затем отвеивали орех. Орех в мешках промысловики на себе либо выюком на лошади доставляли в стан. Для временного хранения ореха в лесу строили небольшие амбары [Парамонов 1998: 107]. Основной формой организации работ по заготовке ореха была артель, численность которой определялась урожайностью кедровников, их отдаленностью от селений. Организовывались артели «шишкарей» перед самым началом сбора ореха.

Коренное население Горного Алтая ореховым промыслом занималось семьями. В период сбора все жители айлов были в кедровниках. С первым таянием снега айлы уже пустовали – все население было на промысле зимней шишки, оставшейся в изобилии под снегом от прошлогоднего урожая [Парамонов 1998: 107]. Приезжая в кедровник, заготовители ореха ставили временные жилища – шалаши. Алтайцы использовали наиболее простые способы заготовки ореха и изготавливаемые на месте деревянные орудия. В основном собирали опавшие либо сбитые шишки. Чтобы потрясти кедр, лез мужчина, так как это дерево алтайцами считалось священным, и забираться на него женщинам запрещалось. Женщины и дети обычно собирали упавшие шишки в мешки. Алтайцы различали три степени зрелости шишек: *ак сай* (белые семена), *сары сай* (желтые семена) и *кер сай* (коричневые семена). Сбор ореха начинался, когда шишки достигали третьей степени зрелости (кер сай).

Чтобы извлечь семена из кедровых шишек, их надо было обмолачивать или растирать. Для обмолачивания делали настил из жердочек толщиной в 5–7 см, на который насыпали примерно с мешка шишек, затем разбивали их палками. Тонкие жердочки настила несколько ослабляли удары и предохраняли скорлупу от растрескивания. По мере того, как шишки разбивались, чешуйки и орех проваливались под настил, и к концу обмолота наверху оставались только стерженьки. Их сбрасывали и насыпали новую порцию шишек. Для растирания шишек изготавливалась специальная тёрка. Делали её из березы или лиственницы. Она состояла из двух частей: толстой плахи с вырубленными на ней «зубьями» и валька. Шишку клали на зубцы плахи, затем слегка ударяли по ней вальком и растирали. Раздробленная шишка падала прямо на землю или в ящик, который устанавливали под теркой. Существовал и другой вид терки – *баспак*, представлявший собой две короткие деревянные доски, покрытые зазубринами [Потапов 1936: 90]. Далее орехи дважды просеивали, используя берестяное решето, затем семена провеивали. Чтобы при хранении орехи не портились, их просушивали на солнце. Затем семена ореха ссыпали в мешки и везли домой либо на продажу. Одна

семья заготавливала около 20–30 пудов ореха. С каждого дерева снимали, в среднем, до 3 пудов шишек или около 30 фунтов (15 кг) очищенных семян [Бочанова 1985: 132].

Для значительной части населения Горного Алтая заготовка кедрового ореха была прибыльным делом. Ореховый промысел давал не только полезную пищу, но и возможность уплаты ясака в денежной форме за счет продажи ореха. Сбывали орех обычно недалеко от мест, где его заготавливали. Скупщики строили амбары для хранения ореха вблизи кедровников. Поздней зимой или весной, когда часть населения испытывала нужду в продуктах, скупщики на очень выгодных для себя условиях под обязательство уплаты орехом будущего урожая давали в долг ячмень, чай, свинец, порох, ткани и пр. Сбор долгов производился непосредственно в районе заготовок ореха. Здесь же по спекулятивным ценам в обмен на орех люди могли приобрести у скупщиков продукты питания, табак, спиртные напитки, обувь. Основная масса заготовителей ореха находилась в зависимости от разбогатевших на спекуляции торговцев. Из их среды выделялся зайсан Комляжской волости М.В. Тобоков, скупавший пятую часть орехов, добываемых в черневой тайге. Ему принадлежало более 50 складов и амбаров, разбросанных по бассейнам рек Кара-Кокши, Сары-Кокши, Кузи. Он имел торговые склады и магазины в Улале, Карасуке и Салганде. Жители с. Майма И.М. Сафронов и П.А. Сафронов скупали по 2–2,5 тысяч пудов ореха [Демидов 1968: 13].

Пчеловодство. Большое значение в жизни русских крестьян Горного Алтая имело пчеловодство. Начало местному пчеловодству положили казаки Усть-Каменогорской линии и старообрядцы – «поляки». По данным А.А. Бунге, русские крестьяне, проживавшие в юго-западной части Алтайских гор, развели так много пчел, что часть из них одичала и распространилась по лесам речных долин на довольно значительном расстоянии от р. Коксы до рек Чарыша и Кана. В свою очередь, соби́рание мёда одичавших пчел было важным промыслом жителей северных районов Горного Алтая, а также казаков соседних форпостов. Из одного дупла можно было добыть 2–3 пуда мёда. Мёд шел на внутреннее потребление и на продажу. Он заменял сахар, на нем варили варенье из различных ягод, делали самодельное пиво. Кроме того, продукты пчеловодства пользовались широким спросом на рынке [История 1995: 55].

Если в 1896 г. пчеловодством занимались 11,5% хозяйств (в т.ч. 3,3% алтайских), то в 1908 г. – 15,8% всех хозяйств (6,7% алтайских). За этот период количество ульев возросло с 24100 до 44200. В 1906 г. 477 хозяевами, имевшими 14500 ульев, было продано 2435 пудов мёда и 286 пудов воска. Технический уровень пчеловодства был крайне низким. Рамочные ульи только входили в практику, поэтому в работе были в основном колоды, выдолбленные из осины или лиственницы. Мёд и воск сбывали на местных ярмарках, в Бийске, а также частным торговцам.

Основной объем мёда (78%) поступал с русских волостей. В последующие годы количество пчеловодов, как и ульев, пошло на убыль. Так, в 1916 г. в 126 селениях, имевших пасеки, насчитывалось 24,5 тыс. ульев. Основная их масса (около 80%) была сконцентрирована в таежном, правобережном районах и Уймонской долине [Коренные 2006: 29].

Рыболовство. Собираательство. Ловлей рыбы для собственного потребления занималось русское население, а также Коренные жители северных районов. Отлавливали различные сорта рыбы: тайменя, ускуча, окуня, щуку и др. Орудиями лова служили разные крючки, невода, сети, верши и т.д. Как в горных, так и в предгорных районах был развит сбор различных ягод, съедобных корней кандыка, сараны, корня пиона, красного (медвежьего) корня. Весной употребляли в пищу черемшу (*калбу*), дягиль (борщевик), полевой лук, дикий чеснок, ревень и др. Хотя собираательство растений было распространенным явлением, оно все-таки было уделом беднейшей части населения, особенно в летнее время [Сатлаев 1995: 54].

Кустарные ремесла. По неполным данным на 1912 г., в Горном Алтае было учтено 12 мельниц, 20 кузниц, 18 кожевенных и 5 кустарных предприятий. Имелись также столярные, гончарные, смолокурные, салотопные, воскобойные мастерские. Они были сосредоточены в Улалинской, Шебалинской, Уймонской волостях. Кустарным ремеслом занимались преимущественно русские крестьяне. Большая часть изготовленной продукции сбывалась в тех же селах, где она и производилась. А традиционные алтайские ремесла (изготовление домашней утвари, орудий труда, выделка кожи, шерсти и др.) входили в домашнее производство и не учитывались [Коренные 2006: 30].

Домашние промыслы имели большое значение для хозяйства алтайцев. Широко практиковалась выделка шкур различных животных, которые подвергались в зависимости от целей применения тем или иным методам обработки. Так, если требовалась сыромятная кожа для изготовления узд, недоузdkов, чембуров и плетей, то стянутую с животного шкуру привязывали к крепко вбитому в берег колу и опускали в реку, оставляя ее там до тех пор, пока вся шерсть не вымывалась водой. После этого шкура вынималась, натягивалась и сушилась. Далее ее разрезали на ремешки, плели узды, плети и т.д. Совершенно иной была техника обработки сырья, когда требовался материал для изготовления кожаной посуды. В этом случае шкуру мочили в воде, затем, немного подсушив, мяли и на заключительном этапе обрабатывали жиром лошади, барсука или медведя. Из готовой кожи изготавливали переметные сумы (*арчымак*), кожаные сосуды (*борбий*) емкостью до одного ведра и другие предметы, необходимые в домашнем обиходе. Иначе обрабатывалась шкура, предназначенная для шитья обуви (обычно КРС или лошади). Ее мочили в воде, затем брили ножом начисто. Затем шкуру проветривали на

солнце до тех пор, пока она не делалась легкой. После этого ее мяли, время от времени смазывая жиром. Потом кожу в течение 7–10 дней коптили в юрте над очагом и снова мяли. Обработка кожи оканчивалась окраской. Для окраски в темно-коричневый цвет ее опускали в горячий настой лиственной коры; черный цвет достигался путем обработки кожи в отваре костей с последующим ее натираaniem порошкообразным пихтовым углем. Обработкой овчин для изготовления одежды занимались исключительно женщины. Они опускали свежую шкуру в соленый раствор и мыли, затем растягивали ее для просушки в тенистом месте, обрабатывали обезжиренной сывороткой, после чего квасили печенью, мяли и коптили. Коптили овчину обычно зимой, так как летом она быстро сохла и плохо поддавалась копчению. Выделанная таким образом овчина не боялась влаги. Из нее шили шубы, тулупы, рукавицы и т.д. [История 2001: 210]. Шкуру козы, которая не выдерживает крепкой обработки, выделывали проще, натирая ее вареной печенью и сывороткой. Мяли ее только вручную, чтобы не вылезла шерсть. Шкуру молодого марала и косули обрабатывали только вареной печенью, мяли и также коптили. Умели выделывать грубую замшу. Для этого шкуру лося, марала или горного козла мочили в воде, а затем снимали с нее шерсть железным скребком вместе с тонким слоем кожи. Потом шкуру сушили и мяли. Если замшу делали летом, то после того как со шкуры снимали шерсть, ее смазывали жиром. При выделке кожи использовались железная скребка (*күрүй*) и деревянная палка с зазубринами (*эдрек*) [Потапов 1948: 229].

Среди домашних промыслов заметную роль играла обработка шерсти, из которой делали кошмы, потники, войлок, материал для экипировки жилищ. При изготовлении войлока овечью шерсть перебирали или взбивали деревянными прутьями и клали ровным слоем либо на старую кошму, либо на утопанную землю, затем sprysкивали ее водой или сывороткой, завертывали в трубку и катали. Катанье производили вручную, а при изготовлении войлока большого размера использовали лошадь. В изготовлении войлока участвовали обычно женщины [Потапов 1948: 226]. В домашнем производстве алтайцев определенное место занимала обработка конского волоса. Путем плетения и скручивания из него получали веревки, арканы, чембуры, которые использовались в хозяйстве для привязи лошадей, молодняка, при строительстве юрты, а также при перевозках. Существовало у алтайцев изготовление изделий из дерева и рогов. Из березы изготавливали седла, ступки, чашки, корытца, поварешки, ножны и другие предметы. Для изготовления деревянных украшений использовалась мягкая кедровая древесина. Изделиями из рогов обычно украшали седельные луки, накладки на подпружных седельных ремнях, пряжки, седельные подвески и т.д. Сохранилось и кузнечное ремесло: изготовление ножей, блях, стремян, удилов, различ-

ных колец и простейших сельскохозяйственных орудий и др. [История 2001: 211]. В целом, кустарные ремесла у алтайцев входили в домашнее производство.

3.4.4 Местная торговля

Свидетельством роста мелкотоварного производства в сельском хозяйстве Горного Алтая являлось распространение в крупных селах торговых базаров, сезонных ярмарок. В 1908 г. постоянные базары действовали в 4-х, а сезонные ярмарки – в 9-ти селах. Из них крупными являлись ярмарки и базары в Улале, Катанде, Черном Ануе и в Онгудае. Позднее ярмарки открылись в Усть-Кане, Барагаше и других селах. Для сбыта пушнины значительную роль играли Александровская, Усть-Канская, Катандинская и другие ярмарки [Щеглова 2002: 82]. Наряду с ярмарочной торговлей все большее развитие получали стационарные торговые заведения: магазины, лавки, склады. В 1912 г. в Кош-Агаче работали торговые заведения А.С. Афанасьева, Я.П. Букина, М.А. Козловского, две лавки фирмы «Наследники И.Г. Игнатьева», годовой оборот которых составлял 52 тыс. руб., позже открылись отделения фирм А.В. Колмакова и Н.Б. Калгаманова. В 1912 г. оборот мануфактурной лавки крестьянина И.Н. Юдина в с. Шебалино составил 20 тыс. руб. [История 2000: 28].

За 13 лет (1899–1912) количество торговцев в Горном Алтае увеличилось вдвое (с 50 до 104 чел.), а их обороты в 10 раз (с 75 тыс. до 754 тыс. руб.). Многие местные торговцы были тесно связаны с торговыми домами Бийска; у них скупали товары, сбывали сырье, участвовали в торговле с Монголией. Среди них можно выделить В.И. Юрганова, А.М. Тобокова (с. Улала), А.С. Попова, А.А. Чендекова (с. Шебалино), А.В. Кайгородова (с. Мыюта), Д.М. Тобокова (с. Онгудай), И. Бочкарева (Уймон). О росте капиталов можно судить на примере А.С. Попова. В 1899 г. он вывез товаров в Монголию на 1,1 тыс. руб. и привез на 3,7 тыс. руб., а в 1913 г. – соответственно на 20,8 и 17,9 тыс. рублей. В среде зажиточных алтайцев также формируются мелкие и средние торговцы, например, А.Г. Манеев (имел торговые лавки в селах Чемале, Чопоше), К. Мамаев (с. Апшуякта), Н.Н. Тузиков (Тондошка), И.С. Козлов (Бирюля), И.А. Сафронов (Майма), П. Тыдыков. Они занимались скупкой кедрового ореха, животного сырья и мелкой торговлей. Не чуждались торговли и богачи, например, братья Тобоковы имели мануфактурные лавки в Паспауле, Ынырге, Онгудае, Улале, а А. Кульджин – в Кеньге.

В процессе оживления торговли некоторые крупные села – Улала, Майма, Шебалино, Онгудай и другие – превратились в торгово-ремесленные центры. В 1908 г., например, в Улале имелись 2 маслозавода с 4

молочными отделениями, 2 мельницы, 6 кузниц, 4 кожевенных и 2 столярные мастерские, 4 кирпичных завода, около 20 лавок, постоянный базар и проходила семидневная зимняя ярмарка [Коренные 2006: 31]. А в Онгудае большая ярмарка проводилась ежегодно с 15 декабря по 1 января. Более сносные дороги приводили сюда большое число покупателей и торговцев. Торговали здесь преимущественно хлебом и пушниной. Цены на хлеб были здесь относительно невысокими. Так, в 1897 г. пуд пшеничной муки стоил 58–60 коп, ржаной – 35 коп. Ячмень продавался по 35 коп за пуд, овес – 24 коп, просо – 40–50 коп, соль – 50–60 коп за пуд. На ярмарке было много пушнины. Шкурка соболя стоила 10–20 руб., рыси – 5–10 руб., белки – 18 коп. Кожа марала продавалась за 3–4 руб., козлиная – 0,30–1,0 руб., овчина – 0,3–0,5 руб. за шт. Значительный наплыв покупателей позволял торговцам осуществлять массу выгодных сделок и операций. Объективно ярмарки и розничная торговля постепенно приводили к ограничению ростовщических форм купли-продажи и обмена как живого скота, так и продуктов скотоводства и промыслов.

В укреплении торгово-рыночных связей, перевозке товаров между районами Горного Алтая и уездным центром г. Бийском большое значение имели местные колесные тракты: Уймонский, Кебезенский и Чемальский [Коренные 2006: 30]. Главную роль выполнял Чуйский же тракт, проходивший через весь Горный Алтай с северо-запада на юго-восток, и имевший не только внутреннее, но и международное значение, так как по нему осуществлялась торговля с Западной Монголией. Среди местных дорог видное место занимал Уймонский тракт, общей протяженностью в 352 версты. Тракт проходил по лучшим в земледельческом отношении местностям Горного Алтая. На этом пути находились села Смоленское, Алтайское, Куяган, Тоурак, Черный Ануй, Келей, Усть-Кан, Кырлык, Абай, Красноярка, Усть-Кокса, Нижний Уймон и Катанда. От последнего села шла горная выючная тропа по левому берегу Катунь до урочища Соок-Ярык, затем следовала переправа через Катунь, и далее по старинной горной тропе торговцы добирались до Курайской степи. Уймонский тракт был проложен силами местного населения. Крестьяне окрестных деревень ежегодно проводили его ремонтные работы. От Чуйского тракта через пункт Теньга (Кенги) была проложена силами местного населения дорога до станции Ябоган и села Тюдоралы [Пустогачева 2007: 70–71]. Второй по протяженности Кебезенский тракт (181 верста) также начинался в Бийске, проходил через села Верх-Катунское, Сростки, Быстрянку, Старую Барду, Тайнинское, Нижнее Пьянково и заканчивался в Кебезени. Отсюда через Телецкое озеро, затем по горной тропе, пролегавшей по долинам Башкауса, Кубатру и Тадилу, добирались до Курайской степи. Третий, Чемальский тракт ответвлялся в Быстрянке и проходил через села Чергачак, Улалу, Бирюлю, Алексан-

дровку, Беш-Бельтир, Узнезю, Эликмонар и заканчивался в с. Чемале. Эта дорога была проложена в 1868 г. в связи с ожидаемым приездом великого князя Владимира Александровича [Пустогачева 2007: 72]. Таким образом, в начале XX в. территория Горного Алтая покрылась широкой сетью путей сообщения, что, несомненно, способствовало оживлению торговли и развитию экономики горного края.

3.4.5 Международная торговля по Чуйскому тракту

В торговле Западной Сибири с северо-западной частью Монголии важную роль играл Чуйский тракт, который оказывал заметное влияние и на социально-экономическое развитие Горного Алтая. Чуйский тракт (ранее торговая тропа) проходил большей частью через горные, труднопроходимые местности. Особенно опасным был участок дороги от с. Онгудая до урочища Сары-Тума (около Чибита). В связи с плохим состоянием дороги конкурентов у бийских купцов не было, и торговля по Чуйскому тракту долгое время оставалась их монополией. Они жертвовали мизерные средства на поддержание выючной тропы, например, в 1865 г. выделили всего 780 руб. [Третьяков 1979: 45–46]. В последней трети XIX в. вопрос строительства Чуйского тракта приобрел государственное значение. Центральные и местные власти занялись организацией проектирования тракта на участке от Онгудая до Кош-Агача. В 1877 г. в Горный Алтай был направлен инженер-конструктор Клобуков. Внимательно осмотрев дорогу на Чуе, он составил проект и смету расходов, необходимых для устройства дороги. По смете Клобукова, стоимость строительства дороги составила 400–500 тыс. руб. Найдя сумму затрат на обустройство дороги слишком огромной, власти оставили на время вопрос открытым. Первое исправление тропы началось в 1879–1880 гг. по поручению генерал-майора Нарского. Под его руководством дорога была приспособлена к колесной езде от с. Онгудая до с. Хабаровки. Для устройства дороги от Хабаровки до Кош-Агача министерство финансов организовало в 1880-х гг. ряд командировок инженеров А. Яцевича, А.М. Брецинского (с техником А.И. Александровым) и преподавателя Барнаульского технического реального училища Н. Ивачева для обследования дороги и составления сметы расходов. Н. Ивачев сделал поверхностное описание пути и, в отличие от предшественников (рассчитавших суммы расходов от 400 до 100 тыс. руб.), определил стоимость его исправления в размере 48565 руб. Комитет Сибирской железной дороги ассигновал на предварительные изыскания 2500 руб. и на капитальные работы – 45000 руб. Кабинет. выделил на строительство Чуйского тракта из своих средств 3000 руб. [Пустогачева 2007: 64–65]. Очередное изыскание Чуйского тракта было проведено в 1894 г. военным инженером И. Вараксиным и поручиком Н. Юлышевым. Их изыс-

кания продолжались два с половиной месяца. По заключению И. Вараксина, на устройство колесного пути требовалась крупная сумма – 193 тыс. руб. Расхождения между сметами Н. Ивачева и И. Вараксина были огромными, поэтому для более точного расчета объема работ был направлен инженер А.В. Ломачевский. Но в силу разных причин он свою работу не закончил [Пустогачева 2007: 65–66].

После длительных бюрократических проволочек, переписки было получено официальное разрешение на строительство дороги. Уполномоченным по строительству дороги был назначен барнаульский уездный исправник Ф.П. Лучшев. Вместе с ним был направлен в Горный Алтай инженер И.И. Билль. Они предложили построить три переправы через Катунь, а ширина дороги, по их мнению, не должна была превышать 5 аршин. При таком подходе к обустройству пути, необходимо было 60000 руб. Обсудив предложенный проект, правительство одобрило его и открыло финансирование работ. В 1901–1902 гг. на перестройку тропы было выделено 110000 руб., в т.ч. по 45000 руб. выделили Министерство финансов и Комитет Сибирской железной дороги и 20000 руб. – Кабинет. Подрядчиком выступил бийский мещанин А.Смирнов. Однако все тяготы строительства легли на плечи местного алтайского и русского населения, которое отрабатывало повинности на строительстве дороги. Для этого все участки дороги были закреплены за селами. Жители каждого села обязывались следить за своим участком дороги и содержать его в надлежащем состоянии. Чуйские купцы собрали на строительство дороги 10000 руб. и передали их своему старшине Н.И. Асанову для выдачи подрядчику по мере необходимости. Предполагалось, что денежная сумма, выделенная купцами, поможет устранить некоторые неисправности на дороге и сделает Чуйский тракт приспособленным для езды на телегах. Единственным неудобством остались три паромные переправы через Катунь [Пустогачева 2007: 66–67].

Для производства взрывных работ из 6-й саперной бригады, расквартированной в Москве, были откомандированы 2 офицера и 30 нижних чинов. Саперная команда под руководством поручика Федорова 11 июля прибыла в с. Хабаровку. Команда была разбита на две партии, которые вели взрывные работы от Онгудая и Кош-Агача, двигаясь навстречу друг другу. Одной партией руководил Федоров, а другой – офицер Бурхановский. В 1901 г. на строительстве дороги было занято от 80 до 158 рабочих. В 1903 г. работы по прокладке колесного пути от Онгудая до Кош-Агача были завершены. С улучшением дороги перевозка грузов становится выгодным промыслом русских крестьян и алтайцев, проживавших в селениях, расположенных около тракта. Перевозкой грузов занимались как отдельные «вольные» ямщики, так и целые артели. Так, в начале 1900-х гг. на тракте было занято более 600 ямщиков при 3000 перевозных лошадей. По мере развития торговли шел процесс постепен-

ной монополизации перевозок. К 1910 г. значительный объем всех перевозок по Чуйскому тракту осуществляла транспортная контора Г. Варвинского с главной резиденцией в Онгуде [Третьяков 1979: 45–46].

В феврале 1901 г. в связи с истечением срока действия договора между Россией и Китаем о взаимной торговле по сухопутной границе томский губернатор потребовал от Бийского уездного исправника собрать необходимые сведения по данному вопросу. Исправник сообщил, что товары от г. Бийска до с. Онгудая транспортировались гужом, от Онгудая до Кош-Агача и далее в Монголию в тюках на верблюдах. Провозная плата от Бийска до Онгудая составляла 20–30 коп. за пуд, от Онгудая до Кош-Агача – 80–90 коп., от Кош-Агача до монгольского пункта Кобдо – 60–80 коп., от Кобдо до Улясутая – 0,9–1,2 руб. Сверх того, на накладные расходы приходилось 10 коп. на пуд. В 1892 г. было привезено товаров на сумму 200258 руб., вывезено на 174638 руб., в 1897 г. – 641430 и 561856 руб. соответственно, в 1900 г. – 554231 руб. и 423235 руб. В течение всего периода, за исключением 1893 и 1898 гг., импорт преобладал над экспортом. В качестве мер, способствующих улучшению торговли, исправник предложил перенести место перехода границы для торгующих лиц с Юстыда и Суока на Ташанту, поскольку именно им пользовались русские торговцы. Кроме того, в рапорте содержалась просьба учредить почтово-телеграфное сообщение между Бийском, Кош-Агачем, Кобдо и Улясутаем и учредить российское консульство в Улясутае. Предлагалось также узаконить новым договором неофициально существующий скотопрогонный тракт из Монголии в Иркутск, т.к. большая часть скота, покупаемая в Монголии, шла по нему в Восточную Сибирь [История 2000: 28–29].

За 1892–1910 гг. объем вывоза товаров в Монголию через Чуйский тракт увеличился в 4 раза (со 175 тыс. до 739 тыс. руб.), а ввоза – в 20 раз (с 200 тыс. до 4014 тыс. руб.). В экспорте основное место занимали хлопчатобумажные ткани, выделанная кожа (юфть), панты, серебро, металлические изделия, а в импорте – шерсть (овечья, верблюжья), шкуры сурка, шелковые ткани, чай и живой скот [Коренные 2006: 31]. Монгольская шерсть продавалась в Россию, но большей частью она сбывалась американским, датским и другим иностранным фирмам, которые имели своих представителей в Бийске. Торговля шерстью давала бийским купцам сравнительно высокие и стабильные прибыли. Так, в 90-е гг. XX в. пуд овечьей шерсти в Кобдо стоил 3,5 руб., провоз до Бийска – 1,5 руб. Средняя продажная цена в Бийске была 6 руб. 20 коп. Чистая прибыль составляла 16% от оборота. Важной статьей российского импорта являлись шкурки сурка, которые с большим успехом использовались для имитации ценных мехов. Резкие колебания цен на сурковые шкурки придавали торговле ими характер ажиотажа. Так, по сведениям бийского податного, по раскладочному налогу присутствия, крупные бийские

торговцы сурком получили в 1900 г. до 50% чистой прибыли. А в 1903–1904 гг. в связи с резким падением цен на Ирбитской ярмарке шкуры не были распроданы и пролежали на складе более 2-х лет. В результате, крупные бийские купцы понесли значительные убытки [Третьяков 1979: 45–48].

Китайские товары составляли значительную конкуренцию российским товарам на территории Горного Алтая. Они стоили дешевле из-за низких накладных расходов на доставку. Китайские торговцы практиковали торговлю полуфабрикатами (заранее раскроенной кожей для обуви, вымеренными отрезками ткани и т.п.), а китайские торговые фирмы, предоставляя выгодные условия кредита зайсанам и баям, пользовались большим влиянием в торговле среди населения южных районов Горного Алтая. Бийские купцы, пытаясь выправить свое положение, на своем совещании в 1910 г. предложили губернским властям отменить беспошлинную торговлю в пределах 50-ти верстной полосы вдоль границы [История 2000: 29].

В 1900-х гг. выгодной статьей российского импорта был живой скот. В 1907 г. общая сумма закупленного и вывезенного из Монголии скота составила 32880 руб., в 1908 г. – 41945 руб., в 1909 г. – 73490 руб., в 1910 г. – 123199 руб. Скототорговцы делились на мелких перекупщиков и крупных оптовиков. Крупные оптовики закупленный скот большими партиями перегоняли в Восточную Сибирь, а заготовленное мясо отправляли в Москву, Петербург и другие города [Третьяков 1979: 45–48; Щеглова 2002: 91]. Вывоз товаров в Монголию проходил циклично и определялся сроками Ирбитской и Нижегородской ярмарок. Первая поставка товаров осуществлялась в марте–апреле (отчасти в мае), вторая – в сентябре–октябре. Вывоз товаров из Западной Монголии начинался с ноября.

3.4.6 Геологоразведочные работы.

Развитие золотодобывающего дела

На рубеже XIX – XX столетий Кабинет не занимался промышленной деятельностью в Горном Алтае. После 1903 г. кабинетское ведомство приступило к разведочным работам в Алтайских горах. Кабинет и частные лица проводили разведку на золото в верховьях Ануя, в бассейнах Песчаной, Катунь, Бии, а также в районе Муны и Улалы [Исследователи 2000: 13]. Кроме этого предпринимались попытки разыскать полиметаллические руды и нерудные полезные ископаемые. В 1905 г. геолог Э.К. Ширц искал россыпное золото по Пыже, Копше и другим горным рекам [Ширц 1905: 29–40]. Летом 1906 г. под руководством кабинетского геолога С.А. Яковлева начались более масштабные геологические исследования между нижним течением Катунь и Бии. Практическим

результатом двух поисковых сезонов стало открытие неплохого месторождения золота в бассейне р. Каянчи [Яковлев 1907: 120]. Одновременно геологическим описанием бассейнов Бии и Катунь занимался Б.К. Поленов. В 1907–1909 гг. партия геолога А. Юферова искала золото по Улале, Мунам, Баранче и другим рекам Горного Алтая. Впоследствии разведка золота проводилась в верховьях Ануя, по Песчаной, Катунь (от Сумульты до Урсула), а также в бассейнах Чарыша, Коксу, Пыжи и Копши.

Как видно, объектом детального изучения геологов было, в первую очередь, россыпное золото Горного Алтая. Предпринятые масштабные поиски этого драгоценного металла имели положительные результаты: были открыты золотые россыпи в бассейнах Ануя, Бии, Катунь, Лебедя и других рек. Наибольшими перспективами отличался Лебедский район, который Кабинет сдавал в аренду золотопромышленникам. Вторым золотопромышленным районом были местности по рекам Малого и Большого Колычака и, частично, по Телецкому озеру, где тоже действовали арендаторы. Передача золотоносных местностей частному капиталу осуществлялась на концессионных началах. Кабинет отдавал приоритет крупным компаниям, таким как «Южно-Алтайское золотопромышленное дело» и «Сибирская компания». Золотопромышленники-арендаторы за разработку приисков платили денежные подати в пользу кабинетского ведомства.

Серьезным препятствием для развития частной золотодобычи являлись не арендные платежи, а скорее невозможность получить прииск в частную собственность. Отвод отбирался, если в течение одного года на нем не производилось подготовительных работ и если в течение двух лет предприниматель не мог наладить добычу золота. Прииски отбирались также при неправильной разработке или меньшем объеме добычи золота, чем указано в договоре. Для получения большей прибыли золотопромышленники разрабатывали богатые россыпи, забрасывая бедные. Это приводило к хищнической, нерациональной эксплуатации полезных ископаемых без какой-либо механизации приисков. Техническое устройство приисков было примитивным, основу золотодобычи составлял ручной труд. Золотоносные пески разрабатывались открытым способом, а кайло, лом и лопата были основными орудиями производства. Добытый золотоносный песок доставляли к промывальным устройствам, среди которых самыми распространенными были чаши, бутары, бочки. Механизация золотодобычи не могла развернуться на основе небольших капиталов местных предпринимателей. Только крупная акционерная компания могла приступить к механизации своих предприятий.

Большую часть месторождений Лебедской системы разрабатывала крупнейшая акционерная компания «Южно-Алтайское золотопромышленное дело Мальцева и К^о» [Голубев 1890: 421]. После некоторой модерниза-

ции производства в начале XX в. акционерная компания сумела наладить добычу золота в более крупных масштабах. В 1903 г. компания приступила к разработке Воронцовского прииска, расположенного в системе р. Коучака, впадающей в Лебедь. В первый год из россыпи было добыто 2 пуда 15 фунтов золота, включая крупные самородки. В апреле 1904 г. рабочий прииска П. Воробьев поднял из забоя золотой самородок весом более 24 кг, самый крупный в истории золотопромышленности Горного Алтая. Администрация компании щедро поощрила всех рабочих и служащих прииска на общую сумму 3000 руб., в т.ч. Воробьев получил 1000 руб. [Розен 1992: 66]. Были и другие находки. Так, на Бийкинском прииске, где разрабатывалась единственная в Сибири золотосеребряная россыпь, находили куски самородного серебра весом до 600 граммов. Отдельными частными лицами и немногими мелкими компаниями разрабатывались россыпи в бассейнах Песчаной, Ануя и в окрестностях Телецкого озера. Помимо акционерных компаний добычей золота в Горном Алтае занимались несколько артелей старателей.

Из нерудных полезных ископаемых наибольший промышленный интерес у частного капитала вызывал асбест, или горный лен. В 1895 г. геолог Астафьев в отрогах Терехтинского хребта обнаружил новые месторождения асбеста [Сперанский 1937: 125]. Открытием Астафьева заинтересовалось петербургское акционерное общество «Уралит», учрежденное в 1898 г. для разработки этого ценного сырья. На следующий год компания отправила в Алтайские горы специальную экспедицию на разведку теректинских асбестов. Геологам «Уралита» удалось открыть асбестовые месторождения в нескольких местах по Терехтинскому и Катунскому хребтам, но вкладывать средства в добычу асбеста петербургская компания не решилась.

В 1905 г. концессию на разведку и разработку асбеста получил М.М. Имшенецкий, который основал «Южно-Алтайское асбестовое товарищество». В 1906–1907 гг. разведка в Терехтинском и Катунском хребтах выявила много месторождений асбеста [Сперанский 1937: 126]. Самые большие месторождения отмечены по Казнахте и Околу. М. Имшенецкий попробовал наладить добычу асбеста на Казнахтинском месторождении. Было добыто полторы тонны высокосортного асбеста, но из-за трудностей транспортировки от дальнейшей промышленной разработки казнахтинского асбеста Имшенецкому пришлось отказаться. Зато на более доступном Батунском месторождении предпринимателю удалось организовать небольшое производство. Здесь он построил небольшую сортировочную фабрику, действующую при помощи конного привода. В 1912 г. Имшенецкий продлил договор с Кабинетом на разведку и добычу асбеста по Катуні. Но в начале первой мировой войны фабрика сгорела. Алтайским асбестом заинтересовалось акционерное общество «Треугольник», которое в 1917 г. отправило геолога О.М. Аншелеса в Горный Алтай

для выяснения перспектив промышленной добычи асбеста. Он дал заключение об убыточности асбестового производства в Алтайских горах [Сперанский 1937: 125–126].

В Алтайских горах имелись значительные запасы известняка и мрамора, которые в небольших размерах добывались местным населением для собственных нужд. В начале XX в. несколько мелких предпринимателей разрабатывали песчаники возле Тулая – притока Бии. В районе Мунов и в некоторых других местах крестьяне пережигали известняки на известь. Частично разрабатывался мрамор в бассейне Катунь. На собственные нужды местного населения использовался бурый уголь в Чуйской степи.

Таким образом, в конце XIX – начале XX вв. основной сферой деятельности алтайского и русского населения Горного Алтая являлось сельское хозяйство, которое постепенно вовлекалось в товарно-рыночные отношения. В сельском хозяйстве происходило увеличение поголовья скота, посевных площадей. Наблюдался рост товарности скотоводства, о чем свидетельствовало увеличение производства и продажи масла, мяса, шерсти, кожи и другой продукции. Хотя ввоз монгольского сырья не покрывался вывозом товаров из России, торговля с Монголией в целом стимулировала развитие местной кожевенной промышленности и строительство Чуйского тракта. Торговля по Чуйскому тракту способствовала развитию товарно-денежных отношений, разложению натурального скотоводческого хозяйства. В это время оживились кустарно-ремесленные промыслы и сельская торговля. Алтайское и русское население в разной степени было вовлечено в торгово-рыночные, капиталистические отношения. Среди первой группы населения доминировало полунатуральное скотоводческое хозяйство с нарастающими элементами мелкотоварных отношений. А у второй преобладало мелкотоварное производство, но сохранились некоторые патриархальные черты.

В конце XIX – начале XX вв. в северо-восточной части Горного Алтая в небольших размерах развивалась добыча золота, а в его юго-западной части были предприняты первые попытки разработки асбеста. Однако на жизнь местного населения они по существу никакого влияния не оказали. По уровню социально-экономического развития и степени втянутости в общероссийский рынок Горный Алтай значительно отставал от зерновых районов Сибири и относился к аграрно-сырьевым окраинам России.

3.4.7 Имущественное и социальное расслоение населения

В конце XIX – начале XX вв. в процессе постепенного вовлечения сельского хозяйства Горного Алтая в рыночные, капиталистические отношения происходило вымывание средних слоев крестьянства, расслое-

ние его в массе своей на сельских батраков и нищих, с одной стороны, и на кулаков и баев, с другой.

Для анализа изменений в имущественном и социальном положении крестьян используются материалы обследования 1908 г. и выборочные данные переписи 1917 г. Отметим, что указанные сведения не сопоставимы, ибо они получены на основе различных методик и отличаются по масштабам. Так, если данные за 1908 г. охватили приблизительно 75–80% всех хозяйств Горного Алтая, то обработанные материалы переписи 1917 г. включают сведения по 42–43% хозяйств. Тем не менее, они дают представление о характере и основных направлениях расслоения крестьянства. При изучении вопроса о расслоении крестьянства Горного Алтая наиболее показательной является группировка хозяйств по натуральным признакам, точнее по количеству рабочих лошадей и крупного рогатого скота, ибо в экономике края преобладающее место занимало скотоводство, а внутри последнего — коневодство и мясомолочное скотоводство.

Таблица 1. Группировка алтайских хозяйств по количеству скота, 1908 г.

Группы по количеству лошадей	хозяйств		В них лошадей		Группы по количеству КРС	хозяйств		В них КРС	
	Абс.	%	тысяч	%		Абс.	%	тысяч	%
0	310	4,8	—	—	0	357	5,3	—	—
1–4	2413	36,0	5,7	3,7	1–5	1925	28,8	6,5	5,3
5–19	2422	36,2	25,0	16,0	6–9	1499	22,4	12,9	10,0
20–49	1009	15,1	32,5	20,8	10–24	2125	31,8	33,3	27,8
50–99	299	4,5	22,3	14,2	25–49	568	8,5	22,7	19,0
100 и более	230	3,4	71,2	45,3	50 и более	218	3,2	45,3	37,9
Всего	6692	100	156,7	100	Всего	6692	100	119,7	100

Источник: Коренные 2006: 124

В 1908 г. алтайская бедняцкая группа, составляя 41% всех хозяйств, имела очень малую часть скота: 4% лошадей и 5% КРС. В то же время зажиточная группа (8–11%) сосредоточивала у себя почти 60% всех лошадей и около 70% поголовья КРС. Остальная часть скота находилась в хозяйствах середняцких групп. Переходя к характеристике русских крестьянских хозяйств Горного Алтая, необходимо сказать, что в 1908 г. не вошли сведения по большинству хозяйств старожилов, поскольку обследованием было охвачено только переселенческое (неземлеустроенное) население. Среди обследованных русских хозяйств беднейшая часть (свыше 30%), как и у алтайцев, обладала мизерной частью стада: 7% лошадей и 5% поголовья КРС. Зажиточная группа (11–13%)

держала 40% лошадей, и свыше 48% поголовья КРС. Оставшейся частью скота владели середняцкие хозяйства [Екеев 1994: 37].

Об экономическом состоянии социально-имущественных групп населения Горного Алтая в 1917 г. некоторое представление дают разработки анкет переписи 1917 г. по 6535 хозяйствам, в т.ч. по 4093 алтайским и 2224 русским. Согласно этим данным, алтайские хозяйства беднейшей группы имели в среднем 3–4 едока, до 2 лошадей, 5–6 голов КРС, 3–4 головы МРС и 0,3 дес. посева. Сельскохозяйственным инвентарем они практически не были обеспечены: в среднем на 100 хозяйств приходилось 15 сох и плугов, 10 борон. В середняцких хозяйствах было 5–6 едоков, 16–17 лошадей, 14–15 голов КРС, 15–16 голов МРС и 0,9 дес. посева. Инвентарем они были обеспечены плохо: в расчете на 100 хозяйств было 24 плуга и сохи, 47 борон и 2 единицы сложного инвентаря. Зажиточно-байские хозяйства при 8 едоках обладали 126 лошадьми, 52 головами КРС, 54 головами МРС и 0,9 дес. посева. Инвентарь, как и у основной массы скотоводов, был редким явлением: в 22-х случаях из 100 имелся пахотный и в 13-ти – сложный инвентарь.

Русские беднейшие хозяйства были также слабо обеспечены средствами производства. При 5 едоках они имели до 2 лошадей, 4–5 голов КРС, 2 головы МРС и 0,8 дес. посева; инвентарь встречался редко: в 17-ти случаях из 100 имелись сохи и плуги, в 31-м – бороны и лишь в 1-м случае – сложный инвентарь. Хозяйства середняцкой группы при 6–7 едоках располагали 5–6 лошадьми, 10–11 голов КРС, 3–4 головами МРС, 1–2 свиньями и до 3 дес. посева. У них имелись пахотные орудия (63 на 100 хозяйств), бороны (2 на 1 хозяйство) и немного сложного инвентаря (18 на 100 хозяйств). Зажиточно-кулацкие хозяйства при 8–9 едоках владели 25 лошадьми, 27 голов КРС, 15 голов МРС, 6–7 прочим скотом (свиньи) и до 8 дес. посева. Орудиями и машинами они были обеспечены достаточно: в среднем на 1 хозяйство приходилось до 2 плугов, 3 бороны и 1–2 машины [Коренные 2006: 37].

Беднота и середнячество. В начале XX в. в алтайском обществе сохранялись довольно большие группы бедняцких (*јокту*) и середняцких (*талортолу*) хозяйств. Средняцкие хозяйства занимали промежуточное между бедняцкими и зажиточными группами положение. Мало-мощная часть середняков, как и беднота, вынуждена была обращаться за помощью к зажиточным соплеменникам. Средние слои алтайского общества также втягивались в рыночные, мелкотоварные отношения, хотя основная их часть сохраняла полунатуральный строй хозяйства [Коренные 2006: 33–34].

Байство. К началу XX столетия в среде крупных скотоводов формируется слой баев нового типа, которые стали заниматься товарным скотоводством, а также торговлей. Новый тип баев был характерен для районов, прилегающих к Чуйскому тракту. Эти баи наряду с улуч-

Таким образом, анализ материалов показал, что в алтайском обществе происходило не только имущественное, но и социальное расслоение населения. Старая, более или менее однородная масса патриархально-натуральных хозяйств разрушалась, складывались новые социальные группы: байство предпринимательского типа и сельские батраки (*јалчы*). Под влиянием развития торгово-рыночных отношений происходила трансформация натуральных хозяйств в мелкотоварные. Среди зажиточно-байской группы, ориентированной на товарное скотоводство, стал использоваться труд батраков. В алтайском хозяйстве формирование крупного сельскохозяйственного производства шло крайне медленно, следовательно, процесс первоначального накопления капитала находился на начальной стадии.

Русское крестьянство Горного Алтая было неразрывной частью сибирского крестьянства, и его социальная структура изменялась в общем русле развития аграрного капитализма в Сибири. Колониальное положение горного края, большая отдаленность его от крупных промышленных и торговых центров, неразвитость путей сообщения, сохранение полукочевого скотоводства и патриархальных отношений в алтайском обществе – всё это тормозило развитие капиталистических производственных отношений.

3.5 Общественное движение

3.5.1 Выступления алтайского населения и русских крестьян

Известно, что интенсивность общественной жизни, ее содержание и круг участников общественного движения зависели от многих обстоятельств. В Горном Алтае к таким обстоятельствам можно отнести наличие кабинетского землевладения, переселенческую, аграрную и административную политику правительства и Кабинета, межэтнические отношения, деятельность Алтайской духовной миссии, почти полное отсутствие собственных интеллектуальных и научных сил, низкий образовательный уровень населения, отсутствие политических партий и организаций, большую удаленность региона от центра. Тем не менее, и здесь мы находим различные проявления общественно-политической активности народных масс.

Прежде всего, это крестьянское движение в регионе. По уточненным нами данным, которые, конечно же, нельзя считать полными, с 1895 по 18 июля 1914 г. в Горном Алтае произошло 101 выступление русских крестьян и коренных жителей. Из 101 выступления – 63 (62,4%) были

так или иначе связаны с земельным вопросом. Именно здесь столкнулись интересы русских крестьян и коренных жителей, старожилов и переселенцев, а также всех вышеперечисленных групп населения с Кабинетом и царским правительством. На первом месте стояла такая форма выступлений, как сопротивление межевым и землеустроительным работам (47 случаев). Затем шли столкновения между коренным населением и русскими крестьянами из-за земельных угодий (9 случаев). Имели место выступления против богачей и крупных арендаторов, самовольный захват земель Кабинета, столкновения алтайских обществ из-за земли. Остановимся лишь на тех земельных спорах, которые получили известный общественный резонанс и в орбиту которых были втянуты значительные силы [Майдурова 2000: 50–55, 59–60, 128].

Земельные споры. Начало XX в. отмечено упорной борьбой русских крестьян и крещеных «инородцев» с богатым алтайцем Оруской Шабураковым из-за земельных угодий в районе урочища Верх-Черга. Семья Шабураковых переселилась в данную местность более 40 лет назад, разбогатела, заняв значительную земельную площадь по речке Малой Черге. После крещения одного из членов семьи к нему подселились крещеные инородцы, а затем и русские крестьяне. Шабураков подал в суд на захват принадлежавшей ему земли и выиграл дело. Крестьянам было предложено покинуть занятые земли и разломать построенные ими дома. Они отказались подчиниться и в течение нескольких месяцев второй половины 1901 г. отстаивали свои, как они считали, законные права на землю. В итоге властям удалось выселить крестьян с занятой ими территории [ТЕВ. – 1903. – № 10. – С. 1–3; Сибирская жизнь, 1906, 22 июня; Майдурова 2000: 51].

Значительный общественный резонанс имела борьба крестьян Уймонской долины: против развернувшегося в начале XX в. землеустройства. По «Положению о поземельном устройстве крестьян и инородцев, водворившихся в Алтайском округе на землях Кабинета Его Величества» от 31 мая 1899 г., полагалось 15 десятин земельного надела на наличную мужскую душу, что не устраивало как русских старожилов, ранее приравненных к сословию оседлых инородцев, так и поселившихся здесь позже крестьян-новоселов. Известно, что до землеустройства вся Уймонская управа располагала землями вне каких-либо установленных границ, руководствуясь в своем землевладении исключительно принципом первого захвата. Поэтому землеустроительные работы, начавшиеся здесь в 1902 г., вызвали недовольство и сопротивление, которое длилось несколько лет с использованием разнообразных методов борьбы. Летом 1902 г. 18 населенных пунктов Уймонской управы отказались представлять посемейные списки, необходимые для наделения землей, и получать наделы по землеустройству. Архивные документы сохранили свидетельство о том, что в октябре 1902 г. жители Верхнего Уймона Федор Черепанов, Савва

Бочкарев и Игнат Чернов были преданы суду за «противодействие чинам землеустройства» [ЦХАФАК. Ф. 170. Оп. 1. Д. 234. Л. 114].

Землеустроительная комиссия сочла необходимым нарезать крестьянам-старожилам (считавшихся оседлыми «инородцами») Уймонской управы, как и крестьянам Катандинской волости, увеличенные (свыше 15-ти десятин) наделы. Так, в деревне Усть-Коксе с выселками Кастахтой, Башталой, Огневкой и Власьевкой Уймонской управы было запроектировано по 28,9 десятин удобной земли на каждую наделяемую душу. В селе Нижнем Уймоне (с выселками Терехтой, Чиндеком, Маргалой, Мультой и Усть-Мультой) Катандинской волости намечалось нарезать по 23,4 десятины удобной земли и 2,45 десятин лесного надела [В составе 2004: 52, 53, 57–59, 72].

Однако в начале 1904 г. доверенные от Верхне-Уймонского сельского общества Семен Коробейников и Родион (Ирродион) Блинов ездили в Петербург с ходатайством об оставлении за жителями общества тех привилегий в землепользовании, какие у них были до землеустройства. В мае, после возвращения доверенных из Петербурга, верх-уймонцы стали собирать 3000 руб. для отсылки адвокату в Петербург. Из управы для этого адвоката были самовольно взяты «дела с ревизскими сказками 1834 и 1858 гг. и другими принадлежностями». Главными виновниками означенных действий были Черепанов, Бочкарев и Чернов. Непременный член по крестьянским делам Томского губернского управления ходатайствовал перед губернатором о высылке всех перечисленных лиц из сельского общества. Были наказаны и должностные лица управы: освобождены от должности и высланы староста Уймонской управы Дмитрий Огнев и верхне-уймонский сельский старшина Бочкарев [Майдурова 2007: 48].

Томские губернские власти сочли требования верх-уймонцев незаконными. Мало того, неодобрение вызвало и решение землеустроительной комиссии о нарезке жителям Уймонской долины увеличенных по сравнению с законом наделов. Летом 1905 г. здесь побывали исполняющий дела томского губернатора и член ОПТГУ Дуров. На основании их мнения, 22 августа 1905 г. ОПТГУ отменило решение землеустроительной комиссии и постановило определить для всего русского податного населения Уймонской долины 15-ти десятинный надел [В составе 2004: 63]. Из рапорта производителя работ землеустроительной партии следует, что летом 1906 г. жители Катандинской волости и Уймонской управы отказались исполнять постановление губернского управления от 22 августа 1905 г. о нарезке 15-ти десятинного надела. По нашим подсчетам, это произошло на сходах в 19-ти населенных пунктах. Жители сел Горбуново, Катанды, Усть-Коксы и выселка Кайтанака подали серию жалоб и прошений в высшие инстанции: министру внутренних дел, министру императорского Двора и в Кабинет. Производитель землеустроительных

работ писал, что привести постановление в исполнение «пришлось бы только принудительно, что при условиях отдаленности местности от заселенных пунктов сопряжено было бы с большими затруднениями и значительными расходами» [В составе 2004: 70, 69–71, 77–78]. Таким образом, в борьбе русских крестьян Уймонской долины за сохранение больших, чем предусматривалось законом, земельных наделов, использовались различные методы борьбы. Причем, не все органы власти были против этих требований. Во всяком случае, чиновники землеустроительной партии считали их вполне обоснованными.

Не только русское население было недовольно уменьшением наделов при землеустройстве. Еще в большей степени оно не устраивало коренных жителей Горного Алтая. Так, в 1905 г. не согласились с отводом наделов жители айлов Сапожкин, Шунарак, Босток, Колонак, Алемчир и Сурбашев Верхне-Кумандинской волости, хотя наделы были определены более 15-ти десятин на наделяемую душу. В определении поземельно-устроительной комиссии говорилось, что свои требования жители айлов мотивировали тем, что они, являясь кочевниками, имеют право на все земли, бывшие местом их кочевий. Многочисленные же заимочники вытеснили их. Жители айлов ходатайствовали вернуть им земли, самовольно занятые заимочниками, но их просьба не была удовлетворена [ЦХАФАК. Ф. 81. Оп. 1. Д. 17. Л. 128].

Неординарным событием в общественной жизни алтайцев была отправка ими в 1908 г. делегации в Петербург в сопровождении томского губернатора барона Нолькена. Целью поездки было стремление алтайцев добиться от центральных властей принятия решения, ограждающего кочевые районы от переселения и землеустройства, а также о свободном пользовании лесом [ТЕВ. – 1909. – № 15. – С. 610, 611]. Делегация доверенных от 13-ти кочевых дючин и волостей Горного Алтая 1 августа была принята императором Николаем II в Петергофе. Интересы алтайцев на встрече с царем представляли священник-миссионер Стефан Борисов, известные бай-предприниматели Даниил Тобоков, Аргымай Кульджин и Чылыкы Тордумов (Тординов). Член делегации С. Борисов произнес приветственную речь. Николаю II были поднесены стихи, написанные тем же священником [Майдурова 2000: 34; ТЕВ. – 1908. – № 21. – С. 20, 21, 23]. По вопросам, изложенным в обращении делегации алтайцев, было проведено совещание при Кабинете. На нем принято решение о том, «что закон о землеустройстве на калмыков (алтайцев – Н.М.) Горного Алтая пока не распространяется, что водворившееся до сего времени в крае русское население должно ожидать устройства при общем землеустройстве всего населения Горного Алтая, и что движение в Горный Алтай новых переселенцев крайне нежелательно» [Заселение 1912: 96]. В связи данным решением томский губернатор объявил, что «Горный Алтай закрыт для переселения, и что са-

мовольные захваты земель будут преследоваться по закону». Кабинет предложил также Управлению Алтайского округа приостановить образование оброчных статей в Горном Алтае. По вопросу пользования лесом было указано, что оно «должно производиться с соблюдением установленных правил, и рубка его без билетов не может быть допущена» [Заселение 1912: 96].

Решение это не удовлетворило алтайцев. Начальник Алтайского округа писал, что в 1909 г. в инородческих кругах «утвердилась мысль, что устройство их по закону 1899 г. не должно быть, что они имеют право на получение всей территории, на которой разбросаны их кочевья и которая указана была в 1831 году – для дючинных алтайцев и позднее в 1866 году для черневых татар» [Заселение 1912: 97]. Начались разговоры о «выработке такого законопроекта, который бы выразил изложенные пожелания калмыцкого (алтайского – Н.М.) народа, т.е. проектировал к передаче в исключительное владение сравнительно небольшой группе инородцев (от 18 до 20 тыс. душ мужского пола) территорию до $5\frac{1}{2}$ миллионов десятин с ценными лесами, горными пастбищами и все еще богатыми промысловыми угодьями. И не только говорят о таком законопроекте, но и вырабатывают его через посредство наемных лиц, стоящих калмыцкому народу очень больших денег» [Заселение 1912: 97]. Начальник округа высказал мысль, что землеустройство в том виде, как хотят его алтайцы, выгодно лишь зажиточным, чтоб владеть огромными пространствами и по своему усмотрению сдавать землю в аренду [Заселение 1912: 97; Майдунова 2000: 35]. Как известно, данное ходатайство не увенчалось успехом.

Жалобы алтайцев на захваты земель русскими переселенцами, конечно же, имели под собой реальное основание. Увеличивающийся год от года поток переселенцев обострял взаимоотношения последних с коренными жителями и русскими старожилами Горного Алтая. Иногда это выливалось в открытые столкновения между ними. В течение 1907–1908 гг. шли споры из-за земельных угодий в селениях Ильинском, Барагаше, Караколе, Черном Ануе, Муте. Черно-Ануйский миссионер С. Борисов писал: «В декабре 1906 г. я вторично поступил в Черно-Ануйское отделение. В это время завязалась сильная вражда между русскими и инородцами на земельной почве. Шли в Черном Ануе землеустроительные работы. Отношения обострились. Крестьяне, зарясь на занимаемое новокрещеными киргизами и калмыками урочище Турату, завели тяжбу, чтобы взять эту местность себе» [ПБ. – 1910. – № 4. – С. 166]. Споры из-за земли иногда переходили в вооруженные схватки. Этот же миссионер сообщал, что в 1908 г. переселенцы-раскольники из Ковенской губернии, поселившиеся в заселке Караколе (недалеко от Черного Ануя), оказали вооруженное сопротивление при попытке их выселения с занятой территории. При этом 6 человек алтайцев и столько же крестьян

оказались ранеными. Несмотря на вмешательство полиции, 12 семей крещеных алтайцев были вынуждены уйти из Каракола [ПБ. – 1910. – № 4. – С. 171, 172]. В 1912 г. переселенцы самовольно распахали земли алтайцев в урочище Белый Ануй. На все протесты последних крестьяне не реагировали. Потребовалось вмешательство томского губернатора, которому местные жители послали телеграмму. В с. Ильинском происходили распри между алтайцами и переселенцами из-за земельных наделов [Майдурова 2000: 59].

Таким образом, земельные споры между русскими крестьянами и алтайским населением свидетельствовали о необходимости упорядочения земельного вопроса в Горном Алтае. Однако проводившаяся государством земельная реформа, определившая, как считали русские крестьяне и алтайцы, недостаточный размер земельного надела, вызывала жалобы, ходатайства, отказ от запроектированных наделов, депутации в столицу. Подводя итоги землеустройства в Горном Алтае, член ОПТГУ А.А. Барок отмечал, что к 15 мая 1915 г. ОПТГУ было составлено 113 определений по проектным делам Горного Алтая, а по жалобам и ходатайствам – 144 определения. Кроме того, перед Сенатом было возбуждено 17 ходатайств, и по всем даны объяснения, а точнее сделаны отписки [Майдурова 2000: 120; Екеев 1993: 121; ГАТО. Ф. 3. Оп. 45. Д. 1231. Л. 496–544].

Массовые лесные порубки стояли на втором месте после земельных споров. Из 101 выступления – 22, или 21,8% приходилось на эту форму крестьянского движения. Если земельные споры характерны для всего периода конца XIX – начала XX вв., то массовые самовольные порубки леса чаще всего наблюдались в годы первой российской революции, как впрочем, и коллективные отказы от уплаты податей и выполнения повинностей, имевшие место в феврале 1906 г. в Быстринской инородной управе и Кузенской волости. Самовольные порубки леса и отказы от уплаты податей тесно связаны с влиянием вернувшихся с русско-японской войны запасных нижних чинов, своеобразной трактовкой в крестьянской среде Манифеста от 17 октября 1905 г., упорным распространением слухов, что с 1 января 1906 г. можно в течение трех лет бесплатно рубить лес и не платить подати.

В Горном Алтае массовые лесные порубки более всего наблюдались в с. Улале и его окрестностях. 2 января 1906 г. на улице с. Улалы запасные солдаты избили помощника управляющего кабинетским имением Борзенко. А 3 января начались массовые самовольные порубки леса. В них участвовали крестьяне сел Улалы, Карагужа, Усть-Иши, Маймы, Чергачака и др. Только крестьяне Улалы, Маймы, Чергачака, Платова, Верх-Сетовки срубили около 8000 деревьев. В марте 1906 г. жители Улалы и Маймы вновь приняли участие в массовых лесных порубках. Инициатором беспорядков в Улале был мещанин И.А. Блохин. 1 марта

1906 г. он избил помощника Бийского имения, потом – местного объездчика, внушал населению, что лес можно рубить бесплатно, так как «вышел на счет его манифест». Рубился не только кабинетский лес, но и лесные участки, принадлежавшие Никольскому монастырю. Еще в январе 1906 г. игуменья и сестры монастыря жаловались Архиепископу Томскому и Барнаульскому Макарию, посетившему в январе 1906 г. Горный Алтай, что крестьяне соседних селений стали самовольно рубить и расхищать монастырский лес. В марте эти порубки возобновились с новой силой [ЦХАФАК. Ф. 170. Оп. 1. Д. 308. Л. 9; ТЕВ. – 1906. – № 23. – С. 16; Крестьянские 1951: 94, 101].

Другие формы активности населения. В годы первой российской революции, помимо крестьянских выступлений, на территории Горного Алтая активно распространялась нелегальная литература радикального характера. В отчетах духовной миссии неоднократно сообщалось о тлетворном влиянии «летучих подпольных листов», брошюр и прокламаций, которые целыми пудами развозились по всем деревням и местечкам, раздавались открыто на улицах и по домам. Так, Улалинский миссионер, характеризуя ситуацию в селе, писал: «И сюда донесся чад российской революции, и сюда проникла подпольная литература и произвела большие опустошения в религиозно-нравственных устоях населения. Не редкость встретить в Улале безусых мальчиков, которые начитавших грошовых книжонок..., толкуют вкривь и вкось не только о государственном устройстве России, но и о вечных истинах христианства» [ЦХАФАК. Ф. 164. Оп. 2. Д. 42. Л. 4].

Передовые люди алтайского общества входили в создаваемые в годы первой российской революции легальные и нелегальные союзы, пытались объединиться для защиты интересов коренного населения Горного Алтая. Так, в декабре 1905 г. был создан «Союз взаимопомощи волостных писарей Бийского уезда». Устав союза включал 17 разделов, подробно раскрывающих его задачи. Главной целью союза было оказание помощи писарям, потерявшим работу. Для этой цели из единовременных и членских взносов предполагалось создать кассу взаимопомощи, помогать писарям в приискании работы, а также денежными средствами. Под уставом союза, наряду с другими подписями, стояли подписи волостных писарей Сарасинской и Улалинской управ, Катандинской волости и родового управления 2, 3 и 4 алтайских дучин [ЦХАФАК. Ф. 170. Оп. 1. Д. 332. Л. 496].

В 1906 г. Томское губернское жандармское управление заинтересовалось деятельностью миссионера С. Борисова. Был перехвачен и скопирован исходящий от него документ «К вопросу об обновлении миссии и возрождении туземцев Алтая. Переписка с друзьями. Письмо 3». В нем предлагалось создать «Союз друзей-деятелей по возрождению туземного населения Алтая» и обсудить всем заинтересованным лицам проект устава

такого союза. Идея его создания исходила от А.И. Чевалкова. Активными сторонниками союза явились Л. Кумандин, М.Я. Кумандин, И.К. Соколов, З.А. Хабаров, Н.А. Кутергин. Устав союза был разработан Л. Кумандиным и С. Борисовым, а его создание намечалось на лето 1906 г. во время съезда миссионеров и работы учительских курсов. Пока не удалось обнаружить ни проекта устава союза, ни других материалов о его создании и деятельности [Майдурова 2000: 57, 58].

Активно участвовали алтайцы в выборах в Государственную Думу. Так, в январе 1906 г. на Ябоганском съезде решался вопрос о посылке своего представителя в Государственную Думу первого созыва. По соглашению с русскими крестьянами в качестве выборщиков было избрано три алтайца. Однако на Томском губернском собрании выборщиков все они были забаллотированы. Не было поддержано и требование, о том, «чтобы из 6 мест, представленных Томской губернии, одно было предоставлено непосредственно алтайцам» [Мамет 1930: 42]. Если первый опыт выборов оказался неудачным, то второй увенчался успехом. 13 мая 1907 г. Томский губернский съезд выборщиков избрал депутатом Государственной Думы второго созыва, наряду с другими, Д.М. Тобокова. Он одержал победу над двумя другими выборщиками: М.Г. Чепкиным (1-я дючина) и Манджи Кульджиным (7-я дючина) [Шерстова 2005: 249]. В Думе Д.М. Тобоков примкнул к партии кадетов [Демидов 1981: 18].

3.5.2 Движение бурханистов

В июле 1904 г. в горах Алтая произошло событие, получившее большой общественный резонанс, привлекавшее к себе внимание различных государственных, общественных, религиозных организаций, исследователей и путешественников не только Сибири, но и России. Коллективное моление алтайцев в долине Теренг, разогнанное полицией, русскими крестьянами, крещеными казаками и алтайцами, а затем суд над организаторами этого моления выявили не свойственный ранее этому региону религиозный феномен, получивший название «бурханизм».

Это религиозное движение, именуемое самими алтайцами «ак жан», т.е. «белая вера», до сих пор вызывает споры среди исследователей относительно своей сущности и современного состояния. Все существующие точки зрения о бурханизме начала XX в. как общественно-политическом явлении можно свести к следующим тезисам. Движение бурханистов носило чисто религиозный характер (Д.А. Клеменц). Это было национально-освободительное движение, имевшее внутренние причины и корни (Л. Мамет, А.Н. Садовой). Бурханизм – искусственно созданное политическое и националистическое движение под вывеской новой «белой веры», организованное агентами и шпионами японской разведки

(Л.П. Потапов). И, наконец, бурханизм есть национально-религиозная идеология сформировавшейся в начале XX в. алтайской народности, то есть это национальная религия, для которой характерна своя система представлений, настроений, действий. Последняя точка зрения, высказанная Л.И. Шерстовой, приобретает все больше сторонников. Так, в резолюции научной конференции, посвященной 100-летию событий в долине Теренг, была признана правомерность именно этой точки зрения [Бурханизм 1994: 1–9; Садовой 1992: 153; Сагалаев 1991: 160; Движение 2004: 278; Тюркские 2006: 437].

Оставляя в стороне религиозную сущность бурханизма, остановимся на характеристике его как общественно-политического явления. Для этого ответим на вопросы: кто участвовал в движении бурханистов и руководил им? Как реагировала общественность, государственные и иные ведомства на этот феномен? Какие политические чаяния проявились в бурханистском движении и его идеологии?

В мае 1904 г. в центре Горного Алтая (современный Усть-Канский район Республики Алтай) Чет Челпанов объявил, что ему и его приемной дочери Чугул явился всадник на белом коне, который приказал отказаться от шаманских камланий, кровавых жертвоприношений и начать молиться Бурхану. Как только все алтайцы примут новую веру, явится Ойрот-хан и на Алтае наступит «золотой век». Проповедь Чета быстро нашла своих сторонников, и в долину Теренг потянулись алтайцы для участия в коллективном молении новому божеству.

Относительно количества участников коллективного моления сохранились самые разнообразные мнения, но в основном они колеблются от 1500 до 4000 человек. Наиболее точной цифрой является 3000 человек, ибо она подтверждается материалами предварительного расследования и показаниями Чета Челпанова. Иначе говоря, в движении участвовало около пятой части (18%) всего взрослого алтайского населения [Екеев 2004: 70].

Вполне понятно, что такое скопление народа не могло не насторожить как русское население, так и местные власти. Шла русско-японская война, а территория Горного Алтая находилась на границе с цинским Китаем. Поползли слухи о приближении неприятельских войск, об агрессивном настроении алтайцев. Вначале уездные власти пытались уговорами убедить алтайцев разойтись. 23 мая в лог Теренг прибыл пристав 5-го стана Бийского уезда Бучинский в сопровождении нескольких урядников и переводчика. Он пытался объяснить участникам моления, «что сборище их незаконно, советовал им разъехаться, на что Челпанов сказал: «Молимся, и будем молиться». 30 мая здесь появились помощник уездного исправника М.П. Видавский и крестьянский начальник 3-го участка Л.В. Оксенов. Но и их миссия не увенчалась успехом.

О брожении среди алтайцев было доложено томскому губернатору, который лично посетил Алтай. О результатах своей поездки он сообщил министру внутренних дел. 19 июня департамент полиции в докладной записке сообщил царю о результатах проверки «полученных из гор. Бийска сведений о происходящем среди инородцев на Алтае брожении...». Хотя местные власти не увидели в движении алтайцев политической подоплеки, но по распоряжению томского губернатора приступили к силовому разгону сборища в Теренге и аресту руководителей движения [Бурханизм 1994: 92, 93, 102, 148, 191; Бурханизм 2004: 27, 29; Екеев 2004: 56–57; Шерстова 2004: 27–28].

Для осуществления этой задачи полиция привлекла местных крестьян. Участвовали в разгоне бурханистов также некоторые крещеные казахи и алтайцы. В значительной части сохранившихся свидетельств указывалось, что в этой акции приняло участие 1200 человек. Хотя полицейские чины и епископ Бийский Макарий просили крестьян не чинить насилия, этого избежать не удалось. Среди молившихся один человек был убит и, по разным источникам, от 15 до 50 человек получили ранения в результате побоев. Кроме того, у одного крестьянина была прострелена рука. Сохранились различные сведения о числе арестованных. Урядник Н.И. Рыков отмечал, что «он по приказанию начальства в день разгона калмыков арестовал 36 человек». Возможно, вначале так и было. Часть людей отпустили, и количество арестованных составило 32 человека. Затем крестьяне начали грабить алтайские юрты и угонять скот. Позднее по решению мирового судьи большая часть награбленного имущества была возвращена их хозяевам [Бурханизм 1994: 22, 26, 147, 152; Бурханизм 2004: 9, 10, 29].

Событие в горах Алтая сразу же привлекло внимание общественности. Избиение бурханистов получило публичную огласку благодаря выступлениям С.И. Аккерблома, М.К. Барсова, Д.А. Клеменца. Первый из них сделал сообщение на объединенном заседании Томского юридического общества и общества сельского хозяйства, М.К. Барсов – на заседании Алтайского подотдела Западно-Сибирского отдела Русского географического общества. Заведующий этнографическим отделом Русского музея Д.А. Клеменц специально приезжал на Алтай, чтобы на месте разобраться с данным феноменом. О своих выводах он доложил на заседании Русского географического общества в Петербурге. Выступления этих деятелей, а также другие публикации о бурханизме появились в 1904 – первой половине 1906 гг. как в местных, так и центральных изданиях [Бурханизм 1994: 3–5, 18, 29, 51, 54; Коваляшкина 2004: 109].

Еще активнее отреагировала общественность на готовящийся суд над шестью участниками моления Ч. Челпановым, М. Адышевым, М. Бабраевым, К. Елбадиным, А. Елемисовым и Ч. Юдуевым. Так, Д.А. Клеменц в период своего пребывания на Алтае просил об освобождении из-под

стражи К. Елбадина как давнего знакомого по его прошлым путешествиям в регионе [ЦХАФАК. Ф. 170. Оп. 1. Д. 892. Л. 275, 277]. Известный сибирский купец А.Д. Васенев внес за Ч.Челпанова залоговое поручительство в размере 1000 руб. [Бурханизм 1994: 138]. Активно вмешался в происходящие события известный общественный деятель и исследователь Г.Н. Потанин. Он обратился к писателю В.Г. Короленко с письмом, в котором отметил, что данному делу нужно придать громкую известность. «Если вы сами не имеете расположения приехать в Бийск, то не подговорите ли кого-либо из столичных адвокатов взять под свою защиту бедное племя?», – спрашивал он В.Г. Короленко [Коваляшкина 2004: 105].

20 февраля 1906 г. в Бийске началось выездное заседание Томского окружного суда по уголовному отделению в следующем составе: председательствующий Н.А. Гульдман, члены – Н.А. Троицкий, Е.А. Семенов, помощник секретаря А.Н. Альбицкий. Защиту обвиняемых представляли Вейсман (Томск), Переверзев (Петербург) и А. Вознесенский (Москва). Поскольку в суд не явились 10 важных свидетелей, то по ходатайству защитников, слушание дела было отложено. Повторное заседание окружного суда проходило 26–31 мая 1906 г. Защитниками обвиняемых выступили присяжный поверенный Феодосьев и помощники присяжного поверенного М.П. Соколов, М.Д. Михайловский и Барт (все с Санкт-Петербургской судебной палаты). В качестве научного эксперта пригласили известного ученого-этнографа Д.А. Клеменца. Свидетелями на суде выступили около 60 человек. Ч. Челпанов обвинялся в том, что «выдавая себя за лицо, имеющее непосредственное сношение с божеством», приказал алтайцам собраться в логу Теренг и там молиться Бурхану и ждать возвращения на Алтай божественного царя Ойрота; причем посредством такого обмана он старался вызвать среди алтайцев волнение и возбудить их к неповиновению русским властям. А пятеро его сподвижников – М. Адышев, М. Бабраев, К. Елбадин, А. Елемисов и Ч. Юдуев – обвинялись в том, что они в том же логу «самовольно и насильственно» лишили свободы 10 алтайцев и причиняли им «продолжительные страдания» (морили голодом, били кулаками и ногами, таскали за волосы и секли прутьями). Основная канва свидетельских показаний состояла в том, что сторонники Ч. Челпанова отвергали, а его противники подтверждали предъявленные обвинения. Примечательно то, что некоторые либеральные представители местной администрации (исправник В.Н. Тукмачев, крестьянские начальники Л.В. Оксенов, В.Н. Эртов) не скрывали своего сочувственного отношения к положению алтайцев. В ходе разбирательства суд не установил факты, подтверждающие выдвинутые обвинения, и полностью оправдал всех обвиняемых [Екеев 2004: 65–69].

Участники суда над бурханистами

Социально-политические мотивы присутствовали в песнях бурханистов, большинство которых было создано после коллективного моления. В них выражался протест против произвола русского чиновничества, содержались идеи об обретении народом самостоятельности и создании своего государства, о наступлении новой счастливой жизни [Бурханизм 1994: 282, 287; Бурханизм 2004: 86, 123, 124]. Кроме того, в 1904 г. часть бурханистов уклонялась от уплаты податей [Бурханизм 1994: 147, 160, 172, 173, 177, 182]. В 1906 г. бурханисты намеревались организовать делегацию алтайцев в столицу, с целью добиться разрешения на свободное вероисповедание, а также просить о замене здесь миссионерских школ на школы министерства народного просвещения [ПБ 1907. – № 11. – С. 98–100]. В мае 1907 г. 512 алтайцев-бурханистов 2–5-й алтайских дючин, написали прошение о том, чтобы их не притесняли при «исповедании» и совершении обрядов новой веры и отправили его на имя пристава 5-го стана Бийского уезда с тем, чтобы он походатайствовал об этом перед «высшим начальством» [Бурханизм 1994: 218–219].

Таким образом, бурханистское движение представляло собой неординарное явление, вовлекшее в свою орбиту широкие слои алтайского общества. Его лидерами выступили богачи-баи и многие родоначальники (зайсаны, демичи). Это движение получило большой общественно-политический резонанс, привлекло внимание известных общественных деятелей страны, местных и центральных государственных ведомств и структур [Бурханизм 1994: 112; Бурханизм 2004: 9, 27].

3.5.3 Сопротивление административной реформе

Исследователи, занимавшиеся проблемами административной реформы у коренных жителей Томской губернии, отмечали, что формами протеста их были жалобы, прошения и ходатайства оставить старую систему управления. Так, в 1913 г. в Томское губернское управление поступило 57 жалоб на перечисление в разряд оседлых и введение волостного управления по крестьянскому образцу [Дамешек 1986: 26]. По существу, коренные жители стремились оставить неизменным «свое инородческое сословие» с установленными государством правами и обязанностями. Они не хотели терять право на освобождение от службы в армии, свою систему управления. Боялись они также хозяйственных потрясений и ломки сложившегося хозяйственного уклада [Шерстова 1999: 38; Островский 1989: 102].

Протесты коренного населения против административной реформы не ограничивались только жалобами и ходатайствами. Имели место отказы родовых начальников сложить свои полномочия. Инородцы ряда населенных пунктов не желали выбирать новых должностных лиц во-

лостного и сельского управления. В 1913 г. «бунтовали», по свидетельству миссионеров, жители урочищ Мендур-Соккон, Шугаш, Ебогон, Ябоган, Кырлык, Арнур, Верх-Чарыш, всего до 500 человек. Мендур-Сокконские алтайцы отказались от выборов старосты. Только выезд к ним крестьянского начальника 4-го участка, его помощника, а также помощника Бийского уездного исправника с шестью полицейскими чинами возымел действие, и выборы состоялись. В Шугаше за подстрекательство населения к неповиновению вновь избранному старосте и за требование сохранения старой системы управления было арестовано 5 местных жителей. Решительно отстаивал свое право на сохранение за ним прежней должности зайсан Белек. Он и его переводчик И.И. Белоусов (у последнего в ходе разбирательства была обнаружена хранящаяся в с. Усть-Кане нелегальная литература) были арестованы [Майдурова 2000: 59, 60].

Таким образом, основным элементом общественно-политической жизни в Горном Алтае с середины 90-х гг. XIX в. и до первой мировой войны было крестьянское движение. Помимо противоречий алтайцев и русских крестьян с Кабинетом и царским правительством на почве землеустройства и пользования лесом, имели место межэтнические земельные споры, выступления алтайцев против административной реформы. В годы первой российской революции проявились попытки создания общественных организаций, ставящих своей целью защиту интересов коренного населения региона. Особое место в общественно-политической жизни Горного Алтая начала XX в. занимало движение бурханистов.

3.5.4 Выступление против мобилизации на военно-тыловые работы в 1916 г.

Разразившаяся в июле 1914 г. первая мировая война вначале практически не затронула алтайское население, так как оно было освобождено от службы в армии. Однако тяжелое положение, в котором оказалась страна, ее действующая на фронтах армия, заставило российское правительство принять неординарное решение. Высочайшим указом от 25 июня 1916 г. предписывалось призвать взрослых мужчин нерусской национальности, принадлежащих к инородческому сословию, на военно-тыловые работы. Это решение в северных районах Горного Алтая было воспринято относительно спокойно, а в центральных и южных районах (Киргизской, Кош-Агачской, Усть-Канской, Уймонской, Урскульской, Катандинской волостях) вызвало массовый протест среди алтайцев, выразившийся в разных формах [Жизнь Алтая, 1916, 26 и 28 июля; ГАТО. Ф. 184. Оп. 1. Д. 32. Л. 121]. А среди казахов и теленгитов Чуйской долины оно привело к массовому бегству в соседнюю Монголию.

Тревожные сведения о намерениях казахов были получены бийским уездным исправником еще 15 июля. В сообщении говорилось, что «кир-

гизы (казахи – Н.М.), кочующие на границе протяжением в 300 верст в окрестностях Кош-Агача с целью избавиться от воинской повинности собираются бежать в Монголию». Чтобы помешать этому намерению, бийский исправник командировал в помощь Кош-Агачскому приставу одного из приставов Бийского уезда с урядником и двумя стражниками и одновременно просил томского губернатора прислать на границу воинскую часть. Действия полиции не дали никакого результата. К 25 июля уже две трети кочующих на границе казахов (181 или 189 юрт) ушли в Монголию, уведя с собой до 500 голов разного скота. «Находясь за границей, – докладывал Кош-Агачский полицейский пристав, – ушедшие киргизы совместно с монгольскими подданными киргизами-киреевцами стали делать набеги на Кош-Агачскую степь, угоняя скот, принадлежавший оставшимся в пределах России инородцам» [ЦХАФАК. Ф. 141. Оп. 1. Д. 53. Л. 1]. Все должностные лица волости – старшина, его помощник, заседатель (он же мулла), волостные судьи, сборщик податей, сотские, за исключением казначея, – были среди бежавших в Монголию.

Позднее, в телеграмме на имя царя Николая II, подписанной 150 человек, казахи писали: «... мы, чуйские киргизы, официально числимся оседлыми, а фактически народ кочующий. У нас в силу сурового климата нет хлебопашества, живем мы исключительно скотоводством». Свой уход в Монголию они объяснили тем, что призыв на работу в тылу был объявлен неожиданно, отнимал у них всех молодых людей. Скот же должен был остаться либо в руках стариков, либо совсем без присмотра, что грозило казахам полным разорением. «Наши молодые люди, – говорилось в телеграмме, – не имеющие понятия, зачем их призывают, думали, что они будут поставлены прямо под пули. А матери и отцы первый раз испытывают разлуку с призываемыми сыновьями и, будучи объаты стихийным паническим страхом, бежали семьями в Монголию, перейдя границу» [Майдурова 1996: 20].

Вслед за казахами ушли в Монголию 110 аилов (по другим источникам, 133 аила) теленгитов Кош-Агачской волости. Чтобы вернуть бежавших в Монголию, была послана сотня казаков 1-го Верхнеудинского полка Забайкальского казачьего войска с пулеметом. Первые попытки арестовать главного руководителя теленгитов Ч. Ельдюшева и заставить их вернуться домой не дали результата. Разъезд казаков числом в 21 человек, посланный 23 августа с этой целью к вершине Цаган-Кола, где засели беглецы, был встречен огнем хорошо вооруженных людей и отошел на исходные позиции. Только 29–30 августа казаки, применив пулеметный огонь, заставили беглецов сдаться. Один человек был убит, а двух руководителей высекли плетью. С беглецов были незаконно собраны 5775 рублей денег, 100 лян серебра, отнято сто лошадей, из которых только 38 затем возвратили законным хозяевам. О происшедшем сооб-

щили бийскому исправнику те, кто вернулись из Монголии. Исправник отмечал, что отношение местного населения к казакам враждебное, многих бежавших нет, большинство скота не возвращено [Майдурова 2000: 67].

В отчете Алтайской духовной миссии говорилось, что «теленгиты оказались менее всех виновными в нарушении верноподданнической присяги, так как бегство их было вынужденным, если принять во внимание то, что киргизы, как русские, так и китайские при своем удалении за пределы России угнали почти весь скот их в количестве 1080 голов, на сумму 40000 рублей...» [ЦХАФАК. Ф. 164. Оп. 1. Д. 157. Л. 5]. В начале октября 1916 г. в телеграмме на имя царя теленгиты писали, что выступление ими было произведено необдуманно. По возвращении домой «сознательно и добровольно в числе 400 душ обоего пола приняли святое крещение». Уполномоченные от 98 аилов просили царя освободить арестованных руководителей и оставить их на прежних местах жительства. Среди руководителей бегства названы 9 фамилий: Ченат Ельдюшев (Ельдютов), Андрей Абылов, Баис Больба, Тойленку Янгин, Нома Ярбагашев, Томир Савин, Тербет Масилий, Бубай Янгин, Чилбок Антонов [ЦХАФАК. Ф. 164. Оп. 1. Д. 157. Л. 6; Ф. 141. Оп. 1. Д. 15. Л. 32; Д. 53. Л. 11; Майдурова 1996: 20, 21].

Значительные волнения произошли среди алтайцев Усть-Канской волости. 22 июля 1916 г. Ебогонское и Яконурское общества этой волости по прибытии к ним Усть-Канского волостного старшины и писаря для проверки списка призываемых, отказались подчиняться распоряжению о мобилизации, заявив, «что на работы в тылу армии они не пойдут». На другой день примеру этих обществ последовали Чакурское и Ябоганское общества. 28 июля отряд полиции во главе с приставом прибыл в Яконур, где на следующий день был собран сельский сход. Пристав еще раз объяснил собравшимся людям сущность Указа от 25 июня 1916 г. и причины призыва их на тыловые работы. Тем не менее, из 73 человек, подлежащих мобилизации в Яконуре, на поверку не явилось 10 человек. В Ебогоне из 40 человек не явилось 7, в Чакуре из 55 человек – 15. В Ябогане на собранный по требованию пристава сход пришли только староста и старики. Приставом были получены сведения, что в Ябоганском и Чакурском обществах агитацию среди алтайцев против призыва вел Е. Токуев. У него был произведен обыск, и хотя ничего компрометирующего найдено не было, его арестовали.

Приставу все же удалось убедить алтайцев явиться на освидетельствование в с. Теньгу (Кеньгу) первого августа. В назначенный день здесь начала работу особая комиссия под руководством крестьянского начальника Семенова. Позднее в своем представлении прокурор Барнаульского окружного суда докладывал прокурору Омской судебной палаты, что верстах в трех от Теньги, на тракте, собралась большая толпа

алтайцев, которая останавливала всех, направлявшихся в село, и агитировала не являться на призыв. Пристав с несколькими полицейскими отправился к собравшимся людям. «По его прибытии, – говорилось в документе, – толпа в несколько тысяч человек стала шуметь, волноваться и кричать». Они заявили приставу, что на тыловые работы не пойдут, выбрали представителя и послали его к крестьянскому начальнику Семенову, чтобы передать от их имени требование об отмене призыва. 2 августа была получена телеграмма об отсрочке призыва алтайцев до 15 сентября. Узнав об этом, собравшиеся вызвали крестьянского начальника, потребовали совсем отменить мобилизацию и не расходились до тех пор, пока отряд полиции не применил силу и не разогнал их [Майдурова 2000: 68, 69, 106].

Сведения о волнениях алтайцев в Усть-Канской волости имеются не только в архивных документах того времени, но и в опубликованных полевых материалах советского этнографа А. Данилина. Так, например, ему удалось выяснить, что руководителями движения были Кымый из Усть-Кана, Чукак из Уймона и Санай из Онгудая. Во время волнений были случаи агитации против байства, в ряде мест батраки резали скот и бросали работу в байских хозяйствах. Выступления мобилизованных в ряде мест сопровождалась пропагандой бурханизма, проводились коллективные моления в урочищах Сары-Кобы, Бичикту-Бом, Торго, Текпенек, Тулайта и др. [Данилин 1936: 39–41].

Волнения алтайцев произошли также на призывном пункте в с. Урсуле (совр. Онгудай). Здесь 1 августа начался прием мобилизованных из Уймонской волости. Несколько тысяч алтайцев, сообщалось в донесении начальника Томского жандармского управления, собрались за поскотиной близ села, никого в него не пропускали, присоединяя вновь прибывших к себе. Навстречу собравшимся, многие из которых были вооружены палками и кольями, выехал отряд полиции во главе с приставом. Собравшиеся заявили приставу, что они не желают призываться и идти на работы и на освидетельствование не пойдут. Находившиеся в селе мужчины также волновались, причем не обошлось без столкновений. Один из них ударил нагайкой по лицу помощника Усть-Канского волостного старшины. Некоторым офицерам пытались сорвать аксельбанты. В первый день освидетельствования было принято в Урсуле всего 240 человек. 2 августа 1916 г. сюда, как и в Теньгу, пришла телеграмма, в которой сообщалось об отсрочке призыва. После оглашения телеграммы большая толпа людей подошла к волостному правлению и заявила, «что не уйдут до тех пор, пока не будет объявлена окончательная отмена призыва на работу». Собравшиеся требовали сменить Урсульского старшину и выбрать другого. Когда крестьянский начальник заявил, что этого он не разрешит, и что сменить старшину можно только волостным сходом, собравшиеся «еще сильнее стали волноваться и кричать, намереваясь

проявить насильственные действия». После этого полиция стала силой разгонять толпу собравшихся людей.

В Терехтинском обществе Урскульской волости активную агитацию против мобилизации вели Я. Кобеков и Т. Сабанов. Благодаря их деятельности «окрестные инородцы в большом числе собрались к сельской сборне в урочище Каинчи и подстрекаемые этими лицами в течение нескольких дней не расходились», требуя от сельского старосты написать приговор об отказе идти на тыловые работы и выдать им подлинную бумагу об отсрочке призыва до 15 сентября. Всего к освидетельствованию не явилось в Уймонской волости 56 человек, а в Катандинской волости – 101 человек. Усилиями полиции волнения среди алтайцев были прекращены. Около 40 главных агитаторов и руководителей движения были арестованы и отправлены в Бийскую тюрьму [Майдурова 2000: 69, 70, 106]. Если в Киргизской и Кош-Агачской волостях указ о мобилизации вызвал массовое бегство казахов и теленгитов в соседнюю Монголию, то в Усть-Канской, Урскульской и Уймонской волостях алтайцы требовали от должностных лиц официальной отмены призыва, оказывали им сопротивление, а многие не явились на призывные пункты. В Усть-Канской волости волнения сопровождались коллективными молениями бурханистов.

На настроения алтайского населения оказали влияние рассказы вернувшихся с фронта солдат; на местных казахов, безусловно, влияли события в Казахстане, где в 1916 г. началось восстание казахского народа. Решение о призыве алтайцев на тыловые работы сопровождалось всевозможными домыслами и слухами. Говорилось, что указ о мобилизации придумали местные чиновники, и никакого решения царя на этот счет нет, что алтайцев поставят под пули или заставят рыть окопы на передовой. Выступления, безусловно, носили стихийный характер.

В феврале 1917 г. полицейские власти отмечали, что хотя население довольно терпеливо переносит тяготы войны, но имеют место недовольство и ропот. Бийский уездный исправник писал: «Среди инородческого населения уезда в последнее время замечается недовольство и ропот по поводу неблагоприятных вестей, получаемых с фронта от реквизированных на военные работы инородцев, которые в своих письмах жалуются родным, что их плохо кормят, и притом один раз в день, одежды не дают и не платят за работы денег. Те же самые слухи распространяют среди своих сородичей и бежавшие с военных работ инородцы» [ГАТО. Ф. 3. Оп. 12. Д. 4353. Л. 6, 7].

Февраль 1917 г. открыл новую страницу в истории общественного движения в Горном Алтае и стране в целом.

КУЛЬТУРА НАСЕЛЕНИЯ ГОРНОГО АЛТАЯ (XIX – НАЧАЛО XX ВВ.)

4.1. Традиционная материальная культура алтайцев

4.1.1 Поселения

Многочисленные поселения алтайцев были разбросаны по долинам рек, озер, пригодных для ведения скотоводческого хозяйства. Любое поселение независимо от размера называлось *юрт*, *айыл* и включало в себя такие понятия, как род, отдельная семья, хозяйство. Под определение *юрт* попадали только те поселения, которые были предназначены для жизни семьи, рода, а временные охотничьи и другие станы назывались *оду*, *отык* (от слова *от* – огонь). На мировоззренческом уровне считалось, что дом находится там, где твой огонь-очаг, семья, род. Отгонное скотоводство требовало постоянного передвижения со стадами скота, поэтому поселения и жилища скотоводов были стационарными, они привязывались к пастбищам, принадлежавшим родовым общинам [Соколова 1998: 12].

В ходе длительного исторического развития у алтайцев сложились три формы перекочевков. Первая форма была характерна для горно-степной и отчасти высокогорной (полупустынной) зоны. Летние пастбища и поселения находились на обширных межгорных степях, долинах на весьма значительной высоте 1000–1300 м над уровнем моря [Екеев 1988: 45]. Осенью семья со скотом, юртой и всем скарбом медленно продвигалась к зимним пастбищам в горы. Там, в распадке, защищенном от ветров, устанавливали юрту. Ранней весной начиналось передвижение в обратном порядке (вертикальное кочевание). Переселение совпадало с появлением первой зелени на пастбищах. На летних пастбищах также совершались перекочевки (горизонтальное кочевание), вызванные истощением кормовой базы для скота; такие кочевания были на незначительные расстояния (3–4 км). Вторая, менее распространенная форма кочевания заключалась в том, что хозяйственные территории общин располагались в узких горных долинах. Зимние и весенние

пастбища находились в низовьях рек на более низкой высоте – 600–700 метров. Там же были зимние поселения, сенокосно-пахотные угодья. Летние пастбища и поселения располагались на просторных верховьях рек. Третья форма перекочевки была близка к первой, ее особенностью были перемещения по степи, т.е. менялись места стойбищ 2–4 раза (это зависело от состояния пастбищ), а осенью вновь возвращались к местам постоянных зимовок [Екеев 1988: 46].

Зимние поселения назывались *кышту*, летние – *жайлу*. Зимой на южных склонах гор, свободных от снега, скот находил корм в виде высохшей травы. Расположение зимних поселений в немалой степени зависело от наличия поблизости водопоя для скота [Зыков 1986: 16]. На постоянных зимних поселениях жили длительное время – с сентября по май, а на летних – меньше, т.е. с мая по август–сентябрь. К сезонным, временным стоянкам (селениям) можно условно отнести охотничьи станы, расположенные в местах охотничьих угодий.

В одном урочище, долине реки могло находиться несколько поселений, располагающихся друг от друга на расстоянии в нескольких километрах. Дисперсный характер поселений объясняется кровнородственным принципом формирования поселений и экстенсивным типом ведения хозяйства. Айылы алтайцев обыкновенно состояли из 3–5 юрт, принадлежащих родственникам: отцу с сыновьями и их семействам. Поселения северных алтайцев состояли из 7–20 юрт [Вербицкий 1893: 26; 29]. Кровнородственный принцип формирования поселений был широко распространен среди других скотоводческих народов Сибири [Потапов 1966: 19]. Если же в одном урочище, долине проживали представители разных семей и родов, то такое поселение называлось *улус*, обычно носившее название реки, местности. Так, алтайцы, жившие в Канско-Чарасской долине, именовали себя *Кан-Чарастын улусы* (люди долины Кана и Чараса), а жители бассейна р. Урсул – *Урсул ичинин улусы* (люди долины Урсула).

Иной хозяйственно-культурный тип сложился у алтайцев таежной зоны. Для них, занимавшихся пешей охотой, земледелием, скотоводством и промыслом кедрового ореха, не требовались постоянные сезонные перекочевки, их поселения были стационарными, а жилища непереносными. Поселения кумандинцев и чалканцев насчитывали в среднем 10 хозяйств, а в самых крупных кумандинских поселениях доходили до 50–60 хозяйств [Шерр 1903: 89]. Организация производства, заключающаяся в сохранении коллективного труда в одной из главных отраслей хозяйства – охоте, требовала оседлости и совместного проживания населения.

4.1.2 Жилища

Жилища алтайцев были разнообразны по конструкции, назначению и материалам, из которых они изготавливались, и подразделялись на постоянные и временные. Постоянные жилища алтайцев южной части Горного Алтая можно свести к следующим типам: коническому, цилиндрическому, многоугольному. А у жителей северной таежной части были полуземлянка, срубная бревенчатая и двускатная юрта.

В.И. Вербицкий выделил два типа жилищ: а) конические, которые делались из жердей, соединенных кольцами, свитыми из прутьев и обложенных корою сосны, лиственницы, бересты или обтянутых войлоком; б) войлочные, с решетчатыми складными стенками (*кереге*). Он также отмечал, что ранее бытовали юрты, подобные киргизским кибиткам (*үпкэ*) [Вербицкий 1893: 26]. В.В. Радлов выделял жердевую юрту (конусообразную) с остовом из жердей и покрытую войлоком или корой; юрту с наклонными крышами и вертикальными стенами двух разновидностей – непереносными и переносными; коническую юрту из коры (*аланчык*), почти такую же, как из жерди, только больших размеров [Радлов 1989: 138]. Другой сибирский исследователь, Н.М. Ядринцев, помимо конусообразной и войлочной юрты выделял еще шести- и восьмиугольную бревенчатую юрту с конусом на верху [Ядринцев 1881: 235].

Конические юрты представлены корьевыми и войлочными. Данный тип жилища был широко распространен у народов Сибири, на его древность указывает тот факт, что в древнетюркском языке шатер обозначается словом «*catir*» [Древнетюркский 1969: 142], алтайцы до сих пор называют конусообразную юрту *чадыр*, *аланчык*. Изображения конической юрты встречаются среди петроглифов Алтая [Окладников 1980: 4]. Конические юрты были распространены повсеместно в Горном Алтае.

Корьевая юрта. Материалами для строительства корьевой юрты служили жерди и кора лиственницы, прутья для обруча также изготавливали из нее. В начале строительства подбирали площадку. Иногда в целях соблюдения ритуальной «чистоты» место нового айыла указывал *кам* (шаман). На расчищенной поверхности чертили круг, диаметр которого вычислялся по длине жердей, обычно он равнялся высоте юрты. При создании каркаса брались две жерди по 7 м каждая с развилками наверху и устанавливались в виде пирамиды с восточной и западной стороны, верх соединялся развилками. Восточная жердь впоследствии служила правым (северным) косяком дверного проема [Тихонов 1984: 56]. Затем ставили жерди без развилок, ориентированных на север и юг, к конструкции добавляли остальные жерди (до 10 штук) и получали основу – *өзөк* [Соколова 1998: 120]. На основу юрты укладывали подготовленный обруч (*карачкы*) в среднем и верхнем уровнях. Обруч придавал конструкции жесткость и служил поперечной опорой

для тонких жердей, которые вплотную клали друг к другу, иногда до 100 штук [Тощакова 1978: 82]. Дверь была деревянной, иногда завешивалась животной кожей и всегда была ориентирована на восток. Покрывали каркас лиственничной корой (*чöбрö*) или берестой, в зависимости от места проживания. Кору клали венцами, чтобы нижний венец заходил под верхний. В верхней части жилища с восточной стороны оставляли светодымовое отверстие – *түңүк*. Для прочности покрытие прижималось жердями (*базыра*) [Дьяконова 2001: 36].

Войлочная юрта. Технология подготовки и начальной фазы ее строительства не отличалась от корьевой (конической) юрты. Каркас состоял из 10–14 жердей длиной от 5 до 6,5 м, установленных таким образом, что нижние, более толстые концы располагались по окружности, а верхние сходились, перекрещиваясь в одной точке [Кандаракова; Соенов 1994: 4]. Остов под войлочную юрту был меньше в ширине и высоте, что можно объяснить дороговизной и сложностью процесса обработки и подготовки войлока. Каркас покрывали войлоком снизу по той же технологии, что и при корьевой юрте, обвязывая войлок волосяными арканами (*армакчы*). Непокрытым оставляли верхний конус юрты, служившим дымоходом и источником света. Дверь закрывалась откидным войлоком. Войлочные юрты были распространены у алтайцев южных районов.

Цилиндрические юрты (*кереге айыл, кийис айыл*) представляли собой каркасную цилиндроконическую решетчатую постройку монгольского типа. Каркас состоял из 5–7 отдельных деревянных разборных частей – решетчатых звеньев (*кереге*), деревянного круга (*карачкы*), шестов крыши (*уна*), опорного шеста (*багана*), двери, крестовины (*чанмырак*) [Тюхтенева 2006: 405]. Закрывали юрту шестью пластинами войлока: две для стен, две для крыши и две для дымохода. Сложен и трудоемок был процесс заготовки войлока. Так, для изготовления войлока на одну юрту из пяти звеньев, требовалось шерсти более чем с 50 овец [Тощакова 1978: 85].

Многоугольные юрты (*агаш айыл, чеден айыл, черте айыл*) были двух видов: полусферические и конические. Основой многоугольной юрты был сруб из бревен, рубленых в паз; он состоял из семи–восьми венцов. Такие юрты строили от четырехугольных до восьмиугольных [Тощакова 1978: 91]. В.В. Радлов дал описание многоугольной юрты. Вертикальные стены юрты образовывали правильный восьмиугольник и возвышались примерно в человеческий рост; крыша была тоже восьмиугольной, и сделанной из сужающихся кверху тонких перекладин. Дымовое отверстие имело почти два фута в диаметре [Радлов 1989: 139].

Восемь–девять венцов сруба составляли стены юрты (*айыла*). Для трех бревен верхнего венца использовали цельные бревна, стыковать

разные бревна не допускалось, так как считалось, что верхние венцы связаны с понятием «верха» (верхнего мира). Помимо того, они являлись первыми нижними венцами каркаса крыши (*алыйман*), требующей надежной опоры. Высота сруба колебалась в пределах 165–170 см, длина одного звена – 360–365 см. Для утепления между бревнами сруба прокладывали мох. Дверь прорубали с восточной стороны. Верхним косяком служил вырубленный наполовину верхний венец, нижним – первый снизу. Дверь делали из 2–3 толстых досок, сажали на кожаные петли или вставляли в дверной проем.

Юрта с полусферической крышей. От последнего венца вышеописанного типа сруба продолжали кладку бревен с сужением венца к дымоходу. На каркас крыши накладывали кору лиственницы по той же технологии, что и при строительстве конусообразной юрты (*чаадыр*). Чтобы ветер не сорвал кору, на верхние концы углов стен клали бревна.

Юрта с конической крышей. В углах верхнего венца вырубались небольшие углубления для установки толстых жердей каркаса крыши по количеству углов в юрте. Так же как и при строительстве конической юрты, брались две жерди с развилками наверху, которые устанавливались в виде пирамиды с восточной и западной стороны, верх соединялся развилками. Остальные жерди крепились к основной пирамиде [Тихонов 1984: 61]. Крышу покрывали корой лиственницы и прижимали жердями, которые, в свою очередь, укрепляли внешним кольцом (*тыш карачкы*). Вверху с восточной стороны оставлялось дымоходное отверстие.

Полуземлянка (*јер үй, чер уг, кыспа уг*) была основным типом зимнего жилища у телеутов и кумандинцев. В основе жилища были четыре столба высотой до 2 м, к ним прибивали плахи или плетень для стен: изнутри их обмазывали глиной, снаружи обкладывали соломой и дерном, между двумя стенами засыпали землю. В крыше имелось окошечко, переплетенное прутьями и затянутое брюшиной. Зимой оно закрывалось льдиной. Покрытием для крыши служили дерн, береста. Полуземлянка в среднем углублялась в землю на 1 м, в зимнее время в целях утепления насыпь земли снаружи поднимали до уровня крыши [Сатлаев 1974: 119]. Жилища имели деревянный или земляной пол, который покрывали шкурами. Полуземлянка обогревалась глинобитной печью. Также такие жилища изготавливались из саманного кирпича (*уг саланан иштен*). Стены выкладывали из кирпича как самонесущие, без каркаса. Крышу выкладывали специальными трапециевидными в сечении кирпичами в виде уплощенного свода.

Срубная бревенчатая юрта имела широкое распространение у кумандинцев, чалканцев и шорцев. А.В. Адрианов писал по этому поводу: «Юрта строится на один лад, в виде черной курной бани из пихтового

леса. Она представляет четырехугольный сруб, сверху кладутся бревна или доски, которые забрасываются землей» [Адрианов 1881: 148]. Двускатная юрта бытовала у чалканцев и кумандинцев. Юрта, прямоугольная в плане, строилась из расколотого горбыля. Концы горбыля вкапывались в землю, образуя переднюю (с дверью) и заднюю стены. Боковые стены строились иначе: горбыли укладывались горизонтально. Крышу и остов двускатной юрты покрывали березовыми досками (пластинами) донизу, а сверху обкладывали еще и землей [Адрианов 1881: 295]. Для тубаларов была характерна срубная юрта – сооружение пирамидообразной или усеченной формы (*чайлу*) [Соколова 1998: 121], которое имело каркас-остов из 4-х вертикальных столбов с развилками или выемками и перекладинами в них. Наклонные жерди крыши соединялись наверху, оставляя отверстие для дыма, рама упиралась в вертикальные столбы. Сверху жилище покрывали корой березы.

Внутренняя обстановка во всех описанных выше типах жилищ имела много схожего между собой. В основе традиционного жилища лежал круг или приближенный к нему многоугольник. Дверь всегда ориентировали на восток. Относительно кумандинцев и чалканцев имеются сведения, что они иногда делали дверь на юг [Адрианов 1881: 294]. Центром жилища был очаг, где находился таган-треножник, на который устанавливали большой чугунный казан. Таган снабжали дополнительными крюками, позволявшими ставить на огонь котелки меньшего размера. К огню и тагану как месту пребывания огня, алтайцы относились с особым почтением и производили регулярные «кормления» огня. Очаг делил жилую площадь айыла на функциональные зоны, с которыми связывались различные запреты и предписания.

За очагом на небольшом от него удалении ставили столб (*чакы*) высотой примерно 180 см. На верху столба прикрепляли поперечную планку, на которую крепили жерди (*артпак*), в свою очередь крепившиеся к каркасу над дверью. На жерди над очагом клали небольшую решетку из прутьев, на которой коптили сырчик, мясо, выделанные овечьи шкуры. Земляной пол застилали овечьими, телячьими шкурами мехом наружу.

Пространство в юрте было строго разграничено: в половом отношении – на мужскую и женскую половины; в социальном плане – на почетную и обычную; в сакральном – на чистую (почитаемую) и обычную (профанную) части. Если смотреть от входа и условно провести линию от двери до противоположной стены, то правая сторона айыла будет женской, а левая – мужской. На женской стороне у стены устраивали кровать или нары, которые отгораживали занавеской, далее вдоль стены до двери находилась домашняя утварь (чугунные котлы, ведра, кожаные сосуды, деревянные блюда, чайные чашки, большие и маленькие ступы, зернотерка и т.д.). На мужской половине помещались все

предметы, которыми пользовался мужчина: имущество в кожаных сумках (*кан*), ружья, охотничьи и конские снаряжения [Тоцакова 1978: 102].

В социальном отношении пространство юрты было также поделено. Если условно поделить юрту (айыл) с центром – очагом с юго-восточной стены до северо-западной, то верхняя часть будет считаться наиболее престижной. Почетным местом было пространство от очага до задней стены с охватом левой верхней мужской половины айыла (*tör*). От двери на левой стороне за очагом располагались хозяин и почетные гости, на правой стороне за очагом – хозяйки с детьми и почетные гости – женщины [Кандаракова; Соенов 1994: 5]. Помимо своей социальной значимости *tör* считался сакрально чистым местом в айыле, верхняя от очага, почетная часть называлась *от бажы* (изголовье огня), а нижняя – *от буды* (подножье огня). На почетном месте ставили ящик (*аптра*), где хранились семейные святыни (*чалу*, *жайык*), а у крещеных алтайцев на этом же месте были иконы, закрепляемые прямо на нижнем кольце крыши *карачки*. Присутствие святынь делало почетное место (*tör*) не только почетным, но и священным [Тихонов 1984: 59]. В верхней же части прямо за очагом или ближе к стене ставили орнаментированный деревянный ящик (*баш кайырчак*), иногда ставили несколько ящиков, в которых хранили семейные ценности.

Сторона к двери, нижняя часть айыла, считалась менее почетной. Около двери сажали бедняков, слуг, бобылей (лиц, долго не вступающих в брак), а также держали весенний молодняк.

Деление жилища на женскую и мужскую части также бытовало и в четырехстенной избе кумандинцев. На женской половине находилась кадка с питьевой водой. В углу стоял шкаф для хранения посуды. В шкафу или на столе находились туеса разной величины, глиняная посуда, фарфоровые чайные чашки, блюда, самовар. Печь (очаг) также находилась на правой, женской стороне. На мужской стороне висели ружья и другие охотничьи принадлежности, а также изображения охотничьего духа-покровителя (Шалыг). Если же хозяин избы был шаманом, то здесь же на стене висел бубен, накрытый шаманским халатом [Сатлаев 1974: 120]. Имеется и другая точка зрения, что у кумандинцев, чалканцев и тубаларов существовал иной принцип деления: не на правую и левую стороны, а по стенам, около которых можно было сидеть и спать [Тоцакова 1978: 114]. «Передняя стена против очага назначена для гостей. Левая стена от входа за очагом есть место неприкосновенное ни для кого, кроме хозяйской семьи. Если в семье есть братья, сестры хозяина или старуха мать, то они занимают правую стену от входа» [Вербицкий 1893: 17].

Временное жилище – шалаш (*janash*) было наиболее простым сооружением путников и охотников для ночлега во время промыслов. Располагали промысловые жилища в зависимости от характера угодий и обилия зверя. Для постройки выбирали сухое, не продуваемое ветром

место с источником питьевой воды. Строили двускатные шалаши с продольной балкой, к которой прислоняли небольшие жерди, ветки. Каркас закрывали корой, дополнительным утеплителем служила трава, земля, а зимой – снег. Также известны жилища прямоугольные с конической или четырехугольной крышей. Каркас таких жилищ был из четырех стоек, к которым приставлялись жерди, доски или плахи [Соколова 1998: 122]. После ночевки от временных жилищ оставляли каркас, который мог быть использован в следующий раз.

4.1.3 Традиции питания

В XIX – начале XX вв. основу питания алтайцев преимущественно составляли молоко, мясо и лишь частично хлеб. Употребляли мясо домашних животных и диких зверей – косули, марала, дикого козла, барсука, медведя. Дети охотились на сусликов, белок, мясо которых также шло в употребление. Следует отметить, что хотя охота широко практиковалась и охотничьи традиции были развиты, она не обеспечивала стабильный достаток. Поэтому основным источником мяса и продуктов скотоводства являлось собственное хозяйство. Постоянно питаться мясом могли только богатые люди, семьи со средним достатком забивали 3–5 крупных (быков, лошадей) и столько же мелких (овец, коз) животных. Бедняки старались заколоть одно крупное животное, а если это не удавалось, то 1–2 овцы или козы [Швецов 1900: 353].

Крупный и мелкий рогатый скот забивали в конце осени – начале зимы, когда животные были упитаны. Забой скота впрок (*уча, согум*) каждая семья проводила у себя дома. Если забивалось много скота, то на помощь созывались родственники и соседи. Для долгого хранения тушу животного полностью не разделывали, только обезглавливали и удаляли голени. Из разрезанной вдоль туловища брюшины удаляли все внутренности, после соответствующих приготовлений брюшину набивали мякотью других забитых туш, кровяными и мясными колбасами и зашивали по краям [Тюхтенева 1997: 209].

Мясо и субпродукты варили, жарили, а также употребляли в сыром виде. Так, любители сырой пищи сразу после убоя ели печень и почки [Потапов 1953: 54]. Во время охоты охотники также пили кровь убитого марала, которая считалась лекарством. Консервировали мясо копчением, вялением, сушкой, засаливанием и замораживанием. Коптили мясо летом – осенью, для этого его нарезали тонкими слоями и клали на решетку над очагом. Другим видом консервации было вяление на солнце. Необходимо отметить, что коптили преимущественно мясо мелких животных и отдельные части туши крупного скота (брюшину, хрящевые ткани). Зимой копченое мясо перетирали в мясную муку и добавляли в пищу. Мясо также засаливали в деревянных кадках.

У алтайцев существовало разделение животных на скот с теплым дыханием (*јылу тумчукту мал*) и скот с холодным дыханием (*соок тумчукту мал*). К первой категории животных относили лошадей и овец (их мясо считалось ритуально чистым, созданным богом (*кудай*)). Поэтому они забивались преимущественно при проведении наиболее значимых праздников, торжеств (свадеб, наречения именем ребенка и т.п.). Овец забивали двумя способами. При первом барану связывали ноги, валили на бок, перерезали горло, кровь выпускали в деревянное корытце [Потапов 1953: 54]. Второй способ также распространенный у монголов, бурят состоял в том, что барана валили на спину, чуть ниже груди делали небольшой надрез в 10 см, просовывали туда руку, разрывали диафрагму и аорту. Кровь оставалась за стенками диафрагмы, откуда она вычерпывалась и собиралась в корытце. Второй способ у алтайцев считался наиболее приемлемым, так как при забое кровь не проливалась на землю и употреблялась в пищу.

Ко второй категории домашних животных (с холодным дыханием) относились крупный рогатый скот, яки, верблюды и козы, которые считались творением владыки нижнего мира Аба-Эрлика. При торжествах мясо данных животных использовалось в меньшей степени. При забое коров, быков использовали два ножа: одним острым ножом ударяли в спинной мозг в области шейного позвонка, а другим протыкали сердце; кровь также сливали в корытце (*тепиши*).

В разделке туши участвовали мужчины. Кости запрещалось ломать топором. Согласно традиционному мировоззрению считалось, что если при забое, разделке ломать кости животных, то тем самым можно навредить душе животного, а это становилось причиной неудач в хозяйстве, промысле. Разделка туши животного шла по суставам, каждая кость с мясом имела свое название и предназначение в угощениях [Радлов 1989: 302]. Тушу разделяли на соответствующие части (берцовые кости с тазом, грудина, ребра, позвоночник, шея, голова). Пока мужчины занимались тушей, женщины промывали потроха и делали кровяную колбасу (*кан*) и *jörgöm*. Субпродукты почти полностью употреблялись в пищу.

При приготовлении кровяной колбасы рубец, толстая и тонкая кишка тщательно промывались и заливались подсоленной кровью, немного разбавленной молоком, с добавлением дикорастущего лука или чеснока. Открытый конец крепко связывался, и затем колбаса варилась в горячей воде. При приготовлении *jörgöma* использовали предварительно тщательно вымытые, нарезанные в виде лент желудок, внутреннее сало (*карынју*), которые затем перевязывали тонкими кишками. Это блюдо варили в котле вместе с кровяной колбасой, но значительно дольше, подавали на стол после колбасы и ели, разрезая на мелкие куски [Потапов 1953: 56].

Субпродукты использовались не только при приготовлении *jörgöma*, но и употреблялись как самостоятельные блюда. На свадебных торжествах одним из обязательных блюд было *казы-карта* (делали из конской кишки с добавлением мяса). Говяжье мясо с ребер (*куртан*) жарилось совместно с диким луком, почками, сердцем, внутренним жиром. Сало гривенной части (*јал*) отваривали, нарезали круглыми кусочками, сервировали с диким батуном, слизуном и другой зеленью. Деликатесом считалась фаршированная селезенка (*телүүн*). Селезенку баранины или говядины целиком надрезали только с внутренней стороны, наполняли внутренним жиром, дикорастущим луком или чесноком, затем зашивали мелкими деревянными палочками и переплетали бараньей кишкой [Санашкина 1995: 45]. Мясная колбаса (*чучух*) готовилась так: толстую кишку крупного скота начиняли мелкими кусочками мяса и внутреннего сала вперемешку с диким луком (иногда добавляли мелко нарубленные почки, легкие, сердце). Мясную колбасу замораживали, при необходимости от нее отрезали нужные куски и варили. Большим лакомством считалась жареная на горячих углях грудинка барана (*керзен*), шашлык из печени (*буур*) и мяса [Санашкина 1995: 48]. Особенностью мясного шашлыка было то, что бралось свежее, нежное мясо, которое жарилось одним или несколькими кусочками на одной шпажке без предварительного маринования и без всякой зелени.

Мясная пища играла большую роль в свадебных обычаях и обрядах. На свадьбе в брачный союз соединялись два рода, образовывалась новая социальная единица – семья. Считалось, что чем лучше и сытнее пройдет свадьба, тем удачнее будет жизнь семьи и всего рода. Например, в героическом эпосе алтайцев «Маадай-Кара» находим идеальную модель проведения свадьбы, торжеств, где непременным условием удачи и достатка являются горы мяса:

*Пар из котла густой валит,
Там мясо ста быков бурлит,
И варится в другом котле
Верблюдов сотня. На столе
В одном тепши – сто валухов,
Баранины – до облаков* [Маадай-Кара 1995: 32].

Мясная пища символизировала достаток в семье, роде и здоровье ее членов.

На торжествах, свадьбах существовал закреплённый традициями обычай, определяющий правила и порядок рассаживания гостей, последовательность подачи блюд и принятия пищи. Между статусом пирующего человека и подаваемой мясной пищей прослеживалась строгая установленная связь [Тадина 1995: 118]. Пища в алтайской культуре являлась одной из составляющих социального взаимодействия и общения. Самым почетным угощением считалась голова барана. Так, голову

барана в знак уважения клали перед человеком, нарекшим именем ребенка. Почетным угощением были лопатка барана, бедренная кость, два нижних ребра – *сүме кабырга* (их женщинам есть запрещалось), плечевая кость, грудина. Обычно данные части туши, нарезав в одно большое деревянное блюдо (*тепши*), и добавив брюшной жир, подавали знатным, приехавшим издалека гостям. Детей угощали сердцем, почками, брюшным жиром, селезенкой. По обычаю гостеприимства в честь почетного гостя резали барана, угощали кровяной колбасой (*кан*) и другими мясными блюдами. Беременную женщину, когда она у кого-то гостила, полагалось угощать грудинкой, снабжать продуктами на дорогу.

Другим основным продуктом питания было молоко, из которого готовили айран (*чеген*), кумыс, сыры, творог, масло. Молочная пища у алтайцев составляла основу пищевого рациона в весенний, летний и осенний сезоны, поскольку в зимнее время удои сильно сокращались или прекращались вовсе. Алтайцы получали молоко от коров, кобылиц, овец, коз. Молоко употребляли обязательно в кислом, вареном или переработанном виде [Потапов 1953: 43].

Основу многих молочных продуктов составляло квашеное коровье молоко, называемое *чеген* (*чэгэн*) или *айран*. Разница заключалась в том, что первый напиток готовили только из доведенного до кипения молока, а *айран* – еще из сырого молока. Процесс приготовления состоял из закваски и созревания (брожения). Для закваски использовались старый *чеген* (из расчета 500 г на 5 литров молока), *курут* (сырчик), коратальника, копченая копчиковая кость и сухожилия животных (лошади, коровы, овцы) [Потапов 1953: 43]. Напиток хранили в больших кожаных сосудах (*архыт*) или деревянной вытянутой кадочке. *Чеген* являлся наиболее распространенной пищей алтайцев, он не только утолял жажду, но и использовался в этикете гостеприимства. При визите гостей сначала их угощали молочными продуктами (*анагаш*): гостю преподносили чашку молока, чегеня или кумыса [Шатинова 1981: 119]. Молоко, молочные продукты символизировали чистоту помыслов, радушие хозяев, приобщали гостя к очагу, жилищу. Данный напиток являлся полуфабрикатом для изготовления молочного вина (*аракы*), кислого сыра (*курут*), пресного сыра (*быштак*), творога (*аарчы*), сладкого творога (*эдигей*).

Другим напитком был кумыс (*кымыс*), употреблявшийся летом, такой же по технологии приготовления, как *чеген*, но из кобыльего молока и чаще встречавшегося в зажиточной среде. Кумыс считался не только прекрасным напитком, но и лекарством.

Молочное вино получали в результате перегона кислого молока. Перегонный аппарат состоял из большого чугунного казана, который ставился на таган. Поверх казана ставилась бочка без дна, внутри которой находилась деревянная лопасть с желобками, по форме похожая на

большой лист тополя. Поверх бочки ставился второй котел с холодной водой. Пары закипевшего чегеня, охлаждаясь о дно верхнего казана с холодной водой, оседали на лопасти и стекали по желобку. Существовал и другой вид перегонного аппарата, основу которого также составлял большой казан с той лишь разницей, что у него не было бочки без дна. Казан накрывался деревянной крышкой сферической формы, состоящей из двух половинок. Пары кипящего чегеня проходят по двум изогнутым деревянным трубкам, вставленным одним концом в крышку аппарата, вторым — в чугунные кувшины, помещенные в деревянную колоду с холодной водой и предназначенные для собирания араки. Охлаждаясь в этих кувшинах, пары чегеня образовывали молочную водку [Потапов 1953: 44]. Молочное вино — *аракы* распивалось теплым, по крепости оно не превышало 3–4°, его распитие было обставлено рядом церемоний. В народе молочную водку называли *аштын бажы* («голова / начало пищи»). Для распития араки в каждой семье имелся только один небольшой по емкости деревянный стаканчик (*чöчöй*), которым пользовались в определенной последовательности все присутствующие как в гостях, так и на празднествах [Дьяконова 2001: 70]. При распитии араки бытовала следующая церемония: «... хозяйка держалась в стороне и только наполняла напитком плоские деревянные чашки, разносил же мальчик — сын хозяина, поднося кому-нибудь из гостей, он сначала приближал чашку к собственным губам, делая вид, что немного отпивает, и уже потом подавал гостю» [Сапожников 1949: 74].

В культуре традиционного питания алтайцев остатки пищи запрещалось выбрасывать. В результате перегона чегеня содержимое котла сливали в мешок из ткани, стекшая сыворотка (*сарсу*) также шла в употребление. Процеженная творожистая масса, просушенная на солнце, являлась блюдом *аарчы*, из непросушенной, слегка прессовой массы изготавливали *курут*. Из общей спрессованной массы творога круглой формы ниткой или сухожилием разрезались ровные пласты по 2–3 см в толщину, полученный сыр коптился на решетке над очагом. Сыры и сушеный творог являлись основными блюдами в зимний период, поэтому летом их старались заготовить как можно больше. От удоя одной коровы за весь сезон получали около 50 сырчиков, что хватало на семью в 3–4 человека не более чем на один месяц [Потапов 1956: 343]. Сырчик также растворяли в теплой, горячей воде с добавлением зерен ячменя, съедобных кореньев, что составляло отдельное блюдо, напоминавшее по консистенции *чеген*, но более питательное. *Аарчи*, полученный из кислого молока, в свою очередь, являлся полуфабрикатом. Если его добавляли в свежее молоко и отваривали, то получалась густая масса. Из процеженной и просушенной на солнце массы получали сладкий творог (*эжигей*), который особенно любили дети. Соблюдая данную технологию, но с добавлением свежего молока в *чеген*, можно было получить другой вид

сыра – пресный сыр (*быштак*), отличавшийся от *курута* отсутствием кислоты, мягкостью и нежным вкусом, который употреблялся вместе с медом и сливками. Из молока получали масло (*саржу*), сливки (*каймак*), употреблявшиеся как самостоятельные блюда, так и в составе других кушаний.

Рыба преимущественно употреблялась жителями таежной части Горного Алтая. Основными объектами рыболовства являлись таймень, щука, окунь, чебак, хариус и т.д. Рыбу помимо удочек ловили сетями, неводами, а также лучили ночью. Из рыбных ловушек были известны морды, верши и запорные сооружения [Бельгибаев 2005: 71]. Кумандинцы, чалканцы, тубалары готовили блюда из рыбы в сушеном, вареном, жареном виде и заготавливали вялением впрок.

Растительная пища являлась немаловажным компонентом алтайской кухни и в основном была представлена зерновыми культурами и дикоросами.

Для алтайского земледелия были характерны, главным образом посевы ячменя, из которого получали жареные зерна (*чарак*), толокно (*талкан*), крупу (*кӧчӧ*), сечку (*јарма*), из ячменной муки пекли пресные лепешки (*тертпек*). Муку также мололи из пшеницы. Пшеничная мука называлась *буудай кулур*. Для приготовления *чарака* ячмень жарили в сильно разогретом казане, все время помешивая, доводили до светло-коричневого цвета и потрескивания плевел. Горячий ячмень засыпали в ступу (*сокы*) и толкли, что максимально высвобождало ячмень от оболочки. Очищенные зерна провеивали и получали *чарак*, готовый к употреблению. *Чарак* являлся самостоятельным блюдом, также он был полуфабрикатом для приготовления *талкана*.

Талкан был одним из основных видов пищи рядового скотовода. На его древность и широкое распространение указывает то, что *талкан* встречался уже в древнетюркскую эпоху, обозначаясь «*talqan*» («поджаренная мука») [Древнетюркский 1969: 529]. Технология приготовления талкана состояла из размалывания *чарака* в зернотерке и получения толокна. Талкан заготавливали осенью после сбора ячменя в небольшом количестве, не используя весь запасенный ячмень, а приготавливали по мере необходимости. С этой целью ячмень держали в кожаных мешках или берестяных коробах. Каждый член семьи, большой и малый, сам себе намалывал на ручных жерновах талкан и всегда в объеме, помещавшемся без остатка в его маленькую чашечку. Талкан употребляли большей частью с чаем, а также с молоком и с мёдом [Вербицкий 1893: 30].

Наряду с талканом повседневной едой алтайцев была похлебка из ячменя (*кӧчӧ*). Для ее приготовления в кипящую воду бросали цельные зерна ячменя и варили более двух часов. Разваренные зерна набухали и образовывали густую, питательную массу. *Кӧчӧ* варили с мясом и

костями. Он являлся обязательным блюдом на свадьбе. Ячмень также перемалывали на зернотерке и получали крупу (*јарма*), из которой также варили похлебку. При перемолке зёрен жареного ячменя (*чарак*) получали крупу (*курмач*).

Несмотря на то, что алтайцы были знакомы с возделыванием пшеницы, большей частью она закупалась у крестьян, так как в алтайском земледелии наблюдалось отставание в технике обработки земли, уборке, обмолоте и сохранении урожая. Кислый хлеб пекли только те алтайцы, которые под влиянием культурных связей с русским населением жили в срубных избах с русской печью [Потапов 1953: 61]. Алтайцы таежной части Горного Алтая из зерен ячменя специально к жертвоприношениям готовили брагу (*абыртка, саба, орто, ортко*) [Сатлаев 1974: 126].

Из диких съедобных растений в пищу употреблялись колосья и корневища горца живородящего [Потанин 1883: 149]. Собранные зерна просушивались, обжаривались в казане и употреблялись со сливками. Супы заправлялись полевым чесноком, дикорастущим луком – слизуном (*маныр*), которые также сушили на зиму. Собирали черную смородину, кислицу, крыжовник, голубику, бруснику, землянику, малину, облепиху, черемуху. В употребление шли также корни съедобных растений в сыром и поджаренном виде, таких как кандык, сарана, пион [Ачимова 2007: 351]. Сбор клубней производили весной, промывали, сушили и заготавливали на зиму. Из клубней делали салаты, размешав их со сливками и диким луком. Алтайцы собирали и употребляли в пищу и черемшу [Потанин 1883: 146], ее стебли шли на приготовление салатов и как дополнение к другим блюдам. На зиму в сушеном виде заготавливали ревень, хмелевой стебель. Ягоды, корни, стебли съедобных растений в летний сезон занимали значительное место в питании не только бедноты, но и семей со средним достатком. В заготовке дикоросов особое место занимал сбор кедрового ореха (*кузук*). Питательные ядра ореха в зимнее время составляли важную часть рациона алтайцев, особенно той части населения, которая не имела достаточного количества скота для зимовки. Сбор кедрового ореха до XIX в. носил чисто потребительский характер [Сатлаев 1974: 66]. С развитием сети торговли и ростом интереса купцов к ореху, он начал заготавливаться с целью продажи, особенно в северных районах Горного Алтая. Добыча кедрового ореха в урожайный год выгодна. Хороший кедр доставлял до 2 пудов чистого ореха, «часто мера орехов шла на такую же ячменя» [Вербицкий 1893: 39].

Несколько слов следует сказать об алтайском чае. С давних пор алтайцы употребляли чай. В качестве заварки использовали березовую чагу, листья бадана, смородины и мяты, корни и прутья шиповника [Сатлаев 1974: 124]. Популярным был кирпичный чай, поставляемый на Алтай из соседней Монголии и Китая. Чай варили в казане, в воду

засыпали заварку, подливали молоко, смесь масла с сухим творожком или бараний жир, соль и перед снятием с огня клали талкан. Чай подавался в пиале. Согласно обычаю гостеприимства хозяйка должна была в обязательном порядке предложить каждому гостю испить чаю. К чаю подавали *курут*, *каймак*, *быштак* и другую традиционную пищу.

Питались алтайцы три раза в день: утром, в обед и вечером. Рядовые скотоводы в основном употребляли жидкую и молочную пищу: чаем с талканом и курутом. Большая часть алтайцев утром и днем ели мало, в основном поджаренный ячмень в двух видах: крупу (*курмач*) и толокно (*талкан*). Более питательная пища, например отварное мясо и суп (*кӧчӧ*), употреблялась вечером [Вербицкий 1893: 30].

Из особого отношения к пище вытекали разного рода бытовые запреты, ограничения и предписания. Нельзя выбрасывать хлеб, любую еду, наступать на нее. Остатком трапезы полагалось скормить собаку, но никогда не выбрасывать.

При забое домашних животных огню приносились жертвы – кусочки мяса с грудины и кончики кровяных колбас, которые прикреплялись с внутренней стороны к тагану с почетной стороны юрты (*тӧр*). Чаем, молоком, привезенными издалека продуктами также полагалось сначала «угостить» огонь очага.

4.1.4 Одежда и украшения

Одежда алтайского народа была тесно связана с образом жизни, со спецификой хозяйственного уклада, с природными и географическими условиями проживания. Различалась она в зависимости от возраста, пола и социального положения человека. Материалы, из которых шили одежду, можно условно разделить на три вида. Первый составляли ткани собственного производства – холст, сукно из льняных и выкрашенных шерстяных ниток, причем домашним ткачеством занимались в основном в Северном Алтае. Материалом для ткачества служили конопля (*кендырь*), лен (*кӱдели*) и крапива [Попов 1955: 126]. Ткали на традиционных ткацких станках. Второй вид составляли материалы животного происхождения – шкуры, замша, мех. Третий вид материалов был представлен купленными фабричными тканями – китайкой (нанкой), дабой, сатином, шелком, плисом и бархатом. Одежду шили женщины вручную с помощью металлических игл, которые очень ценились [Радлов 1989: 160]. Нитки делали из сухожилий – они отличались прочностью и употреблялись для шитья кожаной одежды и обуви, для сшивания тканей.

Детская одежда. У алтайцев в качестве пеленок служили, как правило, мягкие выделанные шкурки животных. Затем на ребенка одевали рубаху. Лишь с 3 – 5 лет детская одежда начинала повторять взрослые

образцы. Как правило, дети, независимо от пола, ходили в штанишках и рубашках. Зимой они носили шубу, шапку и обувь. Иногда на детскую рубашку пришивали украшения или отдельные предметы в качестве амулетов – оберегов от злых духов. Обычно это были когти птиц, пуговицы или раковины каури, пришиваемые на позументе или на лоскутке материи. На верхнюю одежду ребенка, на спину или на правую лопатку прикрепляли специальное украшение – *шалтрак*: кусок кожи, а позднее ткани, расшитые бусами, раковинами каури, перламутровыми пуговицами. От этого куска ткани спадали нитки из бус и раковин, к которым прикрепляли и мешочек с пуповиной (*кин*) ребенка. Число этих ниток у мальчиков было нечетным, у девочек – четным. Шалтрак изготавливали, когда ребенку шили первую шубу (в год или чуть позже, когда он начинал ходить). Украшения, из которых готовили шалтрак, подносились еще новорожденному ребенку родственниками. Сначала их прикрепляли к колыбели, а потом использовали для изготовления шалтрака. С этим украшением ребенок ходил до 5–6 лет, затем из него для девочки готовили накосные украшения. С 10-летнего возраста мешочек (*кин*) с шубки ребенка снимали [Дьяконова 2001: 144].

Мужская одежда. Головной убор мужчин и женщин был одинаков по форме и назывался *сүрү (кураан) бөрүк*. Подобная шапка имела высокий околыш из меха черного ягненка, соболя или лисицы [Вербицкий 1993: 24], постепенно суживающийся сзади. Надетая на голову, такая шапка казалась высоким гребнем, слегка нависающим надо лбом. Донышко шапки было обтянуто желтой материей, посередине нашивали красный лоскут овальной формы. С заднего конца шапки свисали ленты обычно красного цвета, которыми можно было при необходимости подвязать околыш шапки, спустив его на уши. Молодые люди носили шапку прямо, а пожилые – несколько набок [Радлов 1989: 132]. Такие шапки могли носить только те люди, которые вступили в брак.

Имелись и шапки другого типа – круглые, с кистью из цветных ниток на макушке. Её шили из мерлушки мехом вниз, сверху крыли темным однотонным материалом. Край шапки обшивали парчой и оторочивали узкой полоской меха. Богачи делали такие шапки из дорогого меха – соболя, выдры. Кисть (*чачак*) изготавливали преимущественно из голубых или желтых крученых ниток. На макушке шапки пришивали кружок из другой материи (*төбө*) и к нему прикрепляли кисть с помощью нитки с нанизанным бисером. Шапку такого же покроя шили и из лисьих лапок так, чтобы черные края камусов сходились на макушке.

В Северном Алтае уже в XIX в. переняли головные уборы местного русского населения: военные картузы, шляпы, круглые шапки с остроконечной тульей и высоким околышем. Были распространены и головные уборы из войлока. Летом носили шапочки из холста, дабы или

нанки в виде усеченного колпака с кружком наверху [Вербицкий 1993: 25]. Телеуты в зависимости от времени года использовали различные виды головных уборов из войлока или овчины (*пөрүк, кийис-пөрүк, турпа-пөрүк, малахай*) [Тюркские 2006: 199].

Мужчины и мальчики волосы стригли наголо, оставляя их лишь на макушке. Эти волосы заплетались в косу – *кежеге*, конец которой украшали цветными пуговицами, шнурами и кистями из красного или черного шелка. У богатых людей шнур был двойной и с двумя кистями, а бедняки носили бумажные украшения, либо не носили их вообще [Радлов 1989: 133]. Ношение косы (*кежеге*) было распространено и среди мужчин черневых волостей, например, жителей селений (родов тиргеш и комдош) около Телецкого озера, долины Сары-Копшы, Кара-Копшы и других мест [Ядринцев 1881: 242; Адрианов 1886: 293–295]. Кумандинцы волосы подстригали «под горшок» (*челдек*) [Сатлаев 1974: 132].

Большим своеобразием отличалась верхняя мужская одежда алтайцев. Поверх рубашки надевали *чекпен* – род широкого халата на подкладке. Шили его из сукна, нанки или дабы с широкими рукавами и большим отложным воротником красного или синего цвета. Чекпен подпоясывался кушаком. У богатых людей покроя одежды был такой же, только шили его из дорогого материала – хорошего сукна, на шелковой или сатиновой подкладке, с плисовым или суконным цветным воротником [Потапов 1951: 14]. Существовал еще один вид легкой верхней одежды на подкладке в виде куртки с короткими до локтя рукавами. Назывался он *чеймек (шејимек)* и был немного длиннее рубахи. Шился чеймек из темной нанки, а у двоеданцев – чаще всего из лиловой или коричневой китайской нанки. По обеим сторонам *чеймека* свисали квадратные карманы из ярко-желтой или красной бязи. Воротник у чеймека был шалевый, а на груди обычно пришивали одну пуговицу и петлю из шнура. Как правило, ворот чеймека застегивался. Молодые люди побогаче носили чеймеки из черного бумажного бархата (*килиг*), или украшали воротник спереди бархатным кантом [Радлов 1989: 131].

Еще одним видом летней верхней одежды алтайцев являлся *јаргак* («кожаный кафтан») – шуба без шерсти, сшитая из выделанной и продубленной кожи жеребенка или косули, с отложным воротником из той же кожи [Вербицкий 1884: 80; Потапов 1951: 15].

У чалканцев и кумандинцев легкая верхняя одежда была представлена коротким холщовым халатом – *кендырь*. Назвали его так в честь растения, из волокон которого делали холст. В некоторых местах делали крапивный холст [Ядринцев 1891: 118]. Этот халат шился без подкладки, длиной до колен. Он запахивался левой полой наверх, но носился и нараспашку. Ворот, а иногда и края его обшивали какой-нибудь материей с простой вышивкой шерстяными нитками [Потапов 1951: 17]. У телеутов легкой верхней одеждой являлись кафтаны (*телен, күрме,*

сырмал), а теплой верхней одеждой – различные шубы (*тон, тлен-тон /кызыкту-тон*) и теплые кафтаны (*каптал, тулак /йаргак*) [Тюркские 2006: 198].

Основной зимней верхней одеждой алтайцев была запашная овчинная шуба – *тон*. Шили ее также из шкур косули, сурка, реже – хорька [Радлов 1989: 131]. Обычно эти шубы покрывали плюшем, бархатом, дабой или нанкой. Шубы богатых алтайцев покрывались китайским шелком и имели прямые отложные воротники из дорогого меха. Покрой шубы был следующий: без талии, свободно расширяющийся книзу, с запахиваемой левой полкой, вырезанной ступенчато. Рукава этих шуб были очень широкими от плеча, а в запястье резко сужались. По концам рукавов, внизу по подолу и вдоль левой полы нашивали широкую кайму – *кыйу* из бархата, простой материи или из телячьей или жеребьячьей кожи. Воротник, как правило, делали из лисьего меха. В жаркое время шубу спускали с плеч, и верхняя часть ее опускалась на пояс. В дождливый день шубу выворачивали мехом наружу, чтобы предохранить ее от сырости. Зимой поверх шубы надевали очень теплые, непромокаемые дохи из шкур косули, шерстью вверх [Потапов 1951: 18]. Поверх шубы надевался также и широкий пояс.

Верхнюю одежду чалканцев шили также из кендыря. Называлась она *коунк*, или *күүн*. Мужская одежда вышивки не имела, а женский халат обшивали у ворота и рукавов черным сатином, по вороту шла вышивка нитками [Прыткова 1961в: 234]. У чалканцев имелась также и специализированная одежда для промыслов и охоты, состоявшая из полусферической шапки, войлочного халата, безрукавки, чулок и сапог из конской кожи. Основу этой промысловой одежды составлял войлочный халат, простеганный и покрытый кендырем [Тюркские 2006: 472].

Обувью служили кожаные сапоги на мягкой подошве – *өдүк*. Они шились остроносыми, без каблуков, с широкими голенищами, доходившими до колен. Летом носили сапоги из дубленой овечьей кожи, зимой – из недубленых шкур мехом наружу. Эту обувь в зависимости от вида используемой кожи называли *тере өдүк* или *булгайры өдүк* (булгайры – сорт кожи, привозимой из г. Булгар на Волге) [Вербицкий 1884: 271]. Другим широко распространенным видом теплой обуви были *бычкак өдүк*, сшитые из лапок косуль и маралов. На ноги надевали войлочные чулки – *ук*, которые на 3–5 см высовывались из голенища. Бедняки делали из кожи только нижнюю часть сапога, а голенища шили из холста. Вместо войлочных чулок обертывали ноги сушеной травой – *ойонгот* (род осоки) [Вербицкий 1993: 24]. На правой ноге за голенище закладывались кожаный кисет с табаком (*калта*) и курительная трубка (*канза*).

В северных районах Горного Алтая носили сапоги из кожи с не-

высокими пришивными голенищами, без каблука, на тонкой подошве. В основном голенища делали из холста. Эти сапоги всегда подвязывали под коленом ремешками или веревочками, а верхний край голенища подворачивался на подвязанное место. Такой тип сапог служил и зимой. Бедняки носили чирки – *чарык*. По верхнему краю чарыков подшивали полоску ткани, продергивали в нее шнурок, которым стягивали башмачок. К чарыкам иногда пришивали холщовые голенища из-за нехватки кожи. Такая обувь называлась *ар өдүк* [Алтайский 1990: 7]. Традиционной обувью телеутов были чирки из юфти, кожи с шерстью или из камуса [Тюркские 2006: 199].

Еще одной важной частью мужской одежды алтайцев был пояс. У южных алтайцев наиболее распространенным был кушак (*кур*) для подпоясывания верхней одежды. Обычно это был отрез материи длиной 3–4 м. Этим поясом подпоясывали туловище два раза, а концы подтыкались спереди и свешивались вниз. В основном преобладали темные цвета пояса. Для дальних поездок в горы и на охоту алтайцы надевали кожаный пояс (*кайыш кур*). К нему прикрепляли патронташ и мешочек для пуль, огниво (*отык*) в кожаной оправе с бронзовой отделкой и нож в деревянных или костяных ножнах (*кынду бычак*) [Вербицкий 1993: 24]. Ремень украшали бронзовыми бляшками (*көстөр* – «глазами») [Алтайский 1990: 12]. У кумандинцев верхняя одежда подпоясывалась поясами, вытканными из крашеной шерсти, с геометрическим орнаментом [Сатлаев 1974: 133].

Нижняя одежда алтайцев была одинакова у мужчин, женщин и детей. Она состояла из короткой рубашки с косым воротом (*чамча*), открытой спереди и спускавшейся немного ниже пояса. Рукава ее были широкими, а у ворота пришивали пуговицу, которая служила в основном для украшения, потому что почти никогда не застегивалась [Вербицкий 1993: 23]. Иногда рубашку схватывали поясом. Материалом для рубах служила привозная ткань – даба синего, лилового и коричневого цветов. Однако в начале XX в. китайские материи стали вытесняться синей дабой российского производства. У алтайцев, живших в северных районах Алтая, мужские рубахи были гораздо длиннее, и с середины XIX в. шились по русскому образцу, с прямым воротом, сравнительно узкими рукавами и обычно подпоясывались [Потапов 1951: 12–13].

Алтайцы носили очень широкие штаны, немного ниже колен, обычно тоже синего цвета. Скроены они были совершенно прямыми, лишь между ног вставлялись широкие клинья. На поясе эти штаны стягивались широким шнуром, который завязывался спереди и свисал до колен так, чтобы один конец был ниже другого [Радлов 1989: 130]. Рубаха в штаны не заправлялась и висела свободно поверх них. Шили штаны из дабы или из толстого холста. Во время охотничьего промысла и при сборе кедрового ореха алтайцы носили штаны из самодельной замши (из марала

или косули), кожи, грубого холста, приобретенного у русских крестьян [Потапов 1951: 13]. В северных районах Алтая штаны шили немного длиннее, до щиколоток.

Следует отметить, что тесное общение алтайцев с русским народом нашло свое отражение и в одежде. Более или менее состоятельные люди, особенно у кумандинцев, чалканцев и тубаларов, переходили к одежде городского мещанского или купеческого покроя и шили ее из дорогого фабричного материала. Однако в Южном Алтае более распространены были китайские материи. Богатые одевались в китайский шелк, носили щегольской пояс, огниво и нож в дорогой оправе. Китайская даба и материи, а также трубки, китайские медные пряжки и монгольские седла, огниво, посуда и другие предметы роскоши были более распространены, чем русские произведения, и ценились дороже [Ядринцев 1891: 104].

Женская одежда. Важным элементом женского костюма являлся головной убор. Замужней женщине нельзя было ходить с непокрытой головой, так как это считалось величайшим позором.

Женщины Южного Алтая носили такой же головной убор, что и мужчины – треугольную шапку из черной мерлушки. У теленгитских женщин бытовала шапка *тарчык бөрүк* из мерлушки. Она состояла из четырех транеций, а верхушка шапки представляла собой квадрат. Сверху шапку крыли однотонной тканью, край оторочивали мерлушкой и полоской ткани. На макушку нашивали маленький кружок из ткани другого цвета, к нему через низку бисера крепили кисточку [Алтайский 1990: 11]. Некоторые телеутки, кумандинки и крещеные алтайки уже в XIX в. носили платки, повязанные концами назад [Вербицкий 1993: 26].

Очень большое значение для алтайских женщин имели косы, причем прически женщин различались в зависимости от возраста и семейного состояния.

Девочкам до 12 лет подстригали переднюю часть головы, оставляя маленькую челку (*чүрмеш*) на лбу. Длинные волосы затылочной части головы заплетали в нечетное количество кос, прикрепляя к ним золотые шнуры и раковины. Такие прически назывались *сырмал*, а о девушке, не достигшей брачного возраста, говорили «*сырмалу бала*» – «имеющая сырмал». Эта прическа изменилась под влиянием бурханизма. Вместо раковин каури в каждую косичку, составляющую сырмал, стали вплетать плоские перламутровые пуговицы (*тана*) [Тадина 1995: 93]. Девушки брачного возраста отпускали волосы спереди и носили их, разделив пробором, свисающими по обе стороны лица прядями. В.В. Радлов называет эти пряди *шапкы* [Радлов 1989: 133]. Таким же термином обозначали и накосные украшения девушек. Косы на затылке украшались так же, как и у девочек, но к их концам прикрепляли еще деревянные палочки. У замужних женщин должно было быть четное количество кос, чаще всего две, и назывались они *тулук*. Их носили спущенными ниже пояса.

Отправляясь в гости или принимая гостей, женщина перебрасывала косы на грудь. Соединялись они между собой несколькими нанизями из пуговиц и раковин каури (*јыламыш*). На концы кос прикрепляли иногда и ключи. У алтайцев женщины вплетали в косы снизки раковин каури, заканчивающиеся железными стерженьками (*темир токпок*) [Радлов 1989: 133]. У теленгитов женщины украшали косы серебряной бляшкой (*сакузын*) с вставными камнями из сердолика и кораллов [Дьяконова 2001: 105].

У девушек Северного Алтая косы украшались, кроме пуговиц, стеклярусом, бисером и маленькими колокольчиками [Вербицкий, 1993: 26]. Кумандинские девушки носили подвеску четырехугольной формы (*чаачыш* или *чинче*) с соответствующим числом петель для прикрепления к нечетному количеству кос. Подвеску шили из красного сукна, обшивали черной каймой, а к нижнему краю пришивали до 53 ниток бисера длиной до 29 см. Этот бисер нанизывали так, чтобы в итоге получились цветные поперечные полосы. На конце каждой нитки прикреплялась раковина каури. Замужние кумандинки носили накосники несколько другого вида. К двум подвескам из двух медных колец на концах кос пришивали два треугольника из красного или черного сукна с каймой другого цвета. На внешней стороне треугольников пришивали два ряда каури. Эти подвески назывались *керетарткыч*. Между собой они соединялись длинными низками бисера, которые висели цепью ниже талии [Алтайский 1990: 9, 10].

Что касается верхней одежды, то она резко различалась по форме и покрою в зависимости от семейного положения. У девушек легкой верхней одеждой являлся халат – *чекпен*, по покрою одинаковый с мужским. Он подпоясывался специальным девичьим кушаком из цельного куска ткани, обязательно синего или голубого цвета. Концы девичьего кушака не затыкались за сам кушак, а выпускались сзади от талии, по обеим ногам, почти до самых пят [Потапов 1951: 31].

Специфической одеждой замужних алтаек являлся длиннополый и распашной *чегедек* (*чэгэдэк*) без рукавов, который новобрачная впервые надевала на свадьбу и носила его всю жизнь или до смерти мужа. Без чегедека женщина не могла показываться свекру или старшему брату мужа. Чегедек мог надеваться поверх любой одежды. Он шился в талию, из темной материи (у богатых из шелка и бархата) и обшивался вокруг пройм рукавов и воротника, по спине и подолу каймой. Чегедек не застегивался, хотя на левой поле его всегда пришивали две большие китайские красные пуговицы (*куйка*), как и на рубахах. В холодное время чегедек надевали поверх овчинной шубы, то есть носили его и зимой, и летом.

Во время свадьбы на невесту надевали *чегедек* и шапку (*сүрү бөрүк*), а волосы заплетали в две косы. С этого момента она считалась замуж-

ней женщиной и должна была носить эти предметы одежды всю жизнь, а волосы заплетать только в две косы.

Легкая верхняя одежда вдовы была иной. Сразу после смерти мужа женщина снимала чегедек и во время вдовства носила особую одежду типа халата, которая называлась *чуба* [Потапов 1951: 30]. При выходе снова замуж женщина снимала чуба и вновь надевала чегедек. Если же она умирала вдовой, то хоронили ее в чегедеке, так как, по верованиям алтайцев, она должна была в загробной жизни встретиться с мужем. Чуба – это широкая одежда типа длиннополого халата из черной или синей материи. На груди пришивались четыре китайских пуговицы попарно одна над другой. На них можно было застегивать одежду, но полы ее все равно расходились. Носили чуба летом поверх нижней одежды, но зимой, в отличие от чегедека, носили под шубой.

Зимней верхней одеждой алтайских женщин была овчинная шуба (*тон*). Она в целом не отличалась от мужской и шилась очень свободной. Однако левая пола в ее середине выкраивалась в виде четырехугольного выступа, а не ступенчатого, как в мужской шубе, и эта часть одежды более тщательно украшалась вышивкой. Концы рукавов также делались по-другому. Обшлага снаружи обшивались красной материей, а по самому краю – черной мерлушкой. Оканчивался обшлаг округлым клином. Обычно женщина могла отогнуть их, а при гостях, согласно этикету, ими положено было закрывать кисти рук [Тадина 1995: 102]. Подобные манжеты назывались у алтайцев *уштук*, а у теленгитов – *јудурма* (*удурма*).

Женщины Северного Алтая чегедеков не носили. Легкой верхней одеждой у женщин и девушек являлся холщевый халат. Халат этот носили как параспашку, так и подпоясанным. Нижнюю одежду алтайских женщин составляли рубаха и шаровары, схожие с мужскими. Женщины Северного Алтая и крещеные алтайки постепенно перешли к ношению русской женской одежды: широкой юбки, собранной в складки, блузки и платка [Алтайский 1990: 9].

Своеобразными были женские украшения: медные, серебряные и золотые кольца (украшали пальцы), серьги (из медной или серебряной проволоки с белым птичьим пушком), подвески из блях и пуговиц. Замужние женщины носили серьги в обоих ушах, а незамужние девушки – только в одном ухе [Швецов 1900: 67]. Телеутки к воротнику рубахи прикрепляли накладной праздничный нагрудник – *тöштöк* [Тюркские 2006: 201].

К поясу женщины подвешивали особое украшение – *бел*, или *бел-душ*. Оно состояло из медной фигурной бляхи, к которой подвешивали нитки бисера или бус. К ним также подвешивали платок, ключи от сундуков или ящиков, которые находились в ведении хозяйки дома. Иногда прикрепляли женский кожаный кисет (*калта*), украшенный бусами. К бел прикрепляли также и кожаные мешочки, в которых защиты

пуповины (*кин*) детей. По их количеству и форме можно было узнать количество детей и их пол, так как мешочки с пуповинами девочек имели треугольную или квадратную формы, а мешочки с пуповинами мальчиков – стреловидную (форму кисета или пороховницы). Они украшались бисером, раковинами каури. Таким образом, можно было с первого взгляда узнать, сколько у женщины детей и какого они пола.

Немаловажное значение в культуре алтайцев имеет цвет, в том числе и цвет одежды. Алтайцы очень высоко ценили белый, называя его «матерью всех цветов». Цвет одежды связан и с возрастом человека, который носит эту одежду. Детям желательно было шить одежду из неярких тканей, чтобы они не привлекали особого внимания. Самые яркие, светлые, насыщенные цвета могли носить молодые люди, полные сил и энергии. Пожилым следовало носить одежду темного цвета – коричневого, синего, бордового, черного, поскольку эти спокойные цвета соответствовали их возрастному и социальному статусу [Тюркские 2006: 411].

Одежда зайсанов и богатых алтайцев отличалась от остальных только по материалу и отделке. Шубы зайсанов и членов их семей покрывались шелковой китайской тканью и опушались дорогим мехом. Большим благосостоянием отличались двоеданцы. А. Бунге во время своего путешествия на Алтай в 1826 г. так описывал праздничную одежду зайсана Монгола: «... в багряно-красном шелковом кафтане, в широких шелковых шароварах, в зеленых, с очень толстыми подошвами, сапогах, оканчивающихся спереди загнутыми кверху острыми носами, и – в зайсанской шапке на голове. Эта великолепная вещь представляла собой шапку в форме полушара, обтянутую шелковой темно-синей материей и вышитую белым шелком. Шапку эту окаймляли прямостоящие, жесткие черные бархатные поля, которые впереди, выше, – а кверху расширяются» [Бунге 2004: 303, 340]. Лишь немногие зайсаны получали от русского правительства кафтаны, расшитые золотым галуном. Их надевали, только являясь к русским чиновникам. Зайсаны, демичи и шуленги двоеданцев получали от китайского правительства форменные шапочки со знаком отличия. Шапочка зайсана была увенчана голубым прозрачным шариком полковника (*ухери-да*) и павлиньим пером. Демичи получали синий шарик (*джерги янггин*), а шуленги – белый прозрачный шарик (*тунда бошко*). Даже став подданными русского правительства, еще в последней трети XIX в. они носили эти китайские знаки отличия [Радлов 1989: 125, 144]. Такой же была и одежда богатых людей. Для сравнения скажем, что алтайцы со средним достатком носили одежду попроще, из более дешевых материалов. Бедные же обходились лишь тем, что у них было.

• **Погребальная одежда.** У алтайцев специальной одежды для погребения не было. Мужская и женская смертная одежда, кроме своего назначения ничем не отличалась от обычной. Как правило, больные и старые люди заранее готовились к смерти, поэтому они сами шили для себя смертную одежду или указывали, в какой одежде их следовало похоронить. На покойника надевали особенно любимую, чистую одежду и вместе клали кисет с табаком и трубку [Тощакова 1978: 148]. Теленгиты старались не «перегружать» покойника, считая, что душе будет тяжело в пути. Молодых одевали полегче, а старых – потеплее. При похоронах с одежды срезали все пуговицы или хотя бы одну у ворота. Оставшуюся одежду умершего человека, если она была в хорошем состоянии, раздавали родственникам, а старую сжигали. Воротник с шубы снимали. Пояс завязывали не как на живом человеке, а наоборот. Обувь на покойника надевали кожаную и обязательно с голенищами. Перед тем, как надевать обувь на ноги умершего человека, головку обуви скребли ножом [Шатинова 1981: 96–97]. Вместе с покойником клали также маленькие мешочки с едой [Радлов 1989: 180; Вербицкий 1993: 107], которые иногда пришивали к одежде. На покойника нельзя было надевать шапку и обувь, сшитые из меха и лапок зверя. Считалось, что в ином мире эта одежда не будет держаться на душе покойного. Дорогие и редкие вещи, например, шелковые, на умершего не надевали [Шатинова 1981: 97].

Распространение христианства повлияло и на некрещеных теленгитов. Они старались класть с покойником как можно меньше вещей, среди них были кисет, трубка, чашка, седло, ковш, съестное. Так как крещеные алтайцы носили одежду русского образца, у них смертная одежда не носила национального характера. Умершему на ноги надевали тряпичные чулки или холщовые тапочки. Сверху покойников накрывали белым материалом с изображением Христа и крестов. Вокруг лица под платок клали венец – бумажную ленту с изображениями святых, на грудь – икону [Шатинова 1981: 98, 102].

Умершего шамана заворачивали в войлок, поднимали на лиственницу и привязывали к ветвям [Шатинова 1981: 99]. У чалканцев и тубаларов покойника выносили из юрты в шубе, после чего зашивали в нее с головой [Тощакова 1978: 155]. У кумандинцев покойника одевали в лучшую одежду [Сатлаев 1974: 162].

Ритуальная одежда. Специфическую одежду имели служители религиозных культов алтайцев. Специальной ритуальной одеждой шаманов был *манjak*. Изготовление его происходило по указанию или внушению духов-покровителей шамана. Шитье манjака было коллективным занятием женщин (в то время как бубен делали мужчины) из семейства шамана или шаманки и женщин соседних аилов. Руководство по шитью брала на себя обычно престарелая женщина, более опытная в швейном искусстве.

Когда манжак был готов, шаман или шаманка устраивали специальное камлание без жертвоприношений при большом стечении народа. Целью данного камлания было удалить «скверну из манжака, которая сообщается ему от прикосновений рук нехороших людей» [Анохин 1994: 36–37]. Считалось, что дух-покровитель шамана во время этого камлания осматривал костюм и через внушение выражал свое одобрение или неодобрение. Данные указания всегда выполнялись, манжак перешивался и исправлялся. Только после полного одобрения духом шаманского костюма он становился священной одеждой. Хотя манжак шили женщины, после этого обряда он становился запретным для прикосновения их к нему.

Для манжака было характерно сложное внешнее оформление. Основную его часть составляла шуба (тон), или короткополая, доходящая до колен куртка с рукавами из овчины или кожи марала. На эту куртку прикреплялись различные детали, имеющие то или иное символическое значение. Это множество жгутов, подвесок, шкурок зверей, птиц и их отдельные части (когти, перья, клювы, крылья). К спине пришивались 9 куколок, изображающих 9 дочерей Ульгена – это были небесные покровители шамана, вдохновлявшие его при камлании [Потапов 1991: 206]. К манжаку прикреплялись также тряпичные изображения в виде змей, чудовищ, иногда – миниатюрные предметы быта (кисеты, игольницы). Жгуты обычно изготавливали из самодельной конопляной веревки, обшитой цветным ситцем разной длины и толщины. Некоторые из них пришивались не самым концом, а немного ниже, чтобы конец свободно висел и «вызывал представление о головке змеи» [Потанин 2005: 50]. На таких жгутах очень часто вышивали кружки вместо глаз, а у толстых жгутов верхний конец делался расщепленным. Таким образом, получалась змея с разинутой пастью, что еще более усиливало впечатление. Подвески делались преимущественно из железа, например кольца, бляшки, но были и медные колокольчики, и бубенцы. Все это настолько плотно прикрепляли к куртке, что ее саму не было видно. Однако у некоторых шаманов спинка манжака от воротника до пояса оставалась открытой. На нее иногда пришивали лоскут материи с симметрично расположенными колокольчиками.

Манжак обычно имел тот шаман, который камлал Эрлику и духам гор. Их называли «кара кам» – «черный кам». Шаманы, не камлавшие Эрлику, совершали ритуалы в обычных халатах – чекпен (их называли «ак кам» – «белый кам»). Женщины – шаманки, в силу своей «женской природы» – ритуальной нечистоты – не могли камлать Ульгеню, поэтому камлали только Эрлику и имели манжаки [Анохин 1994: 33]. Однако из этого правила могли быть и исключения.

В качестве священного предмета шаманское ритуальное одеяние не являлось обязательным. Камлать можно было и без манжака. У кумандинцев и чалканцев вообще не было специальной одежды для камлания

типа манжака [Потапов 1991: 207], они могли камлать и в обычной одежде, только голову перевязывали платком, «чтобы волосы не лезли в глаза» [Вербицкий 1993: 97].

Шаманские шапки были двух видов. Первая употреблялась только с манжаком и самостоятельно не надевалась. Основную ее часть составлял своего рода чулок из красной материи, который мягко ложился с головы на верхнюю часть спины. Шапка обшивалась шкуркой рыси в трех местах: на глазничной, лобной и затылочной частях. К ней пришивали кисточки из разноцветных бисеринок, раковины каури (*жыламаи*), шнуры, иногда – фигуры летающих птиц. Конец шапки несколько суживался и замыкался вшитыми пучками совиных перьев [Анохин 1994: 48]. Те шаманы, которые камлали Ульгению, носили шапку, похожую на обычную шапку алтайцев из мерлушки. Но на темени пришивали пучки совиных перьев, а сзади – три белых ленты (*жалама*) [Анохин 1994: 47]. Некоторые телеутские шаманы во время камлания надевали на голову шкурку филина с головой и крыльями. У тубаларов шаманы иногда употребляли маски, сделанные из бересты и украшенные беличьими хвостами вместо бровей и усов [Потанин 2005: 53, 54].

В начале XX столетия в Горном Алтае возникла новая синкретическая форма религии, известная под названием бурханизм. Главной фигурой в культовой деятельности бурханистов были *жарлыкчи*, имевшие учеников, которые назывались *шабы*. Одежда *жарлыкчи* состояла из молочно-белой шубы (*ак сүт тон*). По покрою она была близка к халату (*чекпен*), но шилась непременно из белой материи. Воротник был широкий, откидной. Обязательной деталью такого халата были завязки, которые использовались вместо пуговиц [Сагалаев 1984: 90]. Левая пола запахивалась и была вырезана, как у шубы, а сверху обшивалась широкой полосой материи другого цвета, как и концы рукавов. Из-под воротника вдоль спины спускались две пары лент желтого и белого цветов. У некоторых *жарлыкчи* по паре таких лент пришивалось и у основания рукавов. Головной убор представлял собой островерхую шапку с четырьмя кисточками на тулье и напоминал монгольскую шапку [Данилин 1993: 177]. У *жарлыкчи* употреблялись также шапки, по виду схожие с обычными шапками алтайцев. Их отличие состояло в том, что они всегда были белого цвета и сделаны из суровой материи, а иногда из кошмы. Сзади пришивали две ленты [Данилин 1993: 178].

Особенной одежды помощники – *шабы* – не имели, только в косы вплетали две ленты по полметра белого и желтого цветов. На шею надевали узкий воротник (*жака*), сшитый из белой, желтой и голубой материи и завязывавшийся спереди узелком. Иногда этот воротник сплетали из 8 шелковых ниток тех же цветов. Отличительным знаком и непременной принадлежностью *шабы* стали деревянные модели лука со стрелой. Их носили на шее как крест у православных. Обычно они

скрывались под шубой, но во время молений вывешивались поверх нее [Данилин 1993: 176].

Таким образом, одежда алтайцев различалась по возрасту, полу, семейному и социальному положению. Однако дифференциация мужской и женской одежды наблюдалась только в отношении верхней одежды. Что же касается нижней одежды, то она практически не различалась по покрою и материалам. Различие по социальному признаку в одежде наблюдалось в использованных материалах. Лишь немногие зайсаны носили знаки отличия своей должности, если они у них были. Наиболее четкое разделение одежды произошло по семейному признаку, особенно это касалось женской одежды. У оседлой части коренного населения Горного Алтая проявлялось влияние русского костюма: головных уборов, юбок, рубашек.

4.1.5 Декоративно-прикладное искусство

Большое место в жизни алтайского народа занимало прикладное искусство, отражавшее самобытную жизнь скотоводов и охотников. Своеобразие этого искусства проявлялось в убранстве юрты, в предметах быта, в украшениях женской одежды, конской сбруи, орудий труда и охоты. Особенно получили распространение резьба по дереву, обработка металла и войлока, тиснение на коже, аппликации на ткани и вышивка.

Ювелирное дело и обработка металла. Художественная обработка металла у алтайцев применялась, прежде всего, в украшении боевого и охотничьего оружия, конской упряжи, при изготовлении ювелирных изделий.

Кузнечное ремесло передавалось по наследству: от отца к сыну или к племяннику. Кузнецы на Алтае пользовались всеобщим уважением [Радлов 1989: 159]. Для ювелирных изделий употребляли обычно серебро, бронзу, латунь и железо. Алтайские кузнецы чаще всего пользовались такими приемами обработки, как гравировка, штамповка, литье, ковка, насечка серебром по железу, причем последняя техника была самой распространенной. Использовались и другие технические приемы обработки металла – вытягивание проволоки из серебра, инкрустация цветными камнями или стеклом. Очень многие металлические украшения конской упряжи (седла, уздечки, стремяна) подвергались серебрению. Мастера стремились сделать узоры четкими, заметными. Из рисунков чаще всего использовали зигзаг, чешуйки, полукруги, косую сетку, розетки, парную спираль, каплевидные фигуры и узоры в виде запятой.

Из мужских принадлежностей украшали отделкой ножны, огниво (*отык*) орнаментировали цветным металлом. Резьбой и металлическими вставками украшали курительные трубки (*канза*), кожаные сумки

для охотничьих припасов и, в частности, пороховницы (*janчык*) [Эдоков 2001: 111–112].

Иногда украшались и железные очаги (*очок*). Специальную подставку для поддержания посуды над огнем оформляли в виде условных голов животных. Нередко по внешнему краю кольца имелись вытравленные и выкрашенные рисунки, среди которых, помимо геометрических мотивов, встречались и изображения животных [Каплан 1961: 74].

Художественная выделка кожи. Кожа различных животных использовалась для изготовления многих предметов и вещей домашнего обихода – одежды и обуви, кожаной сбруи, посуды, выючных сум. Первоначальной обработкой кожи занимались преимущественно женщины, а ее художественным оформлением – мужчины. Особенно это касалось конской сбруи. Узда, недоуздок изготавливались из сыромятной кожи путем плетения различных орнаментальных узоров. Нагайки плелись из трех, четырех, восьми или шестнадцати тонких кожаных ремешков. Кожаными изделиями, наиболее часто подвергавшимися художественной обработке, были сосуды для молочных продуктов – *тажуур* и *көйөк* (деревянное ведро), а также *кејим* (кожаная накладка на потнике или подседельнике). Орнамент на эти изделия наносился либо техникой тиснения, либо нарезкой узора острием ножа или заостренной деревянной палочкой. Кожаные изделия, охотничьи сумки, чехлы для огнива украшались металлическими бляшками с элементами орнамента [Тюркские 2006: 458, 114].

Особенно широко были распространены тажууры – плоские кожаные сосуды с узким горлышком и деревянной пробкой. Декорированию подвергались внешние стороны. Обычно на влажной поверхности заостренной деревянной палочкой наносили узор, рисунок или, с начала XX в., делали надпись. На тажуурах преобладали геометрические фигуры и изображения животных, очень редко рисовали людей.

Обработка войлока и ткани. Составной частью народного быта был войлок, из которого делали потники, подкладываемые под седло, подстилки в жилище. Войлок использовали для постели [Потапов 1948: 226], одежды, головных уборов и т.д. Украшали войлочные изделия различными приемами: аппликацией по войлоку цветной тканью или крашеным войлоком, вваливанием узора из цветной шерсти, узорной стежкой по войлоку, выкладыванием узора цветным шнуром.

Пол в юртах застилали войлочными коврами (*ширдек*, *кебис*, *сырмак*) и шкурами домашних животных. В передней почетной части (*төр*) стелили ширдеки, изготовленные из овечьей шерсти [Дьяконова 2001: 47]. Сырмаки делали в технике мозаики из войлока двух цветов. Они обычно имели форму прямоугольника. Для алтайских сырмаков наиболее популярны были рогообразные мотивы. Кроме того, для них было характерно наличие центрального поля, которое состояло из прямоуголь-

ников, ромбов или окружностей, вписанных в прямоугольник [Эдоков 2001: 124]. Иногда в середину сырмака вшивали телячью или жеребьячью шкуру [Каплан 1961: 74].

Орнаменты и узоры на ткани были связаны, прежде всего, с национальной одеждой алтайцев, особенно женской. Украшениями служили пуговицы (*куйка*) в виде шарики с металлическими медными или серебряными петельками сверху или снизу. Они имели металлическое основание в виде розеток и нашивались на чегедек по краям полочек параллельно друг к другу. У алтайцев получила распространение также и вышивка, которая использовалась главным образом для художественного оформления кисетов, седельных чепраков и лицевых сторон валиковых кожаных подушек. Саму подушку шили во всю ширину кровати. Один конец ее был суженным, а другой – овальным, к которому вставлялась такой же формы дощечка, обтянутая тканью и украшенная вышивкой цветными или парчовыми нитками, перламутровыми пуговицами, серебряными бляшками [Тоцакова 1978: 100]. Центральная часть оформлялась узором из вписанных друг в друга удлинённых овалов, выполненных в технике петельного шва. Чуть выше них вышивался узор *чичирган* (облепиха). Внутри подушки обычно складывали нитки, обрывки тканей, шкурки ягнят и другие атрибуты женского рукоделия [Дьяконова 2001: 60].

Резьба по дереву. Из дерева делали самые различные предметы – блюда для разделывания и хранения мяса (*тепши*), ступы для измельчения зерна (*соки*), посуду, кровати (*агаш орын*), сундуки, шкатулки, ведра, деревянные крюки (*ильмек*) для подвешивания колыбели и других предметов, музыкальные инструменты, коновязи (*чаки*) и др. Почти всегда они украшались довольно сложным орнаментом, выполненным контурной или выемчатой резьбой, сюжетными рисунками или геометрическими узорами [Эдоков 2001: 129].

На женской половине юрты ставили деревянную кровать, лицевая сторона которой украшалась резным орнаментом. Чаще всего использовали символ *кульдя*. Резьбой украшали и борта деревянной детской колыбели [Тоцакова 1978: 98, 25].

Резные деревянные сундуки обычно украшались контурной резьбой, причем ей подвергалась только передняя, видная стенка сундука. В прямоугольник этой передней стенки сундука вписывались два симметричных, соединенных перемычкой квадрата или прямоугольника. Затем они также расчленялись на несколько внутренних плоскостей, подвергавшихся геометрической орнаментации. В центре квадрата часто помещали крестообразную фигуру, составленную из четырех фигур *кульдя*, обращенных рогами наружу.

Непосредственно к деревянным изделиям алтайского прикладного искусства примыкают предметы, выполненные из бересты: туеса, кошел-

ки и заплечные сумки для сбора ягод и орехов. В основном бересту вырезали, продавливали и украшали аппликацией, причем эффект достигался умелым обыгрыванием свойств бересты, особенно ее цвета. Узоры были достаточно разнообразными и варьировались от простых черточек, зигзагов, кружков и волнообразных линий до сравнительно сложных орнаментальных мотивов. Берестяные изделия были распространены в северных районах Алтая, среди кумандинцев, чалканцев и тубаларов, в экономической жизни которых значительную роль играли охота и собирательство [Эдоков 2001: 133].

Алтайский орнамент. По начертанию отдельных элементов алтайские орнаментальные узоры могут быть подразделены на геометрические (зигзаг, косая сетка, треугольники, меандр, ромбы и др.), растительные (розетки, фигуры, напоминающие растительные побеги и др.) и зооморфные (роговидные узоры). Но имеется и большая группа мотивов, которые относятся к смешанным узорам. Выбор рисунков зависел от характера материала и от сложившихся традиций. В орнаментах этнических групп Горного Алтая прослеживаются различия. Так, среди узоров на предметах и изделиях племен Южного Алтая преобладали криволинейные, сравнительно сложные и крупные формы с пышным декором. Это было связано с тем, что данные этнические группы занимались скотоводством. Среди этих узоров особое место занимал орнамент «кульдя», представлявший собой ромбовидную фигуру с рогообразными ответвлениями и его различные вариации. В орнаментике племен Северного Алтая доминировали геометрические и растительные узоры.

Особое место в национальном орнаменте алтайцев занимали тамги и знаки личной принадлежности человека к тому или иному роду — сеоку (*сёёк*). Они повторяли форму орудий труда, оружия, предметов повседневного быта, передавали начертания древнетюркских письменных знаков и символов. Основное их назначение было в клеймении лошади. Однако тамги служили для алтайцев и оберегом от различных неприятностей. Наиболее распространенными у алтайцев являлись тамги «корыто» (*тоскуур*), «луна» (*ай*), «лук» (*јаа*), «удила» (*сулук*), «рога барана» (*кульдя*), «крест» (*саракай*), «гусь» (*кас*), «кувшин» (*јыракы*), «кожаный сосуд» (*тажуур*), «дистилляционная трубка» (*чорго*), «серьга» (*сырга*) [Ямаева 2004: 3–4].

Пользуясь несложным арсеналом орнаментальных мотивов — полос, зубчатых линий, розеток, крючкового орнамента, народные мастера создавали множество декоративных композиций. Широкое распространение в алтайском орнаменте получили все связанные со скотоводством мотивы: тамги для клеймения скота, сосуды для препарирования и хранения продуктов животноводства и пр. Цвета были яркими, броскими, контрастными. В основном использовались цвета радуги.

У алтайцев было довольно много изображений на бытовых предметах – ведрах, кожаных сосудах, крючках, чашках, ящиках, музыкальных инструментах и на календарях.

Самыми распространенными бытовыми предметами были деревянные ведра для молока (*кӧнӧк*, *агаш кӧнӧк*). Чаще всего они украшались вдоль верхнего края, иногда по стенкам, геометрическими орнаментами. Изредка отдельные изображения вырезались на стенках ведер под верхним бордюром или выцарапывались на берестяном дне. Иногда ведра целиком или почти целиком покрывались рисунками. Изображения и орнаменты вырезались ножом, реже применяли технику выжигания. Среди изображений было много животных, птиц, деревьев, иногда вырезали фигурки всадников, охотников, сцены охоты, а также отдельные бытовые предметы алтайцев – кожаные сосуды, кисеты, ружья и др. На некоторых ведрах вырезали родовые знаки (*тамги*). Украшались также деревянные ручки ведер, деревянные крюки (*ильмек*), очень редко – деревянные чашки. Все эти изображения на деревянных предметах отражали окружающую природу и животный мир Алтая, давали представление о домашних животных, раскрывали некоторые стороны хозяйственной жизни и материальной культуры алтайцев.

Широким распространением в быту алтайцев пользовались кожаные сосуды – тажууры для хранения молочной водки. Как на деревянной посуде, так и на кожаных сосудах преобладали геометрические фигуры, нередко дополняемые изображениями тамг. Из животных чаще всего рисовали лошадей, маралов; из деревьев – кедры. Изредка встречались знаки солнца и луны. Человекообразные фигуры рисовались очень редко. Излюбленными были изображения табачных кисетов, мешочков для дробы, самих тажууров, лука со стрелой, головных уборов, иногда частей аппарата для приготовления араки [Эдоков 2001: 115].

Иной характер носили изображения на календарях двенадцатилетнего цикла. Причем на Алтае эти календари, в отличие от китайских, вырезали из дерева или рисовали на бумаге. Они состояли из 12 фигур, расположенных по кругу, из которых 9 были вполне устойчивыми: мышь, корова, заяц, змея, лошадь, баран, курица (или петух), собака, свинья (или кабан). Тигр иногда заменялся львом, дракон – птицей. Но самые значительные изменения произошли с обезьяной (*мечин*). Фигура этого неизвестного на Алтае животного была истолкована как человеческая и подверглась частичной или полной антропоморфизации. Иногда мечин изображался в виде звезд (созвездия Плеяды) [Иванов 1954: 626]. В центре круга чаще всего помещали «бесконечный узел» – символ счастья и долголетия. Иногда центральное поле занимало изображение лягушки или жабы, которая, согласно легендам, поддерживает собой землю.

На бумажных календарях изображались те же фигуры карандашом и красками, однако рисунки, по сравнению с деревянными календарями, получались свободнее, живее и ярче.

Иногда алтайцы покрывали рисунками кусочки материи, на которых изображали шаманов или родовых божков. Рисунки религиозного содержания получили развитие главным образом на шаманском бубне (*түнүр*). Он имел довольно крупные размеры (до 70 см в диаметре), круглую или овальную форму и был обтянут кожей марала, лося или дикого козла [Иванов 1954: 640]. Внутренняя часть бубна делилась на две части рукояткой из березы, которая называлась *ээзи* – «хозяин». Она изображала человеческую фигуру с большой головой, нередко с глазами из пуговиц [Радлов 1989: 368] или медными накладками на месте бровей, носа и глаз [Иванов 1954: 641]. Эта фигура олицетворяла собой умершего шамана (шаманку), в память которого сделан бубен. Грудь *ээзи* под прямым углом пересекал железный прут (*кириш*), изображающий руки. К нему привязывали ленточки. Внизу *ээзи* расширялось и делилось на две части, изображавшие бедра и ноги, но на некоторых бубнах такого раздвоения не было.

Расписывали бубен белой и красной красками [Иванов 1954: 641; Анохин 1994: 55]. Рисовали указательным пальцем, иногда прибегали к помощи заостренной палочки. Расписывались бубны с внешней стороны или с двух сторон (внешней и внутренней). Характерной фигурой являлось крупное изображение *ээзи*, которое рисовалось во всю величину бубна, либо на двух сторонах, либо на одной стороне, и дублировало рукоятку бубна. С боков к *ээзи* примыкали изображения радуги (*солоньы*) в виде нескольких дугообразных полос. В верхней части бубна, по сторонам головы *ээзи* располагаются солнце и месяц, на некоторых – планеты и звезды. Также на бубне рисовали антропоморфные существа – небесные девы, дочери Ульгена (*тенеринин кыстары*). Они изображались в виде нескольких одиночных или взявшихся за руки фигурок, число которых колебалось от 2 – 3 до 9-ти [Иванов 1954: 644]. Кроме этого, на многих бубнах рисовали животных – оленя, марала, дикого козла, горного барана (*бура* или *пура*), лошадь или змею; из птиц чаще всего рисовали гусей. Люди изображались пешими, на конях, рисовали также шамана с бубном. Из деревьев обычно были береза или кедр. Также встречались рисунки предметов материальной культуры и культа – изображения бубнов и их частей, тамги [Иванов 1954: 642].

Бубен шаман держал левой рукой за середину рукоятки, а в правую руку брал колотушку, которая называлась *орбу*. Делалась она из дерева молодой березы и имела форму лопатки [Потанин 2005: 48]. На конце, в месте, где за колотушку брались рукой, пробивалась дыра, в которую вдевали ремешок и завязывали его кольцом. Во время камлания это кольцо надевали на кисть руки, чтобы *орбу* не выпала. На ремешке

привязывали ленты или жгуты. Лицевая сторона орбу обтягивалась войлоком, а поверх него мехом (собольим, горностаевым или заячьим) [Радлов 1989: 370], причем это должна была быть кожа с ног животного [Анохин 1994: 62]. Другая сторона колотушки украшалась тремя кольцами, которые иногда располагались в три ряда (всего 9).

Декоративно-прикладное искусство чуйских теленгитов было близко к искусству алтайцев, но отличалось более разработанным рисунком, развитыми в декоративном отношении формами орнамента. На бытовых предметах употреблялись те же изображения, что и у алтайцев. Особо следует отметить резьбу на деревянных кроватях, украшенных нередко изображениями животных, главным образом диких.

Роспись на шаманских бубнах теленгитов имела некоторые особенности. Прежде всего, изображения ээзи, солнца, зоо- и антропоморфных фигур на теленгитских бубнах рисовались только на внутренней стороне. Наружная сторона расписывалась концентрическими кругами. В центре располагались крупная крестообразная розетка или крестообразные пересечения. Иногда бубны делились на несколько секторов, внутри которых помещались небольшие изображения бубнов. Отсутствовали изображения деревьев, из животных рисовали быков, верблюдов, иногда птиц, что не было характерно для бубнов алтайцев. Чаще всего рисунки наносили красной и желтой, реже красной и черной красками [Иванов 1954: 648].

Рисунки этнической группы тубаларов по характеру примыкали к южно-алтайским. Изображения отдельных животных, птиц и деревьев вышивали на кисетах цветными нитками. Для изготовления домашней утвари применяли главным образом дерево, в основном березу, ее наросты, корень, бересту, а также кожу. Из дерева вырезали двухголовые антропоморфные фигуры – *каным* (божества–покровители). Они обычно были небольшими, высотой 25–30 см, и имели вид стержня, на каждом конце которого вырезана голова. Руки имели вид коротких прямоугольных выступов. Каным окрашивали в красный, буро-красный или бледно-розовый цвет. К шее верхней головы привязывали красную ленту. Некоторые рукоятки шаманских бубнов тоже изготавливались в виде скульптурных фигурок, которые были коническими, одноголовыми и двухголовыми [Эдоков 2001: 79]. Сама наружная сторона бубна также делилась на две неравные части. В основном рисовали животных и деревья [Потанин 2005: 45].

У телеутов изображения декоративного характера встречались на старинных покрывалах для постели. Шились они из холста, на одну сторону которого нашивались треугольные кусочки разноцветного сукна. Из них складывался орнамент в виде диагонально пересеченных квадратов [Эдоков 2001: 71]. Рисунками покрывались и календари

двенадцатилетнего цикла. Они близки к рисункам на календарях алтайцев.

Рисунок религиозного содержания получил развитие главным образом на лоскутках материи и на шаманских бубнах. Рисунки на лоскутках материи назывались так же, как и нарисованные на них персонажи – *амагандары*, или *энекелери* (от *амаган* – матушка, старуха, жена; *эне* – мать, *энеке* – матушка) [Иванов 1954: 652]. Они представляли собой изображения женщин, духов-предков, унаследованных по материнской линии. Куски холста или мешковины, на которых нарисованы фигуры, имели различные размеры в зависимости от количества нарисованных на них изображений. Длина ткани колебалась в пределах 10–18 см. Рисунки наносились на светлый фон ткани красно-оранжевой, красно-киноварной или буро-красной краской [Иванов 1954: 652]. Изображения довольно схематичны. Обычно рисовались одна или несколько фигур (3, 7, 9), которые имели одну высоту и превращались в своеобразный узор [Эдоков 2001: 72].

Телеутский бубен обтягивался кожей марала или лошади и разрисовывался красной и белой красками (иногда к ним прибавляли и другие цвета – черный или зеленый). Рисунками покрывалась только наружная сторона бубна, которая делилась на две части – верхнюю (примерно 2/3 бубна), изображавшую небесную сферу, и нижнюю – земля и подземный мир с его обитателями. В верхней части бубна рисовали следующие фигуры: а) солнце, луну, утреннюю звезду Венеру, вечернюю звезду, иногда созвездия (Ориона, Большой Медведицы, Плеяды) и мелкие звезды, радугу; б) «письма-книги» в виде квадрата или прямоугольника с двумя или тремя поперечными чертами («строками») внутри; в) сетки; г) птиц; д) коней (от 4 до 9); е) всадника; ж) человека, вооруженного мечом или посохом; з) деревья. По сюжету и композиции рисунки верхней части бубна были вполне устойчивы [Иванов 1954: 655]. Рисунки нижней части бубна также были устойчивыми и состояли из следующих изображений: коня, квадрата с человеческой фигурой внутри, чудовищной рыбы, лягушки, змеи и изображения земли в виде узкой полосы [Иванов 1954: 656]. Особенностью рисунков на телеутских бубнах является соединение геометризованных линейных фигур с более разнообразными фигурами, близкими к алтайским.

Народное творчество чалканцев и кумандинцев имело много схожих черт. Из бересты делали кораба и туески. Приоритетное место в хозяйстве чалканцев занимало звероловство [Тюркские 2006: 472]. Здесь широко распространился промысловый костюм из войлока. При орнаментации одежды предпочтение отдавалось геометрическим (ромбам, зигзагам, крестам, волнистым линиям) и растительным мотивам.

Женские фигурки на ткани (*куртыяк*) считались хранительницами дома и семейного благополучия. Из дерева делали изображения духов –

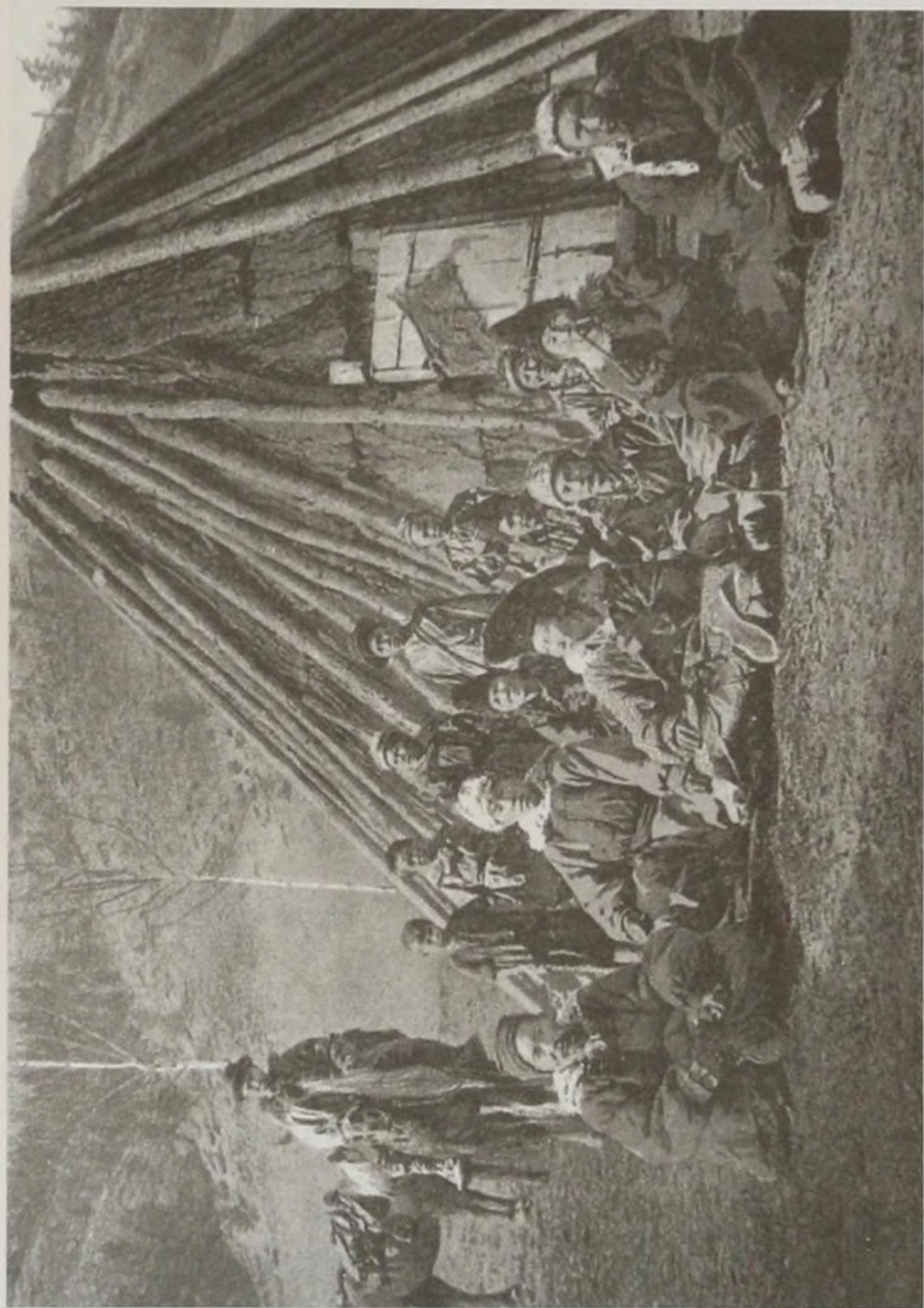
покровителей охотников (*сары кан*, или *сары-ган*). Рисунки на шаманских бубнах сходны с кумандинскими. Среди изображений встречались фигуры гигантских рыб (*кер балык*) [Тюркские 2006: 661].

У кумандинцев известны игрушки для мальчиков, представляющие собой небольшие фигурки человека или животных, вырезанные из лучины. Девочки играли в куклы (*кокельке*). Основу куклы составлял скатанный из кудели валик, обшитый холстом [Эдоков 2001: 75]. Резьба по дереву не получила своего развития. Из дерева делали различную утварь и посуду, которую в основном украшали простейшими фигурами, такими как полосы, прямые линии, вписанные квадраты и др. [Иванов 1961: 371].

Орнаментом украшали предметы домашнего обихода – войлочные тюфяки, одежду, покрывала. На всех изделиях преобладал геометрический орнамент. Из окрашенных в разные цвета шерстяных ниток плели пояса [Сатлаев 1974: 146].

Рисунок религиозного содержания был представлен изображениями на кусочках холста и на шаманских бубнах. Рисунки на кусочках холста ограничивались человеческими фигурами, причем всегда парными. Они назывались *өрөкөннер*, или *өрөкөндөр* (от слова *өрөкөн* – почтенный), *куртиняк* (куртуйяк – старуха, жена, хозяйка), *төрдө* (төр – передняя, почетная сторона в юрте, передний угол) [Иванов: 1954: 657]. Кумандинцы считали эти фигуры изображениями духов-предков по женской линии, призванных охранять рожениц и обеспечивать благополучный исход родов. Рисунки на бубны наносились на наружную и внутреннюю стороны. Они изображали духов-помощников шамана и представляли собой зооморфные и антропоморфные фигуры.

Таким образом, в художественном оформлении вещей принимали участие и мужчины, и женщины. Люди и животные изображались упрощенно, а на более высоком уровне находились культовые предметы и изделия из дерева, бытовые вещи из металла. Различия в декоративно-прикладном искусстве этнических групп алтайцев обусловлены природными условиями и исторически сложившимися этническими традициями. Большую роль в декоративно-прикладном искусстве играло и алтайское традиционное мировоззрение.

Алтайские кочевники

В аиле

Коническая юрта

Срубная юрта

В аиле бурханиста

Женщина на лошади

Теленгитская семья

*Теленгитка
с трубкой*

*Теленгитка
в национальной одежде*

*Женщина в
традиционной
одежде*

*Мужчина-
алтаец в
шубе*

Женская одежда

Чалканец

Женщина в чегедеке

Шалтрак

Теленгитка

Украшение колтыкчы

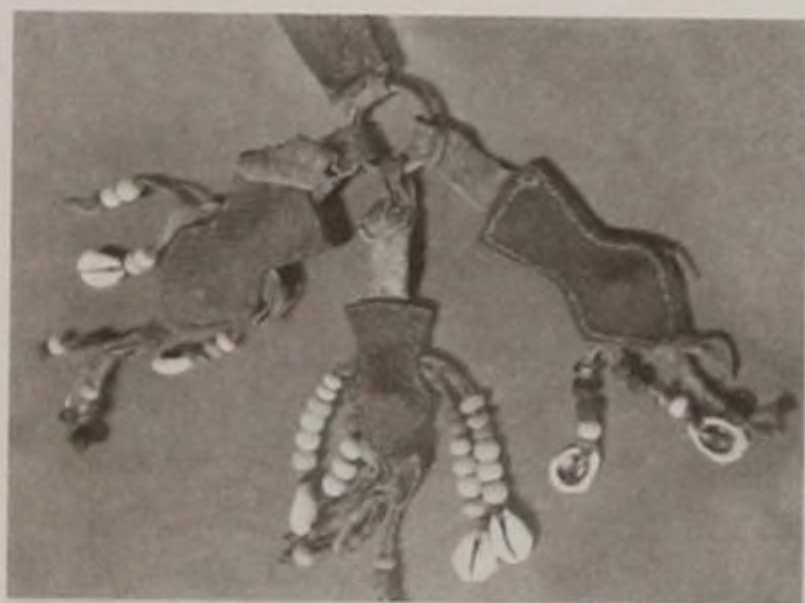
*Женищина
в чегедеке*

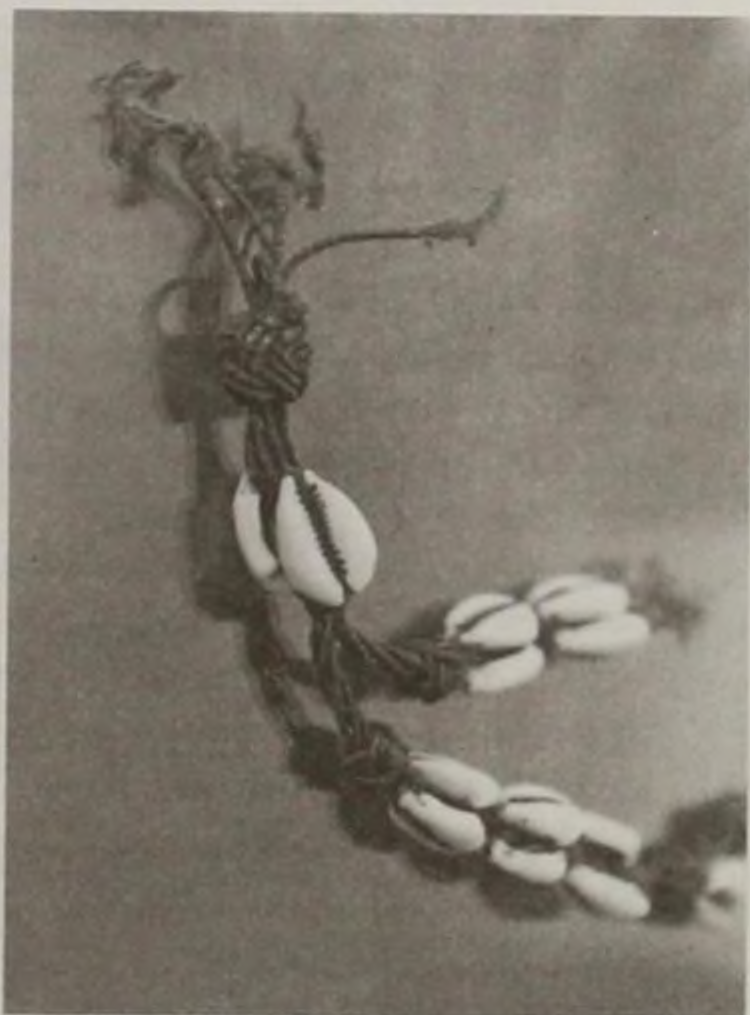
Мужская шуба

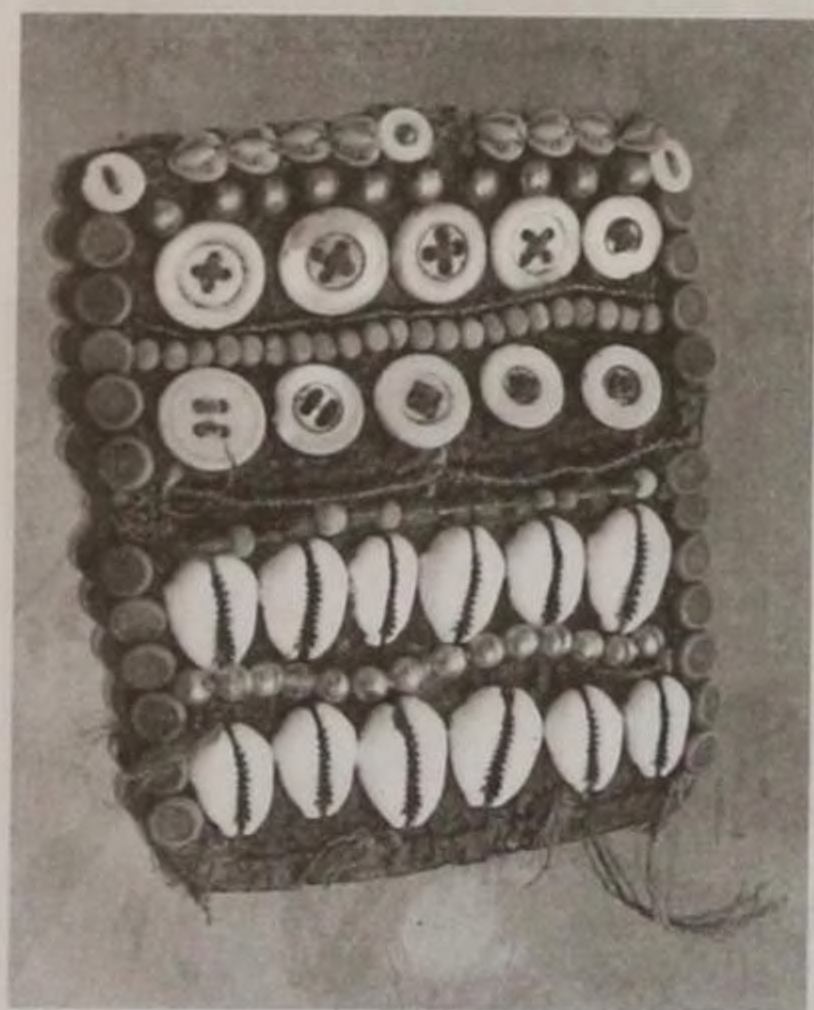
Мужчина в национальной одежде

Кун

Снизка жыламаш

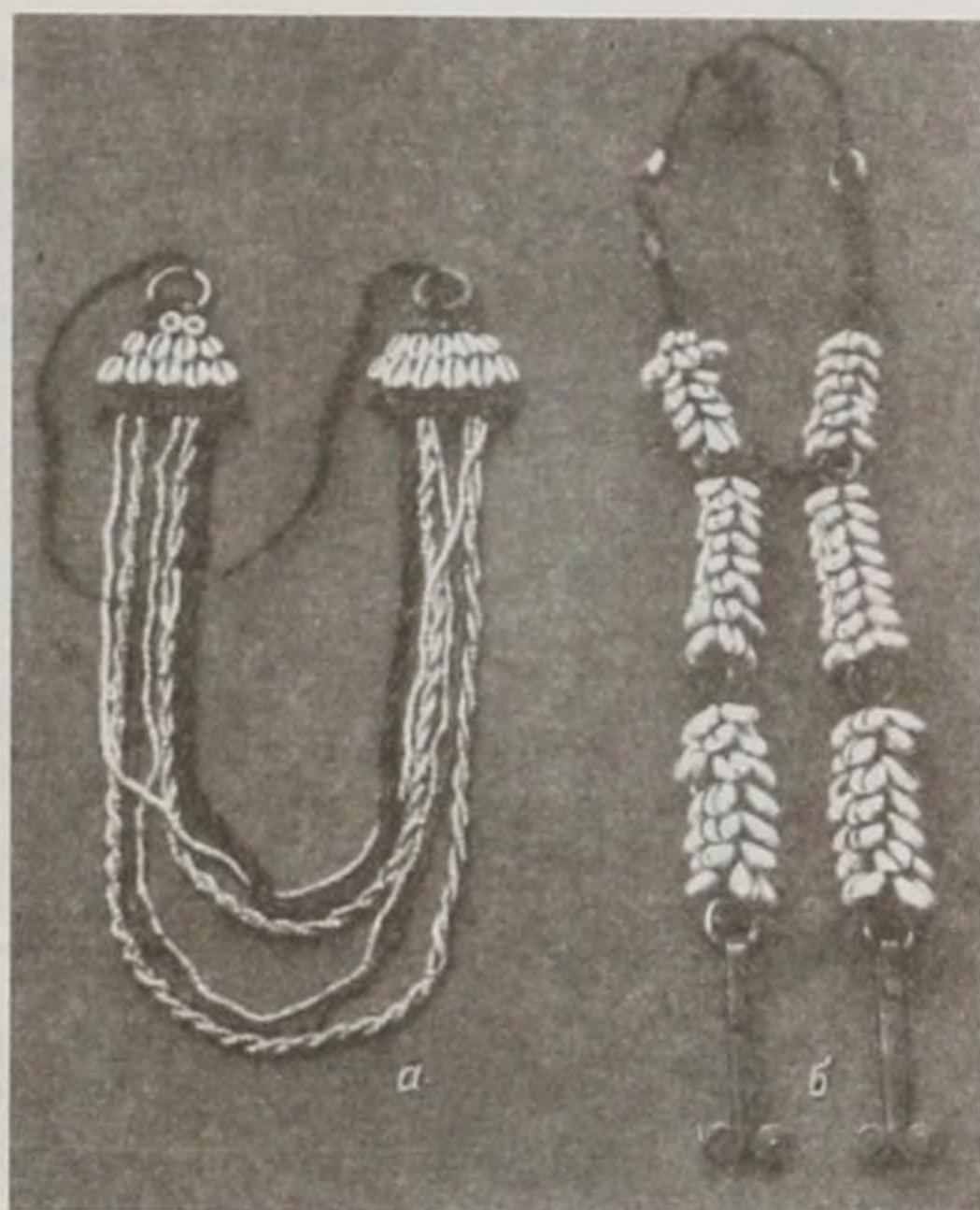
Шалтрак

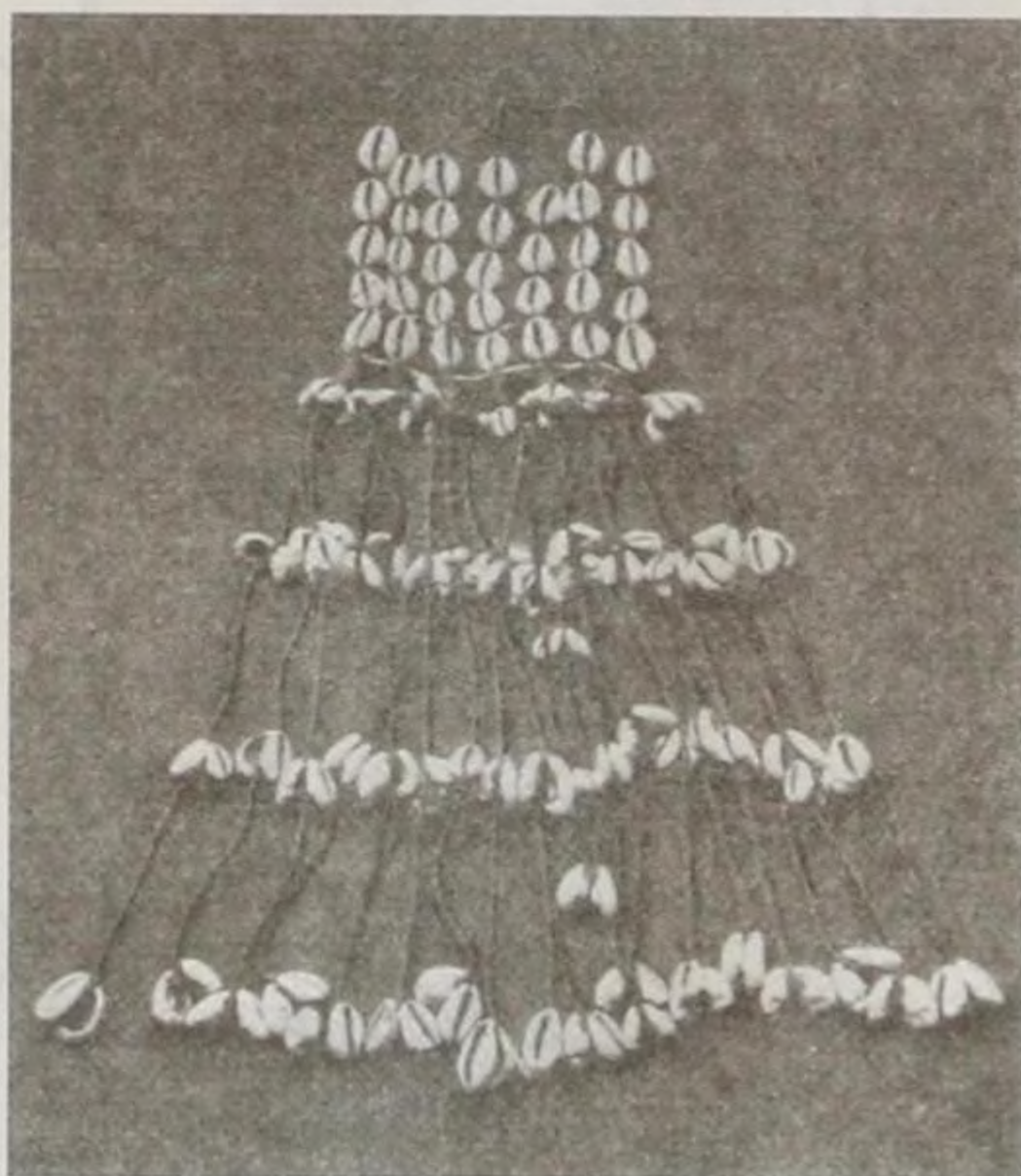
Колтыкчы

Женский кисет

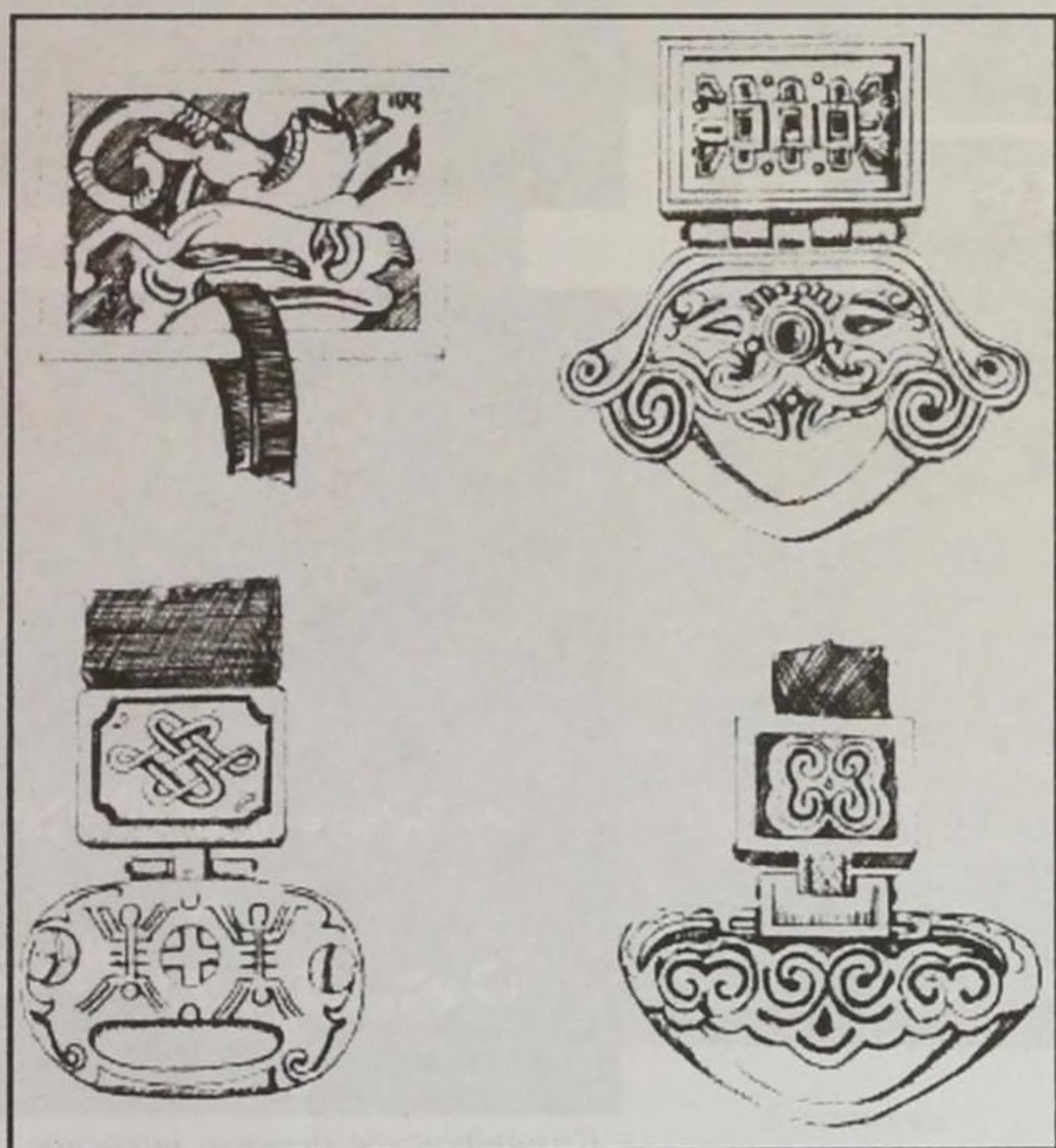
Женские накосные украшения

Кумандинское девичье накосное украшение шурмеш чачичы

Серьга

Бельдуш

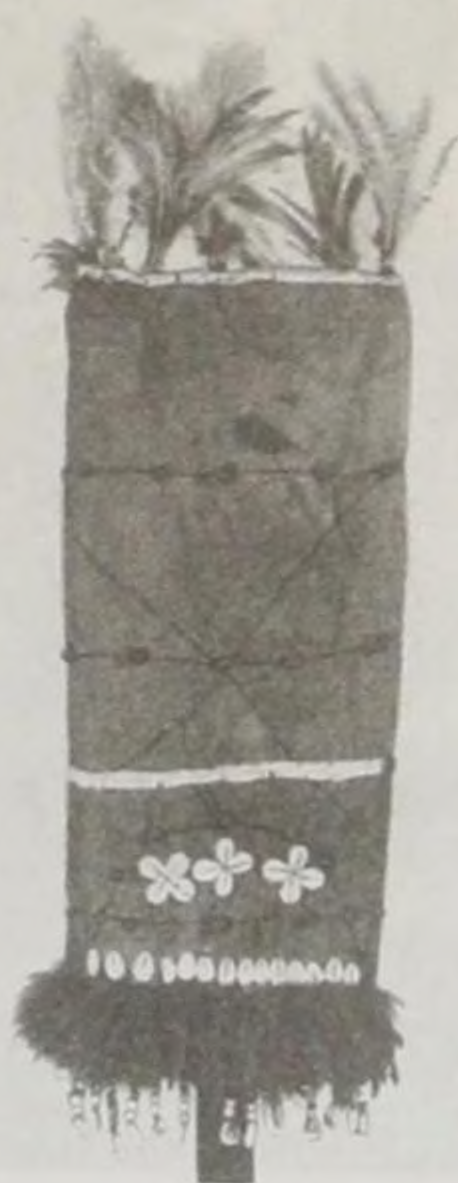
Шаманская одежда

Подвески на шаманской
шубе

Шаманский головной убор

Шаманский головной
убор

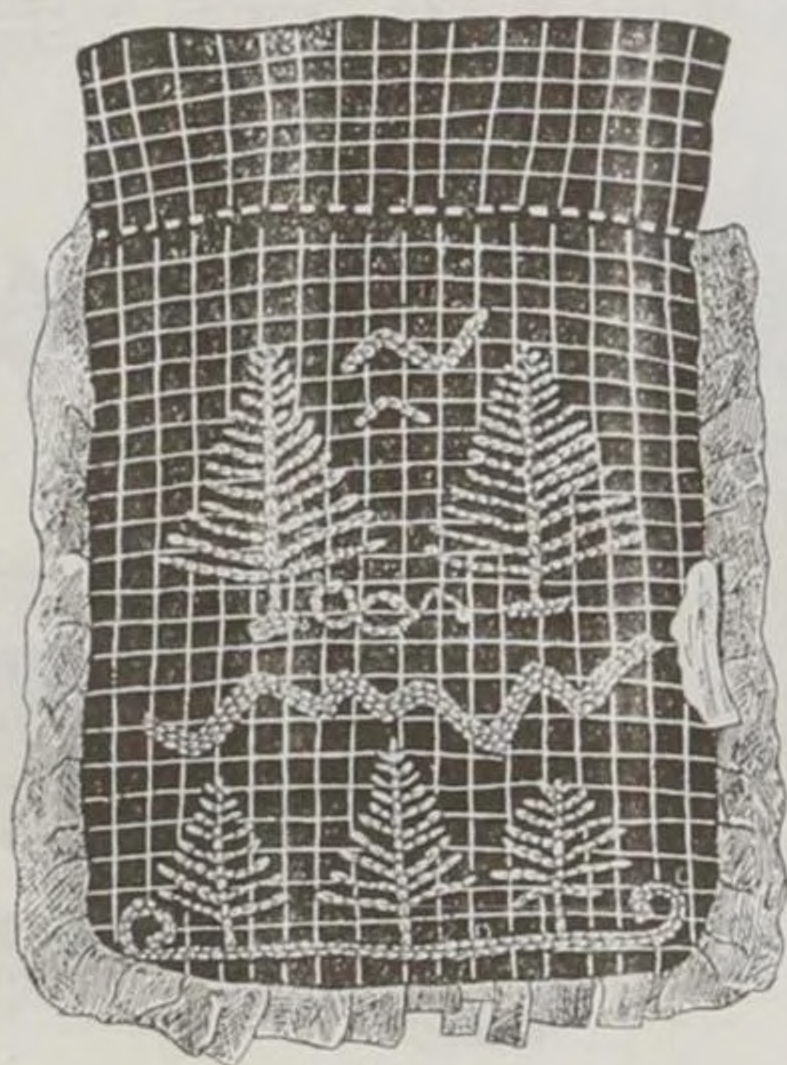

Манжак

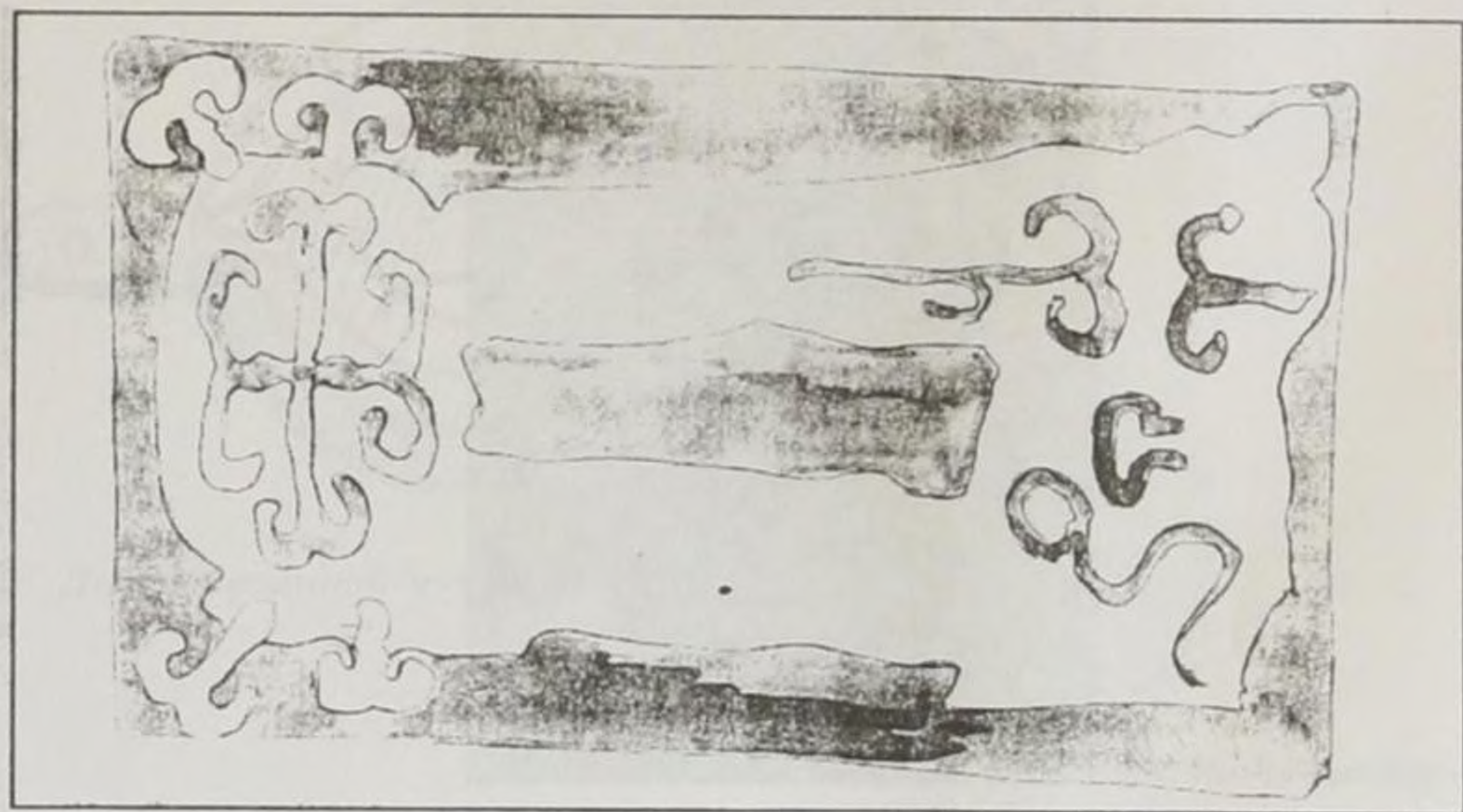

Камлание

Декоративное искусство
Войлок, ткань, вышивка

Вышивка на кисете

Сырмак с изображением тамги

Изделия из дерева

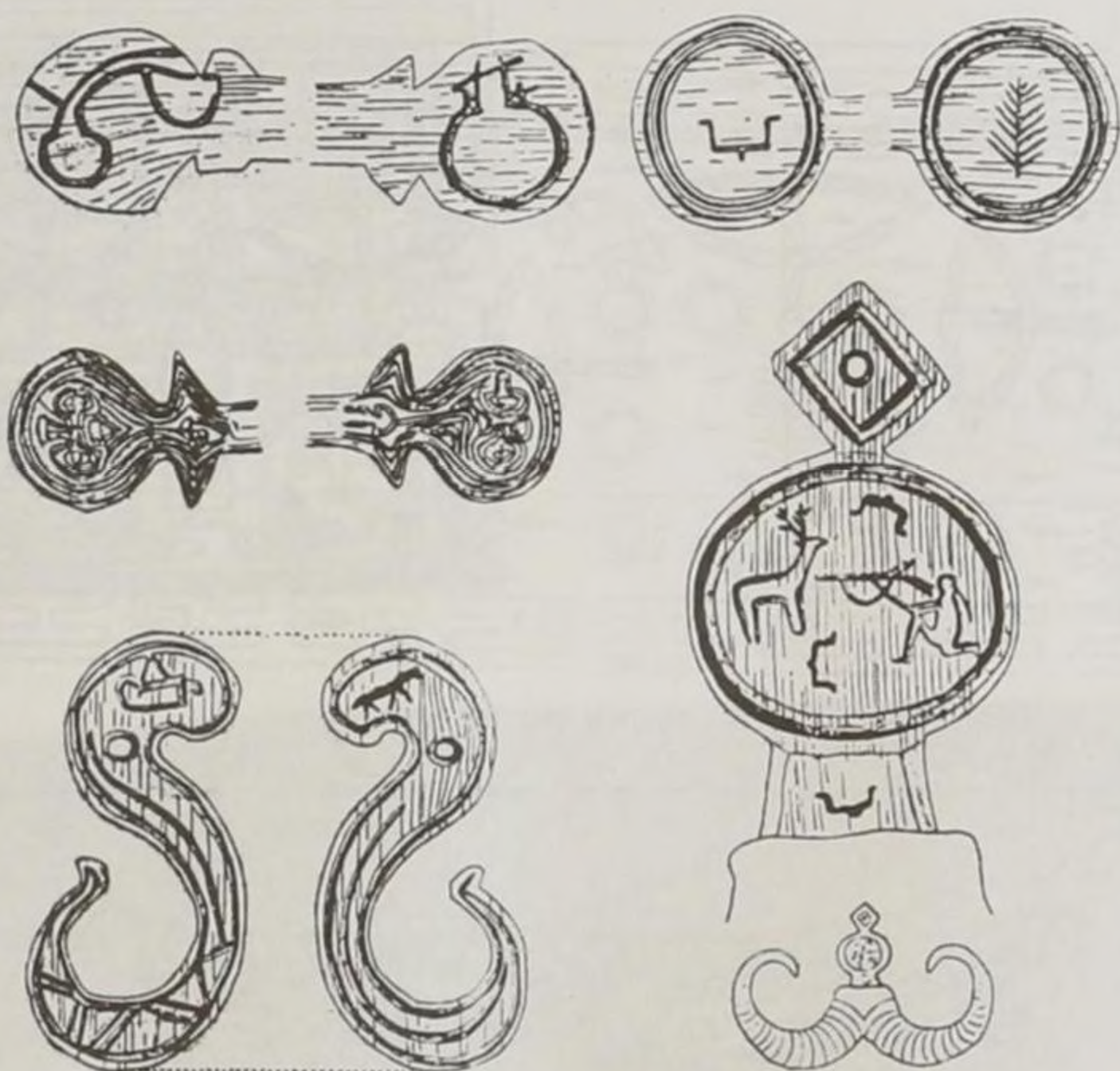
Köñök

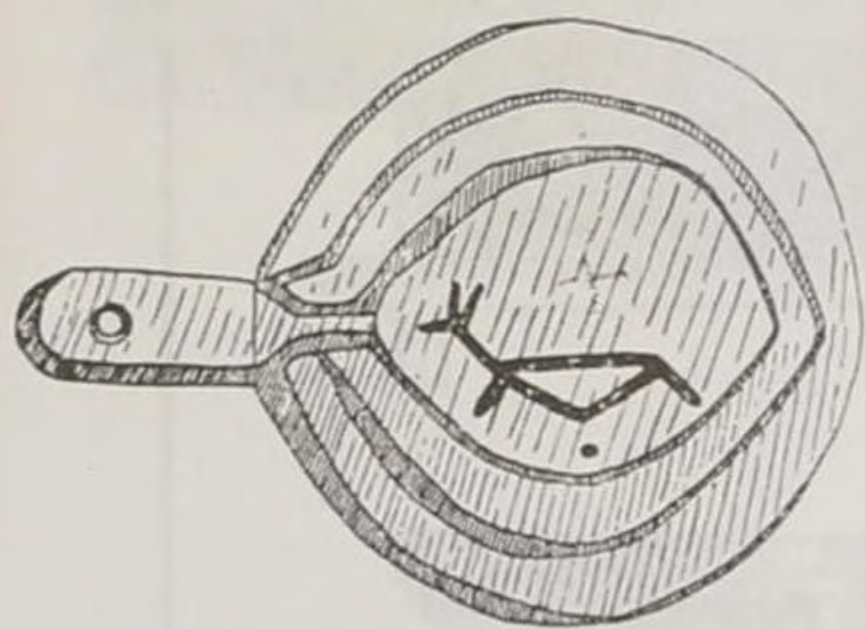
Тепши

Соқы

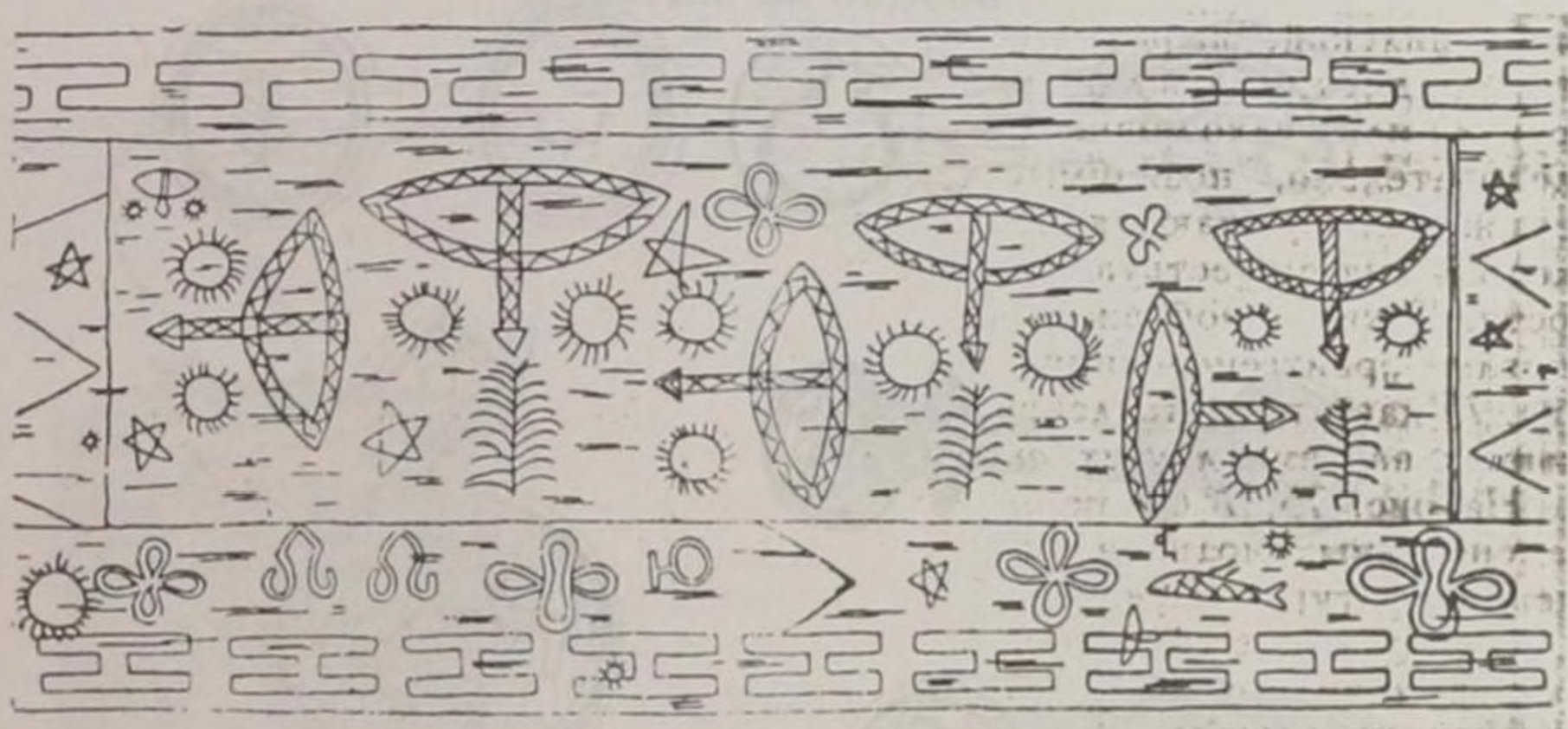
*Резные изображения
на деревянных предметах*

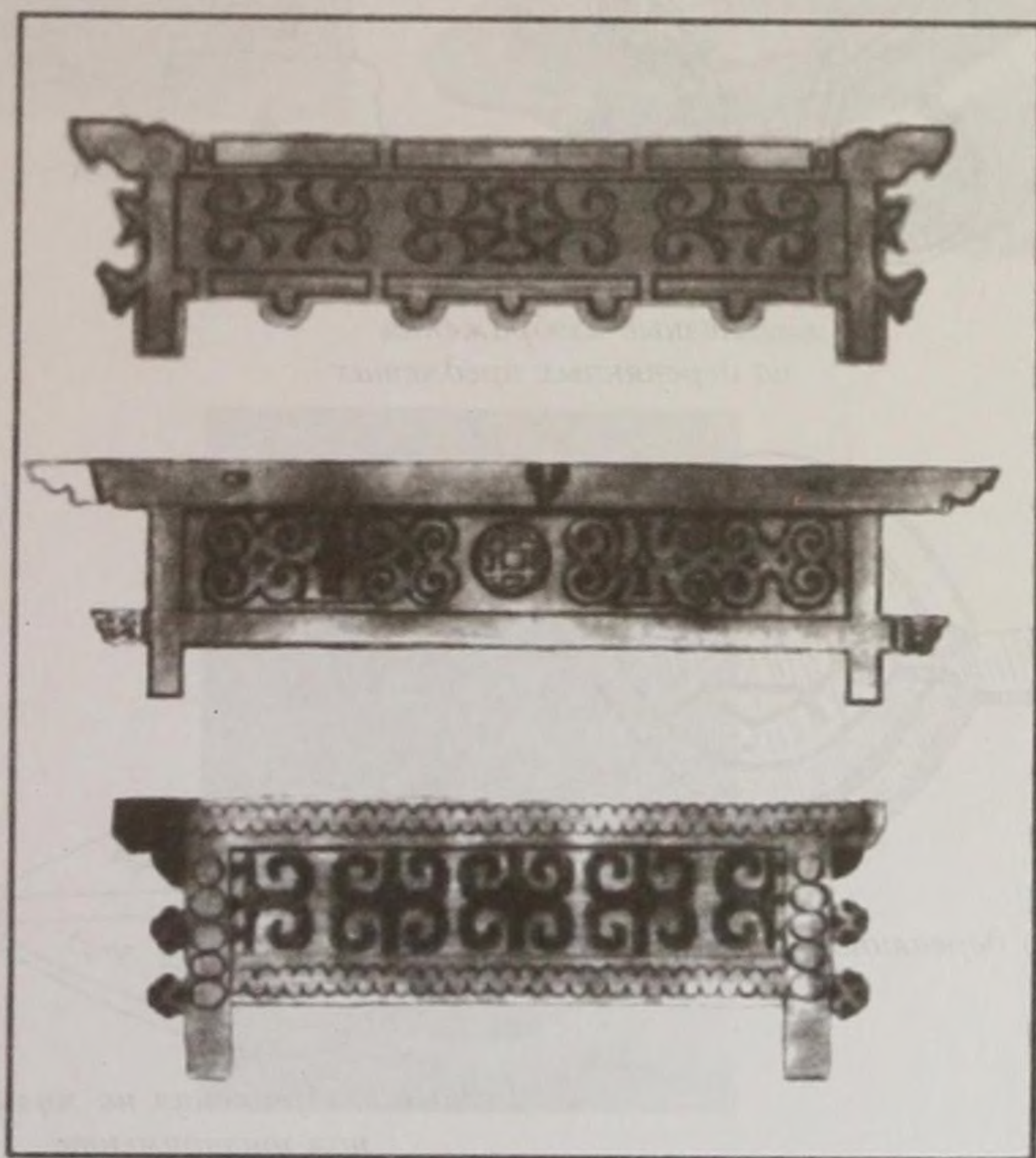
Дно деревянной чашки

*Резные изображения на музыкаль-
ном инструменте*

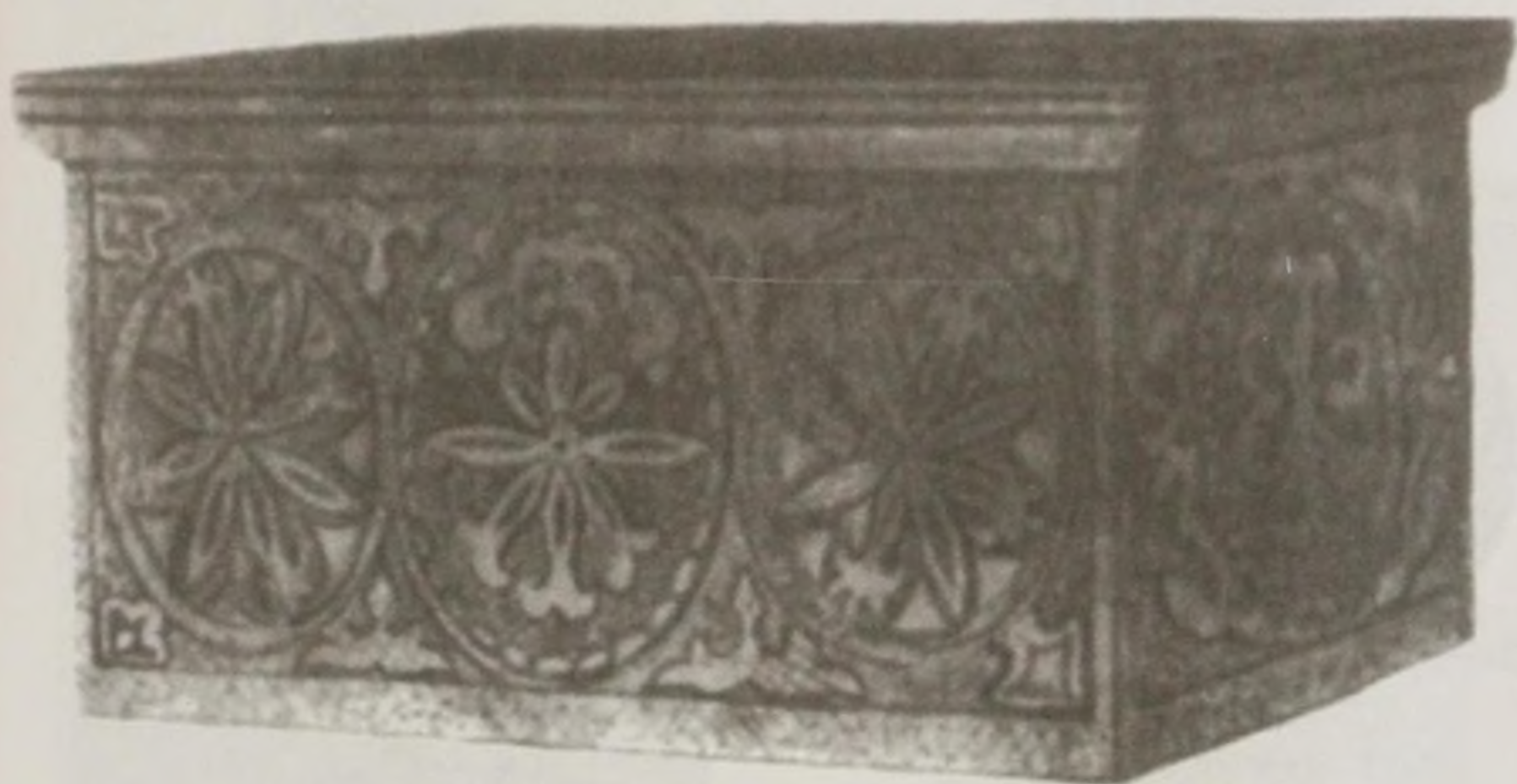
Рисунки на бересте

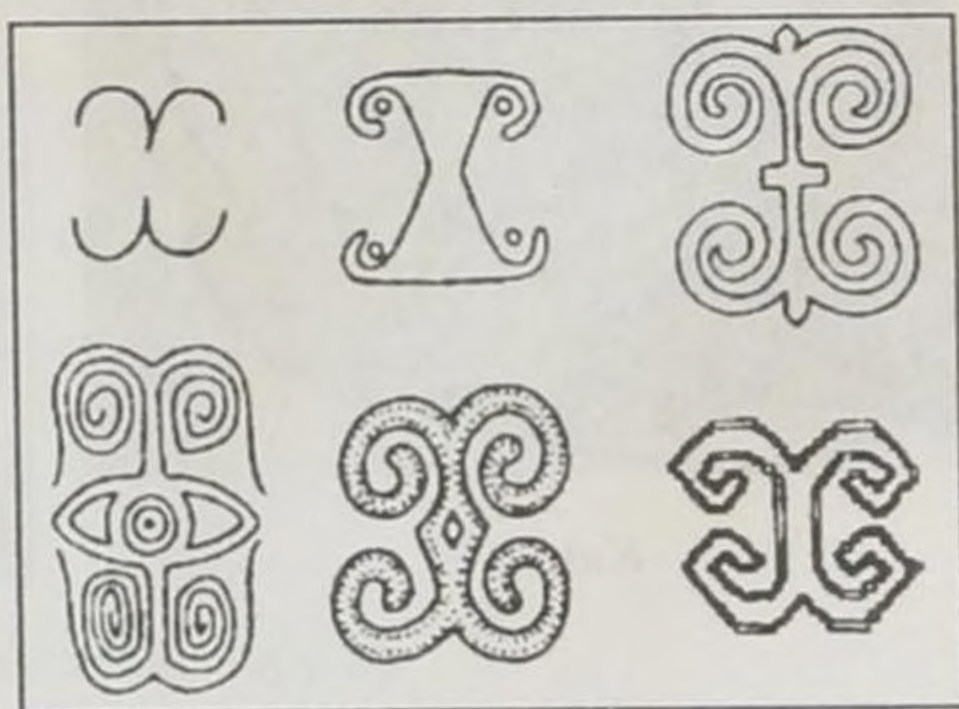
Резные изображения на деревянных кроватях

Орнамент на передних
стенках сундуков

Резной сундук

Орнамент-
кулја

Изделия из кожи

Пороховницы

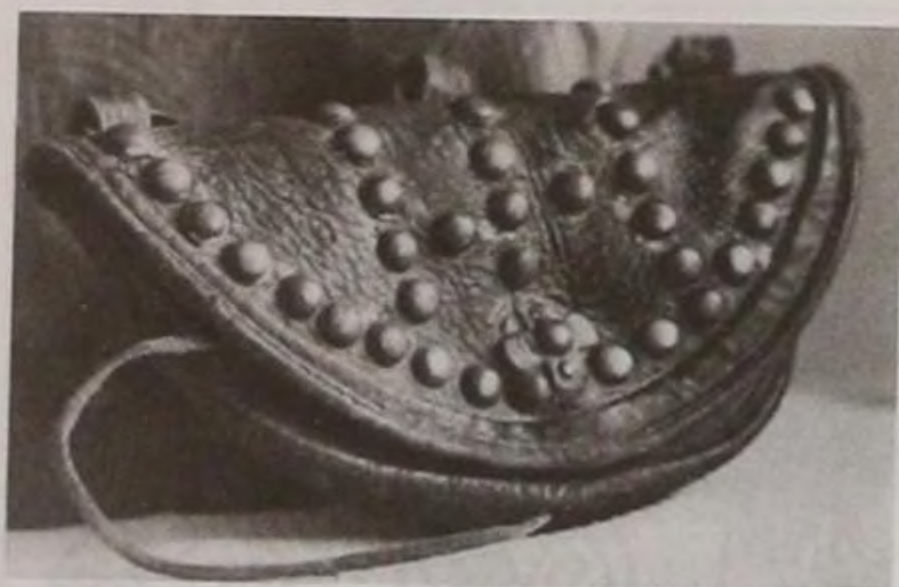
Кожаный сосуд из вымени коровы

Тажуур

Тажуур

Кан

Кан

Сосуд из вымени коровы

Сосуд из вымени коровы

Кожаный сосуд

Ведро из вымени коровы

Сосуд из вымени коровы шерстью наружу

Изделия из металла

Украшения на конской сбруе

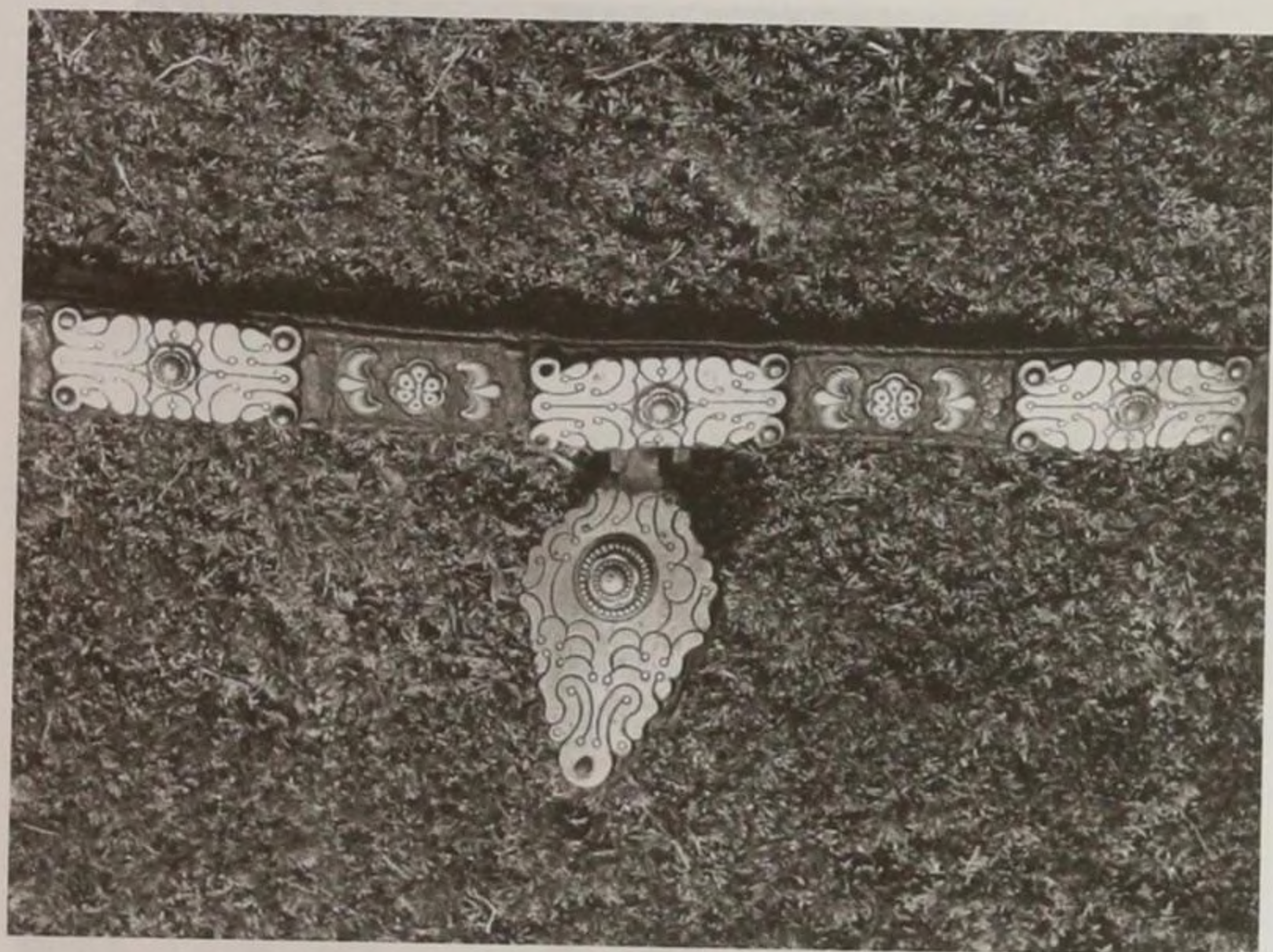
*Железные
стремена*

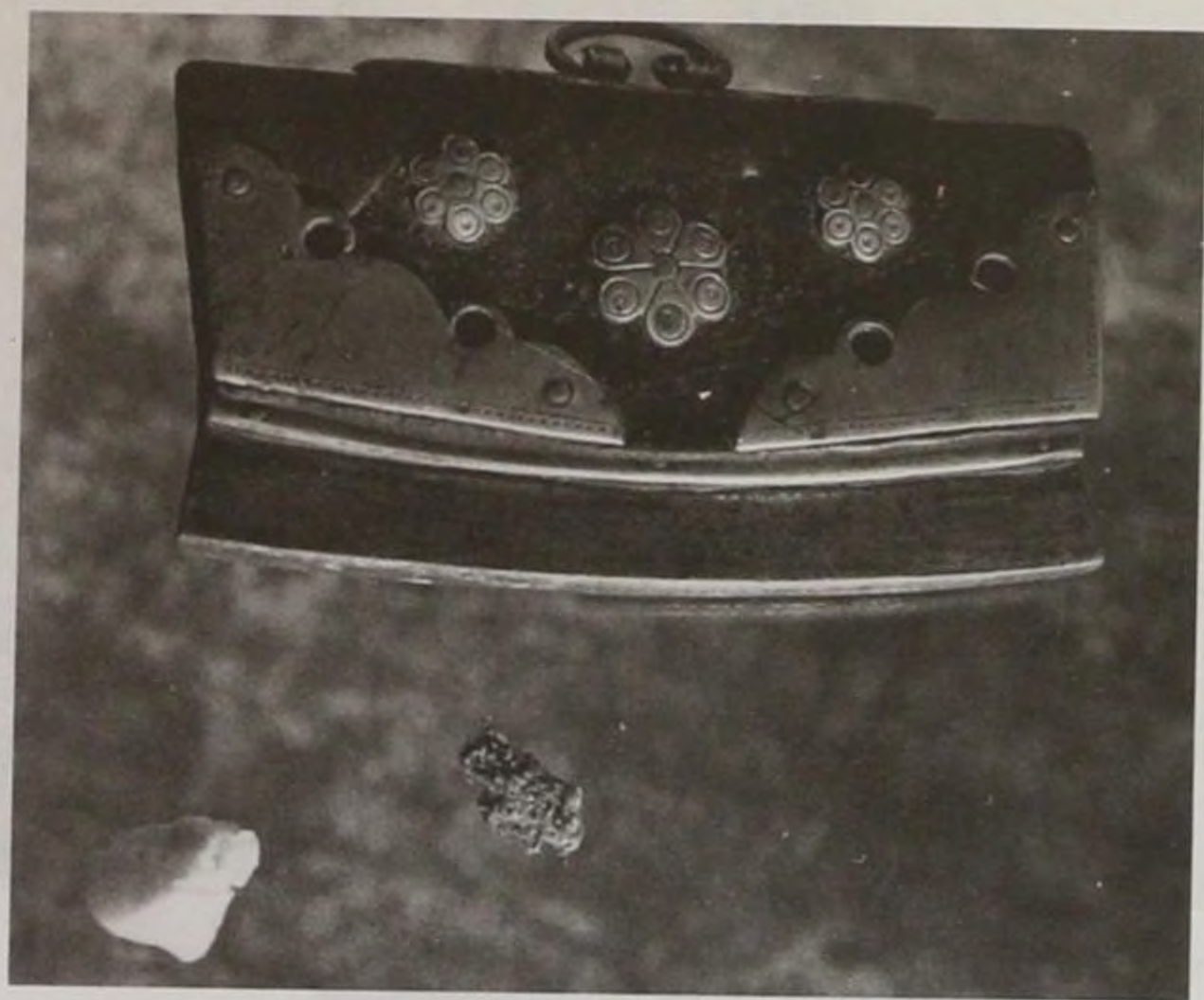
Украшения на седле

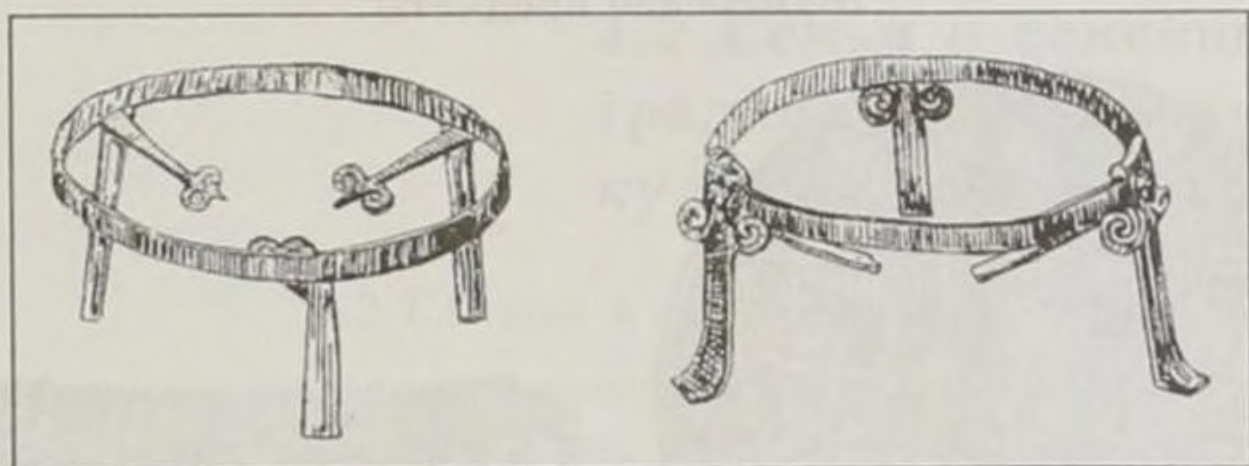
Огнива (отык)

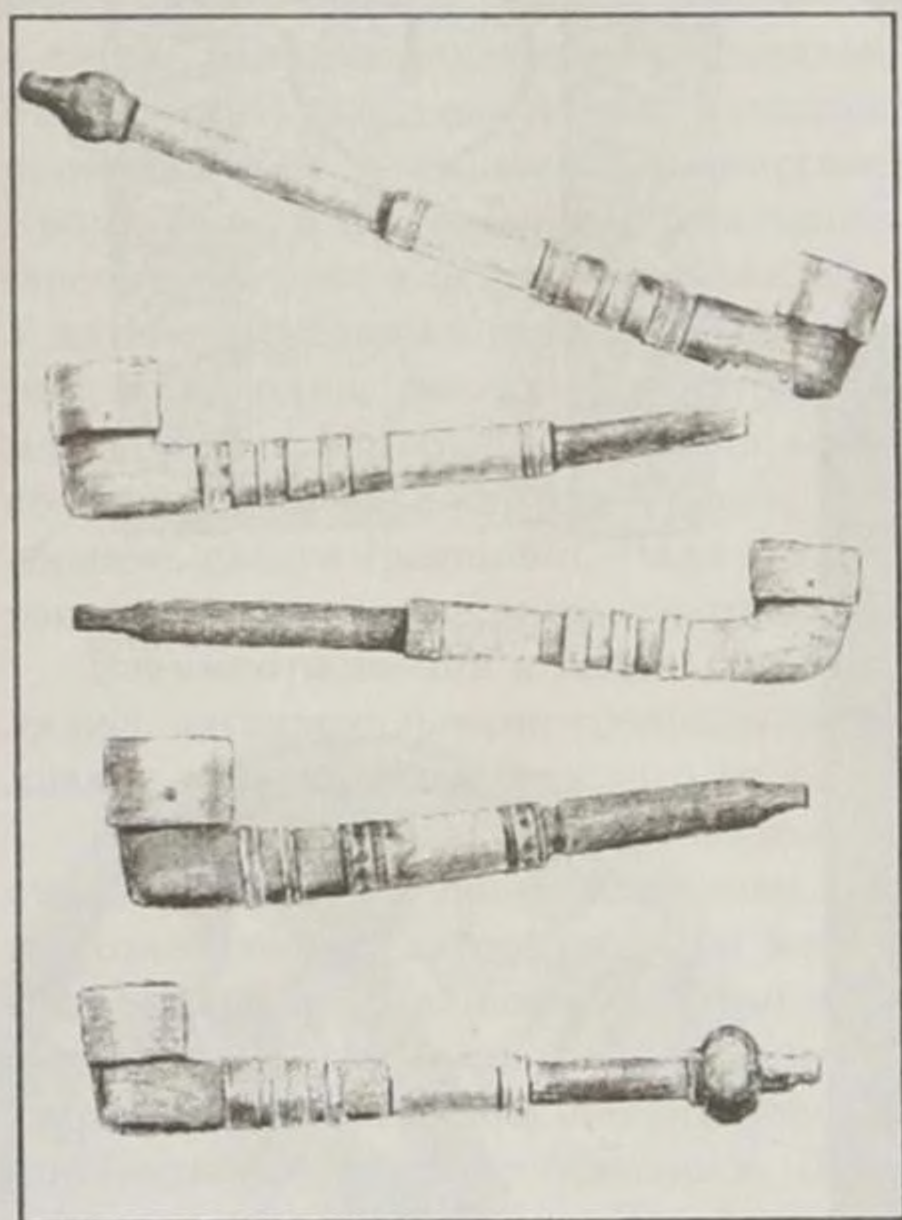
Элемент конской сбруи

Отык

Очок

Алтайские курительные
трубки

Бельдуш

Шаманские предметы

Шаманский бубен

Изображения на ткани

Двухголовый каным

Шаманский бубен

4.2 Семья и семейные традиции. Духовная культура алтайцев

4.2.1 Семья и семейный быт

У коренного населения Горного Алтая существовала как большая патриархальная семья, так и малая. Большая семья состояла обычно из трех поколений кровных родственников: стариков-родителей, их женатых сыновей и внуков, иногда с правнуками. Некоторые главы семей имели несколько жен. Данное явление, видимо, было доступно богатым и лицам, занимавшим высокое социальное положение [Екеев 1988: 15]. Малая семья, состоящая из двух поколений (родителей и детей), со второй половины XIX в. становится единственной формой семьи у алтайцев. Кроме того, в ее состав могли входить кто-нибудь из одиноких родственников: брат или сестра родителей или престарелые отец или мать. У алтайцев считалось недопустимым, чтобы старики-родители, имея детей, жили одни, без их присмотра. Обычно с родителями оставался младший сын, который наследовал хозяйство родителей. Он обязан был обеспечить им спокойную старость, а затем похоронить их достойным образом, следуя традициям. Надо отметить, что описываемый обычай был распространен в обширном тюрко-монгольском мире.

Взаимоотношения в семье. Взаимоотношения членов семьи определялись патриархальными традициями обычного права, которые обуславливали место в семье каждого ее члена.

Возглавлял семью старший по возрасту мужчина, обычно отец семейства. Главенство в экономике семьи давало отцу право и на морально-психологический авторитет. При жизни глава семьи наделял старших сыновей скотом, жилищем и прочим имуществом, а дочерей – приданым. Если сыновья не были выделены при жизни отца, то все наследовал старший сын, обязанный впоследствии выделить долю младшим братьям, а незамужним сестрам – приданное. Приемные дети были равны в правах наследования с родными. По обычному праву алтайцев наследование имущества происходило по нисходящей мужской линии. Во многих случаях имущество умершего наследовал его младший брат. Последний должен был жениться на вдове и заботиться о детях брата. Если вдова, имеющая сына (сыновей), в последующем не вступала в новый брак, то воспитывала сына на правах опекуна, а имущество принадлежало ребенку. Согласно нормам обычного права алтайцев, если вдова выходила замуж вторично, то ее приданое готовил ее сын, он же получал за нее калым.

Только в исключительных случаях и вдова-мать могла унаследовать имущество: если после смерти мужа она воспитывала одну неза-

мужнюю дочь, и не было претендентов на наследство со стороны родственников мужа [Шатинова 1981: 23–24].

Отношение между супругами внешне характеризовались сдержанностью и даже некоторой суровостью. Ласковое обращение с женой, особенно при посторонних, считалось недостойным для мужчины. Но избиение, деспотизм и унижение были исключительным явлением в быту, осуждаемым общественным мнением. Во многих общесемейных вопросах муж советовался с женой, не пренебрегая ее мнением и советом.

Мать в семье пользовалась большим уважением и почетом со стороны детей. Непослушание, неуважительное или грубое отношение к родителям считалось совершенно недопустимым. О том, как алтайцы относятся к людям старшего поколения, В. Вербицкий писал: «... к старикам очень почтительны и уважительны. Дети не произносят имени своих родителей, как бы считая себя не достойными этой чести» [Вербицкий 1893: 100]. Не называли алтайцы по именам и других старших родственников, а пользовались широко принятым в быту терминологией родства. Например, сноха называла отца мужа *кайын ада*, мать отца мужа *јаана*, а муж называл отца жены *кайын ада*, мать жены – *кайын эне* и т.д.

Развод регламентировался нормами обычного права, согласно которым он являлся одновременно частным делом пары и рода. Для развода мужчине достаточно было лишь желания разойтись, а для женщины необходимо было привести факты и доказательства (леность, распутный образ жизни мужа, неспособность к супружеству) [Тюхтенева 2006: 418]. При разводе выкуп в обязательном порядке возвращался, но не жениху, а отцу жениха, так как в свое время именно он наделял его имуществом и проводил свадьбу. Одним из главных условий возвращения выкупа было расторжение брака по вине женщины или по ее инициативе. Исключением могла стать договоренность, своего рода брачный контракт между родителями супругов о том, что сторона жениха не будет требовать возвращения выкупа в случае развода. Часть выкупа могла быть удержана за честь дочери (*чаади*) в случае дурного обращения с ней.

Женщина после развода могла получить от мужа лошадь, постель, свою одежду и украшения, а также часть кухонной утвари. Дети после развода оставались у отца, так как при рождении они получали род отца и считались частью рода. Отлучение же их от своего рода воспринималось как намеренное лишение их сакральной защиты рода. Муж при разводе мог позволить жене взять с собой одного ребенка, обычно девочку. Брак автоматически расторгался при переходе одного из супругов в православие. Разведенные супруги при желании могли снова сойтись [Швецов 1898: 12].

Хозяйственный уклад. Хозяйство алтайцев основывалось на отгонном (полукочевом) скотоводстве, промысловой охоте в сочетании с земледелием и собирательством. Все необходимое для существования членов семьи изготавливалось домашним способом. Важной особенностью в ведении хозяйства алтайской семьи являлось сравнительно равноправное положение мужчины и женщины. Во многом благосостояние семьи зависело от своевременной и качественной переработки получаемой продукции, где женский труд играл основную роль. В домашних делах на женщину возлагались разные работы: доение и уход за молочным скотом и мелкими посевами, приготовление молочных продуктов и повседневной пищи, шитье одежды и обуви, изготовление кожаной посуды, производство кошмы и выделка овчин, а также уход за детьми. В ее ведении находилось содержимое всех кладовых семьи и материал для приготовления одежды и обуви. В производстве материальных благ для семьи труд женщины играл большую роль, что определяло ее свободу действия и самостоятельность в сфере домашнего хозяйства. «Постоянно занятая делами, активно включенная в круг общих интересов женщина у алтайцев-кочевников далеко не является образцом забитости и рабского безличия. В этом отношении она может составить довольно резкий контраст с положением женщин у кочующих рядом казахов и, отчасти, среди даже окружающих алтайцев русских крестьян» [Гершельман 1929: 135].

В обязанности мужчин входили: выбор пастбища и места перекочевок, надзор за скотом и приучение лошадей для езды, постройка юрты, загона для скота, участие в полевых работах, воспитание и обучение сына ведению хозяйства, охоте и другим промыслам. С наступлением сезона мужчины уходили на промысел кедрового ореха, охоту.

Свадебная обрядность. Одной из важнейших функций семьи являлось продолжение рода и воспитание детей. Для родителей женитьба сына, выдача замуж дочери была основной социальной миссией, с выполнением которой родители приобретали дополнительный авторитет и вес в обществе.

В рассматриваемый период существовали следующие формы брака: моногамия и полигамия. У южных алтайцев многоженство отмечалось на протяжении всего XIX в. [Потапов 1953: 262]. Многоженство обуславливалось экономическими и социальными причинами. Во-первых, некоторые богатые хозяйства нуждались в дополнительных рабочих руках для ухода за большим количеством скота и обработкой продукции. Каждая жена имела отдельное жилище и особое хозяйство [Шатинова 1981: 17]. Вторая причина заключалась в том, что иногда родители старались женить своего малолетнего сына, чтобы оградить себя на случай будущей неспособности провести свадьбу и выплатить выкуп. Вступление в брак для мужчин допускалось с 7 лет, для женщин – с 13–14 лет. По обычаю

браки заключались по сговору родителей и путем умыкания невесты с уплатой или без уплаты калыма [Тюхтенева 2006: 419]. Также существовал кросскузенный брак. По традиционным брачным нормам алтайцев наиболее желательными считались браки между близкими родственниками, между двоюродным братом и сестрой – детьми родных брата и сестры. Основным требованием заключения брака было соблюдение экзогамии. Муж и жена не должны были принадлежать к одному роду, так как в таком случае они считались братом и сестрой [Шатинова 1981: 38]. Брак был патрилокальным, то есть девушка со своим приданым приходила жить в айыл, род мужа.

Свадебная обрядность состояла из четырех этапов. Первый – сговор (*сөстөш*). Можно выделить следующие его типы: оформление брака через сговор родителей, сговор с девушкой и ее ритуальное умыкание, также существовало насильственное умыкание девушки. При данном типе оформления брака родители, как правило, не присутствовали на свадьбе [Бельгибаев 2005: 17]. Второй этап – сватовство (*куда*), на котором обсуждались сроки свадьбы, размер выкупа. Сватовство состояло из шести приездов, каждый приезд имел свое назначение. У теленгигов сватовство состояло из семи приездов. Третий – собственно свадьба (*той*). Свадьба начиналась с увода девушки в аил жениха. Данный вид брака был широко распространен и подробно описан В.В. Радловым: «В день свадьбы жених в сопровождении двух молодых людей отправляется к юрте невесты, в шагах в ста от юрты они останавливаются, сходят с коней и с пением свадебных песен шагают к юрте. Родители невесты выходят из юрты и встречают жениха у двери. Затем его торжественно вводят в юрту, угощают водкой, тесть передает ему невесту. После этого молодая пара вместе со всеми родственниками отправляется к юрте жениха» [Радлов 1989: 178]. Родственникам невесты устраивали торжественную встречу. Передача привезенного приданого в новую семью проходила в процессе ритуальной игры: продажа приданого (*јööжө садары*) [Тадина 1995: 64]. Кульминационным моментом свадьбы было заплетение кос невесте, облачение ее в одежду замужней женщины и открытие ритуального занавеса (*көжөгө*), за которым все это время находилась невеста. Данные обряды символизировали переход невесты в категорию замужних женщин. На свадьбу забивали кобылицу-двухлетку (*байтал*), поэтому второй день свадьбы назывался *байтал баш*, или *баш-көс* [Тадина 1995: 75], на котором варили головы заколотого скота, гостей угощали мясом и алтайским вином (*аракы*).

Четвертый этап – послесвадебный. После заключения брака невестка начинала соблюдать обычай избегания (*кайндаш*), регулирующий отношения с отцом и старшими родственниками мужа. Нужно отметить, что этот обычай являлся двусторонним, и соблюдался старшими родственниками мужа по отношению к невестке (*келиндеш*). Стороны со-

блюдали комплекс запретов: лицезрение, прямое общение, произношение имени табуированных родственников, частые встречи, показ обнаженных частей тела.

Родильная обрядность. Алтайцы с большим уважением и почтением относились к многодетным людям. Дети считались главным богатством, чем их больше, тем счастливей были родители. Отсутствие детей воспринималось как большое горе, беда для всей семьи. Бесплодие женщины расценивалось как ее неполноценность, а также с этим связывали многие недобрые суеверия. Так, у теленгитов считалось, что после смерти в загробной жизни (*ол јерде*) почет оказывался только многодетной женщине.

У коренного населения Горного Алтая была чрезвычайно высока детская смертность, и поэтому именно эта сфера семейной жизни – сохранение и воспитание детей – отличалась особой сакральностью. Беременные женщины старались меньше показываться людям. Им запрещалось посещать похороны и поминки. В юрту, где умер человек, беременная женщина не должна входить в течение сорока дней, так как считалось, что дух умершего может навредить ей. Если ей было нужно по крайней необходимости войти в юрту, где находился покойник, она должна была по голому телу под одеждой обвязаться конской подпругой [Шатинова 1981: 96]. Беременная женщина не должна перешагивать через веревку, аркан и другие подобные предметы, вязать и шить, чтобы пуповина не обмоталась вокруг шеи плода, и роды прошли легко. По мере возможности рожениц старались освободить от тяжелой работы, но совсем от домашних дел не отстраняли, считая полезным для плода подвижность будущей матери даже на поздних сроках беременности. Все с почтением относились к беременной женщине, домашние старались исполнить ее пищевую прихоть, специально для нее могли заколоть овцу в весенне-летний период, когда обычно овец не режут на мясо из-за их худобы. Не давали беременной только мясо кабарги, поскольку, как считали алтайцы, у нее тяжело проходит отел [Тюхтенева 2006: 423].

У алтайцев новорожденного принимала обычно пожилая женщина, повитуха. Если по какой-нибудь причине поблизости нет женщин, а роды начинались, тогда роженица справлялась сама. Но если в это время в юрте находился мужчина, то и он оказывал помощь роженице и новорожденному. Первое кормление происходило практически сразу после родов. Грудным молоком обмывали лицо, глаза и нос ребенка. У алтайцев грудное молоко считалось главным лекарством для младенца при насморке, воспалении глаз.

Женщина, которая принимала роды, у алтайцев именовалась *кин эне* (*ана*), или *кӧӧй эне* – «пуповинная мать». Между *кин эне* и новорожденным устанавливались особые родственные отношения, впоследствии они проявляли заботу друг о друге и обменивались подарками. Когда

устраи́вали торже́ства по случа́ю ро́ждения ребе́нка, ее прису́тствие было обяза́тельным. При вы́ходе заму́ж де́вушки ее *кинэне*, как и дру́гие бли́зкие родстве́нники, име́ла пра́во на вы́куп, опреде́ляемой ею са́мой.

Новоро́жденного укла́дывали в колы́бель обы́чно на 6 – 8 де́нь, после отпа́дения пу́повины. А́лтайцы мо́гли да́ть и́мя ребе́нку в де́нь его по́явления на све́т, а у чу́йских теле́нгитов наре́кали ребе́нка и́менем в де́нь его укла́дывания в колы́бель. Если в ю́рте оказыва́лся незнако́мый че́ловек, ему пре́доставля́лось пра́во наре́чь и́менем новоро́жденного. По́лагало́сь, что и́мя, да́нное незнако́мцем, прине́сет сча́стье ребе́нку. Во мно́гих случа́ях и́мя мо́г назва́ть и дядя́ по ма́тери (*таай*). Пре́жде чем уло́жить ребе́нка в колы́бель, в нее кла́ли щенка́. После́ этого колы́бель очи́щали ды́мом горя́щей ветки мо́жжевельника́ и за́тем укла́дывали ребе́нка. У телеу́тов о́бряд по́ложения в колы́бель и наре́чения и́менем совер́шался то́же однове́менно, но то́лько в ново́луние. Наро́ждение но́вой луны́, по их пре́дставле́нию, дол́жно было́ обеспе́чить благо́получие ребе́нку. Ку́мандинцы́ и ча́лканцы да́нный о́бряд совер́шали, как и все а́лтайцы, на 6 – 8 де́нь после́ того́, как отпа́дала пу́повина, в э́тот же де́нь ку́мандинцы́ наре́кали и́менем ребе́нка. Ча́лканцы и́мя да́вали в те́чение тре́х дне́й после́ ро́ждения ребе́нка, обы́чно и́мя называ́л кто-ни́будь из ста́рших родстве́нников: де́д, бра́т. В проти́вном случа́е счита́лось, что по исте́чении тре́х дне́й и́мя ребе́нку да́вал че́рт (*кёрмёс*), а э́то прине́сет несча́стие все́й се́мье. Тубала́ры о́бряд по́ложения в колы́бель и и́мянаре́чение совер́шали в то́т же де́нь. Де́лать ее до ро́ждения ребе́нка за́прещало́сь. О́бряды, связа́нные с по́ложением в колы́бель и наре́чением и́менем, у все́х этни́ческих гру́пп а́лтайцев счита́лись се́мейным торже́ством.

К ко́мплексу предо́храните́льных ме́р для со́хранения́ жи́зни ребе́нка отнóсился и о́берег от злы́х ду́хов. В некото́рых случа́ях дете́й наре́кали пло́хими, ино́гда да́же непри́личными и́менами. А́лтайцы по́лагали, что вла́дыка подзе́много ми́ра *Эрлик* не по́желает остано́вить свое́ вни́мание на ребе́нке с та́ким ду́рным и́менем и оста́вит его́ в по́кое. О́берегом счита́лись приви́занная к зы́бке ко́сть ры́си, ла́па ме́дведя́ и пле́ть (*камчы*). Теле́нгиты́ к колы́бели ребе́нка приви́зывали свя́зку из но́г горно́й инде́йки, ра́ковин кау́ри, нитки́ бус и пу́чка во́лос ма́тери. Когда́ ребе́нок выра́стал и нача́л хо́дить, э́ту свя́зку подве́шивали ему́ на спи́ну (на руба́шки, шу́бки). Ча́лканцы́ к са́мой колы́бели новоро́жденного́ приви́зывали ко́сточку ря́бчика: са́мки для де́вочки́ и са́мца для ма́льчика [То́щакова 1978: 35–36, 51–52; Ша́тинова 1981: 83–84; Тю́хтенева 2006: 426; Фу́нк, Добжа́нская 2006: 486]. Телеу́ты однове́менно с по́ложением ребе́нка (ма́льчика) в колы́бель подве́шивали к ней лу́чок со стре́лой. К стре́ле при́крепля́ли бе́лую тря́почку, симво́лизиру́ющую *Майэ́не*. Над колы́белью́ де́вочки́ подве́шивали ли́шь бе́лую тря́почку, на ко́торую на́шивали две́ буси́нки. *Майэ́не* счита́лась по́кровите́льницей

детей, а лучок со стрелой – ее оружием против вредоносных духов. Данный культ был распространен среди всех этнических групп алтайцев. Покровительницу новорожденных называли *Умай*, *Май-эне*, *Бай-эне* (*ана*). Культ покровительницы новорожденных *Май*, или *Умай* был широко распространен у других тюркоязычных народов – киргизов, узбеков, якутов. Обряды, связанные с *Умай*, относятся к одним из самых архаичных и упоминаются в древнетюркских памятниках.

Воспитание детей. Традиционно детей кормили грудью до 2–3, иногда до 5–7 лет. Подкармливать начинали приблизительно с года. Специально для детей пищу не готовили, кормя их той же едой, которую ели взрослые. Отношение старших к детям отличалось исключительной мягкостью и любовью, В.И. Вербицкий отмечал, что алтайцы «чрезвычайно чадолюбивы» [Вербицкий 1893: 101].

Поскольку основной формой социализации детей в традиционном обществе была семья и семейно-родственная группа, то и у алтайцев дети с малых лет приобщались к труду, усваивали весь комплекс народных знаний, выработанных предшествующими поколениями, необходимых для ведения скотоводческого, промыслового, земледельческого хозяйства. С детских лет алтайцы приучались к бережному, внимательному отношению к окружающей природе.

Детей к труду привлекали с раннего возраста, передача практических знаний, хозяйственных навыков, семейно-общественных, этнокультурных норм осуществлялась от поколения к поколению, главным образом в семье. С малых лет воспитывалось послушание, почтительное отношение к родителям, родственникам и вообще к старшим, особенно старикам [Вербицкий 1893: 100]. Ребенок с детства приобщался к нормам и правилам этикета, принятым в обществе.

4.2.2 Народные игры, состязания, музыка и танцы

Как и в предшествующее столетие, любимыми развлечениями коренного населения Горного Алтая были борьба, конные скачки, стрельба из лука и ружья, бег. Эти народные состязания устраивались как в свободное время, так и в особых случаях, например, когда люди собирались на молениях. Часто игры-состязания организовывали богатые люди на свадьбах [Вербицкий 1893: 107; Сатлаев 1974: 111; Сагалаев 1984: 82; Данилин 1993: 94].

Существовали несколько видов борьбы (*күреш*): *теге күреш*, *тизе күреш*, *ачый* (*арчий*) *күреш*, *кабыра тудуш* (*кучакка күреш*) и др. Боролись силачи парами, участниками ее были только мужчины. Борцы обычно выходили голыми по пояс и опоясанные кушаком, за который хватался противник. В некоторых случаях договаривались о борьбе без кушаков. Каких-либо весовых разграничений не было. Состязались бор-

цы в специально выбранном месте, на траве или на кошме. Победителем считался тот, кто одолевал всех, или по числу выигранных схваток [Данилин 1993: 94].

Ни одни народные игры не обходились без конных состязаний. Проводились соревнования на короткие и длинные дистанции. На коротких дистанциях состязались рысью (*jelin*), иноходью (*jorzo*) применялись и просто гладкие скачки (*чабыш*). Особо престижным считалась победа на длинной дистанции, именуемая «бег аргымака» (*аргымактын маны*). К скачкам специально готовили лошадь и наездника. Были состязания всадников, когда победа зависела не только от скакуна, но и от сноровки наездника. Известны скачки вдоль длинного ряда вкопанных в землю столбиков, на каждом из которых поставлены деревянные бабки. По условию нужно было доскакать до конца ряда, поднять с земли кнут, не слезая с лошади, и прискакать обратно, сбивая камчой бабки. Существовали соревнования и по обучению необъезженной лошади: предварительно ее нужно было поймать арканом, затем оседлать и только потом объезжать.

В стрельбе из лука состязались на меткость и на дальность. Практиковались как пешая стрельба, так и со скачущей лошади. Такие же состязания были и в стрельбе из ружья. Особым почетом пользовались стрелки, которые могли не только метко поразить цель, но и быстро перезарядить шомпольное ружье, бывшее тогда у них в употреблении. Также меткости и точности требовало соревнование по сбиванию кнутом поставленных в ряд деревянных бабок.

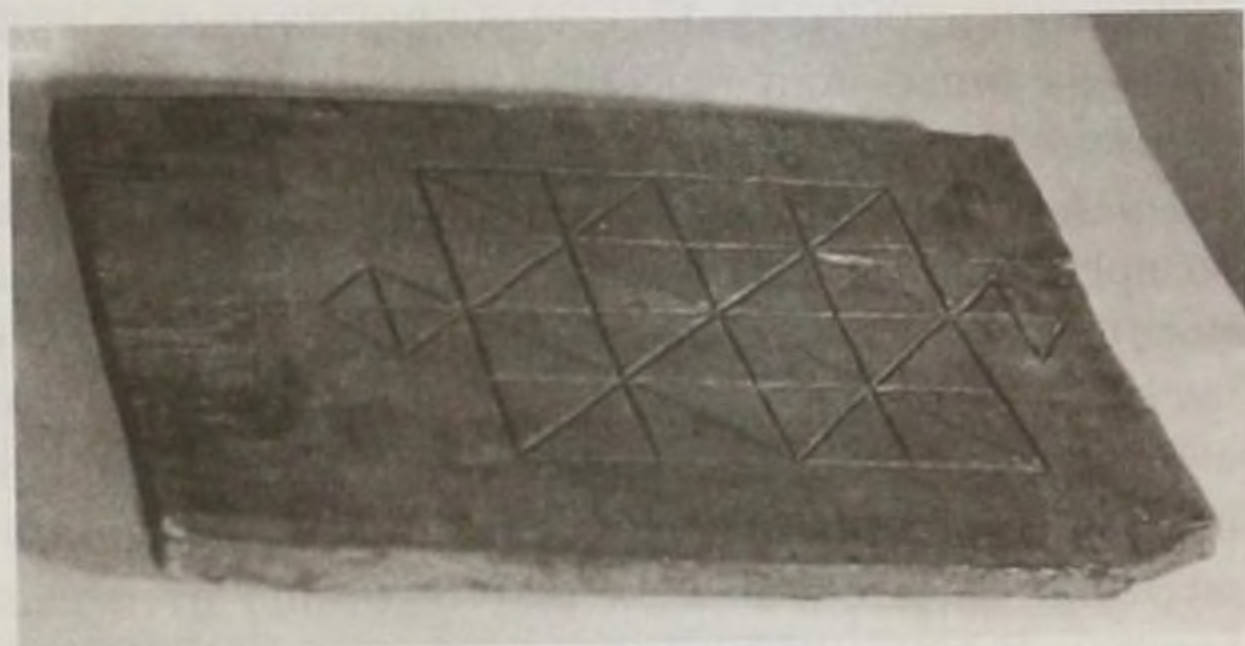
Из силовых видов особенно известны состязания по поднятию камней (*көдүрге таш*). Мерялись силами в поднимании на плечи лошадей двух-трехлетнего возраста и в метании на дальность деревянных колотушек (*токпок*).

Выносливости и быстроты требовало соревнование по бегу, особенно в одной из ее разновидностей, когда участники, неся на своих спинах по человеку, бежали на возвышенность (пригорок, холм) и обратно. В 80-е гг. XIX в. бег с человеком на спине стал называться *тонжондордын жүгүрүжи, тонжондордын маргааны* («бег тонгжонов», «соревнование тонгжонов») [Самаев 1994: 67–68; Алтай ойындар 2006: 26; 52–54].

Призами в таких состязаниях, как правило, были куски материи, чай, платки, халаты или сапоги [Вербицкий 1893: 107]. Иногда во время свадьбы победитель пешего бега получал «большой мосол с мясом (уйлук)» [Сатлаев 1974: 111]. Во время конных состязаний (*аргымактын маны*) те, кто выставляли лошадей, в качестве приза вносили определенную сумму денег (*байга*), которая доставалась хозяину победившей лошади. Обычно *байга* состояла из значительной суммы денег, частично и из золотых царских червонцев [Торушев 2009: 58].

Популярны были и интеллектуальные настольные игры. Издревле на Алтае бытовала игра *шатра*, напоминающая шахматы и шашки. Фигурами в шатре служили два богатыря и 24 воина, их обычно вырезали из дерева. В игре участвовали две стороны – «противники»: один играл богатырями, другой – воинами. Ходы совершали на специальных досках, изготовленных из дерева, бумаги или другого подходящего материала. Существовало несколько видов игр шашечно-шахматного типа. Так, известна была игра *топыйт* – разновидность шашек. Другая игра – *карчага* – велась на расчерченной крестообразной доске с разноцветными клетками или

на шестилопастной доске. В последнем варианте могли участвовать шесть человек, движение разноцветных шашек по клеткам зависело от очков, набранных при бросании игроком фишки кубической формы. Рас-

Топыйт.

пространена была настольная игра – *талу* с элементами домино и карт. Во время игры применяли 60 деревянных пластинок с очками [Пахаев 1960: 147–156; Самаев 1994: 66].

Азартной считалась игра *кажык ойын* (альчики или бабки). Особенно ее любили юноши и мальчики. В игре использовали суставы костей (*кажык*) – бабки – овцы, косули или коровы. Игроки старались с определенного расстояния попасть по *кажыку* противника. Распространенной была игра в набирание очков. Очки считали в зависимости от того, каким боком упала кость. Существовали и другие разновидности игры *кажык ойын* – альчики [Самаев 1994: 66,67; Алтай ойындар 2006: 30–38].

Среди коллективных развлечений молодежи и детей популярной была игра *Кур үзүш* (буквально: «Разорвать пояс»). По правилам участники делились на две команды, становились шеренгами друг против друга на некоторое расстояние, взявшись за руки. Затем песнями называли кого-нибудь из противоположной стороны. Названный игрок бежал, стараясь разорвать шеренгу. Если разрывал – забирал одного или нескольких играющих. К этой игре была близкой другая – *Бура ойын* («Игра в верблюда»). Также молодежь и дети любили игры с прятаньем сережки (*сырга жажыар*), кольца (*јүстүк жажыар*) и шапки (*бөрүк жажыар*). Данные три игры требовали умения танцевать и петь,

если водящий не находил спрятанные сережку, кольцо или шапку, то должен был выкупить их пением или танцем [Самаев 1994: 66–67; Чочкина 2003: 136–137]. Подвижные игры у детей развивали ловкость и силу. К таким играм относились «*Айгыр ла бөрү*» («Жеребец и волк»), «*Тенгеринин бууразыла ла јердин буказы*» («Небесный верблюд и земной бык»), «*Тебек*» («Зоска»), «*Аксак эмеен*» («Хромая старуха»), «*Сокорок*» («Жмурки») и т.д. [Самаев 1994: 67; Алтай ойындар 2006: 49, 59].

Танцы являлись древнейшим проявлением народного творчества [Шинжина 2004: 15–17, 21]. Одни из самых архаичных – это тотемические танцы, подражающие птицам и животным, содержащие реалии скотоводческого быта и охотничьих промыслов. Так, в танце «*Чайдын ойыны*» («Глухаринные игры») движение танцоров напоминали глухарей во время их тока. В другом танце – «*Ийт-јелек*» присутствовали элементы, напоминающие бег собаки. Во время свадьбы исполняли эротический ритуальный танец-игру «*Айгыр ла бее*» («Жеребец и кобыла»), в некоторых местах его называли «*Куча ла кой*» («Баран и овца») или «*Сөйкөниш*», где родственник со стороны жениха был в роли жеребца (или барана), а родственница от невесты в роли кобылицы (овцы). В танце отразились древний культ плодородия, представление о неразрывной связи человека и животных и то, что их животворящая сила может магическим путем передаваться новобрачным [Тадина 1995: 67]. С древнейших времен алтайцы исполняли хороводный танец, который олицетворял ход солнца, очаг, линию вечности. Во время исполнения танца пели старинную обрядовую песню (*јанар*) [Шинжина 2004: 21].

Среди кумандинцев, чалканцев, телеутов и шорцев были популярны пляски с песней «*тандыр*». Танец заключался в переступании с ног на ногу по часовой стрелке, правая рука – на талии, левая – описывает полукруг по ходу движения, поднимаясь над головой, кисть расслаблена. При повороте против часовой стрелки движения рук – левая на пояс, правая вверх – повторяются в обратном направлении [Функ 1993: 256–257].

Танец «*Күрее ойын*» («Круговой танец») участники исполняли, взявшись за руки, образуя два круга. Во внешнем круге находились парни, во внутреннем – девушки. И под звуки музыкального инструмента *икили* исполняли танец с последовательным смыканием и размыканием кругов, сопровождая свои действия песнями. Также молодежь развлекалась коллективными танцами, в которых требовалось умение парного исполнения юноши с девушкой. К таким танцам относились: «*Он чаа*», «*Казабийе*» [Самаев 1994: 65].

В культуре алтайского народа важное место занимала музыка. Из струнных инструментов самым распространенным являлся двухструнный щипковый *топшур*, похожий на лютню, изготовленный из дерева. Стру-

ны свивали из волос конского хвоста. Близок к *топшуру* был по своей конструкции *икили*, на котором играли лучковым смычком. В прошлом у алтайцев существовал и *јатаган* – продолговатый струнный инструмент [Вербицкий 1893: 198; Шейкин 2002: 139]. Очень популярным был *комыс* – язычковый щипковый музыкальный инструмент (варган). Различались несколько видов *комысов* как из металла (*ат-комыс*, *јаак-комыс*, *топшур-комыс*, *тил-комыс*), так и из растения (*кулузын-комыс*) [Самаев 1994: 64; Шейкин 2002: 129].

Старинным духовым музыкальным инструментом является *шоор*, который делали из ровного пустотелого стебля высохшего растения. Игральную дудочку (*сыбыскы*) изготавливали из полога зонтичного растения. С прута ивы, сняв кору трубочкой, мастерили духовой инструмент *сыгырткыш*. Бытовал также *амырга* (*авырга*) – деревянная труба-манок на марала. Для приманивания косули и кабарги использовали *эдиске* – вдвое сложенную бересту, а для рябчиков – свистки (*сывыска*, *сыгыргы*). Их изготавливали из пустотелой травы таволожника, а *сыгыргыш* также из гусиного пера и бедренной кости рябчика [Самаев 1994; Шейкин 2002].

4.2.3 Календарь и календарная обрядность

Традиционный календарь алтайцев входит в систему летоисчисления народов Центральной Азии, состоящей из двенадцатилетнего животного цикла. Предположительно эта система времяисчисления на территории Горного Алтая распространилась под влиянием хуннов (сюнну) во II в. до н.э. – I в. н.э., когда Южная Сибирь была сферой их влияния. В более поздний период истории древние тюрки – предки алтайцев широко использовали календарь двенадцатилетнего животного цикла [Ямаева 2004: 3–4]. Во время вхождения алтайцев в состав России годами двенадцатилетнего животного цикла были датированы письма алтайских зайсанов, адресованные в Коллегию иностранных дел и военному командованию российских войск в Сибири [Самаев 1991]. Эта система летоисчисления сохранялась вплоть до начала XX в. и как традиция существует до сих пор.

Годовой цикл. Продолжительность века по алтайскому календарю составляет 60 лет. Век включает 5 циклов по 12 лет в каждом. Так как название каждого животного внутри шестидесятилетнего цикла встречается пять раз, то для избежания путаницы применяют дополнительную символику, основанную на «элементах» природы, и каждый год приобретает условное сочетание, характерное только для него [Самаев 1994: 69–70].

Для обозначения понятия «год» алтайцы используют термин *јыл*, и летоисчисление ведется в следующем порядке. Первый год двенадцати-

летнего цикла календаря на диалекте южных алтайцев называется *чычкан жыл* – год мыши, второй – *уй/ийнек жыл* – год коровы, затем идут *бар жыл* – год барса, *койон жыл* – год зайца, *улуу жыл* – год дракона, *жылан жыл* – год змеи, *ат жыл* – год лошади, *кой жыл* – год овцы, *мечин жыл* – год обезьяны (созвездия Плеяды), *такаа жыл* – год курицы, *ийт жыл* – год собаки, *какай жыл* – год кабана. Из них годы мыши, тигра, зайца, дракона, лошади, овцы считаются «легкими», или благоприятными. А годы коровы, змеи, обезьяны, курицы, собаки, свиньи – «тяжелыми», неблагоприятными годами. Год коровы считается хоть и тяжелым, но иногда может пройти и благополучно. Год состоит из двух больших периодов: теплого и холодного. В теплый период входят весна (*јас*) и лето (*јай*), в холодный – осень (*күс*) и зима (*кыш*) [Каруновская 2004: 98; Тюхтенева 2008: 12, 452].

Месяцы. Год состоит из двенадцати лунных месяцев по тридцать дней в каждом. Так как лунный год короче солнечного, то через два года в определенном порядке вводится тринадцатый «дополнительный». Названия месяцев отражают древний охотничье-собираТЕЛЬский хозяйственно-культурный тип, элементы которого сохранились в традиционной культуре алтайцев северной таежной части, и древний охотничье-скотоводческий – южной части Горного Алтая. Различия отразились в названиях месяцев (см. таблицу) [Самаев 1994; Тюхтенева 2006]. Поэтому в традиционном алтайском календаре существуют две системы исчисления начала года: а) локальная, связанная с местным природно-климатическим и хозяйственным циклом; б) общая лунно-солнечная, присущая народам Центральной и Восточной Азии. По первой, локально-местной системе год начинается с марта – прихода весны и оживления природы. Считалось, что день прибывает «на 6 арканов» [Тюхтенева 2006: 452; Вербицкий 1893: 60]. В некоторых работах отмечается, что лето начиналось со второй половины апреля, потому что в этом месяце днём очень тепло, а по утрам и по вечерам ещё холодно. В августе на небосводе появляется созвездие Плеяды (*Мечин*), невидимое в июне–июле. Его появление напоминало охотникам о начале подготовки к охотничьему сезону, когда надо дать отдохнуть верховым лошадям. Поэтому его именуют «месяцем охлаждения пота лошади» (*малдын терин соодор ай*) [Укачина 2004: 83; Тюхтенева 2008: 12–13]. С сентября, первого месяца осенне-зимнего сезона начинали охоту и уборку урожая зерновых. В зимние месяцы охотники продолжали добычу зверя. Этот период считается неблагоприятным, ветреным и холодным.

По второй общей системе календаря «новый год» наступает в новолуние между 23 января и 13 февраля. Однако, по некоторым сведениям (например, В. Вербицкого) в XIX в. начало нового года приходилось на декабрь [Словарь 1887: 422].

Таблица 1. Названия месяцев по алтайскому народному календарю

№ п.п.	Григорианский календарь	Южно-алтайские названия месяцев	Северо-алтайские названия месяцев
1	Январь – февраль	*Чагаан ай – белый месяц	Кичи кырлач (кырлаш) ай – месяц малых морозов
2	Февраль – март	Кочкор ай – месяц архара	Чель (челин) ай – месяц ветров
3	Март – апрель	Тулаан ай – теплый месяц	Ажиг ай – месяц перехода [к новому году]
4	Апрель – май	Кандык ай – месяц кандыка	Тарыг ай – месяц пахоты Көрүк ай – месяц бурундука
5	Май – июнь	Күүк ай – месяц кукушки	Күк (коок) ай – месяц кукушки
6	Июнь – июль	Кичү изү ай – месяц малой жары	Ода ай – месяц прополки сорняка
7	Июль – август	Јаан изү ай – месяц большой жары	Улуг ай – большой месяц [долгих дней] Јыдыг ай – гнилой месяц
8	Август – сентябрь	Күскү (јайгы) куран ай – осенний (летний) месяц косули	Бычен чабатан ай – месяц сенокоса Аш пышчан ай – созревания хлебов
9	Сентябрь – октябрь	Сыгын ай – месяц марала	Сыгын ай – месяц марала
10	Октябрь – ноябрь	Үлүрген ай – месяц большого ветра	Үрүтун ай – месяц молотбы Чан ай – месяц охоты по пороше
11	Ноябрь – декабрь	Күчүрген ай – месяц малого ветра	Кичиг кырлач (кырлаш) ай – месяц малого мороза Куртьяг ай – старушечий месяц
12	Декабрь–январь	Кышкы куран ай – зимний месяц самца косули	Улу(2) кырлач (кырлаш) – месяц большого мороза

*Примечание: В XIX в. первый месяц (чагаан ай) нового года приходился на декабрь. См.: Словарь 1887: 422.

Источники: Вербицкий 1893: 60–61; Словарь 1887: 422 Ойротско-русский словарь 1947: 311

Алтайцы названия месяцев связывают также с началом, серединой и концом сезона, например, «месяц начала осени» (*күстиг бажы ай*), «месяц середины осени» (*күстиг ортозы ай*), «месяц конца (хвоста) осени» (*күстиг куйругы ай*) [Тюхтенева 2008: 13].

Счет дней ведется по фазам луны. Месяц делился на два основных периода по пятнадцать дней в зависимости от фазы луны: *айдын жаньзы* – новолунием и *айдын эскизи* – старой луны. Поэтому были некоторые несовпадения алтайского календаря (лунного) с григорианским. Например, выше отмечалось, что начало нового года по календарю народов центральной и восточной Азии приходилось на месяц *чагаан ай*, который мог наступить в период с 23 января по 13 февраля. Период новой луны – *айдын жаньзы* – начинается днем рождения луны и продолжается до полнолуния, называемого *айдын толууны*. Алтайцы различают «белое полнолуние» (*ак толуун*) – это первый день полной луны, «желтое полнолуние» (*сары толуун*) – второй день, «красное полнолуние» (*кызыл толуун*) – третий день, после которого луна начинает «стареть», убывать. Период «старой луны» (*айдын эскизи*) длится до того, как станет невидимым диск луны. Это происходит при наступлении «третьей старой луны», за которой следуют невидимые вторая и первая «старая луна», после чего луна «переворачивается».

Затем счет идет так: «первая новая луна», «вторая новая луна» и, наконец, третья – видимая – «новая луна». Дни (ночи) без луны называются *айдын аразы*. Таким образом, один месяц состоит из пятнадцати дней «новой луны», причем день «белого полнолуния» считается пятнадцатым, а день «желтого полнолуния» – вновь четырнадцатым днем, только уже «старой луны». Счет ведется до дня «первой старой луны». В народе говорили, что луну в дни двух первых и двух последних фаз могут видеть лишь собаки и коровы [Тюхтенева 2008: 14].

Дни новой луны от третьего до пятнадцатого считаются благоприятными для проведения различных общественных, семейных мероприятий и религиозно-культовых обрядов, важных начинаний. В эти дни рекомендуется отправляться в дальний путь, посещать целебные источники, обращаться к лекарям, проводить свадьбы и праздники, важной составной частью которых являются религиозные церемонии. А дни, когда луна на ущербе, считаются неблагоприятными, особенно последние – «дни черной луны». Считается, что это время активности темных сил, злых духов, особенно «нижнего» (подземного) мира. Поэтому некоторые шаманские обряды (камлания) совершались именно в дни старой луны, когда нужно было иметь дело с подобными духами [Тюхтенева 2006: 453].

Сутки. По народному календарю алтайцев сутки (*конок*) делятся на четыре периода: утро (*тан*), день (*түйш*), вечер (*энир*), ночь (*түйн*). Утро начинается с появлением на небосводе Венеры, утренней звезды (*тан чолмон*), затем последовательно идут: «время перед рассветом» (*тан алды*),

«желтое зарево» (*сары таг*), «красное зарево» (*кызыл таг*), когда заря облагряет небосвод, «утро» (буквально «выстрел зари» *таг аткан*), «время перед появлением солнца» (*күн чыгар алды*), «время восхода солнца» (*күн чыкканы*), «время, когда солнце набирает силу» (*күн өксөгөни*), «время, когда солнце находится в центре неба» (*удура түйш*), «полдень» (*тал түйш*), «полдень миновал» (*тал түйш кыйганы*), «солнце находится на такой высоте, что можно накинуть аркан» (*күн армакчы чачым*), «солнце находится еще ниже, на него можно накинуть чембур» (*күн чылбыр чачым*), солнце село на вершину горы» (*күн кыр бажында*), «день, близящийся к вечеру» (*энгиргери түйш*), закат или «красный вечер» (*кызыл энгир*), сумерки, или «серый вечер» (*бозом энгир*), поздний вечер, или «темный вечер» (*бүрүңкий энгир*), «время появления Вечерней звезды» (*Энгир чолмон*), «ночь» (*түн*), «густая ночь» (*койу түн*), «середина ночи» (*түн ортозы*), «середина ночи миновала» (*түн ортозы өткөни*), «время близкое к рассвету» (*тангары жуук*) [Тюхтенева 2008: 14].

Алтайцы время суток определяли по солнцу и звездам. Роль солнечных часов выполняла алтайская юрта, строго ориентированная по сторонам света. Циферблатом служило внутреннее убранство юрты, расположенное в традиционном порядке. Луч солнца, проникая через дымовое отверстие, перемещаясь внутри жилища, последовательно падал на предметы, расставленные вдоль стены. Ночью время определяли по звездам, например, наступление полуночи узнавали по максимальному приближению созвездия Большой Медведицы (*Јети каан*) к Полярной Звезде (*Алтын казык*). Наступление утра предвещал восход Венеры [Самаев 1994: 70].

Календарная обрядность. Календарные обряды алтайцев обычно совершались преимущественно в теплый сезон – весной, летом и в начале осени. У алтайцев, как и у многих других народов, существовало поверье, что важные моменты в жизни человека предопределяются именно в начале каждого годичного периода и что силы природы создают благоприятные и неблагоприятные условия для деятельности, связанной с жизнеобеспечением. Данные религиозные действия в своей основе являлись культами плодородия, цель которых – испросить у божеств и духов сохранения и приплода скота, обилия урожая зерновых, диких съедобных растений и кедрового ореха, удачи в охоте и т.д. Так, в марте, в первый день полнолуния праздновали *Јылгайак* – праздник нового года, связанный с приходом весны и оживлением природы. На новолуние весной или в начале лета, редко осенью, алтайцы-шаманисты устраивали родовые моления с кровавыми жертвами (*тайылга*), посвященные верховным божествам. Также весной, иногда в начале лета совершались моления с бескровными жертвоприношениями, где просили благо (*бийан*) [Анохин 1924: 9–12; Торусhev 2007: 155]. Ранней весной, когда

только начинали распускаться листочки березы или осенью, когда листья березы желтели, алтайцы совершали моления «Хозяину Земли» (*Јердинг ээзи*) [Шатинова 1983: 149–150]. Осенью, после сбора урожая, кумандинцы, чалканцы совершали обряд, посвященный *Коча-кану* – божеству плодородия [Сатлаев 1971: 130–141].

Календарные обряды алтайцев-бурханистов также были связаны с просьбой разного изобилия, особенно приумножения поголовья скота. Так, бурханисты на новолуние или полнолуние в июне проводили моления «зелёная листва» (*јажыл бӯр*), а в сентябре, в первый день полнолуния *айдын ак толууны* бурханисты совершали обряд «желтая листва» – *сары бӯр* [Укачина 2004: 129–152]. Осенью бурханисты совершали моления духам яикам – *ја́йык чөктөр* и духу огня – *от такыр* [Данилин 1993: 160, 182].

4.2.4 Устное народное творчество

Фольклор алтайцев – один из самых богатых по жанру и содержанию пластов нематериальной культуры, своими корнями уходящий в глубокую древность. Многие произведения устного творчества довольно полно отражали жизнь народа, хозяйственный уклад и идеологию.

Самым крупным жанром алтайского фольклора являются **героическое сказание** – *кай чөрчөк*. В трудах советского фольклориста С.С. Суразакова выделены три этапа развития алтайского героического эпоса. Первый этап – время возникновения героического эпоса как жанра – относится к периоду становления патриархальной семьи и рода. Их главные действующие персонажи – богатыри-охотники. В ходе дальнейшего развития эпоса образ богатыря-охотника, ведущего борьбу с противниками-чудовищами, сливается с образом богатыря-воина. На первый план выдвигаются сюжеты о подвигах богатырей-воинов в борьбе с грабителями и захватчиками. Классическими образцами начального этапа развития алтайского эпоса являются, например, «Алтай-Буучай», «Алактай», «Тектебей-Мерген», «Алып-Манаш», «Кан-Кюлер». Второй этап относится к периоду возникновения военной демократии и древнетюркских каганатов. В эпосе этого времени преобладает мотив воспевания воинского героизма. Теперь же наряду с богатырями появляется «войско» (*черү*) – масса рядовых воинов, не наделенных сказочными свойствами; сцены поединков сочетаются с массовыми баталиями. На смену богатырям-охотникам и богатырям-воинам приходят кааны – предводители родоплеменных объединений, союзов. Они становятся защитниками, освободителями своего народа от вражеских каанов. Эпос этого периода представлен такими сказаниями, как «Маадай-Кара», «Кан-Капчыкай», «Эр-Самыр», «Өлөнир», «Алтын-Бизе». Третий этап развития алтайского героического эпоса относится к монгольскому и «ойротско-

му» периодам, когда предки алтайцев входили в состав Монгольской империи, государств чингизидов и Джунгарского (Ойротского) ханства. Ранее бытовавший традиционный эпос наполняется мотивами богоборческого характера. В эпосе появляется тенденция к отражению конкретно-исторического материала. К третьему этапу относятся, например, сказания «Көгүтей», «Козын-Эркеш», «Көзүйке», «Өлөштөй».

Эпосы исполняли сказители – *кайчи*, как правило, под аккомпанемент щипковых инструментов (*топшуур*, *jataган*), посредством сакрализованного горлового пения – *кая*. Некоторые сказители исполняли эпические сказания речитативом, без музыкального сопровождения. Объем эпических произведений составляет от 900 до 7–8 тыс. стихотворных строк. Некоторые из них исполнялись в течение 4–7 дней. Сами сказители – *кайчи* считались избранниками «хозяина» Алтая, их имена были широко известны и очень почитались людьми [Суразаков 1975: 136–206].

Если в трудах С.С. Суразакова развитие алтайского эпоса неразрывно связано со сменой исторических общественных формаций, то в последующих исследованиях (Е.Е. Ямаевой и др.) эпос рассматривается с позиции структурно-типологического подхода. В современных исследованиях выявлены такие принципиально важные закономерности развития эпоса, как художественная переработка этнографических реалий, семантико-структурная перекодировка социально-бытовых явлений. Анализ материалов алтайского героического эпоса свидетельствует о том, что он восходит к двум типам пространственно-временного континуума: 1) фантастико-мифологическому (сакральному), 2) условно-историческому (профаническому). В эпосе наметилась тенденция к размыванию архаических семантических границ; эволюция архаики в эпосе идет на уровне отрицания как мифической модели космоса, так и ритуально-обрядовой (культовой) практики. Тема борьбы с завоевателями – одна из главных в алтайском героическом эпосе. Повествование о борьбе с врагами лишено реально географических (пространственных) и исторических (временных) увязок. Синхронный срез материала о завоеваниях и борьбе богатыря с врагами позволяет выделить следующие типовые ситуации: 1) мотивировка борьбы, завоевания; 2) завоевание страны врагом или угроза завоевания; 3) поход в страну врага; 4) финал борьбы. Наряду со сказочно-мифологической традицией в эпосе присутствуют мотивы, имеющие реально-этнографическую и конкретно-историческую основу. Мир и благополучие народа, борьба за свободу и независимость своей страны являются основными темами алтайского эпоса. Актуальными остаются темы сватовства и похищения невесты. Важнейшими особенностями алтайского героического эпоса является тесная связь с предшествующей мифологической, эпической традицией, наличие внутри него разных стадияльно-типологических уровней, взаимодействие с другими

фольклорными жанрами (мифами, сказками), ориентировка на повествовательную традицию, выраженную в особенностях художественного изображения эпического мира, эпических героев [Ямаева 1986: 6, 11, 16–19].

Мифы (*сооҗын*) – древний фольклорный жанр прозаического характера. К внутрижанровым разновидностям мифов относятся: а) этиологические мифы, повествующие о происхождении животного мира: птиц, зверей, животных («Медведь и волк», «Тарбаган», «Мань» и др.) и об их особенностях как во внешнем виде, так и в поведении («Верблюды», «Бурундук», «Өскүс-Уул»); б) космогонические мифы о возникновении небесных тел, солнца, луны, звездных образований, «взаимоотношениях» этих космических объектов («Большая медведица», «Орион», «Золотой кол» и др.); в) топонимические мифы о происхождении гор, рек, озер и т.д. («Столкновение Абагана с Бабырганом», «Кадын и Бий» и др.) [Суразаков 1975: 98–111; Потанин 1883: 136–137, 167–169, 176–181, 182; Вербицкий 1893: 156–157].

Легенды алтайцев тесно примыкают к мифам. В данном жанре прослеживается влияние мировых религий: буддизма, христианства, ислама. Легенды представлены рассказами о сотворении мира, божеств и духов, людей, о мировом потопе и последнем веке и т.д. («О сотворении мира и человека», «О всемирном потопе», «Конец света» и т.д.) [Вербицкий 1893: 111–112, 125–126, 137–138; Суразаков 1975: 111–114].

Предания (*кеп-куучын*) близки к мифологическим рассказам, но отличаются от них большей близостью к реальности. Немало топонимических преданий, которые повествуют о названиях гор, рек, озер и других мест («О Телецком озере», «Река Тадилу и скала Абым-бом», «Сццктя тайга»). Много исторических преданий о борьбе алтайцев с захватчиками, связанных с событиями времен падения Джунгарского ханства (середина XVIII в.). Например, о богатыре Түкее, который гибнет, мужественно защищая свою родину от цинских отрядов, а также о других исторических героях: Чече, Калдан-Каане (Галдан-Церене), Шуну, Эрелдее, Пүдүкү, Амыр-Сане, Солтоне, Ирбизеке и др. [Вербицкий 1893: 148–150; Потанин 1883: 214–215, 218; Суразаков 1975: 207–214].

Алтайские сказки (*чөрчөк*) – один из богатейших разделов устного народного творчества. Сказки представлены в различных жанровых классификациях: а) сказки о животных («Обида марала», «Заяц и горностай»); б) волшебные («Албын и молодая женщина», «Шестиглазая Карагыс»); в) социально-бытовые («Два хана», «Янар куш»); г) детские («Боро кушкаш»). По своей форме сказки алтайцев – прозаические произведения, повествующие о приключениях героев. В них наряду с необычайными или «сказочными» явлениями рисуются вполне реальные картины, которые могли быть в повседневной жизни [Суразаков 1975: 114–136; Алтайские 2002: 74–77, 76–81, 136–147, 172–201].

Песенная культура алтайцев обозначается общим термином «*кожон*». Песня исполнялась как песенно-стиховая импровизация. У разных этнических групп алтайцев песни делились на протяжные (*сарын*), ритмичные (*такпак*) и особенно популярной является групповая форма исполнения, называемая *јагар*. Во многих жизненных ситуациях, например, в праздники или просто в хозяйственной и бытовой деятельности алтайцы любили петь. Песенный жанр подразделяется на следующие виды: исторические, трудовые, свадебные, игровые, семейно-бытовые, любовные, воспевающие родной край. Исполняли песни как сольно, так и хором [Суразаков 1975: 78–96; Шейкин 2002: 293–295].

Культовая и обрядовая поэзия в устном народном творчестве алтайцев составляет особый раздел, который классифицируется по следующим жанрам: заговоры, заклинания, благопожелания, шаманские мистерии, похоронные плачи и т.д. [Суразаков 1975: 32–56; Вербицкий 1893: 65–95].

В алтайских **загадках** (*табышкак*) ярко отражены определенные черты народа, обряды и обычаи, быт и хозяйственная деятельность, фауна и флора горного края. Язык народных загадок богат красочностью выражений, многообразием и точностью сравнений образов. Так, например, место для обмолота зерна алтайцы предварительно вычищали и обливали водой, когда вода превращалась в лед, то ток становился похожим на большое зеркало, в результате чего появилась такая загадка: «Энэкэмним кўскўзўн элў кижн эрбес – «Зеркало моей матушки пятьдесят человек не поднимут» (ответ: эдиргэн – гумно). Или кумандинская загадка про жилище: «Уг айландыра кур тартым – «Вокруг дома пояс натянул» (*торбас* – мох между бревнами стены) [Вербицкий 1893: 239; Суразаков 1975: 66–72; Сатлаев 1974: 143; Укачина 1981: 7].

Пословицы и поговорки являются особым жанром в устном народном творчестве алтайцев. В них отобразился ум народа, его отношение к жизни. Например, о воспитании детей бытовала такая пословица: *Аш – кылгада, бала – јашта* (вариант: *Аштын – кылганында, балан – кичий-иенде*) – «Урожай узнают по всходу, а ребенка – в младости». А для тех, кто об уме человека судил по внешнему виду, существовала алтайская поговорка: «Сагалда сана јок – Бородой ум не меряют» [Вербицкий 1893: 234; Сатлаев 1974: 143].

На праздниках, свадьбах или просто в быту, алтайцы любили устраивать шуточные словесные перепалки, подразделявшиеся на следующие жанры: а) словесные состязания в «**меткословии**» (*чечен сўстўр, чечеркеш*), обычно шутили по любой выбранной жизненной теме; б) **дразнилки** родов (*сўўктўрднн чолозы*). Данные жанры от исполнителей требовали живости ума, находчивости, умения быстрого экспромта и импровизации, прекрасного знания фольклорного материала своего народа [Алтай 1994: 171–177; Чочкина 2003: 95–98].

Каждый жанр алтайского фольклора объединял десятки и сотни произведений (их версии и варианты), функционировавших в условиях постоянного взаимодействия. Устное творчество являлось и народной педагогикой, средством воспитания подрастающего поколения. Положительные герои в эпосе, сказках, преданиях являлись примерами для подражания. А такой жанр, как пословицы и поговорки, кратко и иносказательно подчеркивал хорошие и отрицательные черты людей.

4.2.5 Шаманизм

В мировоззрении алтайцев мир делился на три части: верхний, средний и нижний. Верхний, или небесный мир состоит из нескольких слоев. Это место, где находятся чистые божества и духи. Один из наиболее известных верховных божеств и при этом покровитель (*тöс*) у некоторых групп алтайцев – *Бай-Ульген*. В среднем мире живут люди. Здесь же обитают некоторые духи гор, перевалов, долин, рек, ручейков и т.д. И нижний (подземный) мир – место существования нечистых черных духов (*кара көрмөс, кара неме*), которые подчинялись владыке нижнего мира *Эрлик-бию*.

Благополучие, здоровье, судьба каждого человека и вообще вся жизнь в представлении алтайцев зависели от тех или иных духов. Посредником между миром людей и духов являлся шаман (*кам*). Через шамана человек обращался к духам при всех бедах, несчастьях и болезнях, а также при испрашивании благополучия себе и скоту, хорошего урожая, удачной охоты, многочисленного потомства.

Шаманом или шаманкой становились люди по повелению духов, по их призыву или «избранничеству». Внешним признаком того, что у человека появилось шаманское призвание, являлись некоторые отклонения в психике и поведении. Он становился задумчивым, уединялся, видел какие-то сны, слышал наяву голоса, неожиданно уходил в лес или горы, пропадая там некоторое время, иногда впадал в бешенство, становился болен, с носа или рта начинала течь кровь. Затем будущий шаман проходил особую школу подготовки, то есть учился у старого шамана.

В основном шаманом мог стать тот человек, у которого по отцовской или материнской линии были шаманы. Таких шаманов считали потомственными (*укту кам, улуг кам*). Сила шамана зависела от количества духов-помощников или «войска» (*черү*), в число которых входили и умершие родственники – шаманы. Считалось, что от духов-покровителей *кам* узнавал, каким будет внешний вид его бубна. При помощи бубна (*түнүр*), ударяя в него деревянным жезлом (*орбу*), шаман собирал своих духов-помощников. Бубен служил шаману и средством передвижения по трем мирам (верхнему, среднему и нижнему), либо луком, из которого он стрелял в злых духов. Считалось, что могущественные

шаманы могут проникать во все сферы Вселенной, ориентироваться в пространстве миров, населенных духами и божествами, и владеть приемами ритуального общения с ними.

Шаманисты считали, что в ту или иную сферу Вселенной во время камлания ходит не сам *кам*, а его «двойник». Концепция «двойника» являлась одним из краеугольных камней в шаманизме алтайцев. Жизнь каждого человека начинается в небесной зоне, отсюда она посылается на землю. Здесь во время утробного периода земной жизни человека возникает его связь с женским небесным божеством *Умай-эне*, которое охраняет его от злых духов в чреве матери. После рождения ребенка его продолжает оберегать Умай-эне. Она не дает духам нанести вред его жизни, точнее «двойнику» ребенка, наименование которого чаще всего переводят на русский язык как «душа». После того как ребенок начинает бойко бегать, разговаривать, в 5–6 лет его общение с Умай-эне прекращается. Вместе с ребенком растет и его «двойник». Во время сна «двойник» человека может отделяться от тела, и иногда его могут похитить духи. Вернуть «двойника» может только шаман. В отличие от «двойника» обыкновенного человека «двойник» *кама* (шамана) может покидать его тело в любое время дня и ночи, но только во время камлания «двойник» находится под полным контролем шамана и его духов покровителей [Потапов 1991: 27–64; Тюхтенева 2007: 431].

Кроме сильных потомственных *камов* были шаманы со «средней силой» (*орто кўчтў кам*, *чер-айактыг кам*). Им были доступны ближние слои верхнего и нижнего миров. Они могли лечить, предсказывать, сопровождать «двойников» (души) ушедших в иной мир. Имелись также малосильные шаманы – «*кичинек*, *јўдек кам*» (*ырбыкчи шабычилар*), которые могли и не иметь бубна, пользовались только жезлом (*орбу*). Некоторые шаманы всю жизнь шаманили (*камлали*) с пучком березовых веток (*шырба*) [Тюхтенева 2006: 433; Сатлаев 1974: 155; Анохин 1924: 52].

У алтайцев шаманы делились на белых и черных (*ак кам*, *кара кам*). Первая категория шаманов могла обращаться к божествам и духам верхнего и среднего мира. Более могущественными считались «черные» шаманы, которые могли во время камлания обращаться к божествам и духам как верхнего, так и нижнего мира, в том числе к владыке нижнего мира Эрлик-бию. Путешествие в нижний мир считалось одним из труднейших, где *кам* (шаман) встречал много трудностей и опасностей; духи данного мира могли захватить и оставить у себя его «двойника», и тогда *кам* умирал (бывали случаи, что *кам* умирал во время камлания). Поэтому «черные» *камы*, чтобы защититься в нижнем мире, пользовались специальной верхней одеждой (*манјак*) и головным убором – «шапкой-птицей» (*куш бөрүк*) [Анохин 1924: 33–48]. Без *манјака* к владыке Эрлику и вообще в нижний мир «ходили» *камы* чалканцев,

кумандинцев, поскольку у них такой одежды вообще не было, как не было деления шаманов на черных и белых [Потапов 1991: 260].

Хотя Эрлик-бий считался владыкой темных духов, но в понимании шаманистов он не был олицетворением зла. По велению Эрлик-бия, его сыновья охраняли людей от злых духов, за что почитались шаманистами, также они становились духами-помощниками шамана во время его камлания. За различные проступки владыка Эрлик мог наслать бедствия, болезни, мор, но и духи верхнего и среднего мира также могли наказывать людей [Анохин 1924: 7; Тюхтенева 2007: 432].

Формы обрядовых действий с участием шаманов у алтайцев были весьма разнообразны и имели определенный порядок. Можно выделить обряды традиционные и случайные. К первой группе следует отнести те обрядовые действия, которые стали традиционными и обязательными в годовом цикле. Так, весной или летом, редко осенью, алтайцы устраивали ритуальный обряд – *тайылга*, посвященные верховным божествам, которым приносили в жертву лошадь. Как правило, жертвоприношение устраивали на горе. Умерщвляли животное, не проливая ни капли крови. Шкура с оставленным в ней черепом и нижними конечностями вывешивалась на жерди головой на восток. Хотя данный обряд был родовым, лошадь для жертвоприношения выделялась той или иной индивидуальной семьей. У южных алтайцев считалось, что каждая семья должна принести в жертву коня раз в три года, а у северных алтайцев – один раз в жизни. К традиционным обрядам относились и почитания духов родовых гор, которые считались покровителями определенных родов и относились к чистым духам (*ару тös*). Им приносили кровные и бескровные жертвы, например, брызгали смесью из молока и толокна (*ботко*). Шаман совершал обряд обрызгивания самогоном (*ара*), выкуренным из браги – *орто* (*ара* должен быть выкурен в месте моления), приговаривая во время обряда: «*Кöк Тенри, Алтайым, тайгаларым, сүрен жүрүм, быйан берсен*» – «Синее Небо, мой Алтай, моя тайга, [молю] дать очень благую жизнь» [Анохин 1924: 9–12]. В южных районах Горного Алтая весной, когда листочки березы только начинали распускаться, или осенью, когда они желтели, совершались моления «хозяину» Земли (*Јердин ээзи*). Шаман во время обряда произносил благопожелание, где перечислялись названия главных близлежащих гор и рек. Одновременно он совершал кропление кашей из толокна (*ботко*), сначала на восток, потом в другие стороны и на огонь. Затем кам совершал кропление *аракон* и благословлял Алтай, просил у «хозяина» Земли благодати людям и в размножении скота, всяческого благополучия [Шатинова 1983: 149–150].

Вторую группу составляли обряды, устраиваемые по какому-нибудь неожиданному происшествию, или случайные. Шамана вызывали для камлания с целью выздоровления больного, возвращения утерянной или

Таилга

заблудшей души (или обмена ее, если она может умереть, на душу животного), во время осложнения родов, падежа скота, для избавления от засухи и т.д. Причин для жертвоприношения было бесконечно много, поэтому вся жизнь шаманиста проходила в нескончаемых молениях, суевериях и соблюдении запретов.

Нормы поведения шаманистов по отношению к духам сводились к различным ритуалам и запретам. Так, они с почтением относились к перевалам, через которые люди издавна проходили, во многих других случаях (перекочевке, перегоне скота, на охоте в тайге и т.д.). На особо чтимых перевалах всегда останавливались, делали подношения: завязывали ленточку или конский волос, совершали обрызгивание вином (*арака*). В данных местах запрещалось громко разговаривать, ругаться, чтобы не рассердить духа горы. Особым почтением пользовались целебные источники (*аржан суу*).

Одним из древнейших религиозных культов является культ огня. Огонь домашнего очага олицетворялся с божеством *От-эне*, или *От-ээзи* («Мать-Огонь», «хозяин огня»). Считалось, что огонь – хранитель родового и семейного счастья, поэтому старались всегда поддерживать пламя в очаге. Совершенно недопустимым считалось осквернение огня, нельзя было перешагивать через очаг, плевать, сыпать мусор и грязь в огонь, касаться его острыми предметами, наступать на золу. В обязан-

ность хозяйки дома входило ежедневное кормление и угощение «хозяйки» огня в очаге.

Особое место у шаманистов отводилось духу *Јайыку*. «Среди всех духов – посредников первое место занимает Јайык. Он – дух-небожитель и часть существа Улгена... Јайык живет на земле среди людей. Улген послал его с неба охранять человека от всего худого и злого и давать всему жизнь... Јайык у алтайцев пользуется особым уважением. Весной при первых удоях кобылицы алтайцы делают Јайыку кропление смесью толокна с кобыльим молоком (*потко*)», – отмечал А.В. Анохин [Анохин 1994: 12–13].

В представлении алтайцев человек окружен духами, доброжелательными и зловредными, которые могут помочь, а могут наказать и проучить, поэтому он своим безупречным поведением, благопожеланиями и жертвоприношениями всегда может привлечь их на свою сторону.

4.2.6 Бурханизм

Весной и летом 1904 г. в скотоводческих районах Горного Алтая происходило массовое движение, известное как движение бурханистов (бурханизм). Алтайцы отказывались от почитания шаманских божеств, уничтожали атрибуты шаманского культа. Если *камы* продолжали практиковать камлание, то их изгоняли. Бурханисты стали избегать общения с иноверцами (православными русскими и алтайцами, шаманистами), начали без счета тратить российские бумажные деньги, скупая все в селах Туекте, Онгуде и Хабаровке, так в лавках у купцов был распродан весь товар [Бурханизм 1994: 42–43].

Быстро развивающееся движение захватывало все больше районов. Приверженцы бурханизма, или «белой веры» сосредоточились в бассейнах Кана, Чарыша, Ябогана, Урсула, в верховьях Песчаной, Абая. Центром движения стала долина р. Кырлык с урочищем Теренг, где алтайцы стали собираться и совершать моления.

Происходившие среди алтайцев события насторожили русское население и привлекли внимание официальных властей. В течение мая в урочище Теренг несколько раз побывали представители местных властей и миссионеры. Следствием всевозрастающей нервозности уездного начальства, местных русских крестьян и стремлением Алтайской духовной миссии удержать свою паству в христианстве стало побоище алтайцев, собравшихся на моление в урочище Теренг 21 июня 1904 г. Затем последовал арест 36 бурханистов и судебный процесс над шестью «главными» участниками моления. В результате суда 1906 г. все шесть человек были оправданы, не нашлось никакой политической подоплеки в движении бурханистов [Шерстова 2006: 437; Данилин 1993: 84–126].

В бурханизме, как и в любой национальной религии, определилась своя система представлений, обрядов и культов. Сам термин «бурханизм» впервые появился в отчетах православных миссионеров, исходя из названия главного божества – «бурхан». Сами же алтайцы, называли свое учение *ак јан* (белая вера), или «молочная вера». В самом названии бурханизма – «белая вера» олицетворялась универсальная для Евразии цветовая семантика – «чистый», «священный» [Сагалаев 1984: 86; Данилин 1993: 153; Шерстова 2006: 437]. В шаманском представлении алтайцев Бурхан долгое время не выделялся среди других божеств, а во время камлания шаман мог общаться с ним [Вербицкий 1893: 79]. В новую же веру вошло понятие о Бурхане как о добром всеобъемлющем начале в самых различных его видах и функциях. В начальной стадии движения считалось, что необходимо молиться лишь Белому Бурхану, тогда возвратится Ойрот-хан, когда-то покинувший своих поданных – алтайцев. В XIX в. среди алтайцев широко бытовали легенды и предания о «золотом веке» алтайского народа во время правления Ойрот-хана. Мотив возвращения в свое время исчезнувшего героя к людям и изменения, знаменующие его приход, становятся ведущими в фольклоре бурханистов. Ойрот-хан не только собирательный образ правителей Джунгарии, а персонификация идеализированного прошлого вообще, причем прошлого исторических предков алтайцев, входивших в состав ханства. Поэтому в памяти народа осталось представление о Тарбагатае как о родине, частое упоминание верховий Иртыша – места ханской ставки, и все это отразилось в устных текстах [Шерстова 2007: 440]. Кроме мифического Ойрот-хана, или Калдан-Ойрота в героическом эпосе, сказках и легендах алтайцев особенно часто фигурировали Шуну и Амыр-Сана (Амурсана). Эти богатыри, наделенные сверхчеловеческими качествами, силой, хитростью, олицетворяли собой вождей-освободителей. Данные персонажи являлись историческими личностями и в свое время активно влияли на политическую историю Джунгарии. Надо отметить, что многочисленные источники указывают на широкое распространение этих героев в легендах, сказках народов Саяно-Алтая, Бурятии, Монголии. Более того, население этих регионов также связывали с ними свои мессианские чаяния, ожидая вместе с возвращением этих богатырей начала «золотого века» [Данилин 1993: 56–78]. Всё это отразилось в гимнах и песнях алтайцев-бурханистов [Бурханизм 2004: 101; Шерстова 1997: 132].

Но отказ от многобожия шаманского пантеона в период становления «белой веры» был реализован не полностью. Так, алтайцы, признав Бурхана основным божеством, оставили *Јайык* (*Ак Јайык*, *Сары Јайык*). Через некоторое время бурханистский пантеон пополнился за счет включения в него некоторых старых божеств и духов.

Одним из почитаемых добрых божеств бурханистов был Юч-Курбустан – создатель и покровитель неба и светил, суши и воды, олицет-

ворение этих стихий. Алтайцы-бурханисты верили, что это божество обитает на небе, оно огромного размера, не видимо и неуловимо. Считалось, что Курбустан посылает людям «*кут*», или «*сус*» – зародыши человека и скота, поэтому при соответствующих молениях бурханисты вешали в юрте модель зыбки, куда и попадали эти зародыши. К зыбке подвешивали железный лук (*ок-жаа*) для всесторонней защиты зародыша человека и скота. Осенью во время больших молений (*мүргүл*) Курбустану посвящали лошадь. Алтайцы полагали, что эти посвященные животные способствуют плодовитости стада. В гриву лошади вплетали ленточку (*кыйра*) и отпускали её пастись в табун. На освященных лошадях запрещалось ездить. Считалось, что божество или дух, которому посвящено животное, защищает табуны и стада от болезней, диких зверей.

В культовой деятельности бурханистов главной фигурой становятся *ярлыкчи*. Они организовывали и проводили общественные моления, часто выступали в роли целителей. *Ярлыкчи* становились люди с характерными чертами «избранничества»: невозможность отказаться от дара, состояние транса в момент его обретения, известная психическая склонность к культовым функциям, талант поэтической импровизации и т.д. Считалось, что *ярлыкчи* получали свой дар исключительно от светлого божества и, в отличие от *камов*, не имели «духов-помощников». Внешне не выделяясь среди других, *ярлыкчи* обязаны были соблюдать массу запретов и предписаний. Они должны были определенным образом ходить, говорить, сидеть, спать. Нарушение любого из правил грозило потерей «дара» и различными бедами не только самому *ярлыкчи*, но и его последователям. Прекрасно зная фольклор и умея импровизировать, *ярлыкчи* стали создателями особых текстов молитв, так как с отказом от жертв на первое место вышло слово, молитва. Для проведения молений у *ярлыкчи* были помощники – *шабы*, которые могли быть и его учениками, также были сборщики подаяния – *пандарчи*. Чаще всего помощниками *ярлыкчи* являлись молодые девушки [Данилин 1993; Сагалаев 1984: 89; Шерстова 2007: 441–442].

В представлении бурханистов во время молений *ярлыкчи* по особым ступеням мог возноситься к Курбустану так же, как шаманы во время камлания верховным божествам. Улгень, как и Курбустан, небожитель, ему также приписывали силу создателя душ человека и животных. Но если Курбустана почитают все бурханисты, то Улгенья в качестве родового божества – только определенные роды. Как и Курбустану, ему при массовых молениях (*мүргүл*) посвящают лошадь. Другие роды также оставили своих главных небожителей в пантеоне бурханизма и им совершали соответствующие ритуалы [Данилин 1993: 153–155].

Другими объектами поклонения бурханистов были божества солнца (*күн-бурхан*) и луны (*ай-бурхан*). В некоторых бурханистских гим-

нах о происхождении алтайского народа говорится: ««Он размножился от солнца, от месяца, получив бытие от синего бурхана. Он размножился от месяца, от солнца, получивши начало от белого бурхана»» [Сагалаев 1984: 94].

Духи и божества «среднего» мира также остались объектами веры и культа: *Јайык*, *От-эне*, *Алтайдын ээзи*. В бурханизме *Јайык*, постепенно трансформируясь в семейного духа-покровителя и хранителя домашнего очага, который приносил на землю душу новорожденного ребенка, сближается с божеством плодородия и созидания. «Он, — гласит бурханистская молитва, — «творец наших голов, хорошей семьи содержатель». *Јайыка* обычно олицетворяла белая матерчатая ленточка (*кыйра*). В жилище они висели на священном месте против очага. Кроме того, вывешивались желтые и голубые ленты, которые также олицетворяли культ *Јайыка*. У алтайцев было столь глубокое почитание данного культа, что в советский период даже активные колхозники, внешне давно отказавшиеся от «белой веры», все-таки иногда имели их ленты. Почитание это объяснялось назначением *Јайыка*: содействовать размножению скота. Для скотовода забота о благополучии скота и его плодовитости — это главный вопрос жизнеобеспечения [Данилин 1993: 160].

Алтайцы-бурханисты почитали культ Земли-Воды (*Јер-су*), а также «хозяев» гор и рек (*туу-ээзи*, *су-ээзи*). Так каждый алтаец в особых местах, где находились *тагылы* (сооружения, выложенные из камня), непременно оставлял мелкие подношения. У переправ, около целебных родников, в местах сбора горного можжевельника (*арчын*) каждый обязан был привязать к ветвям рядом стоящего дерева ленты из ткани (*кыйра*, *јалама*). При переходе через перевал после короткой молитвы сжигалась ветка можжевельника и подвешивалась ленточка на ближайшее дерево. Если ткани не оказалось под рукой, её можно было заменить пучком конских волос из гривы лошади. Следует отметить, что данным духам «среднего» (земного) мира бурханисты совершали отдельные брызгания молоком и читали отдельные молитвы, им также посвящали лошадь [Данилин 1993: 154].

С почтением относились бурханисты и к «хозяину» Алтая (*Алтайдын ээзи*), покровителю и защитнику любого его жителя. Так, осенью бурханисты совершали общее моление — *шүтээн* (*шүтээл*), посвященное «хозяину» Алтая. Цель обряда — испросить всяческого изобилия, особенно скота [Данилин 1993: 182]. Параллели с буддизмом можно заметить как в ритуалах, так и в предметах культа. Так, во время молений бурханисты зажигали особые светильники — *јула*, созвучные с названием лампад — *зула* в буддийских монастырях Монголии. У некоторых бурханистов в качестве культового предмета были шелковые ткани с буддийскими изображениями и статуэтки, например, бодхисаттвы Авалокитешвары, Зеленой Тары и т.д. Многие бурханисты имели

дома буддистские сутры (*судур-бичик*) на ойротском (монгольском) и тибетском языках [Данилин 1993: 173–175, 177; Сагалаев 1984: 98–99]. В конце XIX – начале XX вв. немало алтайцев могли читать тексты на ойротской письменности (*тодо-бичик*, *үзүк-бичик*). Еще задолго до появления бурханизма жители Алтая ездили учиться в буддийские центры Западной Монголии. Сформировалась даже особая категория людей – знатоков буддийских сутр (*судурчи*). Немаловажно то, что многие алтайцы часто бывали в Западной Монголии по торговым делам, знали монгольский язык, а некоторые для облегчения делопроизводства пользовались ойротским алфавитом. Также надо отметить, что буддийские ламы иногда посещали алтайцев и вели проповедническую деятельность [Сагалаев 1984: 82–84; Данилин 1993: 52–54; Косьмин 2004: 201–212]. Таким образом, алтайцы никогда не теряли культурных связей с тюрко-монгольским миром Центральной Азии.

Последователи «белой веры» по-иному обращались с традиционными культовыми атрибутами и толковали их смысл. Последователи «белой веры» привязывали обязательно четное число *кыйра* (в отличие от нечетного числа *жалама* у шаманистов). Надо отметить, что магия четных и двоичных чисел пронизывает обрядность и верование последователей «белой веры».

Древнейший культ огня у бурханистов сохранился и даже усилился. До самых последних лет огонь почитался как священное начало, с ним связывали различные запреты и поверья. Бурханисты связывали огонь с некоторыми светилами и, главным образом, с солнцем. Считалось, что огонь изгоняет всякое зло и имеет очистительную силу, поэтому один из распространенных обрядов – сжигание предметов, в которые «вселялся» злой дух. Огонь запрещалось выносить из юрты после захода солнца. В него запрещалось класть что-либо грязное, проливать кровь. Женщине в определенный период своей жизни воспрещалось дотрагиваться до тагана и закуривать от очага. Человеку чужого рода запрещалось выносить огонь из юрты. Сородичам могли дать вынести огонь только в новолуние, а при убывающей луне делать это никому не позволялось. Жертвы огню приносили, вынув ножи из ножен и положив их в сторону в знак подчинения. Огонь являлся посредником между людьми и божествами, постоянные ритуальные возлияния в огонь молока, масла, молочной водки совершали как для Бурхана, так и для угощения *От-эне* [Дыренкова 2004: 93–94].

Последователи «белой веры» объявили неприемлемым почитание *Эрлика*. Владыка нижнего мира считался воплощением зла, а олицетворял его в среднем мире шаман. «Бубны камов сожгите, потому что они не от бога, а от Эрлика», – требовали бурханисты [Сагалаев 1984: 87].

В начале движения сторонники «белой веры», отказавшись от кровавых жертвоприношений, стали усиленно внедрять подношения

(жертвоприношения) духам в форме брызгания молоком, возжигания можжевельника (*арчын*). В бурханизме арчын символизировал чистоту, считалось, что его дым отгоняет злых духов и привлекает добрых: «Равно вереск этот (арчын) постоянно имеем у себя в аилах и понемногу жгём его при всяком больном и каждое утро, вставши от сна, а также окуриваем им скот свой в виде ладана...» [Сагалаев 1984: 88]. Веточки можжевельника стали символом, паролем «белой веры», ее приверженцы при встрече обменивались арчыном [Шерстова 2006: 440].

Среди последователей «белой веры» стало обычным и необходимым регулярное омовение в минеральных источниках – *аржан суу*, которые считались целебными. При омовении также соблюдался обет ритуальной чистоты: людям, похоронивших родственников, женщинам в период менструации посещать целебные источники категорически запрещалось [Шерстова 2006: 439].

Для совершения большого обряда, называемого *мүргүл*, бурханисты обычно выбирали солнечный склон горы, открытый к востоку и югу. В таком месте сооружали большой жертвенник («алтарь») – *күре*, выложенный из каменных плит в форме почти правильного куба различных размеров. На этом жертвеннике жгли вереск, перед ним совершали возлияние (разбрызгивание) молоком. Тут же определенным образом устанавливали небольшие каменные или деревянные жертвенники (*тагыл*). Непременной принадлежностью *мүргүлү* являлись молодые березки, втыкаемые по углам *кяре*, и длинные шесты – *сүме*, оканчивающиеся разнообразными фигурками [Данилин 1993: 178–179]. Термином *сүме* называли и комплекс из нескольких *күре*.

В юрте около огня также ставили *тагыл*, сделанный из глины (в виде невысокого четырехугольного столбика), или из каменных плит, на котором утром и вечером хозяйка юрты зажигала арчын. На домашнем тагыле жгли можжевельник и во время больших молений, устраиваемых (отдельной семьей или группой сородичей) в начале месяца почитаемым божествам [Данилин 1993: 181; Шерстова 1997: 135].

Сама «белая вера» – *ак јан* для алтайцев имело большое значение, выразившись как сугубо национальная религия, зародившаяся внутри этноса, источником для которой были архаичные культы в шаманизме, буддизм и богатое фольклорное наследие алтайцев. Под воздействием бурханизма (белой веры) у алтайцев изменились многие традиционные обряды, мировоззрение. Движение бурханизма имело дальнейший резонанс в социально-культурной жизни алтайцев.

Идут за невестой

На празднике

4.2.7 Христианство у алтайцев

С присоединением территории Горного Алтая в состав Российского государства началось распространение христианства (православия) среди алтайского населения. Одним из условий перехода в русское подданство алтайцев было принятие ими крещения. Находясь в тяжелом положении, многие алтайцы вынуждены были креститься. Так, с января по август 1757 г. в Усть-Каменогорской крепости крестились 237 человек. Миссионерские работы начались и на территории Горного Алтая, где одним из первых в 1757 г. христианство принял Кооки Боочатов, при крещении получивший фамилию Максимов. В этом же году протопоп Шелковников крестил в районе Телецкого озера 82 человека. Протопоп С. Мефодиев сообщил о принятии христианства 47 телеутами. Всего на территории Алтая было крещено в XVIII в. около 500 человек, большинство которых после отъезда миссионера вновь вернулись в прежнюю веру – шаманизм [Колоткин 2004: 21–29.]. Возврату крещеных алтайцев к традиционной религии способствовали указы от 1789 и 1799 гг., по которым миссионерские должности были упразднены. Исключение составляли лишь немногие обрусевшие семьи в селениях Берёзовке, Майме, Тарханске и Улале [Потапов 1953: 199]. Именно укрепление границ Русского государства всегда находилось в поле зрения царского правительства, а православная церковь имела монопольное право на миссионерскую деятельность. В статье 4 «Свода учреждений и уставов управления духовных дел иностранных исповеданий христианских и иноверных» было записано: «... в пределах государства одна господствующая православная церковь имеет право убеждать последователей иных христианских исповеданий и иноверцев к принятию её учения о вере» [Свод учреждений 1896: 4]. Добровольный характер принятия христианства подразумевал параграф 33 «Устава об управлении инородцев».

В 1828 г. Русская православная церковь ходатайствовала перед правительством о разрешении вести миссионерскую деятельность среди многонационального и разноконфессионального населения России для приобщения его к православию. Правительство одобрило и поддержало эту идею. 15 декабря того же года Святейшим Синодом был подписан указ об учреждении Алтайской духовной миссии. Претворение в жизнь и последующая деятельность Алтайской духовной миссии (АДМ) непосредственно связана с именем архимандрита Макария Глухарева. Практическую миссионерскую деятельность Макарий начал сразу по прибытию на Алтай в 1830 г. в селениях Майме и Улале, где в 1834 г. был основан главный стан миссии. Макарий первым начал применять положение 1826 г. «О льготах инородцам, принимающим святое крещение», которое давало на первое время освобождение от податей и повинностей. С 1836 г. ему удалось добиться ежегодной субсидии от казны для работы миссии.

Для успешной миссионерской деятельности Макарий стремился изменить быт новокрещеных алтайцев, перевести их на оседлость, распространить среди них земледелие. Им на Алтае были основаны первые миссионерские школы для мальчиков и девочек, обучение в которых велось бесплатно. Открытие этих школ стало возможно благодаря усилиям М. Глухарева, который, быстро овладев языком и культурой алтайцев, создал на основе русской графики алтайскую письменность. Для более успешной миссионерской деятельности актуальным являлись вопросы о кадрах и переводческой работы миссионеров. Прекрасно образованный для своего времени М. Глухарев считал, что успешная миссионерская деятельность возможна только после изменения внутреннего мира человека, его идеологии. Создавались миссионерские поселения, чтобы противопоставить крещеных алтайцев некрещеным, оторвать их от традиционной культуры и родоплеменной верхушки.

Деятельность миссии медленно, но приносила свои плоды. Так, за первые два года работы миссии к 1832 г. из 11,2 тыс. человек алтайского населения крещение приняли 58 человек [Коренные 2006: 15]. Многие алтайцы, особенно в начале деятельности миссии, крестились от безысходности и тяжелого материального положения (в основном калеки и неимущие), так как миссия оказывала временную помощь новокрещеным беднякам хлебом, одеждой, различными семенами, постройкой изб [Потапов 1953: 202–203]. Поэтому некоторые, прежде чем принять крещение, требовали выплаты материальной компенсации. По мнению самих миссионеров, данная категория новокрещеных редко меняла свои взгляды, в миссии же они видели лишь источник для своего безбедного существования. В некоторых случаях люди принимали крещение, надеясь, что это оградит от несчастий и бед. Достижению желаемого результата способствовало и лечение больных некрещеных алтайцев в больницах миссии, часть из которых после выздоровления приняла православие [Модоров 1995: 70–72]. Методы работы М. Глухарева предопределили дальнейшие способы христианизации коренного населения Горного Алтая. В результате численность алтайцев, принявших христианство (православие), значительно увеличилась. Так, к 1899 г. численность православных составила 16,7 тыс. человек, или 51,4% всего коренного населения. Удельный вес «крещеных» в составе разных этнических групп отличался: среди алтайских телеутов их доля составила 94%, тубаларов – 71%, алтайцев семи дючин – 47% и у чуйских теленгитов – 30%. Среди коренных жителей Горного Алтая, принявших крещение, можно выделить три группы. Одна группа новокрещеных приняла христианство формально, восприняв внешнюю обрядовую сторону, что отчасти мотивировалось экономическими соображениями. Подобное явление было особенно характерно для начального этапа деятельности миссии и христианизации коренного населения. Другая группа восприняла христианство с его последующим

закреплением. К примеру, зайсаны и баи северного Алтая, приняв крещение и постоянно поддерживая миссию, нашли в ней покровителя в укреплении своего экономического благосостояния. Алтайцы, составившие третью группу, приняв крещение, не отказались от некоторых традиционных представлений, стали двоеверцами.

4.3. Культура русского населения

Русское население Горного Алтая в досоветское время было неоднородным в историко-культурном и конфессиональном отношении. Оно делилось на староверов, осваивавших южную часть Алтайских гор примерно с 70–80-х гг. XVIII в., старожилов, поселившихся в дореформенный период и переселенцев пореформенного времени (80-е гг. XIX – начало XX вв.). В целом, характеризуя русское население Горного Алтая, нужно отметить, что в досоветское время здесь сложился психологический и культурный тип русского сибиряка, приспособленного к суровым природно-климатическим условиям горного края и создавшего особый историко-культурный и хозяйственный тип [Мукаева 1994]. Сложившаяся система хозяйствования определяла материальную культуру русского населения, в первую очередь жилье, питание и одежду.

Русские крестьяне Горного Алтая, помимо занятия земледелием и скотоводством, были искусными кузнецами, плотниками, столярами. Они сами изготавливали все необходимые орудия труда, строили добротные дома (крестовые, пятистенки, дома-связь), мастерили мебель, бытовую утварь и многое другое. Местные русские женщины занимались традиционными ремеслами: ткачеством, шитьем, вязанием, ковроделием; они вышивали, выбивали шторы, изготавливали половики, дорожки. В каждой деревне вязали и ткали по своим узорам [Мукаева 1994].

Зодчество и строительное искусство русского населения прошли длительную эволюцию от строительства однокомнатных (однокамерных) жилищ на первых порах освоения верховий Катунь во второй половине XVIII в. до возведения больших добротных двухуровневых домов с балконами в конце XIX – начале XX вв.

Беглые староверы-промысловики на первых порах освоения Алтайских гор во второй половине XVIII в., имея в распоряжении только один плотничий инструмент – топор, ограничивались постройкой промысловых избушек. Устройство таких избушек было простым. Они ставились одним концом над ключом, чтобы не устраивать проруби в зимнее время, в этом случае воду брали, не выходя из дома. Неподалеку обязательно размещали амбар (сайву) и баню. Под сайву выбирали

четыре близко стоявших дерева, которые, обрубая на высоте нескольких метров, превращали в столбы. На них накладывался настил, покрывавшийся двухскатной крышей. Так получался надежный амбар [Принтц 1864]. Впоследствии, уже в XIX в. староверы строили добротные, теплые и хорошо освещенные дома с застекленными окнами [Мукаева 2004].

В XIX – начале XX вв. у русского населения Горного Алтая бытовали следующие типы жилищ: избы, крестовые и пятистенные дома, а также дома-связь. Избой называли однокамерное срубное жилище, площадью примерно от 12 до 20 кв. метров, значительную часть которого занимала большая печь с приступком. Среди местных старожилов распространены были пятистенные и крестовые дома с просторными горницами; уймонские староверы предпочитали дома-связь, когда изба и горница соединялись сенями; бедные крестьяне-переселенцы на первых порах обходились избой. С ростом экономического благосостояния в русских деревнях появились двухэтажные дома. Двухуровневые крестовые дома и крестовые связи с двухскатной крышей строили себе зажиточные староверы, купцы, а также крестьяне, разбогатевшие на торговле или промыслах. Так, двухэтажные дома имелись у староверов Уймонской долины, у богатых крестьян-предпринимателей и купцов в Черном Ануе, Белом Ануе, Шебалино, Черге, Онгудае и других селах [Швецов 1902].

Богатство горно-таежного растительного мира обусловило широкое применение в строительной практике древесины разных пород деревьев, но лучшими являлись хвойные: сосна, лиственница и пихта. Лиственницей, обладающей наиболее твердой и влагоустойчивой древесиной, выкладывали нижние венцы (венец – ряд бревен), стены от окон до потолка возводили из теплой сосны, и лишь только при ее отсутствии – из пихты. Крышу крыли лиственничным тесом, предварительно несколько раз просмоленным. Из кедра делали наличники, косяки, дверные проемы, рамы, пол, порог, полати, а также мебель (лавки, столы, шкафчики). Такой дом с кедровой отделкой не подвергался плесени. Из пихты и сосны строили бани.

Строительный процесс от выбора места и леса до окончательной отделки целиком был продиктован устоявшимися традициями и правилами. Особое внимание старожилы придавали сезонному сроку и времени заготовки леса. Заготовка строевого леса производилась в зимний сезон, свободный от сельскохозяйственных работ, с декабря по март. Благоприятность этого срока крестьяне объясняли прекращением сокодвижения в дереве и его наибольшей сухостью. По времени заготовка строительного леса совпадала, как правило, с Филипповым и Великим постами. Принципы, которыми крестьяне руководствовались при выборе дерева, предназначенного на домовую постройку, были следующими: оно должно быть живым, то есть растущим, лежалая лесина не подходила.

Строевой лес выбирался на солнечных склонах, на которых крестьяне рубили старые сухие «серные лесины», определяя качество древесины по звуку от удара топором по стволу дерева [Липинская 1996].

Подготовка леса к строительству дома занимала, в среднем, три года. Сначала деревья рубили, ошкуривали и выкладывали в виде сруба без вырубок прямо в лесу. На следующий год вырубали места крепления и выкладывали в сруб без утеплителя. На третий год по зимнему санному пути такой сруб перевозили в деревню и клали на утеплитель – сухой мох. Паклю подвертывали и пробивали в щелях сруба. Из сырого леса русские старожилы никогда не строили.

Сруб горно-алтайские старожилы выкладывали в угол, выпуская конец бревна на 15–25 см. Внутри дома бревна тщательно подгонялись и обтесывались. Крыши в домах старожилов имели большой вынос карнизов: от 80 до 120 см. По мнению крестьян, это было необходимо для того, чтобы не промерзали углы и не мочило стены [Шелегина 1998]. Полы делали двойными из толстых плах, каждый слой укладывался параллельно другому, вплотную, без воздушного зазора.

Технология строительства жилого дома старожилами Горного Алтая не знала фундамента. Вместо него под углы дома и несущие стены устанавливали деревянные чурки из лиственницы диаметром от 40 до 60 см, или подкладывали небольшие каменные плиты или валуны под углы, либо по всему периметру. Для утепления дома на зимнее время вокруг него на высоту третьего ряда бревен в сентябре насыпалась земля, которую старожилы до сих пор называют завалинками. Весной, в мае их открывали, то есть землю отбрасывали, за лето нижние ряды бревен успевали просохнуть.

Ставить жилые и хозяйственные постройки умели все мужчины, и при строительстве дома крестьяне обходились силами собственной семьи и родственников. Все работы при заготовке и строительстве построек выполнялись вручную. Основными плотничьими инструментами являлись топор, пила, позже появились рубанок, стамеска, долото.

Переселенцы перенимали навыки строительного дела у старожилов, но вносили свои особенности. Так, в некоторых случаях они могли построить временное жилье из сырого, а также мелкого нестроевого леса.

Деревянная архитектура русского населения Горного Алтая была оригинальной и своеобразной, тщательно отделывались наличники, карнизы, крыши. При отделке староверами использовался мелкий геометрический орнамент с использованием элементов архаичной древнерусской символики; старожилы практиковали декоративную резьбу. До сих пор сохранилась кружевная резьба по дереву (наличники, карнизы, крыши) в Абае и в других селениях Горного Алтая. У староверов Уймонского края не было затейливой кружевной резьбы в отделке, зато внутри дома стены покрывались красочной настенной живописью. Из сырья натураль-

ного происхождения народные умельцы-художники сами готовили краски: сурик, охру, бакан. В настенной живописи распространенными мотивами были изображения диковинных птиц, зверей, пышные и большие цветы, большие вазоны, растительные узоры и узор в горошек. Все это расписывалось яркими красками. Под влиянием переселенцев в жилищный быт старожилов со временем вошли штукатурка и побелка, но полы оставались некрашеными, их застилали цветными ткаными дорожками-половиками.

В старожильческом и староверческом жилище над входной дверью обязательно устанавливали полати, где спали дети. В красном углу располагалась божница с иконами. Главное место в доме занимала большая русская печь с трубой, которую сбивали из глины, ее всегда устраивали справа. Печь обогревала жилище, на ней готовили все блюда, выпекали хлеб, на печи спали старики. Рядом с ней располагались посудные шкафчики, размещалась кухонная утварь. Вдоль стен стояли широкие лавки. Стены украшались зеркалами, вышитыми полотенцами, лубочными картинками. Спали на лавках, полатах, на полу и печи. Кровать прочно вошла в крестьянский обиход во второй половине XIX в. и в доме стояла чаще для красоты. На кровати укладывали перины, одеяла, которые застилались подзорами, украшенными цветной вышивкой, кружевной каймой, и покрывалами. На кровати друг на друга в несколько рядов укладывали пуховые подушки в наволочках. Наволочки украшались вышивкой и кружевными прошивами. При вышивании русскими крестьянками использовались художественная гладь, тамбурный, стебельчатый и другие швы.

Отопление было по-белому, освещение жировое, постоянное мытье некрашенных полов голиками – вениками без листьев и речным песком до естественного желтого цвета, а также каждодневная уборка всего помещения женщинами обеспечивали чистоту и порядок в домах крестьян-старожилов.

Дома огораживались заборами, на территории усадьбы располагались надворные постройки. В XIX – начале XX вв. в жилищно-хозяйственный комплекс русского крестьянина входили дом, баня, амбары для хранения зерна, муки, клетки-сарай для стойлового содержания скота и другие постройки. Баня, помещения для скота, амбары, как правило, размещались позади жилища. Устройство бани было простым: в ней складывали печь с каменкой из камней и котла и устанавливали полки [Шелегина 1998: 132].

Одежда. Разные группы русского населения отличались друг от друга одеждой. Особым своеобразием характеризовалась одежда русских староверов Уймона и других старообрядческих поселений Горного Алтая. Вплоть до 1917 г. они носили старорусский крестьянский костюм, который являлся священной семейной реликвией.

Ткани, из которых шили одежду, были домотканые – льняные и шерстяные, а также покупные. Русское население летнюю одежду шило из домотканого льна, теплую – из сукна и других видов шерсти, зимнюю – из овчины и мехов. Большинство русских крестьян выращивало лен. Технологический процесс был достаточно трудоемким: лен сеяли, выращивали, дергали, сушили, трепали, затем пряли, ткали и отбеливали по первым морозам. Местные крестьянки умели окрашивать белые льняные ткани в бордовый цвет насыщенным отваром из коры лиственницы, в темно-желтый – отваром травы серпухи [Шитова 2005]. В каждом крестьянском доме были прялки и стоял горизонтальный ткацкий станок – красна. Льняные и шерстяные ткани включались в состав приданого. Из лучшего льна шили праздничную одежду: кофты, рубашки, юбки, сарафаны, из простых видов домотканины – повседневные мужские и женские рубахи, штаны, сарафаны. Из шерстяной пряжи ткали суконные и полусуконные ткани, а также вязали варежки, платки. Теплые пуховые шали вязали из козьего пуха.

В XIX в. большим спросом пользовались китайские ткани: шелковые, в том числе дорогие – атлас, фанза, канфа и канча, а также хлопковые – нанка, даба, ситец и другие. Мужчины носили покупные китайские шелковые халаты, одежду из бархата, замши, кожи; одежда украшалась золотым галуном. Путешественника К.Ф. Ледебура в 1826 г. через Катунь перевозили хорошо одетые староверы, среди которых выделялся статный человек в длинном ярком халате из китайской полушелковой материи [Ледебур 1993]. Не случайно, одежда староверов отличалась яркостью и многообразием цвета.

Летний мужской костюм старообрядцев включал рубаху и шаровары из белого холста. Рубаха украшалась красным узором по воротнику и рукавам. Праздничный костюм состоял из широких шаровар-чембар из плиса или замши из маральей кожи и синей суконной или пестрой ситцевой подболочки. Мужская нательная одежда остальных групп русского населения Горного Алтая состояла из рубахи и штанов.

Традиционный женский староверческий костюм включал в себя головной убор, лямочный сарафан, туникообразную или поликовую рубаху, тканый или плетеный пояс, фартук (передник). Основными типами сарафана уймонских женщин сначала были косоклинный и круглый лямочный. Множество сборок делало круглый сарафан пышным и красивым. В старину сарафаны шили из льна, шерсти, кашемира, шелка [Мукаева 2004]. Короткие рубахи, в просторечии именуемые рукавами, туникообразного и поликового кроя шились из белого холста. Поликовые рубахи украшались богатой вышивкой красными нитками по белому льну, горловина густо насбаривалась по узкому воротнику-стойке. Традиционная одежда использовалась также как моленная и погребальная. Она готовилась из белого домотканого льна. Фартук не входил в

комплект моленого костюма, в других случаях его подтыкали за пояс. Необходимым дополнением к моленной одежде служила лестовка, используемая при счете во время молитв. Погребальный женский костюм уймонских старообрядок состоял из рубахи, сарафана, пояса и головного убора. Поверх костюма обязательно надевался саван [Шитова 2005].

Женский костюм остальных групп русского населения, в том числе и переселенцев, состоял из так называемой парочки, в которую входили присборенная на кокетке кофта, присборенная поясом юбка и фартук, который назывался запоном.

Головные уборы были следующие. В досоветское время летом мужчины-старообрядцы носили поярковые шляпы с красной или пестрой тесьмой, зимой – меховые малахаи и алтайские шапки [Шитова 2005]. Переселенцы шляпам предпочитали картузы. Повседневный женский старообрядческий головной убор состоял из двух частей: старорусской нижней шапочки – самшуры (шашмуры) и платка. Поверх шашмуры старообрядки повязывали четырехугольный платок узлами сзади, или покрывали ее двумя платками, верхний из которых завязывался под подбородком. Пожилые староверки во время моления поверх повседневного головного убора накидывали в развернутом виде черный платок, который закалывался под подбородком [Шитова 2005]. В старожильческой и переселенческой среде самшура отсутствовала, женщины покрывали голову платком, который завязывали по-разному: узлом сзади или под подбородком. Традиционный девичий головной убор состоял из ленты-повязки или платка, который сворачивали в виде широкой ленты и обвязывали голову. Во время свадьбы в доме жениха происходил обряд окручивания, то есть замены девичьего головного убора на женский. Девичья прическа заменялась женской, а голова покрывалась шашмурой и платком.

Важным элементом традиционного старообрядческого и старожильческого костюма были пояса и опояски. С момента крещения пояс был обязательным для русского человека в течение всей его жизни. Старообрядцы рубахи и сарафаны опоясывали на два раза длинными, в 3 и более метров поясами. На Уймоне плели или ткали двухцветные пояса из очень ярких красных, оранжевых, желтых, зеленых, синих ниток. Края украшали цветными дорожками, концы – бахромой или кистями. Основными узорами были слова молитв, заговоров, имена владельцев, часто использовались геометрические мотивы в раппортном исполнении. Поверх верхней одежды носили опояски.

Из теплого сукна, меха, овчины, кожи, покупной верблюжьей шерсти шили верхнюю одежду: зипуны, азямы, овчинные шубы, дохи. Дорожная зимняя одежда была представлена дублеными тулупами белого цвета, которым не было сносу [Мукаева 2004].

Обувь русского населения была своеобразной. Местные крестьяне, как и все сибиряки, не знали лаптей. Из выделанной грубой и толстой кожи мужчины шили короткие и высокие сапоги, женщины носили башмаки, онучи. Из валяной шерсти делали зимнюю обувь – валенки (пимы); повседневные были черного, серого цветов, праздничные – белого. Не случайно, пимокатный промысел был выгодным делом. От алтайцев русские позаимствовали удобную и теплую меховую обувь: короткие кисы и сшитые из козьего меха вовнутрь, меховые сапоги наподобие унтов [Липинская 1996].

Таким образом, староверы, отличаясь приверженностью к старым формам, сохранили старорусский костюм. Старожилы и переселенцы быстрее перенимали новые фасоны.

Основу **традиционного питания** русского населения Горного Алтая составляли мучные, крупяные, грибные и овощные блюда. Солидное место в пищевом рационе занимало мясо. Разнообразие блюд определялось чередованием постных и непостных, «скоромных» дней и сезонами года, а также природной средой. Основными блюдами на каждый день были супы, каши. Супы могли быть на мясном бульоне и постные. К супам относились щи, овощные и крупяные похлебки, уха, рыбные супы, холодные супы. С конца XIX в. под влиянием переселенцев стал распространяться борщ. Щи, сваренные с добавлением перловой крупы, назывались «толстыми». Зимой, кроме Филиппова и Великою поста щи готовили на мясном бульоне. Отварное мясо подавалось со щами или отдельно большими кусками на общем блюде. С распространением во второй половине XIX в. картофеля, который хорошо прижился на огородах местных крестьян, его стали добавлять в щи и в остальные супы. В летнее время готовили овощные похлебки, часто тоже с добавлением пшенной или перловой крупы. Летом самым распространенным супом был холодный суп – окрошка. Ее готовили на квасе с добавлением мелко нарезанных зеленого лука, яиц, сваренных вкрутую, картофеля, заправляли сметаной. Своеобразием местной окрошки была замена весной зеленого лука черемшой (колбой).

Каждодневным блюдом на столе была каша из пшенной, перловой или другой крупы на молоке или без него. Кашу из тыквы с пшеном запаривали в русский печи. Ее готовили из цельного зерна, а также из круп тонкого и грубого помола, называвшейся толстой. Готовили густое гороховое пюре (горошница), для которого сухой горох сначала долго размачивали, затем варили в русской печи.

Во второй половине XIX столетия в обиход стал входить картофель, который жарили, отваривали, добавляли в супы, готовили пюре (толченку). Распространенным блюдом стал жареный картофель, который заливали взбитыми яйцами. Многие овощи употреблялись в сыром виде. Сладкие репу и брюкву томили в чугунках в русской печи. На зиму

целыми бочками солили капусту, огурцы. Собранные осенью овощи в подполах и погребах хранились до весны.

Большое значение в системе питания имели грибы, которые в изобилии произрастали практически везде по горам, за исключением высокогорных степей. Любимыми грибами русских крестьян были боровики (белые), грузди, рыжики, опята, маслята и другие. Грибы употреблялись по сезону, их жарили, варили, добавляли в супы, из них делали начинку для пельменей, а также в большом количестве солили и сушили на зиму. Из очень мелко нарезанных и обжаренных с добавлением репчатого лука груздей готовили груздянку. На зиму в бочках и кадках под гнетом солили боровики (белые), грузди, рыжики, опята. В засолку шли небольшие по размеру грибы, более крупные нанизывали на нитку и сушили на зиму. Маринование как способа заготовки грибов русское население Горного Алтая в досоветское время не знало.

В местных реках и озерах было много рыбы, которая разнообразила пищевой рацион. Крестьяне ловили хариусов, тайменя, ускучей, щук, налимов и другую рыбу. Жители около Телецкого озера питались телецкой селедкой – сигом. Особенно была вкусна уха, варившаяся из разных видов рыбы. Рыбой, чаще всего хариусом или тайменем, начиняли пироги, печеные в русской печи.

На столе зажиточных и среднего достатка крестьян всегда в изобилии было много мяса: говядины, баранины, свинины, птица и мяса диких животных, а также домашней птицы: кур, гусей, уток. Мясо отваривали, жарили, из него готовили супы. Любимым блюдом в зимнее время были пельмени, которые лепили всей семьей; такое занятие становилось одним из видов проведения семейного досуга. В семьях с большим достатком начинка для пельменей состояла из трех-четырех сортов мяса: говядины, свинины, баранины, дичины, то есть мяса дикого зверя, остальные старались начинку сделать хотя бы из говядины и свинины. Тесто для пельменей замешивали очень крутое. В зимнее время заготовленные в огромном количестве пельмени обязательно замораживали, их хранили в кадках или мешках. Ели пельмени, вкусные сами по себе, с коровьим маслом, сметаной, запивали молоком. Пельмени входили в обязательный рацион охотника, отправляющегося на зимнюю охоту в тайгу. Для зимней таежной охоты это было наименее трудоемкое приготовление пищи. Охотник на костре кипятил в котелке воду, в которую ссыпал несколько горстей пельменей, очень быстро получалось вкусное и калорийное блюдо, поддерживающее силы охотника. Пельмени стряпали и в летнее время, но уже с начинкой из зеленого лука или колбы, творога. Переселенцы, выходцы из южных губерний России, пельменям предпочитали вареники.

В весеннее время, когда заканчивалось мясо, а основные овощи на огороде кроме лука-батуну еще не выросли, в крестьянских семьях по-

мимо традиционных каш и щей готовили «ломти (ломтики)» и галушки. Ломтями горно-алтайские крестьяне называли обжаренные с двух сторон ломти хлеба, залитые взбитой массой из молока, яиц с добавлением соли. Получался вкусный, калорийный сытный омлет, но такое название горно-алтайские крестьяне никогда не употребляли. Понятие «галушки» объединяло разные блюда, в том числе занесенные переселенцами в Алтайские горы из средней и южной полосы России. Традиционные сибирские галушки представляли собой нарезанные полоски пресного тонко раскатанного теста и отваренные в воде, к ним добавляли сметану, сливочное масло, натертые огурцы или черную редьку. Галушками называли и другое мучное блюдо, которое готовилось следующим образом: заводилось жидкое тесто, напоминающее по консистенции сметану на большем количестве яиц и с добавлением большого количества мелко нарезанного зеленого лука. Подготовленное тесто небольшой ложкой выкладывалось в кипящую воду. Такие галушки варились несколько минут. Получалось тоже сытное кушанье, выручавшее крестьян в весеннюю пору. В бедных семьях часто готовили заварухи, когда муку заваривали кипятком и потом запаривали в печи [Липинская 1996].

Главное место в пищевом рационе русского населения занимал хлеб. Его пекли в основном из пшеничной муки: яровые в горах лучше вызревали. Практически все путешественники, побывавшие в Алтайских горах в XIX в., писали о вкусном белом пшеничном хлебе, которым их угощали в крестьянских домах [Ледебур 1993]. Выпекали разные виды хлебных изделий: булки, калачи, калачики. Русские крестьянки опару для хлеба заводили на самодельных дрожжах, приготовленных из хмеля, старообрядки – только на закваске, поскольку употребление хмеля запрещалось религиозно-этическими нормами.

Любимыми мучными блюдами были блины, оладьи и пироги. Блины выпекали толстые и тонкие. Толстые заводили из дрожжевого теста; тонкие пекли из пресного, заведенного на молоке и яйцах. Блины и оладьи выпекали, как правило, на чугунной сковороде в русской печи или на плите – камельке. Тонкие блины выкладывали на льняную салфетку или полотенце, смазывали растопленным маслом. Ели со сливочным маслом, предварительно растопленным, сметаной, медом. Пироги пекли в русской печи на металлических противнях, их называли листами, жарили на сковороде. Пироги были большими и маленькими, их называли пирожками. Пироги пекли из кислого теста, жарили из пресного. Начинка была разнообразной: мясной, рыбной, овощной, ягодной. Ягодную начинку готовили из свежих ягод, зимой для начинки распаривали сушеную клубнику, малину. Часто пекли пироги с пареной калиной, а также с дикорастущими растениями: ревенем, щавелем, крапивой. Местные крестьяне любили шаньги с творогом и сдобную выпечку: булочки, колобки.

Повсеместно употребляли молочные продукты, на столе крестьянина-старожила всегда было много молока, масла, творога, сметаны. Молоко для употребления в пищу всегда кипятили, в сыром виде оно никогда не употреблялось. В каждой семье сбивали из жирной сметаны сливочное масло. Из кислого молока готовили простоквашу (простокишу), варили творог, его ели со сметаной, медом. Готовили творожные сырчики: творог смешивали со сметаной, формовали полукруглые полусферы диаметром 7–10 см и замораживали. Это было одно из любимых лакомств детей.

Русское население Горного Алтая употребляло разнообразные напитки: чай, разнообразные кисели, квас. В заварочных чайниках заваривали черный кирпичный или байховый чай. Заварку подливали к кипятку, воду кипятили в медных самоварах. Чай пили с медом, сахаром вприкуску, а также с добавлением молока или сливок. Самоварная чайная культура была общей для всех социальных слоев и субэтнических групп русского населения. Даже староверы, хотя они никогда не пили чай, старались держать в своем доме самовар на всякий случай, для гостей из «мирских». Каждодневным напитком был квас. В крестьянских семьях часто варили гороховый и овсяный кисели. Во второй половине XIX в. кисель научились готовить из картофельного крахмала, для получения которого картофель натирали на терке, затем замачивали и отжимали. Кисель варили густым, ели его, разрезая на кубики, и запивали молоком.

Русские крестьяне держали большие пасеки. Мед шел на личное потребление и на продажу [Мукаева 1995]. Он занимал большое место в пище старожилов, особенно во время поста. Мед ели с чаем, на нем варили варенье из разных ягод, делали медовое пиво. Для получения вкусного пива на 10 ведер хлебного сусла брали один пуд меда. В зажиточных и среднесостоятельных домах медовое пиво не переводилось. Смесью меда с растертым маком или растолченными конопляными семечками обливали пампушки, которые считались лакомством. Из муки с медом стряпали пряники и сладкие коврижки [Мукаева 2000].

Растительный и животный мир, а также влияние алтайской этнической среды обусловили своеобразие системы питания русского населения Горного Алтая. Русские люди под влиянием алтайцев усваивали навыки безотходного забоя домашнего скота; живущие в смешанных деревнях употребляли талкан (толокно), добавляя его к чаю с молоком, пили чагирский чай, приготовленный из бадана.

Весной русские крестьяне ели запеченные или отваренные корневища кандыка и сараны; заготавливали дикий горный лук-слизун и вшивик, черемшу (колбу), которую употребляли в свежем виде, солили, из нее делали начинку для пельменей. Лук ели в свежем виде, сушили на зиму. Летом русское население собирало ревень, ягоды. Из ягодных

растений особенно ценились малина, смородина, клубника, земляника, черника, брусника. Из них варили варенье, часто на меду, ягоды сушили. Бруснику хранили, заливая холодной водой. Осенью русские крестьяне отправлялись в кедровники на сбор кедрового ореха. Орех употребляли в сыром виде; старожилы, особенно староверы, умели из него готовить «сливки» (молоко). Русское население Горного Алтая не знало яблок, груш и других садовых плодовых культур. Зато почти повсеместно была распространена черемуха, ягоды которой ели в свежем виде, сушили, растирали в муку, из нее зимой пекли вкусные пирожки. С распространением сахара стали варить черемуховое варенье.

Русское население хорошо знало лекарственные и пищевые свойства трав, в изобилии произраставших на альпийских лугах и в горных долинах. Из кипрея, белоголовника, чабреца, бадана, душицы, зверобоя они готовили травяные чаи и целебные настои. Русские старожилы, за исключением староверов, охотно готовили чай, настоянный на листьях бадана, часто в смеси с душицей.

Кухонная посуда для приготовления пищи была деревянной, гончарной, металлической. Особенно большое значение в домашнем обиходе имела деревянная утварь. Ее использовали для хранения, консервирования продуктов и ежедневного пользования. По способам изготовления вся деревянная посуда делилась на долбленую, бондарную, плетеную. Из цельных кусков дерева выдалбливали бочки, большие и мелкие кадки для засолки капусты, грибов, огурцов; бадьи, маслобойки для сбивания масла; корытца для рубки мяса на пельмени, капусты, грибов, а также деревянные лари для хранения муки. Из дерева вырезали ложки, миски, чашки, ковши и другую утварь. Исходным сырьем была древесина березы, сосны, но излюбленным материалом был кедр. В посуде из кедра пища хранилась дольше и не портилась. Обязательной принадлежностью кухонной утвари было сито.

В Горном Алтае развито было гончарное ремесло. На Алтае все русские крестьянки издавна умели лепить посуду из глины. Но только уймонские староверки сохранили уникальные традиции гончарного дела на основе архаичной техники налепом, когда посуда изготавливалась не из одного кома на гончарном круге, а путем наложения валиков друг на друга. Процесс изготовления глиняной посуды состоял из нескольких стадий: добычи глины, ее подготовки для лепки, изготовления, обжига и обварки. Начиналось все с добычи глины, месторождений которой было много на Уймоне, как и в целом по всему Горному Алтаю. Уймонская глина отличалась превосходным качеством и насыщенным цветом. К глине добавляли мелкий речной песок с Катуня и мяли, пока не оставалось комочков. Из намятого до густого вязкого состояния глиняного теста лепили валики, которые накладывались в 3–5 рядов на подготовленное плоское дно. Валики затирались и заглаживались водой для выравни-

вания боковых поверхностей. Подготовленные изделия подвергали обжигу в русских печах на горячих березовых дровах. Для прочности и красоты использовалась особая технология обварки, когда вынутые из печи изделия погружали в теплую сыворотку. После обварки посуда приобретала красивый черный цвет. «Необваренные» изделия оставались цвета красной терракоты. Горшки, кринки изготавливались для молочных продуктов: молока, сметаны, творога; корчажки и корчаги делали под пиво и медовуху [Мукаева 2004]. Из глины делали ручнойники.

Особенностью старообрядческой кухонной утвари являлось использование в обиходе китайской керамики, фарфоровой посуды и лаковых изделий [Мукаева, 2004].

Жизнедеятельность русских общин Горного Алтая всегда была напрямую связана с состоянием окружающей среды. Природная среда, естественные ресурсы края способствовали выработке новых адаптационных механизмов русского населения к жизни в горно-таежной зоне. В процессе эволюции природопользования отбирались наиболее надежные способы хозяйского отношения к окружающему миру. Русское население горных деревень практически за два поколения сумело приобрести новые приемы агрокультуры и традиции в земледелии, животноводстве, пчеловодстве. При хозяйственном использовании практиковался дисперсный способ использования природных ресурсов. Особенно удобной была заимочная форма освоения имеющихся природных ресурсов. Заимки-пасеки, заимки-маральники были специализированными звеньями основного хозяйства, находившегося в селе.

Несмотря на обилие естественных ресурсов края, крестьяне выработали бережное отношение к использованию природных богатств (животного и растительного мира, пахотных и охотничьих угодий). Способы неглубокой пахоты, обработки почвы под «ленивку», переложная система восстановления плодородия земли не нарушали экологического равновесия между человеком и природой в этом регионе.

Для ирригационной системы они прорывали каналы, которые поддерживались в хорошем состоянии. Крестьяне хорошо знали целебные источники и умели ими пользоваться при лечении болезней.

Необходимость выживания в экстремальной среде обитания Горного Алтая и трудности использования природных ресурсов в этой части Западной Сибири, а также адаптация к иноязычному окружению привели к формированию у русских старожилов своего ценностного понимания действительности. Так, в системе жизненных ценностей староверов главное место неизменно занимала трудовая аскеза. Отличительными чертами старообрядческого общества были крепкие морально-нравственные устои, твердые этические нормы. Строгий семейный уклад, самодисциплина, общая грамотность, высокая книжная культура, трудолюбие и бережливость, а также гостеприимство стали для раскольников устойчи-

вой нормой поведения. Наряду с коллективистскими нормами социального бытия в их жизни большую роль играли предприимчивость, хозяйственный рационализм. В уймонской старообрядческой культуре всегда ценились зажиточность, материальный достаток, благополучие. Староверы отличались такими чертами характера, как чувство собственного достоинства, смелость, бесстрашие, решительность, неутомимость, уверенность в своих силах. Заметными чертами старообрядческой культуры были чистота жилищ, одежды и склонность к эстетизации быта. Высокая трудовая активность старообрядческого населения в сочетании с богатыми природными ресурсами края обеспечили алтайским раскольниками безбедное существование.

Существование с 30-х гг. XIX в. в Алтайских горах духовной миссии обусловило отсутствие в местных крестьянах религиозного равнодушия к православным ценностям, которое отмечалось в других регионах Сибири. В каждом крупном населенном пункте Горного Алтая действовала церковь, являвшаяся центром духовной жизни не только крещеных алтайцев, но и русского населения; были школы, которые наряду с алтайскими детьми посещали и русские, поэтому уровень грамотности был достаточно высоким. Все это способствовало организованным началам приходской жизни русского населения. Здесь сложились прочные традиции благотворительности и попечительства. Постоянным явлением были пожертвования на устройство церквей и монастырей, детских приютов, женских обителей.

Своя книжная культура сложилась в старообрядческом социуме Уймонской долины, для которого книжное знание представляло одну из главных ценностей. Старообрядческая книга позволяла блюсти «древлеотеческую» веру, передавать ее новым поколениям. Поэтому, несмотря на замкнутость и вековую изоляцию, уровень грамотности старообрядческого населения, включая и женщин, был высоким. Чтение и письмо знали практически все. Но до начала XX в. староверы не знали светской литературы. Они сохранили сотни редких рукописных и старопечатных богослужебных книг и другие духовных изданий, напечатанных задолго до Русского Раскола. Это Священное Писание, Псалтырь, «Почтения Иоанна Златоуста», часословы, сочинения святых отцов, Кормчие и другие книги с многокрасочным орнаментом и миниатюрами. Тетради, хранившиеся у староверов, содержали описания жизни и подвигов первых раскольничьих вождей [Мукаева 2004]. Другой их ценностью являлись старинные иконы в медных окладах, написанные по древнему канону.

Основой русских общин Горного Алтая являлись многодетные семьи. У русских крестьян семья носила патриархальный характер, брак был только религиозным. В досоветское время существовали следующие типы семей: малая, или простая семья, представлявшая брачную пару с неже-

натыми детьми; расширенная семья, включающая других холостых или вдовых родственников; составная семья из нескольких брачных пар; большие патриархальные отцовские и братские семьи. Отцовский тип семьи включал несколько поколений одного предка, образующих от 3 до 5 и более супружеских пар.

Основные типы семейных отношений староверов Алтая соответствовали данной классификации семейных структур. Но специфические условия заселения и хозяйственного освоения горной территории, социальное окружение и природная среда обусловили региональную специфику семьи и брака этой группы крестьянского населения Алтайского округа. Более широкое распространение в среде алтайских староверов имели семейные артели-товарищества и семейно-родственные кланы. Социальной особенностью складывающихся во второй половине XVIII в. в Алтайских горах беглых старообрядческих сообществ было отсутствие женского элемента. В памяти старообрядцев сохранились интересные легенды о драмах, разыгрывавшихся в горах из-за женщин [Гребенщиков 1914]. В настоящее время невозможно выяснить, имеются ли в основе этих легенд реальные факты, но само существование подобных легенд говорит об особенностях жизни беглых староверов. Кроме того, распространенным явлением в социальной истории старообрядческого населения Сибири было скитничество. В деревнях Уймонской долины до сих пор сохранилась легенда о знаменитом скитнике, мультинском старце Филарете [Мукаева 2004а].

К раннему типу социальных отношений можно отнести беглых староверов, охотников-промысловиков, объединявшихся в артели-товарищества. В промысловых артелях сообща использовались охотничьи угодья и осваивались новые территории. Товарищества включали от 2 до 5 и более холостых мужчин и возглавлялись обычно старшим по возрасту.

В XIX в. быстро развивающаяся экономика горных деревень, основанная на комплексном хозяйстве, привела к усложнению семейных структур. Каждый домохозяин прежде всего заботился об увеличении числа рабочих рук в семье, укрепляя ее при помощи патриархальных традиций и религиозных авторитетов. В крестьянских сообществах Горного Алтая сложились большие семьи отцовского и братского типов, а также семейно-родственные кланы. Это дало возможность образованию крепких зажиточных хозяйств. Но не редкостью здесь была и малая семья, возникающая чаще всего после семейного раздела общего имущества. В последней трети XIX в. в горных деревнях происходило дробление крупных семей, обусловленное, в первую очередь, социально-экономическими факторами.

Особенности хозяйственной деятельности русского населения Горного Алтая оказывали серьезное влияние на размеры семьи и ее орга-

низацию. Занятие земледелием способствовало увеличению размера семьи, а занятия промысловой деятельностью или торговлей, напротив, уменьшали ее размеры. В жизни горно-алтайских крестьян большую роль играли мараловодство, горное пчеловодство, охота, рыболовство, сбор кедрового ореха. Таким образом, на Алтае реальный и устойчивый процесс формирования семьи был тесно связан с процессами хозяйственного освоения.

У староверов и старожилов Горного Алтая существовали разные модели семейно-брачных отношений, отличающие друг от друга. Базовая модель русской православной семьи сложилась к концу XVIII в., то есть после духовного Раскола XVII в. и петровских реформ, а также в результате кропотливой работы Русской православной церкви по укреплению семейного строя. Поэтому в семейных формах православных крестьян и старообрядцев изначально существовали различия, обусловленные историческими и религиозными факторами. В досоветской семье господствовали пуританские взгляды на брак, семью, межличностные отношения; законную силу имел только церковный брак, а для его заключения требовалось согласие родителей. Допускалось заключение одним лицом не более трех брачных союзов в течение всей жизни. Существенным препятствием служила степень родства между желающими вступить в брак.

По российским законам устанавливалась власть мужа над женой, отца над детьми. Женщина и дети ставились в зависимость от мужа, за которым законодательно признавалось главенство, и их правовое положение определялось социальным статусом главы семейства. Российское законодательство и церковные нормы жестко регулировали статус незаконнорожденных детей. Лица этой категории не могли усыновляться, а также принимать участие в наследовании недвижимого имущества. Брак, основанный на таинстве церковного венчания, русские крестьяне считали богоугодным делом и полагали, что семейные узы неразрывны, поэтому на развод они смотрели отрицательно, расторжение брака допускалось только в исключительных случаях.

Православные крестьяне-старожилы считали внебрачную связь одним из самых больших нравственных проступков, крестьяне строго контролировали поведение молодежи, особенно девушек. По существовавшим тогда правилам деревенской морали молодым людям запрещалось ходить к друг другу домой и оставаться наедине друг с другом до сватовства [Шелегина 2002].

Базовая модель старообрядческой семьи, сложившаяся еще до Раскола, отличалась наличием архаических пережитков, большей свободой и более высоким статусом женщин и детей внутри семьи, терпимым и даже лояльным отношением к разводам, а также к внебрачным детям. В староверческом обществе юноши и девушки были более свободны в

выборе спутника жизни. Более свободным было добрачное поведение молодых девушек-старообрядок. Более того, нормы обычного права староверов поощряли различные «игрища» молодежи, память о которых сохранилась до конца XX в. У старообрядцев наблюдалось более раннее вступление в брак, относительная свобода выбора брачного партнера, терпимое отношение к разводам и добрачным связям, отсутствие церковного таинства венчания. При заключении брака особое значение имели материальные соображения. Семейно-родственные кланы играли большую роль, чем у православных крестьян [Мукаева 2004а].

Относительная свобода, предоставляемая в староверческих обществах Алтая самым молодым людям, имела своим следствием широкое распространение тайных браков, или браков «убегом», как они именовались среди раскольников. Но все староверческие сообщества стремились к упрочению семьи как самого важного института своей жизни. Поэтому то, что не наказывалось до брака, осуждалось деревней после его заключения. Однако если для православного крестьянского населения России вопрос о разводе стоял достаточно остро, то для староверческого населения Алтая он был малозначителен. Алтайские староверы довольно легко относились к разводам, не осуждая разведенных людей и создание бывшими супругами новых семей. В первую очередь, это было продиктовано неформальностью брачных отношений, сложившихся в староверческом социуме. Кроме этого, в староверческих семьях было иное отношение к женщине, которая была более свободна и менее угнетаема мужем.

Пользуясь относительной свободой в браке, староверка по нормам обычного права имела возможность развода: выходя замуж по собственному желанию, она могла уйти от мужа. Браки у староверов не записывались в метрическую книгу при волостном управлении. Это освобождало супругов от прав друг на друга, и при разводе не требовались никаких формальностей. Каждый из супругов спокойно мог уйти и сочетаться браком с другим человеком. Не будучи закреплены официально никакими документами, подобные браки расторгались подчас очень легко.

Основными причинами разводов в староверческих группах русского населения были следующие: недобросовестность в работе, бесплодие, а также грубое обращение с женщиной. Женщины-старообрядки оставляли своих мужей, если были недовольны обращением с собой, когда их не устраивало имущественное состояние мужей, а также при желании супруги заключить брак с другим. В среде алтайских староверов существовала такая особенность разводов: мужчины реже уходили из семьи по сравнению с женщинами, что объяснялось экономическими соображениями. Приобретение жены даже богатому староверу стоило немалых денег. Женщина же, уходя от мужа, забирала приданое, материальное и денежное вознаграждение.

В одних случаях, при разводе женщина-старообрядка с малыми детьми возвращалась в дом к родителям. При этом она забирала с собой приданое и получала от мужа вознаграждение за время проживания в его доме. Если детей было много, то из семьи уходил муж, оставляя почти все имущество жене и детям. Таким образом, семейные разводы староверов Алтая отличались разнообразием и особенностями, обусловленными характером их социальной истории. Но все же следует отметить, что, несмотря на относительную свободу женщины, неофициальность брачных отношений и отсутствие особых препятствий для расторжения брака в старообрядческих обществах Алтая разводы были редким явлением.

Иное отношение, чем у православных крестьян, было у староверов к незаконнорожденным детям. Если русские православные старожилы и переселенцы отрицательно относились к внебрачным детям, то у старообрядцев незаконнорожденные дети росли в семьях на законных правах. Это можно объяснить как религиозными воззрениями, так и практичностью староверов: для семьи каждый ребенок означал дополнительные рабочие руки. Внебрачные дети в семьях старообрядцев пользовались такими же правами, как и «законные», они носили фамилию деда по матери и отчество матери. Таким образом, в старообрядческой среде наличие незаконнорожденных детей не подрывало авторитет ни матери, ни ее родителей и родственников. Особо нужно отметить проблему наказаний, в том числе телесных, в крестьянских семьях. Если для православного российского крестьянства наказания детей за проступки и непослушание были обычным делом, то уймонские староверы в воспитании своих детей, как правило, не прибегали ни к телесным наказаниям, ни к окрикам. Семейное воспитание у староверов основывалось на традициях формирования предприимчивой инициативной личности.

Среди алтайских староверов сложился такой интересный аспект семейных отношений, как заключение браков между родственниками. Брачение родственников, нехарактерное для русского православного населения Западной Сибири, имело место у староверов Уймона. Подобные факты брачения родственников не были простой случайностью. Это было обусловлено недостаточным количеством женского населения и большим числом родственных связей между местными староверами.

Совместное проживание в контактных зонах русского и нерусского населения имело следствием широкое распространение в Сибири смешанных браков. Смешанные браки заключались между представителями разных конфессий, национальностей, разных сословных групп. Старообрядцы и старожилы нередко заключали браки с алтайцами и с представителями других групп населения. У русских крестьян отмечался интересный обычай усыновления чужих детей как из русских, так и нерусских семей.

Таким образом, особенности семьи и брака во многом определялись условиями реальной жизни разных групп русского населения, их религиозными воззрениями и нормами обычного права, а также традициями, обусловленными историческими, социальными, экономическими, религиозными и природными факторами освоения новых территорий.

Одним из интереснейших явлений устного народного творчества русского населения Горного Алтая была легенда о райской стране Беловодье, где Господь Бог щедрой рукой рассыпал всякого добра на пожизну человека. Беловодская легенда появилась не ранее 1791 г., а первое официальное свидетельство о Беловодье датируется 1807 г. [Мамсик 1989].

Староверы первоначально называли Беловодьем предгорья Алтая. После проведения укрепленной военной линии от Усть-Каменогорска до Кузнецка этот термин распространился на территорию, лежащую южнее от названной линии до границы с цинским Китаем. Затем Беловодьем стали именовать привольный и богатый природными ресурсами Бухтарминский район. С вхождением этого края в состав России в 1791 г. крестьянские предания переместили Беловодье за пределы России. В XIX в. старообрядцы искали Беловодье только за пределами российской территории.

Беловодские легенды по России распространяли наиболее непримиримые толкователи священных писаний. В литературе за этими староверами закрепились их самоназвания: «бегуны», «странники». Их верование было построено на ожидании конца света. Уход в безлюдные места, по мнению старообрядцев этого толка, был единственно возможным способом избежать в загробной жизни наказания за общение с Антихристом. Любые отношения с инакомыслящими людьми расценивались ими как духовная смерть [Мукаева 2000].

Староверы-бегуны составляли для себя тайные маршрутные листки, называвшиеся «путешественниками», представлявшие собой своеобразные путеводители от их места жительства до Беловодья; сохранилось около десятка записей маршрутов. Они делались в разных местах России и вели на Алтай. В основе списков лежал рукописный источник – «Путешественник», составленный иноком Топозерской обители Марком, чья личность не установлена. Рукопись Марка Топозерского носила полное название «Путешественник, сиречь маршрут в Опоньское царство, писан действительным самовидцем иноком Марком Топозерским, бывшим в Опоньском царстве». Автор повествовал о своем путешествии в Опоньское царство, расположенное на 70 островах, в море-Беловодье. Здесь он якобы нашел древлеотеческую веру, представленную 179 церквями асирского (сирийского) языка благочестивым священством (патриархами, епископами, священниками) и 40 староверческими церквями с митрополитом. По словам Марка, Беловодье было основано очень давно, населе-

ние сюда попало различными путями и в разное время. Православные греки укрылись здесь во времена гонений римских императоров на христиан, а русские люди – после разорения Соловецкого монастыря. Марк утверждал, что в Беловодье ведут сухопутные пути и морские через Северный Ледовитый океан. В «Путешественнике» сообщались такие сведения о стране Беловодье: управление осуществляется духовной властью, население никогда не совершает правонарушений; в зимнее время стоят необычные морозы, бывают громы с немыслимыми землетрясениями и в летнее время растут виноград и «сорочинское пшено» (рис) [Мукаева 2000].

Сохранились три варианта списков «Путешественника» Марка: северорусский, среднерусский и сибирский, в которых описывался маршрут в эту легендарную страну. По самому подробному северорусскому варианту он начинался с Москвы, вел на Казань и Екатеринбург и далее по Сибири через Тюмень до Каменогорска – деревни Выбернаум (Выборной) – Избейска (Бийска) – Красноярска – дер. Устюбы (Усть-Убы). Возле последней находилось много тайных пещер и здесь беглецов должен был встретить местный странноприимец Петр Кириллов. Отсюда за деревней на 300 верст тянулись снежные горы с ледниками, за ними находилась дер. Устьменка, или Умойск (Уймонская), а в ней часовня, в которой жил инок-схимник Иосаф, который отправлял путников в Беловодье. Дер. Умойск являлась конечным пунктом на российской территории, от нее начинался путь в 44 дня уже по китайской территории через Губан (Гоби) – Бурат-реку (р. Буран) – Куканию, Кижскую землю, озеро Лове – море Беловодье. В последнем и находилось Опоньское царство. Среднерусский вариант маршрута тоже начинался от Москвы и через Тюмень вел на Катунь, оттуда к д. Усть-Убе. По сибирскому списку местная часть маршрута пролегла от г. Бийска и затем по Смоленской волости до Бухтарминской долины. О дальнейшем пути в Беловодье могли рассказать только странноприимцы [Чистов 1967].

Что касается Красноярска, указанного в «Путешественнике», то его можно идентифицировать с топонимами Алтая: д. Красный Яр на р. Каменке, д. Красноярка возле Тигирецкого хребта недалеко от р. Кумира, притока Чарыша.

Если путь от Москвы до Усть-Убы (Уймона) совпадал с реальной топографией, то дальнейшая часть маршрута представляла легендарно-мифические и профанические наименования. Можно предположить, что текст «Путешественника» Марка Топозерского сложился на рубеже XVIII – XIX столетий, так как деревни Усть-Уба и Уймон образовались в конце XVIII в. [Мамсик 1989].

Легенды о Беловодье постепенно распространились среди российских раскольников. Под их влиянием местное старообрядческое население включилось в поиски мифической страны. Активная беловодская поис-

ковая деятельность получила широкое распространение с начала XIX в. С этого времени побег в Беловодье, которое для староверов было реальной страной, стали распространенным явлением. Идеологической основой раскольничьих побегов стало разработанное еще вождями Раскола эсхатологическое учение о грядущем конце света и предстоящем ему царстве Антихриста.

Первые крупные побег за Колывано-Кузнецкую военную линию были осуществлены старообрядцами в 1826–1827 гг. В 1828 г. состоялся побег большой группы крестьян из селений Большого и Малого Бащелыка. К ним присоединились крестьяне из Чечулихи, Абая, со Змеиногорского рудника. Кроме того, собирались бежать крестьяне из Бухтарминской волости. Всего набралось около 100 человек. Вожаком был Федор Паломошников. Одни бежали, чтобы получить экономическую независимость от властей, а другие, чтобы удалиться в необитаемые места для спасения души. В погоню за ними были отправлены 107 крестьян во главе со старостой Шаробариным и 22 казака во главе с атаманом Литвиновым. Они не смогли поймать беглецов, которые ушли за границу через Чую. Но спустя три месяца часть беглецов (46 чел.) была поймана другим казачьим отрядом во главе с сотником Черемновым в хребтах Кемчуга между Абаканом и Енисеем. Остальных не удалось обнаружить. Выяснилось, что на Кемчуге уже несколько лет жили русские поселенцы и что ушедшая сюда сотня крестьян была не новичком в этом крае. Беглецы шли с конкретными представлениями о новом месте жительства, считая его Беловодьем. Судебное разбирательство по делу беглых раскольников до такой степени взволновало общественность, что власти, ввиду большой популярности побегов, вынуждены были устроить вооруженный пост у д. Чечулихи для удержания остальных от побегов [Мамсик 1989].

Но, несмотря на принимаемые меры, побег крестьян не прекращались. Особенно большая группа уймонских крестьян направилась за рубеж в поисках Беловодья летом 1840 г. Руководителями побега были Прокопий Огнев и его племянник Степан. Беглецы выходили небольшими партиями из Уймона и других деревень. Зиму беглецы провели в китайском пограничье, затем измученные сдались китайским властям. По дороге из конвоя бежало несколько человек, которые добрались до Енисея и Абакана, но там их поймали и переправили в Бухтарминскую волость [Мамсик 1989]. Слухи о Беловодье и отдельные попытки его поисков продолжались в конце XIX – начале XX вв.

Таким образом, если старожильческое население Горного Алтая создало свой культурно-исторический тип, не выходящий за рамки традиционной культуры русского населения Западной Сибири, то русские староверы заметно выделялись из остальной массы сибиряков внешним обликом, образом жизни и быта. Уймонские староверы имели самобыт-

ную материальную и духовно-религиозную культуру, отличавшуюся от традиционной культуры русских крестьян. Для них главным жизненным смыслом являлось сохранение старой веры и традиционного бытового уклада, отождествляемого ими с истинным православием.

Крестьянская семья

На разъезде

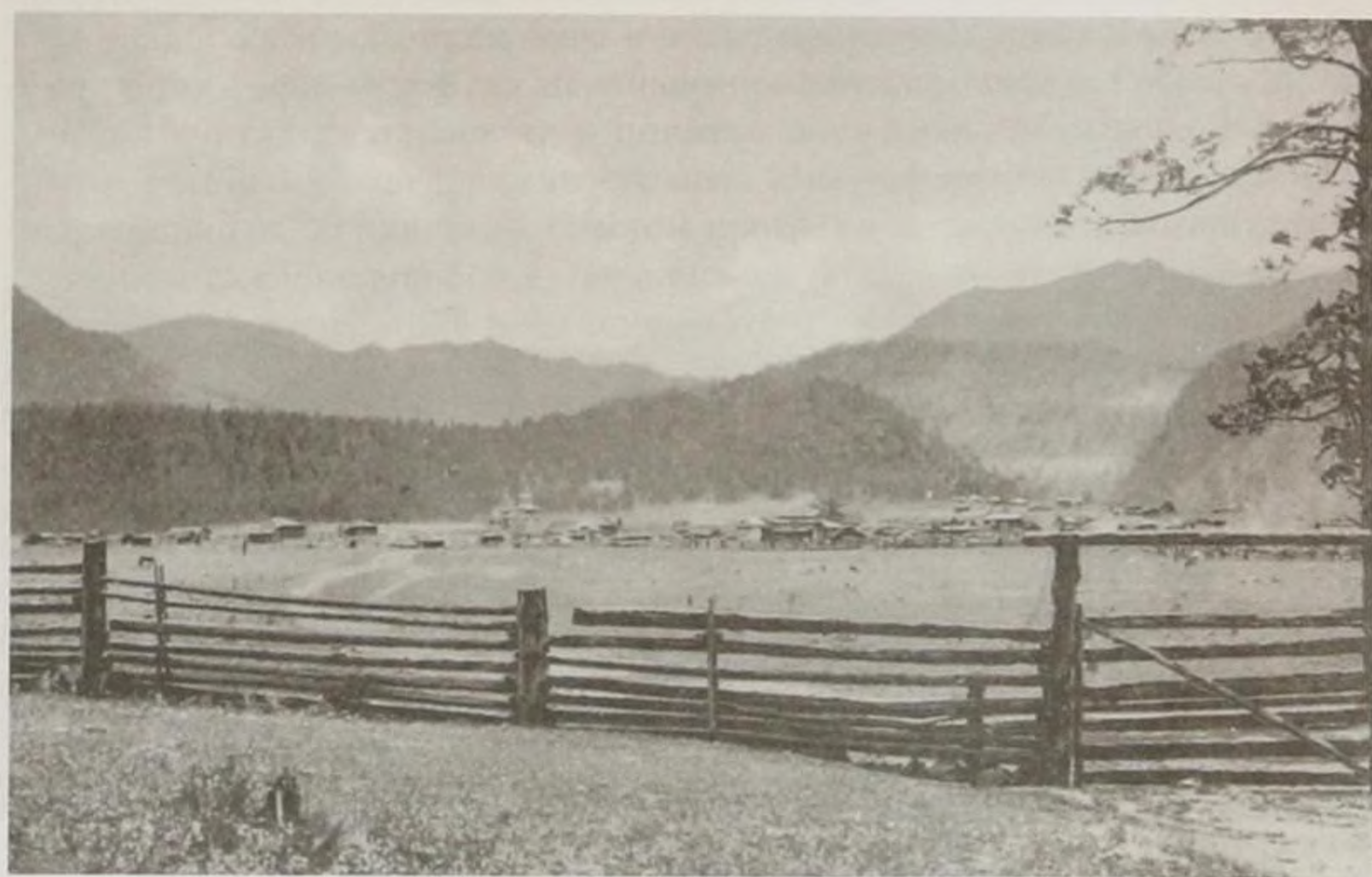
На разъезде с ярмарки

Праздник в с. Шебалино

Семья старожилов, с. Чергачак

с. Чемал

Мельница

Ярмарка 1915 г., с. Катанда.

4.4. Становление образования в Горном Алтае

4.4.1 Развитие сети школ

Одним из направлений деятельности Алтайской духовной миссии была организация школ для детей алтайцев. Через школу миссия стремилась расширить влияние православия не только на детей, но и на их родителей. Уже в первых школах миссии детей алтайцев обучали не только основам христианства, но и учили родному и русскому языкам, письму, арифметике. В отличие от миссионерских школ других регионов России Алтайская духовная миссия с самого начала обучала детей на родном – алтайском языке. Для этого первыми миссионерами была создана письменность на основе кириллицы, букварь, переведены книги на алтайский язык, в основном религиозно-нравственного содержания. Даже областники, которые негативно относились к деятельности Русской Православной Церкви в Сибири, отмечали Алтайскую духовную миссию как наиболее заметную и отличающуюся культурным и просвещенным характером [Ядринцев 2003: 153].

Большое значение для развития образования в Горном Алтае имело принятие «Правил о церковно-приходских школах» 1884 г., подчиненных Св. Синоду. В декабре 1884 г. был открыт Томский епархиальный училищный совет. 23 школы Алтайской духовной миссии, насчитывающие 564 учащихся, были включены в число церковных школ Томской епархии. Со времени открытия церковно-приходских школ в России школы миссии считались таковыми и пользовались правами наравне с подобными учебными заведениями страны. Миссионерские школы приняли выработанные Училищным советом программы, получили согласно последним классификацию, т.е. делились на школы церковно-приходские и школы грамоты. С 1898 г. по новой форме отчета миссионерские школы были полностью исключены из числа школ Томской епархии.

В XX в. миссионерские церковно-приходские школы были одноклассными и двухклассными. В одноклассных школах было три отделения. Учащиеся переходили в следующее отделение в зависимости от успеха обучения. В таких школах учились 3–4 года. После окончания церковно-приходских школ учащиеся третьего (четвертого) выпускного отделения по желанию и на основании личного заявления сдавали выпускные экзамены и получали свидетельства об окончании церковно-приходских школ, установленного образца, как и по всей России. В двухклассных школах обучение длилось пять лет. Основными предметами в одноклассных церковно-приходских школах были: Закон Божий (изучение молитв, священной истории, богослужения, краткий катехизис), цер-

ковное пение, чтение книг, напечатанных «церковной и гражданской печатью», письмо, начальная арифметика. В двухклассных школах добавлялось изучение таких предметов, как история, естествознание.

В задачи школ грамоты входило обучение учащихся основам Закона Божия, русскому языку и славянскому чтению, письму, четырем арифметическим действиям и церковному пению. Специальных учебных программ, принятых для данного типа школ, не было. Поэтому в зависимости от тех или иных условий жизни и обучения наблюдалась значительная разница в объеме учебного плана и результатов обучения. Большое значение в школах миссии придавали церковному пению не только как способу воспитания в христианском духе, но и как средству воздействия хора учащихся во время службы на население.

В зависимости от языка обучения школы миссии делились на 3 вида:

1. Школы, преподавание в которых велось на алтайском языке;
2. Школы, в которых обучение велось на алтайском и русском языках;
3. Школы, в которых обучение велось на русском языке.

К 1910 г. почти в половине школ миссии обучение велось только на алтайском языке. В смешанных школах языком преподавания в основном был русский, а в «инородческих» – алтайский. Смешанные школы сами миссионеры считали церковно-приходскими, потому что обучение в них велось по программам данного типа школ. Нерусские («инородческие») школы считались «чисто миссионерскими» [Отчет 1904: 16].

В школах мальчики и девочки обучались совместно. Школ, в которых девочки и мальчики учились отдельно, было немного. Долгое время родители не понимали значения обучения и не хотели отдавать детей в школу. Только с ростом общего спроса на образование и в результате просветительской деятельности миссии в начале XX в. увеличивается удельный вес учеников в церковно-приходских и школах грамоты, в том числе и девочек, но в основном в смешанных селах Горного Алтая.

В начале XX в. в с. Белом Ануе была открыта первая министерская школа. Таким образом, к началу XX в. образование в Горном Алтае было представлено миссионерскими церковно-приходскими школами и школами грамоты, находившимися в ведении Алтайской духовной миссии, а также немногочисленными министерскими школами, которые содержались за счет государственной казны.

Миссионерские школы – это учебно-воспитательные заведения элементарного типа при религиозных миссиях [Педагогический 2003:

144]. Первые миссионерские школы были основаны в Улале и Майме. Детей обучал сам архимандрит Макарий (Глухарев) и помогал ему старец Петр (Лисицкий). Школы не имели собственных зданий и размещались в молельных домах. В 50–60-е гг. XIX в. школы открылись в селениях Мьюте, Кебезене, Чемале, Черном Ануе, Карасуке, Салганде, Александровском, Чепоше, Манжероке, Тюдрале и др. [Модоров 1996: 267]. К концу 60-х гг. XIX столетия в ведении миссии находились 10 школ и центральное миссионерское училище в с. Улале, в которых обучалось до 100 мальчиков и девочек. Школы содержались на средства миссии. Учителями долгое время работали миссионеры, не получая платы за обучение.

В 1893 г. некоторые школы миссии были посещены ревизором церковно-приходских школ Б.И. Сциборским. Он отзывался о школах «очень удовлетворительно», хотя и отмечал некоторые недостатки «в технической стороне преподавания» [Отчет 1893: 25]. Ежегодно в главный стан миссии миссионеры и учителя представляли отчеты о деятельности школ. В них указывались результаты учебного года, выполнение программ церковно-приходских школ. В отчетах объяснялись основные причины невыполнения учебных программ: плохое или вообще незнание русского языка и разбросанность инородческих поселений. Первая причина препятствовала усвоению учебного материала, вторая — регулярному посещению школ и успешному изучению школьных предметов. Учителя прилагали огромные усилия, чтобы за короткий период учебы подготовить учеников.

Большая разбросанность поселений и полукочевой образ жизни населения не позволяли устраивать постоянные школы, особенно в Чуйском и Чулышманском отделениях. Миссия предпринимала попытку создать передвижные школы. Такие школы требовали значительных средств, учителей, готовых вести «кочевой образ жизни», обучая небольшое количество учащихся, состав которых не был постоянным. И хотя польза таких школ была очевидна, из-за «трудных условий осуществления» эта попытка не была реализована [Отчет 1893: 21].

О росте числа школ и количестве обучающихся детей в школах Алтайской духовной миссии свидетельствуют данные таблицы 1.

В таблицу не включены обучающиеся в Бийском катехизаторском училище и в образцовой школе при нем, а также дети школ приютов при Улалинском и Чолушманском монастырях. Не во всех отчетах представлено количество обучающихся. Приведенные в таблице цифры свидетельствуют о том, что в начале XX в. миссионерские школы способствовали распространению грамотности среди населения Горного Алтая. Наибольшее количество грамотных наблюдалось в Улалинском, Чемальском, Мьютинском, Черно-Ануйском, Макарьевском отделениях, т.е.

там, где раньше всего миссией были открыты школы. Тем не менее, охват детей школьного возраста был еще незначительным. В каждом населенном пункте детей школьного возраста, не посещавших школу, было гораздо больше, чем обучающихся.

Таблица 1. Школы Алтайской духовной миссии в конце XIX – XX вв.

	1864	1874	1888	1894	1904	1911	1914	1917
Количество школ	10	12	30	39	54	62	78	91
Количество учащихся	100	145	846	1147	1430	1970	2127	2307

Источники: Сведения об Алтайской духовной миссии за 6 лет (с августа 1856 по август 1862 года). Начальника миссии, протоиерея Стефана Ландышева; Отчет 1875; 1889; 1895; 1905; 1912; 1915; ЦХАФАК. Ф. 164. Оп. 1. Д. 156.

В начале XX в. вопрос о введении в России всеобщего начального образования становится одним из наиболее важных, поднимаемых либеральными и социал-демократическими силами. В 1907 г. правительство Российской империи приступило к осуществлению разработанного в предшествующие годы плана введения в стране всеобщего обязательного бесплатного начального обучения. Одним из первых был принят в 1908 г. закон о дополнительных ассигнованиях на нужды начального народного образования. В 1910 г. школы Алтайской миссии были приняты в ведение Томского Епархиального училищного совета. Благоприятное влияние на развитие школьного дела оказал одобренный Государственной Думой законопроект от 3 июня 1910 г. «Увеличение содержания учащим [преподавателям] и законоучителям церковно-приходских школ губерний и областей Сибири, Средней Азии и Кавказа». Уже в 1911 г. Томский Епархиальный училищный совет ассигновал на содержание школ миссии 5874 руб., в 1912 г. – 9166 руб. вместо 2000 в предыдущие годы. В 1913 г. на содержание школ миссии было выделено уже 29350 руб. Средства отпускались в основном на оплату труда учителей и законоучителей (учителей «Закона Божьего»). Это позволяло миссии не тратить деньги, выделяемые на ее нужды, на оплату труда учителей, а направлять их на открытие новых школ и дополнительные учительские ставки в уже имеющихся учебных заведениях. Так, в том же 1913 г. было открыто 10 новых школ. В тех школах, где насчитывалось большое количество учащихся, были открыты вторые учительские вакансии – это Онгудайская, Чемальская и Черно-Ануйская мужские, Чергинская и Шебалинская смешанные школы. Две мужские школы –

Чемальская и Черно-Ануйская – были преобразованы в двухклассные с пятигодовым сроком обучения [Отчет 1913: 3–5].

В 1912 г. принимается решение об увеличении срока обучения в алтайских классах до четырех лет. Это было сделано для того, чтобы уделить больше внимания изучению русского языка наряду с алтайским. Например, при общении с детьми приюта Улалинского Николаевского женского монастыря епископ Макарий обратил внимание на плохое знание родного языка воспитанниками. Он раздал воспитанникам книги на алтайском языке, сопровождая их напоминанием не забывать «языка отцов» [Адлыкова 2006: 131].

Особое положение занимали школы приютов при монастырях и Чемальской женской общине. Эти школы не только выполняли главную задачу – воспитание в православии алтайских детей-сирот, готовили грамотных помощников миссии в деле просвещения населения Горного Алтая, но и играли большую роль в становлении женского образования в регионе.

В 1902 г. Улалинский женский монастырь открыл в своих стенах церковно-приходскую женскую школу с общежитием. В ней обучалось 27 девочек, 12 из которых были алтайками. Учительницей была послушница монастыря Екатерина Ивановна Зырина, окончившая Вятскую женскую гимназию. Ее ученики получали глубокие и прочные знания. Монастырская школа помещалась в двух светлых и больших комнатах, была хорошо снабжена классной мебелью, учебниками и пособиями [Адлыкова 2006: 130].

В 1906 г. в приют Чулышманского монастыря была переведена миссионерская школа из Усть-Башкауса, в которой работал учитель Никольский. В школе обучались не только сироты, но и дети бедных алтайцев, не имеющих средств, и тех родителей, которые хотели обучить детей русскому языку и грамоте. В 1916–1917 учебном году в школе обучалось 15 человек. На содержание большего количества учеников у миссии не хватало средств. Осенью 1917 г. школа была закрыта из-за отсутствия учителя [ЦХАФАК. Ф. 164. Оп. 2. Д. 120. Л. 119].

Одной из лучших была женская школа при приюте в Чемале. Сначала она была преобразована в двухклассную, а затем, в 1913 г., во второклассную, при которой был открыт класс по подготовке учительниц для миссионерских школ и проводились ежегодные курсы для учителей в летнее время. При второклассной школе действовала образцовая одноклассная школа, в которой воспитанницы получали практические навыки обучения детей.

К 1917 г. в Горном Алтае миссией была создана система начального церковного образования, сведения о которой представлены в таблице 2.

Таблица 2. Типы школ, находившиеся в ведении Алтайской духовной миссии (1917 г.)

Типы школ	Кол-во школ	Кол-во учащихся
Бийское миссионерское катехизаторское училище	1	195
Образцовая одноклассная школа	1	
Чемальская женская второклассная школа	1	60
Образцовая одноклассная женская школа	1	
Улалинская мужская двухклассная школа	1	162
Чемальская мужская двухклассная школа	1	47
Черно-Ануйская двухклассная школа	1	67
Одноклассные церковно-приходские школы	71	1823
Школы грамоты	15	201
Всего:	93	2555

Источник: ГАТО. Ф. 184. Оп. 2. Д. 110. Л. 46

Из таблицы 2 видно, что основным типом учебных заведений в Горном Алтае являлись одноклассные церковно-приходские школы. Значительным было количество школ грамоты, отражавших специфику образования в регионе. В Томской губернии после 1909 г. школы грамоты были преобразованы в другие типы школ.

В конце XIX в. предпринимаются попытки создания по инициативе и на средства богатых алтайцев алтайских школ. Миссионеры называли их «языческими» школами. В 1897 г. Чокурak Бийлянкин основал школу в урочище Соок-Ярык (выше Инегеня). В Усть-Кеньге здание школы построил крупный богач Аргымай Кульджин [Майдурова 2000: 65–66]. Чокурak Бийлянкин и Аргымай Кульджин хотели, чтобы в школе учились дети алтайцев, но по программе, отличной от миссионерских школ. Иначе говоря, из программы исключались предметы религиозного цикла («Закон Божий»). Однако идея создания таких школ не нашла практической реализации, прежде всего по причине отсутствия грамотных специалистов-алтайцев. Поэтому в эти школы вынуждены были приглашать для преподавания учителей из миссионерских школ.

В 1899 г. в Теньгинской (Кеньгинской) школе обучалось 9 детей. Каждый день начинался уроком Закона Божьего, только не было предварительных молитв, как в других миссионерских школах. Сначала ученики изучали алфавит, потом учились читать. На занятиях учащиеся самостоятельно читали текст, потом учитель пересказывал содержание рассказа, прочитанного учениками. Затем каждый ученик вслух повторял текст. В заключение учителем проводилась беседа по вопросам на понимание текста.

В 1901 г. Аргымай Кульджин передал школу миссии. Учебники, карты и учебные пособия он по-прежнему покупал на свои средства. Часто

на уроках присутствовал основатель школы и родители учеников [ПБ 1912: 123]. По мнению миссии, эти школы служили проводниками русской культуры среди коренного населения [Отчет 1908: 18].

Развитие товарно-денежных отношений, укрепление связей Горного Алтая с другими регионами России требовали изменений в подготовке учащихся к жизни. Например, зайсан 7-й дючины Мыжлак предлагал урсульскому миссионеру план создания ремесленного училища и передвижной школы для алтайцев за казенный счет. Миссия понимала значение таких школ. В обращении-ходатайстве миссии училищному совету отмечалось: «...идя навстречу назревшей среди инородцев надобности в грамотности и с целью подготовки их к предстоящей в землеустройстве ломке их экономического быта, необходимо открыть в центре Алтая классную церковно-приходскую школу с сельскохозяйственным и ремесленным отделением, с общежитием и отводом земельного участка для педагогических и хозяйственных надобностей» [Беликова 2007: 20]. Революционные события помешали осуществить данное решение.

Миссионерские школы подчинялись начальнику миссии, который во время поездок по станам их инспектировал. В течение года надзор за школой осуществлял миссионер-священник стана. Учебно-воспитательную работу школ контролировал Совет при Бийском катехизаторском училище. Совет через наблюдателей следил за обучением и нравственным поведением учителей и учащихся, занимался введением в школы однообразных учебников из числа указанных программой Св. Синода [Отчет 1891: 24].

Обучение в школах завершалось экзаменом, который принимала комиссия, утвержденная начальником миссии. Бийское отделение епархиального училищного совета выдавало ученикам, успешно окончившим обучение, свидетельства установленного государственного образца. От Бийского отделения училищного совета миссия получала субсидии для школ, хотя они и не входили до 1910 г. в школьную сеть Томской епархии [Отчет 1909: 56].

Для лучшего надзора за растущей сетью миссионерских школ в 1905 г. при Алтайской миссии была учреждена должность наблюдателя школ. В своей деятельности он руководствовался инструкцией. Наблюдатель чаще посещал школы, присутствовал на экзаменах, проверял расписание уроков, ведение классных журналов, обращал внимание на метод обучения, состояние школьных библиотек, сохранность школьного имущества и т.д. В 1912 г. была учреждена должность помощника наблюдателя, чтобы «надзор над школами увеличить и тяжесть разъездов наблюдателя по скверным алтайским дорогам облегчить». Такой надзор был необходим. Например, помощник наблюдателя священник Павел Сорокин в рапорте за 1912 г. отмечал, что учитель Мыютинской школы «занимался в минувшем учебном году недостаточно усердно, отчего дети оказали сла-

бые успехи» [ЦХАФАК. Ф. 164. Оп. 2. Д. 105. Л. 144]. Причину такой работы учителя он видел в отдаленности стана и недостаточном надзоре за школой со стороны миссионера.

В связи с введением в стране всеобщего начального обучения создается общероссийская школьная сеть, в которую включаются церковные школы и Томской епархии. В 1910 г. школы миссии были приняты в ведение Томского епархиального училищного совета с подчинением ближайшему Бийскому отделению, но с сохранением в их организации некоторых особенностей, например, преподавание на двух языках: алтайском и русском. Бийский епархиальный училищный совет выделял деньги на зарплату учителям, создавал комиссии по приему экзаменов, выдавал свидетельства об окончании школ и т.д. [Отчет 1910: 108].

Сначала школы располагались в молельных домах, но к концу 80-х гг. XIX в. для них были построены специальные здания. Лучшими были здания школ в с. Улале, на строительство которых было затрачено 10 тыс. руб. Из этих денег 1 тыс. руб. выделил Епархиальный училищный совет, 500 руб. вложила миссия, остальную сумму внес Попечительский совет с. Улалы [Крейдун 2004: 19]. Кирпичное для мальчиков и деревянное для девочек здания школ с. Улалы были построены в соответствии с требованиями к учебным заведениям. Остальные школьные здания миссии были деревянными. Чаще всего небольшие по размеру здания с ростом числа учеников становились тесными.

Школы в основном содержались на средства миссии, к концу второго десятилетия XX в. увеличивается количество школ, которые содержались на средства сельских обществ (5 школ) и частных лиц (7 школ). Значительную роль в постройке школ и их содержании играли купцы. Например, бийский купец А.В. Соколов построил на свои средства школы в с. Онгудае и Шебалино и выделил 9000 руб. на строительство здания Бийского катехизаторского училища. По завещанию, после его смерти миссия получила на оборудование ремесленных классов в катехизаторском училище 10 тыс. руб. и на содержание школы в Онгудае – 4 тыс. руб.

Школы министерства народного просвещения. Приток переселенцев в конце XIX – начале XX вв. из губерний России привел к увеличению количества детей школьного возраста в регионе. Дети переселенцев посещали миссионерские школы, в которых они обучались вместе с алтайскими детьми. В 1904 г. была открыта первая школа министерства народного просвещения в с. Белом Ануе. В 1906 г. учреждена школа в с. Камлаке, в 1910 г. – в с. Черном Ануе (наряду с 2 школами миссии), в 1911 г. – в Узнезе (с 1 школой миссии) и в августе 1915 г. – в с. Шебалино [ГАТО. Ф. 100. Оп. 1. Д. 270. Л. 32, 325]. Министерские школы располагались в собственных удобных помещениях, содержались на средства государственной казны и сельских обществ. Например, на

содержание школы в с. Камлаке государственным казначейством было выделено 820 руб. и сельским обществом — 70 руб., а на содержание школы в с. Чергачаке — 880 и 400 руб. соответственно [ГАТО. Ф. 100. Оп. 1. Д. 270]. В каждой такой школе работало по одному учителю, а в четырех школах были еще законоучителя. Из восьми учителей лишь один был мужчиной — учитель Черно-Ануйской школы. Учителя министерских школ имели разный образовательный ценз, стаж работы. Одни получили домашнее образование и свидетельство на звание учителя, другие — гимназическое образование, а третьи были выпускниками Бийского катехизаторского училища. Учителя данного типа школ получали, в среднем, жалование 480 руб. в год [ГАТО. Ф. 100. Оп. 1. Д. 270].

Обучение учащихся реализовывалось по программам министерства народного просвещения. Из дополнительных предметов, предложенных для данного типа учебных заведений, только в двух школах — Озеро-Куреевской и Черно-Ануйской — преподавалось пение. В 1916 г. министерские школы окончили 45 человек. Руководство министерскими школами осуществлял Бийский уездный училищный совет. Ежегодно школы посещались инспектором народных училищ. По данным Бийского училищного совета, на 1 января 1917 г. в Горном Алтае было 8 министерских школ, в которых обучалось 385 учеников, в т.ч. 125 детей алтайцев (все мальчики) [ГАТО. Ф. 100. Оп. 1. Д. 270].

В зависимости от степени удаленности районов Горного Алтая от уездного центра менялось отношение населения к школам. В горных районах, где преобладало полукочевое население, желающих учиться было меньше, и, по отчетам миссионеров, население отрицательно относилось к обучению. Так, в Бешпельтире прямо заявляли, что им не надо ни школ, ни больниц. В районах с русским и оседлым алтайским населением, желающих дать детям образование было больше. Например, в Шибалинской волости на 6 селений приходилось 6 школ, в которых обучалось 277 детей. В Мыютинской волости на 23 селения приходилась только одна школа (в Мыюте) с 51 учеником, а в Песчаной волости на 52 селения — 5 школ с 87 детьми. В русских селениях крестьяне проявляли желание открыть школы и за свой счет, но проблема нехватки учительских кадров не позволяла этого сделать [В составе 2004: 414–415].

Росту интереса к образованию способствовали реформа российского образования, проводившаяся министром народного просвещения П.Н. Игнатьевым, а также первая мировая война, внесшая изменения в жизнь населения России. Только в 1915 г. было стихийно открыто 5 школ в наемных помещениях. В этих школах учителями работали лица, не имеющие соответствующей подготовки. Из отчетов следует, что в годы первой мировой войны школы миссии все более пополнялись учительницами

из светских школ, что сказывалось на содержании учебного материала и методике преподавании учебных предметов.

В Русаковском приходе священник Федор Семенов открыл две частные семейные школы. Он также пытался открыть и новые церковно-приходские школы, находил квартиры для школ, решал вопросы с отоплением, освещением, но миссия не пошла ему навстречу. В годы первой мировой войны были открыты две школы для взрослых – одна в Улале, вторая в с. Тайне, в которых обучалось более 60 человек [ГАТО. Ф. 184. Оп. 1. Д. 29]. В сентябре 1917 г. в Шебалино было организовано «Культурно-просветительское общество», которое в праздничные дни проводило в школьном здании чтения и беседы. При данном обществе имела небольшая библиотека, пополнявшаяся книгами и газетами за счет средств членов общества [ЦХАФАК. Ф. 164. Оп. 2. Д. 115. Л. 4].

Накануне революционных событий 1917 г. в Горном Алтае существовала система начального обучения, находившаяся в ведении Св. Синода. Большая часть школ имела собственные здания и содержалась на средства Томского епархиального училищного совета и отчасти частных благотворителей. К 1917 г. удельный вес грамотных среди оседлого населения региона не превышал 6%, а среди полукочевого населения – 2% [Энциклопедия 2003: 169].

Алтайской духовной миссией были заложены основы школьного образования в Горном Алтае. В начале XX в. миссия, учитывая изменения, связанные с реформированием российского образования, стремилась преобразовать школьное дело на Алтае. Многие идеи и начинания миссии были положены в основу программы по развитию образования, разработанной Алтайской горной думой.

4.4.2 Учительские кадры

Первоначально в школах миссии обучением детей занимались миссионеры, которые часто отлучались и не могли уделить школе достаточного внимания. Плату за обучение они не получали. Только с 1866 г. из неокладных сумм миссия выделяла на содержание учителей скромную сумму – по 30 руб. в год. На такие средства содержать учителей было нереально. Исключение составляли два миссионерских стана в Кебезене и Урсуле. В первом работал наемный учитель, который содержался за счет устроителя школы купца С.П. Петрова, во втором – за счет бийского купца В.А. Гилева.

С расширением деятельности миссии росла потребность в подготовленных кадрах учителей из числа коренных жителей и русских, которые знали язык и быт алтайцев. По предложению начальника миссии архимандрита Владимира в 1866 г. было учреждено Улалинское центральное миссионерское училище. Оно должно было готовить не только катехи-

заторов, псаломщиков, но и учителей для школ. Первыми преподавателями в этом училище были выпускники Санкт-Петербургской духовной академии И. Солодчин и П. Макушин, которые трудились с «полным самоотвержением, почти без всякого денежного вознаграждения» [ТЕВ 1906: 38]. Первыми учениками, по воспоминаниям С.С. Ильтеева, стали Николай Камзачаков, Иван Тенеков, Алексей Пыжанкин и Тимофей Петров, Прокопий Соколов, Иван Кучуков и Егор Кашкаров и Семен Ильтеев. Они были в основном жителями северных волостей Горного Алтая. Первоначально училище располагалось в доме миссионера, просветителя и писателя М.В. Чевалкова. Первые воспитанники училища находились на полном содержании миссии [ЦХАФАК. Ф. 164. Оп. 2. Д. 46. Л. 2–5об.].

С приездом на Алтай архимандрита Владимира миссия стала применять при подготовке учителей, переводчиков и церковнослужителей систему профессора Казанской духовной семинарии Н.И. Ильминского. В г. Казань с целью ознакомления с методикой работы школы Н.И. Ильминского был отправлен иеромонах Макарий (М.А. Невский), будущий митрополит Московский и Коломенский. Миссия направила для учебы в Казанскую семинарию пять учащихся, из которых вернулись четверо, получив образование. Отдаленность семинарии, большие средства, необходимые для обучения в ней, заставили миссию отказаться от этого варианта подготовки кадров. В 1883 г. при новой резиденции начальника миссии в г. Бийске было учреждено катехизаторское училище, куда и были переведены учащиеся Улалинского училища. Катехизаторское училище сначала было открыто как частное, а в 1890 г. оно получило права правительственного учреждения. Это давало возможность выпускникам училища продолжить обучение в духовной семинарии. В 1893 г. такую возможность предоставили только выпускникам коренной национальности (алтайцам и шорцам), а в 1894 г. – и русским воспитанникам училища, содержащимся на средства противораскольнического братства Св. Дмитрия Томской епархии. Они могли поступать в семинарию без экзамена по древним языкам, которые не изучали в училище. Получив такое право, руководство подвергло учебную программу в училище изменениям, способствовавшим преемственности в обучении учащихся с их последующей подготовкой в семинарии. В учебном процессе стали руководствоваться программами духовных училищ России. Вместо древних языков по-прежнему изучали специальные предметы, необходимые в миссионерской деятельности.

Согласно новому уставу 14 сентября 1898 г. Бийское катехизаторское училище было преобразовано в Миссионерское алтайское училище. Теперь в училище стало 6 классов с годичным курсом и двумя отделениями – «инородческим» и русским. По новому уставу разрешалось обучение в училище некрещеных алтайцев и русских – раскольников.

Преобразования в училище потребовали увеличения преподавательского состава и качественного его изменения. В 1915 г. в Катехизаторском училище было 10 преподавателей и 1 фельдшер. На начало учебного года числилось 195 учащихся (в т.ч. 30 алтайцев), которые содержались на средства миссии [ГАТО. Ф. 184. Оп. 1. Д. 27. Л. 17–18].

В 1911 г. в миссии был проведен «детальный пересмотр учительского персонала» на основании сведений наблюдателя школ, полученных им по результатам посещения школ и присутствия на экзаменах. Учителя, не соответствующие назначению миссионерских школ, были уволены и заменены по возможности новыми. Но и после этого отмечалось, что «учительский персонал наших школ не безупречен» [ПБ 1912: 342].

С ростом сети школ в Горном Алтае потребность в учительских кадрах возрастала. Катехизаторское училище с подготовкой достаточного количества учителей не справлялось. Поэтому решено было готовить учительниц на базе Чемальской двухклассной школы, преобразованной во второклассную. В 1915 г. по ходатайству Епархиального училищного совета при Чемальской школе был открыт 4-й дополнительный учительский класс. После сдачи экзамена воспитанницы получали звание учительниц церковно-приходской школы. До революционных событий 1917 г. второклассная школа при Чемальской женской общине подготовила 19 учительниц для миссионерских церковно-приходских школ. С 15 июня по 15 июля 1916 г. были организованы педагогические курсы для учителей миссионерских школ. Из-за небольшой суммы выделенных средств (2000 руб.) обучение прошли 40 учителей. Занятия проводились по русскому и церковно-славянскому языку, Закону Божьему, арифметике, церковному пению.

В конце XIX в. учителя получали заработную плату 120 руб. в год. Большинство школ квартир для учителей не имели, поэтому учителя их снимали, платя от 5 до 10 руб. в месяц. К. Соколов, сравнивая материальное положение кучеров, стражников, других работников с учителями, пришел к выводу, что положение первых гораздо лучше. Начальник миссии епископ Макарий поднимал вопрос об улучшении положения учителей. Благодаря его представлениям Томский епархиальный училищный совет с 1906 г. отпускал на школы миссии 3360 руб. в год. Это позволило увеличить заработную плату учителям от 130 до 200 руб. [Отчет 1906: 6].

В связи с введением всеобщего начального обучения и с увеличением ассигнований на образование заработная плата учителей была повышена до 360 рублей в год, законоучителей – до 100 рублей. Кроме того, ежегодно стали отпускать дополнительные средства на открытие и содержание школ, на вознаграждение отличившимся учителям и т.д. В 1913 г. «за усердную отличную долголетнюю учительскую службу в миссии» были представлены к награде серебряной медалью с надписью «За

усердие» 7 учителей миссии: С.И. Чевалков, М.В. Эдоков, Л.Т. Михайлова, П.П. Кучуков, В.П. Кирсанов, А. Тербесев и А.Г. Ащеулова [ЦХАФАК. Ф. 164. Оп. 2. Д. 77. Л. 51].

Чаще стало выполняться и другое требование – предоставление жилья учителям. Школьные здания, которые строили после 1912 г., предполагали квартиры для них.

В 1916 учебном году миссия не могла обеспечить учителями 4 вновь открытые школы, а в 9 школах работали учителя, не имеющие «образовательного ценза». Это были школы в отдаленных и глухих аилах, которым необходимы были учителя, знающие родной язык. В сети церковно-приходских школ Томской епархии на средства миссии содержалось 11 школ, в которых работали учителя, не имеющие свидетельств на это звание [ЦХАФАК. Ф. 164. Оп. 2. Д. 11. Л. 33]. В 1916 г. на имя епископа Томского и Барнаульского поступил рапорт миссии о преобразовании Улалинской двухклассной мужской школы в учительскую второклассную школу. Как весомый довод в пользу открытия второклассной школы приводилось то, что среди населения с. Уалалы зреет решение просить министерство народного просвещения об открытии высшей начальной школы, с чем миссия не могла смириться [ГАТО. Ф. 184. Оп. 1. Д. 29. Л. 12–14].

По свидетельству наблюдателя-священника К. Соколова, впечатления от школ были разными: одни школы были переполнены учащимися, а в других их почти не было. В некоторых селах учителя отказывали желающим учиться из-за небольших помещений школ, а в других местах учителям приходилось, наоборот, ходить по юртам и упрашивать родителей отдать детей учиться в школу [ЦХАФАК. Ф. 164. Оп. 1. Д. 110. Л. 5].

Благодаря просветительской деятельности миссии в регионе был сформирован слой национальной интеллигенции. Среди них И.С. Алагызов, С.С. Борисов (Тодогошев), М.А. Борисов-Кочубеев, В.К. Манеев, А.А. Сыркашев и др., впоследствии ставшие государственными и партийными деятелями Ойротской автономной области. Воспитанником миссионерской школы был известный художник Г.И. Гуркин, будущие писатели М.В. Мундус-Эдоков, П.А. Чагат-Строев и П.В. Кучияк. В этот период были заложены начала учительских династий Кумандиных, Тозыяковых, Абышкиных и других, сыгравших большую роль в становлении советской школы. Несмотря на подчиненность миссионерских школ целям христианизации местного населения, они объективно способствовали распространению просвещения (основ знаний, русской культуры) среди коренного населения, а также становлению кадров национальной интеллигенции алтайцев.

Учителя школ

Приютские дети

4.5. Зарождение профессиональной литературы и искусства алтайцев

Во второй половине XIX в. появляется алтайская интеллигенция, положившая начало национальной художественной литературе и профессиональному искусству. Она участвовала в собирании фольклора, изучении этнографии, истории и языка родного народа. Во многом становление алтайской интеллигенции произошло благодаря культурно-просветительской деятельности Алтайской духовной миссии, с одной стороны, и общественных организаций Сибири областного направления, с другой.

4.5.1 Формирование новой алтайской письменности

Еще до вступления Горного Алтая в состав Российского государства, алтайцы использовали систему ойротского письма «үзүк бичик» («тодо бичик»), созданную в 1648 г. в Джунгарии. В первой половине XVIII в. она имела довольно широкое распространение, однако после разгрома Джунгарского ханства сфера применения ее значительно сузилась. В XIX – начале XX вв. лишь небольшое число людей на Алтае знало и пользовалось системой письма «үзүк бичик» [Самаев 1993: 99].

В 1830 г. на основании высочайшего повеления от 15 декабря 1828 г. начала функционировать Алтайская духовная миссия, целью которой было распространение христианства на Алтае. Однако основоположник миссии Макарий Глухарев и другие миссионеры четко понимали, что этого можно добиться, только изучив наречия разных племен Алтая, создав письменность на их родном языке. Свои первоначальные переводы и беседы миссионеры делали на наречии кузнецких телеутов и черневых татар (тубаларов). Однако это наречие не было понятно большинству коренного населения Горного Алтая.

В 30-е гг. XIX в. представителями Алтайской духовной миссии была разработана письменность на телеутском диалекте алтайского языка. За основу была взята русская графика, алфавит состоял из 27 букв с добавлением специфических алтайских знаков *ö, ü, ɣ, i* (и). В 1834 г. Макарием Глухаревым был составлен букварь, который в рукописи был отослан митрополиту Филарету в Петербург. Первое печатное издание текстов на алтайском и русском языках появилось в 1865 г. под редакцией видного тюрколога профессора Петербургского университета А.М. Казем-Бека.

В 1868 г. издается букварь, до этого ходивший только в рукописи, а в следующем году членами миссии была опубликована «Грамматика алтайского языка», основными авторами которой были В.И. Вербицкий и Н.И. Ильминский. Этот труд сыграл большую роль и стал одним из первых образцов грамматики тюркских языков как для русских, так и для зарубежных тюркологов [Баскаков 1958: 12].

Первый алтайский букварь представлял собой, по сути, первую книгу нравоучительного, религиозного содержания. Сами авторы писали о том, что «главная цель этой грамматики – практическая, миссионерская, собственно научной цели мы не имели в виду» [Грамматика 1869: VII]. Буквы и слоги занимали лишь первые страницы букваря. Далее следовали тщательно отобранные алтайские пословицы и поговорки моралистического характера. Большое место в букваре занимали религиозные сентенции. Кроме того, в него были включены части православного молитвослова: утренние и вечерние молитвы, молитвы на всякие случаи, избранные места из Библии [История 2004: 81]. В 1882 г. в Казани вышло второе издание букваря, а в 1884 г. там же был издан «Словарь алтайского и аладагского наречий тюркского языка», составителем которого был В. Вербицкий.

С созданием новой письменности начали переводиться на алтайский язык религиозно-нравственная литература, поучения и пособия по богослужению. К переводческой работе стали привлекать алтайцев – воспитанников миссионерских учебных заведений.

4.5.2 Чевалков М.В. – основоположник алтайской литературы

В середине XIX в. становится известным имя первого алтайского писателя-баснописца Михаила Васильевича Чевалкова (1817–1901 гг.). Его семья происходила из православных телеутов. С 16-летнего возраста он стал переводчиком в Алтайской духовной миссии, участвовал в переводе Библии на алтайский язык. Впоследствии он станет главным переводчиком миссии [Харлампович 1905: 5]. Первые его опыты в области литературы начались со сбора фольклорного материала. По просьбе собирателя фольклора народов Сибири Н.И. Ананьина, посетившего Улалу в 1850 г., он записал и перевел на русский язык алтайские сказки, легенды, песни, пословицы и поговорки. Эти переводы и записи он отправил через миссию в Кузнецк Н. Ананьину, но они не были опубликованы.

В 1860 г. на Алтай приезжает В.В. Радлов, впоследствии известный тюрколог, который, узнав о М. Чевалкове как о переводчике и знатоке местного фольклора, обратился к нему с просьбой помочь в сборе материала по устному народному творчеству алтайцев. С этого времени и начинается их многолетнее сотрудничество. Материалы, собранные М. Чевалковым, вошли в первый том знаменитого труда Радлова «Об-

разцы народной литературы тюркских племен, живущих в Южной Сибири и Дзюнгарской степи» (1866), включавший тексты алтайцев, шорцев и тувинцев. В эту работу вошла и автобиографическая повесть «Жизнь Чевалкова» (1884).

М.В. Чевалков активно помогал собирать и описывать фольклорные материалы почти всем исследователям, посещавшим Горный Алтай. Так, Г.Н. Потанин писал, что часть алтайских сказаний записана им от М. Чевалкова, который «занимается переводами с русского языка на алтайский по поручению миссии и издал несколько брошюр для чтения на алтайском языке, сочиненных им самим» [Потанин 2005: 649]. М. Чевалков общался и с такими известными людьми, как В. Вербицкий и В. Ядринцев [Ядринцев 1891: 229]. В качестве переводчика совершил поездку вместе с петербургским чиновником А.Г. Принцем, приехавшим на Алтай с дипломатической миссией русского правительства, и уговорил чуйских теленгитов стать подданными России [Чевалков 2007: 100, 102].

Первым литературным опытом М.В. Чевалкова стало произведение, известное под названием «*Чөбөлөптүн жүрүмү*» («Жизнь Чевалкова»), написанное в форме письма к Радлову по его совету. М.В. Чевалков создал свое произведение за три месяца. Это был своеобразный мемуарно-автобиографический очерк, который по существу, явился первым оригинальным произведением алтайской литературы. Используя меткие выражения, яркую народную речь, легенды алтайцев, он описал их нравы и быт того времени, род занятий, природу, отображая некоторые исторические события, происходившие на Алтае [Очерки 1969: 10]. Автор проявил объективность и в оценке своей миссионерской деятельности. В частности, он не скрывал того, что эта деятельность вызывала осуждение соплеменников, а порой даже и открытую вражду. В 1894 г. в журнале «Православный благовестник» был помещен первый перевод этого произведения на русском языке, сделанный Макарием Невским, под заглавием «Памятное завещание» («*Ундулбас кереес*»). Это была вторая редакция автобиографии, в текст которой М. Чевалков внес существенные изменения. Он переадресовал свое произведение. Так, если первый вариант был написан в форме письма к Радлову, то второй был посвящен детям, поэтому Макарий и назвал это произведение завещанием [Чевалков 2007: 7]. В новую редакцию он включил события, произошедшие с ним после 1864 г., т.е. почти за 30 лет жизни.

Кроме «Памятного завещания» христианские представления М. Чевалкова отразились в его поэтическом творчестве. В Казани выходят «Поучительные статьи в стихах на алтайском языке» (1872), позднее – другие сборники его произведений: «Поучительные статьи в стихах и прозе на алтайском языке» (Казань, 1881), «Поучительные статьи в стихах на алтайском языке» (Томск, 1893). В его произведениях были запечатлены черты алтайского героического эпоса, благопожеланий, пословиц и

поговорок. С другой стороны, тематика, содержание этих произведений были обусловлены русской дидактической поэзией, которая создавалась на основе Библии и святоотеческого предания.

Благодаря своим связям почти со всеми исследователями, посетившими Горный Алтай, М.В. Чевалков знакомится с русской классической литературой и пробует свои силы в области перевода. Особенное внимание он уделял басням И.А. Крылова. М. Чевалков перевел такие его басни, как «Петух и жемчужное зерно» («*Пөтүк баалу жемчуг тапканы*»), «Стрекоза и Муравей» («*Чегертки биле Чымалы*»), «Лебедь, Рак и Щука» («*Куу, Чортон, Рак*»), «Ворона и лисица» («*Түлкү биле Карга*»), «Собачья дружба» («*Эки ийт*») и др. Все они представляют собой вольные переводы в стихотворной форме, за исключением некоторых. Он не переводил басен, отражавших специфику русской национальной психологии, предпочитая те, в которых обличались общечеловеческие пороки: жадность, трусость, невежество, глупость, лень и т.п. [История 2004: 110]. При этом он оставлял персонажи Крылова, но менял их взаимоотношения и отношение к ним автора. Если И. Крылов добродушно, с усмешкой порицал порок, то М. Чевалков суров и торжественен, считая порок грехом.

Под влиянием произведений И.А. Крылова и алтайских народных сказок о животных М. Чевалков начал писать свои басни. Темы, сюжеты, образы он брал из жизни алтайского народа. Основным содержанием их являлся труд как основа человеческой жизни. Особенно это показано в басне «Сенокос и ленивая Лягушка» («*Сыгырган ла јалку Бака*»). Нравственные идеи М.В. Чевалкова нашли отражение и в других его произведениях, например, в баснях «Спор Чая с Вином» («*Аракы ла Чай*»), «Бабочка и пчела» («*Көбөлөк лө Адару*»), «Недружные люди» («*Сөс угушпас билелү улус*») и др.

В 80–90-х гг. XIX в. литературные произведения М.В. Чевалкова были широко известны среди алтайского населения. Сам писатель активно искал новые темы и сюжеты. В эти годы он пишет басни на социальные темы: «Бедный Крот, богатая Сорока» («*Јокту Номон ло бай Сангыскан*»), «Звери Алтая» («*Алтайдың андары*»), основное содержание которых составляют взаимоотношения между богатыми и бедными.

Главной чертой творчества М. Чевалкова являлась ее просветительская направленность. Поэт считал, что добиться благополучия народа можно путем усовершенствования нравственных начал в человеке. На всех его произведениях лежала печать назидательности и поучительности.

М.В. Чевалков положил начало алтайской письменной литературе. В своем творчестве он испытал воздействие духовной, научно-этнографической, очерковой литературы и классической русской литературы. Че-

валков пытался помочь своему народу найти выход из бедственного положения, который он видел в приобщении к русской культуре, во внедрении в жизнь алтайцев грамоты, оседлости и земледелия. Считая христианство одним из основных условий повышения жизненного уровня своего народа, Чевалков активно содействовал внедрению новой религии на Алтае.

4.5.3 Чорос-Гуркин Г.И. – основатель профессионального изобразительного искусства

Зарождение профессионального изобразительного искусства в Горном Алтае связано с творчеством первого алтайского художника Григория Ивановича Чорос-Гуркина (1870–1937).

Он родился в 1870 г. в с. Улале (совр. г. Горно-Алтайск), в семье алтайца-ремесленника. С восьми лет он начал посещать Улалинскую миссионерскую школу. Интерес к живописи у Г. Гуркина зародился рано благодаря основанному тогда же в школе иконописному классу [Эдоков 1995: 9]. В 13 лет Г. Гуркину пришлось покинуть школу из-за отсутствия средств, но по просьбе начальника миссии о. Макария, он еще полтора года работал в иконописной мастерской. После школы Г. Гуркин пять лет работал учителем, а в 1890 г. переехал в Бийск и стал учеником Бийской иконописной мастерской Сазонова (его бывшего соклассника по Улалинской школе). В 1894 г. он перешел к Борзенкову – подрядчику по постройке иконостасов. Однако Г. Гуркин продолжал рисовать: он копировал с репродукций, делал рисунки с натуры, писал собственные композиции. К этому периоду относится картина «Жертвенная ночь» (1895), сюжетом для которой стал обряд жертвоприношения. Картина носила на себе следы иконописной техники и колорита, но все же свидетельствовала о недюжинных способностях начинающего живописца.

В 1896 г. Г. Гуркин познакомился с учеником регентских курсов Петербургской певческой капеллы А.В. Анохиным, приехавшим в Бийск на каникулы. Он убедил Г. Гуркина ехать в Петербург, чтобы посмотреть работы мастеров и попытаться поступить в Академию художеств. Понадобился целый год, чтобы заработать деньги и отправиться в столицу [Прибытков 1991: 19]. Попытка поступить в Академию оказалась неудачной, но благодаря счастливому случаю его рисунки попадают к известному русскому художнику-пейзажисту И.И. Шишкину, и тот оставляет его в своей личной мастерской. С И.И. Шишкиным он проработал только зиму, но это время оказалось самым плодотворным и определяющим в формировании творческой индивидуальности Г. Гуркина. Здесь он изучил основные понятия о перспективе, композиции, светотени, технических приемах письма и рисунка [Снитко 1983: 51]. Картины, написан-

ные в это время, носили еще ученический характер, в них наблюдаются следы творческого почерка учителя, методов и приемов его техники (например, два карандашных наброска «Вид реки Чулышман» и «Лес зимой») [Эдоков 1967: 19]. После смерти И.И. Шишкина в 1898 г. Г. Гуркин целый год провел на Алтае, где впервые на практике применил знания, полученные в Петербурге. 5 марта 1899 г. он был принят в качестве вольнослушателя в пейзажную мастерскую Академии художеств, возглавляемую А.А. Киселевым. Г. Гуркин воспитывался как пейзажист с эпическим видением природы, причем выражавшим ее так, как она отражалась в песнях, сказаниях и былинах [Эдоков 1981: 13]. Заметный качественный сдвиг в творчестве Г. Гуркина произошел после первого путешествия в глубь Алтая (1902 г.). Он совершил поездку к Телецкому озеру, посетил Чулышманскую долину, путешествовал по южным труднодоступным районам Горного Алтая. Впервые на его этюдах и работах появляется р. Катунь, ставшая впоследствии одной из постоянных и любимых образов художника. Меняется и техника письма. Если раньше его работы характеризовались описательностью, условным колоритом, то теперь он усиливает цветовые контрасты, энергичнее становится манера письма.

В 1903 г. Г. Гуркин впервые участвовал на 31-й выставке Товарищества передвижников, где показал 5 рисунков пером, из которых теперь известен только один – «Глушь». В том же году он создает свое лучшее произведение ранней поры – картину «Катунь весной», в которой начала проявляться творческая индивидуальность художника. На первый план выдвигаются поиски народного восприятия природы. Летние периоды 1904–1905 гг. Г. Гуркин провел на Алтае, готовя материал для конкурсной (дипломной) картины. Однако дописать ее не удалось, помешали революционные события. В 1906 г. Академия была закрыта для занятий, и Г. Гуркин уже больше не возвратился в Академию, и постоянно жил на Алтае. Так закончился первый период его творчества, связанный с ученичеством, становлением его творческой индивидуальности.

Второй период творчества Г. Гуркина пришелся на 1906–1917 гг. Это время его наивысших достижений в области жанра пейзажа и рисунка. Работы 1906–1907 гг. посвящены в основном окрестностям села Аноса, куда Г. Гуркин переселился в 1903 г. В это время он создал сотни этюдов, множество рисунков, набросков, эскизов будущих картин. В его работах уже чувствовалась самостоятельность художника. Он начинает отходить от системы локального понимания цвета, которой придерживался И.И. Шишкин, и переходит к другой, основанной на тоновых отношениях и зрительном взаимоотношении теплых и холодных тонов [Эдоков 1981: 14].

Периодические поездки по Алтаю помогали Г. Гуркину понимать природу родного края и жизнь своего народа, расширили круг живописных интересов. Он искал народную поэтическую основу пейзажного образа. Этим и можно объяснить проявившийся в то время интерес художника к народному искусству, к духовному творчеству народа. Он собрал и изучил героические сказания, образцы музыкального и прикладного искусства, стараясь найти образы и мотивы для себя.

Этот период его творчества отобразила большая персональная выставка в городе Томске, которая имела колоссальный успех и сразу же поставила его в первые ряды художников Сибири. Выставка была открыта 23 декабря 1907 г. На ней были представлены более двадцати картин, ста этюдов и примерно столько же рисунков, эскизов и иллюстраций на темы алтайского эпоса. Центральное место выставки занимала картина «Хан Алтай», которая выделялась из всех других выставленных работ. Это произведение занимает особое место не только в творческой биографии самого художника, но и в истории сибирского пейзажа вообще, являясь наиболее полным и монументальным выражением любви народа к природе Алтая. Вторым ключевым произведением выставки была картина «Катунь весной». Она, по существу являлась обобщением большой темы Катунь в творчестве художника, которую он развивал в течение всей своей жизни. В рисунках и живописных этюдах («Девочки», «Типы улалинских инородцев», «Бочатские телеуты», «Юрты», «Камлание» и др.) художник отразил быт алтайцев.

По откликам сибирских газет, выставка имела большой успех. Неделя, в течение которой она экспонировалась, была названа «неделей Гуркина» [Снитко 1983: 53]. Она сразу же охарактеризовала его, с одной стороны как основоположника сибирского пейзажа и, с другой, как продолжателя традиций пейзажной школы русского реалистического искусства конца XIX в., ее шишкинского направления.

Следующие три года после выставки в Томске Г. Гуркин посвятил изучению природы Алтая, для чего совершил ежегодно многомесячные путешествия вглубь гор. Такие поездки давали ему не только сюжеты и темы для творчества, но и существенно отразились на мастерстве, на его живописной палитре. Все больший интерес к отражению непосредственного, чувственного восприятия природы привел и к изменению живописной техники. Теперь Г. Гуркин пишет чистыми красками, которые наносятся тонким слоем, сквозь который просвечивала фактура холста. В это время окончательно оформились основные циклы его произведений. К уже появившимся сериям «Окрестности Аноса», «Катунь», в 1908–1910 гг. прибавились циклы «Высокогорные озера», «Алтайские водопады», «Белуха».

В доме Г. Гуркина часто бывали ученые из Томска, Омска, Петербурга, Барнаула, сибирские писатели, художники, публицисты и др. Так, с

Г. Гуркиным тесные личные связи установили ученые А.В. Анохин, Г.П. Потанин, А.В. Адрианов, писатели Г.Д. Гребенщиков и В.Я. Шишков. Вокруг Г. Гуркина группировалась и местная интеллигенция. Известность его росла, появились ученики, новые друзья, знакомые.

Вторая выставка Г. Гуркина, организованная «Обществом любителей искусства» (создано в 1909 г.), прошла в 1910 г. в Томске, оттуда последовала в Красноярск, а затем в Иркутск. Именно эти годы стали расцветом творческой зрелости художника, временем создания наиболее удачных, наиболее совершенных произведений. На выставке он показал десять больших полотен, в том числе «Река Ул», «Кедры в тумане», «Река Едыгем», «Корона Катунь», «Ледоход». На этой выставке в Томске зрители впервые увидели другую, возможно, самую популярную и поэтическую картину – «Озеро горных духов». Именно в ней Г. Гуркину удалось выразить впечатление, навеянное народными легендами и природой высокогорных лугов.

На выставку, организованную в 1911 г. в Барнауле, Гуркин привез более 20 картин, свыше 200 этюдов, около 50 рисунков и эскизов пером, карандашом и углем, всего более 270 экземпляров [Эдоков 1995: 77]. В том же году Г. Гуркин выставил одну из своих лучших картин «Корона Катунь» в Красноярске на 1-й передвижной выставке картин томского «Общества любителей искусства». Затем, до 1915 г. Г.И. Гуркин не делал больших выставок, а часто ездил по Алтаю, писал этюды, портреты и картины.

В марте 1915 г. прошла третья выставка картин в Томске, где было собрано все лучшее, созданное Г.И. Гуркиным за двадцать лет творчества. По представленным произведениям можно было проследить весь путь становления мастерства художника, его творческий рост. Были и его первые произведения, выполненные еще до поступления в Академию художеств, и самые последние работы, снятые с мольберта всего за несколько дней до отправки в Томск. На этой выставке Г. Гуркин показал интересные материалы, освещавшие культуру алтайского народа. В разделе «Языческий Алтай» были представлены зарисовки шаманского бубна, костюмов, духов, изображения пути шамана в космические сферы. Ценность этих работ определяется тем, что они были зарисованы тогда, когда предметы быта и культа сохранили еще в значительной степени свой традиционный облик [Еркинова 2000: 137]. Целый раздел знакомил с мотивами алтайского орнамента, украшавшего бубны, кисеты, тажууры и другие предметы. Экспонировались и копии с древних писаниц на камнях и зарисовки каменных баб, рисунки алтайцев. Отдельно были представлены иллюстрации Гуркина к былинам и сказкам алтайцев («Бура-громовержец», «Дух горных водопадов», «Богатырь Кара-Кубек», «Тогус-Кан», «Скала богатырей», «След на камне богатыря Сартакпая» и др.) и несколько эскизов иллюстраций, посвященных грозному боже-

ству Эрлику. Однако самостоятельного выражения фольклорные увлечения Г. Гуркина почти не получили и остались в эскизах и альбомных набросках. На выставке были представлены и этнографические образы. Как отмечал Г.Н. Потанин, в последнее время художник уделял много внимания этнографии, зарисовывая предметы алтайской культуры и быта [Потанин 1915: 97]. Выставка была популярной еще и потому, что многими рассматривалась как противостояние модернистским течениям и направлениям в изобразительном искусстве, которые к тому времени появились в Сибири [Эдоков 1995: 95]. На выставке много места было отведено рисункам карандашом, углем, пером и акварелью.

В графическом наследии Г. Гуркина большое место занимают рисунки с натуры и эскизы будущих картин, для которых были характерны обобщенность, стремление четко определить планы и тоновые отношения. В натуральных рисунках для Гуркина важным была не тщательная проработка деталей, а решение более общих живописных проблем.

Кроме живописи Г. Гуркин занимался и литературной деятельностью. Он нередко выступал в периодической печати в жанре стихотворений в прозе, посвященных Алтаю, его природе, людям, народным сказаниям и легендам. Известны три очерка Гуркина: «Алтай (Плач алтайца на чужбине)», «Алтай и Катунь», «Озеро Кара-Кёл» [История 2004: 321]. Литературное творчество Г. Гуркина тесно примыкает к идеологии умеренно-либерального направления областников, среди которых было немало друзей и знакомых художника, видных деятелей сибирской науки, литературы и искусства. Особо среди них следует отметить Г.Н. Потанина, с которым Гуркин познакомился еще во время учебы в Петербурге. Поэтому можно сказать, что идеологические и политические взгляды Г. Гуркина были ориентированы на областников, а в соединении с любовью к Алтаю и возник тот общественно-политический настрой, с которым он встретил революцию и принял участие в последующих событиях на Алтае.

Таким образом, во второй половине XIX – начале XX столетий в Горном Алтае появляются первые представители алтайской творческой интеллигенции – писатель М.В. Чевалков и художник Г.Н. Чорос-Гуркин, оказавшие значительное влияние на последующее развитие национальной культуры алтайцев. Большую роль в этом процессе сыграли представители русской культуры, в том числе православные миссионеры, способствовавшие созданию алтайской письменности на основе кириллицы и формированию алтайской интеллигенции.

М.В. Чевалков

*Г.И. Чорос-Гуркин
в мастерской*

4.6. Изучение территории и населения Горного Алтая

Горный Алтай издавна привлекал внимание путешественников, ученых, промышленников. Первые исследователи составляли карты, чертежи, оставляли описания юга западной Сибири в летописях. В «Книге к Большому чертежу», составленной еще в XVI в., дается много сведений о Сибири, в том числе упоминаются алтайские роды и гидронимы Горного Алтая. «А Бия река течет из озера Тележского, а вдоль то озеро 5 дней, а поперек день и около тех мест кочуют многие иноземцы: саянцы, мундусы, калмыцы, телеуты, учуги, карагайцы. А от устья рек Бии и Катунь степью до Китайского царства ход есть».

Несколько больше сведений о Горном Алтае дает «Чертеж сибирской земли», составленный в 1667 г. под руководством тобольского воеводы П.И. Годунова. На «Чертеже» указаны Телецкое озеро, река Бия, низовья Катунь, Обь. В примечаниях к «Чертежу» содержится информация о пригодности междуречья Бии и Катунь к заселению. Информация по географии Горного Алтая содержится в «Чертеже всех сибирских городов», составленном С. Ремезовым в 1710 г. В чертеже подробно расписана гидрография Горного Алтая: реки Бия, Катунь, Телецкое озеро, ряд прилегающих к нему озер. Сложностями вышеперечисленных чертежей, карт является то, что расстояния между реками и населенными пунктами на них даны в днях пути.

И. Унковский в 1721–1722 гг. применил масштаб в картографировании территории Сибири и Горного Алтая, помимо рек он обозначил горы, которые до этого времени не обозначались. Масштаб карты: 10 километров в одном дюйме. В работе «Общее географическое описание всея Сибири», составленной В.Н. Татищевым, дана оценка и подробное описание Телецкого озера. Длину озера он указывает в 150 верст, ширину – в 40 верст и считал его третьим по величине среди озер Сибири. В описании имеется много сведений о растениях и животном мире Горного Алтая [Камбалов, Сергеев 1968: 6].

Фундаментальный вклад в исследование Горного Алтая в XVIII в. внесли участники комплексной экспедиции Академии наук, предпринятой для географического описания, изучения природных ресурсов и населения Сибири. Великая Северная, или Вторая Камчатская экспедиция продолжалась с 1733 по 1743 гг. Четыре ее отряда обследовали различные участки побережий Северного Ледовитого и Тихого океанов. Внутренние районы Сибири изучал «академический отряд» экспедиции. В его составе были видные ученые – натуралист И.Г. Гмелин,

историк Г.Ф. Миллер, студент, впоследствии знаменитый исследователь Камчатки С.П. Крашенников и другие. Г.Ф. Миллер, возглавлявший академическую экспедицию, изучал местные сибирские архивы и заложил основы дальнейшей работы в области сибирской истории. Во время экспедиции он также работал над картографией, обследовал исторические местности, производил этнографические и лингвистические изыскания, занимался археологическими поисками. Результаты экспедиции были изложены в его капитальном труде «Описание Сибирского царства», вышедшем в свет в 1750 г., позднее (в 1937 г.) этот труд с дополнением вышел под названием «История Сибири» в 2-х томах. Г. Миллер оставил ценный материал о жителях северной части Горного Алтая, который дает представление о количестве людей и их географическом расположении. Он писал, что «на реке Бие и Телецком озере, а также

Бичурин Н.Я.

в других здешних местностях находятся ясачные волости, как шокольская (челканская), каргинская, кумандинская, юская или ютская, кузенская, комляшская, кергешская, телеутская, телецкая [Цит. по: Потапов 1958: 6].

8 апреля 1745 г. в целях исследования земель, поиска золота, серебра, медных руд, драгоценных камней и выяснения народов, обитающих за Колывано-Воскресенской пограничной линией, была оправлена правительственная экспедиция на Телецкое озеро под руководством рудоприемщика П.И. Шелегина. Это была первая экспедиция в Горный Алтай [Исследователи 2003: 122]. Хотя он сам и не был допущен на само Телецкое озеро башлыком Чапорзилиным, тем не менее ему удалось собрать интересный материал по расселению ясачных алтайцев черневого района и бассейна Телецкого озера [Потапов 1958: 9]. Помимо этого экспедицией были собраны данные относительно плодородия почв, обилия покосов, особенностей местностей [Камбалов, Сергеев 1968: 13]. П.И. Шелегин, как и Г.Ф. Миллер, говоря о ясаке, писал не только о количестве последнего, но и о расположении плательщиков и виде ясака. Исследователь отмечал наличие у некоторых групп алтайцев двоеданческой системы, например, что ясашные двоеданцы платили ясак русским и алман зюнгарскому контайши [Потапов 1953: 173].

Паллас П.С.

Начало XIX в. явилось для Сибири и началом ее активного заселения. Этому содействовал выход в 1806 г. нового положения о переселениях в Сибирь. Претворяя его, правительство пыталось разрядить напряженную обстановку в центре страны, а также приступить к освоению богатств Сибири. Волна переселенческого движения захлестнула Алтайский горный округ. Активное хозяйственно-экономическое освоение переселенцами Горного Алтая содействовало его дальнейшему научному обследованию. Новоселов интересовали более точные сведения о природно-климатических условиях мест, где они поселились; предпринимателей – наличие полезных ископаемых, их запасы, флора и фауна; ученых – научно обоснованные определения по каждому направлению гуманитарных и естественных наук [История 2001: 296].

Большой вклад в исследование Сибири и Горного Алтая внес Г.И. Спасский. В 1803 г. исследователь едет из Санкт-Петербурга на службу в Томскую губернию. В Сибири он провел полных 13 лет и до 1818 г. служил в г. Бийске, что дало ему возможность изучить историю, этнографию, язык ряда сибирских народностей. Он много путешествовал, посетил Салаир, Рудный Алтай, верховья Бухтармы, Горную Колывань, верховья Чарыша и Кана. Такие его работы, как «Телеуты, или белые калмыки», «Путешествие к алтайским калмыкам» принесли ему известность в ученом мире. Исследуя культуру телеутов, теленгитов, он описывает их историю, происхождение, быт, одежду, пищу, жилища, промыслы, занятия, нравы, при этом описывает их отдельными рубриками. Г.И.

Спасский один из первых обращается к тематике обычаев жизненного цикла: сватовства, ритуального похищения, свадебных обрядов, процедуры развода, не оставляет без внимания и верования алтайцев, при этом отдельно описывает общественные и частные жертвоприношения. В работе «Путешествие к алтайским калмыкам» исследователь пишет о занятиях алтайцев охотой, земледелием, скотоводством, о первобытной заготовке сена, шаманских идолах, музыкальных инструментах. Исследователь также изучал археологические памятники, курганы, наскальные рисунки и письмена. Благодаря его зарисовкам остались изображения каменных изваяний, не сохранившихся до наших дней. Г.И. Спасским были сделаны четкие копии с наскальных рисунков, что было достигнуто применением особого способа копирования, заключавшегося в обрызгивании водой рисунка и накладывании на него тонкой бумаги, пропитанной маслом [Екеев 1994: 80]. Относительно наскальных рисунков он утвер-

Спасский Г.И.

ждал, что в грубых, на первый взгляд, рисунках заложено глубокое смысловое содержание, свидетельства прежней жизни, имеющие огромное значение для раскрытия событий далекого прошлого [Демин 1989: 44].

В начале XIX в. этнографическими описаниями алтайцев занимался А.М. Горохов. С 1803 по 1808 гг. он в чине титулярного советника работал земским исправником в Бийске. Должность исправника предусматривала работу среди коренного населения Горного Алтая, поэтому он мог заниматься изучением культуры и быта алтайцев [Камбалов, Сергеев 1968: 35]. В 1820–1830-е гг. он служил чиновником в канцелярии Горного правления Колывано-Воскресенских заводов, и к этому, времени, видимо, относятся собранные им материалы, легшие в основу статьи «Краткое этнографическое описание Бийских, или Алтайских калмыков», опубликованной в 1840 г. Работа предоставляет весьма ценные сведения по административному делению и управлению алтайцев, их материальной культуре и хозяйственным занятиям и особенно по семейным отношениям, рождению и воспитанию ребенка, народным играм, развлечениям и религиозным обрядам. А.М. Горохов является одним из немногих, кто обратил внимание на музыкальную культуру коренных народов. Им были описаны варган (*комус*), дудка (*шоор*), смычковый инструмент – *икили* и двухструнный инструмент вытянутой формы – *топшур* [Горохов 1840: 224].

Одними из первых, начавших писать об алтайцах и их культуре, были К. Ледебур и А.А. Бунге, посетившие Горный Алтай в 20-х гг. XIX в. Целями экспедиции были сбор ботанического материала и коллекции насекомых, описание горных пород и минералов, изучение животного мира. В опубликованных ими материалах немало этнографических записей. В дневниках путешественников довольно подробно описаны зайсаны, их одежда, жилище, взаимоотношения с подчиненными, внешний быт. От внимания А.А. Бунге не ускользает и быт рядовых скотоводов и охотников, их хозяйство, например, мотыжное поливное земледелие и т.д. Более всего исследователь интересовался верованиями алтайцев. У него есть заметки о шамане, шаманском бубне, камлании и жертвоприношении, об идолах. Дневник путешествия Бунге 1826 г. был опубликован во второй части работы К.Ф. Ледебура «Путешествие по Алтайским горам и джунгарско-киргизской степи» [Екеев 1994: 82]. Члены экспедиции также интересовались археологией Горного Алтая. В 1826 г. К.Ф. Ледебур обследовал земли в долине р. Чарыша, описал одиночные курганы и грандиозные кладбища мертвых, располагавшиеся

Бунге А.А.

в открытых местностях. Ученый раскопал несколько курганов с каменными насыпями эллиптической формы. Найденный инвентарь (железные стремена, пластинка с костью, сердцевидные бляшки, втульчатые костяные наконечники стрел и пр.) был датирован им концом I тысячелетия [Демин 1989: 51]. Итогом экспедиции явилась четырехтомная «Флора Алтая», изданная в Берлине в 1829 – 1830 гг. на немецком языке. В ней описано 1600 видов растений, в том числе 400 ранее неизвестных науке, 1341 вид семян, многие крупные животные, коллекции минералов [Машошина 2007: 10].

В 1834 г. в Горном Алтае побывал горный инженер Г. Гельмерсен, оставивший немало этнографических записей. В его труде «Телецкое озеро и телеуты» имеются интересные этнографические записи о быте, истории, хозяйственных занятиях коренных жителей бассейна Бии (кумандинцев, тубаларов), которых он называл телеутами. Он составил точную карту Телецкого озера, дал подробную характеристику минералам и описал флору и фауну в районе озера. Труды ученого дают сведения о хозяйственном освоении северо-восточной части Горного Алтая, состоянии русско-алтайской торговли. Отмечая малолюдность прителецкого края и отсутствие здесь дорог, Г. Гельмерсен первый обратил внимание на то, что Телецкое озеро является водным путем сообщения между казаками Бикатунской линии и теленгитами, наладившими взаимовыгодную меновую торговлю. Основными занятиями населения северного побережья Телецкого озера, как он выяснил, являлись охота, рыбная ловля, а также разведение лошадей, коров и хлебопашество. Продуктами охоты местные жители платили ясак в Императорский кабинет. Обитатели р. Бии, по наблюдениям исследователя, были искусными рыбаками. Из домашних животных северные алтайцы предпочитали разводить лошадей. Отметив сходство в хозяйственной жизни обитателей исследуемой местности, Г. Гельмерсен выявил и различия между жителями долины Бии и южного побережья Телецкого озера. Если у обитателей южного побережья озера проявлялся кочевой образ жизни, то остальные жили оседло. По его наблюдению, чем севернее проживало население, тем больше оно проявляло склонность к оседлости, что обусловлено усилением финского компонента.

В 1842 г. по Горному Алтаю путешествовал знаменитый географ П.А. Чихачев, который, ведя геологические исследования, также собирал этнографический материал, опубликованный в труде «Путешествие в восточный Алтай». Исследователь описывает религиозную

Чихачев П.А.

жизнь местного населения, обряды и ритуалы брачной церемонии, похорон. В своей работе ученый также обратил внимание на случаи многобрачия. Полигамия не носит у алтайцев такого исключительного и фанатического характера, как у мусульман, отмечал П.А. Чихачев, но если она и встречается, то первая жена пользуется несколько большим уважением, чем остальные жены, но все дети – от первого и последующих браков – занимают одинаковое положение в семье и имеют равные права на свою долю в родовом имуществе [Чихачев 1974: 60]. Отмечает исследователь и распространение земледелия среди алтайцев: «В этих местах мы увидели небольшое поле, засеянное ячменем, вероятно, единственным злаком, который произрастает в этой местности» [Чихачев 1974: 73]. Он также кратко описывает алтайских зайсанов. Несмотря на почти неограниченную власть, князья или зайсаны очень мало отличались от своих подданных внешним видом и образом жизни. Более затейливый головной убор и более элегантная одежда, более нарядная юрта, многочисленные стада – вот приблизительно и все преимущества зайсана [Чихачев 1974: 88].

Вторая половина XIX в. заметно изменила характер изучения края и его населения. Этому способствовал ряд обстоятельств. В частности, распалась некогда могущественная система Алтайского горного округа, администрация которого неизменно проявляла в прошлые годы инициативу в деле изучения Горного Алтая, полностью беря на себя организацию и финансирование экспедиций. Не стало академических экспедиций, характерных для XVIII в. В силу этого изучение края стало осуществляться Русским географическим обществом, его Западносибирским отделом, созданным в 1877 г. [История 2001: 298].

В XIX столетии в Горном Алтае работал миссионер В.И. Вербицкий, проживший среди алтайцев более тридцати лет. Он глубоко изучил язык, верования, нравы, обычаи, обряды, фольклор алтайцев. Результаты наблюдений по этнографии алтайцев он широко публиковал уже с конца 50-х гг. XIX в. Исследователь был связан с научными кругами Петербурга, Москвы, Казани, Томска и состоял действительным членом Русского географического общества и членом Томского статистического комитета. В 1870 г. он издал сборник статей под общим названием «Алтайцы». Этот сборник лег в основу второго его сборника «Алтайские инородцы», явившегося посмертным изданием трудов исследователя. В.И. Вербицкого по праву можно считать одним из первых рус-

Вербицкий В.И.

ских исследователей истории и культуры алтайцев. Он впервые разделил алтайцев на две этнографические группы – северную и южную, исходя из отличий в их языке, культуре и быте. Он также первым дал сжатое, обобщенное, но меткое описание особенностей языка, а в 1884 г. издал первый двуязычный «Словарь алтайского и аладагского наречий тюркского языка». Его перу принадлежат первые подробные описания верований, текстов шаманских камланий, хозяйства и быта алтайцев, опубликовал образцы народного творчества, широко использовал в своих работах алтайскую терминологию [Вербницкий 1893: 99].

В 60-х гг. XIX в. начал свою исследовательскую деятельность по изучению культуры коренных народов Горного Алтая В.В. Радлов, ставший впоследствии виднейшим тюркологом. Впервые отправившись на Алтай летом 1860 г., он начал свою научную деятельность с изучения культуры и быта алтайцев, проживавших в бассейнах Семы, Урсула, Катунь и Чуи. На следующий год В.В. Радлов посетил кумандинцев и тубаларов в

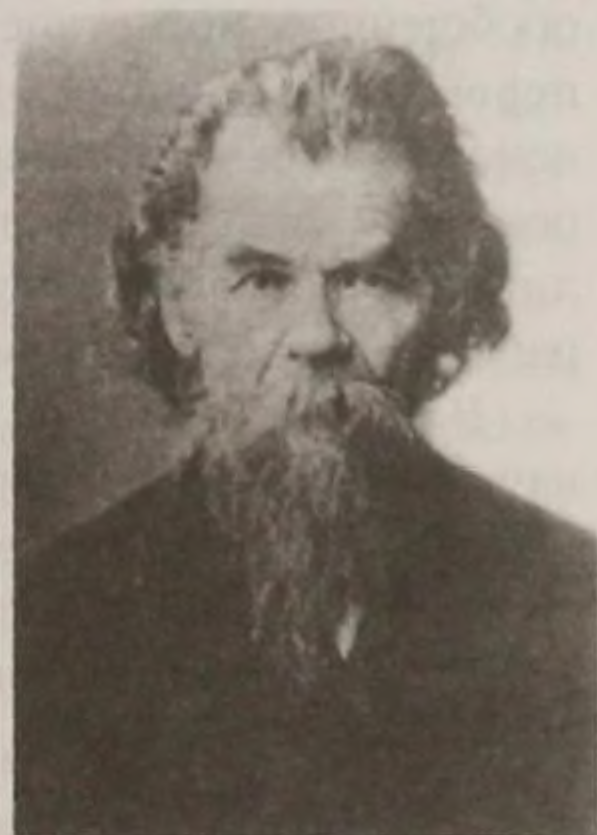
Радлов В.В.

бассейне р. Бии, побывал у телесов по Чулушману и Башкаусу, у шорцев верховьев Томи и по р. Мрассы [Потапов 1958: 31]. Результатом его полевых исследований стала двухтомная книга «Из Сибири», не потерявшая своей научной ценности и сегодня. Говоря о коренных жителях, он писал, что алтайцы называют себя по именам рек, на которых живут – Катунь и ее правых притоков от Кек-су до Чуи и левых притоков Катунь – Маймы и бассейна Ануя, Чарыша и Убы: *урсул-кижи* (люди с Урсула), *чарыш-кижи* (люди с Чарыша) и т.д. Двоеданцы называют себя *теленитами* или по названию рек – *чуй-кижи* (люди с Чуи), *башкаус-кижи* (люди с Башка-

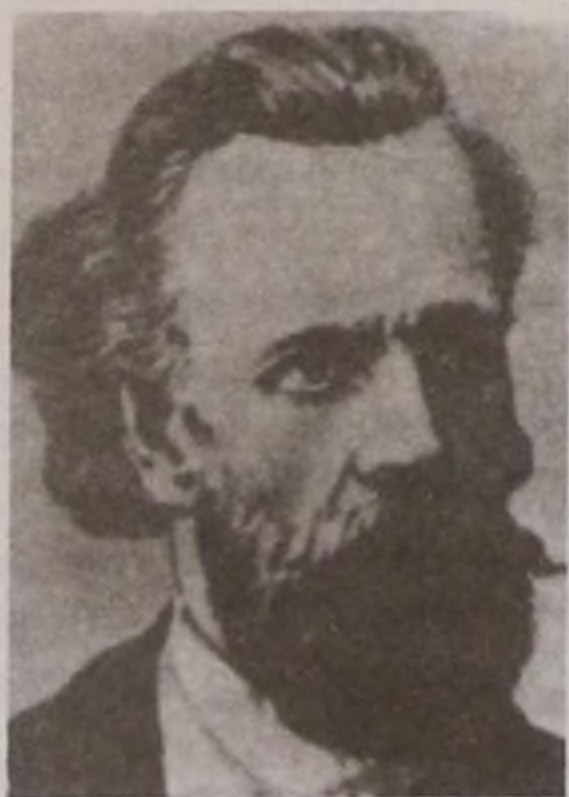
уса) [Радлов 1989: 128]. В.В. Радлов также изучал управление алтайскими территориями, институт зайсанства, верования, материальную культуру; исследовал особенности характера, нравов местного населения. Им были описаны обычаи свадебного цикла, похорон, наследования и взаимоотношения алтайцев с духовной миссией. Во втором томе книги В.В. Радлов приводит материалы своих археологических исследований и дает описание шаманства и его культа, сопровождая его текстами камланий. Материалы по литературе, фольклору и языку тюркских племен, в том числе и алтайцев, были обобщены им в работе «Образцы народной литературы тюркских племен». Относительно алтайского языка ученый писал, что язык алтайцев и двоеданцев повсюду, по всему району их проживания, совершенно одинаков, это – чисто тюркский диалект. Он сохранил много древних черт, что является бесспорным доказательством

того, что алтайцы давно отделились от главного массива живущих южнее и западнее тюркских племен и жили среди монголов уже целые столетия [Радлов 1989: 129].

Весомый вклад в дело изучения истории и культуры народов Горного Алтая внесли сибирские областники Г.Н. Потанин, Н.М. Ядринцев. Их усилиями исследование истории, этнографии, фольклористики алтайцев в 70–80-х гг. XIX в. было поднято на более высокую ступень. Г.Н. Потанин по поручению РГО в 1876–1877 и 1879–1880 гг. путешествовал по Северо-Западной Монголии, в 1884–1886 и 1892–1893 гг. – по Северному Китаю, Восточному Тибету и Центральной Монголии [Исследователи 2003: 80]. В ходе экспедиций 1876 и 1879 гг. Г.Н. Потаниным был собран значительный материал по этнографии и устному народному творчеству алтайцев. Большую помощь в сборе, обработке и переводе собранного материала исследователю оказал знаток алтайского фольклора И. Чевалков [История 2001: 300]. Записанные ученым сказания, легенды, предания, песни, шаманские мистерии и сведения исторического, этнографического характера легли в основу второго и четвертого выпусков «Очерков Северо-Западной Монголии», опубликованных в 1881–1883 гг. В своем труде исследователь описывает родовую структуру алтайцев [Потанин 1883: 2]. Г.Н. Потанин подробно осветил обычаи жизненного цикла: обряды при рождении детей и ухода за ними, свадебные, похоронные обряды, семейные, общественные и юридические обычаи [Потанин 1883: 39].

Потанин Г.Н.

Ядринцев Н.М.

Н.М. Ядринцев возглавлял две экспедиции (1878 и 1880 гг.) Западно-Сибирского отдела Русского географического общества по изучению Горного Алтая, истории, быта, фольклора коренного населения. Ученый первый выделил и научно описал первобытные элементы культуры алтайцев. Достоинством его исследований является стремление дать общую картину культуры, увязывая ее с реальной исторической действительностью, отмечая в ней элементы той или иной конкретной соседней культуры, например, монгольской, китайской, русской. Его перу принадлежат такие работы как: «Об алтайцах и черневых татарах», «Отчет о поездке по поручению Западно-Сибирского отдела Русского географическо-

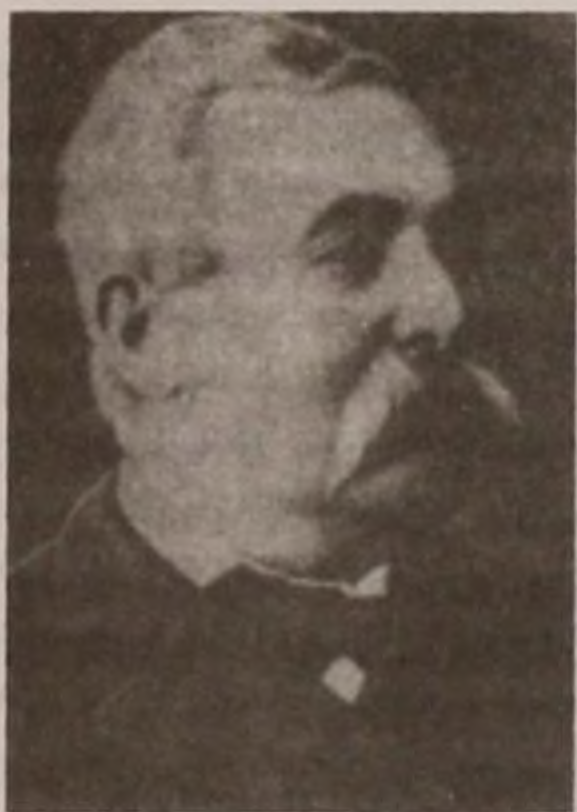
го общества в Горный Алтай, к Телецкому озеру и в вершины Катунь», «Сибирские инородцы», «Сибирь как колония». Н.М. Ядринцев выступал не только как этнограф, но и как исследователь экономического быта алтайцев. Ученый устанавливает различные формы хозяйственного быта алтайцев, выделяет из них наиболее ранние формы, последовательность их развития, намечает переходные ступени. Н. Ядринцев настоятельно подчеркивал необходимость сочетать археологические исследования с этнографическим изучением коренных жителей Южной Сибири. Например, он отмечал древность традиции горно-металлургического производства у алтайцев. Более того, он считал возможным открыть на Алтае первоначальные способы выделки металла и проследить историю его распространения от древнейших времен до сегодняшнего дня [Демин 1989: 87].

Вопросы социально-исторической тематики исследовал С.С. Шашков. Он родился в Иркутске, учился в Казанской духовной академии. В своей научной и общественной деятельности был тесно связан с Г.Н. Потаниным, Н.М. Ядринцевым. С 1866 г. он сотрудничал с журналом «Дело», издававшимся в Петербурге, в котором опубликовывал свою работу «Рабство в Сибири». В работе он освещает события, связанные с вступлением большей части алтайцев в середине XVIII в. в состав России [Екеев 1994: 90].

В 80-х гг. XIX в. этнографические наблюдения в таежной части Горного Алтая проводил А.В. Адрианов. Он неоднократно посещал северные районы Алтая и опубликовал много ценных сведений, ввел в научный оборот новый этнографический материал. Результатами его изысканий стали общепризнанные работы: «Путешествие на Алтай и за Саяны, совершенное в 1881 г.», «Путешествие на Алтай и за Саяны, совершенное в 1883 г.». Ученый также был известен как археолог, посвятивший свою жизнь изучению наскальных изображений. Он исследовал археологические памятники долин рек Чулышмана и Башкауса, описал каменные изваяния и остатки оросительных сооружений, собрал многочисленные коллекции по археологии и этнографии Горного Алтая [Исследователи 2003: 4]. Многочисленные могильные сооружения Горного Алтая привели путешественника к мысли, что памятники оставлены не одним, а двумя или несколькими народами, последовательно сменявшими друг друга. Ученый ратовал за систематическое, комплексное изучение культуры и древностей Алтая [Демин 1989: 90].

Адрианов А.В.

Гуляев С.И.

Признанным знатоком истории, археологии, фольклористики Горного Алтая был видный сибиревед С.И. Гуляев. Он родился на Алтае в Локтевском заводе. Окончив Барнаульское горное училище, Гуляев был принят на должность старшего писца в горное отделение царского Кабинета в Петербурге. В 1859 г. он перевелся на службу в Барнаул советником отделения частных золотых промыслов Алтайского горного правления. Здесь он начинал активно изучать природу и население Алтая, его историю. Его перу принадлежит такая работа о жителях Горного Алтая, как «Алтайские каменщики», где даны некоторые сведения об истории появления на юге Горного Алтая поселений беглых русских,

прозванных «каменщиками», затронута история коренного населения. В работе «Заметки об Иртыше и странах им орошаемых» опубликованы документальные материалы по истории алтайцев середины XVIII в. В статье «О калмыцких ружьях» исследователь описывает искусство алтайских мастеров-оружейников. Большое внимание С.И. Гуляев уделял наскальным изображениям Алтая. По его сведениям, на р. Чарыше в двух верстах от с. Таурака на камне в 10 саженьях от берега были обнаружены рисунки марала, медведя, собаки и других животных. А близ д. Сибирячихи по р. Аную на гладкой скале у входа в пещеру высечена надпись, строчки расположены горизонтально, «буквы или именные знаки величиною около одного вершка». При изучении древней истории Алтая он придавал первостепенное значение археологическим источникам. «Отчетливое исследование древних могил, бугров и вообще памятников, — утверждал он, — более всего может содействовать положительному разрешению вопроса о том, какие племена в известных местностях обитали» [Демин 1989: 68].

Н.А. Аристов — член РГО, Среднеазиатского ученого общества. В историю тюркологии вошел своими трудами о происхождении тюрков: «Заметки об этническом составе тюркских племен и народностей и сведения об их численности», «О земле половецкой», интересными сопоставлениями наименований племен Алтая с известиями китайских летописей и данными енисейско-орхонских надписей [Потапов 1953: 28].

В 1897 г. по заданию Управления Алтайского горного округа в связи с предстоящим землеустройством алтайцев на Алтай была отправлена статистико-экономическая экспедиция, которую возглавил профессор статистики С.П. Швецов. В задачу экспедиции входило выяснение вопроса о численности алтайского населения южной части Бийского уезда и общих условий его жизни. Экспедиция Швецова впервые собрала

массовый статистико-экономический материал для характеристики хозяйства коренного населения. Вместе с этим экспедиция собрала много этнографических сведений. Весь материал был опубликован в четырех томах под общим названием «Горный Алтай и его население». С.П. Швецов описал свадебный церемониал, сватовство, калым, юридические обычаи алтайцев. Например, ученый обратил внимание на судебские функции зайсана, участие его в разрешении имущественных тяжб и бракоразводных процессов [Швецов 1900: 120]. С.П. Швецов также выпустил две небольшие этнографические работы, касающиеся земледелия и обычного права алтайцев. В труде «Обычно-правовые воззрения алтайцев и киргиз. Брачные и семейные отношения» им детально рассмотрены нормы сватовства, калыма, право девушек на приданое, наследственное право, опеку, обычай избегания.

Швецов С.П.

В 1897–1899 гг. совместно с С.П. Швецовым совершила поездки в Горный Алтай М.В. Швецова. По поручению Западно-Сибирского отдела РГО она изучала быт русских старообрядцев, также она занималась этнографией алтайцев. Результатами ее полевых выездов являются такие работы, как «Алтайские калмыки» и «Из поездки в Риддерский край». В статье «Алтайские калмыки» она осветила вопросы материальной и нематериальной культуры, быт алтайцев, социальную структуру алтайского общества. М. Швецова была одним из организаторов «Общества любителей исследования Алтая».

Большую статистико-этнографическую работу по материалам переписи 1897 г. проводил С.К. Патканов. Исследователь проанализировал данные по динамике колебания численности алтайцев во второй половине XIX в. и получил следующие цифры. В 60-х гг. XIX в. В.В. Радлов определил численность коренного населения Горного Алтая в 14–15 тыс. человек, а по переписи 1897 г. она составила 25434 человек, из них мужского пола – 12862 [Патканов 1911: 64]. Ученый отмечал, что прирост очень большой и справедливо считал, что он был обусловлен неполнотой прежних данных.

Н.Б. Шерр и Н. Богатырев изучали таежные части Горного Алтая. Н. Шерр, являясь членом «Общества любителей исследования Сибири» и «Общества начального образования», ратовал за активное, комплексное изучение культуры народов Алтая. В 1898 г. по поручению «Общества любителей исследования Сибири» он совершил экспедицию в предгорья Алтая к кумандинцам. В результате была написана статья «Из поездки к кумандинцам в 1898 г.», в которой он описал быт и обычаи куман-

динцев. Н. Богатырев в своей работе «Об ореховом и зверовом промыслах кумандинских инородцев Бийского уезда» осветил важнейшие в жизни кумандинцев промыслы (рыболовство, охоту, ореховый промысел, земледелие, скотоводство).

Анохин А.В.

А.В. Анохин один из первых, кто изучал музыкальную культуру алтайцев. Он описал все музыкальные инструменты коренного этноса (струнные, язычковые, ударные и смычковые). Обладая природным абсолютным слухом, исследователь тщательно фиксировал народные песни и наигрыши на музыкальных инструментах, эпические сказания, шаманские мистерии и мелодии к ним. Он сделал свыше 500 записей алтайских народных песен. Написал по алтайским народным мотивам сценические поэмы: «Хан-Эрлик» и «Талай-Хан», музыкальную сюиту для оркестра «Хан-Алтай», более 100 музыкальных произведений, основанных на алтайском музыкальном фольклоре [Исследователи 2003: 9]. Свои иссле-

дования по народной музыке алтайцев и соседних с ними народов А.В. Анохин представил в работах «Народное песенное музыкальное творчество алтайцев, монголов и шорцев», «Об азиатской музыке тюркских и монгольских племен» [Екеев 1994: 94].

А.В. Анохин проявил себя и как талантливый религиовед. В работе «Материалы по шаманству алтайцев» он приводит богатый полевой материал по религиозным представлениям алтайцев, шаманизму, непосредственно по личности шамана; тексты камланий. Ученый внес в изложение религиозных верований алтайцев систематичность и четкость. Он приводит деление духов (*тёс*) на черных и чистых, говорит о понятии души у коренных народов, ее свойствах. Исследует такие тонкие материи, как жертвоприношения, разделяя и систематизируя их. Например, он пишет, что жертвы, приносимые чистым духам (*ару кёрмёс*), разделяются на бескровные и кровавые. К бескровным относили свежее вино, чистое молоко, чай, хлебный напиток (*саба*), жидкую кашу (*потко*). К кровавым – кобылицу, домашнего или дикого козла, овцу [Анохин 1924: 32].

В первых десятилетиях XX в. на берегах реки Катунь в деревне Аскат жил, творил и работал один из первых алтайских исследователей Н.Я. Никифоров. Он сам проводил сборы фольклора. Так, его «Аносский сборник» почти исключительно записан от сказителя Чолтыша. Сборник является наиболее цельным и значительным из всего собранного им по алтайскому эпосу как по объему, так и по научной ценности, куда

вошло восемь героических сказаний, девятнадцать прозаических легенд [Никифоров 1915: 9].

Летом 1897 г. с целью сбора антропологических материалов в восточную часть Горного Алтая совершает экспедицию Е.А. Луценко. В своем очерке «Поездка к алтайским теленгитам» исследователь подробно описал административное деление и родовой быт, численность теленгитов. В своем труде он отметил, что под теленгитами понимает бывших двоеданцев, ныне составляющих вторую Чуйскую волость. Е.А. Луценко одним из первых сделал подробную краниологическую экспертизу физического облика, способов захоронения теленгитов, при этом проводя сравнительно-сопоставительный анализ с монголами [Луценко 1989: 31].

Клеменц Д.А.

Не остались без внимания исследователей события, произошедшие в 1904 г. в долине Теренг. Д.А. Клеменц, защищая участников религиозного движения, доказывал, что власти неадекватно оценили ситуацию и придали религиозному движению политическую окраску, что побудило их силой подавить данное явление. Он подробно описал атрибуты новой веры, численность последователей. Главный вывод, который сделал ученый, состоит в том, что уже в течение двадцати лет наблюдались признаки кризиса шаманизма, и именно против него было направлено данное движение. Много интересных записей относительно культа, молитв, песен, атрибутики бурханистов оставили Г.Н. Потанин, С.П. Швецов, В.А. Вере-

щегин, Г.И. Чорос-Гуркин [Бурханизм 2004: 53; 56; 58; 61; 64]. А. Семенов, посетив в 1911 г. Горный Алтай, побывал на местах массовых молений в верховье Чарыша, долине Теренг, постарался восстановить последовательность событий и вскрыть их причины. На основе собранных материалов А. Семенов опубликовал статью «Религиозный перелом на Алтае» (1913), в которой попытался дать свою интерпретацию бурханизма, привел обширные сведения о бурханистских молениях, о суде над предводителями молений [Екеев 1994: 94].

В течение многих лет флору Горного Алтая изучал ботаник, географ П.Н. Крылов. В 1885 г. в г. Томске он создал ботанический сад и для пополнения коллекций и изучения флоры совершил пять путешествий на Алтай (1891, 1901, 1903, 1911 и 1915 гг.). Он прошел от западных предгорий до Телецкого озера и Чуйской степи. П.Н. Крылов является автором многотомного труда «Флора Алтая и Томской губернии», в котором дан подробный анализ флоры Горного Алтая [Исследователи 2003: 57].

В конце XIX в. экспедиционные традиции продолжил выдающийся ученый, путешественник В.В. Сапожников. Его первая экспедиция состоялась в 1895 г. Результатом путешествия явилась книга «По Алтаю» (1897). За исследование ледников Алтая он получил серебряную медаль Русского географического общества. В 1898 г. В.В. Сапожников предпринял восхождение на седло горы Белухи (Юч Сумер), определил ее высоту, первым дал комплексное описание бассейна реки Катунь [Исследователи 2003: 4]. В дальнейшем состоялось еще четыре экспедиции в Горный Алтай, в результате которых он обследовал Чуйские Альпы, долины Джазатора, Коксы, верховья Катунь. На основе полученных материалов В.В. Сапожников опубликовал около 60 научных работ, внес дополнения и поправки к каталогам алтайской горной флоры, разработал методические рекомендации по хозяйственно-экономическому освоению Горного Алтая [История 2001: 301].

Сапожников В.В.

Много сил и времени отдали изучению гор и ледников Горного Алтая братья Б.В. и М.В. Троновы. Первую самостоятельную экспедицию братья Троновы осуществили в 1912 г. на Южно-Алтайский хребет. В 1913 г. более детально исследовали весь Южный Алтай. В 1914 г. совершили первое восхождение на восточную вершину Белухи. Ими в соавторстве написаны работы «Восхождение на Белуху», «Исследования современных ледников», «Путешествия по Алтаю в 1915 и 1916 гг.» [Екеев 1994: 85].

Преподаватель Барнаульского реального училища ботаник, краевед В.И. Верещагин совершил в 1907 г. по поручению Алтайского подотдела Западно-Сибирского отдела Русского географического общества поездку в южные районы Горного Алтая. Он неоднократно обращал внимание на памятники древности, курганные погребения, каменные изваяния, писаницы, оросительные каналы. Он записывал народные сказания, этнографические сюжеты, верования и обычаи алтайцев. Им написаны такие работы, как «По восточному Алтаю. Дневник путешествия 1905 г.», «От Барнаула до Монголии (Путевые заметки)», «По Катунским белкам».

В 1905–1907, 1909, 1913–1916 гг. по Алтаю путешествовал финский географ Г. Гранэ. В результате поездок он собрал обширные данные о древнем и современном оледенении. В работах «О ледниковом периоде в русском Алтае», «О значении ледникового периода для морфологии северо-восточного Алтая» ученый высказал свое мнение о формирова-

нии современного рельефа Алтая, происхождении впадины Телецкого озера.

В 1914 г. В.А. Обручев с целью изучения геологического строения горных хребтов и тектоники совершил экспедицию по западной части Алтая, затем прошел от Бийска до Кош-Агача. Свои наблюдения относительно тектоники и рельефа целого ряда горных хребтов он изложил в статье «Алтайские этюды». Его работа, посвященная тектонике Алтая, положила начало формированию новых представлений о геологическом строении Алтая [Исследователи 2003: 71].

Таким образом, отечественные исследователи XVIII – начала XX вв. внесли большой вклад в изучение истории и культуры народов Горного Алтая. Впервые в научный оборот были введены сведения об истории, экономике, археологии, этнографии, хозяйственно-культурном комплексе алтайцев. В их трудах мы найдем интересные, достоверные описания быта, обычаев жизненного цикла, статистические материалы, данные относительно флоры и фауны. Слабой стороной исследований по Горному Алтаю того периода является описательный характер большинства работ. Преимущественно описаны внешние стороны жизни (жилища, пища, одежда), меньше внимания уделялось истории коренных народов, внутривидовым отношениям, юридическому быту, философии жизни. Несомненным достоинством их работ является комплексный подход, который сохранил до современности многие разнообразные данные, материалы, позволяющие сегодня анализировать динамику событий прошлых лет, видеть культурную преемственность поколений народов Горного Алтая. Также следует отметить, что такие ученые и общественные деятели, как Г.Н. Потанин, С.П. Швецов, А.В. Анохин, Г.И. Чорос-Гуркин и другие принимали активное участие в общественной и культурной жизни Горного Алтая.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

В настоящем томе рассмотрены основные проблемы истории Горного Алтая за более чем полтора столетия: с середины 50-х гг. XVIII в. по 1916 г. В это время развитие Горного Алтая шло в новых условиях – в составе Российского государства.

Процесс присоединения территории Горного Алтая к Российскому государству занял около двух с половиной веков. Середина 50-х гг. XVIII в. стала переломным рубежом в истории алтайского народа. В сложной международной обстановке, вызванной разгромом Джунгарского ханства цинским Китаем, алтайцы (ойроты) – бывшие джунгарские подданные в 1756–1757 гг. добровольно приняли подданство Российского государства. Согласно решению российского правительства основная часть «новоподданных» алтайцев подверглась переселению в Поволжье. Оставшиеся в Горном Алтае алтайцы (ойроты) были объединены в пять алтайских (тау-телеутских, калмыцких) дючин и включены в состав Кузнецкого уезда. В первой четверти XIX в. территория их кочевий («калмыцкие стойбища») ограничивалась на востоке и юге долиной р. Катунь, а на западе и северо-западе – долиной р. Коксу, верховьями рек Чарыша, Ануя и Песчаной. Присоединение Горного Алтая, занимающего стратегическое положение на стыке Западной Сибири и Центральной Азии, укрепило геополитическую позицию России и создало условия для ее последующего продвижения в Центральную Азию. В конце XX – начале XXI вв., после распада Советского Союза, когда государственная граница России от Волги до Иртыша стала напоминать ее контуры на начало XVIII столетия, данное историческое событие заново актуализируется в плане его международно-политической значимости.

Российским правительством общественное управление коренного населения Горного Алтая практически не менялось. Так, у племен Северного Алтая (черневых татар, кумандинцев) были сохранены их прежние ясачные волости во главе с башлыками. Алтайцы (ойроты) – бывшие джунгарские подданные – составляли население пяти алтайских дючин, во главе которых стояли зайсаны. Большинство из них являлись потомственными зайсанами и были особо почитаемы народом. Ниже зайсана в должностной иерархии находились демичи, шуленги и арбанаки. Названия административных единиц, должностных лиц управления, а также порядок объединения ясачного населения в дючины существовали с джунгарского (ойротского) времени.

Во второй половине XVIII в. система управления и суда у коренных народов Сибири была установлена согласно Инструкции Сената 1763 г., которая также определяла порядок сбора ясака и торговли с ясачным населением. Так, не допускалось вмешательство уездной и губернской

администрации во внутренние дела ясачного населения; въезд торговых людей в кочевья ясачного населения ограничивался одним разом в год на ярмарки, приуроченные к народным съездам (сугланам). Организация сбора ясака, судебные разбирательства по гражданским и маловажным уголовным делам и другие вопросы управления населением ясачных волостей и дючин входили в компетенцию родоначальников. Специальными актами родоначальникам даровались различные льготы, например, звание зайсана приравнивалось к чину майора, они освобождались от податей (ясака). Основные положения Инструкции 1763 г. затем вошли в «Устав об управлении инородцев» 1822 г.

В начале XIX в. коренное население Горного Алтая в административно-податном отношении было распределено по семи алтайским дючинам, пяти черневым и двум кумандинским волостям. Все они, кроме Кондомо-Шелкальской волости (относилась к Кузнецкому уезду), входили в состав Бийского уезда Томской губернии. Две Тау-телеутские (Чуйские) двоеданческие волости, хотя и вносили добровольно ясак в Бийское окружное казначейство, реально находились под юрисдикцией правительства цинского Китая.

Согласно «Уставу об управлении инородцев» 1822 г. все коренные жители Горного Алтая были причислены к сословию кочевых инородцев. Хотя «Устав» 1822 г. чётко определял структуру и состав родового управления, на практике сохранились старые волости и дючины с соответствующими должностными лицами. У коренных жителей сохранялась традиционная система управления и судопроизводства, основанная на нормах их обычного права, а также земли, «ныне ими обитаемые». Они пользовались свободой в вероисповедании и богослужении, освобождались от рекрутской повинности. Русскому населению запрещалось самовольно селиться на землях, отведенных в их владение. На органы инородческого управления возлагались хозяйственные и судебно-полицейские обязанности. К первым относились сбор ясака и недоимок, раскладка податей и повинностей, создание продовольственных запасов, забота о развитии земледелия и промыслов, росте поголовья скота и т.д. Ко вторым – рассмотрение судебных дел, надзор за спокойствием и порядком среди подведомственного населения, подача статистических сведений и др.

Особым статусом обладало население двух Чуйских «двоеданческих» волостей. В официальных российских документах чуйские теленгиты именовались «несовершенно зависящими», или «состоящими в зависимости без совершенного подданства». Вопрос об их полном переходе в российское подданство был связан с разграничением алтайского участка российско-китайской границы. После подписания Чугучакского протокола (сентябрь 1864 г.) население двух чуйских волостей было официально принято в российское подданство. Летом 1865 г. прошла церемония

присяги знатной верхушки чуйских теленгитов на верность Российской империи. Работы по демаркации алтайского участка российско-китайской границы завершились к концу июля 1869 г. Тем самым вся юго-восточная часть территории Горного Алтая окончательно закрепились за Российским государством.

Система административного устройства русских крестьян Алтайского округа определялась приложением к статье 70 (прим.) «Учреждения Сибирского», принятого в 1822 г. По данному законоположению вводилось сельское и волостное управление. В декабре 1862 г. в Алтайском горном округе была учреждена должность мировых посредников, занимавшихся разрешением споров между крестьянами и горной администрацией. В 1878 г. на смену мировым посредникам пришли чиновники по крестьянским делам. С введением 21 ноября 1879 г. положения «О преобразовании общественного управления государственных крестьян Западной Сибири» система сельского и волостного управления сибирских крестьян изменилась и усложнилась. Одно селение или несколько ближайших поселков составляли сельское общество с управлением (сельский сход и староста). Несколько сельских обществ объединялись в волость. Волостное управление составляли волостной сход, старшина с правлением и крестьянский суд. Решение крестьянских дел на окружном (уездном) уровне осуществлялось окружным присутствием, в которое входили чиновники по крестьянским делам и земский исправник (начальник окружной полиции).

В административном устройстве русских крестьян Горного Алтая на протяжении всего XIX столетия, как признавали современники, наблюдался полный хаос. Крестьяне селились, как правило, заимками и не имели вначале сельского управления. Крестьянские поселения (села, деревни) причислялись к крестьянским волостям, управления которых находились в десятках и сотнях верст. Переселенческие поселки, образованные по решению губернской администрации, также причислялись к существующим крестьянским волостям. Так, поселки, расположенные на Чуйском тракте, были причислены к Алтайской волости, а поселки на Уймонском тракте и вблизи него – к Ануйской волости. На территории Горного Алтая первые крестьянские волости (Шебалинская, Катандинская и др.) были образованы в ходе земельной реформы начала XX в.

В результате административных реформ начала XX вв. произошла унификация системы управления русских крестьян и коренного населения Горного Алтая. Согласно губернской реформе 1895 г. решение «инородческих» и крестьянских вопросов было сосредоточено в крестьянском отделении и Общем присутствии по крестьянским делам. С введением института крестьянских начальников в 1898 г. была упразднена двойственность управления коренным и русским крестьянским населением на уездном уровне. И, наконец, после проведения земельной и ад-

министративной реформ в начале XX в. среди алтайцев введена территориальная (сельская и волостная) система местного управления одинаковая с русским крестьянством Сибири.

В течение второй половина XVIII – XIX вв. численность всего населения Горного Алтая и его основных этнических групп неуклонно росла. Горный Алтай относился к малонаселенным и осваиваемым окраинам России, поэтому на демографические процессы здесь существенно влиял приток переселенцев из соседних сибирских и других районов России. За первую треть XIX в. (1797–1832 гг.) численность населения региона увеличилась почти в 3 раза главным образом на основе роста населения алтайских дючин. Положительное влияние на это оказали два фактора. Во-первых, создались благоприятные условия для естественного роста населения (постепенное налаживание мирной жизни, развитие скотоводства и земледелия). Во-вторых, в начале XIX в. часть ранее угнанных в неволю людей стала возвращаться на родину. В последующую четверть века (1832–1859 гг.) населения Горного Алтая возросло в 1,5 раза. Особенностью периода стало переселение оседлых «инородцев» (телеутов и др.) из Кузнецкого округа.

Во второй половине XIX – начале XX вв. на демографические процессы в регионе огромное влияние оказал приток русских крестьян-переселенцев из сибирских и других районов России. Так, с 1859 по 1912 гг. численность всего населения Горного Алтая возросла в 3,7 раза, а только крестьян – в 7 раз. За последующие четыре года (1912–1916) население региона увеличилось на 10%. На демографические процессы отрицательное влияние оказала первая мировая война: ухудшение положения населения, мобилизация взрослых мужчин на фронт и на военно-тыловые работы. Вообще за 1797–1912 гг. численность коренного населения Горного Алтая возросла почти в 10 раз, а русского населения (за 1816–1912 гг.) – в 30 раз. Это, естественно, повлияло на соотношение алтайского и русского населения: с 1816 по 1912 гг. удельный вес первых снизился с 91% до 58,6%, а вторых возрос с 9% до 38,7%.

Усиление миграции населения внутри региона, укрепление хозяйственно-культурных связей между этнотерриториальными группами ускорили процесс их этнической консолидации в новую алтайскую народность. О высоком уровне их этноязыковой общности свидетельствуют исследования В. Вербицкого, В. Радлова, С.П. Швецова и обработанные С. Паткановым данные всеобщей переписи 1897 г., согласно которым около 83% коренного населения Горного Алтая считали родным алтайский язык.

Во второй половине XVIII – XIX вв. Кабинет, являясь собственником и владельцем земли в Алтайском округе, не ограничивал землепользование коренного населения и русских старожилов. Наличие свободных земель и низкая плотность населения, а также официальный запрет (по «Уставу» 1822 г.) на переселение в алтайские кочевья были стаби-

лизирующими факторами в сфере земельных отношений в первой половине XIX столетия. Но после отмены крепостного права Кабинет, разрешив переселение на территорию Алтайского округа, практически не обращал внимания на необходимость регулирования стихийного заселения крестьянами алтайских кочевий. Это, естественно, привело к обострению отношений между коренным населением и переселенцами, занимавшими алтайские кочевья без приемных приговоров, т.е. захватным способом. В бесконтрольном использовании переселенцами промысловых угодий в пределах алтайских кочевий администрация Алтайского округа усмотрела нарушение и своих экономических интересов и пыталась ввести арендные платежи в свою пользу. Это намерение Кабинета вызвало недовольство местных зайсанов, требовавших восстановления своих прав.

В конце XIX столетия, в связи с фактическим прекращением существования кабинетской горной промышленности в Алтайском округе, основным источником доходов Кабинета становится земледелие. Вследствие этого принимаются аграрные законы, направленные на размежевание и ограничение землевладения алтайцев, русских крестьян и создание арендного хозяйства на кабинетских землях. 31 мая 1899 г. вступает в силу закон о поземельном устройстве населения Алтайского округа. На начальном этапе землеустройства земельные наделы получили русские крестьяне-старожилы и оседлые алтайцы. На повестку встал вопрос о землеустройстве кочевого населения. После длительного обсуждения было принято решение о полном поземельном устройстве территории Горного Алтая. В результате землеустройства 1911–1913 гг. получили поземельное и административное устройство все кочевое население Горного Алтая. Главным итогом стало создание огромного земельного фонда Кабинета, составившего 72% всей территории Горного Алтая, в том числе 84% всех удобных земель. Кабинетские земли подразделялись на земельно-лесные (75%), земельные и лесные дачи, где устраивались оброчные статьи. Аренда земли, обложение промысловых пользований кабинетскими землями, а также заготовка древесины в лесничествах стали основными источниками доходов Кабинета.

Земельная и административная реформы привели к разделению административно-податных и поземельно-хозяйственных функций крестьянской общины. Первые функции сосредоточивались преимущественно в правлениях волостей, а вторые – в сельских обществах. Внутри оседлой крестьянской общины возрастало значение периодических переделов ценных сенокосных и пахотных угодий, хотя захватное пользование не было изжито. В полукочевых алтайских общинах сенокосы и пашни по прежнему использовались по подворно-наследственному принципу, а выгоны и пастбища оставались в общем, нераздельном пользовании. Аграрные преобразования ускорили переход алтайцев к территориальной форме общины и оседлому образу жизни. В 1899 г. принимается

новый податный закон, согласно которому русские крестьяне и оседлые алтайцы вместо прежней подушной подати, стали облагаться государственной оброчной податью. За ними сохранялись денежные губернские земские сборы, страховые сборы и мирские повинности. После перевода кочевников в разряд оседлых «инородцев» на них распространились все положения выше указанного закона. В целом, аграрная политика правительства на окраинах России, включая Горный Алтай, отвечала интересам крупных землевладельцев. В сфере земельных отношений сложились острые противоречия между крестьянством и Кабинетом.

В XIX столетии шел процесс восстановления и развития скотоводства и земледелия Горного Алтая. У алтайского населения существовали два основных типа хозяйствования. Первый, полукочевой скотоводческо-промысловый тип был характерен для южной горностепной части, а второй, оседлый промыслово-скотоводческий тип – для северной горно-таежной части Горного Алтая. В обоих типах присутствовало занятие земледелием. В XIX в. наблюдался рост поголовья всех видов скота и изменения в структуре стада. Так, с 1832 по 1896 гг. поголовье лошадей возросло почти в 4 раза, крупного рогатого скота – в 5 раз, овец и коз – в 6,5 раз. Однако в структуре общего поголовья удельный вес лошадей уменьшился на 10%, крупного рогатого скота – остался почти без изменения (24%), а овец и коз, наоборот, возрос на 10,5%. В определенной мере этому способствовало внедрение более совершенных сельскохозяйственных орудий, способов и объемов заготовки сена.

В начале XX в. рост поголовья скота продолжался до начала первой мировой войны, затем началось его сокращение, особенно овец, коз и лошадей. За 1896–1912 гг. поголовье лошадей возросло со 134 до 177 тыс. голов (в 1,3 раза), а к 1916 г. снизилось до 143 тыс. голов; количество овец и коз увеличилось с 223 до 238 тыс. (на 6%), затем уменьшилось до 168 тыс. Поголовье крупного рогатого скота лучшего показателя достигло в 1908 г. (158 тыс. против 98 тыс. в 1896 г.), а к 1916 г. снизилось до 146 тыс. голов. На состояние скотоводства отрицательно повлияли изъятия у кочевого населения отгонных пастбищ в ходе землеустройства, падежи скота от бескормицы, мобилизация мужчин в действующую армию и другие факторы. Существенные изменения произошли в структуре стада скота. В алтайских хозяйствах вырос удельный вес лошадей и крупного рогатого скота за счет снижения доли овец и коз. А в хозяйствах русских крестьян шло увеличение доли крупного рогатого скота, а также свиней и маралов за счет снижения удельного веса лошадей, овец и коз. Структурные изменения в стаде были обусловлены переориентацией русских и алтайских хозяйств на товарные отрасли (молочное скотоводство, коневодство, мараловодство) согласно рыночной конъюнктуре. Под воздействием рыночного спроса русские крестьяне и алтайцы начали разводить более продуктивные

породы скота и совершенствовать способы его содержания. Но племенным скотом располагала только зажиточная часть населения. В рыночные отношения быстрее вовлекались русские крестьяне и оседлые алтайцы сел, расположенных около Чуйского, Уймонского и Чемальского трактов. Это особенно относится к хозяйствам, ориентированным на маслоделие. В районах с полукочевым населением развивается мясное скотоводство и овцеводство. Только за период с 1899 по 1912 гг. объем продажи шерсти увеличился в 6 раз, сала – 2,5 раза, кожи – 2,1 раза и мяса – в 1,1 раза.

В XIX столетии в южных районах Горного Алтая из-за жаркого лета и малых осадков применялось традиционное орошение (полив) посевов при помощи арыков (субаков), а в остальных районах земледелие было богарным. За столетие в полукочевых хозяйствах произошли незначительные изменения в составе орудий труда и размерах посевов, однако система полива и удобрения пашен, состав злаковых культур остались неизменными. В хозяйствах алтайцев, перешедших к оседлости, вместе со старым инвентарем стали применяться новые орудия: крестьянские сохи, плуги, бороны с железными зубьями. У них заметно возросли площади посевов, главным образом пшеницы, овса и ярицы. С 1832 по 1896 гг. общая площадь посевов алтайской части населения увеличилась в 11 раз (с 260 до 2948 дес.). Под влиянием соседства с русскими крестьянами алтайцы-земледельцы стали использовать залежную систему с элементами севооборота. Внедрение плугов и техники (молотилок, веялок), залежно-паровой системы с севооборотом происходило преимущественно в хозяйствах зажиточной части крестьян.

В конце XIX – начале XX вв., как и ранее, алтайское население занималось земледелием для обеспечения собственных нужд продуктами питания. Они обрабатывали свои небольшие посевы и убирали урожай преимущественно старыми орудиями: андазыном, деревянной бороной и серпом. В хозяйствах зажиточных алтайцев стали применяться легкие плуги, бороны с железными зубьями и литовки. В начале XX столетия в связи с развитием маслоделия распространяются плуги, конные грабли, сенокосилки, жнейки, веялки и молотилки. Но из-за дороговизны они приобретались только богатыми крестьянами. В севообороте у русских крестьян чаще всего встречалось двуполье: хлеб – черный пар, так несколько лет, а потом земля оставлялась в залежь. В условиях господства залежно-паровой системы земледелия урожайность полей была низкой.

За 1896–1916 гг. площадь посевов в Горном Алтае увеличилась в 2,6 раза (с 7837 до 20389 дес.), в т.ч. овса – в 5,4 раза (с 1529 до 8220 дес.) и пшеницы – в 2,3 раза (с 2827 до 6141 дес.). Это увеличение произошло, главным образом, в результате освоения целинных земель крестьянами-переселенцами и развития оседлости среди алтайцев. В

начале XX в. значительно изменилась структура посевов. Хотя абсолютная площадь основных зерновых культур продолжала расти, удельный вес овса в структуре посевов увеличился (с 19,5 до 39%) за счет снижения доли пшеницы и ячменя (с 66 до 44,6%). Это связано с повышением спроса на овес для возросшего поголовья рабочих лошадей. Расширение посевных площадей способствовало росту продуктов земледелия. С 1898 по 1911 гг. общий объем сборов основных зерновых возрос в 1,5 раза (с 510 тыс. до 763 тыс. пудов), в т.ч. пшеницы – в 1,8 раза, овса – в 2 раза и ржи – в 3 раза. Уменьшились лишь сборы ячменя на 25%, что было вызвано снижением его урожайности.

В целом, во второй половине XIX – начале XX вв. сельское хозяйство Горного Алтая постепенно вовлекалось в мелкотоварное, капиталистическое производство. Русские и алтайские хозяйства в разной степени вовлекались в товарно-капиталистические отношения. Если в первых из них мелкотоварное производство постепенно стало усиливаться, то у вторых сохранялись полунатуральные черты с нарастающими элементами мелкотоварного производства. В Горном Алтае скотоводство являлось основным источником существования не только алтайцев, но и русских крестьян. Постоянный хлебный дефицит восполнялся за счет покупки (обмена) на местных ярмарках зерна и муки, привозимых крестьянами и торговцами из соседних предгорных и степных районов Алтайского округа.

В хозяйственной деятельности алтайцев и русских старожилов Горного Алтая важное место занимали охота и кедровый промысел. Они давали возможность для уплаты подати (ясака) и получения дохода от продажи пушнины, маральных рогов (пантов) и кедрового ореха. В 1896 г. охотой и заготовкой кедрового ореха занимались 84% всех хозяйств, а в 1908 г. – 36,3% хозяйств. Наибольшее распространение эти промыслы получили в таежном (черневом), правобережном и левобережном районах Горного Алтая. Если в 1832 г. алтайскими охотниками было добыто 100 тыс. шт. пушнины, то в 1896 г. всеми охотниками (алтайцами, русскими) заготовлено 873 тыс. «беличьих единиц». Широкое применение огнестрельного оружия привело к значительному уменьшению дичи (соболя, лисицы, белки), а их добыча, например, в 1909 г. составила только 414 тыс. «беличьих единиц». Заготовка кедрового ореха позволяла пополнять пищевой рацион и семейный бюджет промысловиков. В течение XIX в. заготовка кедрового ореха в Горном Алтае возросла приблизительно с 10–20 тыс. до 60–100 тыс. пудов, а в начале XX в. – до 350 тыс. пудов. Вплоть до начала первой мировой войны кедровый орех занимал прочное место на рынках Сибири.

В первой половине XIX в. среди коренных жителей таежного района Горного Алтая выгодным промыслом была добыча роев диких пчел и их продажа вместе с медом. Среди оседлого населения стало разви-

ваться пчеловодство, которым к концу XIX в. занимались 11,5% всех хозяйств. Этот промысел был хорошо развит у русских крестьян-старожилов: около половины их хозяйств имели пасеки. Оседлые алтайцы стали заниматься пчеловодством во второй половины XIX в. (в 1896 г. – 3,3% хозяйств). Пчеловодство наибольшее распространение получило в таежном и правобережном районах, где удельный вес пчеловодов в 1896 г. составил соответственно 21,6 и 16,5% всех хозяйств, в т.ч. 10,5 и 8% алтайских хозяйств. По данным на 1908 г. пчеловодством занимались уже 16% всех хозяйств Горного Алтая в т.ч. около 7% алтайских. За 1896–1908 гг. количество ульев в регионе возросло с 24100 до 44200 шт. По неполным сведениям на 1906 г. 477 пчеловодами (имевшими 14500 ульев) было продано 2435 пудов мёда и 286 пудов воска. В дальнейшем, после перехода большинства земельно-лесных угодий Горного Алтая в ведение Кабинета, количество пчеловодов, как и ульев, пошло на убыль. Так, в 1916 г. в 126 селениях, где имелись пасеки, насчитывалось 24,5 тыс. ульев.

Вплоть до последней четверти XIX в. большинство хозяйств алтайского и русского населения имело натуральный характер, поскольку продукты сельского хозяйства шли на собственное потребление или осуществлялся их простой обмен. Продукты скотоводства и земледелия получали в рамках домашнего производства. К середине XIX в. сложилась группа профессиональных кустарей – мастеров по дереву и металлу. По неполным данным на 1912 г., в Горном Алтае было учтено 12 мельниц, 20 кузниц, 18 кожевенных и 5 кустарных предприятий. Имелись также столярные, гончарные, смолокурные, салотопные, воскобойные мастерские. Они были сосредоточены в Улалинской, Шебалинской, Уймонской волостях. Кустарным ремеслом занимались преимущественно русские крестьяне-переселенцы. Большая часть изготовленной продукции сбывалась на сезонных ярмарках и в селах, где она производилась. Традиционные алтайские ремесла (изготовление домашней утвари, орудий труда, выделка кожи, шерсти и др.) входили в домашнее производство.

Во второй половине XIX столетия, с отменой крепостного права и развитием российского капитализма вширь, заметно оживилась местная торговля. К концу столетия объемы продажи (обмена) и внутреннего потребления продуктов скотоводства населением Горного Алтая стали примерно равными. Так, в 1896 г. населением региона было продано и отдано за долги 1933 лошади, 7372 головы крупного и 9014 голов мелкого рогатого скота. В среднем на наличное хозяйство приходилось 2,8 головы крупного скота (в переводе всего скота на крупный). А на собственные нужды (пропитание и др.) населения потреблено соответственно 5459, 5376 и 31472 голов указанных видов скота, что в среднем на хозяйство составило 2,7 головы крупного скота. В конце XIX – начале

XX вв. в крупных селах открылись торжки, базары и сезонные ярмарки. Так, в 1908 г. постоянные базары действовали в четырех, а сезонные ярмарки – в девяти селах (Улале, Катанде, Черном Ануге, Онгудае и др.). Позднее ярмарки открылись в Усть-Кане, Барагаше и других селах. Наряду с ярмарочной торговлей все большее развитие получили стационарные торговые заведения: магазины, лавки, склады. Сезонные ярмарки, расширение сети оптовой и розничной торговли (мануфактурных, мелочных лавок и магазинов) привели к ограничению ростовщических форм купли-продажи и обмена живого скота, кедрового ореха, пушнины и других продуктов. За 13 лет (1899–1912 гг.) количество торговцев в Горном Алтае увеличилось вдвое (с 50 до 104 чел.), а их обороты в 10 раз (с 75 тыс. до 754 тыс. руб.). Многие местные торговцы были тесно связаны с торговыми домами г. Бийска: у них скупали промышленные товары, сбывали сырье и участвовали в монгольской торговле.

В укреплении торгово-рыночных связей между районами Горного Алтая и уездным центром (г. Бийском), в перевозке товаров большое значение имело строительство местных дорог: Уймонского, Кебезенского и Чемальского колесных трактов. Но главную роль выполнял Чуйский тракт, имевший не только внутреннее, но и международное значение, поскольку по нему осуществлялась торговля между Западной Сибирью и Западной Монголией. За 1892–1910 гг. объем вывоза товаров в Монголию через Чуйский тракт увеличился в 4 раза (с 175 тыс. до 739 тыс. руб.), а ввоза – в 20 раз (с 200 тыс. до 4014 тыс. руб.). В экспорте основное место занимали хлопчатобумажные ткани, выделанная кожа (юфть), панты, серебро, металлические изделия, а в импорте – овечья и верблюжья шерсть, шкуры сурка, шелковые ткани, чай и живой скот.

В конце XIX – начале XX вв. в таежном районе Горного Алтая (бассейне р. Лебеди) в небольших размерах развивалась добыча золота, а в его юго-западной части (р. Сугаш и др.) предпринимались попытки разработки асбеста. Однако на жизнь местного населения они не оказывали существенного влияния. В целом, Горный Алтай оставался аграрно-сырьевой окраиной России, по уровню социально-экономического развития и степени втянутости в общероссийский рынок он значительно отставал от зерновых регионов Сибири.

Социальная структура алтайского общества основывалась на сословно-правовом и экономическом (имущественном) положении разных групп населения, на многообразии их социально-экономических отношений. В XIX в. среди алтайцев сохранялась знатная верхушка (зайсаны, демичи), происходившая из старинных княжеских кланов. Согласно российскому законодательству алтайские зайсаны имели привилегии, на них возлагались обязанности по решению административно-судебных и хозяйственных вопросов подведомственного населения. В последней четверти XIX столетия в составе крупных скотоводов, по преимуществу относившихся

к знатной верхушке алтайцев, появляются богачи – баи нового предпринимательского типа, которые стали заниматься товарным скотоводческим хозяйством. Этот тип хозяйства был распространен в селениях, расположенных около Чуйского, Уймонского и других трактов. Предприимчивые баи разводили лошадей, быков и овец на продажу, использовали труд пастухов и других наемных работников. В противоположность баям нового типа образуется группа сельских батраков (*јалчы*), пополнявшаяся из среды разорившихся бедняков (*јокту*). Батрачество было представлено в основном пастухами и домашней прислугой. Часть обнищавших бедняков пополняла ряды пауперов, обездоленных бесправных членов общества. Во второй половине XIX в. многие путешественники и исследователи отмечали обнищание значительного слоя алтайского населения и связывали это, прежде всего, с проникновением в его среду торгово-ростовщического капитала.

В рассматриваемое время традиционное алтайское скотоводческое хозяйство трансформировалось в сторону формирования элементов мелкотоварного производства. Однако в нем сохранялись значительные группы бедняцких и середняцких хозяйств. В 1896 г. бедняцкая группа составила половину всех хозяйств алтайцев, середняцкая – не менее 40% и байская группа – десятую часть хозяйств. Бедняцкие хозяйства имели 1–2 рабочие лошади, до 6 голов крупного (1–3 коровы) и до 10 голов мелкого рогатого скота, а также до 0,5 дес. посева (среди земледельцев). К середняцким относились хозяйства, имевшие примерно 10–50 лошадей (3–15 рабочих), 6–20 крупного (4–10 коров) и до 100 мелкого рогатого скота, а также от 0,5 до 2,5 дес. посева (среди земледельцев). Байские хозяйства обладали сотнями, а некоторые – тысячами голов скота. В начале XX в. натуральные показатели середняцких хозяйств заметно снизились, а зажиточно-байских – возросли. В двух группах произошел некоторый рост обеспеченности их сельскохозяйственным инвентарем. В конце XIX – начале XX вв. большинство поголовья скота было сосредоточено в зажиточно-байских хозяйствах.

Среди русских крестьян бедняцкие хозяйства в 1896 г. составляли 35%, середняцкие – 53% и зажиточно-кулацкие – свыше 10% всех хозяйств. В бедняцких хозяйствах находилось 6% лошадей и КРС, в середняцких – до 45%. Зажиточно-кулацкие хозяйства держали более половины лошадей, крупного и мелкого рогатого скота русской части населения. Русские хозяйства, в отличие от алтайских, имели меньше скота, но больше посевов и сельскохозяйственного инвентаря. По имущественному положению алтайские и русские середняки разделялись на маломощный и зажиточный слои. Маломощная часть середняков, как и беднота, вынуждена была обращаться, например, к помочам, найму средств производства (скота, инвентаря). А зажиточные середняки втягивались в рыночные, мелкотоварные отношения. В конце XIX – начале XX вв. в

процессе постепенного вовлечения сельского хозяйства Горного Алтая в рыночные, капиталистические отношения происходило вымывание средних слоев крестьянства, расслоение их в массе своей на сельских бедняков, с одной стороны, и на кулаков и баев, с другой.

Вышеуказанные социально-имущественные слои являлись носителями патриархальных, мелкотоварных и примитивно-капиталистических отношений. Патриархальные отношения выражались в раздаче рабочего и продуктивного скота во временное пользование и содержание, различных помочах, супрягах, складчине и отработках. Под воздействием товарно-рыночных, капиталистических отношений патриархальные отношения либо вырождались, либо трансформировались в отношения найма средств производства (скота) и рабочей силы. О соотношении наемного труда, помочи и складчины в хозяйствах Горного Алтая можно судить по выборочным данным переписи 1917 г. К наемному труду прибегали 16% алтайских и 35% русских хозяйств, к помочам – 2 и 4% и к складчине 0,2 и 1,4% соответственно. В целом, окраинное положение, большая отдаленность Горного Алтая от крупных промышленных и торговых центров, неразвитость путей сообщения, сохранение полукочевого скотоводства и патриархальных отношений в алтайском обществе – всё это тормозило развитие капиталистических производственных отношений.

Как известно, состояние общественной жизни, ее содержание и круг участников общественного движения зависят от реальных обстоятельств. В Горном Алтае к таковым можно отнести наличие кабинетского землевладения, переселенческую, аграрную и административную политику правительства и Кабинета, межэтнические отношения, низкий образовательный уровень населения. В конце XIX – начале XX вв. здесь воочию проявились различные формы общественно-политической активности населения.

По уточненным данным, с 1895 по 18 июля 1914 г. в Горном Алтае произошло 101 выступление русских крестьян и коренных жителей. Из них 63 выступления были связаны с земельным вопросом: сопротивление межевым и землеустроительным работам (47 случаев), столкновения между алтайским и русскими населением из-за земельных споров (9 случаев), самовольный захват крестьянами кабинетских земель. Земельная реформа начала XX в. вызвала поток жалоб, ходатайств, отказов от запроектированных наделов. К середине мая 1915 г. Общим Присутствием Томского губернского управления было составлено 113 определений по проектам земельных наделов и 144 определения по жалобам и ходатайствам населения. Перед Сенатом было возбуждено 17 ходатайств, по которым даны объяснения, точнее сделаны отписки. На втором месте после земельных споров шли массовые порубки крестьянами кабинетских лесов (22 случая), приходившие на начало первой

российской революции. Лесные порубки более всего происходили в окрестностях с. Улалы. В феврале 1906 г. наблюдались коллективные отказы крестьян от уплаты податей и выполнения повинностей. В годы революции на территории Горного Алтая активно распространялась нелегальная литература, создавались легальные и нелегальные союзы для защиты интересов коренного и русского населения. Так, в декабре 1905 г. был создан «Союз взаимопомощи волостных писарей Бийского уезда». В 1906 г. группа интеллигентов (А.И. Чевалков, Л. Кумандин, М.Я. Кумандин, И.К. Соколов) разработала устав «Союза друзей-деятелей по возрождению туземного населения Алтая», но о его дальнейшей судьбе известия не сохранились. На общественную жизнь населения Горного Алтая заметно повлияли выборы в Государственную Думу первых двух созывов: впервые прошли волостные съезды по выдвижению выборщиков на губернский съезд. 13 мая 1907 г. Томский губернский съезд выборщиков избрал депутатом Государственной Думы 2-го созыва одного представителя от Горного Алтая.

Весной и летом 1904 г. среди алтайцев произошли массовые волнения, известные как движение бурханистов. Данное событие получило большой общественный резонанс, привлекло к себе внимание официальных властей, общественных, религиозных деятелей, ученых Сибири и центра страны. По уточненным данным в религиозном движении участвовало 3000 человек или около пятой части всего взрослого алтайского населения. Пиком волнений стал молебен в долине Теренг, который был разогнан силой полиции с привлечением местных крестьян. Десятки активных участников движения были арестованы. Событие в долине Теренг сразу же привлекло внимание российской общественности. Избиение, арест бурханистов и готовящийся суд над Ч. Челпановым и пятью другими организаторами моления получили широкую огласку в сибирских и центральных периодических изданиях. В защиту арестованных выступили лидер сибирского областничества Г.Н. Потанин и писатель В.Г. Короленко. В ходе судебного разбирательства 26–31 мая 1906 г. Томский окружной суд полностью оправдал всех шестерых обвиняемых.

Очередной всплеск жалоб, прошений и ходатайств вызвала реорганизация в 1912–1913 гг. старой родовой системы управления алтайцев. Так, в 1913 г. в Томское губернское управление поступило 57 жалоб по поводу перевода кочевых алтайцев в разряд оседлых и введения у них волостного и сельского управления. Их опасения вызывал риск утраты права на освобождение от рекрутской повинности (службы в армии) и потери традиционного уклада жизни. Кроме того, были случаи отказа зайсанов сложить свои полномочия. Жители ряда мест, например урочищ Мендур-Соккон, Сугаш, Ебогон, Ябоган, Кырлык, Арынур и Верх-Чарыш (до 500 человек), в 1913 г. отказались выбирать должностных

лиц нового волостного и сельского управления. Только под давлением крестьянского начальника и помощника Бийского уездного исправника с полицейскими чинами, а также после ареста одного зайсана и нескольких влиятельных лиц удалось провести выборы.

Накануне Февральской революции, летом 1916 г. произошли массовые выступления алтайцев, вызванные изданием царского указа от 25 июня 1916 г. о призыве взрослых мужчин нерусской национальности на военно-тыловые работы. В Усть-Канской, Урсульской и Уймонской волостях местные алтайцы требовали от должностных лиц официальной отмены призыва, оказывали им сопротивление, а многие не явились на призывные пункты. В Чуйской долине весть об указе привела к массовому бегству казахов и теленгитов в соседнюю Монголию. На настроения алтайского населения оказали влияние рассказы вернувшихся с фронта солдат. В феврале 1917 г. полицейские власти отмечали, что хотя население довольно терпеливо переносит тяготы войны, но имеют место недовольство и ропот.

Обращаясь к культуре населения Горного Алтая XIX – XX вв. следует сказать, что она развивалась в русле соседства, взаимодействия и взаимовлияния двух её составляющих: алтайской и русской культуры. В русской крестьянской культуре выделялась удивительная материальная и духовная культура старообрядческого населения Уймонской долины, в которой сохранились самобытные черты культуры русского народа до «никоновского Раскола».

Значительный приток русских переселенцев, аграрные и административные преобразования, миссионерская и просветительная деятельность Русской православной церкви, торговля и другие факторы усиливали русско-алтайское межатническое взаимодействие, неизбежными последствиями которого стали культурная (языковая, бытовая) ассимиляция и переход в православие значительной части алтайского населения. Этому способствовали также дисперсное расположение мелких алтайских селений и смешанное проживание в алтайских и русских селах. Русские крестьяне, как носители оседлой земледельческой культуры, оказали ощутимое влияние на уклад жизни коренных жителей Горного Алтая. Одним из важных результатов длительного соседства, постоянно усиливавшихся культурных взаимоотношений двух народов стал переход к оседлому образу жизни доброй половины алтайского населения.

В XIX – начале XX вв. алтайская культура развивалась по двум главным направлениям. Первое направление выразилось в возрождении культурной традиции, унаследованной с ойротского (джунгарского) времени и основанной на духовных ценностях буддизма: преимущественно религиозных рукописей и ксилографов на ойротской письменности (тодобичик), астрологии с лунно-солнечным календарем (журакай). Традиционная нематериальная культура алтайцев не утратила устной формы сохра-

нения и передачи ее феноменов: эпоса, мифологии и других жанров народного творчества. В духовной жизни народа эпос имел всеобъемлющее и фундаментальное значение. События 1904–1905 и последующих лет показали, что лидеры обновленческого бурханистского движения сумели консолидировать алтайский этнос и направить его общественную жизнь в русло адаптации к социально-экономическим реалиям Сибири начала XX столетия.

Вторая тенденция выразилась в том, что в алтайской культуре, под влиянием русской культуры, сложилась новая форма письменности, основанная на русской графике (кириллице), профессиональная литература и изобразительное искусство. Основоположником новой алтайской литературы является М.В. Чевалков, в творчестве которого соединились алтайская и русская литературные традиции. А основателем профессионального изобразительного искусства в Горном Алтае стал Г.И. Гуркин (Чорос-Гуркин). В начале XX столетия русская демократическая интеллигенция Сибири во главе с лидером областничества Г.Н. Потаниным оказала большое влияние на формирующуюся интеллигенцию алтайского народа. Передовая образованная часть алтайского народа овладевала достижениями русской культуры, стремилась использовать их в своих интересах и противостоять грозным вызовам начала XX столетия.

СОКРАЩЕНИЯ

1. Архивы

РГИА	– Российский государственный исторический архив.
ГАТО	– Государственный архив Томской области.
ЦХАФАК	– Центр хранения архивного фонда Алтайского края.

2. Научные и другие учреждения, организации

АДМ	– Алтайская духовная миссия РПС
НАНИИА	– Научный архив НИИА
НИИА	– Научно-исследовательский институт алтаистики им. С.С. Суразакова
НИИИЯЛ	– Научно-исследовательский институт истории, языка и литературы
НМРА	– Национальный музей Республики Алтай им. А.В. Анохина
ИРГО (РГО)	– Императорское Русское географическое общество
РЭМ	– Российский этнографический музей
РПС	– Русская православная церковь
ТОИКМ	– Томский областной историко-краеведческий музей
УКРКМ	– Усть-Канский районный краеведческий музей им. И.В. Шодоева (с. Усть-Кан Республики Алтай).

3. Периодические и другие издания

ПБ	– Православный благовестник, 1907, 1910 гг.
ПК	– Памятная книжка Томской губернии, 1904, 1912, 1913 гг.
ТЕВ	– Томские епархиальные ведомости, 1903, 1906, 1908, 1909 гг.
СЗРИ	– Свод законов Российской империи. Кн. 1. Т. 2. 1910

4. Некоторые часто употребляемые слова:

век	– в.
века	– вв.
год	– г.
годы	– гг.

голов [скота]	— гол.
город	— г.
деревня	— д.
десятина	— дес.
женщина (женский)	— жен.
копейка	— коп.
крупный рогатый скот	— КРС
мелкий рогатый скот	— МРС
мужчина (мужской)	— муж.
поселок	— пос.
рабочая [лошадь]	— раб.
река (речка, ручей)	— р.
рубль	— руб.
село	— с.
тысяча	— тыс.
человек	— чел.

Г.И. Чорос-Гуркин
“Алтайка в чегедеке”

Г.И. Чорос-Гуркин
“Телеутка
у домашнего
очага”

Эрке Кайбашев, и
Каба-Мадина
20.6.

Г.И. Чорос-Гуркин
“Кайбашева Эрке”

Г.И. Чорос-Гуркин
“Женщина в чегедеке”

Г.И. Чорос-Гуркин
“Женщина с трубкой”

Г.И. Чорос-Гуркин
“Женщина в белой шубе”

Г.И. Чорос-Гуркин
“А. Шабуракова ”

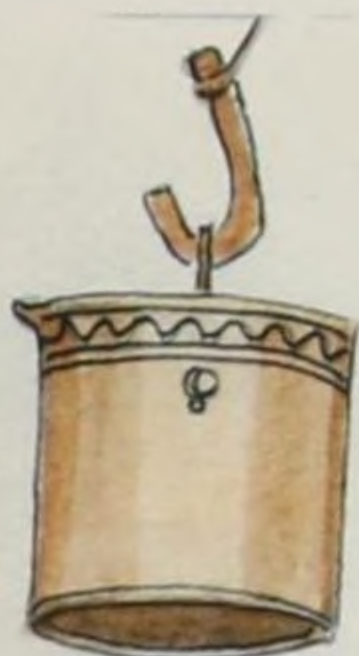
Г.И. Чорос-Гуркин
“Девушка-кумандинка”

Г.И. Чорос-Гуркин
“Тагыл”. НМРА

Г.И. Чорос-Гуркин "Жертвенник бурханистов". НМРА

Байлу, мөрүлдү Кајң

Теңердең, Курдустаннаң
теңері Жарлыктаң,
тушкен Бек.

Кіжінің, малының
тынын пек Жазын дей
біс сурай Жат..

Каракол.

10, 23, август (понедельн.)
1919 года.

Юрта Мыжлака
Бабанова.

Куйка.

сырга.

мааны.

4, мааны.

Кабай, бала сала тан.
Курдустанаң Олыбос
Кызыл тын, пек
Жазын дей, сурай-
Жат.

Жалкын адатан
теңерде от бар-
Оны адай еткен.

Жаман-Неме
Атсын-дей.

Т. Гуркин
1919г. Каракол (Урскульский)

Месяцеслов БУРХАНИСТОВ.

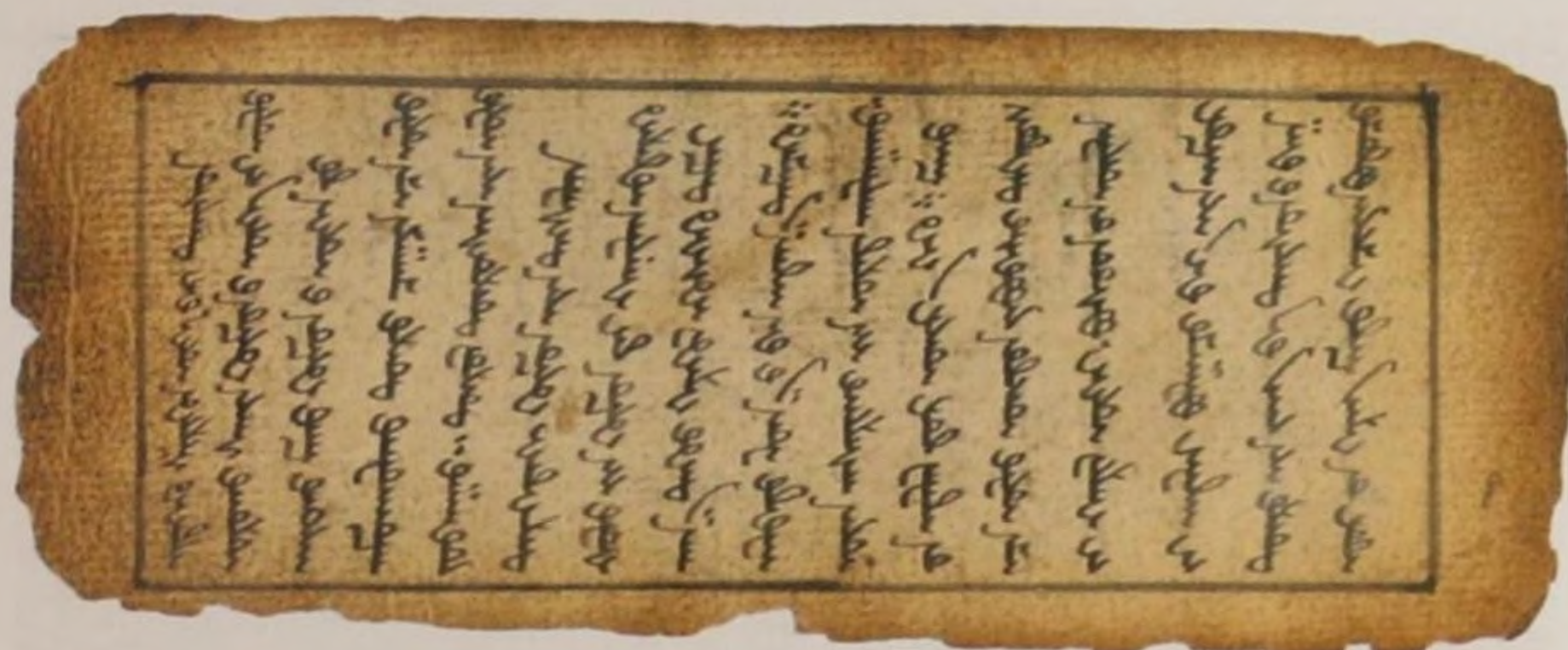
Календарь бурханистов. НМРА

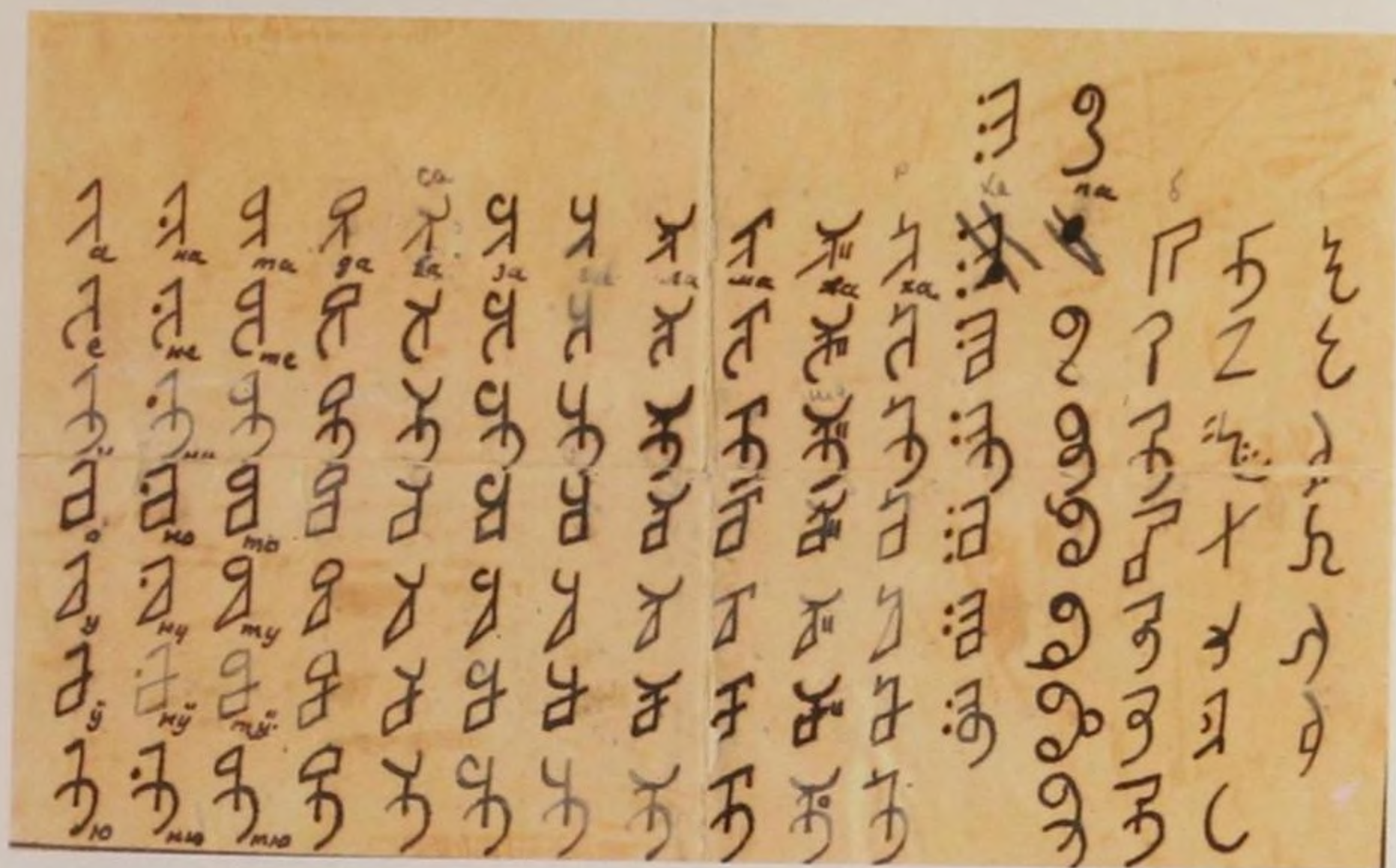
Тажуур. ТОИКМ

Огнива (отык). Каракольский сельский музей

Текст сутры. НМРА

Ойротский алфавит. НМРА

Ритуальные предметы.
(Хранятся в администрации Онгудайского района)

Күрее начала XX в. (восстановлен в начале 2000-х гг.).
Онгудайский район

Шатра. РЭМ

Шапка. РЭМ

Öмүр

Уштук. Фото 2008 г.

Участники фестиваля “Јагар кожон”, 2007 г.

Всадники на празднике Эл Ойын-2008

Женщина в традиционном
наряде (Уймонская долина).
Фото начала 2000-х гг.

Девушка
в традиционном наряде
(Уймонская долина).
Фото начала 2000-х гг.

СЛОВАРИ

1. Словарь общественно-политических и хозяйственных терминов

Албачи – сборщик налогов, податей (албан).

Аманат – заложник.

Арбанак – десятник, должностное лицо кочевой волости (дючины), в ведении которого находились 10 дворов.

Арендный поселок – поселение крестьян на арендованной (кабинетской) земле.

Башки – обращение к знатному, уважаемому человеку, чиновнику или иному начальствующему лицу.

Башлык (паштык) – главное должностное лицо в кочевых волостях Северного Алтая.

Бошко (пошко) – должностное лицо в Чуйских кочевых волостях, занимавшегося сбором податей; десятник, в подчинении которого находилось 10 дворов.

Вахмистр – высшее солдатское звание в кавалерии старой русской армии.

Внешние вассалы (кит. вай фань) – сословно-юридический статус тувинцев и чуйских теленгитов в системе управления цинского Китая.

Волостной старшина – глава волостного схода

Волостной сход – орган местного крестьянского общественного управления (с 1837 г.).

Волость – административно-территориальная единица, составная часть уезда (округа).

Волость крестьянская – административно-территориальная единица, объединяющая крестьянское население.

Выселок – небольшой поселок на новом месте, выделившийся из большого села (деревни).

Генерал-губернатор – в царской России начальник одной или нескольких губерний, составляющих генерал-губернаторство. Обладал высшей военно-административной властью.

Гильдия – объединение купцов и ремесленников, защищавшее интересы или цеховые привилегии своих членов.

Голова – глава (алт. башлык) родового управления кочевой волости в Северном Алтае.

Губернское управление – высший административно-полицейский орган губернии.

Двоеданцы – люди (народ), платившие дань двум владельцам (государствам).

Демаркация – установление и обозначение на местности границ между смежными государствами.

Демичи – 1) сотник, второе после зайсана должностное лицо в дючине, в подчинении которого находились 100 домохозяев одного или нескольких родов, объединенных в арман; 2) помощник родового старосты (зайсана).

Десятник – см. **арбанак**.

Драгун – солдат или офицер некоторых кавалерийских частей в царской России.

Дючина – административная единица кочевого населения, образованная по родовому принципу.

Заимка – занятие свободного участка земли при первоначальном заселении места, расчищенное и обрабатываемое вдали от деревни и вне общественных пахотных земель.

Заимочники – жители заимки.

Зайсан – главное должностное лицо, родовый староста в дючине (кочевой волости) алтайцев.

Заселок – см. **выселок**.

Инородцы – термин, обозначающий в юридической, законодательной и социальной практике царской России особое сословие, в которое входили коренные народы Сибири. Сословие инородцев приравнивалось к крестьянам, но имело ряд отличий в правовом статусе.

Инородцы кочевые – термин, введенный в юридическую практику «Уставом» 1822 г. К разряду кочевых инородцев относились народы, «занимающие определенные места, по временам года переменяемые».

Инородцы оседлые – термин, введенный в юридическую практику «Уставом» 1822 г. К оседлым инородцам относилось коренное население Сибири, живущее в городах и селениях.

Калмыцкие стойбища – общая территория, отведенная под кочевья населения семи алтайских дючин.

Каменщики – беглые горнозаводские крестьяне, поселившиеся в горной местности («Камне»): по Бухтарме, в верховьях Катунь.

Кош – караван.

Крестьянский начальник – должностное лицо (1898–1917 гг.), осуществляющее надзор за крестьянским и инородческим общественным управлением. Основные функции – административно-полицейские, судебные, попечительские.

Кунди (кюнди, кюньдэ) – должностное лицо в Чуйских волостях, выступающее как сельский исполнитель; сборщик податей.

Мировой посредник – должностное лицо (1862–1878 гг.), назначавшееся для урегулирования спорных вопросов между крестьянами и Кабинетом, ведал также органами крестьянского общественного управления.

Нойон — (монг. господин, князь) светский феодал в Джунгарии.

Оброчники — горнозаводские крестьяне, состоящие на оброке.

Окружное присутствие по крестьянским делам — орган управления округа, в состав которого входили чиновники по крестьянским делам (сменившие мировых посредников) и земский исправник (начальник окружной полиции). Наблюдало за общественным крестьянским управлением, рассматривало жалобы на действия должностных лиц сельского и волостного управления, налагало на них административные взыскания и др.

Оток — административная единица в Джунгарии, примерно равная волости.

Подать — казенные налоги, дани, сборы.

Полиэтничность — термин, обозначающий наличие нескольких этносов, проживающих на определенной территории, в государстве.

Поскотина — ограждение, городьба сенокосов и ближних выгонов, непосредственно прилегающих к зимним стойбищам и деревне.

Протекция — покровительство, влиятельная поддержка со стороны кого-либо, содействующая устройству чьих-либо дел.

Редут — полевое земляное укрепление с наружным рвом и валом.

Саянская волость — название отока племени сойонов (соянов) в Джунгарии.

Сельское общество — одно селение (село, деревня) или несколько ближайших между собой поселков крестьян, объединенных общими земельными, хозяйственными интересами. Органы сельского общественного управления — сельский сход и сельский староста.

Сенат — в царской России правительственный орган, осуществлявший функции высшего суда и надзора за деятельностью правительственного аппарата.

Сёок (сеок) — дословно «кость», род, обозначает принадлежность к патриархальному роду.

Старообрядцы (староверы) — общее название последователей ортодоксального православия до церковной реформы, проведенной патриархом Никоном (1653-1656 гг.). Выступали против нововведений, за сохранение старых обрядов.

Староста — 1) главное выборное должностное лицо крестьянского сельского общества; 2) главное должностное лицо в инородческой управе.

Старшина волостной — выборное лицо, глава волости.

Степная дума — административная единица кочевого населения, которая объединяла несколько инородных управ.

Стойбище — сезонное поселение кочевого населения.

Торговая фактория — название торгово-снабженческого пункта в отдаленных промысловых районах.

Улус – родовая община и принадлежащая ей земля или становище кочевников, селение.

Управа инородная – административная единица кочевых инородцев, в которую по «Уставу об управлении инородцев» 1822 г. объединялись несколько стойбищ или улусов одного рода. Должностные лица управы – голова, два выборных и письмоводитель. В Горном Алтае инородными управами назывались административные единицы оседлых инородцев.

Урочище: место кочевья, стойбище.

Форпост – передовой пост охраняющих частей, а также укрепленный пункт на границе.

Хошун (монг.), **кошун** (тюрк.) – административная единица чуйских теленгитов в составе цинского Китая.

Школа миссионерская – учебно-воспитательное заведение элементарного типа при религиозных миссиях. В Горном Алтае школы, созданные и находившиеся на содержании Алтайской духовной (православной) миссии.

Школа церковно-приходская (одноклассная, двухклассная) – начальная школа в дореволюционной России; в Горном Алтае находились в ведении Алтайской духовной миссии.

Шуленги (шуленга) – в алтайских дючинах должностное лицо, выступающее как сельский исполнитель; сборщик податей.

Эмиссар – лицо, посылаемое неофициально с секретным политическим поручением (обычно в другую страну).

Ясак – налог государству, выплачиваемый коренными народами Сибири (первоначально пушниной) в знак подданства Российскому государству.

Ясачные – коренные жители (народы) Сибири, принявшие российское подданство и платившие ясак.

2. Словарь этнографических терминов

Материальная культура

Аарчы – творог на основе сквашенного молока, является производной чегеня.

Агаш айыл – деревянная конусообразная или полусферическая юрта.

Агаш курек – деревянная лопата.

Ай – 1) луна, месяц; 2) название родового знака (тамги).

Айран – напиток, приготовляемый из кислого молока.

Айыл – 1) деревянная рубленая юрта; 2) мелкое оседлое селение у алтайцев.

Аланчык – конусообразная войлочная или корьевая юрта.

- Алыйман** — каркас крыши многоугольного рубленого айыла.
- Амагандары (энекелери)** — рисунки на лоскутках материи, изображавшие духов-предков по материнской линии (у телеутов).
- Андазын (андазы)** — соха.
- Апт(ы)ра** — ящик, где хранились ритуальные предметы.
- Ар өдүк** — сапоги, состоявшие из чирков и холщовых голенищ.
- Аргуш** — кривой нож, используемый для срезки травы, колосьев злаковых.
- Армакчы (кыл армакчы, кайыш армакчы)** — аркан (волосяной или кожаный).
- Артпак** — жерди, крепившиеся над очагом к каркасу над дверью.
- Архыт (аркыт)** — большой кожаный сосуд, в котором хранили чеген.
- Багана** — приспособление для хранения мяса.
- Базыра** — жерди, которыми прижимали для прочности покрытие чаадыра.
- Баш кайырчак** — главный деревянный сундук, в котором хранились семейные ценности.
- Бельдуш (бел)** — особое украшение, которое подвешивалось к поясу женщины.
- Бура (пура)** — изображение лошади, горного барана на шаманских бубнах.
- Буур** — печень (печенка).
- Быштак** — прессованный сыр из кипяченого молока.
- Јаа** — 1) лук; 2) родовой знак (тамга).
- Јайлу** — летовка, летнее поселение полукочевых скотоводов.
- Јака** — воротник.
- Јал** — гривенная часть конины.
- Јанчык** — пороховница.
- Јапаш** — временное жилище для ночлега в пути и на промысле.
- Јаргак (тон)** — шуба без шерсти.
- Јарма** — ячменная крупа.
- Јер үй** — земляное жилище с выступающей односкатной или двускатной крышей.
- Јөргөм** — традиционное кушанье из кишок, нутряного жира и желудка.
- Јурт** — поселение.
- Јыламаш** — раковины каури, обычно украшают женскую одежду и прически.
- Јыракы** — 1) кувшин; 2) родовой знак (тамга).
- Зимовка** — см. кышту.
- Ильмек** — деревянный крюк, крючок.

Казы — традиционное кушанье из конской толстой кишки с нутряным жиром.

Каймак — сливки из свежего молока.

Кайыш кур — кожаный пояс.

Калта — кисет.

Кан — кровяная колбаса, состоящая из смеси крови, молока, лука, заливаемая в тонкую кишку.

Канза — курительная трубка.

Кап — кожаная сума.

Карачкы — деревянное кольцо в верхней части айыла, скрепляющее жерди.

Карта — кушанье из прямой кишки лошади.

Карын — желудок.

Карынжу — нутряной жир, желудок, начиненный нутряным жиром.

Кас — 1) гусь; 2) родовой знак (тамга).

Кежеге — косичка в детской, девичьей и мужской прическах.

Кежим — кожаные накладки на потники или подседельники.

Кебис — войлочный ковер.

Кендирь (кендырь) — 1) растение конопля, волокно которого служило материалом для ткачества; 2) одежда, сшитая из конопляной ткани.

Кереге — деревянная решетка, образующая стены войлочной юрты.

Кереге айыл — войлочная юрта.

Керетарткыч — накосные украшения кумандинских женщин.

Керзен — жареная грудинка барана.

Килин — бархат.

Кин (көй) — кожаный мешочек, в который зашивали пуповину (киндик) ребенка.

Колосник — особо устроенные решетки для сушки снопов.

Косок — деревянная лопата.

Көнөк — деревянное ведро.

Көстөр («глаза») — бронзовые бляшки на ремне.

Көчө — суп, похлебка из ячменной или пшеничной перловки.

Куйка — большая круглая или овальная пуговица с медными или серебряными петельками.

Кулја (кульдя) — 1) узор, используемый в украшении предметов, представляет собой ромбовидную фигуру с рогообразными ответвлениями; 2) родовой знак (тамга).

Кумыс (кымыс) — напиток, приготавливаемый из квашенного кобыльего молока.

Кур — кушак, пояс из ткани (длина 3 м).

Курмач — крупа из поджаренных ячменных зерен.

Куртан — кушанье из коровьего мяса и почек, поджаренных с салом и луком.

Куртыяк — 1) пожилая женщина; 2) женские фигурки на ткани у чалканцев.

Курут — сушеный, прокопченный кислый сырчик.

Күүнөк — женский халат чалканцев.

Кыйма — кушанье из кишок, начиненных потрохами.

Кыйу — канва, отделка по краю одежды (рубашки, платья, шубы).

Кынду бычак — нож в ножнах.

Кышту — зимовка, зимнее поселение, стойбище полукочевых скотоводов.

Летовка — см. јайлу.

Маныр — дикий лук-слизун.

Молотяга — молотилка.

Неудобные земли — непригодные к пашне, сенокосу земли.

Овин: четырехстенный амбар для сушки снопов.

Односелье — одиночное поселение.

Оду — стан, становище.

Ойонгот — род осоки, трава, используемая в качестве стельки (чулок) обуви.

Ортко — брага, изготовленная специально для жертвоприношений (у кумандинцев).

Отгонное скотоводство — ведение скотоводства с сезонными перекочевками.

Отык — огниво.

Очок — очаг, таган, треножник.

Өдүк — обувь, сапоги.

Өзөк — основа чаадыра (см. чаадыр).

Өрөкөннер (куртиняк, төрдө) — рисунки на кусочках холста в виде парных человеческих фигурок (у кумандинцев).

Рига — амбар для сушки снопов, по размеру больше овина.

Саба — 1) кожаный сосуд; 2) брага, изготовленная специально для жертвоприношений.

Сакузын — амулет, серебряная бляшка с вставными камнями из сердолика и кораллов, которой теленгитские женщины украшали косы.

Сала — срубленное дерево с отсеченными ветками.

Сарју (каймак-сарју, сары/кызыл сарју) — масло (сливочное, топленое).

Саракай — 1) крест; 2) родовой знак (тамга).

Сарсу — сыворотка.

Сарыган (Сары кан) — 1) изображение духа-покровителя охотников.

Соки — деревянная цельновыдолбленная ступа.

Солоны — 1) радуга, 2) разноцветная отделка женской одежды.

Соха — пахотное орудие с широкой рабочей частью (рассохой) из дерева, оснащенной двумя железными сошниками и железной лопаткой и соединяющаяся в верхней части с оглоблями, в которые запрягали лошадь. Главное отличие от плуга — соха не переворачивала пласт земли, а рыхлила почву. Разновидности сохи: «колесуха», «колесянка», «сабан», «тюменка».

Суак (субак, сугак) — арык, канал, оросительное сооружение.

Сулук — 1) удила; 2) родовой знак (тамга).

Сүрү бөрүк (кураан бөрүк) — шапка треугольной формы из черной мерлушки, которую могли носить только люди, вступившие в брак.

Сырга — 1) серьги; 2) родовой знак (тамга).

Сырмал — девичья прическа, состоявшая из большого количества косичек.

Тажуур — 1) кожаный сосуд для жидкостей; 2) родовой знак (тамга).

Талкан — толокно из прожаренных зерен ячменя и пшеницы.

Тамга — родовой знак, тавро.

Тана — плоские перламутровые пуговицы, обычно вплетаемые замужними женщинами в косы.

Тарчык бөрүк — шапка из мерлушки, бытовавшая у теленгитов.

Телүүн — селезенка.

Темир токпок — букв. «железная булава», железные стерженьки на конце снизок раковин каури, вплетаемых в косы.

Тепши — выдолбленное деревянное корытце для мяса.

Тертпек — лепешка из пресного теста.

Токпок — деревянная палка (колотушка).

Тон — запашная овчинная шуба.

Торговая фактория — название торгово-снабженческого пункта в отдаленных промысловых районах.

Тоскуур — 1) корыто; 2) родовой знак (тамга).

Төбө — кружок из материи, пришиваемый на макушке шапки.

Төр — почетное место в айыле напротив входа за очагом.

Төштөк — накладной женский праздничный нагрудник, прикрепляемый к воротнику (у телеутов).

Тулун — прическа замужней женщины в виде двух кос.

Түнүк — дымоход в юрте.

Тыш карачкы — деревянное кольцо для внешнего усиления корпуса айыла, придавливало корьевую крышу или войлок.

Удурма (јудурма) — см. уштук.

Ук — войлочные чулки.

Улус — 1) поселение (община), в котором проживали представители разных родов; 2) население, люди, народ.

Уна — шести крыши войлочной юрты.

Урочище — место кочевья, стойбища.

Уча — мясо задней части животных.

Уштук — манжеты рукавов женской одежды, обычно прикрывавшие кисти рук.

Чаадыр — конусообразная деревянная юрта, обычно покрытая кожей лиственницы.

Чаачыш (чинче) — подвеска четырехугольной формы, прикрепляемая кумандинскими девушками к волосам.

Чайлу — срубная юрта усеченной формы (у тубаларов).

Чакы — коновязь.

Чамча — рубашка.

Чанмырак — крестовина каракчи (см. каракчи) войлочной юрты.

Чарак — прожаренные зерна ячменя, пшеницы.

Чарык — чирки, кожаная обувь в виде галош.

Чачак — кисточка, украшающая шапки и одежду.

Чегедек — верхняя безрукавная одежда замужних женщин.

Чеген — напиток из кислого коровьего молока.

Чеймек — мужская куртка с короткими до локтя рукавами.

Чекпен — халат.

Челдек — стрижка волос «под горшок».

Чичирган — 1) облепиха; 2) узор, вышиваемый на одежде и предметах быта.

Чорго — 1) желоб, винокурная трубка, 2) родовой знак (тамга).

Чобрё (шанда) — кора, использовалась как покрытие айыла (обычно лиственничная, реже березовая).

Чөчөй — 1) чашка округлой формы, из нее пили чай, араку; 2) ритуальное подношение чашки с чаем или аракой (родственникам, гостям).

Чуба — легкая верхняя одежда вдовы.

Чүрмеш — челка, оставляемая на лбу девочки.

Шалтрак — специальное украшение, которое прикрепляли на верхнюю одежду ребенка со стороны спины.

Шанкы — 1) прическа девушки, достигшей брачного возраста; 2) накосное украшение девушки.

Ширдек — войлочный ковер.

Шиш — шалаш, крытый соломой.

Эдигей (уус) — творог из молозива.

Эдирген — ровная площадка на земле, очищенная для молотбы урожая.

Айдын аразы — последняя ночь старой луны.

Айдын јанызы — фазы луны в период новолуния.

Айдын толууны — полнолуние.

Айдын эскизи — фаза старой луны. Период «старой луны» (айды? эскизи) длится до того, как станет невидимым диск месяца.

Амыргы (авырга) — деревянная труба, манок на марала.

Байга — приз во время конных состязаний, вносимый теми, кто выставял лошадей, доставался хозяину победившей лошади.

Байтал баш (баш-кӱс) — ритуальное угощение на следующий день после свадьбы.

Јаана (јаан эне) — бабушка по отцу и матери.

Јагар — ритуальная песня, исполняют обычно нараспев, стоя кругом или полукругом.

Јатаган — продолговатый струнный музыкальный инструмент.

Јелип — скачки на лошадях рысью.

Јорго — скачки на лошадях иноходью.

Јылгайак — праздник Нового года, проводы зимы и оживления природы.

Икили — смычковый музыкальный инструмент.

Кажык ойын — игра в бабки или альчики.

Кай — горловое пенье.

Кайндаш — обычай избегания, регулирующий взаимоотношения между невесткой и старшей родней мужа.

Кайчи — сказитель, исполнитель горлового пения.

Кайын ада — тесть.

Кайын эне — теща.

Келиндеш — обряд избегания старшей родни мужа невесткой.

Кеп-куучын — устные предания.

Кин эне (кӱй эне) — женщина, обрезавшая пуповину у новорожденного.

Кожон — песня.

Комыс — щипковый музыкальный инструмент (варган).

Конок — сутки.

Кӱжӱгӱ — свадебная занавесь новобрачных.

Куда — сват или сватовство.

Кӱреш — борьба.

Полиэтничность — термин, обозначающий наличие многочисленных этносов, проживающих на определенной территории, в государстве.

Соојын — мифы.

Сӱӱктӱрдин чолозы — шуточные дразнилки родов.

Сӱстӱш — сговор.

Сыбыскы — игральная дудочка, изготавливаемая из полога зонтичного растения.

Сыгырткыш — игральная дудочка, изготавливаемая из прута ивы, сняв кору трубочкой.

Таай — дядя по матери.

Табышкак — загадка.

Талу — настольная игра типа домино.

Тан — утро.

Тан чолмон — утренняя звезда — планета Венера.

Той — свадьба.

Топшуур — струнный щипковый инструмент, похожий на лютню, изготовленный из дерева (кедра).

Топыйт — настольная игра шашечной разновидности.

Түн — ночь.

Түш — день.

Чаади — часть выкупа, удерживаемая родителями невесты за честь дочери при ее возврате в случае дурного обращения.

Чабыш — простые гладкие скачки на лошадях.

Чечен сөстөр — словесные состязания в «меткословии», обычно шутили по любой выбранной жизненной теме.

Шатра — игра, напоминающая шахматы.

Шоор — духовой музыкальный инструмент, который делали из ровного пустотелого стебля высохшего растения.

Эдиске — инструмент из вдвое сложенной бересты для приманивания косули и кабарги.

Энир — вечер.

Энир чолмон — вечерняя звезда (Венера).

Религия

Авалокитешвара — бодхисаттва сострадания и милосердия.

Ак кам — шаман, обладающий белой магией.

Алтайдын ээзи — «хозяин» Алтая.

Аржан суу — целебный источник.

Ару тös — чистый дух.

Арчын — вереск.

Ботко — смесь, приготовленная из молока и толокна.

Бурхан (буркан, быркан) — 1) божество; 2) будда, бодхисаттва; 3) изображения, статуэтки божеств.

Бурханизм (ак јан) — религиозно-синкретическая система, включающая в себя традиции центрально-азиатского буддизма, древнетюркские «тенгрианские» и шаманские обряды и культы.

Быйан — благодать, в охоте, сборе диких съедобных растений, благоурожаю, скоту и т.д.

Жажыл бӱр («зелёная листва») — весеннее моление алтайцев-бурханистов в период новолуния (приходилось на июнь).

Жайык — одно из почитаемых духов-божеств среднего мира у шаманистов-алтайцев. В бурханизме выполнял те же самые функции, но постепенно трансформируется в божество плодородия и созидания.

Жайык чӧктӧр — моление, проводимое алтайцами для почитания жайыков.

Жалама — жертвенная лента из материи, привязываемая шаманистами в почитаемых местах.

Жарлыкчи — священнослужитель религиозного культа у бурханистов.

Жердин ээзи — дух, «хозяин» Земли.

Жула — особые светильники бурханистов, подобные лампадам-светильникам (зула) в буддистских храмах.

Кам — шаман.

Камлание — основной вид ритуала шамана, в процессе которого он обращается к духам предков и божествам.

Каным — двуголовая антропоморфная фигура, вырезанная из дерева и изображавшая божество — покровителя (в шаманизме).

Кара кам — шаман, обладающий черной магией.

Кириш — железный прут, пересекавший грудь в изображении «ээзи».

Коча-кан — дух, божество плодородия у кумандинцев и чалканцев.

Кудай — бог.

Курбустан (Ӱч Курбустан) — верховное божество бурханистов, создатель и покровитель неба и светил, суши и воды, олицетворение этих стихий.

Куш бӧрӱк («птичья шапка») — шапка шамана.

Кӱре — жертвенник, выложенный из каменных плит, в форме почти правильного куба (иногда цилиндра) различных размеров.

Кыйра — жертвенная лента из материи, привязываемая бурханистами в почитаемых местах.

Манжак — специальная шаманская верхняя одежда.

Мӱргӱӱл — моление, место моления бурханистов.

Обоо (обоо-таш) — жертвенная куча камней, которую набрасывали на особых местах, обычно на перевалах.

Ойрот-хан — исторический и мифический персонаж, хан, владыка Дёрбен-Ойрота — государства ойротов (джунгаров). В мифологии бурханизма — Мессия.

Ол јер — «тот» (потусторонний) мир.

Орбу — ритуальный предмет («жезл»), используемый при камлании.

- От такыр** — обряд почитания «хозяйки» огня.
- От-ээзи** — «хозяин» огня, домашнего очага.
- От-эне** — «хозяйка» (мать) огня, домашнего очага.
- Сары бӯр** («желтая листва») — осеннее моление алтайцев-бурханистов в период новолуния (приходилось на сентябрь).
- Судур бичик** — священные буддийские книги — сутры.
- Судурчи** — знаток буддийских сутр.
- Сүме** — длинные ритуальные шесты, оканчивающиеся весьма разнообразными фигурами, которые устанавливали в местах моления бурханистов.
- Тагыл** — жертвенник.
- Тайылга** — обряд жертвоприношения, совершаемый верховным божествам.
- Тенеринин кыстары** — небесные девы, дочери Бай-Ульгения; их изображения на шаманских бубнах или на спине манжака.
- Түнгүр** — бубен шамана.
- Ульгень (Бай-Ўльген)** — одно из верховных божеств в алтайском шаманизме.
- Умай-эне** (Бай-эне, Пайана) — женское небесное божество, которое охраняет ребенка от злых духов.
- Чалу** — изображение духа предка шамана на бубне.
- Черү** — «войско» духов-помощников, в том числе умерших родственников кама (шамана).
- Шабы (шабычи)** — помощник жарлыкчи при совершении обрядов и ритуалов.
- Шаман** — служитель культа шаманизма, посредник между миром людей и миром духов, божеств.
- Шаманизм** — древняя религия, основанная на анимистическом представлении, имеющая свой культ, пантеон божеств и духов; посредником между людьми и сакральным миром выступает шаман (кам).
- Шүтеен, шүтеел** — общее моление бурханистов, посвященное «хозяину» Алтая.
- Ээзи** — «хозяин», дух, например, гор, рек, огня.
- Эрлик (Эрлик-бий)** — владыка нижнего (подземного) мира в алтайском шаманизме.

УКАЗАТЕЛИ

1. Указатель географических названий

- Абай, река — 128, 328
Абай, село — 100, 103, 137, 339, 370
Абакан — 140, 356
Азия — 318
Азратхан, речка, приток Ябогана — 117
Айгулак — 103
Александровское, село — 84, 120, 122, 363
Алтай (Алтайские горы) — 5, 8, 9, 65, 96, 99, 118, 141, 199, 208, 216, 218, 219, 244, 255, 260, 261, 264, 268, 271, 272, 313, 321, 326, 331, 335, 336, 337, 371, 375, 377, 379, 380, 381, 383, 390, 392
Алтайское, село — 78, 136
Анос, село — 122, 381
Ануй, река — 112, 190, 393
Апшуяхта, река — 117, 134, 137
Аргут, река — 79, 100, 132, 141
Арнур, урочище — 237
Аюла, село — 120, 122
- Барагаш, село, урочище — 121, 137, 211
Барнаул, город — 147, 381, 382, 392
Башкаус, река — 7, 79, 119, 132, 135, 141, 142, 190, 390
Баштала, деревня — 100, 226.
Белуха, гора — 381, 396
Белый Ануй, село — 103, 137, 186, 228, 338, 362, 368
Березовка, село — 335
Берлин, город — 388
Бешпельтир, село — 118, 120, 122
Бийск, город — 61, 136, 146, 147, 355, 371, 379, 387, 397
Бичикту-Бом, село — 240
- Бия, река — 62, 112, 137, 146, 188, 385, 389, 390
Большая Боллукту, урочище — 134, 137
Большая Черга, река — 118
Большая Черга, село — 134
Большой Алтайский хребет — 80
Большой Яломан, долина — 134, 137
Булгар, город — 259
Бурятия — 329
Бухтарма, река — 99, 387
- Верх-Кумалыр, село — 137
Верхний Келей, урочище — 103
Верхний Уймон, село — 100
Власьевка, деревня — 100, 226
Волга, река — 259
Восточная Азия — 316
Восточная Сибирь — 147
Восточный Алтай — 8, 389
Восточный Тибет — 391
- Горбуновaя (Горбуновка), деревня — 100, 226
Горная Колывань — 387
Горно-Алтайск, город — 379
Горный Алтай — 61, 62, 78, 87, 90, 99, 107, 121, 131, 138, 183, 184, 185, 186, 187, 188, 189, 190, 191, 192, 193, 194, 196, 198, 199, 200, 201, 202, 203, 204, 205, 206, 207, 208, 209, 211, 212, 213, 214, 216, 217, 218, 219, 220, 221, 223, 224, 244, 254, 255, 259, 267, 268, 271, 305, 309, 311, 315, 316, 326, 335, 336, 337, 338, 339, 347, 348, 355, 356, 362, 364, 366, 367, 370, 371,

- 372, 375, 377, 378, 379, 380, 385,
386, 388, 389, 390, 391
- Джазатор (Ясатыр), местность, селе-
ние — 396
- Джунгария, Джунгарское ханство —
62, 321, 328, 329, 375
- Ебогон, урочище — 237, 239
- Екатеринбург — 355
- Ело, река, село — 116
- Енисей, река — 356
- Западная Монголия — 331
- Западная Сибирь — 111, 338, 353
- Ильинское, село — 121, 137, 138,
144, 153, 229
- Иня, река — 117, 135
- Иодро, село — 103
- Иркутск, город — 147, 382, 392
- Иртыш, река — 328, 393
- Иша, река — 116
- Казань, город — 355, 371, 376, 377,
390
- Казахстан — 241
- Казнахта, местность — 218
- Кайтанак, деревня — 100, 226
- Калгут, местность — 190, 191
- Камлак, село — 368, 369
- Кан, река — 117, 128, 328, 387
- Канская степь — 126
- Каракол, река — 134, 137, 228
- Карасу, урочище — 118
- Карасук, село — 363
- Каспа, село — 118, 134, 137
- Кастахта, деревня — 100
- Катанда, село — 211, 212
- Катон-Карагай — 104
- Катунь, река — 62, 100, 112, 118,
130, 131, 135, 141, 142, 184, 188,
189, 190, 337, 341, 347, 380, 381,
385, 390, 395
- Каярлык, река — 116
- Кебезень, село — 122, 143, 363, 370
- Келей, урочище — 116
- Китай — 79, 86, 99, 145, 215, 255,
354
- Кобдо (Буэнту-Куту), город — 87
- Кобдо, река — 104
- Коксу, река — 112, 184, 396
- Кокуя (Кок-кая) — 134, 137
- Колконор — 103
- Коргон, село, река — 99
- Корота (Короту) — 134, 137
- Коучак, река — 3.3.
- Кош-Агач, село — 101, 103, 147,
211, 213, 214, 215, 397
- Красноярка, деревня — 100
- Красноярск, город — 382
- Куюктанар, река — 117
- Кузнецк, город — 140, 354, 376
- Куйтун, горы — 80
- Кумуртук — 133
- Куналыр, селение — 122
- Купчегень, долина, село — 103, 134,
135
- Кур-Кечи (Кюркечю), переправа —
- Курай, Курайская степь — 103, 132,
141
- Кырлык, река — 128, 328
- Кырлык, урочище — 103, 104, 195,
212
- Лебедь (Куу), река — 141
- Майма, река — 116, 118, 130, 200,
208, 211
- Майма, село — 62, 100, 335, 363
- Малая Боллукту, урочище — 134
- Малая Черга, речка — 134
- Малчи, река — 135
- Малый Ульгемень, долина — 117

- Манжерок, село — 120, 122, 137, 363
- Маргала, выселок — 116
- Мариинское, село — 121, 137, 153
- Мендур-Соккон, урочище — 237
- Меон, урочище — 133
- Мрасса, река — 390
- Могуйта — 134, 144
- Монголия — 92, 104, 145, 147, 196, 211, 213, 215, 219, 255, 321, 329, 331
- Москва, город — 355, 390
- Мукур-Черга, село — 134
- Мульта, село — 100
- Муны, река — 219
- Мыюта, село — 100, 117, 120, 363
- Найма (Майма), река — см. Майма, река.
- Нижний Уймон, село — 78, 100, 116
- Нижняя Каменка, деревня — 103
- Никольское, село — 121, 124
- Обь, река — 385
- Огневка, деревня — 100, 226
- Омск, город — 143, 381
- Онгудай, село — 101, 103, 136, 147, 186, 211, 212, 213, 214, 215, 328, 338, 368
- Оруктой, долина — 134
- Паспаул, село — 101, 120, 121, 189,
- Песчаная, река — 128, 131, 188, 190, 135, 328
- Петербург, город — 65, 375, 379, 380, 381, 387, 390, 392
- Петергоф — 227
- Предгорный Алтай — 106
- Россия, Российская империя — 5, 8, 68, 70, 75, 97, 99, 215, 219, 315, 335, 350, 364, 367, 368, 371, 375, 377
- Рудный Алтай — 387
- Сайдус, урочище — 118
- Сайлюгемский хребет — 80
- Салаир, горная гряда — 387
- Салаклар, урочище — 103
- Салганда, село (урочище) — 101, 121, 363
- Салкандар, урочище — 104
- Сальджар, урочище — 103
- Сары-кобы, урочище — 240
- Сарытума, местность — 103, 133
- Саяны, Саянский хребет — 80, 140
- Северо-Западная Монголия — 391
- Северный Алтай — 62, 121, 256, 257, 262, 263, 271
- Северный Китай — 391
- Северный Ледовитый океан — 355, 385
- Сема, река, левый приток р. Катунь — 188, 390
- Сибирь — 5, 6, 10, 14, 15, 16, 20, 23, 61, 110, 138, 188, 196, 199, 218, 219, 244, 315, 355, 375, 381, 383, 385, 386, 387
- Сибирячиха, деревня — 393
- Соок-Ярык, урочище — 366
- Суельта, село — 120
- Сумульт, река — 130, 141
- Тайна, село — 370
- Танну-Ола, хребет — 80
- Тарбагатай — 328
- Тарханск, село — 335
- Таурак, село — 393
- Текпенек — 240
- Телецкое озеро — 62, 77, 99, 134, 190, 257, 335, 380, 385, 386, 388, 389, 391

- Теньга (Кеньга), село — 103, 116, 212
- Теренг, лог (урочище) — 231, 232, 232, 328, 395
- Терехта, выселок — 100, 218
- Тихий океан — 385
- Токио, город — 14
- Томск, город — 147, 377, 381, 382, 390
- Томускан, река — 135
- Томь, река — 390
- Топучая, село — 103
- Тукта, село — 103, 328
- Туньжа, река — 116
- Турулу, река — 117
- Тыттугой — 132
- Тюгурюк, деревня — 100, 103
- Тюдрала, село — 101, 103, 137, 138, 363
- Тюмень, город — 355
- Узнезя, село — 120, 137, 368
- Уймон (Уймонская степь, долина) — 100, 124, 128, 146, 188, 196, 206, 209
- Улаган, село — 147
- Улала, село — 100, 144, 198, 208, 211, 212, 216, 335, 363, 368, 370, 373, 376, 379
- Улатай, город — 63
- Улегумень, долина — 134, 135
- Улета — 134
- Укок, плато — 92, 190, 191
- Урал — 147
- Урл(у)аспак, село — 116
- Урсул, река — 116, 128, 131, 134, 135, 190, 328, 370, 390
- Усть-Иня, село — 103
- Усть-Каменогорск, крепость, город — 354
- Усть-Кан, село — 103, 120, 121
- Усть-Кокса, село — 100, 124, 212
- Хабаровка, село — 103, 117, 328
- Центральная Азия — 315, 331
- Центральная Монголия — 391
- Чарыш, река — 112, 117, 130, 135, 190, 243, 328, 387, 388, 393, 395
- Чемал, село — 101, 120, 137, 363, 365
- Чепош, село — 120, 122, 137, 363
- Черга, село — 100, 338
- Чергачак, село — 198, 212, 369
- Чери, урочище — 134
- Черный Ануй, село — 103, 120, 138, 153, 186, 188, 198, 211, 212, 338, 363, 368
- Чечулиха, речка — 112
- Чечулиха, село — 100, 356
- Чибит, село — 133
- Чилиш, урочище — 134
- Чугучак, город — 80
- Чуйская степь (долина) — 92, 131, 141
- Чулышман (Чолышман), река — 79, 119, 132, 135, 146, 190, 390
- Чуя, река — 79, 119, 128, 132, 142, 390
- Шебалино, село — 101, 147, 338, 368, 370
- Шибелик, река — 116
- Ынырга, село — 121
- Ыштык, урочище — 135
- Эдиган, село — 119
- Этагол (Отогол), урочище, селение — 103
- Южная Сибирь — 315
- Южный Алтай — 261, 271, 377
- Ябоган, река — 117, 128, 190, 328
- Ябоган, село — 103, 117, 195, 212

2. Указатель имен

- Аблай, султан — 50
Абрамов, инженер — 143
Абылов Андрей — 239.
Аджи, джунгарский нойон — 46
Адрианов А.В., археолог, этнограф — 10, 246, 382, 392
Адышев Матай, один из обвиняемых по делу Чета Челпанова и др. — 233, 234.
Акбилеков Чубрек, зайсан — 46
Аккерблом С.И., свидетель по делу о Ч. Челпанове и др. — 13, 233.
Аксак — 50.
Акучаев Саза, зайсан Комляжской волости — 70
Алагызов И.С. — 373
Алемчир — 227.
Амгулунов Бурут, зайсан — 50
Амырсана (Амыр-Сана, Амурсана) — 26, 28, 29, 32, 48, 329
Ананьин Н.И., собиратель фольклора народов Сибири — 376
Анжик, старшина — 48
Аноков Челтуй, зайсан — 69
Анохин А.В. — 16, 327, 379, 381, 394, 397
Антонов Чилбек — 239
Аншелес О.М., геолог — 218.
Арапов М. — 50.
Аристов Н.А., ученый — 393
Астафьев, геолог — 218
Ащеулова А.Г., учительница — 373
Бабраев Матай, обвиняемый по делу Чета Челпанова и др. — 233, 234
Базан, зайсан — 55.
Байсур-Бакши, зайсан — 39
Барак, старшина — 49
Барок А.А., член ОПТГУ — 162, 165.
Барсов М.К., врач — 233.
Баскушев Найманак, зайсан — 69
Бату-Менко, зайсан — 39
Битюкин Митрий, зайсан — 69
Бедженин Аксак — 50.
Безродный В.К., сенатор — 111
Бекишев Канай, зайсан — 69
Белек, зайсан — 237
Белоусов И.И., переводчик — 237
Беседнов, вахмистр — 26.
Бийлянкин Чокурак — 366
Биоктергин Габунг, лама — 37
Блохин И.А., мещанин — 229
Бобой, зайсан — 38.
Богарырев Н. — 394
Бок, сын Еркея Менкина — 38.
Болот, сын Омбы — 29, 30, 34.
Больба Баис — 239
Боочатов (Максимов) Кооки — 335
Борзенков — 379
Борисов (Тодогошев) Стефан, священник — 227, 228, 230, 231, 373
Борисов-Кочубеев М.А. — 373
Боронин О.В., ученый — 20, 79
Ботвин Данил, зайсан — 70
Бочкарев, сельский старшина — 226
Бочкарев Гаврила (Бочкарь), старообрядец — 100
Брецинский В.А., инженер — 109
Бунге А.А., ученый — 7, 69, 126, 141, 264, 388
Бунцук, демичи — 38.
Бучинский, пристав — 232
Ваганов Н.А. — 109
Васенев А.Д., купец — 234
Вербицкий В.И., миссионер, ученый — 11, 17, 244, 306, 311, 316, 376, 377, 380
Верещагин В.И., краевед — 13, 395, 396

- Видавский М.П., помощник исправника — 232
 Владимир, архимандрит — 104, 370, 371
 Волков, майор — 35.
 Волков, прапорщик — 53.
- Гагемейстер Ю. — 55.
 Гельмерсен Г.П., ученый, геолог — 7, 8, 10, 388, 389
 Генинг, капитан — 53.
 Гилев В.А., купец — 370
 Гмелин И.Г., натуралист — 385
 Годунов П.И., воевода — 385
 Горохов А.М., исправник — 7, 88, 126, 140, 387, 388
 Гранэ Г., гляциолог, географ — 397
 Гребенщиков Г.Д., писатель — 382
 Гуляев С.И., сибиревед — 392
 Гуркин (Чорос-Гуркин) Г.И., художник — 373, 379, 380, 381, 382, 383, 395, 397
- Дабачи-хан — 26, 28, 32.
 Дабхур, демичи — 38
 Давыдов, драгун — 31.
 Данилин А.Г., этнограф — 17
 Девиленов, командующий линией — 51.
 де-Гарига (Дегаррига) Ф.И., командующий линией — 30 – 34, 36, 38, 40, 44, 45, 48, 53, 54.
 Демидов А., горнозаводчик — 99
 Дондук-даши, калмыцкий хан — 30, 42.
- Екатерина II, российская императрица — 63, 100
 Елбадин Кийтык (Кыйтык), обвиняемый по делу Ч. Челпанова и др. — 233, 234.
- Елемисов Анчибай, обвиняемый по делу Ч. Челпанова и др. — 233, 234.
 Елизавета Петровна, российская императрица — 35
 Еманаев Намык, зайсан — 36, 42, 54.
 Емзынаков Кокшин (Кукшин), зайсан — 45.
 Ердолов Гого, мингатский старшина — 39.
 Еркедек, шуленги — 45.
 Еркен Кашка, зайсан — 39.
 Еркету, зайсан — 39.
 Ефремов В. — 55.
- Заливин, поручик — 45.
 Зырина Е.И., учительница — 365
- Ибель, демичи — 46, 54.
 Ибертен, сын старшины Пупелека — 47.
 Иванов Сарбага, башлык — 54.
 Ильминский Н.И., профессор — 371, 376
 Ильтеев С.С., ученик миссионерского училища — 371
 Ингашев Юдек, демичи — 68
 Ирбизек, герой преданий — 322
 Истегешев Акучай — 54.
- Казаков Кыстай, зайсан — 69
 Казем-Бек А.М., тюрколог — 375
 Казнаков Н.Г., генерал-губернатор — 102
 Калачев, исправник — 55.
 Калдан-Каан (Галдан-Церен) — 322
 Камзачаков Николай, ученик училища — 371
 Капцевич П.М., генерал-губернатор — 112

- Качаев Укушек, демичи — 47.
 Качай, демичи — 32, 34.
 Кашкаров Егор, ученик училища — 371
 Киндиш, зайсан — 35.
 Клеменц Д.А., этнограф — 13, 231, 233, 234, 395
 Ковалевский Е.П., начальник горных заводов — 112
 Колобовой, подполковник — 35.
 Короленко В.Г., писатель — 234.
 Кошкарбай, старшина — 49, 50.
 Крашенинников С.П., ученый — 386
 Крофт, командующий сибирскими войсками — 27, 32, 34, 36.
 Крылов И.А., баснописец — 378
 Крылов П.Н., ботаник, географ — 396
 Кулчугай, зайсан — 29, 32.
 Кульджин Аргымай, бай, меценат — 147, 366
 Кульджин Манджи (Манжи), бай — 147, 198, 222, 231
 Кумандин Лука, миссионер — 231
 Кумандин М.Я., переводчик — 231
 Кумекоев Буктуш, зайсан — 27, 30, 31, 34, 36, 40.
 Куракин Б.А., князь — 111
 Кутайгулин Мамыт — 29, 34, 35, 53.
 Кутергин Н.А., писарь — 231.
 Кучуков Иван, ученик училища — 371
 Кучуков П. П., учитель школы — 373
 Кымыл, участник движения 1916 г. — 240
 Ландышев С., начальник АДМ — 336
 Ледебур К.Ф., ученый — 7, 76, 341, 388
 Лерхе М.Г., томский губернатор — 80
 Лобзанг Зундуй, лама — 33.
 Лорих, полковник — 45.
 Луценко Е.И., исследователь — 11, 149, 395
 Маачаков Ередей, демичи, зайсан — 48, 49, 54.
 Макарий (Глухарев), архимандрит — 335, 336, 363, 375
 Макарий (Невский), епископ — 230, 233, 371, 377
 Максуюков И. — 45.
 Макушин П., учитель — 371
 Малаев Намыкай, зайсан — 50, 54.
 Мальков А.Г., купец — 119
 Мамытов Кожонберди — 52.
 Марк Топозерский, инок — 354, 355
 Мейн 1-й, полковник — 109
 Менгичев Шурмак, зайсан — 69
 Менкин Иренчей, зайсан — 54.
 Миллер Г.Ф., историк — 6, 386
 Михайлов В.П., начальник округа — 188.
 Михайлова Л.Т., учительница — 373
 Мыжлак, зайсан — 367
 Мятлев, сибирский губернатор — 30, 31, 33, 35, 37, 39, 42.
 Наамкы, зайсан — 31.
 Нагибин В.П., староста — 70
 Наугат, зайсан — 30.
 Неплюев, оренбургский губернатор — 33, 41, 42.
 Николай II, российский император — 227, 238.
 Никольский, учитель — 365
 Нолькен, томский губернатор — 227

- Обручев В.А., ученый — 397
 Огнев Дмитрий, староста — 226
 Оксенов Л.В., крестьянский начальник — 232, 234.
 Омбо Мойноков, зайсан — 27, 28, 29, 30, 31, 32, 33, 34, 37, 38, 40, 41, 44, 48.
 Өскүс уул — 47.
 Паломошников Федор — 356
 Патканов С.К., ученый — 12, 394
 Петров Тимофей, ученик училища — 371
 Потанин Г.Н., ученый, общественный деятель — 8-10, 12, 17, 129, 377, 382, 383, 391, 392, 395, 397
 Принтц А.Г., штабс-капитан — 80, 377
 Пүдүкү, герой преданий — 322
 Пыжанкин Алексей, ученик училища — 371
 Пылков, горный офицер — 111
 Радлов В.В., ученый, тюрколог — 10, 11, 70, 126, 128, 141, 146, 244, 245, 261, 264, 308, 376, 377, 390, 394
 Ремезов С., летописец — 385
 Санай, участник движения 1916 г. — 240
 Сапожников В.В., ученый, путешественник — 396
 Семенов, крестьянский начальник — 239, 240.
 Семенов А., ученый — 13, 395
 Семенов Федор, священник — 370
 Сергеков Менгош, демичи — 36.
 Соболев М., исследователь — 149
 Соймонов Ф.И., сибирский губерна-
 тор — 42
 Соколов А.В., купец — 368
 Соколов И.К., миссионер — 231
 Соколов Прокопий, ученик училища — 371
 Солодчин И., учитель училища — 371
 Солтон, герой преданий — 322
 Сорокин П., священник — 367
 Спасский Г.И., ученый — 6, 7, 63, 126, 387
 Сперанский М.М., реформатор — 63, 64, 91
 Субояков Боокол (Боохол), зайсан — 30, 36, 37, 46, 47, 48, 49.
 Сунегин Енуку, зайсан — 70
 Супруненко Н.М., томский губерна-
 тор — 102
 Суртаев Е.Н., староста — 70
 Сыркашев А.А. — 373
 Табакаев А.Г., сборщик податей — 70
 Тадыев П.Е., историк — 16, 19.
 Тандаган, демичи — 44, 45, 47.
 Тандаганов Учек, зайсан — 64
 Тандыганов Саин-Белек, старшина — 45.
 Тенеков Иван, ученик училища — 371
 Тербесев Андрей, диакон — 373
 Тобоков Даниил, предприниматель — 227, 231
 Токуев Е., участник движения 1916 г. — 239.
 Тордумов Чылыкы — 227.
 Тотухин Когуш, зайсан — 69
 Траунберх, командир гарнизона — 39.
 Тукмачев В.Н., уездный исправник — 234.

- Түкей, герой преданий — 322
 Тысов Намжыл, зайсан — 46 47.
- Унковский И., офицер, дипломат — 385
- Филарет, митрополит — 375
- Чадак (Чедак), цинский зайсан — 48 49.
- Чапорзилин, башлык — 386
- Чебеков Монгол, зайсан — 69
- Чевалков А.И. — 231
- Чевалков И. — 391
- Чевалков М.В., миссионер, писатель — 80, 371, 376, 377, 378, 379, 383
- Чевалков С.И., учитель — 373
- Челпанов Чет, проповедник бурханизма — 232, 233, 234.
- Челушкин Чежеур, зайсан — 70
- Ченичеков Василий, зайсан — 70
- Чепанов Полушка, зайсан — 70
- Чепкин М.Г., выборщик — 231.
- Чече, старшина, герой предания — 47, 322
- Чечинеков Василий, зайсан — 70
- Чихачев П.А., ученый — 8, 72, 132, 140, 389
- Чугул, проповедница бурханизма — 232.
- Чукак, участник движения 1916 г. — 240.
- Шангин П.И., изыскатель — 99
- Шашков С.С., исследователь — 10, 392
- Швецов С.П., исследователь — 10–13, 16, 88, 91, 104, 127, 132, 149, 186, 187, 188, 200, 393, 395, 397
- Швецова М.В., этнограф — 12, 142, 393
- Шелегин П.И. — 386
- Шерр Н.Б., ученый — 394
- Ширц Э.К., геолог — 216
- Шишкин И.И., художник — 379, 380
- Шишков В.Я., писатель — 382
- Шуну, герой преданий — 329
- Щербачев А. — 63
- Эдоков М.В., учитель школы — 373
- Эрелдей, герой преданий, демичи, зайсан — 322
- Энден, майор — 40.
- Юдекин Кускулек, демичи, зайсан — 69
- Юдуев Чапиак, обвиняемый по делу Ч. Челпанова и др. — 233, 234
- Юферов А., геолог — 217.
- Ядринцев Н.М., ученый — 9–12, 70, 127, 142, 146, 244, 377, 391, 392
- Ярбагашев Нома — 239

3. Указатель общественно-политических терминов

- Албачи – 164
Арбанак – 69, 158
Арык (суак, субак) – 118, 119, 135
Башки – 164
Башлык (паштык) – 62, 69
Бошко (пошко) – 158
Внешние вассалы (вай фань) – 79
Волостной голова – 76
Волостной старшина – 77, 156, 164, 165.
Волостной сход – 77
Волость – 62, 68, 72, 77
Генерал-губернаторство – 61, 65
Голова – 67
Губернское управление – 154, 155, 161, 168, 169
Двоеданцы – 68, 79
Двухклассная (церковно-приходская) школа – 361
Демичи – 62, 63, 69
Десятник – 76, 157
Доприятие – 102
Дючина – 62, 64, 68, 72, 83, 113
Заимка – 78, 97, 124
Заимочники – 124
Зайсан (зайсанг) – 62, 63, 69, 264, 336
Заселок – 124
Земский исправник – 78
Зимовка (кышту) – 116
Инородная управа – 67, 70, 71, 113
Инородцы – 67, 119
Калмыцкие стойбища – 112
Каменщики – 99
Катехизаторское училище – 364, 368, 371, 372
Кочевая волость – 91
Кочевые инородцы – 66, 67, 68, 69
Крестьянская волость – 77, 166, 171, 177, 180
Крестьянский начальник – 154, 156, 159, 161, 162, 166, 167, 168, 169, 170
Кунди (кюнди, кюньдэ) – 158.
Летовка (жайлу) – 115, 195
Мировой посредник – 77
Миссионерская школа – 361, 362
Миссионерское училище – 370
Неудобные земли – 189, 191
Оброчники – 107
Одноклассная (церковно-приходская) школа – 361
Окружное присутствие – 70, 75
Оседлые инородцы – 66, 67, 68, 69
Остожье – 121
Подать – 67, 81
Полиэтничность – 95
Поскотина – 116
Рабы (кулы) – 149
Сажень – 116
Сельское общество – 77, 156, 157, 159, 163, 165, 166, 167, 168, 169
Старообрядцы (староверы) – 93, 100
Староста – 67, 70, 76
Степная дума – 67
Стойбище – 67
Улус – 61
Управа – 69
Урочище – 169, 180, 188, 189
Школы приютов – 364
Шуленги – 6, 63, 69, 158, 164
Языческие школы – 366
Ясак – 63, 81, 82
Ясачные – 66, 91

4. Указатель этнографических терминов

Материальная культура

- Аарчы — 252, 253
Абыртка — 255
Агаш айыл (чеден айыл, черте айыл) — 245
Ай — 271
Айран — 252
Айыл — 97, 242, 245, 248
Аланчык — 244
Алыйман — 245
Амагандары (энекелери) — 275
Андазын (андазы) — 200.
Аптра — 248
Ар өдүк — 260
Аракы (алтай аракы) — 252, 253, 308, 326, 327
Армакчы — 245
Артпак — 247
Архыт — 252
- Багана — 245
Базыра — 245
Баш кайырчак — 248
Бельдүш (бел) — 263
Бура (пура) — 273
Буур — 251
Быштак — 252, 254, 256
- Жаа — 271
Жайлу — 195, 243
Жайык — 248
Жака — 267
Жанчык — 269
Жапаш — 248
Жал — 251
Жалама — 267
Жаргак — 257
Жарлыкчы — 267
- Жарма — 254, 255
Жер уй (чер уг, кыспа уг) — 245
Жөргөм — 250, 251
Журт — 242
Жыламаш — 262, 267
Жыракы — 271
- Ильмек — 270, 272
- Казы — 251
Каймак — 254, 256
Кайыш кур — 260
Калта — 259, 263
Кан — 250, 252
Канза — 259, 268
Каным — 274
Кап — 201, 247
Карачкы — 244, 245, 248
Карта — 251
Карын — 250
Карынжу — 250
Кас — 271
Кебис — 269
Кежеге — 257
Кежим — 269
Кендирь (кендырь) — 256, 257
Кереге (кийис) айыл — 244, 245
Керетарткыч — 262
Керзен — 251
Килинг — 257
Кин — 257, 263
Киндик — 263
Кириш — 273
Колосник — 201
Көнөк — 269, 272
Көчө — 254, 256
Куйка — 262, 270
Кульдя — 270, 271
Кумыс (кымыс) — 252

Кур — 260
Курмач — 255, 256
Куртан — 251
Куртыяк — 275
Курут — 252, 253, 254, 256
Күүнек — 257
Кыйма — 250
Кыйу — 257
Кынду бычак — 260
Кышту — 195, 243

Маныр — 255
Молотяга — 201.

Овин — 201.
Оду, отык — 242
Ойонгот — 259
Ортко — 255
Отык — 260, 268
Очок — 269

Өдүк — 257
Өзөк — 244
Өрөкөннер (куртиняк) — 276

Рига — 201

Саба — 255
Сакузын — 262
Саракай — 271
Сарју — 254
Сарсу — 253
Сарыган (сары кан) — 276
Соки — 254, 270
Солонгы — 273
Соха — 200
Сөөк — 271
Суак (субак) — 200
Сулук — 271
Сүрү (кураан) бөрүк — 257, 262
Сырга — 271

Сырмал — 261

Тажуур — 269, 271, 272
Талкан — 200, 254, 256
Тамга — 271
Тана — 261
Тарчык бөрүк — 261
Телүүн — 251
Темир топпок — 262
Тепши — 250, 252, 270
Тертпек — 254
Топпок — 201, 206
Тон — 257, 263, 266
Тоскуур — 271
Төбө — 257
Төр — 248, 256, 269
Төштөк — 263
Тулун — 261
Түнүк — 245
Тыш карачкы — 245

Удурма (јудурма) — 263
Ук — 259
Улус — 243
Уна — 245
Уча (согум) — 249
Уштук — 262

Чаадыр — 244, 245
Чаачыш (чинче) — 262
Чайлу — 247
Чакы — 247
Чалу — 248
Чамча — 260
Чанмырак — 245
Чарак — 254, 255
Чарык — 260
Чачак — 257
Чегедек — 262
Чеген — 252, 253
Чеймек — 257

Чекпен — 257, 262, 267

Челдек — 257

Чичирган — 270

Чорго — 271

Чөбрө — 245

Чөчөй — 253

Чуба — 263

Чүрмеш — 261

Шабы — 267

Шалтрак — 257

Шанкы — 261

Ширдек — 269

Шиш — 201

Эдигей — 252, 253

Эдирген — 201

Ээзи — 273

Нематериальная (духовная) культура

Айдын аразы (јанызы, толууны, эскизи), фазы луны — 318

Амыргы (авырга) — 315

Байга — 312

Јанаа — 305

Јангар — 314, 323

Јатаган — 315, 321

Јелип — 312

Јорго — 312

Јылгайак — 319

Икили — 315, 388

Кайндаш — 308

Кайчи — 321

Кайын (ада, эне) — 306

Карчага — 313

Келиндеш — 308

Кеп-куучын — 322

Кин эне (көй эне) — 309, 310

Кожон — 323

Комыс — 315, 388

Конок — 318

Көжөгө — 308

Куда — 308

Күреш — 311

Соојын — 322

Сөстөш — 308

Сыбыскы — 315

Сыгырткыш — 315

Таай — 310

Табышкак — 323

Талу — 313

Тан — 318

Тан чолмон — 318

Той — 308

Топшуур — 314, 315, 321, 388

Топыйт — 313

Түн — 318

Түш — 318

Чаади — 306

Чабыш — 312

Чечен сөстөр — 323

Шатра — 313

Шоор — 315, 388

Эдиске — 315

Энгир — 318

Энгир чолмон — 319

Религия, верования

Авалокитешвара – 331
Алтайдын ээзи – 330, 331
Алтайская духовная миссия – 335,
349, 361, 363, 375, 376
Аржан суу – 327, 332
Ару төс – 326
Архимандрит – 335, 363, 370
Арчын – 331, 332

Ботко – 326
Бурхан – 232, 234, 328, 329
Бурханизм (ак жан) – 231, 233, 327,
333
Быйан – 319

Жажыл бүр – 320
Жайык – 327, 329, 330
Жайык чөктөр – 320
Жалама – 331
Жарлыкчи – 329
Жердин ээзи – 320, 326
Жула – 331

Иеромонах – 371

Кам (ак-, кара-) – 244, 266, 324,
325, 327, 329
Камлание – 232
Кара төс – 324
Коча-кан – 320
Кудай – 250
Курбустан (Үч Курбустан) – 329,
330
Куш бөрүк – 325

Күре – 332, 333
Кыйра – 329, 330, 331

Манжак – 265, 325
Мүргүүл – 329, 330, 332

Ойрот-хан – 232, 328, 329
Ол јер – 309
Орбу — 273, 324
От такыр – 320
От-Ээзи – 327, 330, 332

Сары бүр – 320
Судур бичик – 331
Судурчи – 331
Сүме – 332, 333

Тагыл – 330, 332, 333
Тайылга – 319, 326
Түнүр — 273, 324

Ульгень (Бай-Үльген) – 266, 267,
273, 324, 327, 330
Умай-эне (Бай-эне, Май-эне, Пайа-
на) – 310, 311, 325

Чалу — 273

Шабы – 330
Шалыг, дух-покровитель — 248
Шаманизм – 324, 335
Шүтеен – 331

Эрлик-бий — 250, 266, 310, 324,
325, 326, 332

БИБЛИОГРАФИЯ

АРХИВНЫЕ ФОНДЫ

Российский государственный исторический архив (РГИА). Фонд:
Ф. 468. Кабинет Е.И.В. (17413–1918 гг.)

Государственный архив Томской области (ГАТО). Фонды:

Ф. 3. Томское губернское управление (1822–1917 гг.)

Ф.100. Дирекция народных училищ Томской губернии (1899–1920)

Ф.126. Управление Западно-Сибирского учебного округа Министерства народного просвещения (1885–1919)

Ф.170. Томская духовная консистория (1834–1919)

Ф. 184. Алтайская духовная миссия (1865–1917 гг.)

Ф. 196. Томская губернская казенная палата (1822–1919 гг.)

Ф. 234. Томский губернский статистический комитет (1853–1912 гг.)

Центр хранения архивного фонда Алтайского края (ЦХАФАК).

Фонды:

Ф. 3. Главное управление Алтайского горного округа (1883–1896 гг.)

Ф. 4. Главное управление Алтайского горного округа (1896–1917 гг.)

Ф. 29. Управление землеустройства Алтайского округа (1899–1919 гг.)

Ф. 81. Алтайский подотдел Западно-Сибирского отдела РГО (1892–1919 гг.)

Ф. 163. Гуляевы С.И. и Н.С. (1805–1918 гг.)

Ф. 164. Алтайская духовная миссия (1830–1918 гг.)

Ф. 169. Горная экспедиция Колыванской губернии (1783–1797 гг.)

Ф. 170. Полицейское управление Бийского уезда

Ф. 184. Крестьянский начальник 2-го участка Бийского уезда (1905–1917 гг.)

Ф. 185. Крестьянский начальник 4-го участка Бийского уезда (1905–1917 гг.)

Ф. 192. Податные инспекторы Бийского уезда (1917–1919 гг.)

ЛИТЕРАТУРА

Адлыкова А.П. Монастыри Алтайской Духовной миссии во второй половине XIX – начале XX века / А.П. Адлыкова. Горно-Алтайск: РИО Горно-Алт. гос. ун-та, 2006. 188 с.

Адрианов А.В. Путешествие на Алтай и за Саяны, совершенное в 1881 году / А.В. Адрианов // Записки ИРГО по общей географии. – 1886. – Т. 11. – С. 148–441.

Адрианов А.В. Путешествие на Алтай и за Саяны, совершенное в 1881 г. / А.В. Адрианов // Сибирская газета. – 1881. – № 38. – С. 202–204. Азиатская Россия. СПб., 1914. – Т. 1.

Аккерблом С.И. О религиозном движении алтайских инородцев / С.И. Аккерблом // Русские ведомости. – 1905. – № 4.

Аксенова Л.Н. Вопросы истории народного образования Горного Алтая / Л.Н. Аксенова // Билим. Науч. журнал / НИИ алтаистики им. С.С. Суразакова. – Горно-Алтайск, 2009. – № 5. – С. 117–122.

Алексеев В.В. Регионализм в России / В.В. Алексеев. Екатеринбург, 1999. 194 с.

Алтай алкыштар / сост. Е.Е. Ямаева, К.Е. Укачина. Горно-Алтайск, 1993. 163 с.

Алтай кіжілер балдарын бічікке үредерге азбука. Алтайский букварь. Казань, 1882.

Алтай кеп-куучындар / сост. Е.Е. Ямаева, И.Б. Шинжин. Горно-Алтайск, 1994. 416 с.

Алтай ойындар / сост. В.П. Ойношев, М.П. Чочкина. Горно-Алтайск, 2006. 72 с.

Алтай фольклор (Материалы по телеутскому фольклору) / сост. Т.М. Садалова. Горно-Алтайск, 1995. 128 с.

Алтайские народные сказки / сост. Т.М. Садалова. Новосибирск: Наука, 2002. 455 с. (Памятники фольклора народов Сибири и Дальнего Востока. Т. 21).

Алтайский национальный костюм / сост. Е.П. Зайцева. Горно-Алтайск: Горно-Алт. отд. Алт. кн. изд-ва, 1990. 96 с.

Алтайский фольклор (Материалы по чалканскому диалекту) / сост. Е.П. Кандаракова. Горно-Алтайск, 1988. 214 с.

Алтайцы. Алтай улус (Материалы по этнической истории) / сост., пер., предисл., коммент. Н.В. Екеева. Горно-Алтайск, 2005. 175 с.

Анохин А.В. Бурханизм в Западном Алтае / А.В. Анохин // Сибирские огни. – 1927. – № 5. – С. 162–167.

Анохин А.В. Материалы по шаманству у алтайцев, собранные во время путешествий по Алтаю в 1910–1912 гг. по поручению Русского Комитета для изучения Средней и Восточной Азии / А.В. Анохин // Сборник музея антропологии и этнографии при Российской академии наук. – Л., 1924. – Т. IV. – 152 с.

Анохин А.В. Материалы по шаманству у алтайцев / А.В. Анохин; 2-е изд. Горно-Алтайск: Ак-Чечек, 1994. 152 с.

Анучин В. К вопросу об Ойротской республике // Сибирские огни. – 1922. – № 2. – С. 196–197.

Асалханов И.А. Социально-экономическое развитие юго-восточной Сибири во второй половине XIX в. / И.А. Асалханов. Улан-Удэ, 1963. 494 с.

Ачимова А.А. Алтайско-русский словарь животного и растительного мира Горного Алтая. Часть I. Растения. / А.А. Ачимова. Новосибирск, 2007. 479 с.

Бакай Н. Легендарный Ойрот-хан // Сибирские огни. – 1926. – № 4. – С. 117–124.

Баскаков Н.А. Алтайский язык / Н.А. Баскаков. М.: Изд-во АН СССР, 1958. 114 с.

Беликова А.П. Очерки истории общего и педагогического образования в Республике Алтай (XIX – начало XX вв.) / А.П.Беликова. Горно-Алтайск: РИО Горно-Алт. гос. ун-та, 2007. 180 с.

Бельгибаев Е.А. Традиционная материальная культура челканцев бассейна р. Лебедь (вторая половина XIX – XX вв.) / Е.А. Бельгибаев. Барнаул: Изд-во АлтГУ, 2004. 300 с.

Бельгибаев Е.А. Традиционное рыболовство туба / Е.А. Бельгибаев // Этнография Алтая и сопредельных территорий: Матер. междунар. научно-практ. конф. Барнаул: Изд-во БГПУ, 2005. С. 71–73.

Бельгибаев Е.А. Традиционная свадебная обрядность туба / Е.А. Бельгибаев, В.В. Николаев // Сохранение и изучение культурного наследия Алтая: Матер. регион. научно-практ. конф. Барнаул: Изд-во АлтГУ, 2005. Вып. 14. С. 14–19.

Богданов В.Н. Из истории заселения русскими Чарышской долины Горного Алтая / В.Н. Богданов // Ученые записки Горно-Алтайского НИИЯЛ. – Горно-Алтайск, 1967. – Вып. 7. – С. 92–108.

Бородаев В.Б. Исторический атлас Алтайского края. Картографические материалы по истории Верхнего Приобья и Прииртышья (от античности до начала XXI века) / В.Б. Бородаев, А.В. Контев; Упр. Алт. края по культуре, Алт. краев. универс. науч. б-ка им. В.Я. Шишкова. Барнаул: Азбука, 2006. – 136 с.: илл.

Боронин О.В. Двоеданничество в Сибири. XVII – 60-е гг. XIX вв.; 2-е изд. / О.В. Боронин. Барнаул, 2004. 216 с.

Бочанова Г.А. Промысловое освоение Сибири в конце XIX – начале XX вв. / Г.А. Бочанова // Земледельческое освоение Сибири в конце XVII – начале XX в. Трудовые традиции крестьян / ред. Л.М. Горюшкин. Новосибирск: Наука, 1985. С. 129–149.

Бузурбаев Г.У. Крестьянские волнения в Алтайском округе в 1905–1907 гг. / Г.У. Бузурбаев. Новосибирск, 1939. 107 с.

Бунге А. Путешествие по восточной части алтайских гор / А. Бунге // Слово об Алтае. Книга III. Часть I. Землеведение. Флора и фауна. Этнография. Религия. История. Горно-Алтайск: Юч-Сюмер – Белуха, 2004. С. 241–354.

Бурханизм – Ак жан: документы и материалы / сост. Н.В. Екеев, В.Я. Кыдыева, Н.А. Майдунова [и др.]. Горно-Алтайск, 2004. 144 с.

Бурханизм // Сибирская советская энциклопедия. Новосибирск, 1929. Т. 1. С. 404

Бурханизм: документы и материалы / сост., предисл., примеч. Н.А. Майдуровой. Горно-Алтайск, 1994. Ч. 1–2.

В составе Томской губернии. История Республики Алтай в документах Государственного архива Томской области XIX – начала XX веков / сост. В.И. Марков, Г.Д. Мартынова, Л.Н. Шарабура. Горно-Алтайск, 2004. 528 с.

Вербицкий В. Краткие сведения об Алтайской духовной миссии / В. Вербицкий // Томские епархиальные ведомости. – 1886. – № 21. – С. 1–5

Вербицкий В.И. Алтайские инородцы. Сборник этнографических статей и исследований / В.И. Вербицкий. М., 1893. 270 с.

Вербицкий В.И. Алтайские инородцы; 2-е изд. / В.И. Вербицкий. Горно-Алтайск: Ак-Чечек, 1993. 269 с.

Вербицкий В.И. Словарь алтайского и аладагского наречий тюркского языка / В.И. Вербицкий. Казань, 1884. 490 с.

Владимиров В.Н. Численность и расселение южных алтайцев в XVII – XIX веках / В.Н. Владимиров // Археология и этнография Южной Сибири. Барнаул, 1984. С. 115–126.

Власть в Сибири. XVI – начало XX вв.; 2-е изд. / сост. М.О. Акишин, А.В. Ремнев. Новосибирск: ИД «Сова», 2005. 696 с.

Возвращение: Сб. докл. и сообщ. научно-практ. конф. «Чорос-Гуркин и современность» / гл. ред. В.И. Эдоков. Горно-Алтайск, 1993. 240 с.

Вознесенский А.Н. Тени прошлого (по царским судам). Из воспоминаний политического защитника. / А.Н. Вознесенский. М., 1928.

Временное положение о крестьянских начальниках // Свод законов Российской империи. Кн. 2. Том 9. Особое приложение к законам о состояниях. Положения о сельском состоянии, издания 1902 года. Кн. 3. Положения об установлениях, заведывающих крестьянскими делами. Столб. 113–186. М., 1910

Гагемейстер Ю. Статистическое обозрение Сибири / Ю. Гагемейстер. СПб., 1854. Ч. 2.

Гельмерсен Г. Телецкое озеро и телеуты восточного Алтая / Г. Гельмерсен // Горный журнал. – СПб., 1840. – Кн. 1, 2, 4.

Гершельман Э. Обычный уклад семейных отношений алтай-кижи / Э. Гершельман // Революция права. – 1929 – № 4. – С.134–144.

Гирченко В.П. Революция 1905-1907 гг. в Сибири и на Дальнем Востоке // Революция 1905-1907 годов в национальных районах России. Сб. ст. М., 1949. С. 716–769.

Голубев П.А. Частная золотопромышленность / П.А. Голубев // Алтай: Историко-статистический сборник по вопросам экономического и гражданского развития Алтайского горного округа / под ред. П.А. Голубева. Томск, 1890. С. 420–426.

Горохов А.М. Краткое этнографическое описание бийских, или алтайских калмыков / А.М. Горохов // Журнал МВД. – СПб., 1840. – Ч. 38, II. – С. 201–228.

Горохов А.М. Краткое этнографическое описание бийских или алтайских калмыков, составленное из записок бывшего земского исправника Бийского уезда Томской губернии г. Горохова / А.М. Горохов; 2-е изд. // Слово об Алтае. Книга III. Часть I. Землеведение. Флора и фауна. Этнография. Религия. История / сост. Б.Я. Бедюров. Горно-Алтайск: Юч-Сюмер – Белуха, 2004. С. 43–58.

Горюшкин В.Г. Аграрные отношения в Сибири периода империализма (1900–1917 гг.) / В.Г. Горюшкин. Новосибирск: Наука, 1976. 342 с.

Грамматика алтайского языка / сост. В.И. Вербицкий; под ред. Н.И. Ильминского, А.М. Казембека. Казань, 1869

Гребенщиков, Г.Д. Алтайская Русь. Историко-этнографический очерк / Г.Д. Гребенщиков // Алтайский альманах. – СПб., 1914. – С. 1–37.

Гуляев С.И. Заметки об Иртыше и странах им орошаемых / С.И. Гуляев // Вестник ИРГО. – 1851. – Ч. 3.

Дамешек И.Л. Сибирь в системе имперского регионализма (компаративное исследование окраинной политики России в первой половине XIX в.) / И.Л. Дамешек. Иркутск, 2002. 208 с.

Дамешек Л.М. Внутренняя политика царизма и народы Сибири (XIX – начало XX века) / Л.М. Дамешек. Иркутск: ИГУ, 1986. 165 с.

Дамешек Л.М. Историография и источниковедение истории народов Сибири эпохи капитализма (1861–1917): Учебное пособие / Л.М. Дамешек. Иркутск, 1990. 88 с.

Дамешек Л.М. Россия и народы Сибири: Организация управления и административные реформы в XIX в. / Л.М. Дамешек, И.Л. Дамешек // Взаимоотношения народов России, Сибири и стран Востока: история и современность. Докл. Междунар. научно-практ. конф. 12–15 октября 1995. М.– Иркутск, 1995. С. 216–218.

Данилин А. Из истории национально-освободительного движения на Алтае в 1916 году / А. Данилин // Борьба классов. – 1936. – № 9. – С. 37 – 44.

Данилин А.Г. Бурханизм. Из истории национально-освободительного движения в Горном Алтае / А.Г. Данилин. Горно-Алтайск: Ак Чечек, 1993. 208 с.

Движение Ак јан (Белая вера) – Бурханизм на Алтае: взгляд через столетие. Матер. науч. конф., посвящ. 100-летию событий в долине Теренг / редколл.: Н.В. Екеев, Н.М. Екеева, Н.А. Майдунова [и др.]. Горно-Алтайск, 2004. 282 с.

Демидов В.А. Переход алтайцев на оседлость / В.А. Демидов. Барнаул, 1968. 103 с.

Демидов В.А. Советское национально-государственное строительство в Сибири: Учебное пособие / В.А. Демидов. Новосибирск: НГУ, 1981. 84 с.

Демин М.А. Первооткрыватели древностей / М.А. Демин. Барнаул, 1989. 120 с.

Древнетюркский словарь. Л.: Наука, 1969. 676 с.

Душеполезное чтение. – М., 1864.

Дыренкова Н. Род, классификационная система родства и брачные нормы у алтайцев и телеут / Н.П. Дыренкова // Материалы по свадьбе и семейно-родовому строю народов СССР. Л., 1926. С. 247–259.

Дыренкова Н.П. Культ огня у алтайцев и телеутов / Н.П. Дыренкова // Бурханизм – Ак јанг: документы и материалы. Горно-Алтайск: Юч-Сумер – Белуха, 2004. С. 93–95.

Дыренкова Н.П. Культ огня у алтайцев и телеутов / Н.П. Дыренкова // Сборник Музея антропологии и этнографии. – Л., 1927. – Т. 6. – С. 63–78.

Дыренкова Н.П. Пережитки материнского рода у алтайских тюрков / Н.П. Дыренкова // Советская этнография. – 1937. – № 4. – С. 18–45.

Дьяконова В.П. Алтайцы (материалы по этнографии теленгитов Горного Алтая) / В.П. Дьяконова. Горно-Алтайск: Юч-Сумер – Белуха, 2001. 223 с.

Екеев Н.В. Аграрная политика царизма и землеустройства в Горном Алтае XX в. / Н.В. Екеев // Материалы по истории и этнографии Горного Алтая / под ред. Сатлаева Ф.А. Горно-Алтайск. 1993. С. 110–127.

Екеев Н.В. Административная система управления и этническое деление коренного населения Алтая в XIX–начале XX вв. / Н.В. Екеев // Археология и этнография Алтая. Горно-Алтайск, 2003. Вып. 1. С. 132–137.

Екеев Н.В. Горный Алтай в XIX столетии: Вопросы местного управления, судопроизводства и податей алтайского населения / Н.В. Екеев // Билим. Науч. журнал / НИИ алтаистики им. С.С. Суразакова. – Горно-Алтайск, 2009. – № 5. – С. 54–63.

Екеев Н.В. Горный Алтай в конце XIX – начале XX вв. (Вопросы социально-экономической истории) / Н.В. Екеев. Горно-Алтайск; 1991. 62 с.

Екеев Н.В. Горный Алтай во второй половине XVIII – начале XX столетий: этнические и этнокультурные процессы / Н.В. Екеев // Алтай – Россия: через века в будущее. Всеросс. научно-практ. конф., посвящ. 250-летию добровольного вхождения алтайского народа в состав Российского государства / Редколл.: Ю.В. Антарадонов, Ю.В. Табакаев, Н.М. Екеева [и др.]. Горно-Алтайск, 2006. Т. 2. С. 99–103.

Екеев Н.В. История и культура Алтая (XIX – начало XX вв.). Учебное пособие / Н.В. Екеев, Г.П. Самаев. Горно-Алтайск, 1994. 102 с.

Екеев Н.В. Население Горного Алтая в первой половине XVIII века: этнический состав и расселение / Н.В. Екеев // Природные условия, исто-

рия и культура Западной Монголии и сопредельных регионов (Материалы VIII междунар. конф., 19–23 сентября 2007 г.) / Ред. колл. Ю.В. Табакаев [и др.]. Горно-Алтайск: РИО ГАГУ, 2007. Т. 1. С. 158–162.

Екеев Н.В. О движении бурханистов на Алтае в 1904 – 1905 гг. / Н.В. Екеев // Движение ак Жанг (белая вера) – бурханизм на Алтае: взгляд через столетие. Материалы научной конференции, посвященной 100-летию событий в долине Теренг. Горно-Алтайск, 2004. С. 49–83.

Екеев Н.В. Проблемы исторической этнографии алтайцев в отечественной науке XIX–XX вв. // Г.Н. Потанин и народы Алтае-Саянского горного региона: через поколения в будущее / редколл.: Ю.В. Антарадонов [и др.]. Горно-Алтайск, 2005. С. 65–99.

Екеев Н.В. Проблемы присоединения Горного Алтая к России и его развития во второй половине XVIII – XIX вв. (Историографический обзор) / Н.В. Екеев // Билим. Науч. журнал / НИИ алтаистики им. С.С. Суразакова. – Горно-Алтайск, 2009. – № 5. – С. 102–106.

Екеев Н.В. Проблемы этнической истории алтайцев и труды В.В. Радлова / Н.В. Екеев // Материалы научной конференции с международным участием «Немецкие исследователи на Алтае», посвященной 170-летию со дня рождения В.В. Радлова. Горно-Алтайск, 2007. С. 44–48.

Екеев Н.В. Социально-экономическое развитие деревни Горного Алтая в 1920-х годах / Н.В. Екеев. Горно-Алтайск, 1988. 208 с.

Екеев Н.В. Этнические и этнокультурные процессы на Алтае: история и современность / Н.В. Екеев // Научный вестник Республики Алтай. – Горно-Алтайск, 2007. – № 3. – С. 113–124.

Екеев Н.В. Этнодемографическая характеристика населения Алтая XIX – начала XX в. / Н.В. Екеев // Актуальные вопросы истории и культуры Саяно-Алтая. Горно-Алтайск, 1998. Вып. 2. С. 49–56.

Екеев Н.В. Этносоциальные процессы в Горном Алтае на рубеже XIX – XX вв. / Н.В. Екеев // Билим. Науч. журнал / НИИ алтаистики им. С.С. Суразакова. – Горно-Алтайск, 2007. – № 3. – С. 5–9.

Елбачева Г.А. Аграрные отношения и кочевая община в Горном Алтае в конце XIX – XX вв. / Г.А. Елбачева // Горный Алтай. Исторический сборник. – Горно-Алтайск–Бийск: РИО ГАГУ, 2007. – Вып. 11. – С. 35–42.

Елбачева Г.А. Землеустройство в Горном Алтае (1911–1913 гг.) / Г.А. Елбачева // Аграрные отношения и земельная политика царизма в Сибири (конец XIX в. – 1917 г.) Красноярск; 1982. С. 54–64.

Елбачева Г.А. Землеустройство коренного населения Горного Алтая (конец XIX–февраль 1917г.). Автореф. канд. дис. / Г.А. Елбачева. Новосибирск, 1987. 20 с.

Елбачева Г.А. К вопросу об эволюции родовых традиций в аграрных отношениях и административном устройстве в Горном Алтае (конец XIX –

начало XX вв.) / Г.А. Елбачева // Алтай и Центральная Азия. Культурно-историческая преемственность. Горно-Алтайск, 1999. С. 148–157.

Енчинов Э.В. Конфликт в обычном праве алтайцев / Э.В. Енчинов // Первые исторические чтения Томского государственного педагогического университета / отв. ред. Н.В. Лукина. Томск, 2004. С. 61–72.

Енчинов Э.В. Обычно-правовое регулирование заключения брака алтайцев / Э.В. Енчинов // Изучение историко-культурного наследия народов Южной Сибири. Сб. науч. тр. – Горно-Алтайск, 2008. – Вып. 7. – С. 114–124.

Енчинов Э.В. Судья в обычном семейном праве алтайцев / Э.В. Енчинов // Личность. Культура. Общество / отв. ред. Ю.М. Резник. М., 2007. С. 63–73.

Еркинова Р.М. Материалы Г.И. Чорос-Гуркина по алтайскому шаманству (Из фондов Горно-Алтайского республиканского краеведческого музея им. А.В. Анохина) / Р.М. Еркинова // Художественная жизнь Сибири начала XX века: К 90-летию Томского общества любителей искусств: Матер. регион. научно-практ. конф. / под ред. И.П. Тюриной. Томск: Изд-во ТГУ, 2000. С. 133–140.

Женщины Алтая в искусстве Г.И. Чорос-Гуркина. Репродукции картин / Национальная библиотека РА им. А.В. Анохина; ООО «Газпром трансгаз Томск». Томск: GalaPress, 2008

Жидков Г.П. Кабинетское землевладение (1747–1917 гг.) / Г.П. Жидков. Новосибирск: Наука, 1973. 450 с.

Жизнь Алтая. – 1916. – 26 и 28 июля

Заселение Горного Алтая русскими, земельные права и отношения (из отчета начальника Алтайского округа) // Памятная книжка Томской губернии на 1912 год. Томск, 1912. Приложения. С. 75–99.

Златкин И.Я. История Джунгарского ханства. 1635–1758 / И.Я. Златкин; 2-е изд. М.: Наука, 1983.

Зыков Ф.М. Поселения и жилища и хозяйственные постройки якутов XIX – начало XX в. / Ф.М. Зыков. Новосибирск: Наука, 1986. 100 с.

Иванов С.В. Материалы по изобразительному искусству народов Сибири / С.В. Иванов. М.-Л.: Изд-во АН СССР, 1954. 838 с.

Иванов С.В. Орнамент / С.В. Иванов // Историко-этнографический атлас Сибири / под ред. М.Г. Левина и Л.П. Потапова. М.-Л.: Изд-во АН СССР, 1961. С. 369–433.

Иванов С.В. Скульптура алтайцев, хакасов и сибирских татар / С.В. Иванов. Л.: Наука, 1979. 196 с.

Иванцова Н.Ф. Западносибирское крестьянство в 1917 – первой половине 1918 гг. / Н.Ф. Иванцова. М., 1993. 452 с.

Исследователи Алтайского края. XVIII – начало XX века: Биобиблиогр. слов. Барнаул: «Алт. полиграф. комбинат», 2000. 280 с.

- Исследователи Горного Алтая (XVII – XX вв.). Библиогр. справочник / сост. А.А. Иркитова, Т.К. Майчикова. Горно-Алтайск, 2003. 136 с.
- Историко-этнографический атлас Сибири / ред. М.Г. Левин, Л.П. Потапов. М.-Л.: Изд-во АН СССР, 1961.
- История алтайской литературы. Кн. 1 / Институт алтаистики им. С.С. Суразакова РА; отв. ред. Р.А. Палкина, Э.П. Чинина, С.Н. Тарбанаква. Горно-Алтайск:, 2004. 552 с.
- История Горного Алтая. Т. 1. С древнейших времен до 1900 г. / под ред. Н.Ф. Иванцовой, Н.С. Модорова. Бийск, 2001. 328 с.
- История Горного Алтая. Т. 2. 1900–1945 гг. / под ред. Н.М. Екеевой, Н.Ф. Иванцовой. Бийск, 2000. 223 с.
- История Горного Алтая. Часть 1. Горный Алтай в досоветский период / сост. Майдунова Н.А., Модоров Н.С., Мукаева Л.Н., Тадина Н.А. Горно-Алтайск: РИО «Универ-Принт» ГАГУ, 1995. 112 с.
- История и культура Алтая (XIX – начало XX вв.). Учебное пособие / Н.В. Екеев, Г.П. Самаев. Горно-Алтайск, 1994.
- История Республики Алтай. Т. 1. Древность и средневековье / под ред. А.П. Деревянко, В.И. Молодина. Горно-Алтайск, 2001.
- История Сибири (С древнейших времен до наших дней). М.: Наука, 1968. Т. 1–2.
- История СССР с древнейших времен до наших дней. М., 1967. Т. 6.
- Казагачева З.С. Зарождение алтайской литературы / З.С. Казагачева. Горно-Алтайск: Горно-Алт. отд. Алт. кн. изд-ва, 1972. 146 с.
- Казагачева З.С. М.В. Чевалков и его роль в принятии теленгитами-«двоеданцами» российского подданства / З.С. Казагачева // Алтай – Россия: через века в будущее: Материалы Всеросс. научно-практ. конф., посвящ. 250-летию вхождения алтайского народа в состав Российского государства (16–19 мая 2006 г.). Горно-Алтайск: РИО ГАГУ, 2006. Т. 1. С. 107–110.
- Какаева О.В. Материалы переписи за 1756–1757 гг. как источник по истории алтайцев / О.В. Какаева // Сибирь и Центральная Азия: проблемы этнографии, истории и международных отношений. Третьи научные чтения памяти Е.М. Залканда. Барнаул: Азбука, 2007. С. 85–96.
- Каланаков М.К. Куреш / М.К. Каланаков. Горно-Алтайск, 1980.
- Калачев А. Поездка к теленгитам на Алтай / А. Калачев // Живая старина. – 1896. – Вып.3. – С. 34–35.
- Камбалов Н. Первооткрыватели и исследователи Алтая / Н. Камбалов, А. Сергеев. Барнаул, 1968. 94 с.
- Кандаракова Е.П. Материальная культура алтайцев / Е.П. Кандаракова, В.И. Соенов. Горно-Алтайск, 1994. 32 с.
- Кандаракова Е.П. Обычаи и традиции чалканцев / Е.П. Кандаракова. Горно-Алтайск, 1999.

Каплан Н.И. Очерки по народному искусству Алтая / Н.И. Каплан. М., 1961. 97 с.

Карих Е.В. Межнациональные отношения в Горном Алтае в XIX – начале XX вв. / Е.В. Карих // Горный Алтай. Исторический сб. – Бийск: НИЦ БГПИ, 1998. – Вып. 6. – С. 20–27.

Каруновская Л.Э. «Календарь» двенадцатилетнего животного цикла у алтайцев и телеут / Л.Э. Каруновская // Доклады АН СССР. Серия В. – 1929. – № 1; 2-е изд. // Бурханизм – Ак-жан: документы и материалы. Горно-Алтайск: Юч-Сумер – Белуха, 2004. С. 96–99.

Каруновская Л.Э. Из алтайских верований и обрядов, связанных с ребенком / Л.Э. Каруновская // Сборник Музея антропологии и этнографии. – Л., 1927. – Т. 6. – С. 19–36.

Кацюба Д.М. Алтайская духовная миссия: вопросы истории, просвещения, культуры и благотворительности / Д.М. Кацюба. Кемерово: Кемеровский гос. ун-т, 1998. 156 с.

Кистяковский А. Рецензия на кн. Самоквасова Д.Я. Сборник обычного права сибирских инородцев / А. Кистяковский. Оттиск из университетских (Московского) известий 1876.

Кичекова Б.Ю. Алтайская женская одежда чегедек / Б.Ю. Кичекова // Урал-Алтай: через века в будущее. Уфа, 2008. С. 113–115.

Кичекова Б.Ю. Изучение традиционной алтайской одежды и декоративно-прикладного искусства / Б.Ю. Кичекова // Билим. Науч. журнал / НИИ алтаистики им. С.С. Суразакова. – Горно-Алтайск, 2009. – № 5. – С. 126–130.

Кичекова Б.Ю. Отражение традиционного мировоззрения алтайцев в национальной одежде / Б.Ю. Кичекова // Мировоззрение населения Южной Сибири и Центральной Азии в исторической ретроспективе. Барнаул: Азбука, 2008. Вып. 2. С. 260–270.

Кичекова Ю. Традиционная одежда алтайцев / Б.Ю. Кичекова // Билим. Науч. журнал / НИИ алтаистики им. С.С. Суразакова; отв. ред. А.Н. Майзина. – Горно-Алтайск, 2008. – № 4 – С. 165–173.

Клеменц Д.А. Из впечатлений во время летней поездки в Алтай в 1904 г. / Д.А. Клеменц // Вестник ИРГО. – СПб., 1905. – Т. 41. – Вып. 1. – С. 155–159.

Клюева Н.И. Накосные украшения у сибирских народов / Н.И. Клюева, Е.А. Михайлова // Материальная и духовная культура народов Сибири. Сб. МАЭ. – Л.: Наука, 1988. – Т. XLII. – С. 105–128.

Коваляшкина Е.П. Отношение к «белой вере» в системе общественно-политических взглядов областников / Е.П. Коваляшкина // Движение ак-жанг (белая вера) – бурханизм на Алтае: взгляд через столетие. Матер. науч. конф., посвящ. 100-летию событий в долине «Теренг». Горно-Алтайск, 2004. С. 101–110.

Колоткин М.Н. Христианизация алтайцев XVIII века / М.Н. Колоткин // Макарьевские чтения. Горно-Алтайск, 2004. С. 21-29

Кондриков Б.В. Крестьянское движение в Западной Сибири в период первой русской революции / Б.В. Кондриков. Омск, 1976. С. 21-22.

Конев А.Ю. Коренные народы Северо-Западной Сибири в административной системе Российской империи (XVIII – нач. XX вв.) / А.Ю. Конев. М.: Наука, 1995. 217 с.

Конзычаков С.-С. Культурно-исторический очерк об алтайцах / С.-С. Конзычаков // Сибирские огни. – 1922. – №1. – С. 109-116.

Копылов А.Н. Система управления национальными меньшинствами юга Западной Сибири в освещении русской историографии XIX века / А.Н. Копылов // Из истории юга Западной Сибири. Сб. статей. Кемерово, 1993. С. 54-67.

Коренные этносы Горного Алтая (конец XIX – начало XXI вв.) / Н.В. Екеев, Н.М. Екеева, С.П. Суразакова. Горно-Алтайск: Горно-Алт. тип., 2006. 152 с.

Краткий исторический очерк Алтайского округа. 1747-1897 гг. СПб., 1897. 137 с.

Крейдун Ю.А. Деятельность М.Глухарева по обустройству первых миссионерских станов на Алтае / Ю.А. Крейдун // Макарьевские чтения: Сб. науч. ст. Горно-Алтайск: РИО «Универ-Принт», 2002. С. 10-14.

Крестьянские волнения в Алтайском округе в 1905-1907 гг. Барнаул, 1951.

Кыдыева В.Я. Поземельные отношения в Горном Алтае (Конец XIX – XX вв.): Историко-этнографическое исследование. Автореф. канд. дис. / В.Я. Кыдыева. М., 1997. 21 с.

Кыдыева В.Я. Поземельные отношения в Горном Алтае в XX веке / В.Я. Кыдыева. Горно-Алтайск, 2008. 136 с.

Кыпчакова Л.В. Исследования по этнографии алтайцев в 1950-80-е гг. / Л.В. Кыпчакова // Гуманитарные исследования в Горном Алтае (сб. ст.). Горно-Алтайск, 1987. С. 84-102.

Лаптева Л.Е. Региональное и местное управление в России (вторая половина XIX века) / Л.Е. Лаптева. М.: Институт гос-тва и права РАН, 1998. 152 с.

Ледебур К.Ф. Путешествие по Алтайским горам и джунгарской Киргизской степи / К.Ф. Ледебур, А.А. Бунге, К.А. Мейер; пер. В.В. Завалишина, Ю.П. Бубенкова. Новосибирск, 1993. 415 с.

Ледебур К.Ф. Путешествие по Алтайским горам и предгорьям Алтая; 2-е изд. / К.Ф. Ледебур // Слово об Алтае. Книга III. Часть I. Землеведение. Флора и Фауна. Этнография. Религия. История. Горно-Алтайск: Юч-Сюмер – Белуха, 2004. – С. 59-215.

Липинская В.А. Старожилы и переселенцы: Русские на Алтае. XVIII – начало XX века / В.А. Липинская. М.: Наука, 1996. – 269 с.

Луценко Е. Поездка к алтайским теленгитам / Е. Луценко // Землеведение. – М., 1898. – Кн. 1–2. – С. 1–37.

Маадай-Кара. Алтайский героический эпос / сказитель А.Г. Калкин; поэтич. пер. А. Плитченко; подстрочн. пер. С.С. Суразакова. Горно-Алтайск: «Ак-Чечек», 1995. 240 с.

Майдурова Н.А. «Временное положение о крестьянских начальниках», его изучение и оценка в исследовательской литературе / Н.А. Майдурова // Билим. Науч. журнал / Ин-т алтаистики им. С.С. Суразакова. – Горно-Алтайск, 2005. – Вып. 1. – С. 59–63.

Майдурова Н.А. Административное устройство и сельское общественное управление русского населения Уймонской долины в конце XIX – начале XX вв. / Н.А. Майдурова // Усть-Коксинские архивные чтения: Сборник. Барнаул, 2007. С. 46–48.

Майдурова Н.А. Горный Алтай в годы первой мировой войны (1914 – февраль 1917 гг.) / Н.А. Майдурова // Горный Алтай в конце XIX – начале XX вв. Пособие для учителей. Горно-Алтайск, 1996. С. 6–25.

Майдурова Н.А. Горный Алтай в конце XIX – начале XX вв. / Н.А. Майдурова. Горно-Алтайск: РИО ГАГУ «Универ-Принт», 2000. 134 с.

Майдурова Н.А. Изучение проблемы местного управления и самоуправления в Алтайском округе конца XIX – начала XX вв. в постсоветское время / Н.А. Майдурова // Горный Алтай: история, современность, перспективы. Сб. науч. ст. Горно-Алтайск, 2003. С. 266–271.

Майдурова Н.А. Крестьянские начальники Горного Алтая в 1898 – 1917 гг. / Н.А. Майдурова // Алтай – Россия: через века в будущее: Материалы Всероссийской научно-практической конференции, посвященной 250-летию вхождения Алтайского народа в состав Российского государства (16–19 мая 2006 г.). Горно-Алтайск: РИО ГАГУ, 2006. Т. 1. С. 181–183.

Майдурова Н.А. Отечественная историография о причинах и целях административной реформы у коренных народов Западной Сибири в начале XX в. / Н.А. Майдурова // Гуманитарные науки и образование в контексте формирования исторического мышления. Труды Всерос. научно-практ. конф. Бийск, 2005. С. 135–140.

Майдурова Н.А. Отечественная историография об административной системе местного управления населением Горного Алтая второй половины XVIII – начала XX вв. / Н.А. Майдурова // Билим. Науч. журнал / НИИ алтаистики им. С.С. Суразакова. – Горно-Алтайск, 2009. – № 5. – С. 106–108.

Майдурова Н.А. Проблемы «Ак дьанг» (белой веры) в отечественной историографии последнего десятилетия / Н.А. Майдурова // Движение Ак-ян (Белая вера) – Бурханизм на Алтае: взгляд через столетие. Горно-Алтайск, 2004. С. 236–240.

Майдурова Н.А. Проблемы управления коренными народами Южной Сибири в конце XIX – начале XX вв. в современной отечественной истори-

ографии / Н.А. Майдунова // Этносоциальные процессы в Сибири: Тематич. сб. – Новосибирск, 2004. – Вып. 6. – С. 245–248.

Майдунова Н.А. Российские исследователи о государственном управлении коренными народами Саяно-Алтая в конце XIX–начале XX вв. / Н.А. Майдунова // Социальные процессы в современной Западной Сибири: Сб. науч. тр. Горно-Алтайск, 2006. С. 63–68.

Мальков Р.А. К вопросу о роли миграции населения в освоении Юго-Востока Западной Сибири / Р.А. Мальков // Известия Алтайского отдела Географического общества СССР. – Барнаул, 1961. – Вып. 1. – С. 4–28.

Мамет Л.П. Ойротия: Очерк национально-освободительного движения и гражданской войны в Горном Алтае / Л.П. Мамет. М., 1930. 159 с.; 2-е изд. Горно-Алтайск, 1994. 182 с.

Мамсик Т.С. Хозяйственное освоение Южной Сибири: Механизмы формирования и функционирования агропромышленной структуры. / Т.С. Мамсик. – Новосибирск: Наука, Сиб. отд-ние, 1989. – 240 с.

Материалы по юридической этнографии малых народов Севера. Томск, 1992. 160 с.

Машошина А. Вклад немецких исследователей в становление географии Алтая (XVIII – XIX вв.) / Н.А. Машошина // Материалы научной конференции с междунар. участием «Немецкие исследователи на Алтае», посвящ. 170-летию со дня рождения В.В. Радлова. Горно-Алтайск, 2007. С. 6–11.

Мендешева В.М. Вопросы социально-экономического развития Горного Алтая в конце XIX – начале XX вв. (Историографический обзор) / В.М. Мендешева // Билим. Науч. журнал / НИИ алтаистики им. С.С. Суразакова. – Горно-Алтайск, 2009. – № 5. – С. 114–117.

Мендешева В.М. Домашнее производство у алтайцев / В.М. Мендешева // Билим. Науч. журнал / НИИ алтаистики им. С.С. Суразакова. – Горно-Алтайск, 2009. – № 5. – С. 63–67.

Местное самоуправление на Алтае. 1747–1919. Сб. док. Барнаул, 2003. 694 с.

Митиров А.Г. Истоки / А.Г. Митиров. Элиста: Калм. кн. изд-во, 2002. – 272 с.: илл.

Михайлов В.П. Отчет начальника Алтайского округа, действительного статского советника В.П. Михайлова по ознакомлению с Горным Алтаем в лето 1910 года. Барнаул. 1910. 225 с.

Михайлович А. Русская колонизация Горного округа Алтая / А. Михайлович. Тобольск, 1896. 98 с.

Модоров Н.С. Алтайская духовная миссия и её место в системе официальной политики / Н.С. Модоров // История Горного Алтая. Часть 1. Горный Алтай в досоветский период. Горно-Алтайск: РИО ГАГУ «Универ-Принт», 1995. С. 62–88.

Модоров Н.С. К вопросу о переселенческо-землеустроительной политике царизма в Горном Алтае в конце XIX – начале XX вв. / Н.С. Модоров // Вопросы истории / под ред. Н.Ф. Иванцовой. – Бийск, 1999. – Вып. 2. С. 66–79.

Модоров Н.С. К проблеме изучения развития торговли в горном Алтае в пореформенный период / Н.С. Модоров // Проблемы истории Горного Алтая / отв. ред. Ф.А. Сатлаев. Горно-Алтайск, 1987. С. 127–137.

Модоров Н.С. Россия и Горный Алтай: Политические, социально-экономические и культурные отношения (XVII–XIX вв.) / Н.С. Модоров. Горно-Алтайск: РИО ГАГУ «Универ-Принт», 1996. 400 с.

Моисеев В.А. Внешнеполитические факторы присоединения Горного Алтая к России. 50-е гг. XVIII в. / В.А. Моисеев // Алтай – Россия: через века в будущее. Горно-Алтайск: РИО ГАГУ, 2006. Т. 1. С. 12–17.

Моисеев В.А. Внешнеполитические факторы присоединения Горного Алтая к России. 50-е гг. XVIII в. / В.А. Моисеев // Алтай – Россия: через века в будущее. Материалы Всеросс. научно-практ. конф., посвящ. 250-летию вхождения алтайского народа в состав Российского государства / редколл.: Ю.В. Антарадонов, Ю.В. Табакаев, Н.М. Екеева [и др.]. Горно-Алтайск: РИО ГАГУ, 2006. Т. 1. С. 12–17.

Моисеев В.А. Из истории присоединения Горного Алтая к России (Дело зайсана Боохолы) / В.А. Моисеев // Горный Алтай: исторический очерк. Горно-Алтайск, 1997. Вып. 1.

Моисеев В.А. Прием южных алтайцев в российское подданство и вопрос об их расселении (1755–1756 гг.) / В.А. Моисеев // Горный Алтай и Россия. 240 лет. Горно-Алтайск, 1996.

Моисеев В.А. Цинская империя и народы Саяно-Алтая в XVIII в. / В.А. Моисеев. М.: Наука, 1983.

Муйтуева В.А. Традиционная религиозно-мифологическая картина мира алтайцев / В.А. Муйтуева. Горно-Алтайск, 2004. 166 с.

Мукаева Л.Н. Беловодье как реализация старообрядческой эсхатологической мифологии / Л.Н. Мукаева // Социальные процессы в современной Западной Сибири (сб. науч. ст.). – Горно-Алтайск: РИО «Универ-Принт», 2001. – С. 152–161.

Мукаева Л.Н. Г. фон Гельмерсен – исследователь Горного Алтая / Л.Н. Мукаева // Материалы по истории и культуре Республики Алтай. Тез. к конф., посвящ. 125-летию Г.И. Чорос-Гуркина. Горно-Алтайск, 1994. С. 86–89.

Мукаева Л.Н. Заселение и хозяйственное освоение русским населением Горного Алтая в досоветское время // История Горного Алтая. Ч. 1. Горный Алтай в досоветский период / Л.Н. Мукаева. – Горно-Алтайск, 1995. С. 18–45.

Мукаева Л.Н. Заселение и хозяйственное освоение Южного Алтая старообрядцами (XVIII–XIX вв.) / Л.Н. Мукаева // История освоения юга

Сибири: экономика, политика, культура: Матер. межрегион. научно-практ. конф. / ред.-сост. А.Э. Городецкий, Н.Ф. Иванцова. Бийск, 1999. С. 62–67.

Мукаева Л.Н. Из опыта переселенческой политики Кабинета в Горном Алтае во второй половине XIX в. / Л.Н. Мукаева // Актуальные вопросы истории Сибири. Науч. чтения памяти проф. А.П. Бородавкина / под ред. Ю.Ф. Кирюшина, В.А. Скубневского. Барнаул. 1998. С. 71–77.

Мукаева Л.Н. Из старообрядческого опыта освоения природных ресурсов южного Алтая в XVIII – начале XX вв. / Л.Н. Мукаева // Вопросы истории / под ред. Н.Ф. Иванцовой. – Бийск. 1999. – Вып. 2. – С. 46–58.

Мукаева Л.Н. Историография социально-экономической истории Горного Алтая досовестного времени / Л.Н. Мукаева // Билим. Науч. журнал / НИИ алтаистики им. С.С. Суразакова. – Горно-Алтайск, 2009. – № 5. – С. 109–114.

Мукаева Л.Н. Некоторые черты социально-психологического и культурологического типа русского населения Горного Алтая в дореволюционное время (К постановке вопроса) / Л.Н. Мукаева // Проблемы изучения культурно-исторического наследия Алтая / Агентство по культурно-историческому наследию Республики Алтай. – Горно-Алтайск, 1994. – С. 103–105.

Мукаева Л.Н. Пчеловодство в Южном Алтае (в досоветское время) / Л.Н. Мукаева // Вопросы истории: Сб. матер. конф., посвящен. памяти проф. Р.А. Малькова. Вып. 3 / под ред. Н.Ф. Иванцовой. – Бийск: НИЦ БиГПИ. 2000. – С. 105–111.

Мукаева Л.Н. Старообрядческие легенды о Беловодье: историографический и источниковедческий аспекты / Л.Н. Мукаева // Социальные процессы в современной Сибири: философские, политологические, культурологические аспекты (сб. науч. ст.). – Горно-Алтайск: РИО «Универ-Принт», 2000. – С. 136–143.

Мукаева Л.Н. Хозяева Уймонской долины и их вековые обычаи / Л.Н. Мукаева // Наследие народов Российской Федерации. Вып. 4. Алтай – сокровище культуры. – СПб.: «Иван Федоров», 2004. – С. 228–237.

Мукаева Л.Н. Южно-алтайские старообрядцы в контексте межкультурного диалога / Л.Н. Мукаева // Россия и мировой исторический процесс: Материалы Всеросс. межвуз. конф. / ред.-сост. Н.И. Кутова. Бийск, 1999. С. 116–120.

Мэн-гу-ю-му-цзи (Записки о монгольских кочевьях) / пер. П.С. Попова. М., 1895

Нагнибеда В.Я. Алтайско-Томская часть Сибири по данным с-х. переписи 1916 года / сост. В.Я. Нагнибеда. Томск, 1927.

Нагнибеда В.Я. Организация Всероссийской переписи 1917 г. в Алтайско-Томской части Сибири. Томск, 1920.

Народы Сибири / под ред. М.Г. Левина, Л.П. Потапова. М.-Л.: Изд-во АН СССР, 1956. 1084 с.

Национальная политика в императорской России. Поздние первобытные и предклассовые общества Севера Европейской России, Сибири и Русской Америки / сост., ред. и автор вступ. статьи Ю.И. Семенов. М., 1998. 368 с.

Никифоров Н.Я. Аноосский сборник (Собрание сказок алтайцев с примечаниями Г.Н. Потанина) / Н.Я. Никифоров // Записки Западно-Сибирского отдела ИРГО. – Омск, 1915. – Т. 37.

Никулин В.Н. Управление крестьянами Сибири в 1861–1905 годах: Автореф. дис. ... канд. ист. наук / В.Н. Никулин. Новосибирск, 1979. 15 с.

Обзор деятельности Кабинета Е.И.В. за 1906–1915 годы. Петроград, 1916.

Обзор деятельности округа за пятилетие (1911–1915 гг.). Барнаул, 1916.

Общее Учреждение Губернское // Свод законов Российской империи. Кн. 1. Т. 2. Свод губернских учреждений. Столб. 2–159. М., 1910.

Овчинников Н. К вопросу о поземельном устройстве в Алтайском округе / Н. Овчинников // Алтайский сборник. Барнаул, 1907. – Т. 8. – С. 1–138.

Ойношев В.П. Система мифологических символов в алтайском героическом эпосе / В.П. Ойношев. Горно-Алтайск, 2006. 163 с.

Окладников А.П. Петроглифы Горного Алтая / А.П. Окладников [и др.]. Новосибирск, 1980. 175 с.

Островский И.В. Административная реформа у местных народов Сибири в начале XX века / И.В. Островский // Община и семья в сибирской деревне XVIII–начала XX вв. Новосибирск, 1989. С. 91–107.

Островский И.В. Сельскохозяйственные навыки сибирского крестьянства в период империализма / И.В. Островский // Земледельческое освоение Сибири в конце XVII – начале XX в. Трудовые традиции крестьян / ред. Л.М. Горюшкин. Новосибирск: Наука, 1985. С. 87–97.

Отчет об Алтайской Духовной миссии за 1894 год. Томск, 1895.

Отчет об Алтайской духовной миссии за 1904 год. Томск, 1905.

Отчет об Алтайской Духовной миссии за 1905 год. Томск, 1906.

Отчет об Алтайской Духовной миссии за 1911 год. Томск, 1912.

Отчет об Алтайской Духовной миссии за 1914 год. Томск, 1915.

Отчет Алтайской духовной миссии за 1915 г. // Православный благовестник. – 1916. – № 8–9.

Отчет об Алтайской и Киргизской миссиях Томской епархии за 1874 год. – Томск, 1875.

Отчет об Алтайской и Киргизской миссиях Томской епархии за 1888 год. – Томск, 1889.

Очерки по истории алтайской литературы / ред. С.С. Суразаков. Горно-Алтайск, 1969. 191 с.

Очерки по истории Хакасии (С древнейших времен до современности) / гл. ред. В.Я. Бутанаев; науч. ред. В.И. Молодин. Абакан: Изд-во ХакГУ, 2008. 672 с.: ил.

Палин А.В. Томское губернское управление (1895–1917 гг.): структура, компетенция, администрация / А.В. Палин. Кемерово: Кузбассвузиздат, 2004. 187 с.

Памятная книжка Томской губернии на 1904 год. Томск, 1904. Приложения.

Параев А. Алтайские народные музыкальные инструменты / А. Параев. Горно-Алтайск, 1963.

Парамонов Е.Г. Леса республики Алтай / Е.Г. Парамонов. Барнаул, 1998. 217 с.

Патканов ИРГО по отделу статистики. – СПб., 1911. – Т. XI. – Вып. 2. С. 192–193, 197–223, 282–283.

Патканов С. О приросте инородческого населения Сибири. Статистические материалы для освящения вопроса о вымирании первобытных племен / С. Патканов. СПб., 1911. 210 с.

Патканов С. Статистические данные, показывающие племенной состав населения Сибири, язык и род инородцев / С. Патканов // Записки ИРГО по отделу статистики. – СПб., 1912. – Т. XI. – Вып. 1. – С. 62–70.

Пахаев С.Я. Шатра (алтайская настольная игра) / С.Я. Пахаев // Ученые записки ГАНИИИЯЛ. – Горно-Алтайск, 1960. – Вып. 3. – С. 147–156.

Педагогический энциклопедический словарь. М., 2003. 144 с.

Первый сибирский краевой научно-исследовательский съезд. Новосибирск, 1927. Т.3.

Петров М.Ф. Кедр сибирский / М.Ф. Петров. Новосибирск, 1951. 64 с.

Положение об инородцах. Издание 1892 года // Свод законов Российской империи. Кн.1. Т.2. Свод губернских учреждений. Столб. 539–554. М., 1910.

Потанин Г. В Чемальском тупике / Г.Н. Потанин // Сибирская жизнь. – 1910. – № 142.

Потанин Г.Н. Дополнения к тому III / Г.Н. Потанин, П.П. Семенов / Риттер К. Землеведение Азии. СПб., 1877. Т. 4. 695 с.

Потанин Г.Н. Инородцы Алтая / Г.Н. Потанин // Живописная Россия. Т. XI. Западная Сибирь. СПб., 1884.

Потанин Г.Н. Инородцы Алтая / Г.Н. Потанин // Россия. Полное географическое описание нашего Отечества. Т. XVI. Западная Сибирь. СПб., 1907.

Потанин Г.Н. Казак-киргизские и алтайские предания, легенды и сказки / Г.Н. Потанин // Живая старина. – 1917. – С. 187–188.

Потанин Г.Н. Наши сношения с Джунгарскими владельцами (сборник подлинных документов, выписанных из местных архивов) / Г.Н. Потанин // Сборник историко-статистических сведений о Сибири и сопредельных ей странах. СПб., 1875. Т. 2. Вып. 1.

Потанин Г.Н. О взаимоотношениях с Зенгорией / Г.Н. Потанин // Сборник историко-статистических сведений о Сибири и сопредельных ей странах. СПб., 1875. Т. 2. Вып. 1.

Потанин Г.Н. О караванной торговле с Джунгарской Бухарией в XVIII столетии / Г.Н. Потанин // Чтения в Императорском Обществе истории и древностей российских при Московском университете. М., 1868. Кн. 2.

Потанин Г.Н. Очерки Северо-Западной Монголии / Г.Н. Потанин. СПб., 1883. Вып. 4. 1026 с.; 2-е изд. Горно-Алтайск: Ак-Чечек, 2005. 1026 с.

Потанин Г.Н. Очерки Северо-Западной Монголии / Г.Н. Потанин. СПб., 1881. Вып. 2.

Потанин Г.Н. Полгода на Алтае / Г.Н. Потанин // Русское слово. – М., 1859. – Отд. 1. – С. 90–275.

Потанин Г.Н. Материалы для истории Сибири / сост. Г.Н. Потанин // Чтения в Императорском Обществе истории и древностей российских при Московском университете. М., 1866. Кн. 4.

Потанин Г. Из альбомов художника Гуркина Г.И. / Г. Потанин // Труды Томского Общества изучения Сибири / под ред. Г.Н. Потанина. – Томск, 1915. – Т. 3. – Вып. 1 – С. 97–101.

Потапов Л.П. Алтай-Саянские этнографические параллели к древнетюркскому обряду жертвоприношения домашних животных и их историческое значение / Л.П. Потапов // Ученые записки ГАНИИИЯЛ. – Горно-Алтайск, 1974. – Вып. 3. – С. 51–62.

Потапов Л.П. Алтайский шаманизм / Л.П. Потапов. Л.: Наука, 1991. 320 с.

Потапов Л.П. Алтайцы / Л.П. Потапов // Народы Сибири (этнографические очерки) / под ред. М.Г. Левина, Л.П. Потапова. М.-Л.: Наука, 1956. С. 329–376.

Потапов Л.П. Изучение алтайцев русскими учеными в дореволюционный период / Л.П. Потапов // Ученые записки ГАНИИИЯЛ. – Горно-Алтайск, 1958. – Вып. 2. – С. 3–23.

Потапов Л.П. Мифы Алтай-Саянских народов как исторический источник / Л.П. Потапов // Вопросы археологии и этнографии Горного Алтая. Горно-Алтайск, 1983.

Потапов Л.П. Одежда алтайцев / Л.П. Потапов // Сборник музея антропологии и этнографии. XIII. – М.-Л.: Изд-во АН СССР, 1951. – С. 5–59.

- Потапов Л.П. Очерк истории Ойротии / Л.П. Потапов. Новосибирск, 1933. 203 с.
- Потапов Л.П. Очерки по истории алтайцев / Л.П. Потапов. Новосибирск: Новосибгиз, 1948. 505 с.; 2-е изд. М.-Л.: Изд-во АН СССР, 1953. 442 с.
- Потапов Л.П. Очерки по истории Шории / Л.П. Потапов. М.-Л., 1936. 260 с.
- Потапов Л.П. Очерки этнографии тувинцев бассейна правобережья Хемчика / Л.П. Потапов // Труды Тувинской комплексной археолого-этнографической экспедиции. – М.-Л., 1966. – Т. 2. – С. 121–125.
- Потапов Л.П. Пища алтайцев (этнографический очерк) / Л.П. Потапов // Сборник Музея антропологии и этнографии / под ред. С.П. Толстова. – 1953. – № 14. – С. 37–71.
- Потапов Л.П. Этнический состав и происхождение алтайцев / Л.П. Потапов. Л.: Наука, 1969.
- Православный благовестник. – 1907. – № 11
- Православный благовестник. – 1910. – № 4
- Прибытков Г.И. Алтайский художник Г.И. Гуркин и современники / Г.И. Прибытков. Бийск, 1991. 123 с.
- Прибытков Г.И. Чорос-Гуркин / Г.И. Прибытков. Горно-Алтайск: Горно-Алт. респ. типография, 2000. 188 с.
- Принтц А.А. Каменщики, ясачные крестьяне Бухтарминской волости Томской губернии и поездка в их селения и в Бухтарминский край в 1863 г. / А.А. Принтц // Записки РГО. – СПб., 1864.
- Прудникова Т.П. Крестьянский протест против сословной неравноправности в пореформенной западносибирской деревне (60–90 гг. XIX в.) / Т.П. Прудникова // Крестьянство Сибири XVIII – начала XX вв. (Классовая борьба, общественное сознание и культура) / под ред. Л.М. Горюшкина. Новосибирск, 1975. С. 154–171.
- Прыткова Н.Ф. Верхняя одежда / Н.Ф. Прыткова // Историко-этнографический атлас Сибири / под ред. М.Г. Левина, Л.П. Потапова. М.-Л.: Изд-во АН СССР, 1961. С. 227–327.
- Прыткова Н.Ф. Головные уборы / Н.Ф. Прыткова // Историко-этнографический атлас Сибири / под ред. М.Г. Левина, Л.П. Потапова. М.-Л.: Изд-во АН СССР, 1961. С. 329–367.
- Пустогачева Т.С. Развитие торговли в Горном и Предгорном Алтае во второй половине XIX – начале XX века / Т.С. Пустогачева. Томск, 2007. 184 с.
- Рабцевич В.В. Государственные учреждения дореволюционной Сибири. Последняя четверть XVIII – первая половина XIX века: Справочник / В.В. Рабцевич. Челябинск, 1998.

- Радлов В. Из Сибири. Страницы дневника / пер. К.Д. Цивиной и Б.Е. Чистовой; коммент., послесл., ред. С.И. Вайнштейна. М.: Наука, 1989.
- Радлов В. Поездка на Чую доктора Радлова в 1860 году / пер. Н. Кострова. Томск, [б.г.]
- Радлов В. Путешествие доктора Радлова на Чую в 1860 году / пер. Н. Кострова // Томские губернские ведомости. – 1879. – № 7.
- Радлов В. Путешествие доктора Радлова через Алтай к Телецкому озеру и к реке Абакан / пер. Н. Кострова. // Томские губернские ведомости. – 1880. – № 40 и др.
- Радлов В. Этнографический обзор тюркских племен Южной Сибири и Джунгарии / пер. Н. Кострова. Томск, 1887.
- Ремнев А.В. Самодержавие и Сибирь. Административная политика в первой половине XIX в. / А.В. Ремнев. Омск, 1995. 237 с.
- Ремнев А.В. Самодержавие и Сибирь. Административная политика второй половины XIX – начала XX веков: Монография / А.В. Ремнев. Омск: Изд-во Омского ун-та, 1997. 253 с.
- Розен М.Ф. Библиография Алтая: географические, геологические и прочие исследования досоветского периода / М.Ф. Розен. Барнаул, 1992. 165 с.
- Российская история: теории изучения и методы преподавания (дискуссии и обсуждения) // Отечественная история. – 2008. – № 3. – С. 155–182.
- Русско-джунгарские отношения (конец XVII – 60-е гг. XVIII вв.): Документы и извлечения / сост. В.А. Моисеев, И.А. Ноздрина, Р.А. Кушнерик. Барнаул: Азбука, 2006.
- Русско-китайские отношения в XVIII в. Материалы и документы. Т. 1. 1700–1725 гг. М.: Наука, 1978.
- Сагалаев А.М. Алтай в зеркале мифа / А.М. Сагалаев. Новосибирск: Наука, 1992. 170 с.
- Сагалаев А.М. Мифология и верования алтайцев. Центрально-азиатские влияния. / А.М. Сагалаев. Новосибирск: Наука, 1984. 120 с.
- Сагалаев А.М. Потанин: опыт осмысления личности / А.М. Сагалаев, В.М. Крюков. Новосибирск: Наука, 1991. 231 с.
- Сагалаев А.М. Традиционное мировоззрение тюрков Южной Сибири: Знак и ритуал / А.М. Сагалаев, И.В. Октябрьская. Новосибирск: Наука, 1990.
- Садовой А.Н. К проблеме определения правового статуса автохтонного населения Южной Сибири (XVIII–XX вв.) / А.Н. Садовой // История освоения юга Сибири: экономика, политика, культура: Матер. межрегион. конф. / ред.-сост. А.Э. Городецкий, Н.Ф. Иванцова. Бийск, 1999. С. 72–77.
- Садовой А.Н. Территориальная община Горного Алтая и Шории (конец XIX–начало XX вв.) / А.Н. Садовой. Кемерово: Кузбассвуиздат, 1992. 198 с.

Самаев Г.П. «Ўзүк бичик» у алтайцев / Г.П. Самаев // Язык и культура алтайцев: Сборник научных статей / отв. ред. А.Т. Тыбыкова. Горно-Алтайск, 1993. С.92–101.

Самаев Г.П. Горный Алтай в XVII – середине XIX в.: Проблемы политической истории и присоединения к России / Г.П. Самаев. Горно-Алтайск, 1991. 256 с.

Самаев Г.П. Значение присоединения Горного Алтая к России / Г.П. Самаев. // Алтай – Россия: через века в будущее. Материалы Всерос. научно-практ. конф. / Редколл.: Ю.В. Антарадонов, Ю.В. Табакаев, Н.М. Екеева [и др.]. Горно-Алтайск: РИО ГАГУ, 2006. Т. I. С. 9–11.

Самаев Г.П. Культура Горного Алтая в конце XIX – начало XX веков // Екеев Н.В., Самаев Г.П. История и культура Алтая (XIX – начало XX вв.). Учебное пособие. Горно-Алтайск, 1994. С. 57–94.

Самаев Г.П. Присоединение Алтая к России (исторический обзор и документы) / Г.П. Самаев. Горно-Алтайск, 1996. 119 с.

Самоковасов Д.Я. Сборник обычного права сибирских инородцев / Д.Я. Самоковасов. Варшава, 1876

Санашкина В.Е. Алтайская кухня / В.Е. Санашкина. Горно-Алтайск, 1995. 48 с.

Сапожников В.В. По Алтаю / В.В. Сапожников. М., 1949. 127 с.

Сатлаев Ф.А. Горный Алтай в период феодализма в России (XVII–XIX вв.) / Ф.А. Сатлаев. Горно-Алтайск: Юч-Сумер – Белуха, 1995. 191 с.

Сатлаев Ф.А. Горный Алтай в составе России (Материалы по истории Горного Алтая в помощь учителю средней школы) / Ф.А. Сатлаев. Горно-Алтайск, 1991.

Сатлаев Ф.А. Земельная политика царизма в Горном Алтае в пореформенный период (1861–1913 гг.) / Ф.А. Сатлаев // Проблемы истории Горного Алтая. Горно-Алтайск: Горно-Алтайская тип., 1987. С. 73–110.

Сатлаев Ф.А. К вопросу о развитии плужного земледелия в Горном Алтае (XIX–начало XX в.) / Ф.А. Сатлаев // Ученые записки ГАНИИИ-ЯЛ. – 1974. – Вып. 11. – С. 78–84.

Сатлаев Ф.А. Кумандинцы (Историко-этнографический очерк XIX – первой четверти XX века) / Ф.А. Сатлаев. Горно-Алтайск, 1974. 199 с.

Сатлаев Ф.А. Этнодемографическая характеристика населения Горного Алтая (XIX – первой четверти XX в.) / Ф.А. Сатлаев // Материалы по истории и этнографии Горного Алтая. Горно-Алтайск, 1993. С. 129–150.

Сведения об Алтайской Духовной миссии за шесть лет (с августа 1856 по август 1862 года) начальника миссии протоиерея Стефана Ландышева. М.: Тип. В. Готье, 1863. 34 с.

Свод учреждений и уставов управления духовных дел иностранных исповеданий христианских и иноверных. Ст. 4 // Свод законов Российской империи. СПб., 1896.

Святогорье. История Республики Алтай в документах Центра хранения архивного фонда Алтайского края XVII–начало XX веков. Горно-Алтайск, 2000. 232 с.

Сельское хозяйство Сибирского края. Новосибирск, 1926. Вып. 1.

Семенов А. Религиозный перелом на Алтае / А. Семенов. // Сибирский архив. 1913. – № 9–11. – С. 388–397.

Сергеев А.Д. Г.И. Спасский и А.М. Горохов – этнографы алтайцев / А.Д. Сергеев // Известия Алтайского отдела Географического общества СССР. – Барнаул, 1969. – Вып. 9. – С. 108–121.

Сергеев А.С. Оборонительные сооружения Колывано-Кузнецкой линии (XVIII в.) / А.С. Сергеев // Памятники истории и культуры Сибири. Новосибирск, 1978.

Сергеев А.С. Тайны алтайских крепостей / А.С. Сергеев. Барнаул, 1975. Сибирская жизнь. – 1906. – 22 июня

Сибирские переселения. Документы и материалы / сост. М.В. Шиловский, А.К. Кириллов, Г.А. Ноздрин, Н.Н. Родигина, Л.Б. Ус. Новосибирск: НГУ, 2003. Вып. 1. 198 с.

Скляр Л.Ф. Переселение и землеустройство в Сибири в годы столыпинской аграрной реформы / Л.Ф. Скляр. Л.: Изд-во ЛГУ, 1962. 588 с.

Славнин В.Д. Народы Северного Алтая: некоторые проблемы этногенеза и этнической истории / В.Д. Славнин, Л.И. Шерстова // Культура и традиции коренных народов Северного Алтая. СПб: ИД СПб. гос. ун-та, 2008. С. 5–124.

Словарь алтайского и аладагского наречий тюркского языка / сост. В. Вербицкий. Казань, 1884.

Словцов П.А. Историческое обозрение Сибири / П.А. Словцов. СПб., 1886. Т. 1.

Снитко Л.И. Первые художники Алтая / Л.И. Снитко. Л.: Художник РСФСР, 1983. 156 с.

Соболев М.Н. Русский Алтай (Из путешествия на Алтай в 1895 г.) / М.Н. Соболев // Землеведение. – 1897. – Кн. 3–4. – С. 51–110.

Соколова З.П. Жилище народов Сибири (опыт типологии) / З.П. Соколова. М.: ИПА «Три Л», 1998. 288 с.

Спасский Г. Путешествие к алтайским калмыкам / Г. Спасский // Слово об Алтае / сост. Б.Я. Бедюров. Горно-Алтайск: Юч-Сюмер–Белуха, 2004. Кн. 3. Ч. 1. С. 7–24.

Спасский Г. Путешествие к алтайским калмыкам / Г. Спасский // Сибирский вестник. – СПб., 1823. – Т. 3–4.

Сперанский Б.Ф. Нерудные ископаемый Ойротии / Б.Ф. Сперанский // Ойротия. Труды сессии СОПС по изучению производительных сил Ойротской автономной области. М.; Л.: Изд-во АН, 1937. С. 123–140.

Список населенных мест Российской империи. Т. LXI. Томская губер-

ния. Список населенных мест по сведениям 1859 года / обработан В. Зверинским. СПб., 1868.

Струков М.И. Краткий очерк Алтайского округа ведомства Кабинета Е.И.В. / М.И. Струков. СПб., 1896. 78 с.

Суразаков С.С. Алтай фольклор / С.С. Суразаков. Горно-Алтайск, 1975. 232 с.

Сущинский А.П. Экономический быт и правовые отношения старожилов и новоселов на Алтае (исследование на месте) / А.П. Сущинский. СПб., 1890.

Табаев Д.И. Из истории строительства Чуйского тракта / Д.И. Табаев // Ученые записки ГАНИИИЯЛ. – Барнаул, 1969. – Вып. 8. – С. 12–22.

Табаев Д.И. К вопросу о переходе алтайцев к оседлости в дореволюционный период / Д.И. Табаев // Вопросы истории Горного Алтая. Горно-Алтайск, 1980. Вып. 1. С. 56–73.

Табаев Д.И. Об источниках изучения обычного права алтайцев / Д.И. Табаев // Ученые записки ГАНИИИЯЛ. 1974. – Вып. 11. – С. 102–112.

Табаев Д.И. Чуйский тракт / Д.И. Табаев. Горно-Алтайск, 1975. 78 с.

Тадина Н.А. Алтайская свадебная обрядность (XIX–XX вв.) / Н.А. Тадина. Горно-Алтайск: Юч-Сюмер – Белуха, 1995. 207 с.

Тадина Н.А. Алтайская символика в этнографических рисунках Г.И. Гуркина / Н.А. Тадина // Материалы по истории и культуре Республики Алтай. Горно-Алтайск, 1994. С. 30–32.

Тадыев П.Е. Поворотный пункт в истории Горного Алтая / П.Е. Тадыев // Великая дружба. Горно-Алтайск, 1957. С. 5–43.

Тадыев П.Е. Этнический состав дореволюционных алтайцев и особенности их административного устройства / П.Е. Тадыев // Ученые записки ГАНИИИЯЛ. – Горно-Алтайск, 1964. – Вып. 6. – С. 3–16.

Тадышева Н.О. Проблемы христианизации алтайского народа (по материалам из фондов Национального музея Республики Алтай им. А.В. Анохина) / Н.О. Тадышева // Алтай – Россия: через века в будущее. Материалы Всерос. научно-практ. конф., посвящ. 250-летию вхождения алтайского народа в состав Российского государства. Горно-Алтайск, 2006. Т. 1. С. 125–127.

Тенишев Э.Р. Теоретические основы «Грамматики алтайского языка» / Э.Р. Тенишев // Язык и культура алтайцев: Сб. науч. ст. / отв. ред. А.Т. Тыбыкова. Горно-Алтайск, 1993. С. 3–13.

Тихонов С.Н. Традиционные жилища алтайцев / С.Н. Тихонов // Этнография народов Сибири. Новосибирск: Наука, 1984. С. 55–64.

Токарев С.А. Докапиталистические пережитки в Ойротии / С.А. Токарев. Л., 1936. 154 с.

Томские епархиальные ведомости. – 1903. – № 10.

Томские епархиальные ведомости. – 1906. – № 9, 23.

- Томские епархиальные ведомости. – 1908. – № 21.
- Томские епархиальные ведомости. – 1909. – № 15.
- Топчий А.Т. Крестьянские реформы в Сибири (1861–1899 гг.) / А.Т. Топчий. Томск: Изд-во Томского ун-та, 1979. 277 с.
- Торушев Э.Г. Вариативность орудий земледелия алтайцев (конец XIX – 30-е годы XX в.) / Э.Г. Торушев // Билим. Науч. журнал / Ин-т алтаистики им. С.С. Суразакова; отв. ред. А.Н. Майзина. – Горно-Алтайск, 2008. – № 4. – С. 189–200.
- Торушев Э.Г. Земледелие в религиозных ритуалах, обрядах и устном народном творчестве алтайцев / Э.Г. Торушев // Изучение историко-культурного наследия народов Южной Сибири / под ред. В.И. Соенова, В.П. Ойношева. – Горно-Алтайск, 2007. – Вып. 5. – С. 154–168.
- Торушев Э.Г. Исследование традиционной нематериальной культуры алтайцев / Э.Г. Торушев // Билим. Науч. журнал / НИИ алтаистики им. С.С. Суразакова. – Горно-Алтайск, 2009. – № 5. – С. 122–126.
- Торушев Э.Г. Истоки земледелия на Алтае / Э.Г. Торушев // Г.Н. Потанин и народы Алтае-Саянского горного региона: через поколение в будущее / редколл.: Ю.В. Антарадонов [и др.]. – Горно-Алтайск, 2005. – С. 195–200.
- Торушев Э.Г. Обмолот и хранение урожая у алтайцев в конце XIX – первой трети XX вв. / Э.Г. Торушев // Билим. Научный журнал / Институт алтаистики им. С.С. Суразакова. – Горно-Алтайск, 2007. – № 3. – С. 41–44.
- Торушев Э.Г. Роль народных развлечений и устного творчества в воспитании молодежи алтайцев / Э.Г. Торушев // Полевые исследования в Горном Алтае на современном этапе (археология, этнография). Сб. науч. тр. – Горно-Алтайск: РИО ГАГУ, 2009. – С. 56–63.
- Торушев Э.Г. Хозяйственный цикл земледельческих работ алтайцев (конец XIX – начало XX вв.) / Э.Г. Торушев // Урал-Алтай: через века в будущее: Матер. всерос. науч. конф. / ред. И.Г. Илишев [и др.]. Уфа, 2005. С. 219–222.
- Тошакова Е.М. Алтайская женщина в дореволюционном прошлом / Е.М. Тошакова // Ученые записки ГАНИИИЯЛ. – 1958. – Вып. 2. – С. 108–150.
- Тошакова Е.М. Традиционные черты народной культуры алтайцев (XIX – начало XX в.) / Е.М. Тошакова. Новосибирск: Наука, 1978. 158 с.
- Традиционное мировоззрение тюрков Южной Сибири. Пространство и время. Вещный мир / Л.Э. Львова, И.В. Октябрьская, А.М. Сагалаев, М.С. Усманова. Новосибирск: Наука, 1988. 225 с.
- Третьяков В.Н. Русско-монгольская торговля по Чуйскому тракту (1861–1914 гг.) / В.Н. Третьяков // Вопросы истории Горного Алтая / ред.

С.Я. Пахаев. Горно-Алтайск: Горно-Алтайская тип., 1979. Вып 1. С. 40–55.

Труды Геологической части Кабинета Е.И.В. СПб., 1894–1915.

Тыбыкова А.Т. Происхождение алтайской письменности и современный этнокультурный процесс / А.Т. Тыбыкова // Язык и культура алтайцев: Сб. науч. ст. / отв. ред. А.Т. Тыбыкова. Горно-Алтайск, 1993. С. 14–23.

Тюркские народы Сибири / отв. ред. Д.А. Функ, Н.А. Томилов; Ин-т этнологии и археологии им. Н.Н. Миклухо-Маклая РАН; Омский филиал Ин-та археологии и этнографии СО РАН. М.: Наука, 2006. 678 с.

Тюхтенева С.П. Алтайский календарь / С.П. Тюхтенева // Эпшилер. Женский журнал. – Горно-Алтайск, 2008. – № 8. – С.12–19.

Тюхтенева С.П. История изучения обычного права алтайцев / С.П. Тюхтенева // Homo Juridicus: матер. конф. по юридической антропологии / отв. ред. Н.И. Новикова, А.Г. Осипов. М., 1997. С. 236–238.

Тюхтенева С.П. Календарь / С.П. Тюхтенева // Тюркские народы Сибири. М.: Наука, 2006. С. 452–454.

Тюхтенева С.П. Календарь 12-летнего цикла у алтайцев / С.П. Тюхтенева // Проблемы изучения древней и средневековой истории Горного Алтая. Горно-Алтайск, 1990. С. 243–256.

Тюхтенева С.П. Новогодний праздник у алтайцев / С.П. Тюхтенева // Календарно-праздничная культура народов Зарубежной Азии: традиции и инновации / отв. ред. Р.Ш. Джарылгасинова. М., 1997. С. 207–209.

Тюхтенева С.П. Основные хронологические вехи национально-культурного возрождения у алтайцев / С.П. Тюхтенева // Урал-Алтай: через века в будущее. Матер. науч. конф. – Горно-Алтайск, 2005. – С.104–107.

Тюхтенева С.П. Социальная организация и семейная обрядность / С.П. Тюхтенева // Тюркские народы Сибири / под ред. Д.А. Функа, Н.А. Томилова. М.: Наука. 2006. С. 413–429.

Тюхтенева С.П. Среда обитания, хозяйственная деятельность и основные характеристики материальной культуры алтайцев / С.П. Тюхтенева // Тюркские народы Сибири / под ред. Д.А. Функа, Н.А. Томилова. М.: Наука. 2006. С. 392–413.

Тюхтенева С.П. Шаманизм / С.П. Тюхтенева // Тюркские народы Сибири. М.: Наука, 2006. С. 431–436.

Укачина К.Е. Алтай калыгыстынг айлаткыш жангдары [Календарно-обрядовая поэзия алтайского народа] / К.Е. Укачина. Горно-Алтайск, 2004. 199 с.

Укачина К.Е. Алтайские народные загадки / К.Е. Укачина. Горно-Алтайск, 1981. 176 с.

Учреждение Сибирское. Издание 1892 года // Свод законов Российской империи. Кн.1. Т.2. Свод губернских учреждений. Столб. 483–524. М., 1910.

Функ Д.А. Бачатские телеуты в XVIII – первой четверти XX века: историко-этнографическое исследование / Д.А. Функ. М.: Наука, 1993. 325 с. («Народы и культуры». Вып. XVII. Кн. 2).

Функ Д.А. Основные черты духовной культуры [челканцев] / Д.А. Функ, О.Э. Добжанская // Тюркские народы Сибири / под ред. Д.А. Функа, Н.А. Томилова. М.: Наука. 2006. С. 485–489.

Харлампович К.В. Н.И. Ильминский и алтайская миссия / К.В. Харлампович. Казань, 1905. 77 с.

Художественная жизнь Сибири начала XX века: К 90-летию Томского общества любителей художеств: Матер. регион. научно-практ. конф. Томск, 2000. 214 с.

Худяков А.А. История Алтайского края / А.А. Худяков. Барнаул, 1975.

Чевалков М.В. Ёлгерлер ле баснялар [Стихи и басни] / М.В. Чевалков. Горно-Алтайск: Горно-Алт. кн. изд-во, 1958. 63 с.

Чевалков М.В. Памятное завещание / М.В. Чевалков. Горно-Алтайск, 2007. 131 с.

Чихачев П. Путешествие в Восточный Алтай / пер. В.В. Цыбульского. М.: Наука, 1974.

Tchihacheff P. Voyage scientifique dans l'Altai oriental... Paris, 1845

Чочкина М.П. Алтайский детский фольклор / М.П. Чочкина. Горно-Алтайск, 2003. 156 с.

Чудновский С.Л. Переселенческое дело на Алтае / С.Л. Чудновский / Записки Восточно-Сибирского отдела ИРГО. – Иркутск, 1889. – Т. 1. – Вып. 1. – С. 1–154.

Шаманские мистерии Горного Алтая / сост. Н.А. Баскаков, Н.А. Дьайым. Горно-Алтайск, 1997. 121 с.

Шатинова Н.И. Мир «неведомых» по традиционным представлениям алтайцев / Н.И. Шатинова // Вопросы археологии и этнографии Горного Алтая. Горно-Алтайск, 1983. С. 149–161.

Шатинова Н.И. Семья у алтайцев / Н.И. Шатинова. Горно-Алтайск: Горно-Алт. отд. Алт. кн. изд-ва, 1981. 183 с.

Шатинова Н.И. Традиционные обряды алтайцев, связанные с рождением ребенка / Н.И. Шатинова // Вопросы истории Горного Алтая. Горно-Алтайск, 1979. Вып.1.

Шашков С.С. Рабство в Сибири // Шашков С.С. Собр. соч. СПб., 1898. Т. 2. С. 523–538

Швецов Горный Алтай и его население. Т. 1. Вып. 1. Кочевники Бийского уезда / сост. С.П. Швецов. Барнаул, 1900. 360 с.

Швецов С.П. Горный Алтай и его население. Т. 2. Экономические таблицы / сост. С.П. Швецов, П.М. Юхнев. Барнаул, 1901.

Швецов С.П. Горный Алтай и его население. Т. 3. Вып. 1. Переселен-

ческие поселки, образованные в 1878 г. / сост. С.П. Швецов. Барнаул, 1900. 97 с. + 31 с.

Швецов С.П. Горный Алтай и его население. Том 3. Вып. 2. Оседлые инородцы Бийского уезда / С.П. Швецов. Барнаул, 1902. 73 с.

Швецов С.П. Из религиозной жизни алтайских инородцев / С.П. Швецов // Сибирские вопросы, 1906. – № 2. – С. 126–156.

Швецов С.П. Обычно-правовые воззрения алтайцев (калмык) и киргиз: Брачные и семейные отношения / С.П. Швецов // Записки Западно-Сибирского отдела ИРГО. – Омск, 1898. – Кн. 25. – 12 с.

Швецов С.П. Чуйский торговый путь в Монголию и его значение для Горного Алтая / С.П. Швецов. Барнаул, 1898. 76 с.

Швецова М. Алтайские калмыки / М. Швецова // Записки Западно-Сибирского отдела ИРГО. – Омск. 1898. – Кн. 23. – С. 1–33.

Шейкин Ю.И. История музыкальной культуры народов Сибири: Сравнительно-историческое исследование / Ю.И. Шейкин. М.: Наука, 2002. 718 с.

Шелегина О.Н. Традиции в организации комплекса хозяйственных построек у русских крестьян Западной Сибири в XVII – первой половине XIX в. / О.Н. Шелегина // Русские Сибири: культура, обычаи, обряды / Институт археологии и этнографии СО РАН. Новосибирск: Наука, 1998. С. 129–142.

Шерр Н.Б. Из поездки к кумандинцам в 1898 г. / Н.Б. Шерр // Алтайский сборник. – Барнаул, 1903. – Вып. 5. – С. 81–114.

Шерстова Л.И. Бурханизм / Л.И. Шерстова // Тюркские народы Сибири. М.: Наука, 2006. С. 436–442.

Шерстова Л.И. Бурханизм в Горном Алтае / Л.И. Шерстова // Движение Ак Жанг (белая вера) – бурханизм на Алтае: взгляд через столетие. Материалы науч. конф., посвящ. 100-летию событий в долине Теренг. Горно-Алтайск, 2004. С. 25–49.

Шерстова Л.И. К вопросу об оценке бурханизма в отечественной этнографии / Л.И. Шерстова // Этническая история тюркоязычных народов Сибири и сопредельных территорий. Омск, 1984.

Шерстова Л.И. О патернализме аборигенной политики Российского государства в Сибири (XVII – начало XX вв.) / Л.И. Шерстова // Вопросы истории. Сб. ст. Бийск: НИЦ БГПИ, 1999. Вып. 2. С. 142–144.

Шерстова Л.И. О религиозном синкретизме алтайцев в конце XIX – начале XX в. / Л.И. Шерстова // Мировоззрение народов Западной Сибири по археологическим и этнографическим данным. Томск, 1985. С. 163–165.

Шерстова Л.И. Тюрки и русские в Южной Сибири: этнополитические процессы и этнокультурная динамика XVII – начала XX века / Л.И. Шерстова. Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2005. 312 с.

Шерстова, Л.И. Тайна долины Теренг / Л.И. Шерстова. Горно-Алтайск: «Ак Чечек», 1997. 192 с.

Шинжина А.И. Основы алтайского танца. Күрее-Янгар / А.И. Шинжина. Горно-Алтайск, 2004. 164 с.

Ширц Э.К. Описание некоторых характерных черт местностей по системам речек Пыжи и Копши в Бийском уезде Томской губернии, выясненных при поисках в 1904 г. золота в названных системах / Э.К. Ширц // Горные и золотопромышленные известия. – 1905. – № 3. – С. 29–40.

Шитова Н. И. Традиционная одежда уймонских старообрядцев / Н.И. Шитова; науч. ред. Е.Ф. Фурсова. Горно-Алтайск: РИО ГАГУ, 2005. – 112 с.

Шишкин В.И. Государственное управление Сибирью в XVII – XIX веках: основные особенности организации и функционирования / В.И. Шишкин // Проблемы истории местного управления Сибири конца XVII – начала XX веков. Матер. III-й регион. науч. конф. Новосибирск, 1998. С. 3–10.

Шкунов М.А. Заселение Алтайского округа / М.А. Шкунов // Вопросы колонизации. – 1911. – № 9. – 101. – С. 91–127.

Шмурло Е. Русские поселения за Южным Алтайским хребтом на китайской границе / Е. Шмурло // Записки Западно-Сибирского отдела ИРГО. – 1889. – Т. 25.

Шмурло Е.Ф. Описание пути между Алтайской станицей и Кош-Агачем в Южном Алтае / Е. Шмурло // Записки Западно-Сибирского отдела ИРГО. – Омск, 1898. – Кн. XXIII. – С. 1–48.

Штейнфельд В. Справочник по городу Бийску и Бийскому уезду 1911 г. / сост. В. Штейнфельд. Бийск, 1911.

Щеглов И.В. Хронологический перечень важнейших данных из истории Сибири. 1832 – 1882 гг. / И.В. Щеглов. Сургут: АИИК «Северный дом», 1993. 463 с.

Щеглова Т.К. Ярмарки Западной Сибири и Степных областей во второй половине XIX века. Из истории российско-азиатской торговли / Т.К. Щеглова. Барнаул: Изд-во БГПУ, 2002. 236 с.

Эдоков А.В. Декоративно-прикладное искусство Горного Алтая: С древнейших времен до наших дней / А.В. Эдоков. Горно-Алтайск, 2001. 208 с.

Эдоков В.И. Возвращение мастера / В.И. Эдоков. Горно-Алтайск: «Чаптыган», 1994. 240 с.

Эдоков В.И. Г.И. Гуркин. Очерк о жизни и творчестве / В.И. Эдоков. Барнаул: Алт. кн. изд-во, 1967. 116 с.

Эдоков В.И. Очерки истории изобразительного искусства Горного Алтая / В.И. Эдоков. Горно-Алтайск: Горно-Алт. отд. Алт. кн. изд-ва, 1981. 95 с.

Энциклопедия образования в Западной Сибири. Барнаул: ОАО «Алт. полигр. комб.», 2003. Т. 1. 316 с.

Юхнев П.М. Горный Алтай и его население. Т. 1. Вып. 2. Неземледельческие занятия / сост. П.М. Юхнев. Барнаул, 1903. 173 с.

Юхнев П.М. К истории Алтайского края / П.М. Юхнев // Очерки по истории Алтая. Барнаул, 1925. С. 3–25.

Ядринцев Н.М. Алтай и его инородческое царство / Н.М. Ядринцев // Исторический вестник. – СПб., 1885. – Т. 20. – С. 607–644.

Ядринцев Н.М. Об алтайцах и черневых татарах / Н.М. Ядринцев // Известия ИРГО. – 1881. – Т. 17. – Вып. 4. С. 228–254.

Ядринцев Н.М. Отчет о поездке по поручению Западно-Сибирского отдела ИРГО в Горный Алтай, к Телецкому озеру и в вершины Катунь в 1880 году / Н.М. Ядринцев // Записки Западно-Сибирского отдела ИРГО. – Омск, 1882. – Кн. 4. – С. 1–46.

Ядринцев Н.М. Сибирские инородцы, их быт и современное положение / Н.М. Ядринцев. СПб., 1891. 308 с.

Ядринцев Н.М. Сибирь как колония в географическом, этнографическом и историческом отношении / Н.М. Ядринцев. СПб., 1892. 720 с.; 2-е изд. Новосибирск: Сибирский хронограф, 2003. 556 с.

Яковлев С.А. Геологическое описание северо-западной части 15-го листа десятиверстной карты Томской губернии (Улала) / С.А. Яковлев // Труды Геологической части Кабинета ЕИВ. – СПб., 1907. – Т. 8. – Вып. 1. – 179 с.

Ямаева Е.Е. Алтайская духовная культура: Миф. Эпос. Ритуал / Е.Е. Ямаева. Горно-Алтайск, 1998. 169 с.

Ямаева Е.Е. Алтайский героический эпос (Связи с мифологией, представлениями, социально-бытовыми институтами): Автореф. дис. ... канд. ист. наук / Е.Е. Ямаева. Л., 1986. 20 с.

Ямаева Е.Е. Астральная мифология и традиционный календарь алтайцев / Е.Е. Ямаева. Горно-Алтайск, 2004. 56 с.

Ямаева Е.Е. Родовые тамги алтайских тюрок. К проблеме расшифровки тамговых знаков: Миф. Символ / Е.Е. Ямаева. Горно-Алтайск, 2004. 60 с.

РОССИЯ

1756

1916

АЛТАЙ

